

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Учебное пособие
для вузов

Г.Е. Марков

Н Е М Е Ц К А Я Э Т Н О Л О Г И Я

Москва
Гаудеамус
2004

Москва
Академический Проект
2004

УДК 39
ББК 63.5
М27

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПРОГРАММА
ПОДДЕРЖКИ КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ

Серия: Человеческая культура. Школы культурной
(социальной) антропологии / Под ред. А.Л. Елфимова

РЕЦЕНЗЕНТ:

Никишенков А.А., кандидат исторических наук, доцент МГУ

Марков Г.Е.

М27 Немецкая этнология: Учебное пособие для вузов. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. — 576 с. — («*Gaudeamus*»).

ISBN 5-8291-0435-7 (Академический Проект)

ISBN 5-98426-021-2 (Гаудеамус)

Данная книга представляет собой всестороннее исследование взглядов немецких этнологов второй половины XIX—XX столетия. Дается подробнейший анализ трудов таких крупнейших ученых, как А. Бастиан, Ф. Ратцель, Л. Фробениус, Ф. Гребнер, В. Шмидт, Р. Турнвальд, В. Мюльман и др. Рассматриваются причины расцвета и кризиса немецкой этнологии в различные периоды.

Книга снабжена подробными примечаниями и именным указателем.

Книга предназначена для студентов вузов, преподавателей и всех, интересующихся этнологией.

УДК 39
ББК 63.5

ISBN 5-8291-0435-7
ISBN 5-98426-021-2

© Марков Г.Е., 2003
© Академический Проект, оригинал-макет, оформление, 2004
© Гаудеамус, 2004

■ ВВЕДЕНИЕ

Несколько лет тому назад вышли в свет две книги, посвященные истории немецкоязычной науки о народах. Впервые в отечественной и зарубежной историографии в них рассматривалась история этнологии и народоведения, от времени их возникновения и до первой половины XX в.¹

При том, что они заполняли существенный вакуум в историографических исследованиях, они страдали известной неполнотой, что было отмечено и рецензентом². Недоставало ряда источников. Вне поля зрения исследования осталась этнология (этнография) в Германской Демократической Республике. Отсутствовали данные по второй половине прошлого столетия.

В течение нескольких лет, последовавших за публикацией этих двух книг, автор имел возможность дальнейшей работы над историей немецкой этнологии в библиотеках зарубежных университетов и институтов Западного и Восточного Берлина, Лейпцига, Мюнхена и других крупных научных центров. За что он выражает благодарность их руководству и сотрудникам.

В результате проделанной работы автору удалось заполнить многие лакуны. Значительно расширена источниковедческая база по объему и времени вплоть до конца XX века. Более подробно рассматриваются научные позиции отдельных авторов и целых направлений. Дотошный читатель может заметить, что автору не удалось проработать все, без исключения, немецкоязычные периодические и монографические публика-

ции, посвященные теоретическим аспектам немецкоязычной этнологии. Число этих работ весьма значительно, и отдельные работы остались недоступными автору. Не рассматривались также описательные статьи и книги, в которых излагался в основном фактический этнографический материал, и не затрагивались теоретические проблемы. Число публикаций, посвященных эмпирическим описаниям разных народов мира, исключительно велико, и их исследование требует большой и самостоятельной источниковедческой работы, которая до настоящего времени ни в России, ни за рубежом, еще никем не проводилась.

Из сказанного выше вытекает, что предлагаемая читателю книга не может рассматриваться как второе издание первой публикации. Легко обнаружить существенные различия в построении работы, ее архитектонике, составу материала, не говоря уже об ее объеме и хронологическом охвате.

За прошедшие годы несколько изменился взгляд автора на некоторые явления в истории немецкоязычной этнологии. Несколько иначе рассматриваются отдельные стороны тех или иных теоретических учений и направлений.

Настоящее издание снабжено совершенно необходимым для историографических работ указателем имен, а также приложениями в виде списков этнологических учебных и научных исследовательских центров в странах немецкого языка, а также списком этнологических журналов.

■ ПРЕДИСЛОВИЕ

В отечественной науке о народах традиционно принято представление об «этнологии» и «этнографии» как о единой дисциплине. Иначе было в немецкоязычных странах. Там она изначально подразделялась на три самостоятельные ветви: *этнологию, народоведение и этнографию*.

С тем, чтобы избежать возможных недоразумений, следует сразу определить, что понимается под «немецкой этнологией». Соответственно с давней, сохраняющейся и в наше время в немецкоязычных странах традицией, региональное определение этнологии основывается главным образом на языковом принципе. Поэтому в равной мере, *немецкой этнологией* эта наука называется в Германии, Австрии и немецкоязычной Швейцарии. Важно отметить, что эта традиция зиждется не только на языковой основе и не имеет шовинистической окраски. Дело в том, что все три ветви немецкоязычной науки о народах представляют, как в историческом плане, так и сегодня, известное единство. Оно вызвано общей историей возникновения этой науки в странах немецкого языка, распространением там многих сходных учений, в какой-то мере общих теоретических и методических установок. Безотносительно к национальной принадлежности, многие исследователи работали в университетах и музеях то одной, то другой страны. Соответственно обстояло дело с публикациями, которые могли выходить в свет в любой из трех стран на немецком языке. Поэтому известная близость национальных ветвей науки о народах позволяет называть их немецкими.

Как было принято считать до недавнего времени, в задачи первой этнологии входило изучение в сравнительном плане проблем, связанных с историей материальной и духовной культуры и социальной жизни у *естественных* (natürlichen) заморских, стоявших на первобытном уровне развития народов. А также исследование теоретических проблем жизнедеятельности первобытных обществ. В настоящее время в область исследования этнологии включают также социальные, этнические и социологические процессы у всех, в том числе развитых народов мира.

Помимо термина «этнология», в немецкой науке о народах существует также термин *Völkerkunde*. В ходе длительных дискуссий, в конечном счете, возобладало мнение об эквивалентности этих терминов. Однако если учебные институты именуются в разных университетах то одним, то другим термином (хотя преобладает этнология), то все этнографические музеи называются, как правило, *Völkerkunde Museum*.

Немецкое народоведение, которое в настоящей книге не рассматривается, в начале своей истории занималось изучением крестьянской культуры и быта немецкоязычных стран и областей. В дальнейшем возникло направление «*европейское*» *народоведение*, изучающее культуру и быт обществ и их социальных слоев всех европейских стран³.

Наконец, *этнография* рассматривалась в немецкоязычных, а также и других европейских странах и США, как вспомогательная отрасль этнологии и народоведения. Ее предмет — сбор и публикация эмпирического фактического материала, полученного в ходе полевых этнографических исследований.

Настоящая книга посвящена изучению теоретических учений и взглядов в немецкой этнологии, имевших в ходе истории распространение в Германии, Австрии и немецкоязычной Швейцарии. В ходе более чем полуторавековой истории немецкой этнологии складывались различные теоретические подходы, школы и направления. Они действовали в значительной мере независимо друг от друга, и зачастую были обоюдно враждебны. Вся наука о народах была ознаменована

острой идеологической борьбой, не утихающей и сегодня.

Читатель заметит, что две первые и последующие главы книги различаются по объему. Это не случайность и не отсутствие внимания к ранним этапам истории немецкой этнологии. Дело в том, что этому периоду в науке посвящена немалая, не только немецкоязычная, но и русскоязычная литература⁴. Поэтому повторять во всех подробностях уже сказанное, нет смысла. Достаточно сослаться на соответствующие публикации. Поэтому события времени возникновения немецкой этнологии и ее расцвета освещаются в той мере, в какой следует ввести читателя в курс событий, а также, по возможности, внести некоторые дополнения или исправления к существующим в литературе взглядам.

Возникновение немецкоязычной этнологии в середине XIX века и ее признание в качестве самостоятельной дисциплины было связано со многими политическими, практическими и чисто научными задачами того времени. Этнология оказалась востребованной по мере расширения колониальной деятельности стран метрополий. Только этнология могла дать сведения о жителях колоний, их быте, нравах и обычаях, и тем объективно способствовать выработке форм колониального управления. По мере расширения этнологических исследований возникла необходимость определить место этнологии в системе наук, декларировать ее цели и объекты изучения, методологию и методику исследования. Стояла также задача дать теоретическую интерпретацию накопленным многочисленным фактическим данным.

При всех существующих в науке до настоящего времени достижениях в сборе и публикации фактического материала о культуре и быте разных народов, его теоретической интерпретации, один из важных аспектов этнологии — ее история, пути развития теоретических взглядов и учений, остаются поныне мало исследованными. В отдельных книгах и статьях рассматривается преимущественно история немецкоязычной этнологии от времени ее возникновения и становления до начала Первой мировой войны. Отсутствуют, за отмеченным во «Введении» исключением, фундаментальные исследова-

ния отечественных и зарубежных исследователей по истории немецкой этнологии в 20-е гг., эпоху нацизма, и в послевоенное время, вплоть до конца века.

Между тем, изучение науки о народах, в том числе и немецкоязычной, имеет существенное, не только научно-теоретическое, чисто познавательное, но и более широкое актуальное политическое и практическое значение. Наука о народах никогда не была абстрактной, погруженной только в прошлое, оторванной от реальности дисциплиной. На деле она всегда живо отражала движение общественной мысли и была ее активной участницей. Как в прошлом, так и в наше время, этнология чутко реагирует на возникающие философские воззрения и политическую ситуацию. Так, в прошлом этнология была тесно связана с изучением колониальных проблем. В наше время она находится в самой гуще этнических процессов и межэтнических отношений и конфликтов. При этом этнология не просто отражает и изучает действительность, она активно участвует в осмыслении событий и формировании общественного мнения, а также и воздействует на политику государств.

Трудная и не всегда разрешимая проблема при разработке немецкоязычной историографии состоит в терминологии. Немецкие термины и понятия во многом существенно отличаются от русских. Отсутствуют эквиваленты многих терминов и понятий. А дословный перевод не всегда верно передает их содержание и дух. К тому же в преднацистское и нацистское время немецкая этносоциальная, политическая и расовая терминология была чрезвычайно специфична, во многом символична. В обычные слова и термины вкладывался особый смысл, непонятный, кстати, и представителям современного среднего, а тем более, младшего поколения. Многие ученые, склонные к социологизации этнологии, такие, скажем, как Рихард Турнвальд или Вильгельм Мюльман, вводили новые, собственные термины, отсутствовавшие даже в самых полных специальных словарях. Вследствие этого предлагаемый в настоящей книге их перевод субъективен, и не претендует на безоговорочную верность. Если будет предложено что-то лучшее, автор с благодарностью это примет.

Вынужденно, с разной степенью подробности, рассматривается в книге история этнологии в Германии, Австрии и немецкоязычной Швейцарии. Это объясняется тем, что ранний период истории немецкоязычной этнологии первой половины XIX и начала XX в., ознаменовался в этих странах значительным интересом ученых к теоретическим проблемам науки. Однако, со временем, число публикаций швейцарских ученых, посвященных теоретическим проблемам этнологии, сократилось до минимума. И основное внимание стало уделяться народоведению. В значительной мере это объяснялось тем, что вторая половина XIX в. была ознаменована для этнологии Германии и Австрии крупными исследованиями внеевропейских народов. Значительно в меньшей мере это происходило в Швейцарии.

То же самое можно сказать и о главе, посвященной этнологии (этнографии) в Германской Демократической Республике. Ее этнологи практически не проводили исследований в области теории, и преобладали, если не считать проблем истории первобытного общества, публикации на основе музейных материалов, и на базе данных, полученных в относительно редких зарубежных экспедициях ученых ГДР. Особо стоит вопрос об истории первобытного общества. По традиции, проблемы, связанные с его исторической проблематикой, не входят в то, что понимается под этнологией, а составляют отдельную дисциплину в виде *Vorgeschichte*. Посвященные ей публикации довольно многочисленны, и, как предполагает автор, будут предметом другой его работы.

Читателю книги бросится в глаза то обстоятельство, что научная деятельность ряда крупных ученых, школ и целых направлений будет рассматриваться не как единое целое, а в разных частях книги по отдельным периодам. Это вызвано тем, что во многих случаях их методологические и методические установки в разных исторических эпохах и периодах существенно различались. Что, к примеру, совершенно очевидно при сопоставлении работ тех или иных авторов, изданных в начале века, до и после 1933 г. и после завершения Второй мировой войны.

С большими сложностями столкнулся автор при периодизации немецкоязычной этнологии, классификации этнологических учений по направлениям и школам. Последние складывались обычно из учеников и последователей основоположников тех или иных учений. Однако только в редчайших случаях ученики последовательно шли за своими учителями. Чаще всего, сохраняя формальную принадлежность к школе, они работали в совершенно ином направлении. Кроме того, многие ученые сами изменяли за годы и десятилетия своей деятельности свои взгляды на многие теоретические проблемы, что также затрудняет их четкое отнесение к тем или иным теоретическим направлениям.

При разработке классификаций теоретических направлений в этнологии автору приходилось сталкиваться в разных случаях с устоявшимися в отечественной и зарубежной науке взглядами, например, относительно эволюционизма, концепций культурных кругов и некоторых других. Между тем, в ряде случаев, устоявшаяся в литературе традиция классификаций представляется спорной. Так, к примеру, по отношению к крупному течению, называемому *диффузионизмом*. Не все рассматриваемые в немецкоязычной этнологии проблемы автору удалось в равной степени исследовать. Неизбежные пробелы в освещении отдельных периодов и событий вызваны тем, что в тех научных учреждениях и библиотеках, где довелось работать, удалось найти не все необходимые источники и документы.

Многие трудности, стоящие на пути историографического исследования, делают его весьма уязвимым для критики. Однако автор будет благодарен всем тем ученым, которые предложат позитивную критику и свои, обоснованные фактическим материалом, выводы.

ЧАСТЬ I
КАНУН И ПЕРВЫЕ ШАГИ НЕМЕЦКОЙ
ЭТНОЛОГИИ

События, связанные с начальными этапами возникновения науки о народах в странах немецкого языка в XVIII и первой половине XIX в., и последовавший вслед за этим во второй половине XIX в. бурный расцвет этнологии, народоведения и этнографии, имели значительно большее отражение в историографической литературе, чем последующие события. Это позволяет несколько менее подробно, чем в дальнейших главах, рассматривать теоретические течения и направления этнологических исследований, ссылаясь на существующую литературу⁵.

Предыстория зарождения немецкой этнологии относится к XVIII в., эпохе, когда Средние века уступали место Новому времени, идеи Просвещения потрясли устои феодализма и религии, были открыты новые блестящие страницы истории науки и культуры. К числу наиболее развитых стран Западной Европы того времени относились, наряду с Францией и Англией, и некоторые германские государства, а также Швейцария, давшие миру много выдающихся деятелей науки и искусства. Для стран немецкого языка этот век ознаменовался деятельностью блестящего созвездия естествоиспытателей, философов, поэтов, писателей, музыкантов. Сложилась немецкая классическая школа философии *Лейбница, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля*. Возникли творения основоположников немецкой литературы Нового времени *Гете* и *Шиллера*. Были созданы гениальные произведения *Глюка, Генделя, Баха, Моцарта*. Были сделаны многие важные открытия в области

науки и техники. Происходило приобщение к образованию все более широких кругов населения, расширение сферы их интересов, что в немалой степени было связано с расцветом книгоиздательской деятельности. В свет выходили многие литературные произведения, научные и научно-популярные труды, периодические издания. Среди них большую популярность у читателей имели описания путешествий, отчеты о поездках в дальние страны, где обитали экзотические народы, не достигшие еще уровня цивилизации, сообщения об их культуре, быте, нравах. Постепенно описание и изучение внеевропейских народов стало превращаться в самостоятельную область знания, впервые получившую в 1782 г. на страницах гамбургского журнала «Путешественник» наименование *Völker - Kunde* (этнология)⁶. Сложные и дискуссионные проблемы связаны с историей возникновения теоретических основ этнологии в странах немецкого языка. В историографии распространена точка зрения о том, что в Европе и Северной Америке этнология сложилась как самостоятельная наука в середине XIX в. под влиянием эволюционного учения Ж.Б. Ламарка, Ч. Дарвина и других великих естествоиспытателей⁷. Однако в связи с этнологией в странах немецкого языка это предположение вызывает определенные сомнения. Еще задолго до распространения в Германии эволюционных идей Дарвина (1809 – 1882), ставших известными в Германии в связи с трудами Эрнста Геккеля (1834 – 1919) и других ученых, представителями немецкой классической философии XVIII — начала XIX в., были высказаны идеи об историческом, прогрессивном развитии общества и его культуры, наличии свойственных этому процессу закономерностей. Как можно полагать, именно эти идеи оказали определяющее воздействие на возникновение в немецкой этнологии теоретических основ в виде «теории развития» (эволюционизма). Еще Христиан Томазий (1655 – 1728), юрист и философ, представитель естественно-правового направления в Германии XVII – XVIII вв. писал в книге «Основы естественного права» (1705) о том, что все люди наделены от природы разумом и подчинены одинаковым физическим законам⁸.

В эпоху «бури и натиска», ознаменовавшей новый этап Просвещения в немецкоязычных странах, критик и философ *Иоганн Готфрид Гердер* (1744 – 1803) высказал в своем главном труде «Идеи философии человеческой мысли» положение о том, что человеческое общество находится в процессе постоянного изменения. И что законы исторического развития тождественны законам природы вследствие того, что человек — продукт природы. По мнению Гердера, история человечества может рассматриваться как естественная история человеческих действий и творений, подчиняющихся влиянию условий места и времени. При этом все стороны человеческой деятельности и творчества следуют закону историзма, и потому находятся в развитии. При этом развитие идет не по прямой, а движется по разным направлениям, иногда отклоняясь от восходящей линии. И, как он полагал, для исследования исторических и природных явлений должен быть использован один метод, так как природе и истории присуща единая закономерность. Гердер настойчиво выступал против расовой и национальной вражды⁹.

Философия Просвещения выдвинула понятие «прогресса», которое давало возможность рассматривать историю не как собрание случайных фактов, хаос, а как поступательное движение, закономерно ведущее человечество от стадии дикости и варварства к разумно организованной жизни.

Идеи развития и прогресса утверждал в своих работах глава «Геттингенской школы» *Август Людвиг Шлецер* (1735 – 1809). Идеи единства человечества в истории, его прогресса, провозгласил в книге «Философские рассуждения об истории человечества» швейцарский ученый *Исаак Изелин* (1728 – 1782). При этом он выступил против Ж.-Ж. Руссо, отрицавшего существование в истории прогресса¹⁰.

Проблемы историзма постоянно находились в сфере научных интересов основоположника немецкой классической философии *Иммануила Канта* (1724 – 1804). Ему принадлежит одна из попыток создания периодизации истории развития человечества, причем положенные в ее основу идеи, несомненно, тем или иным обра-

зом повлияли на развитие этнологической мысли. Как считал Кант, человечество прошло определенные стадии развития: начальный период, когда человек был полностью зависим от природы и его действия определялись только инстинктами (состояние райской невинности), и пору, когда человек начал покорять природу. Это означало наступление эпохи труда и неизбежных раздоров, неравенства людей. Но при этом улучшались условия жизни, общество шло по пути прогресса.

Каждая следующая ступень в истории человечества была по Канту победой культуры над природой. Господствующий в обществе антагонизм он объяснял психическими свойствами людей. В связи с этим надо подчеркнуть, что идея о примате или ведущей роли психики в развитии культурных явлений оказала значительное воздействие на этнологические концепции не только XIX, но и XX столетия.

Идеи развития не были чужды философу *И.Г. Фихте* (1762 – 1814). *Фридрих Шеллинг* (1775 – 1854), разработавший основы объективно-идеалистической натурфилософии, предпринял попытку перенести идею развития и всеобщей связи явлений на исторический процесс.

Идея развития, внутренним источником которого принималась борьба противоположностей, была положена *Г.В.Ф. Гегелем* (1770 – 1831) в основу его учения о диалектике. При этом он говорил о закономерной и прогрессивной смене этапов развития общества, полагая при этом, что конечный результат истории не зависит от воли отдельных людей, а выражает саморазвитие мирового духа. И эти положения о независимости культурного развития от материальных факторов оказали влияние на сложение установок, основанных на гипертрофированном психологизме, свойственных взглядам многих позднейших немецких этнологов, как, впрочем, и других стран.

Идеи деятелей эпохи Просвещения о развитии общества и культуры, наличии универсальных общеисторических закономерностей оказали немалое влияние на сложение в немецкой этнологии основ эволюционной «теории развития».

В течение XVIII в. был накоплен значительный этнографический материал, положенный позднее в основу исследований в области «теории развития»¹¹.

Первая половина XIX в. непосредственно предшествовала эпохе, когда этнология была провозглашена и признана как самостоятельная наука. Примечательным для этого времени было то, что в XVIII в. описания внеевропейских народов были главным образом развлекательно-познавательным чтением для широкой публики. Но уже в первые десятилетия XIX в., наряду с чисто описательными публикациями, стали появляться работы, в которых ставились и некоторые теоретические проблемы этнологии и истории первобытного общества. Интересны в этом отношении капитальное исследование Д. Ениша,¹² а также работа австрийского ученого М.А. Готша, посвященная проблемам всеобщей культуры человечества и некоторым теоретическим вопросам¹³.

Этнологическими, написанными с позиций историзма, были труды Ф.А. Каруса «Мысли к истории человечества»¹⁴, Густава Клемма «Всеобщая история человечества»¹⁵. Можно назвать и многие другие публикации такого рода, вышедшие в свет в первой половине XIX в. и трактовавшие самые различные этнологические и культурологические проблемы. Все это достаточно определенно свидетельствует о том, что в рассматриваемое время начал формироваться круг этнологических проблем, привлекавших внимание исследователей, и что, хотя и не формально, но практически этнология стала приобретать черты самостоятельной науки. Это нашло отражение и в возникновении начал этнологического образования. В некоторых университетах началось чтение отдельных курсов по этнологии и описательной этнографии.

В первые десятилетия XIX в. проблемы культуры и быта внеевропейских народов вошли в учебные программы университетов сначала в Германии, а затем и Австрии и Швейцарии. Так, к примеру, сразу же после основания в 1810 г. Берлинского университета, первым выборным ректором которого стал один из крупнейших представителей немецкой классической философии

фии *И.Г. Фихте*, географы и историки начали читать лекции по этнологии. Эти лекции либо включались в состав общих курсов по географии или истории, либо составляли специальные циклы лекций. Начиная с 1817 г. профессор *Б. Рюре* читал курс «Исторические вспомогательные дисциплины, особенно этнография, нумизматика и дипломатика». В 1823 г. *Карл Риттер* начал чтение курса по этнологии Азии. Этнологическая тематика получила значительное отражение в курсах лекций *В.В. Раглова* и ряда других профессоров. Специальные курсы по этнологии читал историк *Ф.Х. Мюллер* («География и этнография Азии», «Всеобщее земледование и этнология», «Всеобщая этнография и география» и другие). Широкую аудиторию собирали лекции географа и картографа *И.С. Куеперта*, совершившего несколько поездок в Переднюю Азию: «Всеобщее земледование и этнология Старого Света», «Всеобщая этнография», «Всеобщая этнология» и другие¹⁶.

Пока еще окончательно не установлено, кто впервые высказал в немецкоязычной этнологической литературе идеи о прогрессивности и закономерности развития культуры народов и их социальных институтов, и исследовал с этих позиций фактический этнографический материал. Во всяком случае, такого рода идеи и метод содержались в вышедшем в 1801 г. в свет труде *Дитмара Ениша* «Универсально-исторический обзор человеческого рода, как развивающегося целого, философия культурной истории»¹⁷.

В 1851 г. начал публиковаться обширный труд *Карла Фольграфа* «Первый опыт научного обоснования всеобщей этнологии посредством антропологии, как государственной и правовой философии, через этнологию и национальную принадлежность народов». В своем исследовании автор, хотя и в общем виде, и недостаточно последовательно, предпринял попытку исследовать в сравнительном плане и с позиций развития культуру народов и их правовые нормы¹⁸.

Все сказанное позволяет усомниться в широко распространенном мнении о том, что концепция «теории развития» (эволюционизма) возникла в немецкоязычной этнологии в середине XIX в. под влиянием эво-

люционных идей К. Линнея, Ч. Дарвина и других естествоиспытателей¹⁹. Более правдоподобным представляется то, что хорошо знакомые с немецкой классической философией и с эмпирическим этнографическим материалом ученые вполне самостоятельно создали еще в первой половине XIX в. основы концепции «теории развития» культуры и социальных институтов.

Окончательное утверждение этнологии в качестве самостоятельной и общепризнанной науки пришлось на начало второй половины XIX в., когда сложились основные теоретические положения новой науки, названные позднее «эволюционизмом». В связи с этим следует заметить, что термины «эволюция», «эволюционизм» стали широко использоваться в немецкоязычной этнологической литературе довольно поздно, в основном уже в следующем веке. А то, что вообще довольно условно обозначается «эволюционизмом», называлось в работах немецких авторов по большей части «*теорией развития*» (*Entwicklungstheorie*).

В связи со сказанным необходимо подчеркнуть, что хотя к числу немецких «эволюционистов» принято в литературе причислять всех исследователей, пытавшихся установить общие закономерности в развитии культуры человечества и наметить основные этапы этого процесса, в действительности это едва ли справедливо. И, прежде всего потому, что сомнительно, что такое единообразное теоретическое направление вообще существовало. Каждый ученый основывался в значительной мере на собственной методологии и методике исследования, а не следовал какому либо канону.

Большая заслуга в разработке «теории развития» в этнологии, а тем самым в признании ее в качестве самостоятельной науки, принадлежит *Теодору Вайцу* (1821 — 1864). Им был создан обширный труд «Антропология первобытных народов», включивший сводку почти всех известных тогда этнографических данных о внеевропейских народах. Особое значение в достижении народом того или иного уровня культуры Вайц придавал историческим условиям, хотя не отрицал и экологического фактора, но не считал его определяющим. По мысли Вайца, этнология составляет часть бо-

лее широкой науки о человеке — «антропологии», исследующей культуру народов, их психологию и физические признаки. Одним из первых, названный исследователь поставил вопрос о предмете и объекте этнологии. Он рассматривал ее исключительно как науку о первобытных народах, что породило позднее многочисленные дискуссии. Вайц отстаивал единство человечества, его умственных и физических способностей, и выступал против представления о неравенстве человеческих рас²⁰.

Труды Вайца были строго выдержаны в духе «теории развития», и в течение нескольких десятилетий оказывали существенное воздействие на развитие этнологии в странах немецкого языка.

Много было опубликовано и других, заслуживающих внимания с точки зрения исследования ранних этапов становления этнологии, трудов. К примеру, можно назвать еще *Г.Ф. Кольба*, автора «Истории человеческой культуры» в 2-х томах, переведенной, кстати, на русский язык по второму лейпцигскому изданию²¹. Интересна также книга *Я. Унгера* «Брак в его всемирно-историческом развитии», также переведенная на русский язык и изданная в Киеве²².

Попытка объединения в исследовании этнологии, антропологии и проблем права была предпринята Карлом Фолльграфом²³.

Значительную роль в возникновении и популяризации этнографических и этнологических знаний в странах немецкого языка сыграли музеи. В XVIII в. при некоторых дворах многочисленных немецких княжеств устраивались кунсткамеры, в которых демонстрировались разного рода, в том числе и этнографические, раритеты, привезенные из дальних заморских стран. В первой половине XIX в. в некоторых кунсткамерах стали возникать специальные этнологические отделы, пользовавшиеся большой популярностью. И только во второй половине этого столетия появились первые, созданные на профессиональной основе, этнологические музеи. В XIX в. было основано большинство ныне существующих в странах немецкого языка этнологических музеев. Их история — проблема специального

исследования, и здесь достаточно отметить, что в 1843 г. начались работы по созданию этнологического музея в Дрездене, здание которого, разрушенное во время Второй мировой войны вследствие налета американской авиации, полностью не восстановлено до настоящего времени. В 1869 г. был основан этнографический музей в Лейпциге, в 1879 г. — в Гамбурге. Много этнологических музеев возникло в Германии, Австрии и Швейцарии в последующие десятилетия.

ЭПОХА БАСТИАНА И РАСЦВЕТ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ

Истинным «отцом немецкой этнологии» считается *Агольф Бастиан* (1826 — 1905), крупный теоретик и организатор науки, путешественник и собиратель этнографических коллекций. И если в немецкой историографии принято считать, что первым, кто действительно пробудил в Германии, Австрии и Швейцарии интерес к теоретической этнологии, был Вайц, то признанием в качестве самостоятельной науки она обязана главным образом теоретическим трудам и многосторонней организаторской деятельности Бастиана²⁴.

Практические результаты его трудов, теоретическое наследие Бастиана столь значительны, что на них следует остановиться несколько подробнее.

С сожалением приходится констатировать, что научное наследие Бастиана исследовано еще далеко не достаточно. Существующие о нем в историографической литературе данные не дают в полной мере представление о вкладе ученого в этнологию²⁵. Это отмечалось многими видными немецкими этнологами, в том числе *К.Т. Преуссом* и другими авторами²⁶. Как пишет один из современных немецких ученых, «судя по большинству публикаций, в которых говорится о Бастиане, мало кто из их авторов детально знаком с его трудами. Это объясняется, скорее всего, трудностью их чтения: крайней тяжестью стиля, сложностью и непоследовательностью изложения²⁷. А оценки его теоретических положений в литературе и учебниках по большей части заимствуются из довольно кратких общих обзоров

названных выше авторов, и переходят из одной работы в другую.

Несколько лет назад немецкая исследовательница *Аннемарие Фриедермютц-Лау* предприняла в своей книге чуть ли не первую попытку более или менее детального анализа творчества Бастиана. Однако при том, что в ее работе достаточно подробно рассматриваются основные направления исследовательской мысли ученого, она все же не дает о них достаточно объективного представления. Причина этого — некоторая субъективность суждений Фриедермютц-Лау, сторонницы культурно-исторического направления, рассматривающей наследие Бастиана прежде всего с позиций этого направления

В ограниченном объеме книги невозможно детально оценить деятельность Бастиана и его теоретические взгляды. Это дело будущего, требующее большого капитального исследования. Поэтому придется ограничиться лишь рассмотрением основных этапов деятельности Бастиана и некоторых спорных проблем, касающихся его теоретических взглядов.

Также, как относительно всей немецкой этнологии в целом, так и в отношении взглядов Бастиана, далеко не все ясно в истоках складывавшихся учений и, прежде всего, идей развития культуры и свойственных этому процессу закономерностей.

Можно полагать, что правы исследователи, считающие, что Бастиан первым в немецкой этнологии высказал столь последовательно идеи эволюции культуры. Однако сами по себе они были, как отмечено выше, далеко не новы, хотя в связи с этнологией были высказаны именно им²⁸.

Как и многие другие немецкие ученые того времени, Бастиан был сторонником идей классической философии, с которыми были связаны его мысли о единстве и закономерностях человеческой культуры. Что касается воздействия на Бастиана естественнонаучных идей своего времени, то этого, тем более что он был по образованию врачом, исключить нельзя. Однако нет свидетельств о том, что Бастиан был знаком с эволюционными идеями Дарвина или его пос-

ледователей, о чем сам Бастиан нигде не упоминает. Во всяком случае, их капитальные труды вышли почти одновременно, что практически исключает заимствование идей: «Происхождение видов» Дарвина опубликовано в 1859 г., а «Человек в истории» Бастиана в 1860 г. Но как бы то ни было, их взгляды на эволюцию как двигатель прогресса оказались во многом схожими.

Особое значение личности Бастиана для немецкой этнологии заключается в том, что защита им докторской диссертации по этнологии послужила толчком к признанию ее в качестве самостоятельной науки сначала в Берлинском университете, а затем и в других университетских центрах Германии, Австрии и немецкоязычной Швейцарии.

Благодаря бурной научной и организаторской деятельности Бастиана Берлин стал во второй половине XIX в. одним из основных центров развития этнологии в странах немецкого языка.

В 1866 г. Бастиан начал преподавание этнологии в Берлинском университете, однако большого успеха его педагогическая деятельность не имела вследствие своеобразной манеры чтения лекций, плохо усваиваемых студентами. Зато Бастиан стал духовным вдохновителем созданного в 1876 г. *Берлинского общества антропологии, этнологии и предыстории*, и одним из 14 его основателей.

В 1869 г., по инициативе Адольфа Бастиана, Рудольфа Вирхова и Роберта Хартмана был основан журнал, называвшийся первоначально «Журнал этнологии и ее вспомогательных дисциплин как учение о человеке и его отношения с природой и историей». Однако это название было явно неудачным, и по предложению Бастиана журнал получил его современное наименование «Этнологический журнал» (*Zeitschrift für Ethnologie*), сохраняющего и в наши дни славу одного из наиболее известных этнологических журналов мира. Первые годы в журнале помещались на равных правах статьи по этнологии, антропологии и доистории. Однако Бастиан, который стал первым издателем журнала, настаивал, что главная задача

издания — этнология, прочее имеет лишь вспомогательное значение. После того, как постепенно увеличивалась специализация науки, появились отдельные научные журналы, и «Этнологический журнал» сосредоточился главным образом на этнологических проблемах.

В 1873 г. по инициативе Бастиана было создано «Немецкое общество по исследованию Экваториальной Африки», переименованное позднее в «Африканское общество». И, наконец, Бастиан был выдающимся теоретиком своего времени, оказавшим существенное влияние на развитие науки о народах в странах немецкого языка, а косвенно и во всем мире.

Весьма значителен вклад Бастиана в создание Берлинского музея этнологии. Об этой стороне его деятельности следует сказать несколько подробнее, так как история немецкой этнологии неотделима от этнологических музеев, бывших в странах немецкого языка, наряду с университетами, центрами этнологической, особенно экспедиционной деятельности. Музейное дело имело в Германии, Австрии и Швейцарии давнюю историю. Судя по немногим, дошедшим до наших дней архивным данным, в Германии уже в XVI в. существовал интерес к культуре неевропейских народов, что проявлялось в возникновении частных музейных собраний этнографических предметов. В XVII и XVIII вв. интерес к этнографии продолжал неуклонно возрастать. Значительная этнографическая коллекция была собрана в Королевской кунсткамере в Берлине. Но так как наука о народах еще не стала в то время самостоятельной дисциплиной, то и этнографические предметы, вывезенные из заморских стран, были лишь частью прочих раритетов. В 1856 г. в музее была открыта в отделе древнего искусства Египта выставка этнографической коллекции, созданная по инициативе и под руководством Л. фон Ледебура²⁹. В 1873 г. исполняющим обязанности руководителя этнографической экспозиции был назначен Адольф Бастиан, который превратил ее из выставки отдельных курьезов в систематическую экспозицию культуры неевропейских народов, расположенную по географическим регионам.

В том же году было начато строительство нового здания для музея этнологии, организация которого была поручена Берлинским обществом антропологии Р. Вирхову и А. Бастиану. В 1876 г. Бастиан был назначен директором этнологического музея, который удалось, однако, открыть только в 1886 г.³⁰ Значительные средства, выделявшиеся правительством на строительство музея и приобретение коллекций, свидетельствует о большом внимании к этнологии, связанном с началом колониальной экспансии Германии. В связи с этим следует подчеркнуть, что как Бастиан, так и другие крупнейшие этнологи того времени категорически выступали против того, чтобы деятельность музея связывали с колониальной политикой. Со временем трудами Бастиана и его многочисленных учеников этнологический музей в Берлине превратился в одно из крупнейших в мире собраний этнографических коллекций, добытых во время экспедиций во всех частях света³¹.

В наше время музей располагается в новом, специально для него выстроенном помещении в западной части Берлина, в Далеме, и входит в состав музеев «Прусского культурного наследства».

Значительное внимание Бастиан уделял разработке экспедиционной и музейной методики. Он считал, что музейные коллекции только тогда имеют смысл, когда они дают представление обо всей совокупности культуры того или иного «примитивного народа». При этом музейные вещи должны быть не просто раритетами и достопримечательностями, а свидетельствами определенных народных представлений, давать сведения о том, какие идеи связаны с предметами у их создателей. Музейные предметы он называл «текстами бесписьменных народов»³².

Важным требованием Бастиана была специализация этнологов по регионам, что на долгое время стало общепринятой традицией, и в известной мере сохраняется и в наше время.

Методические установки Бастиана оказали не только определяющее воздействие на этнологические исследования его времени, но и стали прочной

традицией немецкоязычной этнологии. В соответствии с ней изучался весь комплекс жизнедеятельности народа во всех его проявлениях. Кстати, это часто выгодно отличает публикации немецкоязычных (как, впрочем, и русскоязычных) авторов от работ этнологов других стран большей обстоятельностью и полнотой описания.

Главные направления научных интересов Бастиана составляли общие проблемы теории этнологии и культуры³³, первобытные религиозные верования, нравы и обычаи, мировоззрение и психология различных внеевропейских народов. Попутно его занимали вопросы первобытных юридических норм и социальных отношений³⁴.

В области теории Бастиан поставил перед собой грандиозную задачу создания методологии и метода этнологических исследований, основанных на индуктивном восприятии психологии и философии всего человечества³⁵. В теоретических взглядах Бастиана своеобразно сочетались психологизм и биологизация общественных явлений. Все ответы на проблемы истории культуры он искал в умственной предрасположенности человека. Причем, как он полагал, культурное развитие человечества происходило в ходе активных взаимоотношений с окружающей средой. Но, одновременно, Бастиан рассматривал мыслительную способность человека как часть его биологической сущности и считал, что «духовно-душевная жизнь» полностью подчинена биологическим законам, и с этих позиций и должна исследоваться. Бастиан полагал, так же как Вайц и некоторые другие ученые, что человеческий дух развивается во времени. При этом то, что порождает дух, считал Бастиан, составляет предмет этнологии³⁶, причислявшейся им к естественным наукам. Развитие же духа во времени Бастиан относил к гуманитарным наукам³⁷.

Весьма неоднозначны в литературе оценки направлений деятельности Бастиана и значения его идей для этнологии, что в значительной мере зависело от принадлежности того или иного автора к различным направлениям в науке о народах. Так, как отмечает Фие-

дермюцц-Лаун, одни называли его величайшим путешественником XIX в., сумевшим объяснить сходные явления в разных частях света психическим единством человечества. Другие полагали, что Бастиан был предтечей диффузионизма, и его «культурно-географические провинции» стали в несколько измененном виде ключевыми понятиями Венской культурно-исторической школы. То же самое писали известный этнолог К.Т. Преусс и другие авторы, отмечавшие, что, несмотря на наличие у Бастиана детерминистских представлений о воздействии природы на культуру, его мысли оказались исключительно плодотворными для исторической этнологии³⁸. Примерно так же оценивает научное наследие Бастиана Фиедермюцц-Лаун, считающая, что мысли Бастиана о распространении идей и изобретений отличаются от принципиальных установок диффузионизма не столько по существу, сколько по форме. Поэтому, как она полагает, если бы это противоречие было в свое время преодолено, то не развернулась бы длительная и мало продуктивная борьба между сторонниками «эволюционизма» и «диффузионизма»³⁹. Впрочем, основоположник последнего направления в Германии Фридрих Ратцель относился ко всем без исключения идеям Бастиана весьма отрицательно.

Итак, что же можно считать центральным и самым главным в теоретических взглядах Бастиана? Несмотря на различие точек зрения по этому вопросу, достаточно ясный ответ на него дают сами труды Бастиана. Это «идея развития» (*Entwicklungsidee*), учение об «элементарных» (*Elementargedanke*) и «народных» (*Volksgedanke*) идеях, о географических провинциях⁴⁰.

В отличие от распространенного со времени выхода в свет трудов Вайца мнения, что развитие человеческого духа является следствием случайности и действия гениальных людей, Бастиан полагал, что дух, мышление, развивалось у всего человечества одинаково. Поэтому, как он полагал, развитие шло не только по определенным принципам, но и по сходным путям, что обуславливалось монофилетическим происхождением людей. А вследствие это-

го, он говорил о существовании равных у всего человечества способностей к умственной деятельности.

Расовые и культурные различия у отдельных групп человечества Бастиан объяснял различиями в окружающей среде, в связи с чем им было выработано понятие «*географическая провинция*». Однако эти провинции им не локализовались и рассматривались как абстрактные понятия⁴¹.

Согласно учению Бастиана, у каждого *народа*, — что при этом имелось в виду: роды, племена, народности, не пояснялось, — существовала определенная сумма «элементарных идей», составляющая совокупность культурного достояния — «народные идеи». Возникновение элементарных идей (мыслей, изобретений) Бастиан усматривал в переходе от «телесной» (животной) жизни к действию и мысли в *органопроекции* человеческого тела — от когтей животных к орудиям и оружию. Этот переход Бастиан называл «психической необходимостью», отражающей закономерности мышления, и считал поэтому, что этнолог может понять элементарные идеи только через абстракцию, но не через прямое наблюдение. Сам Бастиан никогда не пытался установить число и существо элементарных идей, так и оставшихся в его учении абстрактным понятием.

С абстракциями связано у Бастиана и представление о «народных идеях», складывающихся из «элементарных идей» по аналогии с растущим из клеток биологическим организмом⁴².

Бастиан считал, что народные идеи отражают всеобщие законы развития человеческой культуры, причем идеи являются принадлежностью группы, а не индивида. Бастиан писал, что посредством сравнения народных идей можно установить законы мышления, которые нельзя понять из индивидуального мышления и психологии, так как человек всегда находится в обществе, и как члена своего общества его пронизывают мысли всей общности, вследствие чего мышление индивида всегда пассивно. Считая исследование этих процессов задачей этнологии, Бастиан нередко называл ее «народной психологией», а «народную мысль» «этнологической мыслью»⁴³.

Мировоззрение равно как первобытных, так и культурных народов, Бастиан называл «народной мыслью» и рассматривал это понятие генетически, полагая, что если сталкиваются два мировоззрения или две «народные мысли», то они неизбежно реагируют друг на друга, происходит абсорбция, возникает новая сумма народной мысли.

Суммируя свои мысли о «народных идеях», Бастиан указывал, что «народная мысль» развивалась в постоянном взаимодействии внешних воздействий и внутренней реакции на них человека. При этом если происходит полное приспособление человека к окружающей среде, то следует остановка культурного развития, стагнация. Но в действительности, как считал Бастиан, обычно извне поступают новые импульсы, идеи, что ведет к обогащению культуры. Что же касается культур первобытных народов, то они, по его мысли, обусловленные исключительно природными факторами, изменяются вследствие контактов с народными представлениями соседних «провинций». И только после таких контактов начинается *история*, то есть освобожденное от воздействия природной среды развитие культуры⁴⁴.

Основные теоретические положения были развиты Бастианом главным образом в его ранних работах, и впоследствии он к ним уже не возвращался.

Даже современники Бастиана с трудом воспринимали его теоретические построения из-за сложности и бессистемности изложения. Не оказалось у него и прямых последователей, вследствие чего иногда высказывается мысль, что труды основоположника немецкой этнологии имеют теперь лишь историографический интерес. Едва ли, однако, это верно. Если всю концепцию Бастиана в целом мало кто понимал, и уж во всяком случае, ей не следовал, то отдельные его мысли и теоретические положения, как это будет показано в дальнейших главах, оказывали и продолжают оказывать немалое влияние на развитие немецкой этнологии, а в какой-то мере и других стран. Совершенно точно можно установить, что многие идеи Бастиана были прямо или косвенно заимствованы различными

позднейшими школами и направлениями, что уже отмечалось в литературе⁴⁵. Впрочем, как это зачастую бывает и в наши дни, без соответствующих ссылок на первоисточник.

Многие авторы, принадлежавшие не только к эволюционному, но и враждебным к нему направлениям, не только обсуждали проблемы, связанные с «элементарными» и «народными» идеями, но, под разными терминами, использовали эти понятия в своих теоретических построениях. Представляется бесспорным, что концепция о складывании «народных представлений» вследствие взаимодействия «элементарных идей», а также мысли о «географических провинциях» оказала существенное влияние на разработку основных принципов диффузионизма, пришедшего на смену эволюционизму, хотя различия в постановке проблем были достаточно принципиальными. Так, если противники эволюционизма отстаивали принцип диффузии как механицистический перенос остающихся неизменными элементов культуры, то Бастиан подходил к диффузии значительно более исторично, рассматривая ее как проявление живого духовного контакта, ведущего к обмену достижениями, новым открытиям и, таким образом, историческому развитию культуры. Бастиану принадлежит также приоритет в постановке многих проблем, получивших впоследствии развитие в виде самостоятельных разделов этнологических исследований⁴⁶. Бастиан был первым, во всяком случае, в немецкоязычной литературе, кто поставил вопрос о значении для науки этнического фактора⁴⁷, связи этнологии с историей⁴⁸, существовании «этнографических областей»⁴⁹. Он же был первым, кто попытался воссоздать предысторию возникновения этнологии⁵⁰. Можно полагать, что дальнейшее, более детальное изучение научного наследия Бастиана откроет и другие стороны его многогранной научной мысли.

У Бастиана оказалось некоторое число последователей его мыслей об «элементарных идеях». В частности, можно назвать Карла фон Штейнена⁵¹.

Несмотря на постепенный отход Бастиана от исследования теоретических проблем, он оставался в центре всех событий, связанных с этнологией, принимая живейшее участие в работе Берлинского общества антропологии, этнологии и предыстории. Много сил он отдавал изданию «Этнографического журнала», а также своему любимому детищу — Берлинскому этнологическому музею.

Швейцарский ученый *Иоганн Якоб Бахофен* (1815–1887) получил известность как теоретик, основывавший свои выводы на представлении об эволюционном развитии культуры и социальных институтов человеческого общества. Бахофен был последователем идей немецкого романтизма и «историко-культурной школы», мистиком и крайним консерватором. Основные его идеи, связанные с проблемами первобытного общества и этнологией, заключались в учении об универсальных закономерностях в развитии этапов семейно-брачных отношений от «гетеризма» к «гинекократии» и «патернитету»⁵².

Бахофену принадлежит фундаментальный труд «Материнское право», вышедший в свет в 1861 г.⁵³ В нем была высказана гипотеза о приоритете материнского счета родства и материнском праве, породившая недоразумение, связанное с так называемым «матриархатом», концепцией, долгое время занимавшей умы ученых, и оказавшей воздействие на *Л.Г. Моргана* и *Ф. Энгельса*. Представление о «матриархате» как этапе в истории первобытного общества десятилетия господствовало в советской этнографии и истории первобытного общества. Однако гипотеза «матриархата» не нашла подтверждения в этнографическом материале, и была к тому же основана на очень поздних, не восходящих к эпохе первобытности исторических данных, и поэтому была отвергнута⁵⁴.

Значительный вклад в развитие немецкой этнологии и теории развития (*эволюционизма*) в конце XIX и

начала XX в. принадлежит известному немецкому ученому *Генриху Шурцу* (1863 — 1903). В своих трудах Шурц рассматривал с позиций эволюционизма, как некоторые полагают и умеренного диффузионизма⁵⁵, историю первобытной культуры. Капитальное исследование «История первобытной культуры» выдержало несколько переизданий, и было переведено на многие иностранные языки⁵⁶. Успех этой книги объяснялся приведенным в ней обширным и весьма достоверным фактическим материалом, умелым анализом и классификацией явлений культуры, образным их описанием. Перекликаясь в какой-то степени с взглядами Бастиана, Шурц высказал мнение, что группа индивидов обладает чем-то вроде «коллективного сознания», которое проявляется в отдельных личностях, но исходит не от них. Культура, по словам Шурца, представляет результат работы многих предшествовавших поколений, а история культуры отражает историю человеческого духа. Дух по Шурцу — двигатель культуры — и чем она выше, тем совершеннее, выше дух. Заслуживает внимание стремление Шурца установить связь между трудовыми, производственными процессами и общественным развитием. На основе обширнейшего материала Шурц исследует основы культуры и пути ее прогресса, возникновение и развитие человеческого общества от первобытного состояния до возникновения государства, подробно при этом рассматривая эволюцию хозяйства. Вполне естественно, что многие из привлекаемых при аргументации фактических данных устарели, и сегодня ход возникновения и развития хозяйства рисуется совсем по иному, чем во времена Шурца. Однако ему, скорее всего одному из первых, пришла очень важная мысль о том, что domestикация животных произошла в результате «забавы». Добытых на охоте маленьких копытных животных не убивали, а отдавали детям в качестве живых игрушек, что сохраняло им жизнь, и позволяло им со временем возможность размножаться и «самоодомашниваться» в неволе. Эта концепция была впоследствии развита известным русским этнологом *А.Н. Максимовым* и другими авторами⁵⁷.

Значительное внимание Шурц уделял эволюции материальной и духовной культуры, рассматривая ее как прямолинейный процесс перехода от простого к сложному⁵⁸.

К числу важнейших научных заслуг Шурца следует отнести открытие им значения возрастных групп (классов) как системы общественной организации. Исходя из концепции о ведущей роли в развитии культуры и социальных институтов человеческого общества психологического фактора, Шурц выдвигал сомнительную концепцию о том, что возрастные группы возникли вследствие психологической несовместимости между поколениями. При этом он противопоставлял возрастную организацию, создаваемую, по его мнению, мужчинами, женской родовой организации. Возрастные группы, как справедливо полагал автор, являлись одной из древнейших форм общественной организации и разделения труда, основными функциями которых были мобилизация военной силы и установление брачных норм. Как показали дальнейшие исследования, придание психическим факторам решающего значения и противопоставление мужской организации женской было ошибочным. Однако уже само по себе значение возрастной структуры и организации позволило значительно глубже проникнуть в существо и характер многих явлений и институтов первобытного и варварского обществ. Открытие значения возрастной организации и возрастной стратификации позволило Шурцу объяснить тайные союзы и мужские дома как элементы социальной организации⁵⁹. Однако его теоретическая интерпретация исторического места этих институтов основывалась на ошибочных эволюционистских представлениях. Как то: о прямолинейном и непрерывном развитии исторических явлений и сопоставлениях общественных институтов у народов, стоявших на самых различных уровнях хозяйственного, общественного и культурного развития. Так, сопоставлялись австралийцы и древнегреческие полисы. Неверным оказалось предположение Шурца о том, что возрастная организация присуща только скотоводческим народам. Однако в целом теоретические положе-

ния Шурца оказали большое, но, к сожалению, еще не оцененное воздействие на развитие теоретических взглядов в этнологии. Они позволили в ходе дальнейших исследований обнаружить корни возрастной организации в древнейших формах разделения труда⁶⁰.

Интересовали Шурца также проблемы целей и задач этнологической науки, им был посвящен специальный труд⁶¹.

Заметное место среди этнологов-эволюционистов занимал крупный исследователь *Юлиус Липперт* (1839—1909). В литературе справедливо отмечалось его значение в исследовании истории человеческой культуры⁶². Один из основных трудов Липперта — «История культуры»⁶³ неоднократно переиздавался и переводился на иностранные языки, в том числе и на русский⁶⁴.

Большое значение в своих рассуждениях Липперт придавал материальным условиям жизни, трудовой деятельности, с рассмотрения которых он и начинает свое основное произведение. Как он полагал, именно они определяют общественные явления и духовную культуру.

В первом разделе книги автор рассматривает хозяйство и материальную культуру многих первобытных народов. Во втором говорится об обществе, семье и собственности. Завершающий, третий раздел книги посвящен проблемам языка, культов и мифологии.

Помимо названных работ Липпертом был издан ряд капитальных трудов, посвященных истории религии, истоки которой он усматривал в вере в душу, культе предков и мертвых. Как и прочие сторонники эволюционистской теории, Липперт стоял на позициях прямолинейного прогрессивного развития культуры, но в отличие от многих сторонников этого теоретического течения в меньшей мере злоупотреблял сопоставлениями различных по хозяйственно-культурному типу народов и их культур.

Немалый интерес представляли труды упоминавшегося выше *Томаса Ахелиса*, в которых исследовались с эволюционистских позиций задачи и методы этнологии, рассматривалось развитие этнологии во второй половине XIX в.⁶⁵

Существенный вклад в развитие эволюционистского учения в этнологии и разработку ряда кардинальных проблем этнологии внес историк культуры *Агольф Фиркандт* (1867 – 1953). В своей первой крупной работе, относящейся к 1896 г., он рассмотрел в сравнительном плане социальную организацию первобытных и культурных народов. В 1899 г. вышла в свет его новая книга, в которой впервые в немецкой этнологии специально исследовалась проблема хозяйственных отношений у первобытных народов. Вся плодотворная дальнейшая деятельность Фиркандта свидетельствовала о широком круге его научных интересов. Им были опубликованы труды по проблемам путей и динамики развития культур, возникновения религии и колдовства, общественных институтов и общественных отношений первобытных народов. В поле зрения Фиркандта оказались также вопросы соотношения этнологии и социологии и многие другие проблемы. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что Фиркандт был одним из первых ученых, призывавших к тесной связи этнологии с социологией, что нашло отражение в ряде учений XX в.⁶⁶

Можно назвать и ряд других крупных этнологов-эволюционистов конца XIX столетия. В частности, *Оскара Пешеля* (1826 – 1875), занимавшегося историей культуры. При этом весьма интересен его взгляд на первоначальную семью, как на *парную*⁶⁷.

К числу известных немецких ученых, представителей «теории развития» следует отнести также *Георга Бушана* (1863 – 1942), издавшего популярные до наших дней, богато иллюстрированные труды, в которых описывались культуры народов земли⁶⁸, а также *М. Гернеса*, автора «Первобытной истории человечества»⁶⁹.

Большую известность получили в свое время труды по истории религии и культуры *Карла Теодора Преусса* (1869 – 1938), остававшегося верным «теории развития» вплоть до 30-х гг. XX в.⁷⁰ Интересные мысли содержались в исследовании *Г.Ф. Кольба* «История человеческой культуры» в 2-х томах, переведенного на русский язык по второму лейпцигскому изданию⁷¹. Заслуживает внимания книга *Я. Унгера* «Брак в его

всемирно-историческом развитии», также переведенная на русский язык и изданная в Киеве⁷². Не лишен интереса труд *Ханса Гюнтера*, посвященный целям, направлениям и методам этнологии⁷³.

Однако данными исследователями далеко не исчерпывается число немецкоязычных ученых и путешественников, стоявших на позициях «теории развития» или разделявших отдельные ее положения и взгляды Бастиана и других основоположников немецкого эволюционизма. Их труды содержали главным образом изложение полевого эмпирического материала, собранного в многолетних экспедициях во всех странах света, и не содержали каких либо новых теоретических положений.

К примеру, можно назвать многочисленные публикации одного из ближайших сотрудников Бастиана по Берлинскому музею этнологии, *Феликса фон Лушана* (1854 – 1924). Имя это широко известно в научном мире. Врач по образованию, он рано начал публиковаться по проблемам антропологии и истории первобытного общества, а в 1882 году защитил докторскую диссертацию на тему о физических особенностях человеческих рас. В Берлинском музее Лушан возглавлял отдел Африки и Океании, имевший до Первой мировой войны особенно благоприятные условия для экспедиционной деятельности в германских колониях. Лушану принадлежит фундаментальная трехтомная монография «Древности Бенина». Он был издателем тома «Сообщения по этнологии территорий, находящихся под защитой Германии», т. е. в германских колониальных владениях; путеводителей по музейным собраниям отдела Африки и Океании. Но основным полем деятельности Лушана были Средиземноморье и Ближний Восток, куда он совершил 12 экспедиций, посвященных антропологическим, этнологическим и археологическим проблемам. При этом результаты археологических раскопок он интерпретировал с точки зрения этнологии.

Лушан не оставил теоретических исследований. Однако он много сделал для утверждения новой науки — этнологии и популяризации изучения внеевро-

пейских народов. При этом он ратовал за «прикладную этнологию», посвященную колониальным проблемам⁷⁴.

Не менее известно имя другого сотрудника Бастиана *Карла фон Штейнена* (1880 – 1929). По образованию врач, он встретил Бастиана во время поездки в страны Южных морей, с которым и связал свою научную судьбу в качестве научного сотрудника Берлинского музея этнологии. Фон Штейнен принимал участие в немецкой экспедиции на Южный полюс, занимался этнологическими исследованиями в Бразилии. В течение нескольких лет он возглавлял Американский отдел музея, а также был избран председателем Берлинского общества антропологии, этнологии и преемственности. В своих многочисленных работах по американистике фон Штейнен основывался на «теории развития», а также на «сравнительном методе», за что его часто критиковали, так как сравнения делались без учета места и времени⁷⁵.

К числу известных американистов принадлежал *Пауль Эренрейх*, во многом разделявший научные позиции Бастиана. Их придерживался также *Эрнст Бернхейм*⁷⁶.

Наконец, нельзя не упомянуть *Франца Боаса*, получившего образование в Германии и работавшего некоторое время в Берлине до его эмиграции в США, где он стал главой американской «исторической школы». Не вызывает сомнений, что на формирование его позднейших теоретических взглядов определенное влияние оказала концепция «теории развития» и взгляды Бастиана, а также позднейшие немецкие этнологические учения.

Как можно заметить, для немецкой эволюционистской этнологии второй половины XIX в. были характерны многие крупные работы, претендующие на широкие обобщения в области теории, истории культуры, и основанные практически на всей совокупности известного в то время этнографического материала по экзотическим заморским народам.

Что касается этнологического образования, то в странах немецкого языка оно развивалось довольно

медленно. Правда, отдельные этнологические курсы читались в XIX в. профессорами в различных университетах в рамках других дисциплин, в частности, географии. Однако не существовало общей концепции преподавания этнологии, профессиональные этнологи практически не готовились, и этнологические знания приобретались чаще всего путем самообразования. Поэтому большинство этнологов, в том числе и самых известных, имели медицинское, биологическое, географическое и т. п. образование, что заметно проявлялось в теоретических подходах тех или иных исследователей. И только в 1904 году возникла первая в Германии самостоятельная кафедра *этнографии*, основанная в Лейпцигском университете профессором, директором Лейпцигского этнологического музея, *Карлом Веуле* (1864 — 1926). В школах Саксонии начали преподавать этнографию. В Лейпциге было основано «Немецкое общество этнологии»⁷⁷. Научные этнологические общества возникали и в других университетских городах.

Основы «теории развития» (эволюции) общества и его культуры сложились как определенное, хотя и неоднородное по научным взглядам направление, как в немецкой этнологии, так и в науке других стран в эпоху непосредственно предшествовавшую колониальному разделу мира. Последующие колониальные приобретения Германии и стремление ее правящих кругов расширить сферу колониального влияния стимулировало развитие этнологии, к которой стало привлекаться внимание не только ученого мира, но и политиков, администраторов, представителей торгово-промышленных кругов. Но притом, что развитию эмпирических и теоретических исследований объективно содействовал фактор потребности колониальной деятельности в этнологических данных, сами немецкоязычные этнологи не принимали, за отдельными исключениями, участия в разработке теории и практики колониального управления, а занимали, как правило, антиколониалистские и антирасистские позиции. Для этнологов Германии рассматриваемого времени, впрочем, в известной мере и последующих десятилетий, было характерно, в отличие от народоведения, отсут-

стве националистической, шовинистической и расистской направленности.

Трудами ученых, сторонников «теории развития» был заложен прочный фактологический, в какой-то степени и теоретический фундамент этнологии, и она стала одной из общепризнанных и популярных дисциплин. Прогрессивные идеи эволюционистской этнологии оказали огромное воздействие на дальнейшее развитие науки.

Однако со временем в теоретических подходах и методике эволюционизма начали выявляться все большие недостатки. Теория стала противоречить множеству новых фактических данных. Следствием этого было то, что в третьей четверти XIX в. и начале XX в. развернулась широкая критика «теории развития». Начались поиски новых теоретических основ этнологии, лишенных недостатков эволюционизма и, как многим представлялось, более материалистических. Отказ большинства этнологов от эволюционизма не означал, однако, что «теория развития» была полностью забыта и отброшена. Многие весьма существенные методологические и методические аспекты были унаследованы противниками «теории развития». Заметное влияние эволюционизм оказал на возникшие в странах немецкого языка разного рода «исторические» направления, а также на советскую этнографию, которая декларировалась как марксистская, однако на деле во многом придерживалась методологии и методики эволюционизма. Наиболее известным представителем эволюционистского направления в США был Л.Г. Морган.

Немецкую, в частности, германскую этнологию, едва ли можно было назвать наукой, поставленной на службу колониализму, чем она в известной мере отличалась от британской социальной антропологии. Тем не менее, колониальная проблематика нередко звучала в трудах этнологов⁷⁸.

Последняя четверть XIX в. была временем возникновения большей части этнологических музеев в странах немецкого языка и начала преподавания этнографии и этнологии в университетах, хотя этнографические учреждения в виде кафедр, институтов и

семинаров появились в большинстве своем значительно позднее. Впрочем, одно из самых первых собраний этнографических предметов появилось при Геттингенском университете еще в 1775 г. К сожалению, как отмечают современные авторы, сведения об истории этнологических музеев и других этнологических институтах недостаточно полны, особенно это касается работавших в них сотрудников⁷⁹.

Старейший музей этнологии Германии был основан в 1868 г. в Мюнхене. Как известно, с 1907 по 1933 г. его директором был Л. Шерман. В 1873 г. возник музей этнологии в Берлине, в 1874 г. в Лейпциге, в 1875 г. в Дрездене, в 1876 г. в Бремене. Еще с 1850-х гг. в Гамбурге в «Академической гимназии» началось преподавание этнологии, а в «Естественнонаучном музее» существовало этнографическое собрание. Но этнологический музей был основан только в 1879 г. Этнологические музеи возникли в 1884 г. в Штуттгарте (Линден Музеум), в 1904 г. во Франкфурте на Майне, в 1906 г. в Кельне. В других крупных городах Германии, Австрии и Швейцарии этнологические музеи возникли значительно позднее, в 1920–30-х гг. В эти же годы стали создаваться кафедры этнологии при университетах, хотя отдельные этнологические курсы читались и в конце XIX в. Начиная с 1916 г. лекции по этнологии Азии читал профессор Л. Шерман, занимавший с 1907 г. пост директора Мюнхенского музея этнологии⁸⁰.

ЧАСТЬ II
ПОИСКИ НОВЫХ ПУТЕЙ

Господство в немецкой этнологии эволюционистской «теории развития» сохранялось почти до конца XIX в., и в науке преобладали идеи Адольфа Бастияна и его последователей. Впрочем, и впоследствии еще долгое время было заметно влияние теории развития на позднейшие учения. Однако постепенно, по мере накопления и осмысления новых эмпирических этнографических данных стало выясняться, что они во многом противоречат теории. К существенным ошибкам приводило использование без должной критики ретроспективного анализа на основе так называемых «пережитков», которые зачастую были в действительности не пережитками прошлого, а живыми, действующими институтами, эволюционно не восходящими к предшествующим стадиям развития.

Обычным для большей части эволюционистов был прием сопоставления культурных явлений, относившихся к разным этапам социального и культурного развития, и сложившихся в различных природных и хозяйственно-культурных условиях, что вело, как правило, к ошибочным выводам.

Развитие понималось сторонниками «теории развития» как однолинейный процесс перехода от простого к сложному, без каких либо качественных изменений. Применение такого рода подхода к анализу конкретных явлений истории и культуры вело к упрощенному, часто неверному объяснению хода развития и его результатов, созданию искусственных конструкций культурной эволюции. Богатство многолинейного

культурного развития подменялось узкой прямолинейной схемой.

К тому же развитие истории и культуры объяснялось в значительной мере психическими, а отчасти биологическими факторами. Кстати, нельзя не отметить, что как раз этот подход повторялся многими позднейшими теоретическими направлениями в этнологии. Чрезмерный психологизм при объяснении возникновения и развития культурных явлений выливался в некоторых случаях в мистицизм, что также нашло отражение в некоторых позднейших этнологических учениях.

Многие универсальные построения эволюционистами «всеобщей истории культуры» были не более чем эфемерными карточными домиками, рассыпавшимися под напором новых фактов. Да и сама эволюционная идея, предполагавшая, что каждое культурное явление обязательно должно генетически вытекать из предшествовавшего, то и дело оказывалась фикцией.

Наконец, несколько узкой была сфера интересов многих этнологов-эволюционистов, исследовавших преимущественно семейно-брачные отношения, термины родства и религиозные представления. И только немногие ученые рассматривали все стороны жизнедеятельности изучаемого общества: его происхождение, хозяйствование, семейно-брачные отношения, материальную и духовную культуру. Попутно следует заметить, что названные недостатки эволюционистской теории и методов отразились в исследованиях не только немецкоязычных ученых, но и в трудах классиков английской, американской и русской этнологии: *Джеймса Герберта Фрезера, Эдуарда Тейлора, Джона Леббока, Джона Фергюссона, Джона Мак-Леннана, Люиса Генри Моргана, Н.Н. Харузина.*

В последней четверти XIX в. все действительные, а также многие мнимые недостатки, приписывавшиеся эволюционистскому учению его противниками, все более обострявшаяся критика его положений, привели, в конечном счете, к кризису «теории развития» в этнологии, падению ее престижа и популярности.

Наступила пора усиленных поисков новых теоретических решений, объясняющих причины и ход изме-

нений культуры, ее многообразие. Почти безраздельное господство в немецкой этнологии эволюционистской «теории развития» практически завершилось к концу XIX в. Следуя извечному немецкому партикуляризму и научной ориентации исследователей, не имевших в подавляющем большинстве систематического этнологического образования, в каждом университете и музее стали складываться свои собственные, особые взгляды на предмет, цели и теоретические основы этнологии.

В результате, начиная с 1870—80-х гг., в этнологии развернулись острые дискуссии, которые во многих случаях сопровождались более или менее острой критикой общих или частных эволюционистских построений. В конечном счете, это подорвало позиции «теории развития». При этом часть ученых стремилась лишь исправить недостатки излишне прямолинейного и умозрительного эволюционизма. Другие же выступали против всей совокупности идей «теории развития», отвергая ее методологические основы и методические приемы, принципы историзма.

Наиболее последовательными критиками эволюционистской теории выступали довольно неоднородные по взглядам исследователи. Они выступали против умозрительных концепций развития человеческой культуры, против объяснения процессов, связанных с культурой, с психическими свойствами людей. Взамен предлагались гипотезы, которые, как полагали их авторы, были основаны на объективных, причем материальных факторах, которые позволяли, по их мнению, выяснить реальные пути хода процессов и причин возникновения и изменения культур. Такой подход нашел немало сторонников, и во многом определил победу новых взглядов над «теорией развития». Вместе с тем, отрицая прямолинейные схемы развития, сторонники новых течений отбрасывали чаще всего и то верное, что содержало эволюционное учение, а именно идею об *историческом* развитии культуры. К тому же некоторые неверные методологические и методические установки эволюционизма, в том числе пресловутый «психологизм», были во многом заимство-

ваны новыми учениями. При этом даже в еще более гипертрофированном виде.

На долгие годы, в некоторых случаях и до наших дней, многими учеными было отброшено понятие *развитие*, место которого заняло метафизическое *изменение культуры*. Взамен лежавшего в основе «теории развития» принципа историзма, некоторыми исследователями был провозглашен так называемый «исторический подход», основанный на психологических и биологических факторах и мало имевший общего с действительным историзмом.

КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ВЛИЯНИЙ И ДИФфуЗИИ

Ряд наиболее популярных теоретических учений, пришедших в Германии, Австрии, Швейцарии, англосаксонских и других странах на смену «теории развития», называют в этнологической литературе обычно собирательным термином *диффузионизм*. Основанием для этого служит то, что для большинства крупных этнологических учений конца XIX и начала XX в. в большей или меньшей мере был характерен поиск причин изменения культур в процессах диффузии⁸¹. Однако и использование самого термина, и правомерность определения им теоретических основ немецкоязычной этнологии того времени вызывает большие сомнения. Дело в том, что большинство исследователей прошлого (в том числе и сторонники теории развития), а также нашего времени не сомневаются в факторе диффузии в развитии культурных явлений. В качестве исключения можно, пожалуй, назвать только Новое учение о языке Н.Я. Марра, отстаивавшего «автохтонизм». Все дело в том, какое место уделяется культурной диффузии — определяющее или наряду с другими действующими факторами. Что касается немецкоязычных этнологов, то лишь немногие ученые стояли на позициях примитивного прямолинейного диффузионизма. Большинство же исследователей ставили проблему значительно шире. В качестве примера можно привести труды географа

и этнолога *Георга Герланда* (1833–1919), которого иногда называют основателем немецкого диффузионизма⁸². К числу диффузионистов, хотя и без особого основания, относят известного эволюциониста *Генриха Шурца* (1863–1903) и африканиста *В. Шильде*. Поэтому возникавшие на рубеже веков теоретические направления нельзя сводить к определению существа диффузионизма, даваемого в Большой советской энциклопедии: «Диффузионизм объясняет развитие культур не их самостоятельной эволюцией, а главным образом или даже исключительно заимствованием культурных достижений или миграциями народов»⁸³.

Для рассматриваемых ниже научных школ и направлений было характерно признание культурной диффузии как важного или даже во многом определяющего фактора в процессах изменения культур. Но культурную диффузию не только не отрицал, но и строил на ней свою теорию распространения «элементарных идей» и сложения «народных идей» классик эволюционизма *Бастиян*. Да и весь эволюционизм в целом не был чужд идеям о миграции идей и культур. И советская этнография, хотя справедливо и не считала процессы диффузии, определяющими культурное развитие, тем не менее, признавала их достаточно важным фактором этногенеза, этнического и культурного развития.

К сказанному следует добавить, что многие существующие в литературе оценки и определения «диффузионизма», как со стороны его апологетов, так и противников, довольно односторонни и не дают полного представления о теоретическом значении и существовании этого процесса. В особенности это относится к резко отрицательной, не всегда справедливой критике диффузионизма в советской литературе 1930–1940-х гг. Особенно, когда некоторые сторонники этого направления обвинялись в расизме, в чем они, при всех их недостатках, не были повинны⁸⁴.

Сказанное позволяет сделать вывод, что рассматриваемые научные направления в немецкой этнологии

на рубеже веков неверно называть обобщенно «диффузионизмом». Между тем все они имели нечто общее, почти всем им присущее, а именно, чисто *механицистический* подход к объяснению процесса «изменения культуры». И именно этот механицистизм, а вовсе не признание фактора культурной диффузии, определяет существо теоретических построений тех, кого принято называть «диффузионистами».

**КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ.
ЭПОХА ФРИДРИХА РАТЦЕЛЯ**

В российской и большей части зарубежной этнологической литературы предтечей «диффузионизма» принято считать профессора Лейпцигского университета Фридриха Ратцеля (1844 – 1904), учение которого, *антропологеографию*, некоторые ученые едва ли справедливо называли «первой ласточкой диффузионизма»⁸⁵.

Огромная эрудиция, дар к широким теоретическим обобщениям позволяют причислить этого исследователя к числу виднейших представителей мировой этнологической науки своего времени. Многие мысли Ратцеля оказали большое воздействие не только на немецкоязычную, но и всю мировую этнологию. В том числе и на течения, причисляемые с большим или меньшим основанием к диффузионизму. Сам Ратцель никогда не использовал понятие «культурная диффузия» и не был пионером в открытии ее значения. Не говоря уже о более ранних мыслителях, идея диффузии лежала, как отмечалось выше, в основе теории Бастиана о возникновении «народной мысли». Ратцель вообще не был склонен сводить существо культурных процессов к диффузии, хотя, как и многие позднейшие ученые, справедливо придавал заимствованиям немалое значение в развитии и изменении культуры.

Как утверждал С.А. Токарев, диффузионизм, «направленный непосредственно против эволюционизма, а косвенно против марксизма... представлял собой попытку снять, упразднить само понятие эволюции, исторического прогресса, заменив его понятием куль-

турной диффузии, то есть пространственного перемещения культурных явлений»⁸⁶. Даже по отношению ко всему, так называемому диффузионизму, это утверждение представляется не вполне справедливым, односторонним, и политически ангажированным. Что же касается Ратцеля, то оно просто неверно. Ратцель не только никогда не упоминал о марксизме, — скорее всего он и не подозревал о его существовании, — но и вообще не ставил вопрос о происхождении культуры. Его интересовали лишь пути ее движения в связи с географической средой, и те изменения в культуре, которые были следствием главным образом разного рода культурных контактов. Таким образом, Ратцель не заменял понятие эволюции, исторического прогресса, понятием культурной диффузии, так как эти проблемы он просто не рассматривал. Ратцель никогда и нигде не выступал против принципа исторического развития. Последний был вне сферы его исследования, однако он его признавал и неоднократно упоминал. Не выступал, наконец, Ратцель и против эволюционизма как такового. Он лишь мимоходом, в редких местах своих многочисленных трудов, критически отзывался об излишней прямолинейности «теорий развития» Бастиана, а также некоторых его неудачных методических приемах. К примеру, о проведении необоснованных аналогий между народами, обитающими в самых различных природных условиях, и стоящими на разных уровнях культурного развития⁸⁷. Эти замечания исследователя представляются совершенно справедливыми и отнюдь не отрицают фактора культурного развития в целом. Попутно следует заметить, что теория «хозяйственно-культурных типов», разделяемая многими российскими учеными, также исходит из того, что непосредственно сопоставлять хозяйство и культуру в доиндустриальную эпоху можно лишь у народов, обитающих в сходных условиях среды и находящихся на примерно равном уровне культурного развития.

Для того чтобы верно понять существо учения Ратцеля, его место в истории этнологии, следует, прежде всего, иметь в виду, что по образованию он был географом, и по подходам к научным проблемам преж-

де всего географом. Практически все задачи, которые он перед собой ставил, были, прежде всего, географического или, точнее, «этногеографического» характера. Его учение «антропогеография» рассматривало человека и его культуру как часть окружающей среды, что в какой-то мере напоминает учение В.И. Вернадского о био- и ноосфере. Ратцель сам себя не считал этнологом, и весь обширный этнологический материал он привлекал для того, чтобы показать в «антропогеографии» связь человеческой культуры и природных условий. При этом он отнюдь не впадал в географический детерминизм. Просто он смотрел на явления с позиций географии, а исследовать сколько-нибудь широкие этнологические проблемы он по большей части не решался. И, тем не менее, вклад Ратцеля в теоретическую этнологию оказался исключительно большим, и оказал значительное воздействие на позднейшие, вплоть до современных, этнологические учения.

К сожалению, приходится отметить, что научное наследие Ратцеля изучено не лучше, если не хуже, чем Бастиана и некоторых их современников⁸⁸. Более или менее капитальные труды существуют только о Ратцеле-географе⁸⁹. О его деятельности как этнолога можно найти в иностранной литературе лишь самые общие сведения в разного рода юбилейных изданиях и энциклопедиях. Мало внимания ему уделено и в советской этнографической литературе⁹⁰. К тому же, оценка взглядов Ратцеля основывается в последней главным образом на русских переводах некоторых его работ. Формально — филологически верные, эти переводы, тем не менее, во многом искажают мысли автора, что ведет порой к весьма неточной интерпретации некоторых положений Ратцеля. Несомненно, в какой-то степени с этим связаны обвинения Ратцеля в том, что он был предшественником фашистской «геополитики», что заключалось, якобы, в его пропаганде и оправдании стремления Германии к завоеваниям на Востоке⁹¹. Между тем, немецкий текст не дает оснований к таким заключениям. А, кроме того, что касается «геополитики», то если нацисты вырвали из контекста и использовали в своих целях отдельные положения учения

Ратцеля, то сам он в этом неповинен. При достаточной беспринципности, путем манипуляций, нацисты находили для себя нечто «полезное» и в самых прогрессивных учениях.

Зато очень последовательные антирасистские взгляды Ратцеля, высказываемые в разных его работах, не совместимые с нацистской геополитикой, к сожалению, в литературе не отмечались.

Взгляды Ратцеля заслуживают самостоятельного исследования в объемистой книге. Поэтому ниже будет рассматриваться только самое необходимое для понимания места учения Ратцеля в немецкой и мировой этнологии, его значения для дальнейшего развития науки.

Исходя из традиций немецкоязычной науки о народах, необходимо по отдельности рассмотреть деятельность этого ученого в области этнологии и этнографии, то есть, с одной стороны, в связи с проблемами сравнительного исследования внеевропейских народов в области теории, а с другой — в связи с описанием их культуры и быта.

Что касается первого круга проблем, то традиционными для эволюционистской этнологии вопросами — историей семьи и семейных отношений, системами родства, проблемами религии, Ратцель практически не интересовался. И единственная, занимавшая его теоретическая проблема, связанная с этнологией, или в такой же степени с культурологией, состояла в исследовании закономерностей движения (или передвижения) культурных ценностей и значения этих процессов для *развития* культуры. Именно *развития*, а не ее *изменения*, как ставили проблему основатели некоторых новых этнологических учений в конце XIX и начале XX столетия. При этом вопрос о происхождении культурных форм в полном его объеме Ратцелем не ставился, а рассматривалось лишь движение отдельных культурных ценностей в связи с природно-географической средой, а также пути их трансформации.

В целом чисто этнологические сюжеты занимали хотя и не малое, но не преобладающее место в трудах Ратцеля, в том числе и в учении об «антропогеогра-

фии». Вместе с тем, многие идеи Ратцеля оказали существенное влияние на дальнейшее развитие так называемых *диффузионистских* учений, а некоторые его мысли не утратили значения и в наши дни, и могут дать импульс современным исследованиям.

Очень большое место в трудах Ратцеля занимает *этнография* — описание внеевропейских народов, чему посвящен один из его капитальных трудов. И другие его исследования также насыщены этнографическими данными. И сегодня этот богатейший и разнообразный эмпирический материал представляет немалую ценность для исследователей.

Ранние работы Ратцеля посвящены преимущественно географическим описаниям, и непосредственно к этнологии и этнографии исследователь обращается в своем первом большом труде «Антропогеография», выдержавшем ряд переизданий и переведенном на многие европейские языки⁹².

В самом общем, и поэтому лишь в приближенном виде, антропогеографию можно определить как учение о природе, человеке в природной среде, их взаимодействии, значении географических условий для распространения культурных явлений, историческом формировании «антропогеографической» среды, как неразрывного единства природа — человек. Антропогеографическое учение не было выражением географического детерминизма. Ратцель констатировал достаточно бесспорные факты, с интерпретацией которых можно соглашаться или не соглашаться. Так, он отмечал определенную связь разнообразных географических факторов с историческими и культурными процессами. Наличие в этих связях закономерностей, а также обусловленности тех или иных видов хозяйственной деятельности на ранних этапах развития человечества условиями природной среды. Если мысли Ратцеля о связи путей развития исторических процессов и условий среды, хотя и заслуживают внимания, однако могут стать предметом дискуссии, то, как уже отмечалось выше, связь условий среды и того, что называется «хозяйственно-культурным типом», представляется совершенно бесспорной. Также бесспорна в свете

современных этнологических представлений идея о взаимосвязанной «антропогеографической» среде.

Первый том «Антропогеографии» озаглавлен «Основы применения земледения к истории» и в значительной мере посвящен исследованию с точки зрения географа влияния (но не *детерминизма*) географического фактора, а также смены территории расселения на исторические процессы. Эта первая часть исследования посвящена преимущественно географическим проблемам, однако затрагиваются и многие этнологические и культурологические вопросы. По ходу дела привлекается довольно значительный этнографический материал по первобытным и полупервобытным народам разных частей света. Рассматривая антропогеографию лишь как раздел «биогеографии», т. е. науки о жизни на земле, Ратцель подчеркивал пространственную и материальную общность жизни на земле, и отмечал при этом, что каждый народ современности имеет сложную историю формирования из различных групп населения, происходившую на разной территории. Но при этом, по словам Ратцеля, влияние природных условий на человека — народ происходило только в том случае, если оно проявлялось достаточно долго. Этот, в общем, исторический подход, находит отражение и в словах о том, что «духовные достижения... могут распространяться и существовать в областях, которые вовсе не благоприятствовали бы их возникновению»⁹³. Заслуживает внимание определение Ратцелем взаимоотношения первобытного человека (*Naturmensch*) и природы. В отличие от распространенного еще с эпохи Просвещения мнения о том, что «природный» человек составлял в глубокой древности часть природы, но впоследствии отделился от нее, Ратцель полагал, что «*Naturvolk*» — это не народ, который живет в слитии с природой, а тот, который находится под ее давлением. И разница между примитивными и культурными народами не в близости к природе, а в характере взаимоотношения с ней. «Культурный народ не делает себя свободным от природы, а усложняет и совершенствует способы ее использования... Наша культура связана с природой теснее, чем любая ей предшеству-

ющая, так как мы знаем больше, что от нее можно получить»⁹⁴.

Ратцель подробно останавливается на целях, задачах, методах антропогеографии. По его словам, этот раздел науки описывает области, где обитают люди, и картографирует распространение человека по ойкумене: места расселения, его плотность, пути сообщения, распространение человеческих рас, народов и их групп, этнографических, языковых и политических общностей. Одно из центральных мест в концепции антропогеографии занимает положение о том, что «ни один народ не обитает сегодня на территории, где он возник, и не всегда на ней останется. Рассматривая эти явления, география соприкасается с историей, которая тоже исходит из того, что человечество находится в движении»⁹⁵.

Как в данном, так и в других трудах, Ратцель совершенно справедливо подчеркивал значение для истории понимания географической среды и ее особенностей. «Все, что происходит в определенном пространстве и связано со временем, это задачи истории, с пространством — географии».

Разумеется, с точки зрения историка и этнолога такого рода взгляд хотя и не ошибочен, но узок. Однако опять следует подчеркнуть, что Ратцель — прежде всего географ и его основные интересы заключались в постановке новой для науки о народах проблемы — значения географической среды для человека и распространения его культуры. Это ясно следует из слов о том, что антропогеография занимается только теми законами, которые могут быть сформулированы с позиций географии⁹⁶.

Едва ли прав Ратцель, придавая несколько излишнее значение фактору подвижности населения, его численности и местоположению для исторического процесса. Так, в частности, нельзя согласиться с утверждением, что когда народ численно растет, то усиливается внутреннее движение, и история приобретает интенсивный характер; а когда народ перерастает возможности изыскания пропитания, это толкает его к движению «наружу», т. е. к переселению, экспансии.

И, таким образом, в истории чередуются этапы относительного покоя и подвижности⁹⁷. Кстати сказать, едва ли без воздействия этих идей Ратцеля, Л. Н. Гумилевым была предложена более чем сомнительная концепция «пассионарности» и ее роли в истории и этногенезе народов.

Спорно утверждение Ратцеля о том, что «то, что облегчает движение народов, ускоряет также движение истории»⁹⁸. Всем этим мыслям, многократно повторяющимся в трудах рассматриваемого автора, критики идей Ратцеля придавали особое, негативное политическое звучание. При этом, однако, следует иметь в виду, что в целом для учения Ратцеля эти идеи имели лишь служебное, но отнюдь не основное значение. Едва ли справедливы упреки, делавшиеся порой Ратцелю, в том, что, говоря о «необходимости численно растущего народа территориально распространяться», он имел в виду именно Германию, и тем самым был предтечей нацистской геополитики. На самом деле Ратцель вовсе не концентрировал внимание на Германии, а приводил примеры и сопоставления с народами Африки и других частей мира, в том числе России, упоминая проблемы Германии лишь наряду и по аналогии с ними.

Значительно больше собственно этнологических сюжетов рассматривается Ратцелем во втором томе «Антропогеографии». Основные проблемы здесь — соотношение народа и его культуры, законы движения культуры, соотношение диффузии и автохтонизма. Затрагиваются также вопросы подходов антропогеографии и «теории развития» к возникновению и развитию культур. Как и в других работах, Ратцель неоднократно возвращается к проблеме единства человечества и его культуры, категорически утверждая единство человеческого рода, как представителя *Homo Sapiens*, отмечая при этом смешанность человеческих рас и групп населения⁹⁹.

Обращаясь вновь к проблеме соотношения численности населения и его культуры, Ратцель, как представляется, слишком узко, только с географических позиций, рассматривает связанные с ними вопросы. Хотя, нельзя не признать, что отдельные его мысли, если их

не абсолютизировать и не рассматривать как утверждение о проявлении обязательной закономерности, не лишены интереса.

При том, что исследователь излишне прямолинейно и исторически мало обоснованно утверждал, что количество населения в границах определенного пространства в значительной мере определяет ход развития культуры, он, очевидно, прав, когда писал, что чем теснее соприкасаются между собой люди, тем теснее между ними связи и общение, тем больше это способствует развитию культуры. Трудно, в общем, оспорить мнение, что низшей ступени культуры, на которой стоят охотники-собиратели и пастушеские народы, соответствует редкое население. Ратцель убедительно показывает, что экстенсивные формы хозяйственной деятельности требуют рассредоточения населения по большим пространствам¹⁰⁰.

Рассматривался Ратцелем и такой, и в наше время не утерявший актуальности вопрос, как последствия столкновения отсталых культур и цивилизаций. Основываясь на значительном фактическом материале, автор убедительно иллюстрировал пагубность воздействия на народы тропиков и Арктики колониальной системы.

К сказанному следует добавить, что многие мысли и выводы Ратцеля основывались на фактическом этнографическом материале, которым располагала в его время наука, а также на состоянии политической ситуации, существовавшей в мире в конце XIX века, которую он рассматривал как стабильную и неизменную. А из этого следует, что оценивать взгляды и выводы Ратцеля надо как человека своего времени, а не только с высоты исторического опыта.

Особый раздел второго тома «Антропогеографии» посвящен проблеме «этнографических признаков народа». В литературе встречается точка зрения, что Ратцель интересовался главным образом явлениями материальной культуры¹⁰¹. Однако основана она, скорее всего, на недостаточном знакомстве с трудами Ратцеля. Действительно, он пишет: «Народы более изменчивы, чем создаваемые им предметы... Большое значение

для истории народа имеет географическое распространение этнографических предметов, так как оно указывает на происхождение народов и пути их распространения». Но здесь же автор отмечает, что «этнографические предметы — это формы, в которых заключены *idei* (выделено мной — Г.М.). Идеи предметов получают в разных местах воплощение в разных формах, но еще больше изменяются при распространении явления духовной культуры», на которую Ратцель обращает не меньшее внимание, чем на материальную культуру¹⁰².

Значительное внимание Ратцель уделял рассмотрению путей движения культурных ценностей: в ходе миграции населения, торговли, политических и культурных сношений.

Одна из наиболее существенных проблем, исследуемых Ратцелем в «Антропогеографии», — это вопрос о происхождении отдельных культурных явлений, причинах их сходства и различий в разных местах. Автор пишет, что по поводу «этнографического родства (т.е. сходства — Г.М.) культурных явлений в отдаленных друг от друга областях, существует две точки зрения. Согласно одной, сходные явления могут возникать самостоятельно у отдаленных друг от друга народов вследствие сходства психики человечества». Такое объяснение Ратцель назвал «психологическим». Согласно другой, существует какой-то один первоначальный центр, откуда идет распространение культурного явления — это «географическое направление». С известными оговорками Ратцель причислял себя к числу сторонников второго направления¹⁰³. В связи с чем, собственно, его и называют диффузионистом. Однако в действительности все обстоит не так просто и однозначно, как это пытаются иногда представить некоторые авторы. Прежде всего, Ратцель считал необходимым различать характер культурных явлений, о которых идет речь. Во-вторых, явления простые и сложные. Так он отмечал, что трудно предположить конвергентное возникновение весьма отвлеченных, абстрактных культурных явлений. Но чем ближе этнографическое явление связано с практическим использованием, как-

то, например, каменный топор, тем более вероятно, что изобретение возникло самостоятельно в разных местах. Таким образом, полагал он, заимствования следует искать только там, где явление несет на себе определенный отпечаток чужой этнографической, этнической специфики, которая едва ли может самостоятельно возникнуть в разных местах. Предметы же целевого, особенно производственного назначения, возникают самостоятельно там, где в них существует жизненная потребность. Ратцель соглашался со словами исследователя Южной Америки Бурмайстера, когда тот пишет, что «в эпоху детства человечества делали одно и то же в разных местах, когда его толкали к деятельности аналогические обстоятельства. Первоначальная деятельность человека обусловлена его начальным (неразвитым — Г.М.) разумом и имела повсеместное сходство»¹⁰⁴.

Как ни парадоксально, но эти идеи чрезвычайно близки к мыслям Бастиана, что, кстати, подмечено и некоторыми современными исследователями. Эти ученые полагают, что жесткая оппозиция двух учений — Бастиана и Ратцеля — основана в известной мере на недоразумении, и при уточнении формулировок можно было избежать многолетних споров¹⁰⁵.

Если уже только названные взгляды Ратцеля заставляют весьма осторожно относиться к определению его как «диффузиониста», то в еще большей мере в этом убеждает его отношение к конвергенции или миграции сложных и простых, особенно не несущих специфических признаков явлений. Появление последних в разных областях мира может быть следствием, как полагает ученый, самостоятельных изобретений. Но предметы, к примеру, со сложными орнаментальными композициями едва ли могут самостоятельно создаваться в разных местах. Скорее всего, они двигаются из какого-то одного центра. Думается, что и эта мысль Ратцеля не может вызвать особых возражений, а также ставит под сомнение «чистоту» его диффузионистских позиций.

Лишь отдельные замечания посвящает Ратцель полемике со сторонниками «теории развития». Так, он

возражает против построения классификации развития культурных явлений только по восходящей линии эволюции — по пути их усложнения, справедливо утверждая, что развитие может идти не только по восходящей, но и нисходящей линии («деволюции»). Свою точку зрения он аргументирует весьма разносторонним и убедительным фактическим материалом¹⁰⁶. Весьма остроумно он критикует положение Бастиана о «народных идеях», о том, что появление сходных культурных элементов вызывается общими свойствами человеческой психики. В связи с этим он задает вопрос, — а как же быть с «непоявлением» в тех или иных областях отдельных культурных явлений? И, отвечая на него, говорит, что для обоснования «народных идей» приходится «искать выход» только в факторе случайности¹⁰⁷. И, одновременно с критикой Бастиана, Ратцель постоянно повторяет свое утверждение о единстве человечества в физическом и умственном отношении. Интересны выводы Ратцеля о том, что родство по происхождению — по крови, — отличается от этнографического сходства, которое может быть основано на разного рода внешних соприкосновениях и связях. И, наоборот, на основании этнографических признаков нельзя делать выводы о расовом и кровном родстве¹⁰⁸.

Весьма любопытны взгляды Ратцеля, не получившие, к сожалению, дальнейшей разработки о различиях в интенсивности и путях распространения разного рода культурных элементов.

Как и Бастиан, Ратцель интересовался проблемами этногенеза и может быть с полным основанием причислен к создателям этого направления этнологических исследований.

Рассматривая распределение культур в разных регионах мира, Ратцель высказал в «Антропогеографии» предположение о возможности классификации их по происхождению и географическому распространению по «культурным кругам» или «культурным зонам», что было использовано как методическая основа, правда, без ссылок на автора, создателями некоторых новых, так называемых диффузионистских учений.

Ратцель настойчиво проводил мысль, составляющую одну из основ его учения, полагая, что почти всегда этнографические предметы перемещаются в пространстве *вместе* с людьми. Спонтанное же, независимое от людей передвижение происходит редко. Поэтому, по словам Ратцеля, основной закон антропогеографии состоит в том, что вещи передвигаются с людьми, через людей, в их душе, как «идея формы». Из этого следует вывод, что это создает «тесную связь между народом, его орудиями, оружием, украшениями и т. п., и придает им этнический характер, как бы печать народа. Поэтому этнографическое распространение указывает на круг распространения народа или, по крайней мере, его связей. Географическое распространение вещей соответствует распространению народа»¹⁰⁹.

В наиболее полном виде Ратцель изложил свою концепцию о «культурных зонах» (кругах) в исследовании, посвященном африканским лукам. Их типы он связывал с определенными группами населения и с азиатским и меланезийским влиянием¹¹⁰. Разработанная Ратцелем в этой работе идея, в ухудшенном виде была использована Фрицем Гребнером в его варианте учения о «культурных кругах».

Идеи антропогеографии развивались Ратцелем и в других, более поздних работах, в которых рассматривались вопросы географического распространения культур на земле — «Человечество как жизненное явление на земле», и некоторых других.

Известное внимание Ратцель уделял проблемам колониализма, который он оценивал весьма своеобразно, и большая часть его взглядов оказалась опровергнутой ходом истории XX в. Так, например, Ратцель справедливо писал, что «... завоевание оружием чужих стран все больше отходит на второй план, а на его месте постепенно выступает экономическое завоевание». Но далее он утверждал, что «колонизация принимает характер организованного управления и руководства туземцами для лучшего использования их сил». И что климатические условия «... в умеренном поясе позволяют белым развернуть все свои силы, а в жар-

ком — настоятельно заставляют их прибегать к сотрудничеству туземцев»¹¹¹. Но, одновременно, Ратцель резко осуждал многие методы колониальной политики: захваты земель у местного населения, спаивание его, занесение заразных болезней и пр.

Специально проблемам этнологии и этнографии Ратцель посвятил фундаментальный трехтомный труд «Völkerkunde». Правда, теоретическим проблемам этнологии автор уделил сравнительно немного места во вводных разделах к первому тому, посвященных проблемам культурных контактов, выяснению причин сходства и различий в культурах разных народов.

Основная часть первого тома включает описание народов Африки. Во втором описываются народы Океании, Америки и Азии, в третьем, с позиций народоведения, рассматриваются культурные народы Старого и Нового Света¹¹². В своем труде Ратцель собрал и систематизировал огромный фактический материал, не утерявший значения до наших дней. Работа получила широкую известность, неоднократно переиздавалась и была переведена на иностранные, в том числе и на русский, языки. Но на русский под ошибочным названием «народоведение» вместо «этнология».

В разделах, посвященных теоретическим проблемам, Ратцель задается вопросом о целях и задачах этнологии, путях развития культур, причинах различий в их уровнях. Затрагивает он и многие другие проблемы, в том числе, о существовании понятия *Naturmensch* — «природный» (первобытный) человек. Свой принципиальный подход к исследованию этнологии народов мира Ратцель определяет следующим образом: «Пропасть в уровне культурного развития между двумя группами населения по ширине и глубине может быть полностью независимой от различий в степени одаренности. На нее мы будем обращать внимание в последнюю очередь, в отличие от различий во внешних условиях. Поэтому особое внимание мы будем уделять внешним условиям жизни народов ... Таким образом, рука об руку пойдут географический подход и исторические обстоятельства»¹¹³.

Особенно важно подчеркнуть точку зрения Ратцеля о том, что в основе духовного достояния лежит материальное, и что поэтому на всякий вопрос о происхождении культуры следует, прежде всего, ответить, что благоприятствует развитию материальных оснований культуры¹¹⁴.

Полемизируя со сторонниками «теории развития» по ряду вопросов эволюции культуры, Ратцель вместе с тем отнюдь не выступал против исторического понимания ее развития. Он даже употреблял понятие Бастиана «элементарные идеи», однако высказывал мнение, что их распространение происходит не так просто и однозначно, как полагал этот автор и некоторые другие сторонники «теории развития» (эволюционисты). Выступал Ратцель и против распространения в его время понятия «неисторические народы», которых, как он полагал, называли так только потому, что их историческая традиция не зафиксирована в письменности. Хотя «их достижения не потеряны для культуры». Как отмечал Ратцель: «Мы называем «бедными культурой» народы, которые вследствие внутренних и внешних причин медленно проходили культурное развитие. Но они не «бескультурные», так как обладают всеми средствами для дальнейшего развития: языком, огнем, орудиями, оружием»¹¹⁵. Таким образом, и эти взгляды Ратцеля нельзя назвать диффузионистскими в том смысле, которое обычно вкладывается в это понятие, а скорее, несколько ограниченным узким взглядом географа, но при этом во многом историческими. И это достаточно подтверждается точкой зрения Ратцеля о том, что решение вопросов о заимствованиях и самостоятельных открытиях может быть решено только путем специальных исследований на основе представительного фактического материала¹¹⁶.

Наконец, следует отметить, что в рассматриваемой работе Ратцель еще более определенно формулирует свои взгляды по поводу «культурных кругов» и «культурных зон», считая, однако, что выделять их можно только на основании совокупности всех данных о культурных признаках той или иной «зоны» или «круга».

Широта научных интересов Ратцеля, богатство его мыслей в области теории, выдающееся значение его идей для дальнейшего развития этнологии и этнографии в целом еще ждут своих исследователей и, несомненно, их детальный анализ может привести к новым и достаточно неожиданным выводам, не совпадающим с распространенными в российской и зарубежной историографической литературе. Перспективными представляются и дальнейшие исследования в области «антропогеографии», теория которой, будучи освобожденной от некоторой географической детерминированности, может стать важным направлением в дальнейшем развитии этнологической науки. Тем более, что многие идеи Ратцеля прямо или косвенно живут в современных этнологических и этнографических концепциях, не говоря уже о картографическом методе, одним из пионеров которого был этот немецкий ученый. Как можно полагать, мысли Ратцеля оказали воздействие на формирование в советской науке учения о хозяйственно-культурных типах.

В странах немецкого языка в среде народоведения было много последователей антропогеографического учения Ратцеля, как и в других странах, например в Болгарии. Что касается теоретических взглядов этого ученого в области этнологии, то прямых последователей у него не оказалось, притом, что отдельные его положения были достаточно широко использованы без ссылок на их автора.

**КУЛЬТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ**

Одной из наиболее ярких фигур в немецкой этнологии на протяжении многих десятилетий, от конца XIX в. до 30-х гг. следующего столетия был Лео Фробениус (1873 – 1938). Археолог, этнолог, фольклорист, он был основоположником культурно-морфологического учения и главой этнологической школы, основателем *Института культурной морфологии* во Франкфурте-на-Майне, переименованного после Второй мировой войны в *Институт Лео Фробениуса*.

Ранние работы Фробениуса, как и труды 1920-х гг., рассматривались, хотя и далеко не полностью, в зарубежной и отечественной историографии. При этом в последней оценки его взглядов представлялись не всегда справедливыми и не во всех случаях основывались на анализе первоисточников. Наряду с более или менее взвешенными оценками взглядов Фробениуса¹¹⁷ встречались и довольно предвзятые, характеризующие его как «немецкого реакционного этнографа»¹¹⁸ или даже «расиста», что совершенно несправедливо и выглядит скорее как брань, а не научная критика. Но меньше известно о Фробениусе в третий период его научной деятельности в 1930-е гг., когда он работал над проблемами теории культуры. Его взгляды этого времени не получили достаточной оценки ни в зарубежной, ни в отечественной литературе, о чем будет говориться в следующей главе.

Фробениус родился в состоятельной офицерской семье. С юных лет он увлекался литературой о путешествиях и народах дальних стран. Особый интерес он проявлял к поискам и находкам Генриха Шлимана. Отличаясь с детства огромным трудолюбием, Фробениус, тем не менее, не окончил курс в Коммерческой школе в Бремене, и только спорадически посещал занятия в высших школах в Берлине, Страсбурге, Лотцене, Глогау и Халле. Поэтому все свои большие знания он получил практически путем самообразования. Не имея свидетельства о высшем образовании, он представил диссертацию о тайных союзах Африки, которая была отвергнута.

В 1884 г. Фробениус поступил сначала в Базельский, а затем Бременский музей, где работал до 1886 г., занимаясь этнографическими материалами. В 1897 г. он был принят в качестве сотрудника в Лейпцигский музей этнографии.

В 1904 г. он возглавил первую «Немецкую внутриафриканскую исследовательскую экспедицию» (Deutsche Innerafrikanische Forschere — Expedition) в Конго. В 1907 — 1909 годах состоялась вторая поездка, во время которой экспедиционный маршрут пролегал от Сенегала через Мали и Того. В 1910 г. Фробениус направляется в третью экспедицию в Алжир, где он изучал кабилы и собирал берберские сказки. В том же году он посетил Нигерию и Камерун, где занимался этнографическими и археологическими исследованиями. С 1912 по 1915 гг. Фробениус совершил еще пять, шесть и седьмую экспедиционные поездки в Хартум и Кордофан, Марокко, Северную Эфиопию и другие области Африки и Азии¹¹⁹.

На основе собранных этнографических, археологических и фольклорных материалов, Фробениус опубликовал свои первые капитальные труды и ряд статей¹²⁰.

Молодость Фробениуса пришлась на времена, когда в Германии происходило становление национального самосознания, и в науке была поставлена проблема «всемирной истории». Но мир рассматривался при этом узко и охватывал лишь Европу, а

также, в лучшем случае, Египет и Переднюю Азию, и лишь применительно к древности. Одна из крупнейших фигур в историографии XIX в., Леопольд Ранке, исключал из мировой истории Китай и Индию, относя их к ведению естественной истории. Население Африки, Океании, Южной Америки были для него, как и всей науки того времени, еще в «естественном» (природном — *natürlichen*) состоянии¹²¹. Уже в ранних работах Фробениус выражал несогласие с такой постановкой вопроса. А позднее прямо выступил против этой точки зрения. Он отмечал, «...что еще одно поколение назад считалось, что Африка населена полуживотными варварами, расой рабов, которые могли выработать лишь фетишизм». В связи с этим он утверждал, что на самом деле ее народы создали сложную и высокую культуру¹²². Стало огромным событием, когда исследователи, и первым среди них Фробениус, показали, что народы Африки и других далеких областей мира имели собственную историю. Трудami Фробениуса было доказано, что Африка имела огромное культурное прошлое, что хотя и косвенно, но способствовало формированию в сознании европейцев идеи необходимости деколонизации Африки.

Самоучка, так и не ставший до конца профессионалом, Фробениус в молодые годы был последователем И. Г. Гердера и немецкого романтизма. В его ранних работах отразились некоторые положения натуралистических учений XIX века. Затем он резко изменил позиции и выступил против натурализма, за органический подход и синтез при изучении культуры. Наиболее известными в его научных исследованиях были учение о «культурных кругах», «душе культуры», «мужских» и «женских» культурах (о которых когда-то писал И. Бахофен), работы в области «морфологии», «анатомии» и «физиологии» культуры.

Значительное влияние оказали на Фробениуса труды Адольфа Бастиана и Фридриха Ратцеля. Под руководством Ратцеля он работал некоторое время в Лейпцигском музее этнологии (*Völkerkunde*). Уже в 20 лет он опубликовал свои первые статьи. Эти рабо-

ты были замечены специалистами, однако оценены довольно критически. Свою основную задачу молодой исследователь видел в новом постижении культуры на основе критериев, предложенных Ф. Ратцелем¹²³.

Со временем Фробениус стал крупнейшим специалистом в области этнологии, археологии и фольклора, прежде всего Африки, а также Австралии и Океании, автором этнологических карт Африки, не утеревших научного значения до наших дней. Однако хотя Фробениус принадлежал к числу наиболее выдающихся немецких этнологов своего времени, его взгляды не получили признания среди ученых-этнологов¹²⁴. В какой-то мере это было следствием отношения к самому ученому, а также сложности и противоречивости его этнологических и философских воззрений.

Точные наблюдения сочетались у Фробениуса иногда с беспочвенно-фантастическими выводами, а некоторая бессвязность изложения и недостатки литературного стиля очень затрудняли понимание его мыслей.

Долголетнюю научную деятельность Фробениуса можно условно разделить на три периода: первый — конец XIX и первое десятилетие XX в. — время интенсивной экспедиционной деятельности и весьма немногочисленных публикаций; второй — 1920-е гг.; наконец, третий — годы после прихода к власти нацистов. Каждый из этих периодов отличался заметным своеобразием, а последние публикации ученого испытали определенное воздействие атмосферы и политической ситуации в гитлеровской Германии. Наиболее интенсивная научная деятельность исследователя пришлось на два последних периода, когда вышли в свет его основные публикации, речь о которых пойдет в следующей главе.

Оценивая ранний этап научной деятельности Фробениуса, можно отметить, что в конце XIX в. и первые годы перед Первой мировой войной он начал приобретать авторитет как специалист по африканистике.

Во время войны ярко проявились авантюристические склонности Фробениуса, характерные, впрочем, и для его последующей деятельности, выразившиеся в попытке развернуть на Ближнем Востоке разведывательную деятельность. Со вступлением Турции в Первую мировую войну на стороне Центральных держав, германское руководство стало уделять особое внимание исламскому миру и мусульманскому населению в колониях Англии и Франции. Было организовано «Информационное бюро для Востока», и предпринята попытка поднять восстание в Судане. Для осуществления этой цели предложил свои услуги Фробениус, которого поддержал в его начинании император Вильгельм II, находившийся с ним в дружеских отношениях. Фробениус получил 60 тыс. золотых марок и направился под видом госпитального чиновника в Стамбул, и далее в Эфиопию и Судан. Главная задача, которую хотел выполнить Фробениус, заключалась в организации восстания против колониальных властей с тем, чтобы предотвратить нападение Италии на Эфиопию. Для того чтобы придать миссии Фробениуса большее значение, ему было временно присвоено звание тайного государственного советника. Для руководителей восстания Фробениус вез высокие германские ордена. Но по дороге Фробениус был задержан итальянцами. Тогда по его инициативе с немецких военных кораблей, стоявших в Массауа, было отправлено продовольствие арабам побережья с тем, чтобы они не восставали против турок. Сам Фробениус отправился в Рим, где развил бурную публицистическую деятельность для оправдания целей своей «экспедиции». Из Италии его отправили обратно в Германию, где он получил Железный крест II степени. Таким образом, предприятие Фробениуса провалилось, и в «Информационном центре» надеялись, что Фробениус утихомирит свою деятельность, поддерживаемую императором. Однако он вновь стал предлагать столь же фантастические проекты, что заставило МИД Германии резко выступить против новой экспедиции¹²⁵.

Уже в начале творческого пути Фробениус показал себя незаурядным исследователем-теоретиком в области этнологии. Изучение научного наследия ученого показывает, что именно его (как и Ф. Ратцеля) следует считать основоположником учения о «культурных кругах», а не Ф. Гребнера и Б. Анкермана, как это пытались доказать деятели Венской католической культурно-исторической школы¹²⁶. По мнению Фробениуса, эти ученые извратили его идеи, исследуя культуру с атомистических позиций. Он же (хотя и непоследовательно) пытался охватить культуру во всех ее проявлениях (как функциональную структуру), рассматривая человека как маленького носителя всей совокупности культурных ценностей. Ученый полагал, что сначала следует понять культуру как целое и только после этого анализировать ее отдельные черты и искать объяснение из связей с другими культурными явлениями. Такой подход в целом имел структурный характер, чем выгодно отличался от чисто количественного, «механицистического» подхода Ф. Гребнера при конструировании им теории культурных кругов, заимствованной затем культурно-исторической школой В. Шмидта.

Одной из первых гипотез Фробениуса, получившей широкую известность, было выдвинутое им в 1904 г. предположение о наличии в истории культуры «солярно-мифологического этапа»¹²⁷. Уже в этой гипотезе проявилось стремление Фробениуса к мистицизму. Но особенно яркое выражение подобные взгляды получили в позднейших его трудах, посвященных попыткам выявления «души культуры».

Начиная с ранних работ, Фробениус сочетал в теоретических взглядах объяснение происхождения и изменения культур посредством миграций и культурных контактов с резкой биологизацией культурных явлений. Культуру он понимал как биологический организм, который рождается, становится зрелым и умирает. Из этого следовало заключение, что культура как таковая возникает и растет сама по себе, независимо от человека, являясь как бы ответом на совокупность природных условий и возможностей для хозяйствен-

ной деятельности. Фробениус полагал, что в сходной среде рождаются аналогичные культуры¹²⁸. Нельзя исключить того, что этот вывод был сделан под влиянием идей Ф. Ратцеля и в свою очередь мог оказать воздействие на авторов «хозяйственно-культурных типов», знакомых с трудами Фробениуса.

О том, каков был путь возникновения теории «культурных кругов» и о приоритете Фробениуса в ее разработке писал в свое время известный этнолог, исследователь первобытных верований, Адольф Энзен. Как он отмечал, еще в этнологических работах XIX века ставился вопрос об этнографических параллелях и причинах существования у отдаленных друг от друга народов сходных орудий, обычаев, идей. Попытки ответить на этот вопрос разделили этнологов прошлого столетия на два лагеря. Лейпцигский этнолог Фридрих Ратцель возражал против теории Бастиана об элементарных идеях и считал, что параллелизм может быть объяснен только миграциями и заимствованиями. Последнее утверждение, впрочем, не совсем основательно и несправедливо сужает постановку Ратцелем теоретических вопросов, отнюдь не исключавших исторических путей развития. Далее Энзен писал, что «настоящим открытием учения о культурных кругах было то, что ряд сходных культурных элементов имел более или менее одинаковое распространение, причем особенно такое явление заметно при картографировании. Из этого следовало, что между элементами имелась какая-то связь, и они принадлежали существовавшей некогда единой культуре. Область распространения нескольких сходных культурных ценностей была названа «культурным кругом», который определялся как остаток некогда широкой культуры. Была поставлена задача реконструировать на основе предложенных культурных кругов культурно-исторические эпохи, и таким образом углубить представления об истории человечества»¹²⁹. Энзен высоко оценивал работу, проделанную «...этнологами второй половины прошлого века по упорядочению и систематике примитивных культур. Но их определение и метод получили завершение в труде Фробени-

уса «Der Ursprung der afrikanischen Kulturen» (1898). Но в дальнейшей дискуссии Фробениус частично отказался от своих выводов, и позднее изложил свои идеи о культурных кругах в «Африканском атласе» и в других работах¹³⁰. Что же касается Гребнера и Анкермана, то они, впрочем, бездоказательно, утверждали, что Фробениусу не принадлежит авторство теории культурных кругов.

В своих работах Фробениус нередко выступал против распространенных в его время взглядов, согласно которым происходило чисто механицистическое «изменение» культур, что якобы и составляло историю культуры. В частности, он критиковал понимание культурных кругов в виде собрания отдельных элементов, когда их пытались реконструировать Ф. Гребнер, Б. Анкерман, В. Шмидт. Рассматривая культуры как живые организмы, ученый пришел к выводу, что их эволюция подчиняется общим законам развития жизни¹³¹. Изучение и сопоставление африканских и меланезийских культур позволило ему утверждать, что изменение культуры есть следствие распространения не отдельных элементов, а целых комплексов культуры, которые представляют собой не беспорядочное собрание случайно объединившихся компонентов, а целесообразные структуры¹³². Не усматривая в культуре простую сумму разнородных элементов, Фробениус считал обязательной взаимосвязь культурных элементов и возможность «этногенного», т. е. независимого от внешних воздействий изменения культуры. Как ни странно, но именно эта точка зрения Фробениуса была объявлена представителями культурно-исторической школы антиисторической.

Следует подчеркнуть, что Фробениус первым предпринял попытку рассмотреть африканские культуры в исторической перспективе. Особое внимание он уделил связям африканских культур с культурами других областей мира, а также миграциям, циклически происходившим в Африке с востока на запад и с запада на восток. Им были выделены «хамитская», «азиатская» и «семитическая» культуры, а также «южноэритрейский», «североэритрейский», «сиртский»,

«атлантический» и «западноафриканский» культурные круги¹³³.

На основе анализа и сопоставления этнографического материала Фробениус установил черты сходства между культурами Западной Африки и Меланезии, которые он объединил в «малайско-негритский круг». Вследствие дальнейших смешений сложилась, по мысли Фробениуса, новая «африканская культура»¹³⁴.

Труды Фробениуса свидетельствуют о признании им того, что историческая проблематика имеет непосредственное отношение к задачам этнологии. По этому вопросу у него имелись серьезные разногласия с О. Шпенглером, многие взгляды которого были ему в целом близки. Так, если последний признавал историчными только высокие культуры цивилизаций, то Фробениус считал, что нет «неисторических» народов, которые не были бы исторически значимыми. Вся научная деятельность Фробениуса была определена исторической тематикой, и понятие «этнология Африки» было для него равнозначно «истории африканской культуры»¹³⁵.

Изучая пути распространения культур, Фробениус вслед за Ф. Ратцелем задавался вопросом о механизме процессов, путях и скорости передвижения, как культурных явлений материальной сферы, так и социальных институтов — проблемах, не утерявших теоретического и практического значения в наши дни. Одновременно он выступал против попытки некоторых ученых, принадлежавших к «культурно-историческому направлению», переносить выводы о временной последовательности распространения культур, сделанных на основе изучения народов Океании, на все культуры мира. Фробениус постоянно подчеркивал сложность и богатство исторической действительности и возражал против положения об однолинейной эволюции.

Научная деятельность Фробениуса как исследователя африканских народов и основателя Института культурной морфологии, создателя этнографических атласов Африки, теоретика, одним из первых поставив-

шего проблему «культурных кругов», позволяет рассматривать этого ученого как крупнейшую фигуру в немецкой и мировой африканистике и этнологии. Что касается той стороны его научной деятельности, которая была связана с «философией культуры», то нельзя не присоединиться к распространенному мнению, что она была внеисторичной, основанной на формальных и вульгарно-биологических взглядах.

В конце XIX и начале XX вв. в странах немецкого языка сложились этнологические учения, получившие распространение не только в Германии, Австрии и Швейцарии, но и оказавшие воздействие на американскую, а позднее и российскую науку о народах. И прежде всего это было связано с широкой пропагандой учения *Фридриха Гребнера* о «культурных кругах» и теоретическими положениями *Культурно-исторической школы*. Значение и популярность этих этнологических учений в странах немецкого языка и за их пределами вызвали к ним интерес советских и зарубежных исследователей, уделивших их анализу и критике немалое внимание. Однако имеющиеся публикации довольно фрагментарны, излишне политизированы, а работы советских авторов написаны во многом с догматических позиций. В целом же все эти исследования не дают достаточно полной и достоверной картины теоретической мысли и места этих школ и учений в научной жизни того времени¹³⁶.

Как уже отмечалось выше, основоположником учения о культурных кругах был, собственно, не Гребнер, а Лео Фробениус. Однако в его интерпретации оно не стало популярным. К тому же враждебно к нему настроенные деятели *Культурно-исторической школы*, имевшие большие возможности для пропаганды своих идей, настаивали на приоритете Гребнера, хотя это и противоречило действительности.

78 Существуют разные точки зрения относительно идейных и философских истоков учения *Фридриха*

Гребнера (1877 – 1934). В советской литературе неоднократно утверждалось, что имела место прямая преемственность его взглядов от положений неокантианской философии Фрейбургской школы и, в частности, Г. Риккерта. П.Ф. Преображенский, С.А. Токарев и ряд других ученых высказывали мнение, что свое учение Гребнер основал на неокантианских постулатах о том, что система наук должна строиться на субъективном отношении к действительности. Что история не знает никаких общих закономерностей, и имеет дело только с индивидуальными и неповторяющимися фактами. А также, что каждое культурное явление возникает только в одном месте и единожды. В соответствии с этим задача науки состоит в отборе и исследовании событий и явлений, наиболее важных с точки зрения ученого¹³⁷.

Не вдаваясь в сущность взглядов Г. Риккерта, необходимо отметить, что отсутствуют доказательства непосредственного знакомства Гребнера с теоретическими постулатами неокантианской философии. В лучшем случае они могли оказать на него какое-то влияние через знакомую ему работу представителя «исторического метода» Э. Бернхейма, но и это лишь догадка¹³⁸.

При характеристике личности и научных установок Гребнера следует принимать во внимание, что по образованию и первоначальному роду деятельности он историк-медиевист, что наложило существенный отпечаток на его этнологические взгляды и научную деятельность. Гребнер был исключительно кабинетным ученым, никогда не выезжал в экспедиции и знал этнологию и этнографию не по наблюдениям реальной жизни, а только по книгам и музейным коллекциям. Это в значительной мере определило ограниченность и недостатки предложенного им метода.

Как и многие другие ученые начала XX в., он отдал дань критике недостатков «теории развития» (эволюционизма) и не принял того, что было в этом учении полезного. Едва ли стоит обвинять Гребнера, как это делали некоторые советские ученые в прошлом, во враждебности к марксизму, а тем более в расизме¹³⁹.

С первым он просто не был знаком, а расистских взглядов никогда не высказывал. Ученый, скорее всего, искренне считал, что для дальнейшего развития этнологической науки необходим метод, который будет опираться на материальные предметы и «историческое исследование происхождения и изменения культурных явлений»¹⁴⁰. Гребнером была предпринята попытка противопоставить ряду умозрительных построений («карточных домиков») сторонников «теории развития» метод, который был декларативно объявлен историческим и исходил из материальной основы в виде культурных кругов. Это привлекло первоначально к учению Гребнера значительное число приверженцев не только в немецкоязычных странах, но и за их пределами, хотя многие его положения вызывали возражения уже у современников¹⁴¹.

Кажущаяся на первый взгляд стройность предложенного метода и его «вещественность» в действительности основывались на ряде глубоко ошибочных представлений, что и предопределило идейно-научное крушение гребнерианства. Ошибочным оказался «исторический» метод, предложенный исследователем, и положенные в основу концепции о культурных кругах принципы их построения, взгляды на причины и ход изменения культурных явлений. Гребнер исходил из предположения, что существует возможность свести все многообразие человеческой культуры к комплексам «культурных кругов», состоящим из сочетания отдельных элементов. По мысли Гребнера, такого рода комплекс был первоначально для каждого «круга» уникальным, а затем по мере распространения и *диффузии* культурных явлений (что и понималось как история), культурные элементы попадали из одного круга в другой. Таким образом, считал Гребнер, можно проследить изменение культур во времени и пространстве, их происхождение¹⁴². Едва ли есть особая нужда искать истоки этих взглядов в различных философских учениях. Достаточно сопоставить их с элементарными идеями А. Бастиана и предложенным им объяснением путей распространения культурных явлений, чтобы установить несомненную преемственность¹⁴³.

Впервые основы теории культурных кругов были изложены Гребнером в докладе, прочитанном в Берлинском обществе антропологии, этнологии и предистории в 1904 г.¹⁴⁴ В нем он высказал мнение, что в Австралии и Океании существуют несколько — от шести до восьми — культурных кругов, каждый из которых характеризуется определенным комплексом элементов. Для их выделения Гребнер разработал два критерия: «формы» и «количества»¹⁴⁵.

При том, что концепция Гребнера получила признание таких видных ученых, как В. Фой, Б. Анкерман, Ю. Липс и многих других, а также стала основой «культурно-исторического» учения В. Шмидта, постепенно все в большей степени стали обнаруживаться ее внутренние пороки. Уже сам по себе ограниченный характер не всегда точно паспортизированного музейного материала предопределял неизбежные ошибки. Однако дело было даже не в этом, а в том, что Гребнер и его последователи использовали при конструировании культурных кругов совершенно произвольные признаки. При этом отдельные культурные элементы, из которых строился культурный круг, противоречили основным принципам любой систематики. Они по большей части не относились к фундаментальным явлениям культурного комплекса в производственной и общественной жизни и, к тому же, представляя механический набор явлений материальной и духовной культуры, были несопоставимы в разных культурных кругах. Например, экзогамия — копьеметалки — соляная мифология — лодка однодrevка — лук — земледелие и т. п. Метод Гребнера не позволял выяснить действительное изменение культуры (термин *развитие* был категорическим табу), ход культурных процессов. Ошибочным было его предположение о древнейшем возникновении культур в Центральной Азии. Практически мало полезным оказалось и картографирование исследователем культурных кругов, так как сопоставление карт свидетельствовало о произвольном отнесении тех или иных явлений культуры к определенным культурным кругам.

В целом же попытка создания культурных кругов на основе предположения о неповторимости изобре-

ний человека оказалась бесплодной, а декларируемая «история» ничем иным, как механическим перемещением отдельных культурных элементов. То есть вместо признания исторического развития предлагалась концепция механического диффузного процесса изменения произвольно выделенных культурных кругов и их элементов. Учение Гребнера было механицистическим и использовалось его последователями в несколько измененном виде.

В последней работе, написанной уже после Первой мировой войны, возможно, под влиянием все усиливавшейся критики его теории, Гребнер пересмотрел многие свои позиции и фактически отказался от механицистического построения культурных кругов, предложив рассматривать этапы культуры в соответствии с типами хозяйства, уделяя большое внимание особенностям психического склада людей в условиях разных групп¹⁴⁶.

Одновременно с Гребнером, притом в том же номере журнала, теория культурных кругов была предложена известным африканистом Бернгардом Анкерманом, положившим в дальнейшем эту концепцию в основу своих многочисленных исследований¹⁴⁷. Хотя прямые доказательства отсутствуют, однако, судя по тому, что писал Анкерман, его концепция была навеяна идеями другого крупного африканиста, Лео Фробениуса. Тем не менее, в литературе получило распространение утверждение главы Венской культурно-исторической школы Вильгельма Шмидта о том, что приоритет в «открытии» культурных кругов принадлежал Гребнеру.

Популярность учения о культурных кругах породила обширную литературу, в которой рассматривались его теоретические основы, с их позиций анализировался фактический материал¹⁴⁸. Предпринимались попытки объединить основы учения Бастиана об «элементарных идеях» с положениями о роли диффузии в изменении культурных явлений¹⁴⁹. Едва ли можно сомневаться, что учение о культурных кругах дало импульс к развитию Ф. Боаса и его американской исторической школы. Следует иметь в виду, что хотя

Боас считается американским ученым, он получил образование и начал научную деятельность в Германии и его взгляды во многом перекликались с мыслями немецких этнологов.

Учение о культурных кругах не привело к прогрессу в методологии и методике этнологических исследований, а в какой-то мере было даже шагом назад в сравнении с взглядами Ф. Ратцеля и Л. Фробениуса, которые опирались в своих изысканиях не на сухие и разрозненные предметы музейных коллекций, а на широкие разносторонние этнографические наблюдения. И, тем не менее, в свое время оно имело широкое распространение и оказало определенное влияние на формирование взглядов Венской культурно-исторической школы.

**ВЕНСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА
В. ШМИДТА**

Конец XIX и начало XX в. были временем особого подъема этнологии и внимания к ней в странах Европы и Северной Америки как к науке, полезной для целей колониального управления. С развитием колониальной системы широкое распространение получила деятельность различных религиозных миссий, занимавшихся наряду с пропагандой христианства и этнологическими исследованиями. Так, к примеру, в Германии существовал миссионерский центр Моравских Братьев в Херрnhуте, члены которого работали в Африке, Азии, Океании, Америке и создали в Херрnhуте прекрасный этнологический музей.

Но самое большое по размаху миссионерское движение направлялось и субсидировалось Ватиканом. Одна из крупнейших миссионерских общин Сан-Габриэль была основана в 1889 г. и находилась в Австрии в местечке Модлинг близ Вены. В круг деятельности миссионеров входили и этнологические задачи. Однако одной из наиболее важных сторон миссионерской деятельности они стали только в начале XX в., что связано с именем крупного ученого — миссионера, этнолога и лингвиста патера Вильгельма Шмидта. Целью своей жизни Шмидт поставил, наряду с изучением ряда языков малых народов стран Южных морей, доказательство посредством этнологических данных истинности ряда положений Библии.

Вильгельм Шмидт (1868 — 1954) родился в г. Дортмунде (Вестфалия), где и получил начальное образова-

ние. В 1883 г. он переехал в Голландию, в городок Стейл, где стал членом недавно образованного миссионерского общества *Verbum Divinum* (Общество Божественного слова). Намереваясь посвятить себя миссионерской и научной деятельности, Шмидт принял в 1892 г. сан священника и вступил в миссионерскую общину Сан-Габриэль, с которой оказались связанными 43 последующих года его многосторонней деятельности. Для завершения образования в 1893 г. он поступил в Берлинский университет и в 1895 г. закончил Семинар восточных языков по семитским языкам. После этого он начал в Сан-Габриэле преподавательскую деятельность главным образом в области лингвистики. В 1899—1901 гг. он опубликовал свои первые труды, посвященные проблемам языкознания: о соотношении меланезийских и полинезийских языков, о языках немецкой Новой Гвинеи, о языках акит и сакая Малакки.

В 1906 г. основывается интернациональный журнал «Антропос», посвященный проблемам этнологии и языкознания.

Общение с миссионерами, работавшими в самых глухих уголках мира, участие во многих экспедициях возбудили у Шмидта интерес к этнологии и истории религии, которыми, как и лингвистикой, он продолжал заниматься до последних дней жизни. И главным его делом стало создание огромного многотомного труда «Происхождение идеи Бога», первый том которого вышел в свет в 1912 г.

Вильгельм Шмидт стал основателем *Культурно-исторической школы* и оставил огромное научное наследство в виде публикаций и рукописей, продолжавших издаваться и после его смерти. В экспедициях он собрал огромный этнографический материал, правда, научная ценность его в некоторых случаях сомнительна из-за сильнейшей тенденциозности.

В 1921 г. Шмидт начал деятельность в качестве приват-доцента Венского университета (с 1924 г. по 1938 г. экстраординарный профессор) и читал лекции по этнологии и языкознанию.

В 1924 г. было основано этнологическое отделение Ватиканской миссионерской выставки, преобразован-

ное в 1926 г. в Латеранский этнологический миссионерский музей (Pontificio Museo Missionario-Ethnologico Lateranense), возглавлявшийся Шмидтом в качестве директора с 1927 по 1939 г.

В 1932 г. Шмидт основал в Мёдлинге около Вены Институт Антропос, директором которого он был вплоть до 1950 года. В 1954 г. Вильгельм Шмидт скончался в Швейцарии во Фрейбурге.

О деятельности Шмидта до сих пор нет обобщающих работ, не говоря уже о других сторонниках Культурно-исторической школы, а также о ее идейных корнях и научном значении.

Учение Вильгельма Шмидта довольно быстро приобрело популярность, но одновременно стало подвергаться весьма резкой критике со стороны представителей разных научных течений. Очевидно, правы авторы, писавшие, что этнология интересовала Шмидта не как самоцель, а главным образом как средство использования этнографических данных для подтверждения церковных догматов, вера в которые была сильно подорвана «учением о развитии» (эволюционизмом). Справедливо мнение, что ни теоретические, ни методологические основы учения патера Шмидта не отличались оригинальностью. И, в конечном счете, сводились к «пигмейской» теории И. Кольмана, считавшего пигмейские народы наиболее примитивными, и взглядам Э. Ленга об исконной вере в Небесного Бога-творца (первобытный монотеизм) и идеям Ф. Гребнера о «культурных кругах»¹⁵⁰. Попутно следует заметить, что клерикальное учение Шмидта более или менее полностью разделяли лишь немногие сторонники его школы. Большая же их часть, особенно с течением времени, лишь формально причисляла себя к числу последователей культурно-исторического учения, а на деле ставила перед собой чисто исследовательские этнологические цели.

В законченном и обобщенном виде культурно-историческое учение В. Шмидта сложилось не сразу, хотя уже в первых его работах отчетливо выразилось стремление использовать этнографические материалы для подтверждения «первобытного монотеизма». Но толь-

ко после знакомства с концепцией Ф. Гребнера о культурных кругах Шмидт опубликовал в 1911 г. изложение основ своего учения, которое он продолжал совершенствовать в последующие десятилетия¹⁵¹.

Что касается теории культурных кругов, то в интерпретации Шмидта она сильно разнилась с концепцией Гребнера. В отличие от последнего, считавшего главным определением принадлежности отдельных элементов культуры к размещенному в пространстве тому или иному культурному кругу, Шмидт ставил задачу создать универсальную систему культурных кругов — от наиболее примитивных до самых культурно развитых. Поэтому, исходя из объяснения изменения культур в результате процессов диффузии, Шмидт практически создал свою схему эволюции, положенную в основу культурно-исторического учения. Как отмечал один из известных его последователей, Шмидт «предпринял попытку противопоставить одностороннему естественно-научному и материалистически ориентированному мировоззрению эволюционизма культурную историю, основанную на сопоставлении отдельных культурных элементов и целых культур. Для этого он разработал систему культурных кругов, которая должна была показать истоки культуры. Таким образом, возник его монументальный труд «Происхождение идеи Бога», в котором исследовались происхождение и существо религии в системе изменения культуры во всех ее областях — хозяйстве, обществе и духовной культуре»¹⁵². Однако следует подчеркнуть, что *история* понималась Шмидтом не как развитие способов добывания средств существования, политических, материальных и духовных явлений и институтов, а как метафизические *изменения*, порождаемые передачей и заимствованием элементов культуры.

Как не без некоторого основания отмечали сторонники культурно-исторического учения, оно представляло как бы мост между «априорно-эволюционистским» и «строго историческим» методами исследования. Очевидно, следует признать заслугой Шмидта утверждение взгляда о том, что и самые примитивные бес-

письменные народы обладают, тем не менее, своей историей и культурой¹⁵³. Как будет показано ниже, как раз это положение Культурно-исторической школы вызвало особую вражду и нападки со стороны нацизма. Но эта прогрессивная сторона культурно-исторического учения не получила отражения в советских историографических работах.

Еще до начала Первой мировой войны Шмидт начал разрабатывать свое учение о культурных кругах¹⁵⁴.

Нужно заметить, что у многих авторов, приводивших в своих публикациях схему культурных кругов Шмидта, имеются расхождения. Это объясняется тем, что, начиная с 1913 г., в работах, относящихся к разному времени, ученый публиковал разные варианты своей схемы¹⁵⁵, поскольку он постоянно вносил отдельные изменения в свое учение, подвергавшееся известной критике даже со стороны его ближайших сотрудников. Последние неоднократно указывали на то, что предложенная Шмидтом система культурных кругов чрезмерно статична и не соответствует многообразию культурных проявлений, так как существовали различные пути культурного развития¹⁵⁶.

Проблема культурных кругов, разработанная В. Шмидтом, и его труды в годы после окончания Первой мировой войны будут подробно рассмотрены в следующей главе.

В начале века появились труды, в которых их авторы стремились обобщить картину истории немецкой этнологии и наметить пути ее дальнейшего развития, разграничить области этнологии и народоведения¹⁵⁷.

Продолжалась дискуссия по проблемам предмета и задач этнологии. Довольно распространенная точка зрения нашла выражение в словах известного путешественника и этнолога, исследователя стран Южных морей, Августина Кремера, который писал, что «...наука о народах делится на этнологию и этнографию... Этнология исследует главным образом религию, историю, право, язык. Этнография — ремесло, обычаи». То есть, по мнению Кремера и многих других исследователей, этнология исследует «глубинные» процессы, а

этнография — «поверхностные», то есть то, что непосредственно наблюдается путешественником¹⁵⁸.

Постепенное утверждение в немецкой этнологии новых идей и течений не означало, однако, полную потерю интереса к мыслям, высказанным в свое время представителями «теории развития». Особенно это касалось концепции Бастиана об «элементарных идеях», многие положения которой, правда, нередко без ссылок на автора, были использованы некоторыми авторами¹⁵⁹

Весьма существенным и имеющим далеко идущие последствия явлением в немецкой этнологии в годы до Первой мировой войны был призыв к «социологизации» и «психологизации» этнологии, вылившийся в разных странах в различные научные направления. Определенное воздействие на этот процесс имели труды психолога и философа Вильгельма Вундта (1832—1920), одного из основоположников экспериментальной психологии, отводившего воле центральную роль в душевной жизни людей. Им была выдвинута концепция «аналитической интроспекции», или «самонаблюдения», суть которой состояла в анализе психического состояния и действий наблюдающего объекта. Труды Вундта положили начало этнопсихологии, народной психологии, получивших в Германии в среде этнологов особенно большое распространение уже в 1920-е и послевоенные годы¹⁶⁰.

Одним из первых пропагандистов социологических методов в науке о народах был известный ученый *Рихард Турнвальд* (1869—1954).

Рихард Турнвальд родился 18 сентября в Вене, и умер 19 января в Берлине. Школьное и высшее образование он получил в Австрии, специализируясь главным образом в области права, народного хозяйства и «государственных наук» — как обозначался в его время комплекс дисциплин, включавший статистику, основы государственного управления, географию и науку о народах в виде народоведения. Изучал он также некоторые восточные языки. После завершения обра-

зования он поступил на государственную службу, сначала в Боснии, а затем в торговой палате в Граце (Австрия). Как чиновник он изучал ремесленное производство и цеховую организацию боснийского населения, что оказало значительное влияние на будущее направление его научной деятельности. Во время своей службы Турнвальд совершил несколько поездок: посетил Италию и Египет, что вызвало в нем особый интерес к египтологии и ассириологии. С целью усовершенствования в этих областях науки Турнвальд оставляет государственную службу и переезжает в Берлин, где получает скромное место вспомогательного научного сотрудника в музее этнологии, где начал работать под руководством известного ученого Феликса фон Лушана. Одновременно он начал изучать египтологию, и слушал лекции Карла фон дейн Штейнена «Искусство и орнаментика у первобытных народов». В это же время определяется интерес Турнвальда к социологии, с которой он познакомился на лекциях представителя «общественно-политической науки» Гумпловича, и известного социолога и психолога А. Фиркандта, читавшего курс «Психология первобытных народов». С этого времени Турнвальд стал проявлять все большее внимание к этнологии и окончательно определился его интерес к науке о народах во время участия в музейных экспедициях с 1906 по 1909 г. в Микронезии и Меланезии, на Архипелаге Бисмарка и Соломоновых островах, где он вел самостоятельную полевую работу.

Через три года, в 1912 г., став уже автором нескольких работ и получив некоторую известность в научных и административных кругах, Турнвальд по поручению Государственного Колониального управления вновь отправился в Меланезию, где им был собран обширный этнографический материал. В 1913—1915 гг. Турнвальд вел полевые исследования на Новой Гвинее. К сожалению, из-за начала Первой мировой войны, этот материал окончательно так и не был обработан. Тем не менее, он стал основой исследования Турнвальда жизни людей «на ступени ограниченного господства над природой». В результате широких полевых этнологических исследований в странах Южных мо-

рей — колониях Германии, Турнвальд опубликовал ряд работ социологического характера¹⁶¹. Еще ранее с социологических позиций он рассматривал некоторые проблемы древней истории¹⁶².

Стремление связать этнологию с проблемами современности привело его к провозглашению нового направления в этнологии — *этносоциологии*. Существенное отражение в ранних трудах Турнвальда имели идеи Вундта. Большое внимание Турнвальд уделял этнопсихологии, а в работах 1910 — 1912 гг. изложил основы функционального метода исследования, опередив в этом отношении Бронислава Малиновского, которого обычно называют основоположником функционализма¹⁶³.

Почти все военное время, с 1915 по 1917 г. Турнвальд находился в Америке, работая в университете в Беркли. После окончания войны он начинает работать в университете в Халле / Заале.

Таким образом, уже на первых порах научной деятельности Турнвальда начали оформляться его взгляды, окончательно сложившиеся в десятилетия между 1920-ми и началом 1950-х гг., о чем пойдет речь в следующих главах. Несмотря на его отрицательное отношение к «теории развития» он не был чужд некоторым прогрессивным взглядам эволюционистов. Так, он выступал за равенство рас, за уважение ко всем культурам, которые без исключения способны к прогрессивному развитию. Но при этом Турнвальд полагал, что их судьбой должны руководить цивилизованные народы.

На рубеже XIX и XX вв. в немецкоязычной этнологии и антропологии появились, как единичные явления, публикации расистского толка. Однако в то время они еще не получили большого распространения и не имели, к тому же, столь универсального расистского характера, как работы социолога и писателя Ж.А. Гобино, философа Евгения Дюринга и Д. Чемберлена, оказавших несомненное влияние на сложение нацистской идеологии. Одним из первых среди этнологов Германии в 1893 г. выступил с проповедью расистских взглядов *Отто Амон*, который проповедовал концепции «социального дарвинизма», «политической антро-

пологии» и «антропосоциологии», и предложил для установления уровня культуры индивида и популяции измерять головной указатель¹⁶⁴. Наиболее последовательным сторонником «социального дарвинизма» был Л. Вольтман. Как он полагал, биологическая история человеческих рас есть истинная история государства, вследствие чего перед исследователем стоит задача обосновать, каким образом политические правовые отношения, представления и учреждения выросли из биологического развития рас. Даровитость расы была по Вольтману пропорциональна ее пигментации. Чем она темнее, тем раса менее способна к культурному развитию. Поэтому, как он утверждал, германская раса призвана охватить своим господством и включить пассивные расы как служебные части своего культурного развития¹⁶⁵. Независимо от Аммона и Вольтмана, но в менее категорической форме, взгляды расистского характера высказывались этнологом *Себальгом Штейнмецом*, стоявшим ранее на позициях «теории развития»¹⁶⁶. Отдельные высказывания расистского характера изредка встречались и у других ученых. Зато, особенно начиная с 1920-х гг., мутным потоком пошли публикации физических антропологов и социологов, развивавших расистские идеи социального дарвинизма, политической антропологии и антропосоциологии, заложивших один из краеугольных камней в фундамент нацистской идеологии.

Вместе с тем появились работы, авторы которых резко выступали против биологического и психологического расизма¹⁶⁷.

Окидывая взглядом десятилетия от конца XIX в., и до начала Первой мировой войны можно придти к выводу, что это был период весьма интенсивного развития немецкой науки о народах, во многих отношениях опережавшей в области теории большинство других стран и оказавшей известное влияние на англосаксонскую этнологию.

Немецкие этнологи вели очень большую экспедиционную работу во всех областях мира, благодаря чему был собран и опубликован огромный эмпирический материал, вошедший в золотой фонд науки. Немецки-

ми учеными был разработан ряд теоретических учений, ставших основой различных этнологических школ и направлений и получивших распространение далеко за пределами стран немецкого языка.

Немецких ученых можно назвать в числе наиболее известных представителей так называемого «диффузионизма», или правильнее «механицизма», отдельные положения которого не утратили научного значения и до наших дней. Попутно нельзя, однако, не подчеркнуть, что определение этого далеко в теоретическом отношении неоднородного течения, во всяком случае, относительно немецкоязычной этнологии, остается спорным. Так, в отношении взглядов Ф. Ратцеля и Л. Фробениуса едва ли можно говорить о преобладании диффузионистского подхода, а также механицизма. В отличие от них учение о культурных кругах Ф. Гребнера и положения Культурно-исторической школы В. Шмидта и его последователей в значительной мере основываются на диффузионистском и механицистическом, а также теологическом подходе.

Таким образом, по каким бы направлениям не развивалась теоретическая мысль в немецкой этнологии, она всегда шла в русле немецкой идеалистической философии, подходя к явлениям с позиций психологизма, а позднее социологизма и биологизма. Характерно, что в трудах немецких ученых, в том числе близких к социал-демократии, почти не отражалось марксистское учение.

Но, говоря о немецкой этнологии того времени, следует подчеркнуть, что за ничтожными исключениями, прямо или косвенно в ней господствовали прогрессивные идеи равенства рас, возможности для всех народов прогресса в культуре, и практически отсутствовали взгляды о превосходстве одних народов над другими. Все это, вместе взятое, определило дальнейшие пути развития немецкоязычной этнологии в ту весьма сложную для нее пору после окончания Первой мировой войны и в годы нацизма.

ЧАСТЬ III

«ЗОЛОТЫЕ 20-е» И ГОДЫ ТЬМЫ

Прежде, чем переходить к дальнейшему рассмотрению историографических проблем, необходимо отметить одно существенное обстоятельство. А именно то, что если история этнологической науки в конце XIX и начале XX в. получила известное отражение в литературе, то, начиная с XX в., и до его конца, автор вступает в мало или вовсе неисследованную область истории немецкой науки о народах, в своего рода Terra Inkognito.

История науки свидетельствует о том, что этнология всегда, за малыми исключениями, была тесно связана с общественной ситуацией, практическими задачами государственной политики, распространенными философскими и социальными учениями, со всей совокупностью умонастроений образованной части общества. Отчетливо это проявилось после завершения Первой мировой войны в государствах былого «тройственного союза» — Германии и Австрии, а также Италии, потерпевших сокрушительное поражение со стороны стран Антанты. Распалась Австро-Венгерская империя. Катастрофические последствия войны сказались в Германии, испытавшей сильнейшие экономические, социальные и нравственные потрясения.

Чтобы были более понятными пути развития послевоенной немецкой этнологии до 1933 г., следует кратко остановиться на некоторых социально-политических процессах, протекавших в этих странах.

В ходе революции 1918 г. и свержения кайзеровского режима в Германии произошла резкая поляри-

зация политических сил, усугубленная катастрофической инфляцией, общей экономической депрессией и безработицей. На одной полюсе произошло сильнейшее обнищание многих слоев населения, а на другом возникло мишурное богатство, давшее в 1920-м годам наименование «золотых».

11 августа 1919 г. была принята Веймарская конституция впервые в Германии основанной парламентской республики, во главе которой находились социал-демократы, из которых состояло правительство Эберта — Шнейдемана — Носке. Полная благих намерений, но неустойчивая и мало дееспособная, Веймарская республика испытала за недолгие годы своего существования многократный крен то влево, то вправо, что определялось борьбой партий, позициями различных военных и полувоенных формирований и, в немалой степени, магнатами промышленности.

Усиление безработицы, массовый голод, все возрастающая инфляция сильнейшим образом сказывались на промышленных рабочих и привели к резкому возрастанию леворадикальных и социал-демократических движений. Однако отсутствие в их рядах единства, противоречия между правым и левым крылом социал-демократов, и в значительной мере расколничья тактика компартии, отказавшейся от союза с социал-демократами, ослабляли левые силы. Но, несмотря на это, происходило усиление стачечной и революционной деятельности, что вызывало все большие опасения среди предпринимателей и многих представителей среднего сословия, и стремление противопоставить опасности революции правозэкстремистские партии и их боевые отряды.

Популярность среди офицерства получила реваншистская партия «стальной шлем». Сложилась правоцентристская «Народная» партия во главе с Гуго Штретземаном, за которой стояли Стиннес и ряд других крупных руководителей промышленности.

После окончания войны Дрекслером была основана «Национал-социалистическая рабочая партия» (NSDAP), и провозглашена партийная программа из 25

пунктов. В 1921 г. председателем партии был избран Гитлер, названный Эссером «фюрером» и получивший диктаторские полномочия. Осенью того же года группа нацистских молодчиков, так называемые «орднеры» (группы порядка) были переименованы в «штурмовые отряды» (СА), из состава которых в 1925 г. выделались «охранные отряды» (СС).

Однако после неудачного, так называемого «пивного путча» в 1923 г., партия была запрещена, но уже в 1925 г. возникла вновь. Национал-социалистическая рабочая партия быстро приобрела значительную популярность среди средних слоев населения, и уже в 1930 г. получила на выборах в парламент не 12 голосов, как до этого, а 107 (в 1932 г. НСДАП завоевала 230 голосов). Не меньше чем рабочие, страдали от инфляции и безработицы средние слои общества — служащие, чиновники. Как и мелкие предприниматели, и торговцы, они были напуганы максималистскими лозунгами коммунистов, анархистов и других наиболее леворадикальных групп. И все более принимали правую ориентацию, не без основания опасаясь потерять и то немногое, чем обладали. Немалую роль в этом играли также национальные чувства, вызванные поражением в войне, подогреваемые шовинистической пропагандой и требованиями реванша.

В результате сложившейся политической ситуации, уже в 1923 г. к власти пришло правительство Штреземана, ориентировавшееся на промышленные круги и получившее их поддержку.

В 1925 г., после смерти президента Эберта, на пост президента был избран престарелый фельдмаршал фон Гинденбург, и с этого же времени начали неуклонно усиливаться позиции НСДАП и Гитлера. Если в 1926 г. число членов его партии не превышало 17 тыс. человек, то в 1927 г. оно составляло уже 40 тысяч, а в 1929 г. 120 тысяч. Национал-социалисты получили существенную финансовую поддержку от промышленников и быстро пополняли свои ряды за счет мелких предпринимателей и торговцев, которых разоряли крупные универсальные магазины, а также деклассированных элементов и некоторой части рабочих.

С приходом в 1930 году реакционных правительств Г. Брюннинга, а в 1932 г. Франца фон Папена, создались еще более благоприятные условия для деятельности нацистов, к которым проявлял благосклонность и избранный в 1932 г. на второй срок на пост президента республики Гинденбург. Успехам Гитлера и его партии способствовала социальная демагогия в условиях дальнейшего углубления экономического кризиса и роста реваншистских настроений. Нацистские агитаторы кричали на всех углах о правах рабочих и всех трудящихся, угнетенных капиталистами и банкирами, о необходимости борьбы с еврейским засильем в промышленности и крупной торговле, разорявшим мелких предпринимателей. Эти лозунги привлекали к нацистской партии все более широкие слои населения, искавшие выхода из отчаянного положения в «сильной руке». Армия (рейхсвер) почти в открытую сотрудничала с НСДАП и Стальным шлемом. В 1932 г. состоялась первая встреча Гитлера с Гинденбургом.

Весьма благоприятным оказалось для рвавшихся к власти нацистов падение кабинета Брюннинга, которого сменил фон Папен с его кабинетом «баронов».

И, наконец, 30 января 1930 г. Гинденбург передал власть Гитлеру, имевшему к этому времени прочную поддержку большинства крупнейших промышленников и опиравшегося на военизированные силы штурмовиков и охранных отрядов. В правительство Гитлера вошли также представители националистов и Стального шлема. Так потерпела поражение Веймарская республика, наступил конец шаткой демократии, уничтоженной нацистами под барабанный бой и вопли штурмовиков.

1920-е гг. ознаменовались для Германии и Австрии значительным расцветом науки и культуры. При этом большая часть образованного общества стояла несколько в стороне от политической жизни, хотя политические и экономические процессы, протекавшие в это время, не могли не сказываться на умонастроении интеллигенции. Однако это воздействие не было ни прямым, ни однозначным на разные слои образованной части населения. Для значительной части ученых

был характерен довольно узкий диапазон политических взглядов — от умеренно консервативных, до умеренно либеральных. Более радикально были настроены многие представители творческой интеллигенции — писатели, часть литературных критиков и художников.

На умонастроение общества сильнейшее воздействие оказали поражение в войне, царившая экономическая разруха и, одновременно, оно впало в состояние некоей эйфории от сознания впервые достигнутой политической свободы. Сложилось весьма своеобразное состояние общества, в духовной жизни которого сочетались старые немецкие традиции с новыми модернистскими тенденциями, рационализм и иррационализм, прогрессивные и нарастающие реакционные черты. Сильны были настроения декаданса, ухода в мир потустороннего и иррационального. В разных областях искусства расцветал экспрессионизм. Культурная жизнь того времени была связана с именами крупных писателей и поэтов — Томаса и Генриха Маннов, Л. Фейхтвангера, Стефана и Арнольда Цвейгов, Л. Франка, Бертольда Брехта, Э.М. Ремарка, Б. Келлермана и многих других. Общемировое признание получили произведения композиторов Н.Я. Метнера, Г. Малера, Р. Штрауса. В концертных залах звучало исполнение великих интерпретаторов-пианистов В. Кемпфа, А. Шнабеля, Б. Гизекинга, В. Бакхауза и других. Действовало множество литературных, музыкальных, общественно-политических салонов, обществ, кружков. Все эти достижения оказали немалое воздействия на общее состояние мировой культуры.

В философии и идеологии большую популярность имели идеи Артура Шопенгауэра и, особенно, Фридриха Ницше. Все больше приверженцев приобретали работы и идеи Освальда Шпенглера, едва ли с достаточным основанием нередко называвшегося в советской литературе, начиная с 1930-х гг., идеологическим предшественником нацизма. Большое распространение получило учение Зигмунда Фрейда о психоанализе.

Одновременно, особенно начиная со второй половины 1920-х гг., стали появляться разного рода произ-

ведения, проникнутые геополитическими идеями и мыслями так называемой «расовой гигиены», ставшей основой расизма. Все громче звучали слова о недостатке жизненного пространства, о чем писали, в частности, Г. Гримм и А. Меллер. Ван ден Брук провозгласил приход «Третьей империи» и начало внешнеполитической экспансии. К концу 1920-х гг. идеи расизма и расового превосходства германцев стали получать все большее распространение среди некоторой части историков, философов, антропологов, народоведов. При этом, начиная еще с последней четверти XIX в., они развивали некоторые идеи, вошедшие впоследствии в виде составной части в идеологию нацизма¹⁶⁸.

К началу 1930-х гг. нацистская идеология практически полностью сформировалась. Во многих отношениях она восходила к положениям немецкого романтизма, причем в значительной мере в интерпретации немецкого народоведения. А также основывалась на положениях биологического расизма (учение о высшей нордической и прочих низших расах), на геополитических доктринах. В политическом отношении нацизм имел резко антикоммунистическую направленность, выступал против «западной плутократии» и, чисто демагогически, в пропагандистских целях, против крупного капитала в Германии. В организационном и идеологическом плане нацизм основывался на тоталитарном принципе избранности и непогрешимости вождей¹⁶⁹.

Из идейного наследия немецкого романтизма в первую очередь была заимствована крайняя мифологизация немецкой истории, идеализация всего немецкого, связь «крови и земли» (*Blut und Boden*). Что сочеталось с неприязнью ко всему «западному» (в лице французов и англо-саксонских народов) и «восточному» (славяне и другие народы).

Нацистскими учеными и идеологами усиленно развивались расистские теории XIX столетия (Ж. Гобино, П. Лагарда, В. Марра, Е. Дюринга, Х.С. Чемберлена и других).

Одним из основополагающих положений нацистской идеологии был принцип «*volkisch — rassisch*» (в несколько ином понимании «*volkisch — germanisch*»),

изложенный Адольфом Гитлером в книге «Моя борьба». По его словам, это мировоззрение противопоставляется марксизму, который «планово передает мир в руки еврейства... фолькише мировоззрение видит значение человека в его расовых древних элементах ...оно ни в коей мере не исходит из равенства рас», и соответствует «стремлению, господствующему в универсуме, способствовать победе лучшего и наисильнейшего и стремиться к подчинению худших и слабейших...»¹⁷⁰.

Главный идеолог нацизма, А. Розенберг, писал, что мерой чаяний, воли и дел, подлинным критерием всех ценностей является всепроницающий расовый дух нации. Всю историю человечества, по Розенбергу, составляет борьба двух рас: иудейской — сирийской — римской, и арийской, нордической. Весь ход человеческой истории Розенберг призывал рассматривать с точки зрения борьбы рас¹⁷¹. Нацистская наука проповедовала, что «специфический расовый характер» определяется «расовым наследием», причем национальный характер является порождением фатально предопределенного проявления «земли и крови», а ход развития германской расы на тысячелетия предрешен мифами¹⁷². Многими авторами, имевшими лишь косвенное отношение к этнологии, было опубликовано значительное число работ, посвященных пропаганде нацистской идеологии¹⁷³.

Нацистская геополитическая доктрина исходила из концепции «политической географии», возникшей после Первой мировой войны. Одним из основных положений геополитики было утверждение о том, что рост народонаселения требует увеличения территории. Из этого постулата делался практический вывод о том, что высококультурные нации (немцы) стремятся к образованию больших и жизнеспособных государственных организмов. И что расположение Германии в центре Европы требует расширения «жизненного пространства» в виде создания «серединной Европы» — Германской империи. А также предоставления ей колоний. Развивалась идея о том, что особенности истории государства зависят от своеобразия занимаемого им про-

странства¹⁷⁴. Возникло «биологическое учение о государстве», согласно которому государства подразделялись на молодые, зрелые и умирающие. Естественно, что Германия была отнесена к числу первых. Распространение получило учение о «естественных границах» и «оптимальном географически-экономическом районе» (принцип автаркии).

Все эти «научные» и идеологические положения получили реальное воплощение в действительности тоталитарного государства, также как и представление о том, что высшей формой управления обществом является иерархия вождей (Furetrum — «вождизм»), что, кстати, пытались обосновать и некоторые этнологи. Иерархическая лестница вождей — от самых крупных, до мельчайших — составляла по форме феодальную структуру тоталитарного государства, с провозглашенным Розенбергом «Рыцарским орденом СС» во главе¹⁷⁵.

О науке и культуре в двенадцатилетие господства нацизма можно сказать не так уж много. Значительные успехи были достигнуты только в областях точных и естественных наук. В гуманитарных науках и в искусстве царил все усиливавшийся после 1933 г. упадок. Нацистское государство поощряло лишь те научные идеи, которые могли дать немедленный политический и пропагандистский эффект. Фундаментальная наука считалась неактуальной и, в общем, ненужной. В искусстве царило тоталитарное монументальное направление. Выполненные в этом стиле произведения должны были прославлять дух и верность «тысячелетнему рейху», воинственность германцев, верность вождям нацизма. Импрессионизм, модернизм и т. п. провозглашались чуждыми нацистскому духу.

Ученые, работавшие в разных областях гуманитарных наук, и деятели искусства и литературы не достигли за двенадцать лет господства нацизма, в отличие от 1920-х гг., новых вершин творчества, продолжая, в лучшем случае, традиции прежних лет. Интеллектуальный потенциал Германии, а позднее и Австрии, был существенно ослаблен эмиграцией многих ученых, писателей, артистов. В полной мере это относится и к этнологии.

РАСЦВЕТ И УПАДОК НЕМЕЦКОЙ ЭТНОЛОГИИ. 20-е — 30-е ГОДЫ

Как отмечалось в предыдущей главе, накануне рассматриваемого периода в истории науки и теоретических позициях немецкой этнологии, произошли кардинальные изменения. Они выразились в отказе от «учения о развитии», в поисках принципиально новых концепций, объяснявших *изменение* человеческой культуры «материальными» явлениями. При этом отрицались исторические процессы в развитии культуры и общества.

Очень условно время между началом 1920-х годов и периодом господства нацизма можно подразделить на два периода — до и после прихода Гитлера к власти. Условность заключается в том, что и до 1933 г. отдельные ученые высказывали взгляды, ставшие при нацизме официально господствующими. В целом же продолжали преобладать учения, сложившиеся еще в конце XIX и начале XX в. Но, тем не менее, различия между первым и вторым отрезками времени в положении и теоретических позициях немецкой этнологии существовали, и в некоторых отношениях были даже значительными.

Исследование этих периодов в истории науки связано с немалыми трудностями, особенно время между 1933 и 1945 г. Недостает документов: одни утеряны в войне, другие труднодоступны. Наконец, какие-то могли быть злонамеренно уничтожены, так как компрометировали тех или иных известных этнологов за их деятельность в годы нацизма.

Не упрощает проблему оценки немецкой этнологии в рассматриваемое время и существующая, хотя и небольшая по объему, историография вопроса. Отсутствуют достаточно глубокие исследования деятельности отдельных ученых, не говоря уже о целых направлениях¹⁷⁶.

После крушения гитлеровского режима в течение нескольких десятилетий о судьбе немецкой этнологии в 1920 – 1933 годах не было написано почти ни слова. В последние три, а скорее даже два десятилетия, ей стали уделять некоторое внимание. Однако книг и статей, посвященных этой проблеме, немного. Ряд исследований (студенческие работы, диссертации, устные выступления) остаются неопубликованными. Если вначале нацистское прошлое немецкой этнологии вообще замалчивалось, то теперь обнаруживается другая крайность. Основное внимание стало уделяться общественно-политической деятельности тех ученых, которые особенно активно сотрудничали с властями. При этом собственно история науки, развитие теоретической мысли оказались частично вне поля зрения исследователей. И это создает несколько тенденциозную и недостаточно адекватную картину того, что происходило в этнологии в исследуемый период¹⁷⁷.

Послевоенная экономическая разруха в Германии и Австрии не могла, естественно, способствовать интенсивной научной деятельности. И в первые годы после окончания Первой мировой войны вышло в свет лишь небольшое число этнологических публикаций. Но, по мере некоторой стабилизации положения, культура и наука, в том числе и этнология, вновь получили стимулы и возможности для дальнейшего развития.

Особенно ярко это проявилось в «золотые двадцатые», на которые пришелся расцвет этнологии. Получили развитие, во многом в переосмысленном виде, некоторые прежние учения. Возникали новые теоретические течения, оказавшие немалое, хотя до настоящего времени недостаточно изученное, воздействие на всю мировую науку о народах. Было опубликовано значительное число теоретических и эмпирических работ.

Но после 1933 г. ситуация в этнологии стала быстро меняться к худшему, что привело к двенадцатилетнему застою в науке. Этнология оказалась в ряду наук, к которым нацистское руководство относилось отрицательно, не без основания подозревая большинство ее представителей в недостаточной лояльности к режиму и господствующей идеологии. В данном случае политические руководители режима оказались правы. Действительно, методологические и методические установки немецкой этнологии не претерпели в нацистское время, за некоторыми исключениями, существенных изменений. Тем более что лишь немногие этнологи объявили себя в политической жизни сторонниками гитлеровского режима, за что получили в обиходе малопочетное прозвище «барабанщиков режима». К тому же и они сохраняли в своих научных исследованиях, практически почти без исключения, традиционный для немецкой этнологии академический дух, и продолжали разрабатывать как прежние, так и особенно возникшие в 1920-х гг. новые направления в науке.

Говоря о немецкоязычной этнологии 1920-х — начала 1940-х гг., следует особо подчеркнуть сугубую условность выделения в ней школ, течений, направлений. Принятая в русскоязычной и зарубежной литературе их классификация едва ли полностью соответствует действительности. Крайне расплывчаты и противоречивы попытки в историографии сгруппировать исследователей-этнологов в соответствии с их теоретическими воззрениями в те или иные направления. Это видно хотя бы из того, что зачастую одного и того же исследователя относят к последователям то одного, то другого направления, самого по себе весьма условного. Так, к примеру, довольно характерно для части этнологов рассматриваемого времени то, что исходя первоначально в той или иной мере из постулатов «теории развития», они затем выступали против них. Частично возвращались к ним. Неоднократно меняли в дальнейшем свои взгляды. Поэтому только чисто условно можно говорить об исследователях, придерживавшихся тех или иных направлений.

К концу 1920-х гг. многие ученые стали отмечать наличие в немецкой этнологии кризисных явлений. В связи с чем в 1929 г. было создано совещание «Общества этнологии», на котором обсуждались положение в науке, вопрос об этнологии как самостоятельной дисциплине, и существовавшие в ней научно-теоретические направления. В ходе дискуссии был назван ряд теоретических течений: «культурных кругов» (Б. Анкерман, В. Шмидт, В. Копперс, Ю. Липс и др.), «психологическое» (Р. Турнвальд, Т.В. Данцель, Р. Штейнметц), «Культурно-научное» (А. Хаберланд, Ф. Краузе), «этнобиологическое» (Г. Тилениус, Х. Хамбрух), «антропологическое» (Р. Карутц)¹⁷⁸.

Однако в действительности картина была несколько иной. Так, часть ученых, особенно старшего поколения, в той или иной мере сохраняла приверженность «теории развития», «культурно-историческому учению» и другим концепция конца XIX и начала XX в. Что касается учения о «культурных кругах», то уже к началу 1920-х гг. оно потеряло большую часть своих приверженцев.

Некоторое, хотя и ограниченное распространение имели социологическое и функциональное, с уклоном в психологизм, а также структуралистское направления. Их сторонником и пропагандистом выступал, прежде всего, Р. Турнвальд. Сторонником структурализма, а также функционализма был этнолог Фритц Краузе¹⁷⁹. К числу функционалистов относили также В. Мильке¹⁸⁰.

Среди последователей психологического направления можно назвать Т.В. Данцеля, испытавшего влияние Л. Леви-Брюля¹⁸¹.

Известную популярность имело «этносоциологическое» направление. Его теоретические установки, как уже отмечалось, были предложены в свое время Р. Турнвальдом и оказались после 1933 г. в какой-то мере созвучными задачам тоталитарной идеологии. А ее выводы оказались полезными для практической политики. Одна из ветвей этнологии и социологии, «этносоциология», оказала существенное влияние на развитие не только немецкой, но и зарубежной этнологии,

что продолжает сказываться, все в большей мере, в наши дни. Стремление по разным мотивам «осовременить» задачи этнологии, использовать ее для решения текущих политических и иных задач, имело последствием отход части ученых от исследования фундаментальных теоретических проблем науки о народах. Это вело к превращению этнологии в прикладное научное направление. Неопределенное по своим задачам и специфике, и дублирующее предмет и задачи ряда других научных дисциплин¹⁸².

«Социологизация» этнологии в Германии и Австрии привела к тому, что сторонники «социологического направления» стали рассматривать этнологию как вспомогательную дисциплину. Так, например, в Берлинском университете этнология распалась на философско-историческую и естественно-научную дисциплины, причем *этнология* считалась ветвью социологии и психологии. Стал усиливаться эмпиризм¹⁸³.

К сказанному следует добавить, что среди незначительной части ученых наблюдалась тенденция к построениям близким (хотя полностью и не идентичным) биологическому и психологическому расизму. Начиная со второй половины 1920-х гг. стали появляться работы, проникнутые геополитическими идеями, и идеями так называемой расовой гигиены, ставшие основой расизма¹⁸⁴.

К концу 1920-х гг. все большее распространение стали получать идеи расового превосходства германцев не только среди части представителей смежных с этнологией наук, но и среди отдельных этнологов.

В Гамбурге имело распространение антропологическое направление, связанное с расоведением, сторонником которого выступали Г. Тилениус, П. Хамбрух, а также антрополог В. Шейдт. В известной мере это объяснялось тем, что директором этнологического музея и первым профессором этнологии, в созданном в 1919 г. Колониальном институте, был не этнолог, а по специальности анатом Георг Тилениус, а его преемником — географ Ф. Термер. Руководство музея не поощряло теоретические исследования и особенно враждебно было настроено по отношению к теории культур-

ных кругов. Сотрудники музея занимались главным образом собиранием и обработкой материала. С 1935 по 1936 гг. сотрудником музея числился В. Мюльман. Однако его ориентация на теоретические исследования привела к тому, что он был из музея уволен¹⁸⁵.

Наконец, сначала в Мюнхене, а затем во Франкфурте-на-Майне, формально сохранялось направление культурной морфологии Лео Фробениуса, хотя в теоретическом плане оно практически не имело последователей.

Современный гамбургский этнолог профессор Ханс Фишер приводит имена наиболее известных этнологов 1920 – 30-х годов. Это Георг Тилениус, Франц Термер (Гамбург), Фритц Краузе (Лейпциг), Ф.Р. Леман, Конрад Теодор Преусс, Вальтер Крикеберг, Рихард Турнвальд (Берлин), Лео Фробениус (Франкфурт-на-Майне), Вильгельм Шмидт, Вильгельм Копперс, Герман Бауман (Вена), Ханс Плишке (Геттинген), Мартин Хейдрих (Кельн), Герман Тримборн (Бонн). А также имена их учеников и последователей, ставших вслед за ними ведущими учеными этнологами: Ханса Невермана, Ханса Дамма, Ханса Дитриха Диссельхофа, Вальтера Хиршберга, Иозефа Геккеля, Георга Эккерта, Адольфа Е. Ензена¹⁸⁶.

ЭТНОЛОГИЯ В КОРИЧНЕВОЙ ПАУТИНЕ. НАЦИЗМ

Высказывались разные мнения о том, насколько нацисты были заинтересованы в этнологии. Проявляли к ней внимание, пожалуй, только три национал-социалистических идеолога: А. Розенберг, Р. Вальтер Дарре и, в какой то мере, Г. Гиммлер. Так, в книге «Миф XX столетия» Розенберг говорил о некоторых этнологах и их научных позициях. При этом он отзывался отрицательно об И. Бахофене, так как считал, кстати, небезосновательно, его ошибкой предположение о том, что в истории человечества существовала ступень господства женщины. Еще более негативно Розенберг относился к католической культурно-исторической школе. Более положительно он оценивал взгляды Фробениуса, хотя и считал, что концепция культурных кругов и морфологическое учение ошибочны. Дарре, ставший впоследствии министром сельского хозяйства, и отождествлявший германизм и крестьянство, неоднократно обращался к данным народоведения, и лишь попутно этнологии.

Более непосредственный интерес к предмету этнологии проявлял Генрих Гиммлер, которого вообще нередко занимали несколько для его профессии неожиданные вопросы. Такие, к примеру, как леворукость, греческие носы, гомосексуализм, стеатопегия у женских фигур каменного века и у готтентотов, и некоторые другие. Был он также энтузиастом изучения и пропаганды «наследия предков» (Ahnenerbe) и очень обижался, что его в этом никто не поддерживал. Была создана организация «Ahnenerbe», которая намечала

направить большую экспедицию в Тибет, к чему, очевидно, предполагалось привлечь этнологов. Однако по финансовым соображениям предприятие не состоялось. Планировались, но так и не состоялись некоторые другие экспедиции с участием этнологов¹⁸⁷. Возможно, что в связи с проблемой «наследия предков» совершил поездку в Тибет В.К. Геррман¹⁸⁸.

Что касается Гитлера, то он относился к науке о народах, включая этнологию и народоведение, довольно отрицательно, не усматривая в ней ничего полезного для нацистской пропаганды.

Единственная непосредственная точка соприкосновения между нацизмом и этнологией состояла в признании того, что каждая «Volkstum» (народное сообщество, народность, этнос) обладает своим неповторимым своеобразием, что было важной составной частью национал-социалистической «Volkische» идеологии. Однако «национал-социалистическая этнология» так и не возникла, и имели место лишь отдельные попытки тех или иных этнологов войти в доверие к руководству, восхваляя «вождей» и «движение» (гитлеровское). Такое можно обнаружить в некоторых статьях В. Мюльмана, Людвиг Коль-Ларсена, Ф. Краузе, К.Т. Преусса и некоторых других¹⁸⁹.

После 1933 г. из Берлинского общества этнологии стали изгонять «неарийских» членов. В 1935 г. председатель Общества К.Т. Преусс утверждал, что Общество ставит себя «сознательно и радостно» на службу новому государству¹⁹⁰. Гитлеровское «движение» восхвалял В. Мюльман, он же выступал с милитаристскими призывами¹⁹¹.

Особый вопрос — членство этнологов в НСДАП. Как отмечает Фишер, само по себе членство в нацистской партии еще ни о чем прямо не говорит. Вступление в нее могло быть и принудительным, и средством выживания. Вместе с тем, непричастность к членству в партии сопровождалось порой ярким антисемитизмом. С другой стороны, имели место случаи, когда в сопротивлении режиму участвовали не только члены партии, но и СС. Фишер приводит пример по Гамбургу, где в музее было 4 молодых

сотрудника, членов партии или СА. Но в партию и СА они вступили еще до поступления в музей. Два из них не проявляли себя как ортодоксальные приверженцы нацизма. Один написал только газетную статью с одной одиозной фразой. И только «четвертый был наиболее тяжелым случаем» — это был Вильгельм Мюльман. Фишер отмечает также, что существовали подозрения, что в партии состоял и директор Гамбургского музея Г. Тилениус, хотя бесспорные доказательства отсутствуют. Среди старших по возрасту сотрудников музея членов партии не было. Как полагает Фишер, ситуация в Гамбургском музее была не типична для прочих этнологических центров Германии, где ряд профессоров принадлежал к НСДАП. Это Г. Бауман, М. Хейдрих, Ф. Краузе, Х. Плишке, К.Т. Преусс, О. Рехе, Б. Штрук, Г. Тримборн, Х. Дамм, Г. Эккерт, В. Фройлих, В. Хиршберг, В. Мюльман. При этом пять из них заняли после окончания войны руководящие позиции¹⁹². Так, Дамм стал в ГДР, где практически не проводилась денацификация, директором Лейпцигского музея этнологии. Прочие возглавили различные этнологические посты сначала в западной зоне оккупации, а затем в ФРГ.

Любопытна фигура венского этнолога Фритца Флора. В первой половине 1930-х гг. он работал в должности ассистента в Институте этнологии в Венском университете, и разрабатывал проблемы доместикации животных и возникновения пастушества, а также занимался индогерманской проблемой. По ее поводу он вступил в полемику с В. Копперсом в связи с опубликованной им книгой «Die Indogermanen- und Germanenfrage» (Salzburg, 1937), высказывая при этом нацистские взгляды. Вследствие перехода Флора на позиции национал-социализма, он потерял место ассистента в университете и не смог продолжить научную работу. После «аншлюса» и прихода в Австрии к власти нацистов, Флор стал сотрудником Имперского наместника в Австрии, имперского министра, видного нациста Зейс Инкварта. Однако долго его деятельность на этом поприще не продолжалась, и в апреле 1939 г. он погиб в автокатастрофе¹⁹³.

В нацистское время пострадали многие этнологи. Одни по расовым, другие по политическим причинам. Так, по расовым признакам «добровольно» эмигрировали Л. Адам, Э.М. Хорнбостель, Ф.Р. Леман, П. Лезер, Л. Захс, О. Самсон, Л. Шерман, Р. Хейне-Гельдерн. По расовым соображениям из Гамбургского музея были уволены Т.В. Данцель (неарийская бабушка). Пострадали А. Ензен во Франкфурте и Д. Вольфель в Вене из-за «неарийских жен». Эмигрировал из Германии ряд этнологов, не имевших расовых проблем, но по политическим мотивам. Как социал-демократы покинули Германию Юлиус Липс, Отто Манхен-Хельфен. По политическим причинам были уволены 70-летний Г. Кунов (лишен пенсии, запрещено публиковаться), хранитель Лейпцигского музея Эдуард Эркес и ряд других. Фишер приводит данные о движении сопротивления, к которому примыкали некоторые этнологи (Белая роза Гамбурга)¹⁹⁴. Многие этнологи были либо тайными противниками режима, либо занимали оппортунистические позиции.

Неприятности имел Гамбургский музей в связи с рядом обвинений в «нелояльности». Так, в одном случае, музейных работников обвинили в том, что в шкафу экспозиции Евразии, в центральной витрине, были выставлены предметы еврейской культуры с еврейским алтарем, торой, ножом для обрезания. Во втором случае обвинение состояло в том, что в вестибюле висели доски, на которых стояли фамилии еврейских основателей музея. В обоих случаях требования убрать одиозные предметы было выполнено. Любопытно, что, по словам Фишера, и в том и в другом случае инициатором антиеврейских акций выступали не нацистские власти, и не члены НСДАП — работники музея, а население Гамбурга¹⁹⁵.

При том, что всегда и во всех странах, хотя и в разной мере, этнология была связана с политикой и ее конкретными задачами, в гитлеровской Германии (а с 1938 г. и в Австрии), этнология так и не вошла в сферу государственных и партийных интересов. Она рассматривалась нацистским руководством как оторванная от повседневной жизни наука, исповедующая такие «кра-

мольные» с позиций гитлеровской идеологии мысли, как равенство рас и культур, единство человеческого рода и т. п. Причем такого рода идеи присутствовали, хотя и в разной мере, и в работах тех этнологов, которые в своих политических статьях, устных выступлениях, педагогической деятельности, проповедовали нацистские геополитические и расистские взгляды.

Любопытен парадокс — читая большинство этнологических работ, опубликованных с 1933 по 1945 г., трудно поверить, что они написаны в нацистское время. Настолько они были далеки от политики и лишены свойственной той эпохе фразеологии. Почти не проникла политика на страницы подавляющего большинства периодических этнологических изданий, продолжавших сохранять академический дух.

Как своеобразную черту следует отметить, что не только в первые годы после прихода нацистов к власти, но и в начале Второй мировой войны, и в ее ходе, продолжалось достаточно объективное и доброжелательное рецензирование публикаций англо-американских авторов, и не запрещались ссылки на их исследования. В этнологических работах того времени не встречались столь распространенные в лозунгах, прессе и книгах представителей некоторых научных дисциплин, особенно биологии, истории, отчасти философии, политический клише, как-то «западная плутократия» и т. п. И только у отдельных этнологов наблюдалось повышенное внимание к так называемым «сферам интересов Германии», под которыми понимались бывшие колониальные владения.

Сегодня остается в силе вопрос: существовала ли «нацистская этнология»? Или нацистские взгляды выражались лишь вынужденной силой обстоятельств фразеологией, и не составляли системы убеждений. К сожалению, ответить на этот вопрос крайне сложно. Тем более что современная немецкая историография страдает известными крайностями в оценках того, что происходило тогда в этнологии.

Еще в 1925 г. немецкие этнологические общества «Deutsche Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgesellschaft», «Gesellschaft für Völkerkunde», «Berliner

Gesellschaft für Anthropologie», «Ethnologie und Urgeschichte» и ряд других, а после 1938 г. и австрийские этнологические общества, объединились в один союз «Verband der Deutschen Gesellschaften für Anthropologie, Völkerkunde und Urgeschichte». В 1933 г. его председатель разослал циркулярное письмо, в котором говорилось: «Руководство считает, что наше общество... обязано показать, что оно принимает близко к сердцу горящие вопросы Германии. Речь идет о расоведении, этнологии и предыстории, и они призваны содействовать разрешению этих вопросов. Руководство приняло решение принять «фюрер принцип», и назвать руководителя общества вождем немецкого союза антропологии, антропологии предыстории». Новый «фюрер» союза О. Айхель назначил в «Совет вождей» Ф. Краузе (этнология) и Я. Фризена (доистория). Общество Антропологии, как «не отвечающее задачам нового времени», было просто ликвидировано.

В 1934 г. был создан проект нового устава общества, в котором говорилось, что он согласован с Отделом обществ Имперского руководства НСДАП. В пункте 1 указывалось, что общество намерено содействовать организации кафедр этнологии и предыстории в немецких Высших школах для преподавания и обучения на основе национал-социалистического мировоззрения. Таким образом, казалось бы, этнология и предыстория «унифицировались» с нацизмом. Однако на деле все обстояло значительно сложнее. Хотя «унификация» была для этнологической науки довольно поверхностной, последняя оказалась, тем не менее, на долгие годы в тупике, особенно в теоретическом отношении.

Большинство немецких этнологов, как уже отмечалось, были по политическим убеждениям довольно консервативны, за исключением немногих, стоявших на либеральных позициях или принадлежавших к социал-демократии. Но после прихода Гитлера к власти ни те, ни другие, не стали в своем большинстве сторонниками идей «нового порядка». Только некоторые из ведущих исследователей «присоединились» к нацистской идеологии, что проявлялось по большей

части лишь в устных выступлениях и немногих статьях, посвященных исключительно политическим вопросам. В капитальных трудах и научных исследованиях ни весьма специфической нацистской фразеологии, ни, за редкими исключениями, положений, отвечающих официальной идеологии, не обнаруживается. Поэтому, несмотря на старания отдельных ученых, а также малоизвестных в науке «барабанщиков режима», поставить этнологию на службу нацизму не удалось, и отношение к ней как к «подозрительной» науке сохранилось.

Рассмотрим теперь деятельность отдельных ученых и целых научных направлений от 1920-х гг. до 1945 г.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА

К 1920-м и 1930-м гг. относится время весьма интенсивной экспедиционной и научной деятельности сторонников культурно-исторической школы. Среди них относительно небольшое число, наряду с эмпирическими исследованиями, разрабатывали и теоретические проблемы, тогда как большая часть миссионеров ограничивалась собиранием и публикацией фактического материала.

■ Вильгельм Шмидт

Как уже отмечалось, весьма плодотворной была научная деятельность Вильгельма Шмидта с 1924 по 1931 г., когда публиковались тома серий «Народы и культуры» и «Происхождение идеи Бога». Практически всю свою долгую научную жизнь Шмидт продолжал разрабатывать проблемы первобытного монотеизма, чему была посвящены многие статьи, и одна из его последних публикаций¹⁹⁶.

К 1923 г. относится его небольшая статья, посвященная проблеме психологической интерпретации идеи бога в первобытном обществе¹⁹⁷. В 1925 г. появилась его статья о семье, в которой Шмидт предлагал классификацию ее исторических форм. В качестве этапов развития семьи Шмидт предлагал «единичную семью», «расширенную, или большую семью», «родственную большую семью», «хозяйственную большую семью», «полную большую се-

мью». При этом автор подробно рассматривал каждую из видов семьи¹⁹⁸. Небольшая статья была посвящена в 1929 г. жертвоприношениям у самоедов¹⁹⁹. Две статьи появились в 1933 г.: о духовном мире древнейших народов и о развитии технической и интеллектуальной истории человечества, о собственности²⁰⁰. В 1930-х гг. Шмидт опубликовал ряд других работ, сначала в Австрии, а затем в эмиграции в Швейцарии²⁰¹. Интенсивные исследования Шмидт продолжал и в последующие годы, публикуясь в различных зарубежных изданиях.

Большое значение для деятельности культурно-исторического направления имело основание в 1932 г. Шмидтом Института Антропос, который он возглавлял до 1950 г.

Одно из центральных мест в исследованиях Шмидта продолжала занимать проблема культурных кругов, которую Шмидт разрабатывал вслед за Гребнером, однако, в несколько ином плане. Но окончательный вариант схемы культурных кругов так никогда и не был опубликован В. Шмидтом. Однако он известен из таблиц, составленных Шмидтом в 1924 г. для этнологического зала Ватиканского миссионерского музея, открытого в 1925 г. После создания в 1926 – 1927 гг. постоянного Миссионерского этнологического музея в Латеране, эти таблицы были помещены для пояснения в витринах²⁰². Культурные круги выглядели по Шмидту следующим образом²⁰³.

Древнейшие культуры

Центральные древнейшие культуры (первый тип 1,1)

Пигмеи и пигмиды Южной, Юго-Восточной Азии и Центральной Африки.

Материальная культура: отсутствие земледелия и скотоводства, мужская охота и женское собирательство.

Социология: моногамия, свобода в заключении браков. Ограниченное развитие государства, происходящего из семьи. Молодежная инициация. Отсутствие рабства и каннибализма. Индивидуальная собствен-

ность на оружие и орудия труда. Племенная собственность на охотничьи угодья.

Религия: вера в высшее существо, создателя вселенной. Отсутствие политеизма, анимизма, культа предков, тотемизма.

Южные древнейшие культуры (тип 1,2)

Тасманийцы, юго-восточные австралийцы, огнеземельцы.

Материальная культура: хозяйство как в предыдущем типе.

Социология: как в предыдущем типе. В Австралии ослабление моногамии. Половой тотемизм.

Религия: как в первом типе. Возникновение анимизма и колдовства в Австралии.

Северные древнейшие культуры (тип 1,3)

Аборигены Северо-Восточной Азии и Калифорнии.

Материальная культура: как в предшествующих типах.

Социология: дальнейшее ослабление моногамии.

Религия: схожа с первым типом. Усиление анимизма и магии, вера в высшее существо. Проникновение шаманизма.

Новейшие формы (тип 1,4)

Произошли из смешения древнейших культур с древнейшими слоями материнско-правовых культур.

Продвинутые культуры

Номадные большие скотоводы (первый тип 2,1)

Урало-алтайские народы, позднее индоевропейцы, еще позднее семито-хамиты.

Материальная культура: номадизм происходит из охоты как деятельность мужчины.

Социология: превращение единичной семьи в большую. Патриархальная власть. Господство мужчины как инициатора стадного скотоводства. Начало расслоения на бедных и богатых в связи с количеством животных в семье.

Религия: вера в высшее небесное божество и злую силу. Распространение шаманизма из материнско-правового круга.

Высшие тотемические охотники (второй тип 2,2)

Южная и Восточная Австралия, Новая Гвинея, восточные дравиды, С.-З. и С.-В. Африка, С.-З. Америка.

Материальная культура: высшая степень охоты, начала городской культуры. Специализация ремесла и техники. Развитие торговли и ремесла.

Социология: возрастание значения племени в сравнении с семьей. Тотемизм и тотемические кланы.

Религия: солнце как высшее существо. Фаллические ритуалы. Расцвет колдовства.

Материнско-правовые земледельцы (третий тип 2,3)

Частично в Индонезии и Меланезии, Индии и Африке, С.-З., С., и Ц. Америке.

Материальная культура: женское земледелие из собирательства. Начало деревенской культуры.

Социология: женщина как изобретатель земледелия и первый земледelec становится первым собственником земли. Отсюда — социальное и хозяйственное господство женщины в древнейшем материнском праве. Матрилокальность. Позднее развитие — женщина становится рабочей работой мужчины. Полигамия. Возможно, возникновение долгового рабства.

Религия: высшее существо — праматерь, сопоставляемая с луной. Мужчины объединяются против женщин в тайные союзы. Развитие анимизма из понятия духа.

Далее продвинутые культуры

Смещение высших тотемических охотников с материнско-правовыми земледельцами (тип 3,1)

Частично Ю. Австралия, дравиды Ю. Индии, Древний Египет, ацтеки Мексики, инки Перу.

Материальная культура: соединение примитивной городской и деревенской культуры.

Социология: начало сельско-городских государств. Возникновение фратрий и сложной возрастной системы. Дальнейшее уменьшение значения единичной семьи перед племенем и государством.

Религия: соединение солнечного и лунного культов. Солнце супруг или брат луны. Связь тотемизма и материнского права.

Смешение номадов скотоводов с материнско-правовыми земледельцами (тип 3,2)

Часть меланезийцев Новой Гвинеи, банту С.-В. Африки, С.-В. Южной Америки.

Материальная культура: разведение мелкого рогатого скота с земледелием. Из мотыги развивается плуг, позднее с тягловыми животными.

Социология: более или менее ориентированная в материнско-правовой сфере. Большая семья. Частично представлена полиандрия.

Религия: небесный или лунный бог в браке с богиней земли.

Смешение скотоводов номадов с тотемическими высокими охотниками (тип 3,3)

Часть дравидов, некоторые племена С.-З. и В. Африки.

Материальная культура: связь скотоводства с высшей охотой, ремеслом и торговлей.

Социология: распространение тотемизма на животных скотоводов. Продолжение обожествления вождей.

Религия: соединение почитания небесного бога с солнечным божеством. Развитие особого почитания овец.

Смешение всех трех первичных культур (тип 3, 4)

Индия, Китай, Месопотамия, культуры Средиземного моря, поздний Египет, культуры инков, ацтеков, майя.

Материальная культура: соединение скотоводства с примитивной сельской и городской культурой земледельцев и высших охотников. Переход к государству и высокой культуре.

Социология: из прежней горизонтальной дифференциации происходит вертикальное членение по условиям и классам, окончательное развитие рабства, переход к обожествляемому королевству.

Религия: возникновение божественных систем политеистических пантеонов, обычно с верховным богом. Статуи богов в храмах. Божественный пантеон получает философское объяснение.

Даже самые ближайшие сподвижники Шмидта — В. Копперс, П. Шебеста, М. Гузинде, Фр. Флор и другие, весьма сдержанно, если не сказать скептически, восприняли теорию и схему культурных кругов. Так, в некрологе, посвященном Шмидту, Копперс писал, что предложенные культурные круги выглядели весьма сомнительно. В частности, Копперс отрицательно отзывался о предложенном Шмидтом культурном круге «больших пастухов-скотоводов», так как, как он полагал, при этом не были учтены многие фактические данные²⁰⁴.

Критически относился к содержанию культурных кругов, предложенных Шмидтом, один из сторонников этого учения, Герман Тримборн. Он констатировал сложность при конструировании культурных кругов и призывал относиться с особой ответственностью к разного рода сопоставлениям, а также учитывать условия среды.²⁰⁵

В позднейших работах Шмидт стремился уточнить содержание каждого культурного круга, однако более убедительной это его концепцию не сделало. Вместе с тем, справедливости ради нельзя не отметить, что наряду со многими весьма спорными положениями рассматриваемого автора в связи с теорией культурных кругов, отдельные его выводы и замечания представляются интересными и заслуживающими внимания с точки зрения этнологической теории.

Тесно с учением о культурных кругах было связано исследование Шмидтом происхождения и истории религии. Этим проблемам он посвятил значительную часть своей долгой научной жизни, что получило выражение в 12-ти томной серии «Происхождение идеи Бога»²⁰⁶.

Стержневая идея Шмидта заключалась в гипотезе о так называемом *первобытном прамотеизме*, согласно которой предполагалось, что первоначально человечество исповедывало единобожие как результат божественного откровения. В дальнейшем, согласно этой гипотезе, первобытный монотеизм стал вытесняться языческими верованиями, получившими окончательное выражение в политеистических религиях. На основании очень большого, но тенденциозно подобранного, и не всегда достоверного фактического материала, Шмидт пытался доказать, что у наиболее известных этнологии культурно отсталых народов существовала вера в единого бога.

При этом Шмидт выступал и, как можно полагать, справедливо, против взглядов авторов, полагавших, что на ранних ступенях человеческой истории отсутствовали религиозные верования. Свою позицию Шмидт аргументировал материалом, собранным им и другими исследователями в многочисленных экспедициях к пигмеям, негритосам, бушменам, огнеземельцам и другим первобытным народам. Но значительно менее обоснованным представляется вывод Шмидта о единообразности комплексов верований у всех культурно отсталых народов. При известной ограниченности видов верований (магия, анимизм, тотемизм и т. д.), в условиях различных хозяйственно-культурных типов комбинации этих верований, как показывают этнологические данные, различаются, порой, достаточно существенно.

Наиболее спорен вывод Шмидта, который он сам считал наиболее важным, о том, что происхождение религиозных верований и их единообразие являются следствием Божественного откровения, «дающего начало всем человеческим религиям»²⁰⁷. Шмидт категорически и справедливо отрицал распространенную, особенно в атеистической литературе, мысль о том, что религия порождена «ищущим человеком». А, тем более, якобы бессилием человека перед природой, вследствие чего защиту от стихийных сил природы он искал в сверхъестественном. Но при этом Шмидт приходил к выводу, с которым трудно согласиться. А именно, что

раз религия не имела «естественного» происхождения, то она была порождена «сверхъестественным» путем.

Возражая эволюционистам, Шмидт приходил к выводу, что религии не проходили *прогрессивных* этапов развития, а были уже в готовом виде *погарены* людям высшим существом. И в дальнейшем религии не развивались, а происходил как бы «обратный» процесс — они деградировали после грехопадения. Поэтому, как считал Шмидт, то, что этнологи-эволюционисты принимали у наиболее первобытных народов за начальные виды религиозных верований, было на деле лишь следствием их упадка после первоначальной моральной, этической и религиозной чистоты. При этом, несмотря на упадок, религиозные верования продолжали испытывать воздействие Божественного откровения, хотя, как признавал Шмидт, его следы «во многих случаях проследить не удастся»²⁰⁸.

Шмидт постоянно полемизировал с взглядами сторонников «теории развития», полагавших, что история человечества и его культуры неуклонно движется по пути развития прогресса. При этом сам Шмидт допускал проявления прогрессивных изменений главным образом только в материальной сфере жизни первобытных обществ и в «высоких культурах». Однако в процессах, происходивших в первобытных обществах в духовной, морально-этической и религиозной сферах, он усматривал только проявление явлений деградации, условно называемой им «обратной эволюцией».

Согласно учению Шмидта, в истории религии могут быть выделены три этапа, причем независимые один от другого и не являющиеся следствием эволюционного развития чего-то исходного. Каждый из этих этапов возникал, по Шмидту, как результат Божественного откровения. На заре человеческой истории — в виде первобытного монотеизма, далее — как иудаизм, и, наконец, — как христианство. При этом первобытные религии были подвержены «обратной эволюции». Как полагал Шмидт, определенных морально-этических высот, но «ниже» первоначального Откровения, достигла иудейская религия, как следствие второго Откровения. И только христианство — третье Открове-

ние — вернуло человека к богу. При этом Шмидт признавал, что «первоначальные религии» этнологии не известны». Но наибольшие их следы он усматривал в «первичных» культурах «больших скотоводов и пастухов», в то время как «вырождение» первичной религии проявлялось в «тотемических отцовско-правовых» культурах. В связи с этим Шмидт делает довольно рискованный с точки зрения реальной исторической действительности вывод, согласно которому «кочевые народы, обладавшие наибольшей чистотой религии, морали и нравов и передвигавшиеся сквозь время и пространство со своим богатством — стадами, соединили земледельческие материнско-правовые народы с тотемистическими обитателями городов в великие государства. Во главе этих государств стояла вышедшая из среды скотоводов аристократия. В этих городах они ввели поначалу свою более высокую религию и чистые нравы». Примеры этому Шмидт усматривал во вторгшихся в Индию ариях, в Китай — алтайских тюрков, в семитах и хамитах, завоевавших Вавилонию, Ассирию, Египет. Однако, как писал Шмидт, со временем под воздействием материнско-правовых и тотемических верований, религия «пастухов» стала приходить в упадок и наступала духовная деградация²⁰⁹.

Помимо того, что имеет в работах Шмидта непосредственное отношение к этнологии, в них содержатся обширные теологические рассуждения. Их содержание далеко выходит за границы предмета этнологии и проблем, рассматриваемых в настоящей книге. Поэтому говорить о них здесь нет нужды.

Следует подчеркнуть, что Шмидт проводил строгую методологическую грань между двумя составными частями культуры: духовно-религиозной, как он полагал — основной, и «второстепенной» — охватывающей сферы хозяйства, техники, политики, науки. Если, как уже отмечалось, в связи с духовной сферой Шмидт отрицал возможность эволюции, то таковую в области материальной жизни он вполне допускал. Но материальные факторы считал второстепенными в жизни людей и отрицал определение эволюции как поступательного прогресса²¹⁰. Любопытно, что Шмидт не счи-

тал свои рассуждения в связи с религией по сути теологическими. Он писал, что никогда не имел стремления исходить из принципов теологии, и что его концепция есть лишь следствие анализа фактических данных²¹¹. Думается, что, утверждая это, уважаемый автор вольно или невольно искажал свой действительный подход. Не говоря уже о том, что то, что он называл «фактами», а также их интерпретация, в немалом числе случаев вызывает определенные сомнения, или даже прямое несогласие. Представляется бесспорным, что целиком теологическими были взгляды Шмидта относительно Божественного откровения как истока религиозных представлений.

Завершая обзор взглядов Шмидта на историю религии и религиозных верований, нельзя не отметить, что, не соглашаясь с рядом научных позиций Шмидта, многое в его критике эволюционистских взглядов едва ли можно просто отместить. Так, думается, Шмидт прав, говоря о том, что религия не возникает как следствие отвлеченных рассуждений человека (рассуждения «ищущего человека»), а тем более его мнимого (причем осознанного) бессилия перед природой, как это пытаются утверждать воинствующие атеисты.

Немало труда Вильгельм Шмидт вложил в исследование проблем, связанных с историей семьи и брака. Признавая различие форм семейно-брачных отношений в разные исторические эпохи, Шмидт одновременно категорически отрицал саму возможность их однолинейного поступательного развития в таком виде, как это полагали эволюционисты. Исходную, первоначальную форму семьи Шмидт усматривал в семейном союзе мужа, жены и детей, названного им «единичной семьей» (Einzelfamilie). Ее он определял как семью в узком, изначальном смысле, что представляется с некоторыми, впрочем, достаточно существенными оговорками, справедливым. В различных комбинациях из «единичных» семей создавались, по Шмидту, более сложные семейные организмы, являющиеся разновидностями «большой» или «расширенной» семьи. Так, большая семья, включающая некоторое число кровных родственников в виде отдельных семей, названа Шмид-

том «родственной большой семьей» (Verwandtschaftsgroßfamilie). А большую семью, включающую помимо родственников также лиц, связанных с ними хозяйственными отношениями (слуги, помощники и т. п.) — «большой хозяйственной семьей» (Wirtschaftsgroßfamilie). В случае же совпадения родственной и хозяйственной организации — складывалась «полная большая семья» (Vollgroßfamilie). При этом Шмидт постоянно подчеркивал, что единичные семьи лежат в основе не только любых форм семейной организации, но и вообще всех семейных союзов, включая государство! И, кроме того, при всех происходящих в истории социальных изменениях организация единичной семьи остается неизменной²¹². Однако с этими утверждениями рассматриваемого автора согласиться нельзя. Так, прежде всего, они противоречат фактическим данным.

Шмидт полагал, что существуют четыре наиболее важных аспекта семейных отношений: а) взаимоотношения мужа и жены, б) отношения родителей с детьми, в) отношение детей к родителям, г) отношение всех членов семьи к совокупному обществу²¹³.

Нет особой нужды более подробно рассматривать взгляды Шмидта на проблемы семьи, это тема специального исследования. Можно лишь еще отметить, что предложенные им формы семьи едва ли охватывают все известные этнологии формы семейно-брачных отношений и изложены излишне схематично. Что касается отрицания Шмидтом эволюции в развитии форм семьи и семейно-брачных отношений, то за это он неоднократно подвергался весьма резкой, но не всегда достаточно обоснованной критике. Этот вопрос далеко не прост, и однозначного ответа на него не существует и сегодня. К тому же Шмидт выступал, в первую очередь, против умозрительной и противоречащей этнологическим фактам эволюционистской схемы истории семьи Моргана — Энгельса. Схемы, которая основывалась на ошибочной гипотезе о «первобытном промискуитете». А также о якобы последовательно сменявших его этапах кровнородственной семьи, семьи пуналуа, материнской синдасмической, патриар-

хальной полигамной семьи. Особенно большое внимание Шмидт уделял критике взглядов некоторых авторов о существовавшем в древности первичном «неограниченном промискуитете». В этой критике Шмидт основывался на собственных полевых этнографических наблюдениях, а также взглядах многих известных этнологов — У. Риверса, Р. Лоуи и других. Как показывает современное состояние фактических данных, критику Шмидтом гипотезы первобытного промискуитета и большей части последующих этапов «развития» семьи, предложенных эволюционистами, можно считать вполне справедливой.

Некоторых комментариев требует одно, широко распространенное в советской литературе 1920-х — 50-х гг. обвинение Шмидта и ряда других немецких исследователей в том, что в качестве исходной формы семьи они считали «моногамную» семью. Однако те, кто выдвигал такого рода обвинения, были, очевидно, недостаточно внимательны при чтении иностранного текста или руководствовались некоторыми, в принципе неплохими, но недостаточно корректными в области терминологии русскими переводами. В действительности, под термином «моногамия» К. Старке, Е. Вестерман и ряд других авторов конца XIX и начала XX в., а также В. Шмидт, В. Копперс и другие представители Культурно-исторической школы понимали «парную» семью.

Заслуживает внимания неприятие Шмидтом положения ряда эволюционистов об обязательности первичности материнского права, как предшественника отцовского, якобы вторичного явления ²¹⁴.

Значительное число трудов Шмидта посвящено и другим фундаментальным проблемам истории первобытного общества, начиная с древнейших его периодов и вплоть до более позднего времени «первичных» и «поздних» культур.

Сразу бросается в глаза, что все теоретические построения Шмидта проникнуты острым полемическим духом, причем критика однолинейных построений сторонников теории развития (эволюционистов) сочетается во многих случаях со стремлением связать факты

первобытной истории с теологическими положениями. Хотя сам Шмидт, как это отмечал его ближайший сподвижник Вильгельм Копперс, отрицал, что его взгляды связаны с теологией, но, тем не менее, исходил из Божественного Откровения²¹⁵.

В пылу полемики Шмидт не всегда выбирал выражения и едва ли справедливо утверждал о «вредности радикального эволюционизма» в изучении древнейшей истории человечества. Не отрицая полностью «идею развития», Шмидт обвинял эволюционистов в идеализме и прямолинейности построений прогрессивного развития²¹⁶.

Нет необходимости детально рассматривать возражения Шмидта против выводов эволюционистов-антропологов относительно происхождения человека и предполагаемых предковых форм. Достаточно заметить, что основная аргументация Шмидта, состоявшая в противопоставлении взглядов разных авторов и гипотез, не может рассматриваться как корректная. Тем более трудно согласиться с отрицанием Шмидтом каких-либо возможностей реконструкции прошлого человечества со стороны физической антропологии, что, по его мнению, может быть выполнено только наукой «доисторией» и «исторической этнологией». Эта позиция Шмидта вытекала главным образом из отрицания «грубого материализма», «полагающего, что психика, душа, чувства, являются лишь функцией физического тела»²¹⁷. Однако сам уважаемый автор не пришел к сколько-нибудь убедительным заключениям²¹⁸ ни в области антропогенеза, ни о древнейших этапах человеческой культуры.

Наряду с исследованиями проблемы культурных кругов, истории религии и происхождения человека, большое внимание Шмидта привлекали вопросы истории института собственности на разных этапах первобытности. В связи с этим он осуществил замысел создания фундаментального труда о собственности на различных ступенях истории человечества, первый том которого вышел в 1937 г., второй в 1940 г., а третий, завершающий, в 1942 г. Однако в полном объеме свое предприятие Шмидту выполнить не удалось, и трех-

томный труд оказался посвященным главным образом собственности в древнейшие эпохи и в «пастушеских» культурах. Предполагаемое исследование собственности у народов, относящихся к «материнско-правовому» и «отцовско-правовому» культурным кругам, не вошло в это издание, и ему были посвящены только отдельные статьи и выступления, часть которых была опубликована посмертно, после окончания Второй мировой войны²¹⁹.

Свой трехтомный труд Шмидт начинал с общей постановки проблемы происхождения собственности и значения собственности в разные эпохи, вплоть до современности в условиях «капиталистического» общества. Это общество поставило, по словам Шмидта, с одной стороны, себе на службу чудеса техники, а с другой, создало пролетариат, ставший большинством населения²²⁰.

С резкой критикой Шмидт и некоторые его сторонники обрушились на последователей концепции об отсутствии собственности в первобытном обществе: Руссо, Прудона, Л.Г. Моргана и, особенно, Ф. Энгельса, оказавшего, по словам Шмидта, решающее влияние на характер пропаганды в Советском Союзе²²¹. Существенно, что Шмидт не рассматривал в отношениях поземельной «собственности» нечто неизменное, а видел в них определенную динамику.

Полностью можно согласиться с мнением рассматриваемого автора относительно отсутствия у кочевников частной собственности на землю и наличия частной семейной собственности на скот. И что эти признаки, прежде всего, определяют отличие кочевников от первобытных культур²²².

В 1920-х и 30-х гг., а также и в последующее время, Шмидт принимал живейшее участие в дискуссиях по расовым проблемам. Помимо статей и выступлений Шмидт опубликовал в 1927 г. крупную монографию «Раса и народ», которую с некоторыми дополнениями переиздал в 1935 г.²²³ В том же году он опубликовал книгу «Раса и мировоззрение». В ней он рассматривал физические признаки рас, их изменчивость, соотношение расовой принадлежности и душевных качеств.

Затрагивается и ряд методологических проблем. Позиции Шмидта были при этом антирасистскими, хотя и не во всем последовательными²²⁴. Отрицание Шмидтом непосредственной связи между принадлежностью к определенной расе и умственными способностями и психическими качествами вызвали большое раздражение нацистских властей, и книги Шмидта, посвященные расовым проблемам, были запрещены. Расовые проблемы продолжали интересовать Шмидта и в последующие годы.

В советской литературе в отношении Шмидта выдвигались тяжкие обвинения в расизме. Едва ли они, однако, основательны. Кстати, обвинения Шмидта в расизме, а также в антисемитизме, прозвучали в недавнее время со стороны австрийского ученого, профессора Вальтера Достала. При этом он ссылается не непосредственно на работы Шмидта, а на данные, почерпнутые из вторых рук, из работ Э. Конте. Работ, в некоторых отношениях весьма спорных²²⁵. Представляется, что такого рода оценки имеют под собой определенную политическую ангажированность. Это видно из обвинения Шмидта в антима르크сизме, что было характерно в 1930-х гг. для некоторых особенно ярких приверженцев догматического марксизма в советской науке. Кстати сказать, В. Досталь, одобряя в той же статье (с. 99) «...силы, пытавшиеся противостоять идеологии национал-социализма», ссылается на работу В. Копперса, посвященную прародине индоевропейцев. Но при этом он не счел нужным назвать более позднюю работу Шмидта, посвященную той же проблеме, в которой он приходит к тем же выводам, что и Копперс²²⁶.

Завершая рассмотрение научной деятельности и идей Вильгельма Шмидта, можно высказать предположение, что нельзя не заметить влияния на него идей «психологической школы» и, в частности Леви-Брюля, а также, хотя в меньшей мере, Зигмунда Фрейда. Так, рассматривая в одной из своих работ духовную жизнь первобытных народов, Шмидт называл мышление первобытного человека «пралогическим», недоступным нашему пониманию. Первобытное мышление в целом

он определял как «магическое», аналогичное детскому или свойственному невротикам. Недоступность для нас, как полагал исследователь, первобытного мышления, имеет следствием то, что этнологические описания народов первобытной культуры «формальны и лишены содержания».

Несомненно, в истории этнологии Шмидт был крупнейшей фигурой. При всем критическом отношении к ряду его трудов и теоретических взглядов, нельзя не признать, что они уже вошли в основной фонд науки о народах и в той или иной степени оказали воздействие на многих исследователей. К тому же деятельность Шмидта следует рассматривать в тесной связи с трудами его многочисленных учеников и последователей в разных странах, в какой-то мере и в России, составивших в истории науки целую эпоху.

Что касается последователей Культурно-исторической школы, то за отдельными исключениями они были миссионерами, работавшими во всех частях света. За исключение самого Шмидта и некоторых его ближайших учеников, большая их часть занималась главным образом эмпирическими полевыми исследованиями. И, хотя они собрали и опубликовали неоценимый этнографический материал, в область теории они не внесли заметного вклада.

Тем не менее, часть учеников Шмидта, в частности В. Копперс, П. Шебеста, М. Гузинде и ряд других миссионеров-этнологов, создали фундаментальные труды по описанию многих народов, обитавших в самых глухих, географически изолированных уголках земли, и продолжали теоретические изыскания.

В значительной мере эмпирическая направленность трудов сторонников Культурно-исторической школы Шмидта позволяет остановиться лишь на работах и взглядах наиболее известных ученых, в той или иной мере принадлежавших к этому направлению и интересовавшихся проблемами теории. Что касается трудов многочисленных миссионеров, придерживавшихся культурно-исторической ориентации, то их изучение — задача многотомного источниковедческого исследования.

Последователи Вильгельма Шмидта

Одним из наиболее близких по духу Вильгельму Шмидту этнологов был его ближайший сподвижник *Вильгельм Копперс* (1886 – 1961). Сфера научных интересов Копперса была весьма разнообразна. Во многих экспедициях, в удаленных уголках Земли, он изучал проблемы этнологии первобытных народов. В том числе вопросы истории хозяйства, социальной организации, религии, древнейшей этнической истории тюрков, индогерманцев и многих других²²⁷. Что касается отношения Копперса к теории культурных кругов, то оно было несколько уклончивым. Не возражая в 1930-х — начале 1940-х гг. прямо своему патрону, он высказывался о ней сдержанно критически. После окончания Второй мировой войны Копперс прямо заявил о ее непригодности.

Говоря об оценке научной деятельности самого Копперса со стороны других ученых, следует отметить, что многие серьезные исследователи, как в странах немецкого языка, так и за их пределами, относились весьма настороженно не только к отдельным теоретическим положениям рассматриваемого исследователя но, что особенно существенно, и к достоверности публикуемого им материала. Характерно в этом отношении ироничное замечание известного этнолога Я. Фаренфорта, настроенного вообще резко критически по отношению к Копперсу, о том, что он «открыл» за две недели посещения Огненной Земли наличие у 80 туземцев «первобытного монотеизма». «Тогда как ученые, работавшие годами среди огнеземельцев, ничего подобного у них не обнаружили»²²⁸. Столь же критически отзывался о Копперсе такой авторитетный ученый, как берлинский профессор Адольф Рюль.

Можно полагать, что такое мнение о Копперсе не лишено основания. И оно подтверждается при сопоставлении полевых материалов Копперса о народах стран Южных морей (впрочем, как и его друга и учителя Вильгельма Шмидта) с данными других авторов, чьи этнологические наблюдения не вызывают сомнений.

Большим авторитетом как полевой исследователь и преподаватель пользовался другой сподвижник Шмидта, *Мартин Гузинге* (1886 – 1969). Получив образование в общине Сан-Габриэль, он был посвящен в 1911 г. в сан священника и стал миссионером. Почти всю жизнь он провел в экспедициях, во время которых изучал культуру первобытных народов. Он изучал индейцев Огненной Земли, пигмеев Конго, бушменов, негритосов Филиппин, индейцев Венесуэлы, пигмеев Новой Гвинеи и многих других²²⁹. Неоднократно и с большим успехом Гузинге читал лекции по этнологии в различных университетах.

По преимуществу описательные работы, наполненные богатым фактическим материалом, принадлежат перу миссионера *Пауля Шебесты* (1878 – 1967), сторонника Культурно-исторической школы, известного исследователя пигмейских народов²³⁰.

Довольно широкою известность имели лингвистические и полевые этнологические исследования миссионера *Карла Лауфера*, исследовавшего туземцев Новой Британии (архипелаг Бисмарка).

Кроме непосредственных сторонников культурно-исторического учения существовало немалое число ученых, прямо не примыкавших к школе Шмидта, однако в той или иной степени разделявших ее теоретические позиции (в том числе, и концепцию «культурных кругов»). Число таких исследователей было довольно велико. Это известные ученые — американист *Генрих Тримборн*, африканист *Герман Бауман*, австрийский американист *Вальтер Хиршберг*. Отношение *Тримборна* (1901 – 1986) к культурно-историческому учению и учению о культурных кругах было неоднозначным и со временем все более критическим. Научная деятельность этого исследователя началась с публикации в журнале Культурно-исторической школы «Антропос» диссертации под названием «Коллективизм инков в Перу». Вся дальнейшая его научная деятельность была главным образом связана с исследованием этнологии права и методики его изучения, проблем социальной организации, общественного и семейного права в доколумбовом Перу и т. п. После

завершения высшего образования, Тримборн стал с 1929 г. приват-доцентом Боннского университета. В 1933 г. он выехал в Испанию, где занялся преподавательской работой и руководил в музее отделом этнографических коллекций. С началом гражданской войны он покинул Испанию и получил в 1937 г. место экстраординарного профессора в Боннском университете (с 1966 г. он ординарный профессор этнологии). Тримборн совершил несколько поездок в разные области Нового и Старого Света. Особенно известны его исследования индейцев Перу и Колумбии²³¹. Благодаря его энергичной научной — Тримборн автор более 130 работ, в том числе 12 книг — и организационной деятельности, в Бонне сложился весьма авторитетный центр американистики.

Тримборна неизменно привлекали проблемы, связанные с теорией культурных кругов. При этом, разделяя саму концепцию о культурных кругах, он весьма критически относился к тому, как эти круги конструировались и понимались многими другими исследователями. По этому поводу он полагал, что зачастую недостаточно учитывается вся совокупность этнологических данных. Наиболее полно свои взгляды по этой проблеме Тримборн изложил в статье «К учению о культурных кругах»²³², в которой он, положительно в целом отзываясь о книге сторонника теории культурных кругов Освальда Менгина «Мировая история каменного века»²³³, отметил ее слабые стороны и высказал собственные взгляды. По словам Тримборна, автор этой книги «сумел объединить археологический и этнографический материал и создать систематическую картину древних культур». Но уже двумя страницами ниже Тримборн высказывал сомнение относительно предлагаемых Менгиным культурных кругов. В частности, о существовании «докаменной» деревянной культуры.

Соглашаясь с тем, что могут быть выделены «древнейшие культуры» (*Grundkulturen*), Тримборн, в отличие от Шмидта, не рассматривал их как единый культурный круг, а считал, что исходя из критериев количества и качества, эти древнейшие культуры, такие как:

«тасманийская», «староавстралийская» и другие, не составляют единый культурный круг, а представляют собой разные культурные круги. И, к тому же, исходя из критериев формы и времени, они должны быть отнесены к разному историческому времени. Исходя из этого, Тримборн считал, что хотя тасманийская культура и имеет наиболее древний облик, нельзя, как это делали представители Культурно-исторической школы, утверждать, что она лежит в основе других древних культур.

С большой долей скептицизма Тримборн относился к аналогиям и критериям, которые клались многими исследователями в основу культурных кругов. В качестве примера он приводил попытки провести аналогии между «староавстралийской» культурой и шиллуками. В действительности, как он отмечал, можно говорить не о совпадении всего комплекса культур, а лишь двух элементов культуры.

Важной для своего времени была мысль Тримборна о необходимости учета при анализе характера культуры условий среды и хозяйства. Хозяйственные формы, как он справедливо полагал, складывались конвергентно в сходных природных условиях. Говоря это он выступал против «безграничного» диффузионизма.

В целом же Тримборн отрицал возможность построения взаимосвязанной системы культурных кругов, «а то, что часто называется «культурными кругами, в действительности может быть ничем иным, как этнографическими типами».

Весьма интересны критические замечания Тримборна относительно концепции Культурно-исторической школы о генетической преемственности более поздних культур (Tiefkulturen) от «древнейших» (Grundkulturen) низших и высших охотников от собирателей, а также о взаимосвязи охоты-собираательства с тотемической культурой.

В связи со сказанным о Тримборне представляется, что его научное наследие может вызывать не только отвлеченный историографический интерес, но многие его идеи и гипотезы могут дать толчок к современным исследованиям.

Важные работы рассматриваемого автора были написаны после Второй мировой войны. Тримборн и тогда сохранил приверженность к «историческому» направлению, однако отошел от большинства позиций Культурно-исторической школы. Поэтому речь о деятельности Тримборна после окончания Второй мировой войны пойдет ниже, в соответствующих главах.

В значительно большей степени, чем Тримборн, разделял в начале своего научного пути многие концепции Культурно-исторической школы крупнейший немецкий африканист *Генрих Бауман* (1902 — 1972). Его многочисленные исследования были посвящены описанию этнической истории и культуры африканских народов. В его работах рассматривались проблемы отцовского и материнского права у народов Африки, вопросы религии, хозяйства и материальной культуры²³⁴. Особое внимание при этом уделялось проблеме культурных влияний.

Широкую известность у специалистов получила переизданная в наше время книга Баумана «Сотворение и древность человека в мифах африканских народов»²³⁵. В книге были три главы. В первой описывались и анализировались мифы о силах творения — божествах в представлениях народов разных регионов Африки. Исчерпывающе рассматривались мифы бушменов, которых автор рассматривал как древнейшее африканское население. Используемый фактический материал и предлагаемые выводы настолько убедительны, что позднейшие ученые-африканисты лишь немного смогли добавить к выводам Баумана²³⁶.

Любопытна точка зрения Баумана о том, что некоторые мифологические сюжеты у нилотов, которые многие ученые возводят к эпохе Нового Завета и считают отражением генеалогического родства с номадами Западной Азии, на самом деле являются недавними заимствованиями у христианских народов.

Во второй главе Бауман рассматривал толкование в мифологии Творения, описания жизни на земле первых людей, происхождение природы и человека. При этом Бауман усматривает значительные аналогии меж-

ду африканским материалом и египетскими и азиатскими мифологическими сюжетами.

Наконец, третья глава посвящалась исследованию толкования в мифологии истоков человеческой культуры: охоты, скотоводства, земледелия, использования огня, приготовления пищи, возникновения древнейших домашних производств.

Известность среди ученых получили исследования Баумана, связанные с попыткой реконструкции культурных кругов в Африке на основе теоретических положений Фробениуса, Анкермана и Гребнера²³⁷. Однако большинство специалистов относилось к предлагаемым культурным кругам весьма настороженно, предпочитая пользоваться лишь богатым этнографическим материалом, собранным Бауманом.

Рассматриваемый ученый был одним из немногих виднейших этнологов, разделявших в своих политических воззрениях основные положения нацизма. Это проявилось в его общественной позиции, в ряде устных выступлений, однако практически почти не отразилось в научных исследованиях и публикациях. Некоторым исключением в этом отношении был повышенный интерес к колониальным проблемам в связи с геополитическими устремлениями гитлеровской Германии, что, впрочем, имело место и в работах некоторых ученых, оппозиционно настроенных к нацизму²³⁸.

Среди сторонников теории культурных кругов следует назвать также одного из известных в довоенное и послевоенное время ученых, сотрудника Этнологического музея в Вене *Вальтера Хиршберга*. Хиршберг живо интересовался этнологической теорией и проблемами истории первобытного общества.

Деятельность Хиршберга, его многочисленные труды оказались обойденными вниманием в советской африканистике и этнологии, что, впрочем, вообще характерно по отношению ко многим немецкоязычным исследователям, начинавшим свою деятельность в 1930-х гг.

Наиболее полно теоретические воззрения Хиршберга отразились в его обобщающем исследовании — «Этнология»²³⁹.

Вполне в духе культурно-исторического учения, Хиршберг подразделял всю историю первобытного общества, вплоть до времени его распада, на четыре крупных периода: «древнейшие культуры», «культуры в эпоху материнского права», «культуры в эпоху отцовского права», «культуры времени распада старых культур (на руинах старых культур)». Все эти культуры рассматривались в свете принадлежности их к определенным культурным кругам, в чем Хиршберг во многом следовал Фробениусу и Анкерману.

Надо сказать, что в науке идеологические установки Хиршберга были далеки от нацистских, что отнюдь не вызывало одобрения властей. Уже во «Введении» к рассматриваемому труду Хиршберг без обиняков утверждал, что детальное знакомство с культурно-отсталыми народами привело к тому, что на них перестали смотреть как на «диких». Автор называл их «природными» людьми (*Naturmensch*), понимая под этим термином человеческие группы, которые в противоположность цивилизации в той или иной мере зависят от природы. Хиршберг шел дальше, предполагая, что вообще трудно провести четкую границу между «природными» и «цивилизованными» людьми. В условиях оголтелого биологического расизма в Германии такие мысли немецкоязычного автора вызывали в 1936 г. крайнее негодование как среди доморощенных австрийских, так и германских нацистов.

Говоря о культуре «природных» людей, Хиршберг отмечал, что как ни примитивны их орудия, тем не менее, человек стал создавать собственную природную среду. Он имел огонь, что отличало его от звериных предков. Длительный путь к культуре, полагал рассматриваемый автор, начался с очага, одежды из шкур, приготовления жареной пищи. Многие высказанные Хиршбергом мысли о первобытности звучат довольно современно и во многом предвосхищают концепцию М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова о «хозяйственно-культурных типах». Хиршберг писал, что не следует ни недооценивать, ни переоценивать значение для первобытных людей природной среды. Эта среда, как он полагал, благоприятствовала развитию определенных

хозяйственных форм, которые, в свою очередь, воздействовали на общество, религию и прочие стороны духовной жизни. Представляется справедливым мнение автора о том, что наибольшее влияние природная среда оказывала на общества, основывающиеся на присваивающем хозяйстве и не разрушавшие на этой ступени развития природу. Она оставалась в нетронutom состоянии, так как, в отличие от земледельцев и скотоводов, люди на присваивающей стадии пассивны по отношению к природе. Верна мысль о том, что носители определенных хозяйственных форм (сегодня мы назвали бы их хозяйственно-культурными типами) всегда стремятся жить в привычной для них природной среде и меняют ее только по тому или иному принуждению. И это положение Хиршберга об исключительной устойчивости хозяйственных форм, изменяющихся только в случае крайней нужды, представляется вполне справедливым. Как писал рассматриваемый автор, стремление сохранить привычное хозяйство при невозможности по тем или иным причинам проживать далее в привычных местах, вело постоянно к бесчисленным переселениям, происходившим с самой ранней первобытности. Миграции приводили к распространению культурных форм, вследствие чего, и здесь Хиршберг опять-таки прав, сегодня невозможно найти народ с «чистыми» изначальными формами культуры. Вслед за Ратцелем Хиршберг считал, что распространение культуры может происходить и без людей, путем миграции идей, изобретений, что ведет к заимствованию культурных элементов. Но, развивая эту мысль, Хиршберг далеко отходил от «элементарных идей» Бастиана, гипотезы чисто спекулятивной и основанной на механицистическом подходе к культурным процессам, и справедливо утверждал, что сходство между отдельными культурами имеет историческое основание.

Разделяя во многом теоретические положения Хиршберга о культуре первобытных народов, трудно, однако, согласиться с его дальнейшими выводами, связанными с «культурными кругами», конструируемыми либо на основе произвольных гребнеровских построений, либо мистических предположений Фробениуса.

Хиршберг писал, что сходные культуры образуют «культурные круги», что является следствием того, что существует независимое, конвергентное развитие сходных элементов культуры. Вслед за Фробениусом Хиршберг считал, что существовала «историческая» последовательность культур, происходившая от первоначальных этнологических культур (Altkulturen). В ходе тысячелетий сложились культуры, формировавшиеся в двух направлениях: одни — ориентированные в мужскую, другие — в женскую сторону. В обоих случаях в древности существовали, по мнению Хиршберга, утерянные впоследствии гармонические отношения между полами. Эти древние, первоначальные культуры, полагал рассматриваемый автор, можно обнаружить только в самых неблагоприятных для жизни местностях, куда носители этих культур были оттеснены представителями молодых культур.

Справедливо полагая, что хозяйственные усовершенствования принадлежат обоим полам, Хиршберг отдавал дань существовавшим в то время воззрениям и утверждал, что женщина была изобретателем мотыги и земледелия, а мужчина — скотоводства. И далее, уже чисто в духе Фробениуса, Хиршберг утверждал, что примитивные земледельческие культуры имеют преимущественно «женский», а охотничьи и скотоводческие — «мужской» характер. Что касается центров возникновения и распространения «женски окрашенных» (материнско-правовых культур), то, следуя за Фробениусом и некоторыми другими авторами, Хиршберг располагал их на северо-востоке Передней Азии и северо-западе Западной Индии. «Мужски окрашенные» (отцовско-правовые) культуры сложились, по его мнению, в областях Центральной Азии, где были одомашнены олень, лошадь, верблюд, а позднее крупный рогатый скот, овца, коза и осел. Едва ли стоит останавливаться на взглядах Хиршберга относительно областей доместикации скота и последовательности одомашнивания животных. Он здесь полностью следовал за В. Шмидтом и В. Копперсом, считавших оленя древнейшим одомашненным животным и ошибочно относивших domesti-

кацию мелкого рогатого скота к относительно позднему времени. Современные данные полностью опровергли эту концепцию, и в наше время она представляет лишь историографический интерес.

Отцовско-правовые и материнско-правовые культуры Хиршберг, как и В. Шмидт, выделял в два самостоятельных культурных круга, которые имели, по его мнению, тенденцию распространяться из мест их первоначального возникновения. Как он полагал, в ходе бесчисленных смешений, в конечном счете, складывались «высокие» (полные) культуры (Vollkulturen). При этом следы «первоначальных» культур (Urkulturen), считал исследователь, можно обнаружить на основе сравнительного культурно-исторического исследования даже в городских европейских культурах. И в этом случае Хиршберг целиком разделял позиции Культурно-исторической школы В. Шмидта. Об этом свидетельствует и его утверждение, что современная цивилизация — лишь кожа на «море древнейшего культурного достояния». Но при этом им не отрицалось сильное обратное влияние на первобытные народы со стороны древних цивилизаций. Любопытно, что, констатируя наличие в Европе такого явления, как воздействия городской цивилизации на деревенскую культуру, Хиршберг описывал этот процесс как «опущенное культурное достояние» (gesunkenes Kulturgut), заимствуя, без ссылки на автора, идею и термин у народоведа П. Наумана²⁴⁰. Далее Хиршберг отмечал, что «сейчас» происходит разрушение примитивных культур и приспособление их к современным условиям жизни.

Вестерман, как и многие другие немецкоязычные исследователи, проявлял определенный интерес к проблеме колониализма с позиций современной ему германской геополитики. Так, он писал, что в колониях нельзя просто насаждать европейскую культуру, так как это грозит возникновением местного пролетариата, что будет иметь самые отрицательные последствия для колониального управления. В связи с такой «опасностью» Хиршберг призывал опираться на методы этнологии.

Своеобразна формулировка Хиршбергом двух «основных» задач изучения примитивных народов: 1) в плане исследования всеобщей истории культуры и 2) выработки методов колониального миссионерского управления²⁴¹.

В связи со всем сказанным об этом авторе нельзя не отметить, что наряду с некоторыми интересными мыслями о культуре первобытных народов, его теоретические установки в целом весьма эклектичны, в немалой мере несамостоятельны, и имеют истоками идеи Ратцеля, Фробениуса и, особенно, представителей Культурно-исторической школы, в первую очередь В. Шмидта, В. Копперса и ряда других.

Но представление о Хиршберге как этнологе будет не полным, если хотя бы не упомянуть некоторые его теоретические исследования в 1930-е годы. Связаны они были, по большей части, с так называемой «хамитической теорией». Суть ее, вкратце, сводилась к идее о культурном воздействии на народы восточной части Африки и внутренних областей континента арабо-персидских и индийских культур²⁴². Вслед за представителями Культурно-исторической школы, Хиршберг рассматривал также проблемы культуры бушменов и пигмеев²⁴³. Интересная работа Хиршберга была посвящена научной деятельности Анкермана²⁴⁴.

В заключение можно заметить, что если невозможно согласиться с теоретическими взглядами Хиршберга в связи с концепцией культурных кругов, то его эмпирические исследования по африканистике, судя по отзывам специалистов, оцениваются весьма высоко.

Кратко можно остановиться еще на одном известном австрийском этнологе, *Фритце Флоре*. Начальный этап его научной деятельности был связан с исследованиями индогерманской проблемы с позиций этнологии, а также истории происхождения домашних животных и пастушества. Разделяя в начале своих исследований теоретические позиции В. Копперса, он опубликовал ряд небезынтересных работ, хотя и сильно окрашенных духом культурно-исторических воззрений. Специалистами были высоко оценены его публикации по исследованию ранних этапов развития производящего хозяй-

ства²⁴⁵. Однако уже в начале 1930-х гг. в его политических и научных позициях стал происходить резкий поворот, что коснулось как направления его научных исследований, так и, особенно, его политических позиций²⁴⁶. Флор не только стал ярким приверженцем нацизма, но и вошел в качестве сотрудника в аппарат имперского наместника в Австрии, имперского министра Зейса Инкварта. Следствием политической деятельности Флора было то, что он был вынужден оставить место ассистента Института этнологии в Венском университете, так как не мог уделять достаточного времени научной работе. Тем не менее, он продолжал исследования по индогерманской проблеме, однако на основе политически ангажированных позиций. Он отказался от взглядов В. Копперса, которые разделял раньше, и выступил против него с ожесточенной критикой²⁴⁷.

Можно было бы перечислить еще не один десяток ученых, в той или иной мере находившихся под влиянием представлений Культурно-исторической школы и учения о культурных кругах. Среди них особой известностью пользовался австрийский миссионер *Иозеф Геккель*, возглавивший после смерти В. Шмидта Венскую культурно-историческую школу²⁴⁸. Однако как Геккель, так и многие другие ученые, близкие к культурно-историческому учению, не внесли новых существенных идей в теоретическую этнологию. Поэтому их преимущественно эмпирические публикации можно здесь не рассматривать.

В числе сторонников культурно-исторического направления можно назвать также *Гастона ван Булька*, издавшего в начале 1930-х гг. работу, посвященную методике этнологии²⁴⁹. В ней он рассматривал проблемы объекта и метода этнологии, характер комплексных источников. Особое внимание автор уделит факторам культуры: равенству людей, географической и культурной среде, видам и способам распространения культуры в виде контактов, миграций и прочих культурных явлений. Во введении к этой работе, написанном В. Копперсом, последний высоко оценил положения и выводы Булька, полагая, что данная работа многое дополняет к «Методу этнологии» Гребнера.

Вне непосредственной связи с культурно-исторической школой продолжал разрабатывать проблему культурных кругов известный африканист и специалист по первобытным верованиям Бернгард Анкерман, опубликовавший, как об этом говорилось в предыдущей главе, свои выводы о культурных кругах одновременно с В. Гребнером²⁵⁰.

Проблемами культурных кругов интересовался также П. Хонигсгейм²⁵¹.

Значительный удар по Венской католической школе и культурно-историческому направлению в целом был нанесен нацистским руководством в 1933 г. в Германии, а в 1938 г. — в Австрии. В результате большая часть ее последователей была вынуждена эмигрировать, а ее центр переместился в Швейцарию. И только в 1948 г. община Сан-Габриэль вернулась из Швейцарии в Австрию.

Немалое число ученых, не принадлежавших к числу миссионеров, лишь более или менее формально разделяло «культурно-историческое учение». Причем не столько в связи с попытками построения культурных кругов и, тем более, с поисками «первобытного прамонотеизма», сколько с признанием необходимости «исторического» подхода, понимаемого, однако, каждым исследователем по-разному.

■ Лео Фробениус

О начале научной деятельности Фробениуса в 90-х годах XIX в. и первом десятилетии следующего века, его ранних публикациях говорилось в предшествующей главе.

Второй, наиболее плодотворный этап в научной деятельности Фробениуса наступил в 1920-х гг. В их начале, после семи лет, проведенных в экспедициях, он переселился в Мюнхен вместе с основанным им в конце XIX в. «Африканским архивом», переименованным в «Институт культурной морфологии». Одновременно была начата работа над «Африканским атласом» (*Atlas Africanus*), который стал издаваться с 1922 по 1931 г.²⁵²

В 1925 г. Фробениус в очередной раз сменил место жительства на Франкфурт-на-Майне, куда был переведен и «Институт культурной морфологии».

В 1926 – 1935 гг. Фробениус вновь руководил экспедициями в Сахару и Южную Африку, во время которых был собран значительный материал по наскальным рисункам. В промежутке между поездками, в 1932 г., его приняли во Франкфуртский университет на должность внештатного профессора (*Honorary professor*). В 1934 г. его назначили директором Франкфуртского городского музея этнологии. Однако годы и тяжелые труды в долгих экспедициях начали сказываться на здоровье, и Фробениус оказался вынужден выйти на пенсию. Он переселился в Италию в Биганцоло у Интры, где и умер 9 августа 1938 г.

К мюнхенскому и франкфуртскому периодам относятся главные исследования ученого в области этнологии Африки, культурной морфологии и философии культуры, завершившиеся публикацией ряда фундаментальных трудов²⁵³. В это время вокруг Фробениуса сложился небольшой круг сторонников и последователей. Однако ни личность самого Фробениуса, ни его теории не стали популярными среди этнологов, как в странах немецкого языка, так и за их пределами. Мало того, даже ни один из близких к Фробениусу исследователей не принял его морфологическое учение и философию культуры, ограничиваясь личной привязанностью к нему как к крупному организатору науки, африканисту, заложившему фундамент изучения населения этого континента. В конечном результате «культурно-морфологическое учение» не стало основой для возникновения школы или, тем более, научного направления, а получило отражение только в трудах самого ученого. Как это часто бывает в науке, признание стало приходиться к Фробениусу лишь к концу его жизни и, особенно, после окончания Второй мировой войны, когда его уже не было в живых. Можно согласиться с распространенным мнением о том, что Фробениус был первым исследователем, обратившим внимание научной общественности на необходимость изучения истории и этнологии народов Африки. А также доказавшим, что они создали свою, высокую культуру. Считается, что Фробениус был основателем политического и этического учения «негритюд», сделавшего его очень популярным в Африке.

Остановимся теперь на «культурном учении» Фробениуса. Сам он считал его своим важнейшим достижением, но среди ученого мира оно не получило признания, и на деле оказалось лишь беглым изложением отрывочных, малооригинальных историко-философских идей.

Свои весьма спорные культурно-философские взгляды Фробениус развивал в ряде работ — как специально, так и попутно. В наиболее полном виде они были изложены в его труде «"Пайдеума": Очерки культурного и духовного учения»²⁵⁴. В этом труде не ли-

шена интереса общая постановка вопроса: автор не ограничился рассмотрением народов Африки и вообще первобытных народов, а попытался проследить также культурные взаимосвязи Европы с другими регионами. В наименьшей мере Фробениусу удалось дать определение своего центрального понятия *пайдеума*. Рассуждения автора о «душе культуры» неопределенны и расплывчаты, во многом противоречивы. *Пайдеума* у Фробениуса — это творческое начало, формирующий принцип, нечто демоническое в народах и людях, причем воздействие пайдеумы определяется окружающей средой. Более чем сомнительно его утверждение о том, что «пайдеума образует расы». Здесь ученый проявлял очевидную непоследовательность. С одной стороны, он отмечает, что ребенок, попав в иноэтническую среду, со временем становится ее составной частью (попавший в Китай — китайцем, в Африку — негром). С другой, говорит о некоторых чертах пайдеумы, изначально присущих каждому человеку. Например, по его мнению, восточные люди обладают «пещерным сознанием», в отличие от нордических, имеющих «расширенное мироощущение». С этим, в частности, и связано утверждение Фробениуса о том, что «пайдеума образует расы»²⁵⁵. Такого рода подход нашел отражение и в его поздних работах и мог бы расцениваться как близкий к расизму. Однако Фробениус никогда не утверждал, что существуют высшие и низшие расы. К тому же под термином *раса* Фробениус, как и многие другие западные авторы того времени, подразумевал, скорее всего, «народ». А наличие у народа определенных, тем или иным способом наследуемых свойств — вопрос, который может обсуждаться.

Едва ли можно согласиться с определением Фробениусом существа культуры как рода биологического организма, независимого от человека, который является лишь ее «носителем» — ее «сосудом». Вместе с тем, привлекает мысль ученого о закономерностях, связанных с развитием культуры. Однако отталкивает попытка обнаружить внесоциальные «законы роста» культур, образующие «фазы жизненных зигзагов», протек-

кающие от младенческого возраста культуры до ее старости и распада. Этот путь, по Фробениусу, закономерен не только для отдельных культур, но и для всей человеческой истории, начиная от «мифологического времени», когда человек ощущал себя частью космоса. Период юности культуры обозначался исследователем как эпоха возникновения высоких религий — от зороастризма до ислама. Зрелость мира — это период философии, когда происходит разрушение гармонии между человеком и миром. И, наконец, старость культуры, по Фробениусу, это время «материализма» индустриальных обществ²⁵⁶.

Хотя попытка Фробениуса объяснить соотношение человека и культуры едва ли удачнее атомизма Венской школы, в его учении привлекает стремление познать мировоззренческие основы исследуемых культур и, исходя из этого, объяснить душевные состояния людей. Можно сказать (и это уже отмечалось в литературе), что Фробениус был основателем «познающего» метода, в соответствии с которым те или иные элементы культуры можно изучать, только поняв культуру в целом²⁵⁷. Такая постановка вопроса означала несомненное стремление к структурному подходу.

В наиболее обобщенном виде Фробениус изложил свои идеи в труде «Весть судьбы», написанным в 1931 г. Однако сама судьба книги оказалась непростой. Из-за сопротивления научных кругов и издательства, она вышла в свет только через год. Причина такой задержки заключалась в отрицательной характеристике «революционного муравейника», — так Фробениус определял политическую ситуацию в послевоенной веймарской Германии, а также в прогнозе тоталитарного будущего этой страны, что оказалось, к сожалению, верным. Политические оценки Фробениуса о ситуации в стране в эпоху Веймарской республики кое в чем были созвучны некоторым аспектам пропаганды в гитлеровской Германии, что, кстати, никем из тех, кто писал о Фробениусе, не отмечалось. Поэтому, после некоторой, соответствующей духу времени, доработки, автор смог переиздать «Весть судьбы» в 1938 г.²⁵⁸

В этой книге ученый, в свойственной ему весьма туманной форме, предсказывал всеобщее крушение демократии и «сооружение новых конструкций». По его мнению, это было отражением воли и способностей «народной души», отрицающей «интеллектуализм», что до некоторой степени соответствовало идеологическим лозунгам нацизма. По словам Фробениуса, «немецкая культура приняла роль новейшего боевого героя в этом гигантском зрелищном представлении» (то есть создании нацистского Рейха — Г.М.). Поэтому новое издание книги «может дать новую картину существа нашего пайдеуматического мышления»²⁵⁹. Этот труд заслуживает подробного рассмотрения, тем более, что в российских библиотеках он, насколько мне известно, отсутствует. Следует заметить, что стиль и изложение концепций автора очень сложны, порой претенциозны, далеко не всегда последовательны. Характер сочинения Фробениуса отражается уже в названиях его разделов. Открывается книга вводной главой «Откровение культуры», за ней следуют два раздела: «Основы и формы» и «Основы и смысл образа». Одна из особенностей этой работы заключается в соединении в ней проблем этнологии, народоведения, политологии и философии культуры, что только изредка встречается в немецкоязычной литературе о народах. Им посвящается вводная глава, начинающаяся с сопоставления «картины жизни, обновления и судьбы» с термитником, в котором новые поколения систематически уничтожают старые, т. е. обновление идет как бы извне. По мысли Фробениуса, такого рода процессы свойственны всей человеческой истории, в которой время покоя сменяется вулканическим уничтожением и возобновлением человеческой культуры²⁶⁰. В качестве одного из крупнейших «вулканических взрывов» называются события 1914 г. По словам Фробениуса, война для Германии имела огромные последствия: ее послевоенное развитие пошло не по пути, предсказанному политиками, а по собственному пути, приведшему к обновлению, «которое соседи не могут понять и принять»²⁶¹. Если иметь в виду время выхода в свет второго, дополненного издания книги, не трудно догадаться, о каком

«обновлении» идет речь. Причиной, послужившей, по Фробениусу, основой «обновления» было то, что «немецкий народ обладает особым пониманием смысла жизни». Ничего нового, кстати, в подобном утверждении нет: еще в XIX столетии об этом же писали последователи идей романтической германистики.

В этом же ключе написаны и последующие разделы вводной главы. В параграфе «Немецкая судьба» говорится о наличии особого «атлантического мира», образовавшегося в результате цивилизации. Однако последняя, по мнению Фробениуса, не была «изобретением» человека. Человек лишь выполнял «надчеловеческое» предназначение: был «исполнителем» идей, заложенных в «пайдеуме» (душе).

Рассматривая события «недавнего времени» (до 1933 г.), Фробениус говорил об упадке культуры во всех областях жизни Германии, оказавшейся «механизированной и интеллектуализированной». Что, как он полагал, «противоречит немецкой сущности, зато свойственно западной культуре — французскому рационализму, английскому реализму, американскому материализму»²⁶². Развивая свои культурно-философские взгляды, ученый определял миропонимание Запада как национализм, немцев — как мистицизм культуры. В духе немецкого неоромантизма и взглядов О. Шпенглера выдержано и утверждение Фробениуса, что вся истинная немецкая культура мистична. Недалеко от лозунгов нацизма было утверждение автора о том, что «Все народы оказались под тиранией западной культуры. Дарвинизм и марксизм стали для Германии убеждением, для России — культом. В обоих случаях — обожествление чужих богов»²⁶³.

В параграфе «Ориентация (точка зрения)» автор предпринял попытку обрисовать общую картину мировой культуры, вновь подчеркивая, что ее «жизнеутверждающим финалом» стало создание Нового режима в Германии. Впрочем, эти идеи не отличались оригинальностью и высказывались в то время многими немецкими политологами, философами, народоведами, лояльно настроенными к нацистскому режиму. Однако в среде этнологов такие идеи если и выражались

устно, то практически не имели места в научных публикациях.

Повторяя в известном смысле взгляды сторонников «теории развития» (эволюционизма), Фробениус утверждал, что первичным было мифологическое мышление. Мистически настроенный человек, писал он, существовал еще со времен Древней Греции. При этом люди рассматривали свою жизнь как часть мировых событий и не считали себя выше соседей. В отличие от Запада, на Востоке бытовала резкая оппозиция в оценке своего народа и соседей. В качестве примера назывался «израилитизм», в основе которого «лежит идея об избранном Богом народе». Что касается Запада, то здесь Фробениус явно принимал желаемое за действительное. Известно, что как раз греки выдвинули концепцию, согласно которой только они принадлежали к цивилизации, а прочие, даже наиболее культурные народы, считались в лучшем случае варварами, или вообще дикарями. По поводу западной культуры (имея в виду главным образом англосаксонские народы) Фробениус писал, что «она (то есть культура западных стран — Г.М.) стремится навязать всем народам мира свои культурные ценности, и признает только то, что может быть измерено и точно определено, все же прочее отрицается. Вследствие этого западная культура нарушила равновесие между душой и познанием». Повторяя распространенные в его время слова об идеализме, как исключительном свойстве немецкой души, Фробениус противопоставлял немецкой «западную» (англо-французскую и американскую) пайдеуму (душу). Последняя, как он полагал, осуществляет террор, пагубно сказавшийся на немцах, отказавшихся от мистицизма и подчинившихся материализму. «Предел» этому «пагубному процессу», как утверждал Фробениус, был положен в ходе «немецкой революции» (т. е. после 1933 г.), когда началась борьба за признание «права на самобытность и свою сущность (Wirklichkeitssinn), и происходит это, следуя зову природы, ее бытию, пайдеуме»²⁶⁴.

В первом разделе главы «Основы и формы» автор предлагал свое осмысление существа и задач каждой

из частей науки о народах. Однако и здесь некоторая отрывочность мыслей и туманная форма изложения затрудняют понимание воззрений Фробениуса и ведут к их различным толкованиям. Попутно автором даются весьма субъективные оценки теоретических взглядов некоторых известных представителей науки о народах.

Этнография, по Фробениусу, это дисциплина, которая описывает чуждые нам культуры: европейские — отдаленные от нас во времени, и современные «этнографические» — далекие по пространству. На вопрос «чему учит этнография?», автор сначала перечисляет взгляды отдельных ученых, например, Г. Шурца и др. Сам Фробениус полагал, что этнография, это «прикладная наука о народах». Констатируя наличие «удивительных совпадений в культуре самых разных народов» он рассматривал различные точки зрения на причины этого явления. Так, по его словам, Бастиан объяснял эти совпадения общностью психологии всех людей. Ратцель — миграциями, что, как показано выше, составляло лишь часть взглядов ученого. Можно высказать предположение, что именно с легкой руки Фробениуса теоретические положения Ратцеля были сведены преимущественно к диффузии, что далеко не определяет совокупность его теоретических построений. Положение с теорией было, как заявлял Фробениус, «исправлено» только в 1898 г., с выходом в свет его труда «Познание части света», в первом томе которого «было осуществлено радикальное сближение между человеком и культурой, что потребовало, прежде всего, разработать в этнологии пространственное подразделение всех культурных феноменов». Культура, по мнению Фробениуса, — порождение Природы, проявляющееся через человека. Как следствие такого подхода, было выработано представление о проявлении Природы через различные формы культуры и установлена их связь с «достоверно известными культурными кругами». Задачи этнологии и своего учения Фробениус определял как выявление географического распространения и смены форм культуры. Как установление связей между этнографическими (внеевропейскими) и древними европейскими культурами.

В обобщенном виде Фробениус излагал свои культурно-философские построения в главах «Чему учит культурная морфология», «Действительность нижнего мира» «Значение пространства» и в некоторых других. Как утверждал Фробениус, для создания новой теории истории и философии культуры ему прежде всего пришлось освободиться от «эгоцентрических взглядов на этнографические культуры, господствовавших в XIX веке». По его словам, новое решение могло быть выработано только в том случае, если культуры будут рассматриваться как независимые от человека существа. И что культуру следует оценивать как проявление пространства»²⁶⁵. Из этой мысли делался вывод, что «человек — не машина культуры», т. е. не ее творец, а лишь «духовный носитель». При этом Фробениус отстаивал единство культуры. Он считал, что как современная «этнографическая», так и древняя «историческая» культуры составляют одно целое.

Сопоставляя процесс развития культуры и человека, Фробениус выделял следующие его этапы: 1) начальный — время пластичности и вариабельности; 2) время формирования; 3) время приспособления; 4) время специализации.

Развитие культур во времени выглядело, по словам Фробениуса, следующим образом.

- 1) Самая старая группа — «соляные мифологические культуры», ставшие источником позднейших культур Юго-Восточной Азии и Тихого океана.
- 2) Культуры западной части Азии — центры, откуда распространялись «высокие религии» (начиная с зороастризма до ислама) в Южную и Центральную Азию, Восточную Европу.
- 3) Греческое время, к которому относится сложение в Южной Европе «западной философии».
- 4) «Материалистическая эпоха». Проявилась в «рационализме» Франции, «реализме» Англии, «материализме» Северной Америки, в мировоззрении прибрежных народов Северной Атлантики.

Таким образом, по Фробениусу, волны зародившейся на берегах Тихого океана культуры получили завер-

шение на берегах Атлантики и проходили следующие ступени.

- 1) Детство человечества (демонология, мифологические культуры).
- 2) Юношество человечества (религиозные культы).
- 3) Возмужалость (человек становится критическим субъектом бытия).
- 4) Зрелость (господство науки и техники, наступление материализма).

Фробениус отмечал, что эти этапы следует рассматривать не как механически составленные территориальные комплексы, а как этапы развития культуры, реконструированные на основе существующих археологических, этнографических и других источников. При этом две первоначальные культуры — магическая и мистическая — выражаются в принадлежности к мужской и женской пайдеуме²⁶⁶.

Глава «Действительность нижнего мира» открывалась историографическими рассуждениями Фробениуса, которые сводились к спокойной и, надо сказать, справедливой критике некоторых положений «теории развития». Он писал, что по мере накопления этнографического материала «любители», имевшие естественно-научное образование, попытались его систематизировать. «Наивно полагая при этом, что чем древнее явление, тем оно проще. Однако ими не принималось во внимание, что это «простое» возникло в ограниченных условиях среды существования». По словам Фробениуса, «сторонникам «теории развития» не приходило в голову, что «простота» была следствием бедности культуры». Говоря это, он настойчиво призывал рассматривать культуру как целое, как нечто далеко не случайное, а имеющее глубокий смысл. Этот смысл он усматривал в глубинном содержании культуры — «пайдеуме». Термин «пайдеума» Фробениус предлагал ввести вместо термина «душа культуры», по его мнению, дискредитированного. Пайдеума, писал ученый, это культурно-психологическое понятие, под которым следует иметь в виду духовную культуру народа, отображающуюся в культурном образе действия (kulturellen Verhalten). Пайдеума имеет, по его словам, собствен-

ные закономерности бытия. «Культура живет и умирает, вновь возрождается и путешествует через культурные пространства по своим собственным условиям так, как будто человек не присутствует — он всего лишь инструмент конструкции культуры». Представляя культуру как некое внесоциальное мистическое явление, Фробениус пытался опереться на этнологические данные, причем предлагаемая им трактовка отдельных элементов культуры вступала в вопиющее противоречие с декларированным им подходом к культуре как целостной структуре, которую можно понять только в ее единстве. В качестве примеров Фробениус использовал главным образом африканский материал. Так, он противопоставлял «эфиопскую культуру» некоей «хамитской». Рассматривая типы жилищ, он писал, что «эфиопский дом свидетельствует о связи с землей, хамитский — с кибиткой и кочевой подвижностью». Уже это сопоставление вызывает немалые сомнения, тем более что предлагаемые им элементы разного порядка. Варианты хамитской культуры связываются Фробениусом с особенностями местности, эфиопской — с историческими влияниями. Далее перечисляются прочие признаки обеих культур. В частности, указывается, что эфиопская культура ориентирована на растения, в ней отсутствует частная собственность, существует система возрастных классов. По этому поводу можно заметить, что утверждение об отсутствии в Эфиопии частной собственности не соответствует фактическим данным, по крайней мере, с эпохи древнего Аксумского царства, а возможно и с еще более раннего времени. Что же касается возрастных классов, то у крупнейшего народа страны — амхара, они, насколько известно, и в древности отсутствовали²⁶⁷. Хамитская культура знаменуется, по Фробениусу, связью с животными, скотоводством, клановой собственностью на пастбища. «Лозунги стиля жизни хамитов — борьба и война», а также «воля к власти, аллегоричность, ощущение подъема, свойство упоения, горячность, стремление к факту, наличие магических представлений»²⁶⁸. В целом это обозначается как «хтоническая» культура. Признаки эфиопской «тел-

лурической» культуры определялись Фробениусом как «стремление к чувству, смыслу, символичность, чувство пространства, мечтательность природы, чувство действительности, мистичность»²⁶⁹.

Едва ли есть смысл подробно рассматривать степень достоверности называемых Фробениусом признаков «эфиопской» и «хамитской» культур. Прежде всего потому, что не ясно, о каких же народах идет речь. В Эфиопии обитает значительное число различных народов, в прошлом как земледельческих, так и кочевых и полукочевых²⁷⁰.

Что же касается «хамитов», то остается окончательно неясным, кто же они такие. Идеи Фробениуса о «хтонической» и «теллурической» культурах непосредственно лежат в русле так называемой «хамитской теории», сторонником которой он был. Возникновение ее связано с именем К. Майнхофа²⁷¹ и ряда других языковедов. Суть этой теории в самом общем виде состоит в предположении о миграциях с востока или северо-востока Африки на запад континента светлокожих групп населения, обладавших высоким уровнем культурного развития, который был частично воспринят местным темнокожим населением. Поиски «благородного» хамитского типа были предприняты, правда, без особого успеха, известным немецким этнологом Ф. Лушаном. Говоря о взглядах Фробениуса по этому вопросу, основатель российской африканистики Д.А. Ольдерогге отмечал, что, воспользовавшись хамитской теорией, Фробениус опутал ее «типичным для своих воззрений туманом». В его представлении хамиты — активная сущность, противопоставляемая «пассивным неграм». По мнению Д.А. Ольдерогге, Фробениус говорил не столько о хамитских народах, сколько о хамитской душе, которую он определял как активную, жизнедеятельную, в противоположность пассивной душе негра²⁷².

В связи с приверженностью Фробениуса к хамитской теории, его неоднократно называли в советской литературе сторонником реакционной идеологии расизма. Однако проблема эта не проста. Фробениуса можно называть как угодно, но расистом он отнюдь не

был, хотя постановка вопроса о неких врожденных для рас «свойств души» вызывает определенные сомнения. Да и сама по себе хамитскую теорию, основанную на некоторых археологических и этнологических фактах и рассматриваемую в свете исторических и культурных миграций, совершенно игнорировать нельзя. И в наше время среди достаточно авторитетных западных ученых можно встретить некоторое число сторонников хамитской теории, построенной на исторических свидетельствах²⁷³.

Смыкаясь, в какой то степени со сторонниками «теории развития», Фробениус рассматривал культуры в их исторической динамике, полагая, что существо примитивных культур одинаково в Африке и первобытной Европе, и «охотники каменного века Европы думали так же, как и охотники Африки». В этом случае Фробениус следовал ошибочной методике эволюционизма, согласно которой считалось возможным проводить прямые аналогии между народами, обитавшими в условиях различных хозяйственно-культурных типов и в разные исторические эпохи. Это особенно заметно при сопоставлении Фробениусом людей шельльской эпохи древней Европы с культурой «поздней Африки». Едва ли удачно также определение хамитов как «матриархального» общества, а тем более утверждение, что «хамитическое» простиралось до Западной Европы, тогда как «патриархат» был распространен от Эфиопии и «Внутренней Азии» до берегов Рейна. И, таким образом, «эфиопское» — родственно «германскому»²⁷⁴. В связи с терминологией, используемой рассматриваемым автором, следует заметить, что под «матриархатом» он имел в виду вовсе не мифическую эпоху господства женщин, а матрилокальность и матрилинейность. То же самое касается и «патриархата».

Решительно нельзя согласиться с мнением Фробениуса о том, что «существо культур остается вечно неизменным начиная от ледникового периода», а также с его определением «стиля» разных культур. Так, французы, по его словам, эгоцентричны, а французское государство основано на принципе «физической географии» — «взгляд из центра». Немецкое же госу-

дарство основано на общности жизненных взглядов немцев (речь идет о государстве после 1933 года), их склонности к мистике. А немецкий стиль — это большая способность понимать чужое, что сочетается с большой слабостью — не оставаться верным своему стилю²⁷⁵.

Второй раздел рассматриваемой книги озаглавлен «Основы и смысл образа» и почти целиком посвящен вопросам философии культуры, рассматриваемой с крайне мистических позиций. Раздел открывается главой «Время и пространство как действительность», в которой развивалась идея о том, что «история человеческой культуры есть история изменения жизнеощущения, а образы ощущения и есть культуры». Фробениус утверждал, что растения, животные, созвездия, времена года были «создателями» человека. При господстве в жизнеобеспечении растений человек приобретал сознание реальности, знание о вечном обновлении. При господстве в жизни людей животных складывалось представление о фактах: происходила первая «революция духа». Луна дала представление о времени, солнце — о пространстве. Из смены времен года выросло сознание судьбы и самосознание человека, его души. Как и многие другие авторы, Фробениус обращал особое внимание на мистику чисел и, в частности, полагал, что число 3 — олицетворяет понятие времени, 7 — пространства. Идею возникновения государства он выводил из общности культа: «Когда человечество осознало судьбу, действительность естественного развития и бытия, тогда клановая организация (Sippe) стала основой складывания общества». Государство Фробениус рассматривал как «выражение мифологического мироощущения» и выделял 3 этапа в его развитии: 1) мифологический, 2) религиозный, 3) национальный²⁷⁶. Думается, что определение последнего этапа в значительной мере было навеяно политическими событиями в Германии в 1930-х гг. и созвучно тому, как рассматривали пути становления государственности А. Розенберг и часть немецких народоведов²⁷⁷.

Фробениус намечал «пайдеуматические ступени» — «от способности к выражению» до «искусства применения». При этом феномен юношеской природы человека и общества он определял как духовность, тогда как для природы старшего возраста характерна «интеллектуализация, окостенение духа»²⁷⁸. Формулировка последней ступени пайдеумы весьма отчетливо перекликается с положениями нацистского мировоззрения и пропаганды, постоянно заявлявшей об упадочности «западного интеллектуализма», пагубно, якобы, влиявшего на немецкий дух. Как и в любом тоталитарном государстве, интеллектуалы были в гитлеровской Германии не в чести.

Усматривая тесную связь между путями изменения природы и культуры, Фробениус резко выступал против учения Ч. Дарвина об эволюции видов, называя его «механической эволюционной теорией», лишенной доказательности перехода одного вида в другой. При этом Фробениус высказывал парадоксальный взгляд, сопоставляя биологический вид и культуру. Так, он писал, что «столь же мало, как возникновение биологического вида есть результат умственного творения или воли этого вида, так же мало культура является продуктом человеческого духа или воли»²⁷⁹. Но тогда встает вопрос: какова же роль пайдеумы, отражающей в учении Фробениуса состояние духа.

Что касается научной и политической ориентации Фробениуса непосредственно перед захватом нацистами власти и в годы их господства, то эта проблема еще далека от окончательного выяснения. В историографической литературе 1930-х, 1940-х и более поздних годов неоднократно писалось о Фробениусе. Однако многое при этом умалчивалось или предлагалось в смягченном виде, акцентируя внимание на сложностях, которые он испытывал в связи с отношением к нему властей. И действительно, хотя Фробениус и не подвергался непосредственным политическим преследованиям, его историко-морфологическое учение отнюдь не одобрялось научными кругами, стоявшими близко к нацистскому руководству, а также и самим руководством. Но это только одна часть правды.

И в 20-е годы, и вплоть до начала Второй мировой войны, Фробениус имел возможность публиковать свои научные труды. Никаких притеснений не испытывал и его Институт культурной морфологии.

Вместе с тем, ряд высказываний Фробениуса в его капитальном труде «Зов судьбы» и в других его произведениях в начале 1930-х гг. был положительно воспринят некоторыми авторами как близких к нацизму. Особенно показательна в этом отношении статья Хельмута фон дейн Штейнена, опубликованная в 1933 г. и озаглавленная «Лео Фробениус как духовный вождь в немецком прорыве»²⁸⁰.

Характерно уже само по себе название статьи, в котором Фробениус назывался духовным вождем «прорыва», под которым имелся в виду приход нацистов к власти. Рассматривая деятельность Фробениуса, Штейнен писал, что «Сегодня мы испытываем в государстве, как из темных слоев происходит прорыв к преодолению бессилия, что приводит к движению всю общественность. В дни трудностей и испытаний огромное значение имеет то, что и в науке происходит прорыв из неопределенной проблематики к сильным жизненным порывам. Этот путь может привести к новым и плодотворным связям между учеными и действующими силами нашего народа. И поэтому мы считаем огромной удачей, что в некоторых местах уже начался прорыв... через Лео Фробениуса»²⁸¹. Вместе с тем, автор статьи справедливо отмечал значительные достижения Фробениуса в области африканистики и предложенном им научном методе. Но, нарушая в некотором смысле научную этику, Штейнен заявлял, что «В этом методе выражается научный стиль, что возвышает труд Фробениуса над полунанучными фантазиями, которые несправедливо ставятся на одну доску с Фробениусом»²⁸². Фон Штейнен был также воодушевлен идеями Фробениуса о «пайдеуме». В связи с этим он писал: «Мы хотим подчеркнуть, что сегодняшней немец, воодушевленный новым государственным (то есть нацистским — Г.М.) порядком, экономической и политической действительностью, рассматривает это как явление, которое он с воодушевлением принимает. В утверждении, в подчине-

нии человек проявляет чувство судьбы, которое полностью совпадает с наукой о судьбе, в которой Фробениус рассматривает человека всех времен. Учение Фробениуса — это средство, с помощью которого сегодняшний человек стремится к углублению своей воли к революции, повышает воодушевленность. Изучение культурной морфологии должно повысить приверженность к национальной революции»²⁸³.

Нет данных о том, как реагировал Фробениус на то, что его объявили прямым приверженцем нацизма. Однако то, что, насколько известно, он не выступил против такого рода утверждения, имело под собой определенные причины. И, очевидно, что попытки некоторых послевоенных авторов, да и самого Фробениуса, изобразить его жертвой нацистского режима, вызывают известные сомнения.

Любопытны дальнейшие страницы работы Штейнена, связанные с оценкой научной деятельности Фробениуса и предлагаемых им культурных кругов. Так, справедливо отмечалось, что уже в молодые годы Фробениус выработал свой собственный стиль работы на основе данных, собранных во время его путешествий в Африку, а также знакомства с огромной этнографической литературой. При этом, по словам автора, Фробениус никогда не исходил только из какой-то одной постановки вопроса или определенной догмы, а рассматривал постановку проблемы во всей ее совокупности²⁸⁴. Вполне справедливо фон Штейнен отмечал большое значение этнографических карт Африки, созданных Фробениусом. «Его (Фробениуса — Г.М.) метод нов и исходит из всех достижений науки. Наглядный пример — карты. На них нанесены все жизненные проявления, показанные в пространстве. Сумма отдельных проявлений культуры показывает всю культуру в целом, и ее место в пространстве. Сравнение отдельных культур и прослеживание их связей на всей земле дают завершенную пространственную картину учения о культуре».

Публикации Фробениуса, увидевшие свет после прихода нацистов к власти, делают нелегким определение его научных и политических позиций. С одной

стороны, в политическом смысле он не имел ничего общего с национал-социализмом и был настроен к нему отрицательно, как, впрочем, и почти все мало-мальски значительные ученые-этнологи. Но его восхваление в ряде работ роли нацизма в Германии, его значения для немецкого народа, заставляет все же серьезно задуматься.

Характерно при этом, что большинство немецкоязычных авторов, как в прошлом, так и в настоящем, с большим уважением писали о Фробениусе как об африканисте, авторе этнографических карт, не утеревших до наших дней научного значения, знатоке фактического материала, археологе и фольклористе. Но, при этом, отношение к его культурно-философским построениям было в целом отрицательным. Его ученики и сотрудники просто обходили эту скользкую тему. И, отдавая должное большей части научного наследия Фробениуса, весьма нелестно отзывались об этой стороне его научной деятельности, считая ее ошибочной и не внесшей ничего положительного в этнологию. Многие исследователи полагали, что оправдывать историко-философское учение Фробениуса не следует хотя бы потому, что, занимая в его творчестве относительно небольшое место, оно лишь затемняет выдающуюся роль ученого в науке. Тем более что Фробениус-исследователь эмпирического материала очень далек от Фробениуса-философа, и в своих изысканиях он шел не тем путем, который предполагало его историко-философское учение.

Можно утверждать, что 12 экспедиционных поездок Фробениуса и изданные им затем труды во многом изменили взгляды европейской науки на Африку. Они доказали, что ее народы имели свою историю и, как отмечает известный этнолог Л. Вайда, «вернули уважение к африканцам и их самоуважение к себе»²⁸⁵.

Все это позволяет считать, что научное наследие Фробениуса имеет не только историографическое значение, но во многом и вполне современно, в особенности монументальный, внесший много нового в науку, этнологический атлас Африки, архив наскальной живописи, этнологические исследования и описания на-

родов Африки. Поэтому деятельность и взгляды Фробениуса, несомненно, заслуживают дальнейшего углубленного изучения.

Для большинства ученых, считавших себя или учениками Фробениуса, или близких к Институту культурной морфологии, были характерны эмпирический подход к этнологическим исследованиям и преимущественный интерес к проблемам духовной культуры. И лишь отдельные исследователи получили известность своими теоретическими изысканиями.

■ Адольф Энзен

Одной из наиболее ярких фигур в этом круге ученых был Адольф Энзен, научная деятельность которого началась в конце 1930-х гг., и продолжалась в послевоенное время. Основными сферами интересов Энзена были проблемы возникновения первобытных культур и история религии. Многочисленные труды Энзена и его теоретические взгляды свидетельствуют о широкой эрудиции, разносторонности научных интересов, оригинальности мышления. Вместе с тем, едва ли можно согласиться с постоянным стремлением автора объяснить возникновение многих общественных институтов и материальных явлений религиозными мотивами²⁸⁶. Он был одним из наиболее последовательных сторонников учения о культурных кругах Лео Фробениуса (впрочем, как и культурно-исторического учения Венской школы). В 1933 г. он опубликовал статью, в которой защищал теорию культурных кругов. В ней он писал, возможно, несколько преувеличивая действительность, что учение о культурных кругах «господствует в современной этнологии начиная с 1889 г., давая все время повод для дискуссий о том, насколько она верна». И далее Энзен высказывал мнение, что это учение является не только теорией, рассматривающей одну группу явлений с единообразной точки зрения, а имеет претензии быть организующим принципом всей совокупности этнологических явлений, и представлять для их решения руководящий

метод. По словам рассматриваемого автора, «в своем первом большом труде «*Ursprung der afrikanischen Kulturen*» Фробениус создал понятие «культурные круги» и сформулировал содержание своего учения, которое навсегда будет связано с его именем»²⁸⁷.

Развивая идеи Фробениуса, Энзен выделял «малайско-негритский культурный круг» и отмечал, что при изучении африканского культурного достояния особенное внимание привлекает одна группа явлений, обозначенная Фробениусом как западно-африканский культурный круг, имеющий большие связи с океаническим культурным миром, особенно с Меланезией, и частично Индонезией. Энзен подчеркивал, что именно работы Фробениуса заложили основы учения о культурных кругах, «которое позднее было *подхвачено* (выделено мной — Г.М.) Гребнером и Анкерманом»²⁸⁸.

По мысли Энзена, учение о культурных кругах имеет две стороны, которые не следует смешивать. Так, он считал, что с одной стороны, культурные круги располагаются на ограниченном пространстве земли, где все культуры взаимосвязаны. Изучение этих кругов дает представление о культурной истории этой области. С другой стороны, широкие, не замкнутые культурные круги охватывают обширные области и всю землю. В первом случае можно говорить о культурных кругах, выделенных Фробениусом в «Атласе Африкус». Они, как считал Энзен, позволяют выяснить историю Африки, но не связаны с ответом на вопрос вообще о человеческой культуре, который ставил Фриц Гребнер в его системе культурных кругов. К последней Энзен относился критически, говоря, что «...выводы учения о культурных кругах выглядят как спекуляции, которые хотя и показывают некоторую общность культурной провинции, однако не доказывают, что предлагаемые аналогии являются симптомами существовавшего некогда общего культурного периода»²⁸⁹.

В рассматриваемой работе Энзен затрагивал и некоторые вопросы мировоззрения первобытных народов, проблему первобытных верований, в частности, культ мертвых и черепов. Весьма интересны и, думается, справедливы, многие мысли Энзена относитель-

но реальности материнско-правовой организации. Так, он писал: «Многие исследователи выделяют «материнско-правовые» культурные круги. Мол, женщина-собирательница изобрела земледелие и потому руководит обществом. Однако фактический материал свидетельствует о том, что в действительности нет данных о том, что женщина занимает у этих народов место, которое предполагает материнско-правовая организация. Нет и доказательств того, что женщина изобрела земледелие. И вообще доказательства материнского права сомнительны»²⁹⁰.

В заключение статьи Энзен кратко сформулировал данные о возникновении теории культурных кругов, предложенной Фробениусом на основе африканских материалов, и высказывал мнение о реальности «западно-африканского культурного круга». Его реальность подтверждается, по мнению Энзена, данными о мировоззрении групп населения, включаемых в этот круг. Причем не его отдельных элементов, а всего комплекса культовых действий. Автор статьи полагал, что цельность и единообразие мировоззрения свидетельствуют об эпохе в человеческой истории, относящейся к времени раннего неолита и к первой неолитической волне. Свою работу Энзен заключал следующими словами: «Если удастся на основе методов учения о культурных кругах реконструировать с какой-то достоверностью хотя бы два-три доисторических культурных круга, то этим будет достигнуто много для культурной истории». При этом автор особо подчеркивал первостепенную важность изучения духовной культуры, так как каждый исторический период знаменовался, по его мнению, не только новыми открытиями, но и, главным образом, специфическим мировоззрением»²⁹¹.

■ Хелльмут Воленберг

Значительно меньше, чем о культурных кругах, писалось в рассматриваемое время по поводу концепции Фробениуса о «душе культуры». И только немно-

гие авторы выступали с попытками развернутого обоснования реальности и научного значения исследования «пайдеумы». В их числе можно назвать Хелльмута Воленберга, автора статьи «Учение о пайдеуме как культурная философия. Новое понятие»²⁹².

Как справедливо отмечал автор, отсутствует единое мнение о том, что такое культура. Одни противопоставляют культуру и природу, другие говорят о религии, третьи — о цивилизации и т. д. По мнению Воленберга, в противоположность политическому государству, существует культурная общность. И, по его словам, при отсутствии четких ориентиров, Фробениусу оставалось только одно — создать собственное универсальное понятие культуры. При этом, по словам Воленберга, Фробениус исходил из следующих соображений: «Культура — самостоятельный организм, независимый от людей. Человек не субъект, а объект культуры. Не человек создает культуру, а культура «вживается» в человека. Каждая культура, каждая культурная форма, каждая культурная ценность подвержена собственным процессам роста, соответственно с биологическим законом сохранения энергии. Люди везде одинаковы, за исключением небольшого числа унаследованных от культуры особенностей, которые люди связывают с характером окружающей среды. Культура биополярна. Только через обмен полярных жизненных потоков происходит повышение культуры. В связи со своим ростом и совершенствованием культура ведет к миграциям»²⁹³.

По мнению Воленберга, Фробениус, с тем, чтобы избежать введенного О. Шпенглером понятия «душа культуры», предложил термин «пайдеума» с тем, чтобы указать на воспитательную сущность культуры.

Говоря о взглядах Фробениуса и высказывая по их поводу собственное мнение, автор рассматриваемой статьи выражал согласие с биологической теорией эволюции, и писал, что «Двуполость не только средство размножения. Природа знает и другие пути. Из этого следует вывод, что мужское начало — это символ, функция феномена времени. Женское — символ пространства. Мужское выступает как выражение движения или

времени. Женское — выдержки, покоя, пространства. Соединение мужского и женского означает завершение полярности. Это естественный порядок бытия, это феномен жизни. Однако утверждал далее Воленберг, в абсолютном смысле нет ни мужского, ни женского. Во всем мужском есть женское, и наоборот»²⁹⁴. Оценивая мысли Фробениуса о магии и мистике, как выражении доминанты, Воленберг писал, что «все полярно — биологическое и пайдеуматическое; время и пространство. Но эти доминанты никогда не господствуют абсолютно, а лишь исходя из преобладания одной из тенденций». Говоря о том, что поскольку культура органична, то и законы ее должны быть такими же, как у настоящих живых существ, автор практически полностью повторял Фробениуса, также утверждая, что магия и мистика являются выражением двух «низших» культур Африки, которые по пространству распространения, по национальности могут быть названы *хамитскими* и *эфиопскими*. «Все формы выражения эфиопского в отношении времени патриархальны, хамитического обусловлены пространством и матриархальны». В духе Фробениуса выдержаны рассуждения Воленберга о «Сущности мировой истории», которые он начинал чисто «пайдеуматически» — о солнце и луне как педагогах иррационального. Он писал, что «изучение Магического жизненного ощущения у хамитов в африканском пространстве дает исследователю возможность наполнить живым содержанием вымершие формы пещерной культуры Европы. Этнология и первобытная история дополняют друг друга». Исследование современных живых культур Европы свидетельствует, по мнению рассматриваемого автора, что пайдеуматические коренные силы, которые десятки лет тому назад создали мир форм, и сегодня еще лежат в виде субстрата в чувственном выражении западных народов, то есть не исчезают, несмотря на наложившиеся на них исторические слои²⁹⁵. Едва ли есть необходимость отмечать туманность этих умозаключений. Однако нельзя не заметить, что в данном случае, как, впрочем, и во многих других, Воленберг повторяет ошибки столь чуждых Фробениусу эволюционистов. Это видно из его слов о том, что древнейшее состояние

культуры в тропических странах, связанное со специфическим для нее хозяйственно-культурным типом, можно механически переносить на области с умеренным климатом. В данном случае на Европу, где царили совершенно иные условия жизни. Воленберга можно, вслед за Фробениусом, упрекнуть и в некоем следовании принципам неоламаркизма, предполагая возможность наследования благоприобретенных «мистических» свойств без участия социального опыта.

Далек от реального исторического подхода Воленберг и тогда, когда утверждал, что «все исторические слои от неолита до христианства не имеют никакой генетической связи с миром форм, исчезнувших вместе с магдаленской культурой, тогда как в Африке древние традиции сохранились. Пайдеуматический период творения, в котором животные и растения были высшим символом, переживанием, учителем жизни, ушел в прошлое. Культурный процесс, во всяком случае, связанный с магической культурой, начался в Европе, затопил Африку и закончился в Азии. Все прочее — «Мировая история» — наступление нового творческого пайдеуматического периода мы относим к позднему этапу, к которому мы принадлежим, и происходило это в ходе движения с востока на запад»²⁹⁶. И здесь имеют место столь же декларативные, противоречащие известным научным данным утверждения Воленберга, лишь повторяющие сказанное ранее Фробениусом. То же самое можно сказать и относительно рассуждений о «рождении судьбы», «происхождении государства и религии», оценке «культурной философии»²⁹⁷.

■ Другие последователи Фробениуса

Значительно сдержаннее о теориях Фробениуса отзывался близкий к научным кругам, разделявшим положения культурной морфологии, известный этнолог и историк религии *Герман Ломмель*²⁹⁸.

В статье, посвященной юбилею главы направления, он лишь перечислял разрабатываемые Институтом Фробениуса проблемы духовной культуры и, в частно-

сти, магии, не вдаваясь в существо дискуссионных вопросов²⁹⁹.

Что же касается современной историографической литературы, то в ней видна совершенно определенная тенденция сдержанной интерпретации или даже умолчания об одиозных высказываниях Фробениуса в преднацистское время и, особенно, во втором издании 1938 г. его «Зова судьбы».

Пример этому можно найти в работе *Томаса Хаушильда*, посвященной этнологии в Третьем Рейхе. Правда, он не скрывает, что в трудах Фробениуса то и дело можно встретить расистские и националистические фразы. «Но для сложения нацистской идеологии культурная морфология не могла много чего дать, так как понятие расы было для нее слишком рискованным, а практическая польза как колониальная наука слишком мало разработана». Хаушильд полагал также, что журнал «*Paideuma*» — орган школы Фробениуса — был единственным органом, в котором нельзя было найти «открытых националистических тонов». Представление о том, что каждая культура обладает собственной душой, не связывалось «бесп проблемно» с представлением о превосходстве арийской расы³⁰⁰.

Интересные работы по истории хозяйства принадлежали *Агольфу Фридриху*, разделявшему некоторые теоретические воззрения Фробениуса. Говоря об эволюционистском направлении, он отмечал, что оно рассматривало главным образом явления духовной культуры — магические обычаи, табу, социальную сферу. Но на основе этих, однако, недостаточных данных, делались выводы о развитии человеческого сознания. Этой постановке вопроса Фридрих противопоставлял учение о культурных кругах, опирающееся на явления материальной культуры, что, как он полагал, давало импульс рассмотрению ранних эпох как исторических явлений. Едва ли Фридрих был прав в своем утверждении. Ведь именно сторонники «теории развития» были первыми, поставившими вопрос об истории первобытности. Впрочем, Фридрих довольно удачно формулировал понятие культуры, как сумму проявления жизнедеятельности народа³⁰¹.

В журнале Фробениуса «Пайдеума» публиковался и весьма известный немецкий американист *Вальтер Крикеберг*, проявивший себя не столько симпатиями к морфологическому учению, сколько к нацизму. Впрочем, это не находило отражения в его чисто научных работах, благодаря которым он стал признанным авторитетом в своей области³⁰². Если говорить о его научной ориентации, то обычно Крикеберга причисляют к числу сторонников так называемого «исторического» — теоретически крайне аморфного направления.

Преимущественно о заслугах Фробениуса говорится в недавно увидевшей свет популярной книге *Х.Ю. Хейнрихса*, повествующей в романтическом духе о жизни и научных заслугах Фробениуса³⁰³. В довольно туманных выражениях Хейнрихс рисует идеи Фробениуса, уделяя особое внимание его биографии ученого и путешественника.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЯ

Относительно новым словом в теоретической этнологии стран немецкого языка в 20-е годы прошлого века были функциональное, социологическое и психологическое учения. Хотя, впрочем, их зачатки, как уже отмечалось, появились значительно раньше. К сожалению, эта очень интересная историографическая проблема почти не получила отражения в литературе

Нечеткость и расплывчатость теоретических установок большинства немецких авторов сильно затрудняет отнесение их к тому или иному теоретическому направлению. По этой причине в литературе одних и тех же авторов зачастую называют то сторонниками социологического, то функционально-социологического, то иных направлений. И все эти определения во многих случаях справедливы, так как на рубеже 1920-х и 1930-х гг. старые школы и теоретические направления или окончательно распались, или превращались во что-то иное, чем прежде, а новые окончательно, впрочем, как и в наше время, не оформились.

Тем не менее новые этнологические или близкие к этнологии научные направления, возникавшие в рассматриваемое время в странах немецкого языка, получили широкое распространение и за рубежом. Это и «исторический» метод», перенесенный Францем Боасом из Германии в Америку, *фрейдизм*, совершивший победное шествие по многим странам мира, социологическое и психологическое направления в их немецкой интерпретации. Наконец, учение об аккультурации, а возможно и функционализм. Все они зародились на немецкой почве, что, как будет показано ниже, подтвер-

ждается сопоставлением времени публикаций и следующим из этого научным приоритетом.

Одним из первых, кто поставил в немецкой этнологии проблему связи психологии и социологии с этнологией, был берлинский профессор, социолог и философ, *Альфред Фиркандт* (1867 — 1953). Свою докторскую диссертацию, защищенную в Берлине, он посвятил сопоставлению «общественных культур» у первобытных и цивилизованных народов. Собственно к социологии Фиркандт обратился под влиянием Георга Симмеля, поставив задачу изучения законов «группы» и психологической интерпретации этнологической действительности. Важной целью он считал построение гипотез для выяснения всеобщих закономерностей, лежащих в основе вариации культур во времени и пространстве. Немалое влияние на взгляды Фиркандта оказал также философ *Вильгельм Вундт*, один из основоположников экспериментальной психологии и этнопсихологии, которые он разрабатывал на основе психологического истолкования мифов, религии, искусства. Но большинство социологов, философов и этнологов отнеслись к идеям Фиркандта весьма неодобрительно, и постоянно подвергали их критике. Сложные отношения возникли у него и с нацистским руководством университета, в котором с 1926 г. он был ординариусом («полным» профессором и заведующим кафедрой). В результате, в 1935 г. он был уволен со службы и только после окончания войны, в 1946 г., вновь начал работать в Университете им. Гумбольдта (в будущей ГДР). В целом же можно сказать, что если Фиркандт внес определенный вклад в учение об обществе, то его обращение к этнологии было чисто спекулятивным и не дало положительных результатов³⁰⁴.

Некоторое, хотя и незначительное влияние на сложение этнологически-социологического направления имел немецкий социал-демократ профессор *Генрих Кунов* (1862 — 1936). В своих работах по истории первобытного общества он эклектически сочетал некоторые марксистские положения с взглядами буржуазных ученых. В частности, на его известную работу по истории хозяйства оказали решающее влияние гипотезы *Эдуар-*

да Хана. В какой-то мере в духе Ф. Энгельса Кунов пытался использовать этнологический материал для исследования хода эволюции человеческого общества. В университете Кунов читал лекции по истории религии у первобытных народов, в частности об анимизме, культе мертвых и предков у первобытных народов, истории примитивных религиозных форм, по основам марксистской социологии, а также лекционные курсы «от первобытного коммунизма к рыночному обществу», «происхождение семейных институтов» и ряд других. Кунов был сторонником гипотезы «первобытного коммунизма» и полагал, что начала классовой борьбы восходят к эпохе первобытного общества. Марксистская ориентация Кунова была причиной того, что в 1919–1921 гг. он не имел возможности занимать в Берлинском университете административные должности. А в 1928 г., по мере изменения политической ситуации в стране, вообще был отстранен от лекционной деятельности. В 1933 г. он был уволен из университета.

Как и Фиркандт, Кунов интересовался главным образом социальными проблемами и связанными с ними закономерностями, т. е. выступал как социолог. Его публикации представляют сегодня главным образом лишь историографический интерес, вследствие субъективности интерпретации им этнологического материала³⁰⁵.

С внедрением в рассматриваемое время в Германии социологии в науку о народах стало происходить нарушение единства этнологии как науки, превращение ее в какое-то иное научное направление под прежним названием. Мало того, сторонники «социологического» направления вообще стали рассматривать этнологию как вспомогательную дисциплину. Так, например, в Берлинском университете этнология распалась на философско-историческую и естественно-научную дисциплины. При этом этнология считалась ветвью социологии и психологии³⁰⁶. Происходил постепенный переход этнологии от изучения культур доиндустриальных народов к исследованию культурных контактов и конъюнктурных этносоциальных проблем, что порождало, в конечном счете, все усиливавшееся обращение к эмпиризму.

Рихард Турнвальд

В период между двумя мировыми войнами среди крупных немецких этнологов появились сторонники функционального, социологического и психологического направлений. При этом одной из наиболее ярких, хотя и далеко не однозначных фигур, был *Рихард Турнвальд* (1869 – 1954), о начале научной деятельности которого на рубеже веков кратко говорилось в предыдущей главе³⁰⁷.

В 1921 г. Турнвальд получил место сотрудника в университете Халле / Заале, где, используя многочисленные этнографические материалы, собранные им в прошлые годы, защитил диссертацию на тему «Община банаро». Одновременно он вел исследования по проблемам «социологическая теория и этнографическая действительность» и «самостоятельное возникновение и заимствования культурных явлений». Однако в Халле не было больших возможностей для развертывания этнологических и социологических исследований, и Турнвальд переехал в Берлин, где после прочитанной в 1923 г. публичной лекции на тему «проблемы народной психологии» получил должность экстраординарного профессора университета. Продолжая научные исследования, начатые в Халле, Турнвальд вел занятия со студентами по темам «Основы народной психологии» (социальная психология), «Массовые психологические события» и «Психология союзов».

В 1925 г. он основал, получивший впоследствии интернациональную известность, «Журнал народной психологии и социологии» (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie*) с 1951 г. — «*Sociologus*».

Но столь удачно начавшаяся педагогическая карьера Турнвальда вскоре прервалась, и несколько последующих лет он провел в экспедиционных поездках. В 1930 г. он получил приглашение от английского Интернационального института по изучению африканских языков и культур для участия в экспедиции в Восточную Африку, где он изучал влияние европейцев на коренное население. После завершения годичной экспедиции он совершил поездку на Соломоновы ост-

рова, после чего вернулся в Германию. Но сразу же после возвращения он получил новое приглашение, на этот раз из Америки для чтения лекций в Йельском и Гарвардском университетах.

В 1932 г. Турнвальд вновь отправился в дальние края, получив субсидию от фонда Рокфеллера для поездки на острова Бугенвиль с целью изучения культуры местного населения. Эта экспедиция оказалась для Турнвальда последней, и после ее завершения вся последующая педагогическая и научная деятельность ученого оказалась связанной с Берлинским университетом.

Нельзя сказать, что научная и общественная деятельность Турнвальда вовсе обойдена вниманием в историографической литературе. Однако крупные специальные исследования о нем отсутствуют, а краткие статьи, рецензии и некрологи не дают достаточно полного представления об этом выдающемся ученом³⁰⁸. Специальная статья о Турнвальде была опубликована еще в 1933 г. М.О. Косвенем. Однако она охватывала только начальный этап его научной карьеры, и, как и все историографические работы этого автора, окрашена сильной политической тенденцией, а также содержит много спорных положений³⁰⁹.

Рихард Турнвальд оставил после себя значительное научное наследие, насчитывающее более 400 публикаций, не считая небольших заметок и рецензий. Только к 1939 г. им было издано 325 книг и статей. Публикации Турнвальда посвящены самым различным социологическим, психологическим и этнологическим сюжетам, многие из которых весьма далеки от проблем науки о народах. Поэтому ниже будут рассматриваться главным образом те его основные исследования, которые наиболее близки к этнологии.

Как в более ранних, так и в поздних работах Турнвальд ставил задачу исследования форм и процессов «человеческого общественного сожителства» в прошлом и настоящем. В связи с этим им предпринимались обширные этнографические исследования в дальних заморских странах, осуществлявшиеся под социологическим и психологическим углом зрения. При этом он рассматривал этнографические данные как основу для

развития новой «функциональной социологии». Помимо сбора этнографических материалов, Турнвальд изучал природные и хозяйственные условия как основу существования определенных привычек, установлений, образа мышления аборигенов. А также исследовал функции общества, историю его развития и связанные с этим социально-психологические сюжеты.

Несмотря на бурную экспедиционную деятельность, Турнвальд сумел в 1931 г. приступить к капитальному труду «Человеческое общество в его этносоциологических основах»³¹⁰, который завершил в 1935 г., а также опубликовать ряд статей. И в дальнейшем он продолжал почти до последних дней своей жизни интенсивную преподавательскую и научную деятельность.

В своих взглядах Турнвальд был до некоторой степени близок к социологу *Альфреду Фиркандту*, который первым указал на наличие связи между социологией и этнологией и предложил рассматривать социологическую проблематику на основе этнологического материала. Однако эта постановка вопроса постоянно вызывала возражения со стороны значительной части немецких философов, социологов и этнологов, считавших, что предлагаемый Фиркандтом метод имеет чисто спекулятивный характер, так как для социологических построений он использовал этнологический материал без собственного исследования и анализа. Фиркандт поддержал Турнвальда в 1925 г. при прохождении им конкурса на замещение должности экстраординарного профессора, против чего активно возражал известный этнолог *Феликс фон Лушан*, считавший, что социологи и философы вполне могут использовать в своих целях этнологический материал, однако — имея в виду Турнвальда — это еще не делает их этнологами. Современники считали, что поддержка Фиркандтом Турнвальда была вызвана стремлением получить в его лице союзника, что, однако, в полной мере не произошло из-за расхождения по ряду принципиальных вопросов.

В отличие от Фиркандта, Турнвальд был чужд формальному подходу. Исходя из принятых в его время естественно-научных традиций, Турнвальд, как это от-

мечал В. Мюльман, был единственным, кроме *Тилениуса* этнологом, который «соединял биологическое мышление с социологическим и историческим». Попутно следует заметить, что сопоставление Турнвальда с Тилениусом, сильно скомпрометированном сотрудничеством с нацистами, могло лишь повредить ученому в глазах большинства немецких этнологов. Как отмечал далее Мюльман, Турнвальд искал закономерности в культурном процессе, но при этом категорически возражал, когда на основе единичного, причем недостаточно проверенного случая, делались широкие обобщения. Он считал, что каждый отдельный случай должен рассматриваться, как единичное явление и анализироваться до того, как его используют для сравнения³¹¹. К этим словам можно добавить, что к концу жизни Турнвальд стал резко отрицательно относиться к попыткам конструкций, входящих в моду «моделей культуры», считая таковые лишь абстракцией, которая может быть использована только при условии учета всей совокупности лежащих в основе исследования фактов.

Как отмечала *Зигрид Вестфаль-Хельбуш*, для Турнвальда была характерна естественно-научная эмпирическая постановка проблем, а не выработка теорий. То, что он заимствовал из области теории или предлагал сам, рассматривалось им лишь как рабочие гипотезы, которые подлежали проверке на основе фактов. При этом, несмотря на бойцовский характер Турнвальда в отстаивании своих взглядов, он не был догматиком и внимательно прислушивался к мнению других исследователей, в том числе и своих учеников³¹².

В теоретическом отношении Турнвальд резко отрицательно относился к двум таким взаимоисключающим направлениям в этнологии, как эволюционизм и культурно-историческое учение, в которых он не без основания усматривал упрощенный подход к реальной действительности, выражающийся прежде всего в создании искусственных схем общественного и культурного развития. В связи с этим он возражал против представления о господстве однолинейных и однотипных рядов развития, справедливо считая, что существуют «вариационные тенденции». Теоретические подхо-

ды Гребнера и Шмидта Турнвальд считал ничем иным, как «схематизирующим упрощением». Возражал Турнвальд и против культурно-исторической постановки вопроса о путях «изменения» культуры. Не отрицая полностью значения заимствований в этом процессе, он был уверен в наличии сопровождающих заимствования социально-психологических явлений и в существовании параллельных путей развития общества и культуры. Вариационные тенденции Турнвальд понимал в виде сложения неких «типов», изучение которых составляло, по его мнению, одну из наиболее существенных задач этнологии. Важно подчеркнуть, что не только в отличие от деятелей Культурно-исторической школы, но и чуть ли не большинства ученых других направлений, он зачастую употреблял вместо внеисторического и расплывчатого понятия «изменение», термин «развитие». Да и в целом Турнвальд не был чужд исторического подхода, что существенно при его критике так называемой «теории развития» и учения о «культурных кругах», основанной на весьма тщательном отношении к фактическому материалу³¹³.

Обратимся теперь к более подробному рассмотрению взглядов и наиболее значительных публикаций ученого по теоретическим и эмпирическим аспектам науки.

Если попытаться в самом общем виде определить тот объект, который в наибольшей мере составлял сферу научных интересов рассматриваемого исследователя, то это, пожалуй, общество в целом как единый функциональный институт в самых различных его проявлениях. Особое внимание Турнвальда привлекали проблемы, составляющие, по его мнению, объекты изучения науки о народах. Это самые различные аспекты этнологии, этносоциология, теоретическая и эмпирическая социология, народная, общая и прикладная психология, вопросы примитивного мышления, проблемы биологических основ общества и отдельной личности. А также связанные с этим вопросы о расах и расовая гигиена, проблемы истории хозяйства, семьи, социальных институтов, соотношение культуры и цивилизации, колониальные проблемы и многое другое.

Если впервые Турнвальд изложил свой метод в книге «Община Банаро» (см. 2-ю главу), то в дальнейшем он предпринял попытку создать, как он ее определил, «общую» и «представительную структурно-функциональную картину общественной жизни», чему был посвящен многотомный капитальный труд под названием «Человеческое общество в его этносоциологических основах». В нем он рассматривал семью, хозяйство, государство, культуру и право как элементы, образующие «человеческое сообщество». Развивая свой функциональный подход к исследованию общества, Турнвальд критиковал английских функционалистов за внеисторический подход. В связи с этим, рассматривая историческое развитие различных социальных институтов, он писал, что «становление и изменение» составляют очень значительную часть функционирования «общественного устройства». И что функциональный подход остается пустым звуком, если не учитывается функция времени.

Основное значение для науки о народах имеют три тома рассматриваемого труда. В первом дается репрезентативная картина жизни первобытных народов. Во втором рассматриваются вопросы происхождения, изменения и формирования семьи, родственных отношений и связей в свете науки о народах. В третьем исследуются фундаментальные проблемы происхождения, изменения и формирования хозяйства³¹⁴.

В подходе Турнвальда к проблемам семьи и семейно-брачных отношений отчетливо проявляется его критическое и в целом отрицательное отношение к взглядам последователей теории развития, к прямолинейному и однолинейному эволюционизму. Хотя в одной, и притом важнейшей методологической установке, а именно, в признании принципа историзма, у него с эволюционистами принципиальных различий часто не наблюдалось. Понятие «изменение» Турнвальд употреблял, в отличие от распространенного в его время механицистического подхода, только для обозначения «необратимого накопления и увеличения ценностей цивилизации». В отношении техники — как «накопление знаний и умений, как измеритель степени господства человека над природой». Для других аспектов

общественной жизни, в которых диалектика понятия «изменение» связывалась с периодами подъема и упадка, Турнвальд употреблял термины «становление», «изменение», «оформление». Как он считал, рассмотрение техники как элемента, находящегося в тесной связи с «совокупностью привычек и установлений общества» — семьей, государственным устройством, хозяйствованием, работой, моралью, обычаями и мышлением, позволяет устанавливать периоды подъема и упадка социальной структуры. И дает, как полагал ученый, объективный критерий для исследования форм человеческой цивилизации. Ее ход, история рассматривались им как процесс смены периодов «помех и потерь» в культуре, временами, когда «вновь приобреталось и наступало равновесие». Однако следует заметить, что, как отмечает Шольце-Иррлитц, эти свои теоретические положения Турнвальд так и не применил в исследованиях конкретных проблем³¹⁵.

Турнвальд был безусловно прав, говоря, что на современном уровне науки нельзя считать обоснованными гипотезы И. Бахофена о «гинекократии». Уже вследствие одного того, что последний основывал свои выводы на очень позднем историческом материале, ошибочно полагая, что время Гомера — это первобытность. Неверными называет рассматриваемый автор и некоторые выводы МакЛеннана и Моргана, предполагавших наличие так называемого «матриархата» в условиях обществ охотников-собирателей. И в этом отношении Турнвальд, безусловно, прав. Однако при этом мало достоверно, или, точнее сказать, совсем неверно его собственное предположение о том, что с появлением земледелия, и тем самым более обеспеченной жизни, труд в земледелии создал женщине особое положение в обществе. А так как мужчины, как пишет Турнвальд, стремились эксплуатировать этот труд, это вызывало протест со стороны женщин, вылившийся в возникновение материнского права. Столь упрощенное «психологизированное» объяснение причин возникновения этого сложного социального института едва ли можно принять. Тем более что известные данные о тропическом ручном земледелии свидетельствуют о

том, что при существовавшем в условиях первобытного общества разделении труда между полами и первобытном равенстве, как раз мужчины занимались самым тяжелым и опасным трудом, расчищая лесные участки под обработку и выжигая срубленные деревья и кустарники³¹⁶.

Вместе с тем справедливым представляется мнение Турнвальда о том, что материнское право совсем не обязательно связано (скажем, вообще не связано — Г.М.) с властью женщин. И их более или менее равное с мужчинами положение в обществе вовсе не «право», а тем более не «господство», как это считают сторонники гипотезы «матриархата», социальной структуры, не обнаруженной ни у одного первобытного народа. Проблемы материнского права и семейных отношений Турнвальд затрагивал и в других своих работах³¹⁷.

Как в рассматриваемом труде, так и в некоторых других публикациях Турнвальд неоднократно обращался к вопросам первобытного хозяйства и экономики, которые он рассматривал с позиций близких *Максу Веберу*. Историю развития хозяйства он понимал как прогрессивный поступательный процесс, завершившийся в ряде заморских стран колониальной эпохой³¹⁸. Рассматривал он и отдельные элементы развития первобытной экономики: возникновение денег и денежного обращения³¹⁹, предкапиталистические хозяйственные системы в колониальных странах. В одной из посвященных этой проблеме статей Турнвальд вновь вернулся к вопросам функциональной этнологии применительно к изучению колониальных народов, основы которой, как отмечалось выше, были им сформулированы еще до *Б. Малиновского*. И в этой публикации, как и в прошлых, автор настойчиво призывал исходить при функциональных построениях из принципа историзма, и не ограничиваться констатацией сиюминутных явлений³²⁰.

Если говорить о том главном, что в течение многолетней научной деятельности Турнвальда составляло преимущественную сферу его научных интересов, то это — социология и психология на фоне этнологической проблематики. И та, и другая область знания рас-

сма­три­ва­лась им посто­ян­но в двух, для него нераз­рыв­ных теоретических и эмпирических аспектах. С точки зрения социологии Турнвальд вновь, как и в прошлые годы, обра­щался к проблемам функционализма и функционального подхода к различным проблемам этнологии. И предлагал новое научное направление в виде «функциональной этнологии». Этому он посвятил статью «Функциональная этнология. Общественное объединение как предпосылка и завершение». (Funktionelle Ethnologie. Die Gesellung als Vorgang und Ablauf). В этой работе он поставил задачу объяснить существо *общественного объединения* как события и процесса³²¹. Рассмотрим подробнее содержание этой статьи, свидетельствующее не только о научных, но и политических позициях ее автора. Свои рассуждения Турнвальд начинал с того, что отмечал необходимость при исследовании социологических процессов учитывать ряд обязательных аспектов. Во-первых, для объективного исследования следует обязательно привлекать всю, без исключения, совокупность фактического материала. Во-вторых, нужно учитывать то, что социальные события протекают во времени, и социальные сообщества (Gesellung) претерпевают при этом большие или меньшие изменения.

Особое значение как в рассматриваемой, так и в других работах, о чем еще пойдет речь ниже, автор отводил действиям личностей — от семейного коллектива до самых больших сообществ. Он писал: «Предприятия, партии, движения часто зависят от свойств одной или нескольких руководящих личностей (Führerpersönlichkeiten), и с исчезновением таких вождей часто исчезают и соответствующие социальные явления³²².

Автор обращал также внимание на изменения в социальных явлениях вследствие смены поколений.

В качестве третьего аспекта социологических исследований Турнвальд называл обязательный учет того, что социальные процессы развертываются не в каком-то нерасчлененном человеческом сообществе, а в составляющих его больших или малых сообществах, различающихся не просто по размеру, а по внутренней

структуре, времени существования, характеру отношений людей друг к другу в виде сосуществования, подчинения, главенства.

Четвертым аспектом исследования предлагалось рассмотрение социальных феноменов с точки зрения видов сообществ. В соответствии с функционированием в них индивидуумов:

- а) определенный человек принадлежит одновременно различным взаимопроникающим общностям. Личность говорит на определенном языке, живя в определенном месте, принадлежит к той или иной нации, государству, является членом определенной семьи, работает в определенной сфере. Вследствие этого человек одним подчинен, другими руководит. Может принадлежать к партии, имеет круг знакомых;
- б) личность принимает в этих сообществах различного рода участие;
- в) через различные влияния идет оформление личности.

Пятый аспект исследования исходит из того, что образование общества происходит через взаимодействие личности и групп личностей. Из этого вытекает:

- а) предпосылкой для образования любого сообщества (*Gesellung*) является то обстоятельство, что каждая личность находится во взаимоотношениях с другими личностями. Так, семья — пример соединения (*Verzahnung*) мужчины, женщины, детей. В семье происходит разделение труда;
- б) большое значение в жизни сообщества (*Gesellungsleben*) имеет «местный» фактор (*örtliche Faktor*). Так, к примеру, посторонние друг другу люди, оказавшиеся в одном месте (школа, вагон и т. п.), проявляют «общественный дух» (*Gemeinschaftsgeist*). Складывается равновесие и распределение ролей;
- в) все личностные объединения (*Verzahnungen*) подлежат изменениям во времени, что требует от личностей соответствующих реакций. С изменением людей изменяется и род их сообщества (*Gesellungseinheit*). Появляются новые люди и идеи, что имеет особое значение при социальном отборе (*Aussiebungsprozess*) вождей.

В качестве шестого аспекта исследования Турнвальд называл то, что всюду, где люди временно или постоянно составляют сообщества (Gesellen), каждая группа приобретает особую структуру. Аморфные массы существуют только на первых порах объединения. Группы объединяются вокруг отдельных личностей, при этом каждый человек принадлежит к нескольким различным группам. А в определенных условиях каждый человек может выступать как «вождевая личность» (Führerpersönlichkeit).

Особое место в рассуждениях Турнвальда принадлежит роли «вождей». Так, он писал, что а) только вследствие длительного существования сообщества (Gesellungseinheit) утверждается роль вождя (Führertum). При этом происходит процесс добровольного подчинения вождю, который дает первые руководящие идеи (Vordenken) и первым совершает решающие поступки в политике, деловой жизни, искусстве и т. п.; б) вождевое начало возникает не само по себе, а является следствием «кристаллизации» (Kristallisationsvorgänge), в ходе которой определенные лица начинают выполнять определенные функции, и происходит автоматическая самоорганизация группы. При этом масса людей нуждается в «вождевом начале» (Führertum), а вожди в массе.

В пункте в) автор писал, что ход выявления вождя может быть обозначен как социальный отбор (Siebung). И что «естественное возникновение вождевого начала является следствием социального отбора — «процеживания» (Siebung).

Значительное место в рассматриваемой работе уделялось проблеме социальных общностей. Прежде всего рассматривалась проблема человеческих масс. При этом предлагалось различать варианты человеческих группировок — от соседей в транспорте до «революционных масс», душевную ориентацию индивидов и состояние объединения — оно случайно или имеет постоянную организацию.

В качестве второго аспекта рассматривалось «объединение», которое происходит вследствие территориального соединения.

Третьим аспектом назывался процесс «кристаллизации», под которым понималось свободное объединение вокруг личности вождя (Führerpersönlichkeit). В ходе «кристаллизации» общность либо превращается в «организацию», либо распадается. Как указывал автор, кристаллизация может происходить не только вокруг людей, но и вокруг идей.

Четвертый аспект — «союзы» (Bunde), основывающиеся на личных связях (Verzahnungen), — прежде всего семья, брак, дружба.

Наконец, пятым видом объединений назывались «организации», которые занимают особое место среди общественных объединений (Gesellungsformen), так как в них происходят процессы «дисперсизации». Организация ведет независимую от личности собственную жизнь. Например, чиновник — должность, а не определенный человек. Но и люди могут оказать влияние на организацию. В связи с существованием «организаций» отмечалось наличие следующих процессов:

- а) общественная организация может расти и сокращаться как, к примеру, государство;
- б) пути изменения общественной организации (государства, партии) являются следствием возникновения оппозиции, как естественной реакции против институционализованного руководства (Führerschaft). Но оппозиция может быть и кем-то организованной. До тех пор, пока противоречия не велики, организация «молода». С ее «старением» люди начинают стремиться сбросить оковы организации и вернуться к «естественному» руководству (Führertum). Автор подчеркивал, что любое социальное объединение существует только как следствие взаимодействия масс и личности.

Как полагал Турнвальд, особое значение в социальных процессах имеют психические элементы. Вследствие этого каждое явление в сообществе (Gesellungsphänomen) следует рассматривать с двух точек зрения: характера объединения (Gesellungs-gestalt), и психических проявлений людей, что может быть объяснено функционированием сообщества и создающих его людей (Funktionen der Gesellungen und sie aufbauende Menschen).

Нельзя не отметить особое внимание Турнвальда к роли вождей в обществе и самому принципу «вождизма», что видно не только из рассматриваемой публикации, но и из других работ, в том числе увидевших свет до 1933 г. Так, в статье «Вождизм и социальный отбор», разбирая характер и элементы общественных явлений, Турнвальд уделял особое внимание принципу «руководства» и называл виды и условия его проявления. При этом он отмечал, что в ходе «социального просеивания» выделяются две категории «ведущих личностей». Одна — это люди, ведущая роль которых является следствием их выдающейся одаренности и наилучших результатов работы: ученые, художники, мыслители. При этом их ведущее положение не связано с руководством людьми. Другая категория — это «политические вожди», обладающие большой жизненной силой, способностью к предвидению событий, имеющие желание взять на себя ответственность перед массами». Называются три фактора, связанных с личностью и положением вождей. Это обязательное условие собственной одаренности, которая первоначально не вполне ясна самому будущему вождю и проявляется лишь впоследствии. Рассматриваются Турнвальдом также условия борьбы за власть и значение поддерживающих вождя приверженцев³²³; резонанс, который получает личность вождя у масс; своеобразии ситуации, в которой вождю приходится действовать.

Турнвальд подчеркивал, что события эпохи во многом зависят от личности вождей, а их выдвижение в процессе социального «процеживания» сходно с биологическими явлениями. Это движение населения в границах город — село, дворянство — третье сословие, чиновники — рабочие. Так как первые размножаются менее интенсивно, то они обречены на вымирание. В конце статьи Турнвальд писал, что жизненный процесс в каждой группе неотделим от принципа руководства (вождизма). Вследствие «социального процеживания» выдвигаются вожди, которые начинают влиять на группу. Историю же делают не изолированные личности или масса, а их комплекс. Руководство и

«процеживание» — совместные проявления общественных процессов³²⁴.

Оценивая рассмотренные взгляды Турнвальда, едва ли есть необходимость и возможность вникать в философскую сущность с давних пор дискутируемой проблемы роли личности в истории. Достаточно отметить, что существовавшая в отечественной историографии тенденция принижать роль выдающихся личностей, придавая главное значение массам, едва ли верна. И здесь можно согласиться с Турнвальдом, когда он пишет о комплексном воздействии на исторический процесс вождей и масс. Впрочем, эта проблема довольно далека от этнологии, и здесь важнее оценить политическую и теоретическую направленность выводов рассматриваемого исследователя. И тут нельзя не прийти к выводу, что хотя Турнвальд никогда не был не только активным, но и пассивным сторонником нацизма, его рассуждения о «вождях» и «вождизме» шли целиком в русле важнейшего постулата гитлеровской идеологии о роли вождей и их соотношении с народными массами. Были ли эти положения Турнвальда вызваны абстрактным теоретическим интересом к социологическим процессам, или согласием с тем, что писали о принципе вождизма Гитлер и другие идеологи нацизма, или, наконец, желанием в чем-то «подыграть» новой мощной политической силе, остается лишь гадать. Однако определенный повышенный интерес, помимо «вождизма», к колониальным проблемам в сфере германских интересов, о чем подробнее рассмотрим ниже, позволяет судить о некоторой «имперской» геополитической ориентации ученого.

Привлекали Турнвальда также общие теоретические проблемы социологии. В ряде работ и, в частности, в статье «Реалистическая социология»³²⁵, он специально останавливался на значении и основных задачах социологических исследований. В начале статьи он отмечал, что социология призвана играть большую роль в решении современных жизненных проблем. «Однако, пока она занимается далекими от жизни спекуляциями и классификациями, социология не может рассчитывать на успех». Решение жизненных проблем в

свете социологии определяется, по мнению Турнвальда, учетом, по крайней мере, трех факторов. Во-первых, техническое развитие принесло с собой иные, чем прежде, жизненные установки, которые требуют нового приспособления к условиям существования, что, в свою очередь, заставляет вырабатывать новый подход к социальной сфере. При этом следует учитывать, что социальное развитие отстает от изменившихся жизненных условий. В связи с этим, как отмечал автор, в общественной жизни возникают новые возможности и необходимости, которые ведут к изменениям и проявлениям новых установок в поведении людей — выяснение чего и составляет одну из задач социологии.

Вторым фактором, с которым приходится иметь дело социологии, является, по мнению автора статьи, развитие двух, казалось бы, взаимоисключающих процессов. С одной стороны, развитие средств сообщения и сопричастности к мировым событиям, а с другой — усиление политической обособленности, хозяйственной конкуренции и национальной вражды.

И третий фактор, как следствие двух предыдущих ситуаций, состоит, как полагал Турнвальд, в воздействии на «внеевропейские и внеамериканские расы» процессов в развитых странах, что создает для этих «рас» особо трудную ситуацию. Вызвано это тем, что все эти «расы» не принимали участия в судьбах западных народов, чьи открытия и изобретения вытекали из иных ситуаций и содержат для этих рас нечто чуждое в мировоззрении и социальной жизни. Заимствования в технике и знаниях «отягощены» чуждыми для них идеями, возникшими в иных духовных и социальных условиях: например, христианство, индивидуализм, европейское и североамериканское искусство и др. Вследствие чего эти идеи не воспринимаются народами, на которые оказывается европейское влияние. Это приводит не только к бесконечным недоразумениям, но и к необходимости полного изменения внеевропейской культуры, что сопровождается волнениями и возрастанием вражды к Западу.

В целом же Турнвальд усматривал основную задачу социологии в исследовании общей картины обще-

ственной жизни в связи с психическими процессами. При этом, как он считал, социолог должен исследовать разветвленность и взаимодействие общественных факторов, что дает политикам необходимые данные.

По мнению Турнвальда, социальные закономерности должны выводиться из психологической интерпретации социальных событий, избегая при этом «партийной» предвзятости. Теоретические же разработки должны основываться на анализе события, института, обычая, организации общества. Такого рода анализ следует производить с учетом быстро происходящих во времени изменений. Этот путь исследования Турнвальд называл *функциональной социологией*, в отличие от *реалистической* (или практической) социологии, в задачу которой входит собирание фактов. И, как полагал рассматриваемый исследователь, только функциональная социология ищет между ними связь и объясняет явления на основе эмпирических данных.

Не будучи социологом, автор настоящей книги не берет на себя смелость давать оценку выводам Турнвальда по теории социологии. Однако можно полагать, что его видение факторов, воздействующих сегодня на социальные процессы в странах третьего мира и некоторых республиках, входивших в Советский Союз, во многом справедливо.

Значительное внимание уделялось Турнвальдом решению конкретных проблем в свете «функциональной» и «реалистической» социологии. Так, в частности, на основе данных о первобытных и полупервобытных народах Океании и Африки, он ставил вопрос о «функции и развитии». В посвященной этому статье³²⁶ он рассматривал такие явления, как обмен, залог и заклад, деньги, стоимость, экзогамия, брачный выкуп, социальное расслоение. Едва ли можно согласиться с автором, когда он выводит экзогамию из обмена и брачного выкупа. Турнвальд справедливо отрицал объяснение возникновения и существования экзогамии как стремления избежать инцеста. Но, вместе с тем, излишне упрощал проблему, полагая, что необходимость отдавать девушку в другую общественную группу, а, следовательно, и возникновение обычая экзогамии, было вызвано необ-

ходимостью получить за нее брачный выкуп с тем, чтобы женить сына. Такого рода гипотеза маловероятна потому, что возникновение экзогамии относится к столь отдаленным по времени эпохам, когда никаких брачных выкупов еще не существовало. К тому же экзогамия явление настолько универсальное, всемирное, что едва ли оно могло возникнуть на основе выкупа за невесту, обычая, вовсе не универсального и не зафиксированного у многих народов, находившихся в недавнее время на весьма ранних стадиях первобытных отношений (андаманцы, кубу, тоала, ботокуда и др.). Вместе с тем не лишены интереса рассуждения Турнвальда о происхождении денег, роли в общественной жизни разделения труда и многое другое.

В той же работе он останавливался на ряде теоретических и историографических проблем этнологии. В частности, автор высказывал свое понимание столь часто обсуждаемого и оспариваемого в его время в западной литературе термина «развитие». Под ним он понимал накопление знаний и умений, возникающих «вследствие расщепления многообразных материальных, духовных и организационных функций общества, причем внутренние структуры обогащаются посредством взаимовлияния функций».

Можно присоединиться к оценке Турнвальдом давнего спора между сторонниками «теории развития» (эволюционистами) и заимствований (диффузии), как основы изменения культуры и общества. Как он справедливо полагал, вовсе нет необходимости делать выбор между позициями «развития» и «заимствования», так как каждая из них, отдельно взятая, односторонняя, не решает проблему. Поэтому Турнвальд отрицательно относился как к положениям Г. Спенсера о «прямолинейном» развитии, так и механицистической диффузии Гребнера. И пояснял, что заимствование — это не однократное явление, оно ведет к протяженным во времени различным преобразованиям в культуре и обществе. Но появление новшеств «вовсе не обязательно связано с заимствованиями, они могут возникать как следствие творческих сил народа». И, обобщая сказанное, рассматриваемый автор писал: «Таким образом,

создается мост между процессом накопления и явлениями заимствования. Они прочно между собой связаны и обогащают друг друга».

В значительной мере с экспедиционной деятельностью Турнвальда связаны его исследования в областях науки, которую он обозначал как «эмпирическая социология». В работе, специально посвященной ее проблемам, ученый ограничился главным образом рассуждениями о соотношении социологических и биологических процессов. При этом он пришел к выводу, что проводившиеся в прошлом Шеффелем, Лилиенталем и Унру прямые аналогии между биологическими и социологическими процессами неосновательны. И что биология может привлекаться только как эвристическая модель, так как содержание биологии принципиально отличается от социологии и биологические явления действуют только на отдельную личность, поэтому на социологические явления они оказывают влияние только обходным путем, через единичного человека. В основе же эмпирической социологии лежит, по мнению Турнвальда, индуктивный метод³²⁷.

Значительный по объему и содержанию эмпирический материал содержался в работах Турнвальда, посвященных конкретным социологическим (а может быть даже скорее этнологическим и этнографическим) исследованиям в разных внеевропейских странах, главным образом в Африке³²⁸. При этом основное внимание уделялось современным ему процессам влияния колониальных порядков и европейской культуры на местное население, ходу аккультурации.

В исследованиях Турнвальда, посвященных внеевропейским народам, особое место занимали колониальные проблемы, привлекавшие его внимание в течение всей его научной деятельности³²⁹. При этом его отношение к ним имело определенную тенденцию, связанную с германскими геополитическими интересами. Что, в известной мере, вызывало отрицательное к Турнвальду отношение со стороны либерально настроенных ученых.

Еще в 1931 г., исходя из чисто прагматических соображений, он рассматривал историю, современное

состояние и перспективы колониального и постколониального времени. Особенно интересовало Турнвальда, каким образом можно добиться наиболее эффективного использования рабочей силы африканцев, и к каким последствиям ведет европейское влияние на культуру местного населения. А также, каковы перспективы создания собственно негритянской культуры. Эти процессы автор полагал рассматривать в двух аспектах: 1) как следствие внутренних процессов, протекающих в обществе, и взаимодействия составляющих его личностей; 2) как результат столкновения с другими сообществами и культурами. Попутно следует заметить, что Турнвальд одним из первых, если не первым, применил к доколониальным африканским обществам обозначение «традиционные». Можно назвать его позицию лишенной сентиментальности по отношению к использованию рабочей силы местного населения. Говоря, с одной стороны, о том, что негров следует рассматривать не как вещь, а как людей, он тут же утверждал, что по отношению к ним, для эффективности их труда, лучше применять более строгие и суровые меры, «которые туземец, если он их заслужил, воспринимает без злости» (...etwas derbere Züchtung, wenn er sie verdient hat, empfindet er ohne Groll)³³⁰.

Столь же прагматично звучит предложение о том, что не следует противопоставлять «черных и белых». И их интересы следует рассматривать совместно «для общих целей», под которыми, как можно полагать, автор имел в виду, прежде всего интересы европейцев. Любопытно и во многом подтверждено жизнью утверждение Турнвальда о том, что если европейцы уйдут из Африки, то там вновь вспыхнут племенная вражда и войны. И, кроме того, на место прежних колониальных держав придут «индийцы и японцы».

Особенно ярко проявился интерес Турнвальда к колониальным интересам Германии в работе «Колониальная организация. Методы и проблемы заморского распространения», написанной уже в годы Второй мировой войны. Как и во многих других публикациях, Турнвальд рассматривал проблемы в историческом плане, акцентируя внимание на социологических аспектах

столкновения и взаимоотношениях между европейцами и местными жителями. При этом в двух вводных главах он настоятельно подчеркивал колониальные права и потребности Германии, уделяя особое внимание африканскому сырью. Как отрицательную для традиционной культуры тенденцию он рассматривал постепенно развертывавшуюся пролетаризацию населения³³¹.

Как и проблемы социологии и этносоциологии, столь же важное место в научных интересах и практической деятельности Турнвальда занимали вопросы народной и примитивной психологии, чему посвящено немало его работ. В передовой статье, в связи с началом издания нового журнала «Проблемы народной психологии и социологии», Турнвальд рассматривал соотношение этих научных направлений и попытался дать им более или менее четкое определение³³². Статья открывалась рассмотрением соотношения в свойствах биологических «рас», социальных и психологических факторов. По мнению ее автора, расы нельзя рассматривать исключительно как проявление наследственных биологических признаков, что прямо или косвенно на их формирование воздействуют социальные и психологические факторы. Проблему народной психологии рассматриваемый исследователь предлагал изучать с учетом трех обстоятельств: 1) группы, находящиеся на «примитивном» уровне развития, состоят из людей со сходной врожденной конституцией и более или менее родственной «наследственной массой»; 2) то, что составляет культуру группы, представляет вид реакции на окружающую среду; 3) каждая группа находится в известных связях с соседями. Очень любопытно положение Турнвальда, предвосхитившее некоторые теоретические взгляды значительно более позднего времени, что «Группа, чьи особенности не определяются исключительно расово-конституционными и культурно-духовными явлениями и не могут быть объяснены из собственного существования, но которая обладает неповторимыми чертами и своей судьбой, может быть названа *этнической общностью*» (выделено мной — Г.М.)³³³.

И другая мысль автора нашла отражение в трудах позднейших, особенно немецких исследователей, о чем подробнее будет говориться в следующей главе. Она состояла в том, что при преобладании одной культуры над другой, возникают отношения господства, и то же самое происходит в отдельных группах, где возникают аристократы и зависимые. По мнению Турнвальда, когда зависимые отдают произведенный ими продукт аристократам, а те распределяют его среди зависимых, происходит взаимопроникновение культур в этнических слоях. В свою очередь, такие объединительные процессы при отсутствии или редких браках между представителями разных этнических слоев, приводят к возникновению государства. Едва ли можно согласиться с таким парадоксальным утверждением Турнвальда. Прежде всего потому, что рассматриваемый им фактор распределения продукта не является в социальных процессах фундаментальным и определяющим, а сам опосредствован существующим разделением труда. Усложнение этого процесса в ходе «неолитической революции» и утверждение производящего хозяйства и вызвали жизненную необходимость в создании более сложной, чем племенная, государственной организации. Остается также непонятным, что имел в виду автор под понятием «этнические слои».

И в этой работе Турнвальд отводил немалое место значению личности и «вождевого» начала. Весьма критически он относился к взглядам ученых, недооценивающих, по его мнению, роль личности. Как полагал этот исследователь, взаимоотношения личностей выливаются в «социальное процеживание», в ходе которого общество доверяет выдающимся личностям занимать ведущее положение в различных видах деятельности (власть, война, искусство).

В свете изучения народной психологии значительное внимание Турнвальд уделял процессам приспособления и аккультурации, чему он посвятил ряд специальных работ³³⁴. Кстати, в них он впервые в научной литературе ввел термин «аккультурация», раскрыл содержание этого понятия, а также дал более широкое толкование понятия «функционализм».

Среди исследования различных проблем, связанных с «народной психологией», Турнвальд постоянно затрагивал в своих работах вопрос о «личности». В одной из посвященных этому статей «Личность как ключ к пониманию исследования общества» он отмечал наличие двух точек зрения представителей разных школ на роль личности. В связи с этим он писал, что одни считают, что решающим фактором в формировании личности является природная среда. Другие — что личность определяется наследственностью как решающим фактором. Как полагал Турнвальд, представители обеих школ во многом правы. Однако и те и другие излишне гипертрофируют свои взгляды. В связи с этим он изложил свою собственную точку зрения по этим спорным проблемам. Так, он полагал, что человек рождается не со свойствами, а с «возможностями», «потенциями», что представляется вполне справедливым. Далее Турнвальд уточнял свой вывод, отмечая, что «свойства» возникают вследствие взаимодействия с окружающей средой. В отличие от них, «потенции» являются следствием биологической наследственности. Складывающийся характер личности Турнвальд определял как следствие воздействия исторической среды. В качестве древнейшего биологического сообщества он рассматривал семью, «которая скрепляется действиями входящих в нее личностей». Происходит половое разделение труда. Отдельные личности соединяются в мужские союзы для жизнеобеспечения и обороны. Говоря это, Турнвальд подчеркивал, что без известных различий между соединяющимися личностями, имеющими совместные цели, не может возникнуть функционирующее сообщество. По выражению автора, происходит «балансирование» функций — каждый действует по своим возможностям. Едва ли, однако, можно согласиться с Турнвальдом, когда он называет семью только биологическим сообществом, что вступает в противоречие с перечисляемыми им социальными функциями семьи. И здесь Турнвальд вновь возвращается к проблеме «вождизма», считая, что возникновение группы всегда связано с возникновением руководства, появлением вождя, «и только через это

аморфная масса приобретает свою организацию и способность функционировать». Если все эти положения довольно спорны, то окончательно нельзя согласиться с утверждением автора о том, что «существо вождя основывается, с одной стороны, на индивидуальных биологических свойствах личности, а с другой — на судьбе». Попутно нельзя не заметить, что понятие «судьба» было существенной составной частью нацистской идеологии, также как и акцент на роль вождей, что хотя и косвенно, но роднит взгляды Турнвальда с официальной пропагандой, установившейся в Германии после 1933 г.³³⁵ На большие сомнения наводит и утверждение о том, что «...особые трудности в преобразовании общественной жизни у немцев являются следствием наследственности (какой именно, не уточняется — Г.М.), недостатка жизненного пространства, трудного географического положения»³³⁶. И здесь взгляды Турнвальда близки к геополитической доктрине немецкого национализма.

В ряде работ Турнвальд останавливался на проблемах психологии «примитивных» народов³³⁷. Под примитивностью он понимал «комплекс проявления духовных черт, которые характеризуются меньшими, по сравнению с цивилизованными народами, культурными и техническими достижениями, слабым овладением окружающей средой, жизнью в крошечных замкнутых общинах». Переход от примитивности к культуре автор называл «развитием». Заслуживает внимания и мнение Турнвальда о том, что «в наше время» нет настоящих «примитивных» людей, и примитивное состояние может быть реконструировано лишь по косвенным и отрывочным данным. При этом он полагал, что восстановить психологию раннего уровня развития чрезвычайно трудно, так как пережитки «первобытной» жизни весьма отрывочны. Справедливой представляется мысль Турнвальда о том, что «реконструкция древнейшего состояния общества по современным отсталым народам едва ли может быть объективной, так как последние прошли длительный путь развития. Тем более что условия жизни в тропиках и других климатических зонах весьма различны». В связи с этим ис-

следователь предлагал называть современных культурно отсталых людей «первобытными», и только древних «примитивными»³³⁸. Высказывал автор свое мнение о характере приспособления человека к окружающей среде, который обозначался им как «психологическое», в отличие от животного «физиологического». Здесь же Турнвальд предлагал любопытную периодизацию времени «примитивности» на «низшую», «среднюю» и «высшую» стадии. Хотя формально здесь можно усмотреть некоторую аналогию со схемой, предложенной ранее Морганом — Энгельсом, понимание этапов совершенно иное, в значительной мере основанное на психологических признаках. Однако важно отметить, что во многих случаях под «психическими» факторами автор понимает и вполне материальные: употребление огня, возникновение идеографического письма и т. п. К тому же, он настойчиво подчеркивал во многих местах своей работы обязательность исследования «психологии» с исторических позиций³³⁹. Таким образом, в понимании историзма Турнвальд близок к позициям теории развития, возражая, однако, против прямолинейности ее построений. Неоднократно, на протяжении всей рассматриваемой работы, Турнвальд в категорической форме высказывал мнение о единстве у всего человечества, начиная, по крайней мере, с верхнего палеолита, физиологических свойств и умственных задатков. Говорил он и то, что примитивная психология в своей основе общечеловеческая. А ее особенности являются следствием культурной неразвитости и беспомощности перед окружающей средой³⁴⁰.

Естественно, что такого рода взгляды Турнвальда вызвали его весьма отрицательное отношение к некоторым концепциям Фрейда, Леви-Брюля и других сторонников особого состояния психологии на ранних этапах исторического развития. В том числе и к гипотезе «пралогического мышления»³⁴¹.

Такого рода взгляды Турнвальда создавали большие сложности во взаимоотношениях с пронацистским руководством университета и властями. С одной стороны, нацистская пропаганда была резко настроена против Фрейда и Леви-Брюля, прежде всего в связи с их наци-

ональностью. Но, с другой, утверждение равенства первобытной психологии и умственных возможностей первобытных и цивилизованных народов резко противоречило позициям нацистской расовой науки. И здесь мало помогли Турнвальду работы, написанные в духе «расовой гигиены»³⁴². Поэтому нередки были нападки на него со стороны нацистки ориентированных ученых, или, как их тогда называли либералы, «барабанщиков режима», предъявлявших ему различного рода политические обвинения, на которые он, впрочем, отвечал в духе, характерном для любых тоталитарных режимов. В качестве примера можно привести его полемику с упомянутым выше известным американистом Вальтером Крикебергом, который в «Этнографическом журнале» обвинил Турнвальда в сотрудничестве с «полуевреем» доктором Л. Адамом. На это Турнвальд ответил, также в печатном виде, что «следует спросить господина Крикеберга, почему в том же журнале его издатель Г. Бауман поручил рецензировать мои книги еврею Герхарду Науману...». И, далее, в свою очередь, выдвинул обвинения против сторонников культурно-исторического направления, тех же Крикеберга и Баумана, в сотрудничестве с евреями. Прекрасный образец полемики нацистской эпохи, характеризующий позиции (вынужденные или действительные?) спорящих сторон, содержится во второй части той же статьи. Так, Турнвальд писал: «Второй упрек Крикеберга состоит в моей приверженности к функциональной школе (что в условиях гитлеровской Германии было довольно серьезным прегрешением — Г.М.), и что я действую по указке Малиновского. Далее он заявляет, что нельзя не отметить, что книга (Турнвальда — Г.М.) представляет собой как бы поклон перед английскими функционалистами и Малиновским, который не упускает случая издеваться над немецкими представителями исторического направления. Между тем, я ни разу даже не цитировал Малиновского. Крикеберг пытается создать впечатление, что функциональный метод заимствован у Малиновского и осуществляется под его руководством. К тому же Крикеберг утверждает, что Малиновский — еврей. Это, по его мнению, должно дискредитировать функционализм как

направление под водительством польского еврея. Это вранье. Я стал развивать свое направление до Малиновского, и всегда независимо от него. Но Крикеберг не имеет представления, что такое функционализм». И чтобы не остаться в долгу у своего оппонента, Турнвальд яростно обрушивается в конце статьи на Культурно-историческую школу и все «историческое направление», подразумевая при этом близость Баумана и Крикеберга к Вильгельму Шмидту, рассматривавшегося в гитлеровской Германии как персона «нон грата»³⁴³.

Обзор научной деятельности Турнвальда был бы неполным, если не упомянуть еще некоторые сферы его интересов. Во многих своих исследованиях он обращался к проблемам права и возникновения государства³⁴⁴. Интересовали его также проблемы разработки этнологических методов и общие вопросы теории этнологии³⁴⁵.

Говоря о вкладе Турнвальда в немецкую, да и мировую этнологию, следует отметить, что обсуждение его деятельности далеко еще не завершено, так как его многочисленные труды нуждаются в дальнейшем пристальном изучении, чему должна быть посвящена большая специальная работа.

Завершая обзор и анализ деятельности Турнвальда в 1930-х — начале 1940-х гг., нельзя не отметить, что нелегко дать однозначную оценку ему как ученому и человеку, жившему и работавшему в мрачные годы нацизма. Бесспорно, что Турнвальд был крупной научной фигурой, о чем говорят его многочисленные исследования в самых разных областях социологии, этнологии, психологии, сравнительной истории права и ряда других дисциплин. Он был родоначальником ряда научных направлений: впервые заложил основы учения о функционализме в связи с колониальными проблемами; предложил учение об аккультурации, этносоциологии как самостоятельного научного направления, и многое другое. Его научное наследие слишком велико и значительно для любого упрощенного суждения. Что касается его теоретических взглядов, то что-то представляется в них справедливым, однако многие проблемы еще требуют дальнейшего обсуждения.

Вместе с тем Турнвальд, как это отмечают и некоторые современные немецкие исследователи, хотя и не был прямым апологетом нацистского режима, не являлся членом НСДАП, все же несет ответственность, как ученый и профессор, за упадок этнологии в годы нацизма. Своей деятельностью и некоторыми взглядами до и после 1933 г., он оказывал косвенную поддержку режиму и поддерживал нацистскую геополитическую политику. Недаром в ходе войны в 1943 г. Турнвальд получил в Берлинском университете должность ординарного (полного) профессора и читал на философском факультете лекции на темы «О примитивном мышлении» и «Социальное развитие»³⁴⁶.

Однако все его усилия основать «Институт социальной психологии и этнологии» не привели к успеху. В задачи института должны были входить применение этнографических методов при изучении отечественного населения, исследование народов (этнология), изучение форм общественных сообществ и исследование взаимосвязи между народными группами и индивидуальной общественной жизнью. Тогда Турнвальд создал «институт» в собственной квартире. Там он читал лекции и предоставлял студентам возможность пользоваться его обширной библиотекой.

Ближайшим учеником, последователем и сотрудником Турнвальда была его жена Хильда Турнвальд. Она принимала участие в его экспедициях 1930—1931 гг. в Танганьике, 1933—1934 гг. в Буине и вела также самостоятельные полевые исследования. Ее основные научные интересы были связаны со сферами женской жизни, чему были посвящены монографии «Черная женщина в Африке», «Люди Южных морей», а также значительное число статей³⁴⁷. После смерти мужа в 1954 г. Хильда Турнвальд стала издателем основанного мужем журнала «Социологус».

■ Вильгельм Мюльман

Одним из наиболее известных учеников Турнвальда и сторонником функционального, психологического и социологического направлений был *Вильгельм Мюльман* (1904—1988).

Мюльман родился в семье купца и после окончания средней школы проходил курсы обучения в разных германских университетах. Начиная с 1925 г. он состоял студентом Фрейбургского университета. Затем он слушал лекции по физической антропологии и философии в Мюнхене, позднее по этнологии и социологии в Гамбургском и Берлинском университетах. Интерес к социологии и этносоциологии возник у Мюльмана под влиянием А. Фиркандта. И значительно возрос, когда он начал работать в Берлинском университете под руководством Турнвальда. Вслед за последним, Мюльман начал разрабатывать проблемы функциональной этнологии и стал сторонником этого направления в «немецком варианте» до конца своей научной деятельности³⁴⁸.

Не меньшее, если иногда не большее внимание Мюльман уделял проблемам биологии в связи с расовой психологией и расовым отбором. Еще в начале своей научной деятельности, до прихода нацистов к власти, он опубликовал несколько работ, очень близких по духу позициям нацизма по расовым проблемам³⁴⁹. В 1930-х и начале 1940-х гг. эта тема стала еще чаще звучать в его публикациях.

В 1931 г. Мюльман представил в Берлинский университет диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук на тему «Тайное общество Ариори. Исследование о тайных полинезийских обществах с акцентом на социальный и естественный отбор на Старом Таити»³⁵⁰. Уже в этой работе может быть прослежено основное направление в исследованиях Мюльмана, которому он никогда не изменял. Оно заключалось в использовании этнографического материала для исследования социальной структуры и политического развития народов. Исходя из этого, он стремился к политическому использованию этнологии, что вылилось, в конечном счете, в служении нацистским властям³⁵¹.

В 1936 г. Мюльман представил на защиту очередную диссертацию «Образование государства и ампликтонии в Полинезии». Однако диссертация встретила серьезные возражения со стороны ряда авторитетных

ученых, особенно работавших в этнологических музеях. И только в 1937 г., при поддержке Турнвальда и некоторых молодых ученых, диссертация была утверждена. В дальнейшем она вышла в свет в виде книги³⁵². С большими трудностями Мюльман добился утверждения его в 1939 г. доцентом (преподавателем) философского факультета по этнологии и народной психологии³⁵³.

Уже с начала 1930-х гг. Мюльман вел напряженную научную и педагогическую деятельность. Так, только за время с 1931 по 1939 г. им были написаны 4 больших труда и примерно 50 статей. Весьма интенсивно работал Мюльман вплоть до окончания Второй мировой войны. Как раз на военные годы пришлось его активная педагогическая деятельность в Берлинском университете. Но все же основная его научная деятельность развернулась уже после окончания войны, в ФРГ, о чем речь пойдет в следующей главе.

Анализ политических аспектов научной и педагогической деятельности Мюльмана в предвоенные годы подтверждает справедливость мнения ряда современных немецких авторов о том, что уже в его работах начала 1930-х гг. можно найти многое, созвучное идеологии национал-социализма. Однако тогда либерально настроенные ученые еще не причисляли его к «форейторам нацистской идеологии». Значительный перелом в политических позициях Мюльмана произошел с 1939 г., когда стала заметна его интеграция с гитлеровской идеологией, и явственно прозвучало его стремление к политическому использованию этнологии в интересах нацизма. Кстати, тогда же Мюльман вступил в члены НСДАП³⁵⁴.

К выводу о практически полном переходе Мюльмана на позиции национал-социализма приводит анализ его работ, изданных после 1939 г. и имеющих ярко выраженную политическую окраску. В них он оправдывал германскую агрессию против европейских стран и выступал как апологет расовой теории. Впрочем, проблемам расовой теории в расистском духе были посвящены и многие более ранние публикации Мюльмана. Значительно резче свои расистские взгляды рассматриваемый автор стал высказывать, начиная с 1939 г.³⁵⁵

Наряду с расистскими взглядами, Мюльман прямо поддерживал агрессивную завоевательную политику гитлеровской Германии. Этому была посвящена, в частности, его скандально известная книга «Война и мир», в которой он прямо призывал поставить науку о народах на службу гитлеровской пропаганде. А также статья «Расово-душевная поляризация в Европе?» и другие работы³⁵⁶.

Хотя книга «Война и мир» вышла в свет в 1940 г., задумана она была, по данным самого Мюльмана, еще в 1938 г., т. е. еще до начала Второй мировой войны. Это свидетельствует о том, что комплекс его политических взглядов сложился уже достаточно давно.

В рассматриваемой книге автор требовал проводить широкую идеологическую подготовку немецкого народа к предстоящей войне, что должно было, по его мнению, быть задачей «политической этнологии». Неизбежность и необходимость наступательной войны Мюльман обосновывал тем, что «...положение таково, что мы не можем успокоиться на гарантированном от опасности территориальном и духовном владении. Более того, мы находимся в духовном и хозяйственном состоянии войны с силами, которые не хотят оставить нам завоеванные нами политические формы жизни (национал-социалистические — Г.М.) и стремятся их разрушить. Мы осознаем, что эта атака по своим последствиям направлена вообще против немецкой культуры. Для того, чтобы избежать вооруженной борьбы, следует как можно сильнее вооружаться. Это вооружение не может, однако, ограничиваться во время тотальной войны техническим вооружением... оно лежит в равной степени в областях хозяйства и духа. В этом смысле политическое укрепление народа составляет проблему образования. Дух истины должен прививаться еще в школе, а не только начиная с казармы»³⁵⁷.

По отношению войны и мира Мюльман развил целую философскую систему. Так, он полагал, что война и мир — постоянно сменяющие друг друга феномены, находящиеся между собой в функциональной связи. Таким образом, он возвел смену войны и мира на уровень исторической закономерности. Хотя сам, в принципе, отрицал существование исторических зако-

номерностей как таковых. «Закономерность эта лежала в своей основе, — как считал этот автор, — в разнообразии народов, стремящихся к «самоутверждению и разграничению». Поэтому они подвержены тяге к столкновению с другими человеческими группами. Вследствие этого война неизбежна, и народ должен иметь установку на войну»³⁵⁸.

Одновременно с апологетикой войны в книге пропагандировались расистские и антисемитские взгляды. Так, Мюльман писал, что «Существование воинственных и дисциплинированных народов, принадлежащих к расе, которая благодаря отбору (прежде всего войной) способна к более высоким действиям, чем другие расы, и составляет основу высокоорганизованных государств Европы»³⁵⁹. Преследование евреев в Германии Мюльман оправдывал необходимостью «народной самопомощи... против внутригосударственных групп, которые этнически, культурно или хозяйственно невыносимы и не растворяются в расовом отношении»³⁶⁰.

Нельзя не назвать еще одну очень характерную для Мюльмана книгу «Народы Земли», вышедшую в свет в 1944 г.³⁶¹ Любопытна история ее возникновения. Еще в 1940 г. Мюльман был призван в армию. В его личном деле находится письмо от руководства НСДАП, в котором обращаются к декану философского факультета Берлинского университета с просьбой дать Мюльману отпуск. В качестве обоснования приводится то обстоятельство, что по поручению райхслейтера А. Розенберга Мюльман участвует в работе над «Библиотекой мировой политики». В результате ходатайства Мюльман получил отпуск на 6 месяцев от военной службы, в связи с «созданием колониально-политической работы». Книга была предназначена для широкого круга читателей и в научном отношении не представляла ничего интересного. В ней делался обзор всех обитающих на земле народов, затрагивалась их история. Пропагандистское содержание книги находилось в прямой связи с ходом войны и оправдывало нацистскую идеологию и политику. Восхвалялись «немецкая сущность» и война как таковая: «у колыбели всех настоящих народов стоит война, она сердце истории, и таковой ос-

тается до сегодняшнего дня»³⁶². Славяне, евреи и римляне рассматривались Мюльманом как неполноценные народы. Евреев он обозначал как «фиктивный народ», составляющий главный элемент социального паразитизма в мире³⁶³.

В том же ключе протекала деятельность Мюльмана между 1939 и 1944 г. на педагогическом поприще. Самое большое внимание он уделял в своих лекциях и на семинарах военной тематике, читал лекционный курс «Война и мир на ранних ступенях человечества», проводил семинар по «Этнологии и социологии войны», «Военно-социологический семинар», семинар «Социология войны», а также «Введение в политическую этнологию (политическая организация, государство, руководство войной)». В своих лекциях и семинарах Мюльман следовал за развитием политической и военной ситуации. Так, в начале войны он сосредотачивал внимание на европейских проблемах, а начиная с 1941 — 1942 гг., на ведение войны в Восточной Европе и Азии, особенно на войне с СССР. Как отмечают современные исследователи: «Из тематики работ Мюльмана видно, что он стремился к научному обоснованию эффективного немецкого господства над народами Европы и большей части Азии»³⁶⁴.

Едва ли есть необходимость останавливаться далее на чисто политических публикациях Мюльмана, в которых восхвалялся национал-социализм и сам Гитлер³⁶⁵.

К концу 1930-х гг. Мюльман стал весьма заметной фигурой в немецкой этнологии, а в близких к нацистскому политическому руководству кругах считался одним из наиболее лояльных режиму ученых. Он был избран членом «Немецкого антропологического общества» и «Немецкого общества расовой гигиены».

Но, несмотря на все старания Мюльмана заслужить полное доверие гитлеровского руководства, не все оказывалось гладко в его научной карьере и взаимоотношениях с университетскими властями. Если последние весьма благожелательно принимали его исследования и выводы по расовой гигиене и расовой политике, народной психологии, обосновании задач воспитания народа в духе потребностей войны,

то практически все, что было связано с его научной деятельностью в областях социологии и функционализма, вызывало у руководства, как, впрочем, и в любом тоталитарном обществе, крайне негативное отношение. Ректор Берлинского университета Эуген Фишер и близкие к нему профессора философского факультета заявляли, что «социологии по западному образцу пришел в Германии окончательный конец», что было прямо направлено против Турнвальда и Мюльмана³⁶⁶.

Обратимся теперь к рассмотрению собственно научных взглядов Мюльмана на проблематику, цели и задачи этнологии и социологии, получившие, пожалуй, наиболее полное отражение в опубликованной в 1938 г. книге «Методика этнологии». Она довольно своеобразна по построению и в меньшей мере, чем другие его работы, несет на себе отражение политических взглядов автора³⁶⁷. Название книги не совсем, пожалуй, точно отвечает ее содержанию. Оно значительно шире области собственно методических проблем и включает вопросы методологии и теории этнологии, затрагивает также некоторые стороны ее истории. Рассматриваются также составные части науки и ее перспективные направления.

Содержание книги состоит из предисловия, довольно обширного введения и двух разделов: «Исторические условия становления этнологии» и «Систематическая часть».

В предисловии автор отмечал, что он ставит совершенно новые проблемы в сравнении с «Методом этнологии» Фр. Гребнера, и кратко формулировал свое видение этнологии как науки, ее методологических основ.

Как полагал Мюльман, главная задача этнологических исследований состоит в изучении «этноса», его истории и культуры. При этом, по его мнению, не следует противопоставлять «исторический» и «функциональный» методы, а рассматривать совместно «историю» и «функцию». В связи с этим можно отметить, что в известном смысле Мюльман стал продолжателем некоторых идей Турнвальда и А. Бастиана, считавшего одной из важных задач этнологии изучение этноса.

Во введении автор сосредоточил внимание на определении целей и предмета этнологии. Прежде всего, Мюльман выступал против распространенной точки зрения на этнологию, как на науку преимущественно о первобытных бесписьменных народах. По его мнению, в предмет изучения этнологии входят не только первобытные народы, а все население земли. И, прежде всего потому, что «невозможно провести границы между «первобытными», «полукультурными» и «культурными» народами». И вообще, как считал Мюльман, предмет этнологии не может быть сведен к понятию «культура», как это полагали этнологи XIX в. Дело в том, считал он, что далеко не все общественные явления могут быть описаны как «культурные элементы». Существуют проблемы социально-психологических контактов, социального объединения (*die Gesellung*), временных связей, характеристики народа как целого, что не может быть определено как «исследование культуры». И, что главное во взглядах Мюльмана, предмет этнологии не может быть сведен к изучению оторванных от человека форм культуры³⁶⁸.

Заслуживают внимания и другие методологические позиции рассматриваемого автора. Так, в своих рассуждениях он исходил из того, что «действия, произведения, творения человека могут быть поняты только как структуры взаимоотношений и противоречий между человеком и окружающей средой». «При этом структура означает специфические взаимоотношения между человеком и средой». Далее он высказывал мнение, что поскольку этнология изучает исторического человека, в предмет этой науки входит расоведение. Определение же Мюльманом человека как «исторического» явления означает, как он считал, то, что человек является организмом, наделенным чувством свободы, и живет в условиях социальных связей, высшей формой которых является «народ». В целом же, по мнению Мюльмана, этнология изучает человека как историческое, социальное и биологическое явление. При этом все, что создает человек — культура, техника и т. п., является его «исторической окружающей средой», с которой человек находится в активных взаимоотношениях. Все формы че-

ловеческого существования «структурны», то есть имеют черты индивидуальности. Вместе с тем они «функциональны, так как являются следствием взаимоотношений человека и среды. При этом функциональный аспект показывает динамику явлений статичных по структуре». И далее автор формулировал еще раз, но в более сжатом виде, что он понимает под этнологией как наукой: «Этнология — наука об историческом человеке в функциях и структуре взаимосвязей человека с его исторической окружающей средой. Главная же цель этнологии — теория этноса»³⁶⁹. В отличие от этнологии, которую Мюльман рассматривал как научную дисциплину, этнографию он считал лишь вспомогательной ветвью науки, занимающейся описанием народов, что предшествует теоретической этнологии³⁷⁰.

Не лишены интереса соображения Мюльмана по поводу понятий и терминов, используемых в этнологической литературе. Так, он возражал против определения народов, основанного на определении их «уровня культуры. А именно, как «варварских», «языческих», «диких», «некультурных», «доисторических», «бесписьменных», «примитивных». Мюльман считал, что правильнее называть народы с низким культурным уровнем «естественными» или «первобытными» народами» (*Naturvölker*). Мюльман предлагал различать «естественные» народы по средствам и способам господства над окружающей средой на «низших», «средних» и «высших», что, кстати сказать, очень напоминает классификацию Л.Г. Моргана. Однако на него Мюльман не ссылался.

Как считал Мюльман, «культура» является выражением качества и ценности. И поэтому не может быть положена в основу определения уровня состояния народов, так как по мере накопления этнографических данных выясняется насколько богата даже «низшая» культура. Следовательно, как отмечал рассматриваемый автор, нельзя говорить о «малокультурных народах», потому что это противоречит реальным фактам и является непосредственным выражением недопустимого «евроцентризма» и европеизма. Но наиболее недопустимым представлялось Мюльману суммарное противопоставление «первобытных» и «культурных»

народов. Для определения первобытных народов, по его мнению, не годится также «исторический» критерий: нет «доисторических», как и «бескультурных» народов, так как все народы имеют свою культуру и историю³⁷¹.

По уровню цивилизации Мюльман предлагал распределять народы на «естественные», западные и стоящие между ними восточные³⁷².

Довольно большой раздел в рассматриваемой работе Мюльмана посвящен общему обзору историографии этнологии. Однако большого научного значения он не имеет, так как автор ограничивается по большей части банальными рассуждениями, в значительной мере повторяющими уже сказанное другими исследователями, и не приводит ни конкретного разбора произведений, ни анализа взглядов называемых им исследователей.

Довольно разнообразна по содержанию третья часть труда Мюльмана, в которой он рассматривает место этнологии в системе гуманитарных и естественных наук и ее составные части, и формулирует основные положения своего учения.

Утверждая, что этнология принадлежит как к гуманитарным, так и к естественным наукам, Мюльман считал, что, во-первых, этнолог должен изучать каждое явление жизни в отдельности. Но, при этом, различия в исходных условиях у наблюдаемых объектов не дают возможности для обобщений³⁷³. Таким образом, Мюльман фактически отказывал в праве не только делать обобщения, но и искать какие-либо закономерности, что явно сближает его с позициями американской культурной антропологии. Но, при этом, он считал, что окружающая человека среда исторична. Человек существует в ней, имея ощущение свободной воли, свободы выбора, но в определенных границах. При этом этнолог не может предсказать, в каком направлении осуществляется свобода выбора действия, а тем самым, каково будет следствие. Думается, что в этом отношении Мюльман по большому счету прав, о чем свидетельствует ошибочность многих футурологических предсказаний (впрочем, краткосрочных прогнозов это может и не касаться). Обладая даже довольно боль-

шой суммой информации, исследователь, как можно полагать, все равно не в состоянии учесть все многочисленные факторы в их функциональной взаимосвязи и воздействие на них внутренних и внешних причин.

Менее удачной и ясной представляется попытка Мюльмана определить, что в этнологии от естественных, а что от гуманитарных наук. Так, он пишет: «1. Этнология — естественная наука, так как может вывести в определенных рамках законы. Границы их детерминированы, внутри них события могут быть предсказаны с определенной вероятностью. 2. Этнология — историческая наука. Однако число возможных исторических вариантов ограничено определенными рамками, внутри которых отдельные события не детерминированы, а, следовательно, не предсказуемы»³⁷⁴.

Как отмечалось выше, еще во введении к своему труду, Мюльман подчеркивал значение изучения этноса. И одно из важнейших, если не центральных мест в книге Мюльмана занимают проблемы теории этноса. Совершенно категорически он заявлял, что «главная задача этнолога — создание теории этноса. При этом следует исходить из первичности социальных и вторичности культурных функций. Третичная функция — этническая; этнос. Этнология — не наука о социальных явлениях и культуре, а наука о народах — этносах»³⁷⁵. Но изучение этноса должно, по мнению автора, начинаться с исследования общества и культуры.

Хорошо знал Мюльман работы С.М. Широкогорова по проблемам этноса и психоментальности, оказавших существенное воздействие на возникновение в СССР, а позднее в России, аналогичных направлений исследования³⁷⁶, в частности *этнопсихологии*. Мюльман высказал полное согласие с мнением Широкогогорова о связи культуры с этносом как взаимосвязанных и неизменных явлений. И цитировал его определение этноса как «группы с более или менее общим культурным комплексом, общим языком, общим представлением о происхождении, общим самосознанием и эндогамной практикой»³⁷⁷.

По словам Мюльмана, этнос — это общность, в которой происходит этническое приспособление. Эт-

нос — динамическое равновесие, определяемое численностью населения, культурными процессами и особенностями территории. Поэтому рассматриваемый автор считал, что этнос надо скорее называть не «общностью», а «процессом». У Широкогорова же Мюльман заимствовал понятие «межэтническое давление» (более крупных этносов на более слабые), которое он впоследствии, главным образом уже после окончания Второй мировой войны, использовал для построения целой гипотезы о характере и закономерностях межэтнических отношений, о чем подробнее будет говорить в следующей главе.

Говоря о методике изучения этноса, Мюльман предлагал прежде всего «выяснить отношение к нему со стороны других народов. Далее изучить сам этнос, имея в виду, что многое, что мы считаем «свойством» народа, — является лишь типичной реакцией этого народа на нас, что особенно ясно видно на примере колониальных народов»³⁷⁸.

Значительное внимание Мюльман уделил проблеме этнической дифференциации, которую он считал одной из основных закономерностей этнических процессов. Едва ли есть смысл разворачивать здесь подробное рассмотрение взглядов Мюльмана по поводу этноса и этнических процессов. Можно только выразить сожаление, что в работах советских авторов, посвященных этой проблематике и во многом повторявших его, не было уделено место взглядам Мюльмана, а также Широкогорова, посвященных теории этноса и психоментальности.

Целый раздел рассматриваемой книги отводился расовой проблематике. И, следует сразу сказать, что если в рассуждениях Мюльмана по разным аспектам этнологических (этнографических) исследований можно обнаружить только некоторую косвенную связь с нацистской идеологией, то раздел о расах связан с ней уже самым непосредственным образом. И это наглядно видно уже из первой фразы, открывающей этот раздел книги: «Все наши представления относительно этнической дифференциации основываются на существующих между людьми наследственных расовых различиях»³⁷⁹.

По утверждению Мюльмана: «При приспособлении людей к месту и культуре, обществу, главную роль играют не средние признаки членов группы, а ведущие личности. Без этого вообще невозможно представить себе возникновение различных групп... Наследственность личности и есть понятие "раса"»³⁸⁰. Еще более определенно сформулировал Мюльман свое понимание «расы» в работе «Расы и этнология». Он писал: «Расы — это группы людей, имеющие общие духовные и физиологические признаки, складывающиеся и поддерживающиеся их общностью в ходе отбора»³⁸¹.

Мюльман утверждал и о наличии прямой корреляции между физическими и духовными чертами: «Раса выступает как направляющее (направленное — intentional) явление, т. е. как расовое самосознание и расовое чувство. В этом отношении она — важнейший фактор при образовании и укреплении этноса, так как для этноса характерна вера его членов в общее происхождение».³⁸²

Наряду с вопросами расоведения и расовой гигиены, во многих работах Мюльман разрабатывал проблему социального отбора (Siebung). Это понятие произведено от понятия «процеживать через сито» и означает, что происходит социальное просеивание (процеживание), отбор, в результате которого выявляются выдающиеся личности (вожди). А также менее выдающиеся личности. И далее, вплоть до безличной серой массы, следующей безоговорочно за своими большими и малыми вождями³⁸³. Надо сказать, что идеи Мюльмана о роли вождей были весьма сходны с мыслями Турнвальда, а также с взглядами многих народоведов, как сторонников, так и противников нацистской идеологии³⁸⁴.

Весьма отрицательно отзывался Мюльман о попытках ряда ученых объяснить индивидуальную и народную психологию только воздействием внешней среды, без учета расовых особенностей³⁸⁵.

Любопытны были попытки Мюльмана отстоять в условиях гитлеровской Германии функциональное учение. Пример тому — его полемика с другим сторонником нацизма, Вальтером Крикебергом, обвинявшим Мюльмана в следовании функциональному учению

«западных плутократов». В своем ответе на такое в то время опасное обвинение, Мюльман заявлял, что он, как и ряд других авторов, принимавших участие в издании «Учебника этнологии» под редакцией К.Т. Преусса³⁸⁶, являются представителями не «ортодоксального», а «умеренного» функционализма, восходящего не к Малиновскому, а к Турнвальду. И, не противопоставляющему, в отличие от Малиновского, исторический и функциональный методы. Весьма знаменательна для стиля Мюльмана его заключительная фраза в ответе Крикебергу: «Посредством утверждения, что иностранец Малиновский выступает против культурно-исторического метода, Крикеберг пытается представить функционализм как нечто враждебное Германии. При этом Крикеберг утверждает, что Преусс протащил в своем издании враждебное национал-социализму учение...». Возражая далее своему оппоненту, Мюльман справедливо отметил, что немецкий функционализм старше английского и разрабатывался Турнвальдом с 1916 г.³⁸⁷ Такого рода бои за верность нацизму велись постоянно, с переменным успехом, между сторонниками Турнвальда и сторонниками «исторического» направления, в данном случае Крикебергом. Однако что касается оценки функционализма, то нацистское руководство не принимало никаких отговорок, так как считало его противоречащим идеологии нацизма и германскому духу. И Мюльману пришлось много постараться на поприще расовой проблематики, чтобы как-то оправдаться перед режимом. Так, в работе, увидевшей свет в 1938 г., он писал о «неполноценности восточных рас», и осуждал «латинскую» расу за «отсутствие естественного и инстинктивного отграничения «цветных». А также утверждал, что «Расовую проблему определяет нордическая раса, которая является ведущей силой в мире, причем нордическая народность сильнее цивилизации»³⁸⁸.

Критически отзывался Мюльман о культурно-историческом учении Венской католической школы и ее главе Вильгельме Шмидте³⁸⁹.

Как научный нонсенс выглядела скандальная статья Мюльмана «Гитлеровское движение. К критике буржу-

азной культуры»³⁹⁰. В стиле оголтелой нацистской пропаганды автор нападал на ценности «западной» культуры, утверждая, что «происходит кризис буржуазной культуры и связанной с ней капиталистической идеологии». Этому Мюльман противопоставлял цели национал-социализма, «решающего задачу создания для пролетариата условий жизни буржуазии». Мюльман восхвалял призыв Гитлера в «День работы» (1 мая) к созданию коллективно-самосознания немецких рабочих, к общности работы и действий. Попутно всячески поносились немецкая интеллигенция, «недостаточно понявшая национал-социализм». Также Мюльман оправдывал речь Гитлера, направленную против «пацифизма», вызвавшую негативные оценки на Западе. В заключение статьи автор безапелляционно утверждал, что «кто не верит в силу национал-социалистического движения, не сможет войти в будущее», и что «национал-социалистическое движение выходит за рамки национальных границ, так как всюду происходит кризис и вымирание интеллектуально ведущих семей»³⁹¹.

Итак, к каким же выводам может привести обзор политической и научной деятельности Мюльмана в рассматриваемый отрезок времени? Что касается первого, то ответ не вызывает сомнений. Вместе с тем остается только гадать, чем вызвана его нацистская ориентация — внутренним убеждением или страхом перед гнетом тоталитарной машины. Но как бы там не было, такого рода ориентация оказала сильнейшее воздействие на многие научные взгляды и выводы Мюльмана. И, в первую очередь, в связи с расовыми проблемами, оценками характера межэтнических отношений, роли «вождей» в развитии общества. Но вместе с тем он был человеком глубоко эрудированным, и высказал немало интересных и заслуживающих внимания гипотез по методологическим и методическим вопросам этнологии, а также создал интересные труды на основе конкретного материала. Нельзя также не принимать во внимание сильнейшее влияние Мюльмана на некоторую часть молодых ученых. Прежде всего в области овладения функциональным учением. Впрочем, в этом отношении, как и в ряде других, чувствуется немалая сим-

патия Мюльмана к американской культурной антропологии, что особенно заметно проявилось в послевоенные годы.

После окончания Второй мировой войны, в ходе проведения «денацификации» были изданы материалы о деятельности немецких ученых, в том числе и этнологов, в годы нацизма. При этом определенный акцент делался на их политическую ориентацию и отношение к нацизму. Что касается Мюльмана, то сообщаемые о нем данные очень кратки и в них заметна явная тенденция вывести его из под огня раздававшейся тогда по его адресу критики. Приводится лишь отрывок из опубликованной Мюльманом в 1940 г. книги «Война и мир — руководящая линия политической этнологии» с краткими комментариями, и отрывок из рецензии В. Ленца на книгу Мюльмана «К биологии войны». Привожу перевод текста документа полностью.

Профессор д. фил. Вильгельм Эмиль Мюльман. Хейдельберг. Специальность: социология и этнология.
Сегодня:

Ординариус и директор Института социологии и этнологии Гейдельбергского Рупрехт-Карл-университета, сотрудник сенатской комиссии Института Южной Азии.

В прошлом:

Писал в книге «Война и мир — руководящая линия политической этнологии» (1940): «Предпосылкой политической величины является воинственный и дисциплинированный народ. Это не свойства, присущие в равной мере всем расам, как подарок природы. Это следствие длительного отбора, воспитания, организованного военным руководством». Войну он определял как «возможность сильного самовыражения — сторона, которая ярко выражена у первобытных народов». В разделе «народная взаимопомощь» он называет «немецкий подъем 1933 г.» «революционным самоудовлетворением», так как в эти годы Германия «находилась как бы в колониальном состоянии и эксплуатации со стороны стран-победителей».

В журнале «Народ и раса» была следующая рецензия В. Ленца на книгу Мюльмана «К биологии войны»: «Ритм между миром и войной естественное состояние человеческой жизни. Таким образом, война имеет ценность для самосохранения». Мюльман утверждает, что «война является важнейшей основой культурного прогресса, война воспитывает расовые свойства, которые являются признаком высокой культуры. Качество расы зависит от способности к войне...».

И это все, что нашла комиссия по денацификации предосудительного в деятельности рассматриваемого ученого. Ни слова о приверженности к идеям «расовой гигиены», о восхвалении вождей и Гитлера и прочих пронацистских публикациях.

■ Расовые проблемы в работах этнологов эпохи нацизма

Помимо Турнвальда и Мюльмана проблемами функциональной этнологии и структурализма занимались лишь немногие ученые. К примеру, можно назвать Фритца Краузе и Вольфганга Мильке³⁹². Однако никаких новых идей они не выдвинули и в теоретическом плане были мало-значительными.

Значительно большее число публикаций было посвящено в рассматриваемое время народной психологии и социологии. Бóльшая их часть находилась в той или иной мере в русле идей Фиркандта и Турнвальда, отчасти Мюльмана. Их авторы выступали в поддержку официальных доктрин и идеологии, и работы не содержали, как правило, каких-либо новых теоретических построений. Из числа наиболее известных авторов, сторонников социологического и «народно-социологического» направлений следует назвать Ф. Хельбока³⁹³, В. Хельпака³⁹⁴, Р. Штейнметца³⁹⁵, Ф.Р. Лемана³⁹⁶, не говоря уже о более ранних, лишенных нацистской окраски работ М. Вебера³⁹⁷ и В. Вундта³⁹⁸ и многих других авторов 1930-х и 1940-х гг.³⁹⁹

Что касается взглядов Мюльмана и других авторов относительно «народной», «социальной» и т. п. психо-

логии, то их оценка — дело специалистов, и едва ли они имеют отношение к собственно этнологии, лишь затемняя из конъюнктурных соображений действительную сущность этой науки. Впрочем, встречались и исследования психологической ориентации, связанные с этнологией⁴⁰⁰. Известное влияние на психологический подход к проблемам этнологии имели идеи Леви-Брюля, однако лишь немногие разделяли его положения о прагматическом мышлении у первобытных народов⁴⁰¹.

Пристальное внимание немалого числа этнологов, социологов и, особенно, биологов, привлекали расовые проблемы, находившие трагическое осуществление на практике в гитлеровском рейхе. Как отмечалось выше, и до прихода нацистов к власти, эти проблемы рассматривались многими биологами, социологами, психологами, в меньшей мере этнологами в более или менее близком к расизму духе. Особенно много писалось о превосходстве германской расы и неполноценности романских, славянских и иных народов. Правда, по большей части это было характерно скорее для народоведения, а не этнологии.

В целом же число статей и книг, специально посвященных расовым проблемам в расистском духе, было довольно велико. Поэтому в качестве примера можно остановиться только на отдельных, близких к этнологии авторах и их публикациях.

Прежде всего, следует отметить, что расистская идеология в Германии отнюдь не была лишь порождением нацизма и сложилась еще до возникновения так называемого «движения» (национал-социалистического). В связи с этим нельзя не назвать книгу К.Х. Бауэра «Расовая гигиена. Ее биологические основы»⁴⁰².

Существенно отметить, что, отвечая на «социальный заказ», вопросами «расовой гигиены» и расоведением в расистском духе занимались отнюдь не только биологи, а, пожалуй, не в меньшей мере, социологи, «народные психологи», а также и некоторое число этнологов. Нет необходимости подробно рассматривать содержание подобного рода работ в силу их научной несостоятельности. Достаточно назвать лишь некоторые, принадлежащие более или менее извест-

ным этнологам, «потрудившимся» на ниве биологического и психологического расизма. Тем более, что основные усилия их авторов сводились главным образом к стремлению доказать избранность и высочайшие свойства «нордической» расы и неполноценность всех прочих. Так, весьма известно имя антрополога и историка первобытного общества Эугена фон Эйкштедта. Расистские взгляды высказывали также Ф. Кейтер, Ф. Меркур, О. Менгин, Р. Шибольд, А. Торар и многие другие.⁴⁰³ Ф. Кейтер в двух томах своей книги «Раса и культура. Культурный итог человеческих рас как путь исследования расовой души» пытался обнаружить «душу расы»⁴⁰⁴. При том, что в терминологии и в социологическом плане Кейтер во многом следовал Турнвальду, последний довольно неодобрительно отозвался в рецензии о его работе, упрекая автора в поверхностности и недостаточном знании материала⁴⁰⁵.

Помимо Турнвальда и Мюльмана, и другие ученые рассматривали проблемы колониализма, стремясь обосновать необходимость для Германии колоний, что, кстати, аргументировалось весьма своеобразно тем, что в колониях Западных стран народы подвергались бесчеловечной эксплуатации, тогда как в германских они «находились под охраной» Германского государства⁴⁰⁶. Так, в частности, особый интерес вызывали проблемы колониализма у известного африканиста Дидриха Вестермана, который был убежденным сторонником колониализма и использования богатств колоний для Германии. Как отмечают некоторые современные авторы, с 1935 по 1945 г. «он практически поставил всю свою научную деятельность на службу империалистической колониальной политике фашистской Германии», и обратился к разработке проблемы изменения культуры местного населения под воздействием колониальной системы (*Kulturwandelforschung*). Ратуя за использование рабочей силы африканцев, он выступал одновременно против неумеренной эксплуатации, так как это грозило, по его мнению, самой системе колониализма⁴⁰⁷. В своих работах рассматриваемый автор резко критиковал порядки в колониях западных стран и считал, что колониальные народы должны интегрироваться в совре-

менное общество⁴⁰⁸. Еще более детально рассматривал Вестерман колониальную проблематику и задачи Германии в работе «Африка как европейская задача». Анализируя взаимоотношения Германии с внешним миром в свете военного времени, автор затрагивал также проблемы колониализма в Африке. При этом он утверждал, что «Германия, как ведущая сила Европы, призвана принять на себя главную роль в координации отношений между европейцами и африканцами»⁴⁰⁹.

Определенный интерес к проблемам колониализма и их значения для Германии проявляли также Г. Бауман, Г. Бломе и другие авторы⁴¹⁰. В нацистское время издавался специальный журнал «Koloniale Rundschau».

Хотя и в ограниченной мере, но продолжалась разработка проблем конвергенции и диффузии культур⁴¹¹.

В немногих работах продолжались исследования проблем хозяйства «естественных» (первобытных) народов, их социальных и семейных отношений. Но никаких новых идей при этом высказано не было, и работы имели преимущественно описательный характер⁴¹².

В какой-то мере к направлению культурного релятивизма можно отнести молодого ученого *Юлиуса Липса* (1895 — 1950). Он родился в Саарбрюкене, учился в Лейпциге. В 1919 г. защитил докторскую диссертацию по психологии, а в 1921 г. — по юридическим наукам. В 1929 г. он стал экстраординарным профессором Кёльнского университета, который в том же году возглавил в качестве ректора. В 1934 г. он эмигрировал сначала в Париж, а затем в США.

Считается, что эмиграция Липса имела политические причины. Однако было высказано мнение, что в его биографии существует много неясностей. Так, известно, что он находился в плохих отношениях с коллегами, в том числе и с теми, которые затем эмигрировали. Были сведения, что он обвинял одного из коллег в том, что тот «восточноевропейский еврей». Высказывались обвинения, что он присвоил научное наследие *В. Фоя*, а также в плагиате работы *Ф.Р. Лемана* «Введение в сравнительную этнологию». По этому поводу были даже обращения в прокуратуру. В результате разгорелась дискуссия, в которой одни обвиняли, другие защищали Липса⁴¹³.

В круг научных интересов Липса входили внеевропейские культуры, которые он рассматривал вне связи с расовой проблематикой⁴¹⁴, что вызвало нарекания со стороны нацистских властей⁴¹⁵. Попутно следует заметить, что Липс первым высказал гипотезу о так называемом «усложненном собирательстве», как форме хозяйственной деятельности, давшей импульс к возникновению первоначального «лиманного» земледелия на заболоченных участках предгорий.

Выше уже говорилось о том, что безотносительно к политической ориентации, некоторые, в том числе видные этнологи не следовали каким-либо школам или направлениям. В качестве примера можно привести известного геттингенского профессора Ханса Плишке (1890—1972), который, как отмечалось, был сильно скомпрометирован связями с нацизмом. Что касается его научной деятельности, то наряду с океанистикой, он занимался изучением истории европейской культуры и рядом других проблем. В частности, он высказывал мнение о том, что предмет исследования этнологии — культура отдельных народов и человечества в целом⁴¹⁶. Плишке пытался представить «универсальный облик этнологии», для которой он видел «особую опасность в распадении на «школы»⁴¹⁷.

К числу известных исследователей, прямо не приковавшихся к каким-либо этнологическим учениям, можно отнести также *Зигфрида Пассарже*, опубликовавшего 5 томов «Географической этнологии» (т. 1 — введение в географическую этнологию; т. 2 — Африка; т. 3 — Австралия и Южные моря; т. 4 — Америка; т. 5 — Азия). Пассарже выступал против учения о «культурных кругах». И, одновременно, высоко оценивал научные заслуги Ратцеля. При этом он отмечал, что географическая этнология «вновь возрождает мысль Бастиана о единстве культурного достояния у всего человечества на основе единого первичного мышления, что опровергает конструкции «фанатиков культурных кругов» и «диффузии из единого центра»⁴¹⁸.

Вне школ и направлений был также весьма известный этнолог *Макс Шмигт*, автор многих работ, в том числе книги «Этнология», посвященной предмету и за-

дачам этой науки. Во введении автор рассматривал эпоху возникновения и ранней истории этнологии. По мнению Шмидта, этнология занимается народами, находящимися вне европейского круга. Этнология — наука о жизни *неисторических* народов. А предмет этнологии — учение о произвольных жизненных проявлениях человечества (*Lebensäußerungen*) вне азиатско-европейского культурного круга. Остановившись автор также на этнологической систематике. В связи с чем он писал, что, «во-первых, в этнологии отсутствует общепринятый метод и, во-вторых, нет общей системы этнологических явлений». М. Шмидт предлагал различать *общую этнологию* как исследование проявления жизнедеятельности в связи с человеческой личностью, окружающей средой, окружающим человечеством и духовной сферой человечества, и *описательную этнологию*, или *этнографию*⁴¹⁹. Однако, при том, что многие его соображения не лишены интереса, так и осталось непонятным, что же понимал исследователь под основной задачей этнологии.

Никогда не присоединялся к каким либо «школам» один из очень известных немецких этнологов профессор Конрад *Теодор Преусс* (1869 — 1938). Специалист по духовной культуре народов Латинской Америки и стран Южных морей, он участвовал в длительных этнографических экспедициях, опубликовал значительное число монографий и статей⁴²⁰. Начиная с 1920 г. он был директором Берлинского музея этнологии, и преподавал в Берлинском университете. За свои научные заслуги Преусс был избран членом многих научных обществ⁴²¹. Под его редакцией был издан в 1937 г. учебник этнологии. По его поводу разгорелась острая дискуссия, упоминавшаяся выше. В. Крикеберг выступил с критикой учебника, против чего возражали Р. Турнвальд и В. Мюльман. Спор шел в основном по поводу исторического подхода в этнологии⁴²². Учебник состоял из методологической части, написанной В. Мюльманом, в которой рассматривались проблемы исторических условий, методов и задач этнологии и систематической части, посвященной духовному складу первобытных народов (Турнвальд), религии и искус-

ству первобытных народов (Преусс), общественной жизни в первобытности, этнологическому изучению права и хозяйства первобытности (Турнвальд). В заключительной части рассматривалось будущее первобытных народов (Д. Вестерман), и давались рекомендации по проведению полевой работы (Турнвальд).

Капитальный труд по обычаям и культуре заморских народов был опубликован под редакцией Хуго Бернатцига⁴²³. Работа имела преимущественно описательный характер и, как отмечал в рецензии В. Мюльман, не была лишена ряда фактических ошибок⁴²⁴.

Что касается этнологов, занимавшихся преимущественно полевыми исследованиями и публикацией эмпирических материалов, то они в большинстве случаев не имели политической ангажированности. И даже такой близкий к нацизму этнолог, как Крикеберг, не проводил в своих исследованиях расистских идей и явно или молчаливо признавал равенство всех рас и людей. Кстати, это как раз и было основной причиной, почему, несмотря на декларации в духе нацизма, исследования большинства этнологов воспринимались гитлеровским руководством с большим подозрением. И этнология, в отличие от социальной этнологии, расовой гигиены, народной психологии, никогда не пользовалась в нацистской Германии доверием и поддержкой.

Довольно значительное число изданий вышло в рассматриваемое время по описанию отдельных народов стран Южных морей, Америки, Юго-Восточной Азии и т. п. Однако вследствие того, что со времени прихода нацистов к власти практически полностью прекратилась экспедиционная деятельность, публикации основывались главным образом на собранных в прежнее время данных или музейных материалах⁴²⁵.

Завершая рассмотрение состояния этнологических исследований в период между временем после окончания Первой мировой войны и концом нацистской эпохи, можно констатировать, что после временного взлета немецкой этнологии в 1920-е гг., начиная с 1933 г. наступил ее глубокий упадок и стагнация. В теоретическом плане разрабатывались главным образом сюжеты, связанные с социологией, этносоцио-

логией, народной психологией, расовой гигиеной, т. е. вопросы, на которые имелся спрос в гитлеровской Германии. И здесь известное число ученых, выполняя социальный заказ, проявили себя не лучшим образом, работая в русле нацистской идеологии. В области собственно внеевропейской этнологии теоретические исследования практически, за малыми исключениями, прекратились, и ученые ограничивались, по большей части, публикацией материала, собранного в прежние годы. Поэтому не будет преувеличением утверждение, что в годы нацизма этнология испытала глубочайший упадок, из которого она выходила с большим трудом в течение нескольких послевоенных лет. А в результате давление нацизма на науку привело к тому, что немецкая этнология, лидировавшая в мировой науке о народах с середины XIX в. и до конца 1920-х гг., оказалась на задворках научной мысли и уже не смогла до конца XX столетия достигнуть прежнего уровня. Успеху немецкой науки не способствовали позднейшее распространение идей англо-американской социальной и культурной антропологии, и призывы к этнологам ограничиваться эмпирическими полевыми исследованиями. Как следствие, изыскания в области теории считались излишними, что и привело, в конечном счете, современную мировую науку о народах в ее современное состояние.

В рассматриваемое время было издано несколько крупных сборников по этнографии народов мира. Однако проблемы теории этнологии в них не рассматривались и, в целом, многие отзывы об этих коллективных изданиях были отнюдь не хвалебными⁴²⁶.

Выше уже говорилось о возникновении в странах немецкого языка в XIX в. этнографических учреждений, прежде всего музеев. В 1920-х гг., наряду с действующими этнографическими музеями в Берлине, Лейпциге, Гамбурге, Мюнхене, Штуттгарте, Дрездене, Франкфурте-на-Майне, возникло еще несколько музеев. В 1925 г. были основаны музеи природоведения и этнологии в Маннхайме, музей этнологии в Бреслау. А также создан ряд этнологических экспозиций в муниципальных музеях в Кобурге и других городах.

Первая в Германии кафедра этнологии была основана в Берлине еще в 1909 г., и до 1924 г. ее возглавлял известный ученый Феликс фон Лушан. Однако в дальнейшем она была целиком ориентирована на антропологию. Поэтому к 1933 г. в странах немецкого языка существовало только две кафедры (ординариата) этнологии. В 1920 г. была открыта кафедра в Лейпциге, в 1923 г. в Гамбурге. Позднее кафедры были основаны в 1934 г. в Геттингене (ординариус Х. Плишке), в 1934 г. в Бреслау (фон Эйкштедт), в 1936 г. в Праге в «Немецком университете». Возникли кафедры (под руководством В. Копперса) в Вене, после «аншлюсса» 1938 г., а в 1940 г. — в Кельне. В 1930-е гг. курсы по этнологии читались в Йенском, Боннском, Грацском (Австрия) и ряде других университетов.

Что касается немецкоязычной Швейцарии, то ни в 20-е, ни в 30-е годы этнологические работы там почти не велись, и интересы в области науки о народах ограничивались главным образом народоведением. В публикациях описывалась в основном народная крестьянская культура в разных кантонах Швейцарии.

Если попытаться в целом, конечно, очень приблизительно, обрисовать ситуацию, сложившуюся в этнологии Германии и Австрии вплоть до окончания Второй мировой войны, то можно отметить, что ее развитие шло примерно в трех направлениях. Развивались концепции, возникшие в конце XIX и начале XX столетия. Вырабатывались новые подходы к этнологическим исследованиям. Происходил отход части ученых от проблем теории и обращение целиком к эмпирическим исследованиям.

**ЧАСТЬ IV.
ВРЕМЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ
ЭТНОЛОГИИ. 1950—1960 ГОДЫ**

В какой-то мере условно в послевоенной немецкоязычной этнологии могут быть выделены два периода: время от конца войны и примерно до середины 1960-х гг., и время последующих до конца столетия десятилетий. Однако провести бесспорную границу между этими двумя периодами едва ли возможно, так как, с одной стороны, уже в пятидесятые годы стали возникать новые научно-теоретические направления, ставшие впоследствии одними из ведущих. Но и в последующие годы, вплоть до настоящего времени, немалое число исследователей остаются верными учениям, восходящим по времени к началу XX в. И, тем не менее, представляется, что такого рода периодизация по двум периодам закономерна. Различия между ними достаточно заметны, особенно по отношению к позициям, завоевываемым постепенно идеями и практикой американской культурной антропологии. Самое сложное — это определить, к какому периоду следует отнести те или иные исследования конца 1960-х гг.: первому или второму. Но едва ли это столь важно, имея в виду условность всей периодизации и как бы «врастания» первого периода во второй, неразрывной связи обоих временных отрезков.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ И ЭТНОЛОГИЯ

Господство нацизма в Германии и Австрии и последствия Второй мировой войны оказались губительными для этнологии, испытавшей тяжелейшие потрясения. Многие научные и учебные заведения, музеи лежали в руинах. Часть музейных коллекций погибла, часть была вывезена в страны-победительницы или расхищена. Многие ученые не вернулись с войны или находились в первые годы после ее завершения в плену, что привело к сокращению числа преподавателей и научных работников. В конце войны практически полностью прекратились этнологические публикации, перестали выходить журналы и отдельные работы. В ходе войны оказались почти прерванными связи этнологов Германии и Австрии с зарубежными исследовательскими центрами и отдельными учеными. Не хватало средств для научной работы и полевых исследований.

Однако постепенно началось медленное, сопровождавшееся многими трудностями преодоление кризиса и выход науки из застоя.

Трудно протекал этот процесс в западных зонах оккупации Германии (впоследствии ФРГ и Западный Берлин), где в ходе демократизации общественной жизни осуществлялась денацификация. В связи с ней была поставлена под сомнение сама правомерность существования в Германии этнологии (*Ethnologie*, *Völkerkunde*). Впрочем, не так категорически как по отношению к немецкому народоведению (*Volkskunde*)⁴²⁷. Ряд немецких ученых, в том числе и этно-

логов, обвинялись в сотрудничестве с нацистским режимом. Некоторые из них лишились руководящих должностей или увольнялись из университетов и музеев.

Начавшаяся в первый послевоенный год дискуссия о нацизме в этнологии так ничем в то время и не закончилась, но привела, помимо всего прочего, к известному обострению противоречий в научной среде⁴²⁸.

С меньшими проблемами, чем в Германии, столкнулось возрождение этнологии в Австрии, хотя и там возникали немалые трудности политического и материального характера.

Что касается немецкоязычной Швейцарии, где традиционно была преимущественно представлена только одна ветвь науки о народах — народоведение, то там, по понятным причинам, этнология не подвергалась преследованиям и сохранялась в прежнем виде.

Как и в прошлом, этнологические центры в немецкоязычных странах находились при университетах и в музеях. По мере их возрождения особое значение стали получать связи с соответствующими инстанциями оккупационных держав и зарубежными исследователями, оказывавшими материальную и моральную поддержку немецкой этнологии⁴²⁹. Однако вследствие этого еще более усилился исконный в немецкой науке партикуляризм, что видно на примере университетов и музеев, где до конца войны продолжалась некоторая этнологическая деятельность.

Преследуя определенные политические, до какой-то степени и благие цели, оккупационные власти и этнологические учреждения стран-победительниц стали в своих зонах — Западной Германии и в Западном Берлине⁴³⁰ — поддерживать науку, в том числе и этнологию. Выделялись некоторые денежные средства. Появились возможности для возобновления или установления связей с зарубежными научными и образовательными центрами. Это не могло не сказаться на направлениях исследований немецких ученых и их теоретической ориентации. В частности, это проявлялось в усилении позиций англо-американской социаль-

ной и культурной антропологии, которые начинали, чем дальше, тем больше, теснить традиционные немецкие теоретические установки. При этом следует иметь в виду, что для этого уже существовали определенные предпосылки в виде учений, возникших в свое время в самой Германии и оказавших, кстати, определенное воздействие на сложение в Англии и, особенно, Америке, социальной и культурной антропологии.

Теоретическая мысль и научные направления

Весьма трудная проблема состоит в определении научных направлений в этнологии послевоенного времени. Впрочем, как отмечалось выше, это составляло камень преткновения и для более ранней историографии. Практически все, без исключения, научные направления были аморфными и часто неопределенными. Ученики редко следовали по стопам своих учителей, и каждый исследователь шел более или менее своим путем. Многие этнологи меняли со временем свои теоретические установки, что еще более усиливает неясность общей картины.

Наряду с традиционными для немецкой этнологии «историческим», морфологическим, и иными направлениями, все большее распространение в науке о народах стали получать социология, и не совсем ясные по своему существу этносоциология, этнопсихология и другие, относительно мало распространенные в прошлом в странах немецкого языка, научные направления.

В Швейцарии наука о народах была представлена, как и в прошлые десятилетия, главным образом исследованиями в области народоведения и публикациями эмпирического материала о культуре и быте населения разных швейцарских кантонов.

В немецкоязычных странах в рассматриваемое время было опубликовано значительное число этнологических исследований в виде книг, статей и т. п. Большая их часть была посвящена этнографическому описанию культуры и быта различных заморских народов,

и только в отдельных публикациях рассматривались проблемы теории.

Одновременно с некоторым оживлением этнологических исследований в начале 1950-х гг. появились отдельные теоретические и историографические публикации, в которых рассматривались роль и место этнологии в системе наук, ее предмет и задачи, возможности прикладной этнологии⁴³¹. Открывались новые перспективы этнологических исследований. Об этом писали Томас Бартель⁴³² и другие авторы сборника «Двенадцать докладов о введении в проблемы этнологии»⁴³³, Герман Тримборн⁴³⁴. Обсуждались отдельные разделы этнологической науки⁴³⁵ и задачи сравнительного изучения поведения⁴³⁶, а также методы исследования культуры⁴³⁷. Рассматривались также вопросы места гуманитарных наук в общественной жизни с точки зрения этнологии⁴³⁸.

Как и в предшествующее время, интерес продолжала вызывать проблема использования данных этнологии для реконструкции истории первобытного общества⁴³⁹. Относительно редко в послевоенное время встречались работы, посвященные экономическим проблемам этнологии⁴⁴⁰.

Начались дискуссии, направленные на преодоление в этнологии идеологии национал-социализма. Но вскоре, в связи с общим политическим климатом в Западной Германии, они были прекращены, и критика немецкой этнологии периода нацизма возобновилась только в последние два десятилетия века.

Постепенно, начиная с 1960-х гг., значительное внимание стало уделяться развивающимся странам. Возникает новый подход к задачам подготовки этнологов. Если в прошлом в немецкой этнологии было принято сначала овладевать общими знаниями, получать теоретическую подготовку, то, начиная с рассматриваемого времени, стала преобладать точка зрения о необходимости узкой специализации и о полевой работе как главном виде деятельности этнолога⁴⁴¹.

Значительно стимулировало возрождение и дальнейшее расширение этнологических исследований создание в 1951 г. *Немецкого исследовательского обще-*

ства — Deutsche Forschungsgemeinschaft (D.F.G.). Само общество исследований не вело, но финансировало научные проекты, что создало возможности для поездок этнологов за рубеж и развертывания научно-исследовательской работы. Уже в 1950-х гг. западногерманские этнологи сумели организовать экспедиции в Австралию, на острова Тихого океана, в Западную, Южную и Восточную Азию, в Африку, Центральную и Южную Америку. Позднее финансовую поддержку Д.Ф.Г. получали и некоторые этнологи в ГДР. С середины 1950-х гг. в ФРГ, Западном Берлине и Австрии начался постепенный рост этнологических публикаций. Начиная с 1950 г. вновь стал выходить в свет старейший немецкий «*Этнологический журнал*» (Zeitschrift für Ethnologie. Organ der Deutscher Gesellschaft für Völkerkunde und der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgesellschaft. Braunschweig), деятельность которого прекратилась в 1944 г. С 1952 г. Берлинский музей этнологии начал издавать журнал «*Бесслер-архив*» (Baessler Archiv. Beiträge zur Völkerkunde). В том же году начала выходить в свет новая серия журнала музея этнологии в Кельне «*Этнологика*» (Ethnologica. Neue Folge. Im Auftrag der Gesellschaft für Völkerkunde. Verein für Förderung des Rautensrauch Joest Museum der Stadt Köln. Herausgegeben von M. Heygrich). Вскоре началось издание новой серии ежегодника этнологического музея в Штутгарте «*Трибус*» (Tribus. Jahrbuch des Linden Museums. Neue Folge. Stuttgart. Herausgeber J. Glück und Fr. Jäger). В 1951 г. возобновилось издание «*Журнала народной психологии*» (Zeitschrift für Völkerpsychologie. Neue Folge. Berlin), но уже под новым названием «*Социологус*», издателем которого стал, как и в довоенное время, известный социолог и этнолог Рихард Турнвальд.

Во введении к первому послевоенному номеру журнала Турнвальд отмечал интернациональный характер журнала и его тематическое расширение в связи с включением в него сюжетов, связанных с «первобытными» и «экзотическими» народами. При этом, как он считал, особое внимание следовало уделять

психологии «примитивного мышления». Во введении давалась краткая справка о развитии социологии в Германии с акцентом на эмпирическую социологию, которая в «1920-х гг. еще не могла пробиться, а сегодня стала модой». По словам Турнвальда, наука о народах, социология и психология представляют собой лишь разные углы зрения, под которыми рассматривается феномен человека и его культурной ауры, в связи с чем, как он полагал, необходимо тесное сотрудничество этих наук⁴⁴².

После смерти Рихарда Турнвальда журнал стал выходить под редакцией его жены Хильды Турнвальд, а еще позднее, профессора Берлинского Свободного университета Вольфганга Рудольфа. Наряду со статьями психологического содержания в нем печатались также социологические, этносоциологические и этнологические работы.

Началось издание этнологического журнала «Сообщения Гамбургского музея этнологии» (*Mitteilungen des Hamburgischen Museum für Völkerkunde*). Возобновилось издание журнала «*Paideuma*» во Франкфурте-на-Майне, основанного Лео Фробениусом (*Paideuma. Bei dem Frobenius Institut. Frankfurt a/M.*) и ряд других.

Продолжал выходить в свет журнал Венской культурно-исторической школы «*Антропос*», а также этнологические журналы Швейцарии.

Несмотря на трудности послевоенного времени, все больший размах стали приобретать полевые исследования, в которые вовлекалась университетская молодежь, составившая следующее поколение этнологов.

Наряду с периодическими изданиями все более увеличивалось число монографических работ по этнологии, создававшихся по большей части на основе материалов экспедиций.

В 1952—1953 гг. несколькими группами этнологов была предпринята попытка преодолеть разобщенность университетов и направить исследования в одно русло. В связи с этим в Д.Ф.Г. была подана заявка на выполнение «Первоочередной программы» (*Schwerpunktprogramm*), предусматривавшая проведение научных исследований по двум основным темам:

«Полевые исследования в связи с культурно-исторической классификацией пастушеских народов на основе их отношений с собирателями и «низшими» и «высшими» земледельческими народами» и «Изучение собирателей, относящихся к древнейшему этапу в развитии культуры». Но большого успеха эта программа не имела, также как и выдвинутая в 1952 г. известным этнологом Г. Тримборном программа по изучению ранних форм собственности⁴⁴³. В связи с этой программой разными авторами были опубликованы несколько исследований на основе литературных источников⁴⁴⁴.

Почти сразу же после окончания войны началось возрождение этнологии (этнографии) и в Восточной части Германии, особенно после провозглашения в 1949 г. Германской Демократической Республики. В отличие от Западной Германии, этнология в ГДР, вплоть до воссоединения Германии, не претерпевала особых изменений и хотя формально считалась марксистской, однако на деле продолжала стоять на традиционных для немецкой этнологии позициях. Основными научными центрами этнологии были Лейпцигский и Дрезденский музеи этнологии. Преподавание этнологии велось на кафедре этнографии Лейпцигского университета, отчасти и на кафедре этнографии Берлинского университета им. Гумбольдта, где преобладала подготовка по народоведению. В связи с тем, что никаких принципиальных различий в разные годы в этнографии (этнологии) ГДР не наблюдалось, нет смысла рассматривать ее по разным периодам, и все, что с ней связано, начиная от послевоенного времени, будет рассматриваться в заключительной, 5-й части книги.

■ Проблемы историографии

Из исследований в области историографии немецкой этнологии после окончания Второй мировой войны, следует, возможно, прежде всего, назвать одну из первых опубликованных в этой области работу З. Вестфаль-Хельбуш, увидевшую свет в 1959 г. в Америке⁴⁴⁵.

Ее следующее, более подробное исследование, посвященное ситуации в послевоенных этнологических исследованиях в Германии, появилось в свет в 1960 г. Довольно значительная по объему, работа содержала интересный фактический материал о деятельности этнологических учреждений и отдельных исследователей в первое послевоенное десятилетие в Западной Германии. Вместе с тем, она была не лишена известной тенденциозности в освещении прошлого и настоящего в немецкой науке о народах, выражающейся в некоторой односторонности подхода к оценкам тех или иных исследователей, а также заметного акцента на заслуги американской стороны в послевоенном возрождении немецкой этнологии. В другом историографическом исследовании того же автора рассматривалась столетняя история этнологии в Берлине и, в особенности, в Берлинском университете. В работе приводились некоторые интересные факты из истории науки. Однако, в целом, большая часть проблем, о которых говорил автор, в той или иной степени уже получила отражение в исследованиях других авторов. При этом основное внимание уделялось событиям до прихода нацистов к власти. О последующем времени, в том числе о немецкой этнологии после окончания Второй мировой войны, говорилось лишь вскользь⁴⁴⁶. Проблеме историографии рассматриваемый автор посвятила и ряд других работ. Так, к примеру, в одной из статей анализировались этнологические исследования Передней Азии, в другой — общие проблемы этнологических исследований⁴⁴⁷.

С диаметрально противоположных взглядам Вестфаль-Хелльбуш позиций выступил Рейнхард Голль, вновь поднимая вопрос о значении эволюционизма в этнологических исследованиях. В первом разделе «Вводные замечания и обоснование намерений» обстоятельной статьи «Новейшая наука и эволюционизм» автор высказывал мнение, что «та основательность, с которой был подвергнут критике эволюционизм, степень обоснованности использованных при этом аргументов может привести к выводу, что это направление уже мертво». И далее: «Вместо этого, спустя 50 лет

после отказа от эволюционистских построений, одни ученые все еще продолжают опровергать это учение, а другие, обозначаемые как неозволюционисты, вновь пытаются возродить идею развития». В основе этого, согласно мнению автора, лежит ряд причин, которые он формулировал в трех пунктах. Прежде всего, он считал, что понятие «эволюционизм» недостаточно ясно. Вследствие этого, из-за неясности термина, возникают недоразумения. В качестве примера приводился В. Шмидт, последовательный противник эволюционизма, которому, как справедливо считал автор рассматриваемой работы, не удавалось полностью избежать подходов теории развития, что требует точно дефинировать понятие «эволюционизм».

Вторым пунктом Голь отмечал, что для этнологии рубежа XIX — XX веков была характерна враждебность к теории развития, которая понималась как «биологизм». Вместе с тем эволюционизм имел, по словам автора, развернутую теоретическую базу универсально-исторических перспектив. Поэтому стоит задача использовать основы этого учения, избегая ошибок эволюционизма⁴⁴⁸.

И, наконец, в третьем пункте говорилось о том, почему, несмотря на критику эволюционизма, исследователи продолжают проявлять интерес к его теоретическим положениям. Объясняется это, по мнению Голя, верой в прогресс: и «те этнологи, которые дистанцируются от точки зрения *развития*, тем не менее, полагают, что будущее предлагает лучшие возможности, чем прошлое», а также, что настоящее строится на прошлом. Таким образом, рассматриваемый автор не отрицал одного из основных постулатов эволюционизма — хода исторического развития⁴⁴⁹.

Во втором разделе статьи «Качество "новое время"» автор выдвигал вполне справедливое требование применять только точно дефинированные понятия, но при этом оговаривался, что на деле его трудно выполнить⁴⁵⁰.

Интересен четвертый раздел работы, в котором автор подробно рассматривал основные постулаты теории развития. Как он отмечал, мысль об эволюции содержалась еще в теории *циклического* изменения

культур от упадка к прогрессу, и к дальнейшим циклам, а теория циркуляции (круговорота) основывалась на представлении о повторениях циклов в истории. Как отмечал Голль, эволюционизм исходил из веры в прогресс, в то, что будущее вечно ново и иное, чем настоящее, и что человек — «делатель истории». При этом вера в прогресс исходила из «претензии» найти для людей всех времен «правильное» будущее, а также из стремления к новшествам, из ожидания от будущего всегда чего-то нового, лучшего. Верно замечая, что эволюционизм основывался на сравнительном методе, Голль добавлял, что этот метод исходил из утверждения о том, что человек по своему существу одинаков во всех местах и во все времена. И что это принципиально отличает его от позиций функционализма, согласно которым предполагается, что «каждый «культурный элемент» действителен только в «своем» культурном целом». И далее, по словам автора, для эволюционистов существует только один мир, один путь человеческих действий, который ведет к «правильному порядку». А раз так, то эволюционисты полагали, что все явления культуры можно сравнивать.

Обращаясь к истокам эволюционизма, Голль писал, что «если можно говорить об эволюционистском методе», то он возник еще на исходе XVIII века, когда мыслители утверждали равенство людей и человеческих групп. Эволюционизм оспаривал многообразность мира и исходил из одинаковости человеческой натуры». Критически оценивал Голль эволюционизм и в том отношении, что он «подчинял жизнь других народов принципам собственного мира». Культурные явления, которые наблюдал эволюционист, он объяснял как следующие один за другим, как «низшие» и «высшие» ступени, периоды, фазы «обязательной» эволюционной последовательности⁴⁵¹.

Далее автор перечислял основные постулаты эволюционизма: единообразие человеческого рода и человеческого духа. Все человечество рассматривалось как один человек.

К сказанному Голль добавлял, что для определения эволюционизма в «узком смысле» следует сказать и о

его постулате, о вере в то, что «дух», или «душа», является «эпифеноменом» «тела», или «материи», а также о «животном происхождении человека».

Наконец, в разделе «Некоторые выводы к положению этнологии» он добавлял, что «в ходе развития теории этнология отбросила эволюционную схему, но осталась верной монистически позитивистской установке. Критики эволюционизма выступали против упрощения картины мира, на деле сами ее упрощали, исходя из собственных представлений». И «было заблуждением предполагать, что исторические дисциплины могут избавить этнологию от монизма эволюционизма, отрицая всеобщие закономерности и рассматривая «единичное» как «последнее»⁴⁵². Говоря о позиции Голя в целом, можно отметить, что многие его соображения не лишены интереса, и свидетельствуют о пробуждении интереса к эволюционизму уже в первые годы после окончания войны. Однако, при этом, собственные теоретические установки Голя остались не совсем ясными.

«Классические» этнологические и археологические теории рассматривал Карл Новотный⁴⁵³.

В выпущенном известным этнологом Хуго Бернатциком сборнике «Новая большая этнология» ему принадлежала вступительная статья «Историческое развитие и задачи этнологии», посвященная рассмотрению ряда этапов в развитии немецкой этнологии. Прежде всего автор останавливался на значении терминов *этнография* и *этнология*. Первую он рассматривал как описательную, вторую — как сравнительную дисциплины. Отметив вклад Лафито в создание сравнительного метода путем сопоставления обычаев индейцев и древних европейских народов, Бернатцик перешел к анализу взглядов А. Бастиана и Ф. Ратцеля. Относительно первого отмечается, что в труде «Человек в истории» (1859) высказывалась мысль о том, что часть своего культурного богатства человечество развило «из себя» на основе «элементарных идей». Весь же прочий культурный комплекс выработан определенными человеческими группами, обитавшими в географически ограниченных регионах, и составил «на-

родные идеи». Бернатцик отмечал оппозицию, в которой стоял по отношению к Бастиану Ратцель, создавший, по словам автора, «миграционную теорию», согласно которой «в сложении культуры он выдвигал по значению на первое место миграции отдельных культурных элементов и заимствование культурных ценностей»⁴⁵⁴. Едва ли можно согласиться с такого рода оценкой взглядов Ратцеля, о которых уже говорилось во втором разделе настоящей книги. Далее Бернатцик высказал свое мнение об учениках Ратцеля — Г. Шурце и К. Вейле, «которые сначала следовали его концепции, но затем отошли от нее». Отмечался автором также научный вклад Ф. Лушана, состоявший, в частности, в признании значения для истории культуры многочисленных заимствований и культурных взаимовлияний. А также его гипотезы о «конвергенции», то есть возможности сходства в культурных ценностях у разных народов без взаимовлияния или заимствования. Гипотезы, разрабатываемой в дальнейшем многими позднейшими авторами.

Ничего в принципе нового не было сказано Бернатциком относительно Лео Фробениуса и школы Вильгельма Шмидта. По словам автора, «ученик Генриха Шурца — Лео Фробениус, исходя из учения Ратцеля, выработал в 1893 г. понятие «культурного круга», которое позднее стало основой «исторической школы» В. Шмидта, В. Копперса»⁴⁵⁵. Многие в этих довольно поспешно высказанных оценках представляется неточным или неверным. Так, значение теоретических взглядов Фробениуса заключалось далеко не только в выработке понятия «культурный круг». Бернатцик весьма критически отзывался относительно эволюционизма и учения о «культурных кругах». Он писал: «Хаотичность культурных кругов, беспочвенные аналогии эволюционистов и их последователей являются следствием недооценки этнографической работы. В связи с этим исчезло огромное количество фактического материала»⁴⁵⁶.

Но если все сказанное Бернатциком в начале его статьи с теми или иными поправками можно принять, то далее он высказывал уже малопримемые, сильно

биологизированные, и даже расистские взгляды. Так, он писал: «Ни один народ не может заимствовать и воспринять культурное богатство, если оно не соответствует его *наследственности* (выделено мной — Г.М.). Наследственно-биологическое обусловлено расово, и различно у разных первобытных народов. Миссионеры и многие политики ошибочно долагали, что можно, невзирая на биологическую наследственность, изменить народ путем воспитания и изменения жизненных условий. Ошибочность этой точки зрения ярко видна на примере пигмеев, бушменов, негритосов. Еще никому не удалось представителя этих народов превратить в полезного члена человеческого общества. Поэтому основа этнологии (*Völkerkunde*) — биология наследственности»⁴⁵⁷. Хотя в данном случае Бернатцик не ссылается на В. Мюльмана, однако их идейная связь прослеживается совершенно очевидно. И остается непонятным, каким образом явно расистские взгляды могли быть не просто высказаны, а опубликованы в середине 1950-х гг.

Далее во вводной статье Бернатцика довольно поверхностно рисуются позиции Р. Турнвальда и ряда других ученых. Так, о Турнвальде говорится, что он ввел в этнологию «психологические псевдоколониальные цели». Очень кратко, и к тому же без достаточной аргументации, Бернатцик утверждал, что В. Мюльман стремился объединить «структурное учение» и биологический подход. Однако, вопреки мнению Бернатцика, скорее следовало бы говорить об интересе Мюльмана к функциональному учению «в его немецком варианте»⁴⁵⁸.

Особенно ясно проступает существо взглядов Бернатцика в заключительной части его статьи, где он критикует своих предшественников, говоря, что их неудачи зависят от недостаточного внимания к биологии. И далее автор формулирует свое понимание существования этнологии и ее задач: «Этнология — наука, которая исследует проявление жизнедеятельности народов, главным образом первобытных. Распадается она, по его словам, на две главные дисциплины. Одна — «теоретически-гуманитарное направление, с одной

сторона тесно связанное с историей первобытного общества, а с другой, с общественными науками». При этом в задачи исследования входит установление и объяснение культурно-исторических связей по племени и расе, вплоть до новейших времен. Другая дисциплина — естественно-научное направление, основанное на изучении биологической наследственности, антропологии и психологии. По существу это расовая биология чужих народов. Задача — наблюдение и установление закономерностей».

Большое значение «при изучении цветных народов» Бернатцик придавал «колониальной этнологии»⁴⁵⁹.

Бернатцик опубликовал крупный научно-популярный труд о народах Европы, Африки, Азии, Австралии и Америки. Занимали его также проблемы прикладной этнологии, чему был посвящен опубликованный им справочник⁴⁶⁰.

О проблемах истории этнологии в немецкоязычном пространстве в последнее столетие говорилось в статье известного ученого Хейне Гельдерна. Но и этот автор затронул главным образом только события XIX и самого начала XX в. Более позднее время в статье практически не рассматривалось⁴⁶¹.

Отдельные стороны историографических исследований нашли отражение в статье А. Ензена и Г. Клейна⁴⁶².

Некоторые, относящиеся, правда, преимущественно к прошлому этнологические исследования в Германии были рассмотрены Вальтером Конрадом в книге «Этнология. О становлении и существовании одной науки»⁴⁶³. Книга содержит множество общих рассуждений и мало что дает для понимания истории немецкой этнологии.

Небольшая статья одного из виднейших представителей австрийской и немецкой этнологии Карла Эттмара была посвящена рассмотрению некоторых идей, высказанных в свое время представителями исторического направления⁴⁶⁴.

О прошлом этнологии, практически не затрагивая события своего времени, писал Вальтер Конрад⁴⁶⁵.

Некоторая, хотя и довольно тенденциозная, попытка дать анализ научной деятельности Вильгельма Шмидта была предпринята Вильгельмом Копперсом⁴⁶⁶.

О значении исследований Рихарда Турнвальда для науки о народах писал Гюнтер Шлезьер⁴⁶⁷. В другой его статье сообщались некоторые общие сведения о Венской школе⁴⁶⁸.

В значительной мере историографическим проблемам была посвящена статья Е.Е. Подах под несколько претенциозным названием «Принцип актуальности в этнологии»⁴⁶⁹. Рассматривая предысторию и самые ранние этапы становления науки о народах, он приходил в отдельных случаях к парадоксальным заключениям: «Идеи Дарвина оказали воздействие на дисциплину о народах. Он привлекал этнографический материал и *оказался предшественником культурной антропологии* (выделено мной — Г. М.)». Критикуя позиции эволюционизма, Подах приходил к своеобразному заключению: «Основанное Дарвином учение о развитии оказалось не свободным от детской болезни эволюционизма — ошибочного привлечения и трактовки фактических данных, использования сомнительных гипотез для произвольных реконструкций развития. Эволюционный принцип применялся и там, куда он не имел отношения». Но при этом рассматриваемый автор считал, что против принципа развития возразить ничего нельзя, и что даже самые его «отъявленные» противники выступают не столько против идеи развития, сколько против принципа «актуальности», и сами впадают в эволюционизм. Объявив Дарвина чуть ли не основателем науки о народах и утверждая, что главным в этнологии является принцип *актуальности*, автор не счел нужным назвать кого-либо из действительных основателей этой науки. Хотя бы Адольфа Бастиана. Кроме того, он провозгласил «основателем» учения о преанимизме Альфреда Фиркандта, который, по его словам, пришел в работе «Первобытные и культурные народы» к принципу актуальности⁴⁷⁰. Подах замечал, что необходимо убрать из этнологии «фантазии и фантастические построения», для чего нужен принцип актуальности. На основе принципа «актуаль-

ности», как считал автор, профессор Конрад Теодор Преусс отверг ошибочный эволюционистский подход в интерпретации психики первобытных людей. А также полагал ошибочным наличие у них особой ментальности, отличной, по Леви-Брюлю, от культурных народов. Попутно Подах справедливо подверг критике гипотезу матриархата в виде «фундамента общественной, и хозяйственно-культурной организации». И, наконец, автор обратился к объяснению того, что он понимал под «принципом актуальности». Как он утверждал, принцип актуализации исходит из существа явления, а не субъективного представления о нем, и дает возможность различить в этнологии действительность от отвлеченной возможности⁴⁷¹. Но едва ли из этих кратких слов можно составить достаточно ясное представление, что же имел в виду Подах под этим принципом. Очевидно, это осталось непонятым и его современникам, так как ни в одной из немецких этнологических работ послевоенного времени не встречалось упоминания о «принципе актуальности».

Если попытка Подаха обогатить теорию немецкой этнологии не оказалась удачной, то его видение будущего науки о народах оказалось, пожалуй, пророческим. Поэтому есть смысл целиком привести его слова, сказанные по этому поводу. Так, он пишет: «Немецкая этнология может не ограничиваться исследованием процессов в заморских странах, так как теперь в Германии происходят интенсивные соприкосновения разных народов, которые дают постоянную пищу для актуалистических вопросов. Имеется в виду не только соприкосновение с различными оккупационными группами, а и этническое многообразие. Внутри Германии идет интенсивное перемещение населения: перемещенные лица, оседание иноэтнического населения — множество беженцев из Венгрии, Румынии, Югославии — все со своими культурными особенностями. Все это может привести к тяжелым внутриэтническим противоречиям, к конфликтам. Тогда в дело должна будет вступить этнология, но для этого она должна быть готова использовать актуальные данные относительно этнических конфликтов в других регионах и странах⁴⁷².

Это направление исследований науки о народах действительно получило в последние десятилетия достаточно широкое распространение в Германии, а последние годы и в России.⁷ Что же касается рассматриваемого в данном разделе времени, то подобная постановка вопроса была еще единичной.

Специально анализу и критике гипотезы Леви-Брюля о «магически-мифологическом-мистическом мышлении примитивных» посвящена одна из статей того же автора⁴⁷³. В ней в довольно доброжелательном тоне говорится о рассматриваемой гипотезе, отмечаются неверные ее трактовки в работах ряда авторов и сообщается об отказе Леви-Брюля от своих взглядов.

В качестве редкого исключения для рассматриваемого времени было появление двух обзорных статей известных немецких этнологов, в которых рассматривалась советская этнография (этнология): Рюдигера Шотта⁴⁷⁴ и Карла Еттмара⁴⁷⁵. Работы написаны в целом в доброжелательном тоне, хотя и несколько поверхностно, без достаточного анализа.

О некоторых тенденциях в этнологической науке писали Иоханна Брейденбах и Ина Зукриге. В связи с современными им задачами науки они отмечали необходимость изучения процессов глобализации отдельных обществ и взаимосвязи локального и глобального, что требует привлечения данных смежных дисциплин: истории, политологии, социологии, истории хозяйства. Затрагивая вопросы круга проблем, изучавшихся этнологами в 1930 — 70-е гг., авторы отмечали ограниченность в эти десятилетия затрагивавшихся вопросов — акультурация, третий мир, контакты внеевропейских обществ с колониальными властями. Далее авторы рассматривали возникшую в 1960-х гг. «теорию модернизации» в связи с переходом народов «третьего мира» от традиции к современности, единообразию протекавших процессов. Авторы называли эту теорию «евроцентристской» и основанной на представлении об односторонности развития, чем и объясняли отсутствие ее широкого признания. По поводу высказанных этими авторами точек зрения нельзя не отметить, что они касались только очень узкой сферы этнологичес-

ких исследований, большая часть которых осталась вне их внимания, и ограничились сомнительными прогнозами о перспективах этнологии, а также рассуждениями о соотношении глобального и локального⁴⁷⁶. Вместе с тем, интересно в этой статье то, что уже тогда, в середине 1950-х гг., ставился вопрос о глобализации, бурно обсуждающийся сегодня.

О развитии близкого к этнологии направления — монголоведения, писал в конце 1960-х гг. *Вальтер Хейсиг*. Исследователь констатировал, что монголоведением занимались в немецкой науке последние 200 лет. Но самостоятельной дисциплиной оно стало только с 1964 г. Автор подробно рассматривал области монголоведения, которыми занимались в немецкоязычных странах, отмечая при этом большой вклад российских ученых немецкого происхождения в связи с изучением народов Сибири, начиная с эпохи Петра I⁴⁷⁷.

Обратимся теперь к рассмотрению путей развития западногерманской и австрийской этнологии в первые послевоенные годы и теоретических установок тех или иных этнологических направлений и отдельных, наиболее известных исследователей. В связи с этим еще раз приходится оговориться, что отнесение ученых к определенным теоретическим направлениям, как, впрочем, и сами направления, весьма условны, что видно также из того, что в немецкоязычной литературе одного и того же автора часто причисляют к различным теоретическим направлениям.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Значительная часть германских и австрийских ученых относили себя после 1945 г., как и в предвоенное время, к так называемому «историческому направлению». Однако никакого единообразия по методологическим и методическим установкам у сторонников этого направления не было. Каждый ученый понимал «историчность» по-своему, нередко в диаметрально противоположном, чем его коллеги, смысле. Число исследователей, которых в какой-то мере можно причислить к «историческому направлению» было довольно велико, и далеко не все они занимались проблемами теории, поэтому целесообразно остановиться, главным образом, на трудах и взглядах наиболее известных этнологов, разрабатывавших проблемы теоретической этнологии.

■ Венская католическая культурно-историческая школа

Одним из характерных представителей этого направления была, как и в прошлом, *Венская культурно-историческая школа*. Чтобы не повторять сказанного в предыдущих главах о ее основателе, *Вильгельме Шмигеле*, достаточно лишь подчеркнуть, что основной целью его долгой научной жизни было стремление найти в этнографических данных подтверждение ряда библейских положений — первичности первобытного монотеизма, моногамной семьи, частной собственности. Его

идеи получили отражение в многотомном фундаментальном труде, посвященном происхождению идеи Бога (Der Ursprung der Gottesidee. Bd. I—XII), а также во вступительной статье к первому послевоенному тому «Этнологического журнала»⁴⁷⁸ и в других многочисленных работах. В произведениях Шмидта, написанных в страстном полемическом духе, далеко не всегда корректно использовался фактический материал, что, впрочем, было характерно и для некоторых других сторонников Венской школы. Задача, которую ставил перед собой Шмидт, состояла в попытке установления последовательности возникновения и функционирования культур. Определение культур — как более ранних, так и хронологически следующих за ними более поздних — называлось «историческим подходом», что и нашло отражение в названии «Венская культурно-историческая» школа. На деле чисто механицистическая структура гипотетических культурных кругов не имела ничего общего с историческим подходом и историзмом в целом. Как уже говорилось выше, только один из ближайших сподвижников Шмидта, В. Копперс в какой-то мере полностью разделял идеи главы направления. Прочие сторонники Венской школы, а также некоторые ученые, проявлявшие интерес к учению о культурных кругах, относились к идеям Шмидта довольно настороженно, полагая, что учение должно быть значительно усовершенствовано и соответствовать фактическим данным.

После окончания Второй мировой войны и возвращения из эмиграции в Австрию, Шмидт продолжил работу над своим основным трудом «Происхождение идеи Бога» и издал тома XI и XII.

Еще несколько ранее Шмидт опубликовал большую статью, посвященную давно разрабатываемой им проблеме собственности у материнско-правовых земледельцев и отцовско-правовых высших охотников. Как и ряд других идей Шмидта, связанных с историей развития хозяйственной деятельности человечества, высказанные им предположения о месте, времени и путях становления производящего хозяйства значительно устарели и не подтверждаются современными дан-

ными. Так, в частности, спорно его мнение о том, что первоначально земледелие возникло в тропических дождевых регионах Индии, Юго-Восточной Азии и других тропических регионах. Столь же спорно было утверждение о том, что раннее земледелие было делом исключительно женщин, вследствие чего сложилась их собственность на землю, передаваемая по наследству дочерям. Нельзя согласиться и с мнением, что в первичных производящих культурах уже сложилась «коллективно-индивидуально-большесемейная» собственность на землю⁴⁷⁹.

В то же время Шмидт продолжил дальнейшие исследования по индогерманской проблеме, начатые им еще в работе «Расы и народы в предыстории и истории Запада»⁴⁸⁰. В связи с этим им была опубликована статья о происхождении индогерманцев и их появлении в Европе. В этой работе автор задался целью не только проследить этногенез индогерманцев, но и выяснить характер их культуры. Рассматриваются две гипотезы: о приходе их в Европу с востока или юго-востока и автохтонном происхождении индогерманцев на севере Европы. Вторую гипотезу Шмидт назвал «иррациональной» и отверг предположение, что все «высокие» культуры Земли произошли от индогерманской расы, в чем он полностью солидаризировался с В. Копперсом⁴⁸¹. Присоединяясь к «восточной» гипотезе, Шмидт связывал движение индоевропейцев на запад, в Европу, с одомашниванием лошади. Как он полагал, этот процесс происходил в два этапа: сначала мигрировали хетты и митанийцы, воины которых двигались на боевых колесницах. Вторую волну составил народ всадников, переселенцев из южной Европы, осевших там в ходе движения первой волны. В заключение своей работы Шмидт подчеркивал, что одной из важных задач его исследования было доказать, что культура в Европе возникла не с появлением там индогерманцев, а сложилась уже задолго до этого⁴⁸². Нет необходимости вдаваться далее в эту сложную и далеко еще не решенную проблему. Можно лишь отметить, что если последний вывод Шмидта относительно роли индогерманского этнокультурного субстрата представ-

ляется справедливым, то его рассуждения по поводу происхождения коневодства и времени и путей движения индогерманских народов представляются сомнительными.

Этого исследователя продолжали занимать и вопросы о монотеизме и единобожии, чему он посвятил вышедшую в свет в 1949 г. статью о Высшем существе в культурном круге патриархальных пастушеских народов. Существенно, что Шмидт отметил различия в верованиях пастушеских народов в связи с различиями в их образе жизни и местах обитания. Подробно автор рассматривал представления об облике Высшего существа, его свойствах, функциях. Описывался культ Высшего существа, а также его противоположность — Злое начало. Много внимания было уделено автором проблемам мифологии и солярным культам⁴⁸³. Как и в прочих работах Шмидта, посвященных проблеме первобытного единобожия, не только спорным, но и ошибочным представляется определение тех или иных анимистических и прочих первобытных верований как свидетельства монотеизма. Поэтому используемый автором фактический материал нуждается в обстоятельной проверке на объективность.

Незадолго до тяжелой болезни, в 1950 г. Шмидт вновь вернулся к проблеме культурных кругов в статье «Первичные культуры и более поздние культурные круги». Автор определял, что он понимал под тремя первичными культурами, связанными с производящим хозяйством. При этом он останавливался на проблеме происхождения этих культур и признаках культурных кругов патриархальных пастухов, патриархальных земледельцев и тотемических высших охотников. Для каждого культурного круга Шмидт выделял хозяйственные, социальные и религиозные признаки. Далее автор остановился на характере вторичных и третичных культурных кругов. Завершалась статья пессимистическим утверждением о первоначальном подъеме, а затем упадке культуры человечества, начавшемся, по мнению Шмидта, со времени, когда меньшинство человечества стало угнетать большинство, т. е. со времени возникновения рабства и феодальной зависимос-

ти⁴⁸⁴. Впрочем, ничего особо нового в сравнении с прошлыми исследованиями, работа не содержала. Разрабатывал Шмидт в первые послевоенные годы и многие другие проблемы⁴⁸⁵.

В мае 1950 г. Общество этнологии на своем заседании в Майнце избрало президентом Немецкого общества этнологии профессора А. Ензена. Почетным членом — В. Шмидта. Одновременно было принято решение о возобновлении выпуска «Этнографического журнала» («*Zeitschrift für Ethnologie*»). Вступительная статья к его первому послевоенному номеру была написана по поручению редакции В. Шмидтом. В самом общем виде автор изложил историю журнала и научные позиции его создателя, Адольфа Бастиана, и высказал сожаление, что после Бастиана в журнале стали публиковаться все в большей степени «гости», т. е. не этнологи. Ни словом Шмидт не обмолвился о годах нацизма, но при этом осторожно высказал сожаление об утрате Германией колоний⁴⁸⁶.

В числе наиболее верных последователей взглядов Шмидта оставался *Вильгельм Копперс* (1886 — 1961). Одна из его основных идей состояла в том, что необходима совместная работа разных ученых для доказательства единства человеческой культуры. А достигнуто это может быть, по его словам, путем слияния двух наук: истории первобытного общества (предыстории) и этнологии, что позволит выявить древнейшие формы религии и пути их возникновения⁴⁸⁷. Ту же мысль он проводил и в другой, более поздней статье, посвященной проблеме взаимодействия «предыстории» и этнологии, и методике этих наук. Во введении к ней Копперс отмечал, что история человечества и его культура могут рассматриваться только как единое целое. Задачи обсуждаемых двух наук составляет, по мнению рассматриваемого исследователя, изучение бесписьменных народов, которое должно вестись по четырем направлениям: 1) *свободная, или аналогизирующая, параллелизация*. Здесь речь идет о культурных параллелях в разных областях мира, и исследование должно показать, где существуют генетические связи или имеет место лишь внешнее сходство; 2) *связанная параллели-*

лизация. Устанавливается наличие явных генетических связей между явлениями доистории и этнологии. При этом параллели возможны там, где культура не искажена влиянием высших культур, о чем, в принципе, уже писали и некоторые другие авторы «исторической» ориентации⁴⁸⁸; 3) *путь косвенной аргументации*. В этом разделе, ссылаясь на Рихарда Майстера⁴⁸⁹, Копперс отмечал, что археологические находки орудий труда свидетельствуют, что уже древнейший человек был в полном смысле человеком, у которого существовала семья и духовная культура. И, наконец, 4-й вид исследований, предлагавшийся Копперсом, — *путь исторически-этнологических заключений*. И здесь автор с особой похвалой отзывался о выводах Шмидта относительно того, что у всех «древнейших народов существовала относительно ясная и живая вера в Высшее существо и связанный с ней культ». Попутно Копперс затрагивал и проблему экзогамии, высказывая мнение, что в ее возникновении присутствуют этические моменты⁴⁹⁰.

Неоднократно Копперс возвращался к утверждению об историческом характере учения Шмидта⁴⁹¹. В посвященном ему некрологе, автор, наряду с перечислением заслуг умершего, высказал и некоторые соображения, не лишённые теоретического интереса. Так, в отличие от своих прежних взглядов, он «усомнился» в предложенных Шмидтом культурных кругах, а также довольно критически оценил ряд разделов его известного труда «Народы и культуры». В частности, главы об «обществе» и «хозяйстве народов». Отрицательно отозвался Копперс и о некоторых мыслях Шмидта в связи с исследованиями, посвященными пигмеям, «так как в них проводился эволюционистский принцип: большая примитивность — означает большую древность». Копперс отметил также, что по мере работы Шмидта над многотомным трудом «Происхождение идеи Бога», он стал более осторожно относиться к своим первоначальным идеям⁴⁹².

Примыкал к Культурно-исторической школе и известный этнолог Пауль Арндт. Основной сферой его научных интересов были общественные отношения и

религия народов Океании и Африки. Впрочем, его работы носили по большей части описательный характер и в меньшей мере затрагивали теоретические проблемы⁴⁹³.

К теоретическим проблемам этнологии и культурно-исторического учения неоднократно обращался преемник В. Шмидта по руководству Культурно-исторической школой *Иозеф Геккель* (1907 – 1973), опубликовавший ряд работ по теории исторической этнологии⁴⁹⁴.

Приверженность ко многим, однако, далеко не ко всем взглядам Культурно-исторической школы сохранял известный специалист по истории первобытного общества Карл Е. Нарр. В духе Шмидта он понимал «древнейшую культуру» и был последователем теории культурных кругов⁴⁹⁵. Эти и большая часть других взглядов Нарра были критически восприняты одним из виднейших австрийско-немецких этнологов Карлом Еттмаром, который в рецензии на книгу этого исследователя заявил: «У Нарра вообще отсутствует знание проблем, которыми занимается в последние годы этнология». Никогда, по словам Еттмара, так и не было выяснено, что представляют сконструированные Шмидтом и воспринятые Нарром, культурные круги, которые на деле были не более чем «идеальные типы» в духе Макса Вебера⁴⁹⁶.

В известной мере как бы итог «культурно-историческим» исследованиям подводился в рецензии З. Вестфаль-Хелльбуш, посвященной сборнику, изданному И. Геккелем и рядом других авторов. Сборник был опубликован в связи с 25-летием Института этнологии Венского университета и деятельности Культурно-исторической школы⁴⁹⁷. Издание было одновременно посвящено 70-летию Вильгельма Копперса и Роберта Хейне-Гельдерна. Основное внимание Вестфаль-Хелльбуш уделила рассмотрению теоретических проблем, изложенных во введении к сборнику, написанном главой Института И. Геккелем: «Современное состояние исследований исторической этнологии». Автор отметила, что Геккель критически оценил прошлые исследования сторонников культурно-исторического на-

правления и при этом отметил, какие методологические положения и методы еще сохраняют значение, а какие следует отбросить. Прежде всего Геккель считал, что следует отказаться от прежнего понимания «культурного круга», согласно которому получалось, что на протяжении тысячелетий оставались неизменными «элементы культуры» — экономические, социальные, духовно-религиозные признаки, — а тем самым не изменялась и сама культура. Поэтому Геккель предлагал сохранить понятие «культурный круг», но в самом общем виде: «эллинистический», «исламский» и т. п. культурный круг. При этом он утверждал, что в таком случае «не подвергнется ревизии основной исторический характер этнологии, и характер ее метода — исследование связей». При этом основной акцент в исследованиях предлагалось делать не на всемирных системах, а на отдельных локальных явлениях с тем, чтобы выработать в «регионально ограниченных областях» культурные комплексы. Главную задачу при этом Геккель усматривал в «исследовании истории народов на основе сравнительного изучения культуры», основное внимание уделяя общественным явлениям⁴⁹⁸. В целом же оценка ситуации в культурно-историческом направлении в рассматриваемое время была со стороны рецензента относительно благожелательной.

Постепенно бо́льшая часть сторонников Венской школы стали отходить от теоретической проблематики и сосредоточились на полевых исследованиях. К примеру, можно назвать одного из наиболее известных представителей Культурно-исторической школы, исследователя пигмеев, миссионера и известного этнолога *Мартина Гузинге* (1886 — 1969)⁴⁹⁹, а также миссионера, автора книги о традиционной хозяйственной культуре Восточного Туркестана, *Людвига Голомба*. Его фундаментальный труд, созданный на основе собственных полевых исследований, далек от теорий Культурно-исторической школы и повествует о природных условиях описываемого региона, земледелии, кочевом скотоводстве и всем хозяйственном комплексе⁵⁰⁰.

Из сторонников Культурно-исторической школы нельзя не назвать также *Фритца Борнемана*, разработа-

тывавшего проблемы культурно-исторической этнологии в связи с историей первобытного общества⁵⁰¹.

Можно было бы назвать еще ряд имен известных и менее известных этнологов, принадлежащих, или в той или иной мере близких к Культурно-исторической школе. Однако подавляющее большинство, в том числе практически почти все миссионеры-этнологи, проводили и публиковали, главным образом, эмпирические исследования, не вдаваясь в дебри теории и методики науки⁵⁰².

В качестве примера отхода от ортодоксальных позиций Культурно-исторической школы можно привести также исследования весьма в свое время известного миссионера — этнолога *Карла Лауфера* (1904 — 1969). После того, как его посветили в 1928 г. в сан священника, с 1929 по 1955 г. он был миссионером в Новой Британии (архипелаг Бисмарка). Собранные им материалы по культуре туземцев послужили основой для публикации 150 статей и монографий, главным образом, по народам гуантанум (тобаи) и баининг на Новой Британии⁵⁰³.

Примерно той же научной ориентации придерживался известный африканист и историк религии *Рудольф Леман* (1887 — 1969). В 1907 г. он поступил в университет, и обучался теологии, философии и этнологии. После окончания университета принял сан священника. Одно время преподавал в средних школах и, одновременно, продолжал свое образование. После защиты диссертации на степень доктора философии в 1930 г. он хабилитировался, а в 1937 г. стал профессором. Дальнейшая научная и преподавательская деятельность Лемана была прервана начавшейся Второй мировой войной, заставшей его на пути в экспедицию в Африку. И только в 1946 — 1949-х гг. он смог принять участие в полевых исследованиях в северо-западной Африке. С 1958 по 1962 гг. преподавал этнологию в Мюнхенском университете.

На научные взгляды Лемана определенное влияние оказали исследователи преанимизма Натан Содерблом и Карл Вейле, изучавшие положительные знания и взгляды туземцев. А также философ Вильгельм Вундт, работавший в области народной психологии.

Со студенческих лет Лемана интересовали проблемы соотношения религии и магии, что и привело его, в конечном счете, от теологии к этнологии, а от нее вновь к теологии. Особо его занимали такие явления в первобытной жизни, как «мана» и «табу». Весьма характерным для представителя поздних взглядов Культурно-исторической школы был вывод о том, что такие явления, как мана и табу, могут быть поняты не только с религиозных позиций, но и с практической социальной стороны⁵⁰⁴.

Историческое направление

Обратимся теперь к так называемому *историческому* направлению в немецкой этнологии, не только непосредственно не связанному с Культурно-исторической школой, но подчас ей враждебному. Это направление, возникло на рубеже XIX и XX вв., как бы на развалинах эволюционизма, от которого оно немало заимствовало, и имело широкое распространение, как в рассматриваемое время, так и в последующие десятилетия.

К числу сторонников этого направления в той или иной мере примыкали такие известные этнологи, как Г. Бауман, К. Диттмер, Г. Тримборн, В. Хиршберг, И. Геккель, А. Ензен, К. Шмитц, в какой то мере Л. Фробениус и многие другие.

Подробно рассматривать взгляды и труды всех представителей исторического направления нет возможности, так как для этого потребовалась бы отдельная книга. К тому же далеко не все они интересовались теорией этнологии, а большинство занимались эмпирическими исследованиями. Последователи исторического направления нередко выступали с резкой критикой эволюционизма, однако их роднило с ним признание не только фактора исторического развития, но и наличия определенных исторических закономерностей. Вместе с тем, никакого единообразия во взглядах представителей этого направления, за редкими исключениями, обнаружить не удастся.

В такой же мере враждебны были сторонники «исторического» направления и большинству идей В. Шмидта и ряда последователей Культурно-исторической школы. В качестве примера можно привести позицию известного этнолога К.А. Шмитца, руководившего в 1960-х гг. Институтом им. Фробениуса. Так, он писал: «Хорошая идея о культурно-историческом исследовании получила ложное толкование у В. Шмидта и В. Копперса. Они построили гигантское универсальное строение, не отвечавшее реальности. Поэтому долгое время культурно-историческая идея оставалась безрезультатной. В настоящее время культурные круги (в понимании В. Шмидта — Г.М.) не признаются. Но, сама идея исходить из современного распространения культуры в пространстве, а отсюда — и к наслоениям во времени — плодотворна»⁵⁰⁵.

■ Генрих Бауман

Одним из сторонников исторического направления был известный этнолог и африканист *Генрих Бауман* (1902 — 1972). Родился он во Фрейбурге / Брейсгау. Еще в девятилетнем возрасте он заинтересовался этнологией, как наукой о культуре и начал систематически читать этнологическую литературу. После окончания школы Бауман продолжил образование во Фрейбурге под руководством известного историка культуры Эрнста Гроссе. После завершения высшего образования он переехал сначала в Берлин, а затем в Лейпциг. В 1921 г. Бауман поступил в качестве «волонтера» в Берлинский музей этнологии, в котором он работал последующие 20 лет. В 1925 г. им была защищена в Лейпциге диссертация на степень доктора философии по теме «Материальная культура мангбету и азанде», а в 1935 г. в Берлине диссертация на степень доктора наук по теме «Творение и древность в мифах африканских народов». Работая в Берлине, Бауман совершил свою первую экспедиционную поездку в Северную Анголу к народу чокве. Ее результаты были опубликованы в 1935 г. в книге «Лунда. У земледельцев и охотников

Внутренней Анголы». За относительно короткий срок в 30-е годы Бауман создал два фундаментальных труда: по этнологии Африки» и о мифах африканских народов, а также ряд других исследований⁵⁰⁶. В течение длительного времени он руководил «Этнологическим журналом» и вел педагогическую деятельность⁵⁰⁷. В 1939 г. он получил в Вене профессуру, однако вскоре вернулся в Германию и до 1945 г. преподавал в университетах Берлина, Майнца и Франкфурта. В 1940 г., после выхода в свет труда «Этнология Африки», Бауман получил широкое признание и стал авторитетом в области африканистики.

После окончания войны у Баумана возникли немалые сложности вследствие его политических взглядов в годы нацизма. Он был лишен права преподавать в университетах, и для того, чтобы выжить, организовал цирк шапито, а также гнал самогон на продажу в компании крановщика и боксера. Однако, в конечном счете, с помощью учеников, он благополучно прошел денацификацию, и его научная и педагогическая деятельность продолжалась и в послевоенные годы, когда он опубликовал ряд интересных исследований по культуре народов Африки. В начале 1950-х гг. Бауман опубликовал свое самое значительное произведение «Двойной пол»⁵⁰⁸.

В 1954 г. Бауман второй раз посетил Анголу, где его особенно интересовали наскальные рисунки Хитунду-Хулю и сооружения из камня. В 1955 г. он получил приглашение в Мюнхен, где вплоть до выхода на пенсию в 1967 г. преподавал в качестве ординарного профессора Мюнхенского университета. Выйдя на пенсию, Бауман продолжил научные исследования. В частности, он работал над новым изданием сборника «Этнология Африки», для которого он привлек многих известных ученых.

Бауман был последовательным сторонником исторического направления, что видно из всех его работ по африканистике⁵⁰⁹. Не чужд он был и проблемам теории. Не утратили значения некоторые его взгляды по вопросам истории религии. Интересна, хотя и спорна, его гипотеза о том, что «высокие» культуры и цивили-

зация развились на основе народов-охотников, тогда как ручные земледельцы тропиков были лишь одним из хозяйственных вариантов и сложились позднее, чем «высокие» культуры.

Бауман имел значительное число учеников, и среди них немало ставших выдающимися учеными.

В известной мере формально к культурно-морфологическому направлению может быть отнесен *Карл Август Шмитц* (1920 – 1966), но в действительности, правда, с немалыми оговорками, его можно скорее считать сторонником исторического направления.

Профессор, доктор, ординариус этнологии и культурологии при Иоахим-Вольфганг Гете университете во Франкфурте, он был также директором Института Культурной морфологии им. Фробениуса.

Шмитц родился в Кельне и там же изучал этнологию, социологию и театроведение. В 1954 г. защитил диссертацию на степень доктора философии по теме «Танец и культовое место в Меланезии». В 1955 – 56 гг. предпринял экспедицию на северо-восток Новой Гвинеи. В 1958 г. хабилитировался в Кельне, защитив диссертацию на степень доктора наук по теме «Исторические проблемы на северо-востоке Новой Гвинеи». В 1960 г. он был приглашен в Швейцарию, в Базельский этнологический музей на должность хранителя. В 1962 г. стал экстраординарным профессором Базельского университета. С 1964 г. Шмитц был директором этнографического музея в Базеле. В 1965 г. ученый вернулся во Франкфурт, где стал наследником Ензена по руководству Институтом им. Фробениуса.

В течение последних 12 лет жизни Шмитц был широко признан как ученый, один из ведущих этнологов Германии.

Его перу принадлежат многие этнологические и этнографические публикации, имевшие в свое время немалую известность. Сам Шмитц считал себя, не совсем, впрочем, понятно почему, последователем Фритца Гребнера. В теоретическом отношении он противопоставлял «эмпирическую этнографию» «культурной истории» и полагал при этом, что структурное мышление более важно, чем эмпирическое собирательство

фактических данных в этнографии. При том, что формально Шмитц был культурным морфологом, в своей работе он стремился использовать самые различные методы и концепции и был далеко не чужд историческому подходу. Впрочем, он интересовался также социо-логией, опираясь на Г.П. Мердока, и стремился установить связь между функционалистским и культурно-историческим подходами. Его интересовали также проблемы аккультурации в связи с изменениями, происходящими в социальной организации и культуре, что нашло отражение в одной из его лучших работ «Исследования по аккультурации» (1957). В начале 1960-х гг. наметился интерес Шмитца к культурной антропологии.

В области региональной и конкретной проблематики в центре его интересов всегда были вопросы первобытных верований, миф и культ, а также изобразительное искусство. Шмитцем был основан архив мифов Меланезии.

Специально проблемам исторической этнологии был посвящен сборник, выпущенный Шмитцем. В предисловии к нему он остановился на некоторых проблемах истории этнологии, и теоретических направлениях в этнологии. Прежде всего, он отметил вклад в науку Фридриха Ратцеля, показавшего ценность этнографических данных. Далее он остановился на Фритце Гребнере, предложившим, как он ошибочно считал, теорию культурных кругов и культурных слоев. Положительно отзывался Шмитц об Адольфе Энзене, который, по его словам, рассматривал человеческую историю как задачу этнологии. Также он отмечал, что Генрихом Бауманом была предпринята попытка создания теоретической этнологии на основе изучения культуры в связи с культурными кругами, тогда как Рихард Турнвальд основывался на анализе «развития» и «циклов». Рассматривались автором также взгляды зарубежных ученых: Е. Сапира, А.Л. Кробера, А.А. Гольденвейзера, А. Леруа-Гурана, М. Херцковица. Однако как представляется, этот обзор мало что давал для понимания развития теоретических взглядов вследствие его поверхностности.

Высказал Шмитц и свою точку зрения относительно целей и задач этнологии с «исторических» позиций. По его словам, «Задача *Völkerkunde* (этнологии) — изучение на основе этнографических описаний народов, не имеющих письменности». Ученый подробно останавливался на анализе этнографических источников, в связи с чем высказал довольно спорную мысль о том, что они позволяют выяснить историю народов «не более как за 300 — 400 лет». В действительности практика полевой работы показывает, что даже срок в 100 лет, как правило, слишком велик для памяти информаторов. В связи с оценкой теории культурно-исторических исследований Шмитц отметил, что она получила ложное толкование у В. Шмидта и В. Копперса. По его словам, «они построили гигантское универсальное строение, не отвечавшее реальности. Поэтому долгое время культурно-историческая идея оставалась безрезультатной. В настоящее время культурные круги не признаются. Но, сама идея, которая исходит из современного распространения культуры, — плодотворна»⁵¹⁰.

В ряде других работ Шмитц рассматривал с позиций исторического направления проблемы культуры в этнологии, а также теоретические вопросы семейных отношений, брачных классов, родства, общественной организации⁵¹¹. Немалое число работ были посвящены публикации полевого этнографического материала, причем обычно затрагивались и теоретические проблемы⁵¹².

К рассматриваемому направлению примыкал и другой известный этнолог, американец *Вальтер Хиршберг*. В его исследованиях постоянно затрагивались проблемы теоретической этнологии, особенно в связи с «историческим» направлением. В качестве примера можно привести одну из его работ, опубликованную в 1966 г. и перепечатанную в 1986 г. В этой работе он излагал свое понимание «исторической этнологии» и ее отношение к другим этнологическим направлениям⁵¹³. Автор отмечал, что Венскую школу Вильгельма Шмидта следует рассматривать, как «важную веху в истории этнологии, хотя схема культурных кругов уже отвергнута». При этом, по словам Хиршберга, перво-

начально Шмидт «в стремлении проникнуть в историческую глубину, пришел со временем к заключению о важности данных первобытной истории». Здесь же автор статьи довольно резко отозвался о «теории развития», утверждая, что предложенный Фрицем Гребнером *исторический метод* позволил прийти вместо «эволюционистских спекуляций» к возможно объективному пониманию хода истории. Одновременно указывалось, что В. Копперс «учитывая мнение В. Шмидта, в первое время не считал важными данные первобытной истории. Но в более поздних работах высоко оценивал их свидетельства». Говоря далее о взглядах Копперса, Хиршберг отмечал, что одновременно с позицией ряда известных этнологов: Хейне-Гельдерна, Иосифа Геккеля, Карла Еттмара, он стал считать, что «культурные круги уже отслужили свое, и от них следует отказаться. Вместе с тем Копперс «оставался приверженцем исторического метода и полагал, что совместные исследования этнологов и историков первобытности дадут возможность создать *хронологический фактор*».

Объектом критики Хиршберга стал и Вильгельм Мюльман, который «высказал сомнение в исторической основе этнологии, что было выпадом против *культурных историков*». А в работе «*Номо Creator*» «отделил этнологию от истории и объявил первую всеобщей гуманитарной наукой, не относящейся к истории»⁵¹⁴.

Свои взгляды на историческую этнологию Хиршберг излагал также в большой статье, посвященной народам Африки⁵¹⁵.

Говоря о сторонниках исторического направления, нельзя не упомянуть имя известного американиста *Германа Тримборна* (1901 – 1986). Еще в 1926 г. он опубликовал в журнале «Антропос» свое первое крупное исследование — диссертационную работу «*Коллективизм инков Перу*»⁵¹⁶. Исследование было написано с исторических позиций, которые остались для него характерными на всем протяжении научной деятельности. Основной областью его научных интересов были, главным образом, этнологические проблемы, связанные с правовыми и социальными отношениями. Об-

щее число публикаций Тримборна составляет более 300 названий, из которых 12 — книги.

После защиты диссертации, Тримборн получил место приват-доцента в Боннском университете, а в 1933 г. был приглашен для преподавания и научной работы в Испанию, которую покинул с началом гражданской войны. В 1937 г. он получил в Бонне должность экстраординарного профессора. Тримборн совершил ряд экспедиций в Перу и Колумбию, где проводил исследования по этнологическим проблемам социальных отношений и права. Его публикации касались ряда частных и общих проблем: «Членение сословий», «Организация общественного принуждения у инков», «Преступление и наказание», «Семейное и общественное право в доколумбовом Перу». Интересовали Тримборна и многие теоретические вопросы этнологии, такие как методика исследований и проблемы культурно-исторического учения⁵¹⁷.

После окончания войны Тримборн продолжил работу в Боннском университете, и с 1966 г. занял по конкурсу должность ординариуса по этнологии. Преподавание он совмещал с интенсивной научной работой, концентрируясь, как и прежде, главным образом, на проблемах этнологии Латинской Америки. В 1948 г. он издал книгу «Забытые империи» в серии, издаваемой совместно с Георгом Эккертом, «Культурно-исторические исследования», получившую широкий и положительный отклик у специалистов. Его дальнейшие исследования касались еще более широкого круга проблем. В том же году он опубликовал книгу «Мир индейцев в историческом плане». В 1959 г. был издан труд «Древняя Америка», в 1963 г. — книга «Высокие индейские культуры Древней Америки»⁵¹⁸. В целом же им было опубликовано в послевоенное время несколько десятков исследований, в том числе, по проблемам древних религий⁵¹⁹, а также по культуре индейцев⁵²⁰. Определенный интерес этот исследователь проявлял к работам Рихарда Турнвальда, которому он посвятил специальную статью с полной библиографией ученого⁵²¹. Современники и коллеги Тримборна всегда подчеркивали его отрицание расизма, а также ораторский талант.

Выше уже неоднократно упоминалось имя одного из интереснейших австрийско-немецких этнологов, *Карла Еттмара*. Он принадлежал к поколению послевоенных ученых, при этом его научная деятельность началась еще в 1950-х гг. Как это видно из сказанного в предыдущих разделах, круг его научных интересов был весьма широк. Формально он не принадлежал ни к какому из теоретических учений своего времени, однако последовательно стоял на позициях «исторического» направления. Его научный вклад был уже в рассматриваемое время, не говоря о позднейшем, весьма существенен, и охватывал проблемы общей этнологии и изучения кочевых народов Передней Азии. Еттмар был среди первых ученых, не только распознавших, но и писавших об опасности «социологизации» этнологии, и утерю ею вследствие этого своей специфики как самостоятельной науки. Затрагивал он и проблемы историографии и ряд других проблем.

Весьма интересными можно считать мысли Еттмара о задачах этнологии. Отрицательно он отнесся к тому, что «время от времени предпринимаются попытки включить в этнологию изучение «высоких» культур (т. е. цивилизации — *Г.М.*). Становление этнологии как самостоятельной науки стало возможным, по его мнению, «лишь вследствие дискриминации части человечества, которая стала объектом этой науки... почему в некоторых развивающихся странах этнология оказалась проклятой». Хотя Еттмар прямо не высказывал своего мнения об основном объекте этнологии, можно все же понять, что это «естественные» (т. е. первобытные и полупервобытные народы — *Г.М.*). «Естественные» народы он рассматривал как «группы, которые благодаря счастливому равновесию не оказались вовлеченными в цепной процесс, который мы называем «высокими» культурами, и который кончится глобальной катастрофой. Естественные народы избежали втягивания в этот процесс вследствие своего окраинного положения и малочисленности. Они оставались в гармонии, пока к ним не вторглись пришельцы».

Что касается проблематики, связанной с историей этнологии, то в рассматриваемое время она привлекала постепенно все большее его внимание. Как справедливо в свое время заметил Карл Еттмар, бóльшая часть этнологов останавливались лишь кратко во введениях к своим исследованиям на теоретических исследованиях ученых прошлого, «*препарир*уя те места из работ других авторов, которые соответствуют их современным взглядам». Нельзя не согласиться и с другим утверждением Еттмара, что «до сих пор существуют лишь отрывочные данные об истории этнологии», и «в настоящее время» (то есть в середине 1960-х гг.) в ней существует «определенный» застой в методических вопросах. При этом автор справедливо полагал, что «в прошлом можно обнаружить многие интересные и заслуживающие внимания идеи»⁵²². Любопытно, что, анализируя положение в немецкой этнологии, он затронул и советскую этнографию. По его словам, «до недавнего времени ни одна из этнологических школ не рассматривала свою науку в такой степени в рамках истории, как советская. Подготовка этнографа включала многолетнее изучение истории». Вместе с тем, в какой-то мере справедливо мнение Еттмара о том, что «с внезапным вторжением американских идей (в советскую этнографию — Г.М.), историческое направление стало сокращаться»⁵²³.

Следует еще раз подчеркнуть, что Еттмар предупреждал против опасности вторжения в этнологию социологического направления. Эту опасность он усматривал в том, что если задачи этнологии рассматривать как «выработку в качестве типов процессов и институтов, то в стороне останутся живые объекты»⁵²⁴. По поводу мнения Еттмара о последствиях «социологизации» этнологии необходимо отметить, что для того времени эта угроза еще не была столь значительной, как в последующие десятилетия, и констатация этого процесса, не ставшего еще всеобщим и фатальным, затрагивала лишь отдельные явления.

Отдавая должное научным заслугам Карла Еттмара, следует добавить, что некоторые его труды оказали определенное влияние на формирование взглядов ав-

тора настоящей книги в годы аспирантуры на теоретические проблемы происхождения и социального строя номадизма.

Довольно подробно рассматривал задачи исторической этнологии австрийский этнолог Алоиз Клосс в книге «Культурная история и эволюция»⁵²⁵.

Сторонником исторического направления в этнологии был также Хельмут Петри, отстаивавший его позиции⁵²⁶.

Как уже отмечалось выше, в разделе об основателе культурно-морфологического направления Лео Фробениусе, оно так и не стало в полном смысле слова школой, так как даже самые близкие сотрудники Института культурной морфологии не разделяли большинства теоретических взглядов своего учителя. То, что в какой-то мере характеризовало почти всех культурных морфологов, было критическое отношение к Культурно-исторической школе Вильгельма Шмидта и преимущественный интерес к явлениям духовной культуры. Впрочем, пожалуй, каждый из этнологов, условно примыкавший к культурно-морфологическому направлению, стоял на каких-то своих собственных теоретических позициях, в той или иной мере отличных от взглядов прочих сотрудников Института. В той или иной мере к этому направлению примыкали А. Энзен, Э. Хаберад, Х. Штраубе и ряд других.

Несколько ближе других к взглядам Фробениуса стоял его ученик, унаследовавший впоследствии руководство Институт культурной морфологии, *Адольф Энзен* (1899 – 1965), принимавший в некоторых своих работах отдельные стороны учения Фробениуса о «пайдсуме»⁵²⁷. Энзен был одним из крупнейших специалистов в Германии в области исследования религиозных верований. Однако только вопросами религии Энзен не ограничивался, и им был написан ряд работ, в которых рассматривались общие вопросы теории и методики этнологии. В какой-то мере этого ученого можно считать и сторонником исторического направления, хотя сам он об этом прямо не говорил.

После завершения образования Энзэн защитил в Киле диссертацию на степень доктора философии и в 1923 г. поступил в Институт культурной морфологии в Мюнхене. Начиная с 1925 г. он начал работать во Франкфурте, где в 1933 г. защитил диссертацию на степень доктора наук и начал работать во Франкфуртском музее этнологии. После смерти основателя Института культурной морфологии Лео Фробениуса, и начала Второй мировой войны, со стороны властей начались преследования деятельности Института. И только благодаря поддержке ряда влиятельных лиц удалось избежать его закрытия. В 1938 г. Энзен был назначен директором Института культурной морфологии. Научную и административную работу он сочетал с преподаванием этнологии в университете, но в 1940 г., по политическим причинам, работа в университете была ему запрещена. С этого времени и по 1945 г. Энзен проходил воинскую службу. После окончания войны он был назначен, одновременно с руководством Институт, директором музея во Франкфурте, а с 1946 г. стал также ординариусом по этнологии во Франкфуртском университете.

Путь в науку оказался у Энзена довольно своеобразным. Образование он получил частично философское, а частично естественно-математическое, и в начале он интересовался проблемами управления. Поступив еще в молодости в Институт культурной морфологии в Мюнхене, он отказался заниматься теми направлениями научной работы, которые разрабатывались его учителем Лео Фробениусом, и через какое-то время обратился к исторически ориентированной этнологии, которой оставался верен до конца жизни.

Научная деятельность Энзена протекала в двух направлениях: в разработке теоретических проблем истории религии и общей этнологии, а также в экспедиционных исследованиях.

Еще в 1933 г. Энзен основал серию франкфуртских «Исследований культуры» и открыл ее статьей «Обрезание и церемонии зрелости у первобытных народов», встретившей положительный отклик у научной общественности. Его экспедиционная деятельность

началась в 1928 — 1930 гг., когда он сопровождал Фробениуса в путешествии в Южную, а в 1932 г. — Северную Африку. Однако результаты этих поездок в то время мало отразились на научной деятельности Энзена. В последующие годы он предпринял несколько самостоятельных экспедиций: в 1934 — 1935 гг. в южную Эфиопию, а в 1937 — 1938 гг. на Молуккские острова и на остров Керам. Первые результаты этих экспедиций были опубликованы им через два года. Но следующие труды, посвященные результатам экспедиционных исследований, ученому удалось издать только после окончания войны в 1948 г. Главной областью научных интересов Энзена в Эфиопии была система «гада» у дарасса и система «дыла» у народа консо. В ходе экспедиции на Цераме, основным объектом изучения ученого была мифология. Особенно занимал его миф о божественной деве «Хайнувеле», из чьего расчлененного тела произошли, по мифу, фрукты и другие растения⁵²⁸.

Интерес Энзена вызывали обсуждаемые в послевоенное время проблемы предмета и задач этнологии. В одной из специально посвященных этим вопросам статье он останавливался на задачах этнологии в связи с эмпирическими исследованиями. По его мнению, недостатком являлось то, что в этнологии его времени основное внимание обращалось на первобытные и докапиталистические народы, тогда как следует изучать не только «малые автономные», но и «комплексные» общества. Под малыми автономными обществами Энзен имел в виду «отсталые» народы, которых по его словам, «уже почти нет», и изучать их можно только исторически, по старым источникам». В связи с этим ученый призывал изучать эмпирически современные «комплексные общества». По мнению Энзена, некорректно понятие «развивающиеся страны». Особо важной задачей, как он полагал, было изучение «комплексных общностей», их исторических корней. Положительно он оценил и постановку изучения проблем «аккультурации».

Но в целом, со всеми отмеченными выше оговорками, Энзен все же считал, что предмет этнологичес-

кой науки составляют «так называемые естественные народы», что в известной мере противоречило его отмеченным выше взглядам. Одновременно он оговаривался, что в своей основе это определение не точно, так как эти народы подчиняются не только Природе, но и используют свою культуру, «которая, однако, иная, чем у нас». Поэтому Энзен полагал, что правильнее говорить о *бесписьменных народах*, так как все они до прихода европейцев не имели письменности. Очень бегло, в нескольких строчках, автор дал обзор истории немецкой этнологии, справедливо отметив при этом ущерб, который понесла этнология в ходе Второй мировой войны. Касаясь методики полевых исследований, Энзен писал, что ученый «избирает наименее затронутый европейским влиянием регион и живет там некоторое время вместе с местными жителями. При этом он принимает участие в повседневной жизни, праздниках и ищет подходящих информаторов. Таким образом, исследователь постепенно начинает понимать культуру народа». Таким образом, Энзен выступал сторонником метода весьма эффективного, но называемого в российской, впрочем, и зарубежной литературе, несколько неудачным термином «включенное наблюдение». Говоря о предмете этнологии, автор концентрировался, прежде всего, на семейно-брачных отношениях, обрядах и возрастных классах. При этом, как он отмечал, на первом месте стоит проблема выяснения причин возникновения тех или иных культурных явлений. По мнению Энзена, возникновение дуальной системы в брачных обычаях «является отражением полярности, существующей в мире. Антагонизм дня и ночи, солнца и луны, неба и земли, темного и светлого, мужчины и женщины». Из этого он делал довольно сомнительный вывод о том, что разделение племени на две части — это приспособление к особому устройству мира, к управляющему им закону». В той же работе автор отрицательно комментировал попытки многих авторов объяснять различие в культурных явлениях у первобытных и культурных народов их психическими свойствами, в том числе гипотезу Леви-Брюля об отсутствии у первобытных людей логического мышления.

Рассматривал Ензен и большой комплекс проблем о сходстве в культурах у различных народов в разных областях земли. И здесь он, пожалуй, в виде исключения, выступил как последователь идей Фробениуса. Как он писал: «Фробениус высказал гениальную догадку, что можно выделить последовательность культур. Иными словами: среди первобытных народов и сегодня существуют сохраняющие культуру, возникшую в отдаленные времена, и свидетельства предшествовавших им культур, доступных лишь археологическим исследованиям». В связи с этим ученый приходил к парадоксальному и, как думается, ошибочному выводу о том, что «вследствие этого этнология оказывается близкой к самой ранней истории первобытного общества, охватывающей период в 500000 лет». Предлагал ученый и другой, не менее сомнительный вывод о том, что «исторический подход к первобытности дает более полную картину, чем скудные находки археологов». В связи с этим автор рекомендовал «...установить географическое распространение отдельных культурных элементов и нанести их на карту. Из сопоставления такого рода карт станет возможным делать выводы о взаимоотношении отдельных элементов. Установленный таким образом комплекс получил название «культурного круга». В результате получилась картина истории человечества благодаря исследованиям Гребнера. Но далее Ензен предпринимает попытку как бы усовершенствовать конструкцию Гребнера, и дать более адекватную историю развития культуры. По его словам, в свое время возникли сомнения в учении Гребнера. Вследствие этого оно «рухнуло, но фундамент остался, и более осторожно, чем прежде, нужно совместно с доисторией создавать новую конструкцию. Однако эта конструкция еще далека от завершения, а возможно и никогда не достигнет завершенности»⁵²⁹. С последними словами автора можно вполне согласиться. Что же касается высказанного им о «культурных кругах», то к их критике нет смысла еще раз возвращаться. Об их «механицистичности» и случайности подбора признаков уже достаточно было сказано выше. Да и новейшие немецкие исследователи давно отказались от этой

гипотезы. Вместе с тем, нельзя не отметить как положительное явление постоянное обращение Ензена к истории и, в частности, его слова о том, что «Этнология принадлежит к исторической науке и многое может дать для изучения культурной истории»⁵³⁰. Рассматривал он также общие проблемы культурной морфологии, ее методы и методологию⁵³¹.

Но, всё же, основную сферу научных интересов Ензена составляли проблемы истории религии и мифология, чему он посвятил значительное число исследований. В качестве примера можно привести его книгу о мифах и культе у первобытных народов, в которой он продолжил тему, начатую еще в 1949 г., когда издал 2-томный труд «Религиозная картина ранней культуры», в которой речь шла о религиозном мироощущении ранних земледельцев.

В начале книги «Миф и культ у первобытных народов» автор справедливо утверждал, что все духовные свойства первобытного и современного человека одинаковы. Говоря о постановке проблем в книге, нельзя не отметить, что поскольку ученый в значительной мере ограничивался культурами земледельцев, это делало рассматриваемую им картину недостаточно полной. Он оговаривался, что из рассмотрения он исключает две проблемы. Первую — происхождение религии, «так как современные методы ничего не могут дать для ее решения. И вторую — возможность установления последовательности форм верований»⁵³². Отказавшись исследовать обе отмеченные проблемы, автор, тем не менее, ставил вопрос о существовании религиозных явлений и пытался раскрыть и объяснить религиозные феномены. В какой-то мере он следовал при этом некоторым положениям Лео Фробениуса, используя, в частности, выработанные им вспомогательные понятия «Ausdruck» и «Anwendung» (выражение и применение). Как считал Ензен, «всеобщий культурно-морфологический закон состоит в переходе от «выражения» к «применению», что «позволяет реконструировать религиозные явления у первобытных народов»⁵³³. Далее он высказывал мнение относительно вспомогательных средств для реконструкции «стадии выражения». При-

менение выработанных Культурно-исторической школой сопоставлений со сходными параллельными явлениями он считал методически сомнительным и очень сложным. Сам же он предлагал применять подход, который исходит из того, что духовные силы всех людей одинаковы, что позволяет реконструировать путь возникновения культурных явлений. По широкому кругу проблем Энзен вступал в спор с преанимистической, анимистической и прамотеистической теориями. Последователей этих концепций он упрекал в том, что они искажают картину сущности доисторического человека, усматривая в нем существо, исходящее исключительно из практических целей, что рисует его как интеллектуально неполноценного. Автор осуждал последователей прамотеистической теории за то, что они рассматривают не действительно первобытного человека, а позднюю стадию первобытности, причем в неверном свете. Особенно резко выступил Энзен против взглядов Леви-Брюля за то, что он считал первобытного человека иным, чем мы. Попутно исследователь отмечал, что следует относиться с осторожностью к объяснению туземцами происхождения различных культурных явлений, и больше обращаться к мифам. Различия между первобытными и цивилизованными народами Энзен усматривал, прежде всего, «в значении, уделяемом ими духовным ценностям». У первых она, по его словам, иная, чем у вторых. Кроме того, добавлял Энзен, у первобытных существует устойчивый взгляд на различные явления, тогда как у цивилизованных людей он меняется. Однако, отмечал далее автор, последнее наблюдается и в первобытном обществе, когда оно становится «развивающимся». В связи с этим положением Энзена следует заметить, что в его постановке проблемы исчезает реальная разница между цивилизованными и первобытными обществами, так как не ясно, о каких культурных явлениях идет речь.

Затрагивается в обсуждаемой книге «Миф и культ у первобытных народов» и вопрос, остающийся поныне актуальным. А именно, о существовании понятия «прогресс» и его месте в культурной истории. Как известно, в XIX и начале XX в. эта проблема рассматрива-

лась практически только сторонниками теории развития, эволюционистами, которые стояли на позиции признания наличия прогресса во всех сторонах бытия. Энзен занимал в этом отношении, как думается, значительно более взвешенную позицию, чем многие другие авторы, считая, что можно говорить только о техническом и других, поддающихся конкретному описанию, процессах прогресса. Возможность же распространять понятие «прогресс» относительно всех культурных явлений, Энзен категорически отрицал, так как каждое из них имеет собственную ценность. К тому же он вообще отрицал правомерность сопоставления между собой культурных ценностей, которые можно понять только посредством субъективного восприятия. Поэтому автор считал, что изменение культуры — это лишь изменение ее *стиля*.

Начиная со второй главы книги, Энзен излагал свои теоретические взгляды о культурных процессах, связанных с религией. При этом он считал, что для всех ранних религий (вернее было бы говорить о *религиозных верованиях* — Г.М.) свойственно соединение мифа и культа в единое целое. А мифологическое объяснение мира является существенным фактором при возникновении культуры, и оказывает влияние на все стороны жизни людей. Для Энзена весь облик культуры выглядел как приспособление к мифологически осознанному миропорядку. «При этом культы — торжественная демонстрация этого миропорядка». Значение культа Энзен усматривал в том, что он является средством взаимных контактов, особенно для передачи существенных знаний о мире подрастающему поколению племени, что происходило в ходе инициаций. Другое значение культа Энзен объяснял тем, что он является «играми» но не так, как это понимал Фробениус, в виде *Ergriffenheit* (воодушевления). А таким образом, что в «игру» входили элементы творчества, формировавшие миф. Позднее начиналось подключение сказки, истории, которые несли в себе элементы мифа, но уже без осознания его существа. По словам автора книги, и в религиях содержится миф, однако, лишенный его былого содержания.

Во второй части книги Энзен рассматривал многие спорные теоретические проблемы истории религии. Прежде всего, он справедливо утверждал, что не существует безрелигиозных народов. Вместе с тем нельзя согласиться с его похвалой в адрес прамотеистической концепции Культурно-исторической школы за то, что она, в отличие от преанимистической концепции, теории колдовства и анимизма, акцентирует внимание на представлении об идее бога. Едва ли можно согласиться также с утверждением автора о том, что «уже наиболее примитивные из известных народов обладали идеей божества». Едва ли андаманцы, кубу и многие другие первобытные народы имели представление о божестве.

Монотеистическому божеству Шмидта Энзен противопоставлял «Дема — божество» (Dema — Gottheit).

В связи с религиозными представлениями охотников Энзен поднимал спорный вопрос о том, является ли тотемизм религией. На него он отвечал частично *да*, а частично *нет*. В отличие от существовавших в его время взглядов, автор книги не связывал экзогамию и унитарное происхождение, считая их следствиями связей с мифологическими представлениями о дуализме мира. В отличие от Тайлора, отрицавшего наличие этических норм в первобытности, и Шмидта, считавшего, что они существовали лишь у тех, у кого сохранялся монотеизм, Энзен утверждал, что такого рода нормы действуют в первобытном обществе.

В 3-й главе своего труда Энзен останавливался на весьма любопытном вопросе о колдовстве, возможно справедливо полагая, что древние и современные люди одинаковы в отношении к нему. Однако согласиться с ним в том, что «магию нельзя возвести к религии (вернее, религиозным верованиям), и она по отношению к религии вторична», нельзя.

По поводу книги в целом, можно сказать, что хотя в ней много устаревших или просто неверных выводов, но наряду с ними обнаруживаются свежие и заслуживающие внимания мысли. Выводы Энзена по многим проблемам истории первобытности встретили резкую критику со стороны некоторых представителей социо-

логического и функционального направлений и, в частности, со стороны В. Мюльмана, не внесшего, кстати, особой ясности в рассматриваемые проблемы⁵³⁴.

Интересна в историографическом отношении и другая книга Энзена «Религиозная картина одной ранней культуры»⁵³⁵.

В этом труде его автор поставил себе цель критически рассмотреть с позиций культурно-морфологического направления некоторые теоретические положения Венской культурно-исторической школы. Так, учение о культурных кругах он категорически оценивал как ошибочное, тем более, что все попытки его усовершенствования не дали положительных результатов. При этом он останавливался на вопросе, кто же является основоположником концепции культурных кругов: Гребнер, Анкерман или Фробениус. Отдавая приоритет последнему, он, вместе с тем, считал, что гипотеза о культурных кругах его учителя не привела к положительным результатам.

Как и в других своих произведениях Энзен утверждал единство психики и способности к культуре у людей всех уровней развития. Вместе с тем Энзен в то время еще использовал терминологию Фробениуса и полагал, что если говорить о культурных кругах, то, только учитывая «пайдеумические» различия в мифологии. Подробно рассматривались содержание и значение мифа об «убитом боге», о представлениях о смерти и размножении, мире мертвых и т. п. Как он писал, мировоззрение первобытных находит выражение в культе и мифе. Их вместе он обозначал как «мистерия» и, впрочем, без большого успеха, пытался выяснить, какие элементы культуры созданы «пайдеумой», а какие заимствованы.

Можно упомянуть еще одну, несколько более позднюю работу Энзена «Убитое божество. Картина одной ранней культуры». Над этой книгой Энзен работал до последних лет жизни, и в свет она вышла уже после его смерти. Это произведение ученый рассматривал как свое духовное завещание. В центре рассуждений Энзена находилась культура, которую он называл и считал «древнеземледельческой» (Altpflanzer) — куль-

турный слой, широко распространенный в Америке, Африке, Юго-Восточной Азии, Индонезии и Меланезии. Так как у представителей этого «слоя» наблюдаются известные черты сходства в некоторых элементах культуры, Ензен сделал сомнительный вывод об их общем происхождении. Приходил он и к такому парадоксальному выводу, что бытование у представителей «слоя клубневых культур» сходных явлений объясняется «религиозной картиной мира». В основе же этой картины лежит представление об убитом божестве. Убийство или смерть божества Ензен связывал с культом поедания клубневых растений⁵³⁶.

Едва ли можно согласиться с большинством выводов в рассматриваемом труде. Сомнительно то место в истории, куда Ензен помещал культ убитого божества. Не имеют доказательной силы примеры, взятые из разных, отдаленных и не связанных между собой регионов мира. Построения исследователя свидетельствуют, что во многом он остался последователем Фробениуса, рассматривая культуры в виде живых структур в смысле культурной морфологии.

Проблемам первобытных верований и культов был посвящен также ряд статей Ензена, повторявших в принципе то, что содержалось в его капитальных трудах⁵³⁷.

С культурно-морфологических позиций рассматривал Ензен и происхождение земледелия в статье «Происхождение земледелия с точки зрения мифологии»⁵³⁸. Но и данные, на которые он опирался, и выводы уже безнадежно устарели.

Несмотря на всю критику взглядов Ензена, высказывавшуюся его современниками, нельзя все же не отметить, что его труды оказались в свое время неким этапом в изучении ранних религиозных верований. И хотя в целом его концепции не выдержали испытания временем, уже сама по себе постановка многих проблем заслуживает и сегодня определенного внимания.

Проблемы культурной морфологии затрагивали в своих работах также Ю.А. Глюк и некоторые другие авторы⁵³⁹.

Что весьма характерно для дальнейшей трансформации взглядов исследователей, формально принадлежащих к культурно-морфологическому направлению это то, что с 1966 г. журнал «Пайдеума» стал выходить под новым названием «Mitteilungen zur Kulturkunde», причем первый том был посвящен обсуждению проблемы «Историческая этнография сегодня».

■ Социология, этносоциология, функционализм

Чрезвычайно сложно, а пожалуй и невозможно, назвать исследователей, представлявших лишь одно из названных научных направлений. Хотя и еще медленное в послевоенное время распространение идей культурной антропологии в Германии и Австрии происходило обычно на фоне «социологизации» этнологии, а также в связи с идеями этносоциологии и других модных в то время учений. В связи с этим отнесение того или иного немецкого ученого к числу, скажем, функционалистов или этнопсихологов может быть лишь чисто условным, так как в действительности культурная антропология включает в комплексе все эти учения. Дальнейшую разработку и распространение в первые послевоенные годы получили в этнологии так называемые «социологическое» и «психологическое», отчасти и «функциональное» направления, связанные, прежде всего с именем известного исследователя Рихарда Турнвальда. Как уже отмечалось выше, еще в начале 1930-х гг. он предложил новое научное направление *этносоциологию*, а еще раньше немецкий вариант *функционализма* и теорию *аккультурации*, что во многом положило начало «социологизации» немецкой этнологии⁵⁴⁰. Такого рода научная ориентация Турнвальда объяснялась, как уже отмечалось выше, тем, что многие годы он провел в Америке. Там он читал лекции, занимался научной работой и воспринял многие положения американской культурной антропологии,

которую он, как и некоторые его ученики, пропагандировали в Германии. Однако подавляющая часть немецких ученых, во всяком случае в рассматриваемое время, относились к теоретическим взглядам Турнвальда без особого одобрения, если не сказать резко отрицательно, отстаивая традиционные для Германии подходы в этнологии, и возражали против превращения этой науки в придаток социологии.

В 1946 г. Турнвальд был приглашен в качестве ординарного профессора (профессора с полной учебной нагрузкой) на философский факультет Университета им. Гумбольдта (Восточный Берлин и восточная зона оккупации). Таким образом, только в преклонном возрасте Турнвальд впервые в жизни стал ординариусом со всеми правами и полной оплатой. На факультете Турнвальд читал лекции на темы «Пути и тупики возвышения человека и его общественное поведение», «Прогресс, ход, перестройка — их причины и следствия», а также вел практические занятия по социологии. Одновременно его избрали действительным членом Академии наук в Восточном Берлине. Несмотря на преклонный возраст, Турнвальд приступил к организации при университете Института социальной психологии и этнологии. У института не было собственного помещения, и Турнвальд читал лекции у себя дома, предоставляя студентам для пользования свою домашнюю библиотеку, насчитывавшую свыше 5 тысяч томов. Институт Турнвальда был присоединен к Немецкой исследовательской школе, что дало некоторый приток денежных средств. Несмотря на огромные трудности для научной, а тем более полевой работы в разрушенном городе, Турнвальд вернулся в 1946—1947 гг. к социологическим и этносоциологическим исследованиям, осуществляемым на средства американской администрации. Руководство институтом он поручил своей жене Хильде Турнвальд. С группой из 35 студентов он провел социологическое изучение проблемы приспособления жителей Берлина к послевоенным условиям, и в 1958 г. опубликовал полученные результаты. В руководстве студентами Университета им. Гумбольдта Турнвальду помогала его бывшая ученица Зигрид Хел-

льбуш⁵⁴¹. В 1948 г., при поддержке Немецкой исследовательской школы, доктором Хансом Мартином были осуществлены под руководством Турнвальда социологические исследования берлинской молодежи и, в частности, осужденных юных преступников.

В 1949 г. Турнвальд в очередной и последний раз посетил Америку, куда он был приглашен на этнологический конгресс и для чтения лекций. Там же он отпраздновал в кругу друзей свое 80-летие.

Но если деятельность Турнвальда одобрялась американскими оккупационными властями, то его отношения с руководством Университета им. Гумбольдта и восточноберлинской администрацией становились все напряженней. Его обвиняли в том, что в его Институте учатся 8 студентов из Западного Берлина, а также в том, что он выполнял американские заказы на социологические исследования на средства Немецкой (восточногерманской) высшей школы. Причины конфликта лежали также в проамериканской политической ориентации Турнвальда, противоречащей порядкам, устанавливавшимся в Восточной зоне оккупации.

В 1948 г. Рихард и Хильда Турнвальд приняли участие в заседании, посвященном возможности основания в Западном секторе города Свободного университета. Участники заседания исходили из того, что «гнет, шпионаж, аресты студентов в университете им. Гумбольдта делают невозможным свободное обучение». Однако в новый Свободный университет Турнвальд перешел только спустя несколько месяцев, когда защитились его последние докторанты⁵⁴². Переезд Института Турнвальда из Восточного Берлина в Западный был связан для ученого со значительными материальными потерями, так как Турнвальду пришлось отказаться от пенсии и руководства кафедрой в Университете им. Гумбольдта.

В Западном Берлине деятельность Института получила поддержку американских оккупационных властей и друзей из Йельского университета (США). В 1951 г. институт был включен в состав Свободного университета Западного Берлина, созданного главным образом на американские средства, и через несколько

лет переименован в Институт этнологии. Турнвальд получил звание ординарного (полного) профессора и был назначен директором своего института⁵⁴³. В Западном Берлине Турнвальд продолжал интенсивную научную деятельность и преподавание.

Последние полтора года жизни Турнвальд много болел, и в 1952 г. обратился к руководству Свободного университета по поводу перевода на пенсию: у него болезнь Паркинсона, у него парализована нога. Однако его просьба была отклонена сенатором Внутренних дел университета. И Турнвальду пришлось продолжать педагогическую деятельность. Он читал лекции на тему «Новейшие психологические течения в социологии». В зимнем семестре 1951/52 г. он прочел курс «Пред-, ранне- и полностью государственная жизнь и последствия культурного контакта», а в следующем семестре «Семья, род, племя, народ, нация в отношении политической организации». Летом 1953 г. Турнвальдом был прочитан курс «Жизнь и мышление в примитивных, археологических и прочих чужих культурах», а также он проводил со студентами социально-психологические упражнения. В последнем семестре 1953 г., незадолго перед смертью, он прочел студентам курс «Ранние формы государственного образования». Несмотря на возраст — 82 года, и плохое здоровье, Турнвальд, кроме работы со студентами, подготовил психологическое исследование «Пробуждение человеческого духа, возрастание и заблуждение»⁵⁴⁴, переведенное вскоре на английский язык. Одновременно он прилагал большие усилия для возрождения журнала «Социологус», что требовало значительных финансовых затрат, предоставленных ему зарубежными учеными и фондом Wenner Green Foundation in New York. До конца жизни Турнвальд оставался редактором «Социологуса».

Рихард Турнвальд умер во вторник 19 января 1954 г. Это событие было отмечено в западноберлинской газете «Tagesspiegel», которая опубликовала некролог Гердта Кутшера. Некрологи появились также в интернациональных изданиях⁵⁴⁵.

После смерти ученого осталось значительное неопубликованное научное наследие, которое, как пред-

полагалось, будет издаваться Хильдой Турнвальд. Однако она не сочла себя достаточно компетентной для такой сложной работы и предприняла поиски нужных людей для обработки рукописей. Предложение поступило из Новой Гвинеи, куда и были отправлены рукописи. Их дальнейшая судьба осталась неизвестной. Злоключения Турнвальда не прекратились и после его смерти. Так, когда однажды Хильда Турнвальд пришла на его могилу, она ее не обнаружила. Каким образом она исчезла, выяснить так и не удалось⁵⁴⁶.

Область научных интересов Турнвальда находилась в послевоенное время, как и до войны, в значительной мере в сфере социологии, этносоциологии, этнопсихологии, психологии, аккультурации, отчасти функциональной этнологии, а также культурной антропологии, вопрос о которой первым в послевоенные годы поставил Е. Кассиерер⁵⁴⁷.

Во многих работах Турнвальд обращался к проблемам содержания, целей и задач науки о народах. В капитальном исследовании «Структура и содержание науки о народах» он рассматривал в свете этносоциологии задачи полевых исследований краткую историю немецкой и англосаксонской этнологии и содержание и цели науки. Разделяя многие положения созданного не без его участия функционального учения, Турнвальд высказывал мнение, не разделявшееся основателями английского функционализма о том, что в истории происходит *развитие* культур, в ходе которых низшие культуры превращаются в высшие. Однако не в виде однолинейной и прямолинейной эволюции, а разными путями, которые автор иллюстрировал многочисленными примерами. Отрицая экономический детерминизм в развитии культурных явлений, Турнвальд не исключал в некоторых случаях примат хозяйства. В связи с этим он предлагал выделять так называемые *культурные ступени* (позднее он назвал их *горизонтами*), выступая против распространенных взглядов о статичности культуры. Одновременно автор рассматривал вопрос о характере динамики развития «многообразных линий» культурных явлений, о внутренних связях между частями человеческой культуры и, особенно,

между хозяйством и обществом. Целиком теоретическим вопросам посвящена заключительная глава рассматриваемой книги, в которой Турнвальд обратился к «запутанной», по его словам, проблеме прогресса человеческой культуры. При этом он высказал мысль, что «проявляя известную осторожность» можно выяснить прогресс цивилизаторских достижений (накопление опыта в хозяйстве и технике). Однако, как отмечал далее исследователь, значительно сложнее выяснить линии развития общественных форм, семьи, и только «в известных границах» можно понять причины и ход развития духовной жизни. Думается, что оба эти вывода справедливы. Говоря о методологии и методике науки о народах, Турнвальд высказывал мысль, что в ней должны сочетаться исторический и функциональный методы. И что это даст возможность выяснить динамику человеческой культуры во всем многообразии ее проявлений⁵⁴⁸. В той же работе автор в очередной раз высказал свое мнение о структуре науки о народах, определяя *этнографию* как ее ветвь, призванную описывать народы, и *этнологию*, как науку обобщающую⁵⁴⁹. Как полагал исследователь, этнология имеет огромное практическое значение, особенно с германской «национальной» точки зрения.

По поводу рассматриваемой работы была опубликована рецензия этнолога Гюнтера Шпаннауса, в которой он наряду с конспективным изложением содержания труда Турнвальда, высказал и некоторые собственные оценки. Так, Шпаннаус усмотрел достоинства теоретических подходов Турнвальда в том, что он, «в отличие от прочих функционалистов, считает, что происходит процесс развития низших культур в высшие, но без ошибочного понимания прямолинейной эволюции. На многочисленных примерах он показывает различные пути, по которому идет эволюция». Положительно оценил рецензент и то, что «автор удачно избегает историко-материалистических взглядов о хозяйственном детерминизме культурных явлений», а также «стремится преодолеть прежние статические взгляды о существовании культуры, ищет динамику их развития и исследует многообразие линий развития, а

также внутренние связи между частями человеческой культуры, особенно между хозяйством и обществом». По мнению Шпаннхауза, особый теоретический интерес имеет шестая, заключительная, глава труда, в которой рассматривается вопрос о «прогессе» человеческой культуры. Рецензия завершается в общем благожелательной оценкой произведения Турнвальда, «в котором благоприятно сочетание исторического и функционального метода, что дает возможность выяснить динамику человеческой культуры»⁵⁵⁰.

Внимание Турнвальда постоянно привлекала проблема духовного развития первобытных народов. В отличие от высказывавшихся мнений о том, что отсталость многих внеевропейских народов от цивилизованных является следствием расовой, физической и психической неполноценности, автор совершенно иначе подходил к этому вопросу. Исследуя психологические аспекты духовного развития первобытных народов, он пришел к выводу, что существует зависимость между их общественным устройством и уровнем культуры. При этом особое внимание Турнвальд уделял роли личности у первобытных народов и тому, что общество регламентировано поведением личности, и вырабатывает, соответственно, определенные нормы поведения. Говоря о природной основе личности, Турнвальд не отрицал наличие биологических особенностей, однако считал, что определяющими факторами ее развития являются не природные качества, а социальные: взгляды, способности, потребности, интересы, моральные убеждения. Из этого вытекал и заключительный вывод автора, гласивший, что личность выступает как целостность, тип которой формируется определенной социальной системой⁵⁵¹.

Как и в более ранних исследованиях, в своих последних работах Турнвальд подходил к рассмотрению психологических, хозяйственных и социальных проблем с позиций исторической перспективы, имея целью выяснение происхождения и изменения человеческой социальной организации. Ее начало он усматривал в возникновении наиболее ранней группировки людей по родственному признаку в областях с доста-

точным пищевым обеспечением. Далее, как он полагал, в условиях убывающего обеспечения пищей, у охотников-собирателей происходило расщепление на локальные группы, причем некоторые из них начинали предъявлять повышенные претензии на пользование определенной территорией. Между локальными группами устанавливался обмен. Постепенно из родственных групп стали возникать кланы (роды). Последние, вследствие совершенствования добывания пищи, также начинали расщепляться. Происходило отделение земледельцев от охотников-собирателей, что сопровождалось усилением конкуренции за территорию. Постепенно происходило ответвление от хозяйственных типов охоты и собирательства, пастушества. Далее, по мнению Турнвальда, началась этническая стратификация, приводившая к возникновению «политических агрегатов»: пастухов — высшего слоя, и зависимых от них земледельцев или охотников-собирателей. Далее происходило возникновение городов и деревень-государств. Начиналось социальное расслоение, и складывались королевства. Естественно, что столь примитивная схема общественных процессов, противоречащая фактическому материалу, не была принята даже ближайшими сторонниками Турнвальда.

Исследователя занимали также проблемы истории семьи и места в ней женщины. Как он считал, все в семье всегда определялось мужчиной, тогда как «материнское господство» (матриархат) и подобные институты, по справедливому мнению Турнвальда, недоказуемы. Вместе с тем он полагал, что существовала известная самостоятельность полов, проявлявшаяся в строгом разделении труда, что также представляется в принципе верным. Переходя к более высоким уровням социальной организации, Турнвальд следующим образом определял этапы становления государственности и возникновения права: а) самостоятельно защищающие себя группы могут быть определены как «суверенные»; б) соединение родственных групп также было «суверенным» в виде орды, клана и др.; в) понятие «государство» — нечто большее, чем такая «суверенность». Это группа организованных людей, связи меж-

ду которыми лежат *над* родством. Там, где этот принцип полностью не соблюдался, существовали «предгосударственные» образования, в которых еще не господствовал «этнический принцип»⁵⁵².

Основное внимание Турнвальда, как и в прошлые годы, привлекали теоретические проблемы человеческих сообществ — их возникновение, формы и развитие. Этим вопросам была, в частности, посвящена большая статья ученого, озаглавленная «Изменение явлений и идей общежития».

Вводя читателя в суть своих идей, автор отмечал, что «...драма в отношении темы «человек» продолжается с незапамятных времен». Предлагая свой метод исследования, Турнвальд писал, что исторические события и времена составляют «серии», как, к примеру, время от шумеров до Вавилона, или другая серия — от Античности и до латинских и германских культур. Наблюдение над одной серией не дает возможности охватить их все, поэтому необходим строгий анализ всех исторических серий, так как поверхностное сходство может привести к неверным заключениям. Чтобы избежать этой опасности, автор предлагал, прежде всего, сгруппировать культуры прошлого и чужие (этнографические) культуры: 1) культуры «естественных» (первобытных — Г.М.) народов; 2) «архаические» культуры — их носителями были шумеры, мидийцы, древние египтяне и другие, для которых свойственна государственная организация. К этой серии автор относил также «классические» культуры — Греции и Рима; 3) и «экзотические» культуры Китая и Индии, а также культуры буддизма и ислама. Вместе с тем ученый оговаривался, что при таком «грубом делении культур часто трудно найти место отдельных стран и народов, так как в каждом народе имеются личности и группы, которые могут быть названы «прогрессивными», что характерно и для «экзотических» и «естественных» народов»⁵⁵³.

В той же статье Турнвальд предпринял попытку определения существа понятия «развитие». Говоря об «учении о развитии» (эволюционизме), автор отмечал, что «оно предполагало заманчивые перспективы». Но при том, что многое «развивалось», это «развитие» шло

различным образом. Одно «шло вперед, другое застревало, а третье шло боковым путем, а также назад, или оставалось прежним». Старейшими и первоначальными культурами Турнвальд предлагал считать те, у которых «овладение природой» находилось на более низком уровне, чем у соседей. При этом «овладение» понималось как степень освобождения от «оков заботы о пропитании, как защита от невзгод окружающей среды», как уровень приобретения знаний. Как отмечает автор, в центре жизни стоят «техническая забота» и накопление знаний — об использовании пещер, об охотничьих навыках, а позднее — о культивации растений и domestикации животных. Накопление технических знаний и умений обозначались ученым как «цивилизация», «цивилизационное обеспечение». Однако по поводу развития человеческой культуры Турнвальд приходил к несколько парадоксальному, хотя, как думается, справедливому заключению, что «это процесс без конца и, если хотите, без цели»⁵⁵⁴. Далее автор переходил к тому, что его постоянно больше всего занимало — к формам человеческого общежития, начиная с наиболее примитивных. Рассматривались группировки людей по семьям, территории добычи, значение экзогамии и эндогамии, этническое расслоение, взаимодействие культур, специализация и разделение видов деятельности⁵⁵⁵. Заключал статью раздел о прогрессе и его переплетении с психикой⁵⁵⁶.

Психологические установки в подходе к явлениям культуры и приверженность к позициям американской культурной антропологии проявились в нескольких статьях, написанных Турнвальдом еще в прошлые годы и помещенных в сборнике «Культурная антропология», изданном в 1966 г. Вильгельмом Мюльманом и Вильгельмом Мюллером⁵⁵⁷.

В одном из разделов этого коллективного труда Турнвальд вновь обратился к предложенной им еще в молодости проблеме аккультурации. В другом разделе речь шла об анализе культурного механизма. И то и другое составляло важную часть теоретического наследия ученого и во многих отношениях не утратило научного значения до наших дней.

Касаясь вопроса аккультурации, Турнвальд отмечал, что это не изолированное явление, а процесс, так как общество живой организм, в котором происходят взаимоотношения между людьми. А заимствования в ходе аккультурации ведут к многообразным следствиям. В качестве примера приводилось введение в Африке европейских денег, что повело к многообразным последствиям: жажде наживы, конкуренции, изменению семейной структуры и другим явлениям. По Турнвальду, *аккультурация* — это приспособление к новым условиям жизни, в том числе при миграциях в новые природно-климатические условия. Как пример, автор называл двухстороннюю аккультурацию при заселении Северной Америки европейцами. Для последних изменилось место обитания, а для индейцев — условия жизни. Турнвальд подробно рассматривал ход такого рода процессов, придавая особое значение индивидуальной и коллективной психологии. Описывая механизм аккультурации, исследователь отмечал, что каждое «приспособление» является частью «эволюционного развития». При этом действуют следующие факторы: отношения между «дающим» и «воспринимающим» народом; уровень развития и традиции воспринимающего народа; обстоятельства передачи культурных явлений⁵⁵⁸.

В разделе «Анализ культурного механизма» того же сборника, Турнвальд рассмотрел ряд важнейших явлений в области культуры и общества, связанных с такими вопросами, как «Цивилизация и культура», «Прогресс как структурный компонент культуры», «Круговращение культуры, действующие силы и ее ритм».

Говоря о затронутых вопросах, Турнвальд прежде всего выступил против «старого взгляда», согласно которому «культура первобытных народов оставалась неизменной столетия и тысячелетия». Как он считал, технический прогресс общества определяется целенаправленной деятельностью и мышлением. Надо заметить, что едва ли можно целиком согласиться с этим утверждением. Технические и хозяйственные новшества почти никогда не являются спонтанным следствием каких-либо открытий или изобретений. Они уже

должны существовать в информационном пространстве общества, но внедряться в жизнь только в ходе социального отбора, по мере возникновения настоятельной, жизненной необходимости в новых способах приспособления к окружающей среде. Вместе с тем Турнвальд, очевидно, прав, говоря, что каждая культура основывается на: 1) возможностях, предоставляемых природной средой, 2) технических возможностях, 3) традициях. Пожалуй, в названных условиях отсутствует только один важный фактор. А именно, потребности общества и его отдельных социальных слоев, возникающие в ходе исторического процесса. Совершенно справедливо и мнение ученого о том, что *традиционные* (то есть первобытные и не достигшие государственного уровня развития общества — Г.М.) сопротивляются инновациям, и что коллективы не имеют большого стремления к нововведениям, так как они приводят к социальным потрясениям. Главная цель общества — поддержание жизни⁵⁵⁹.

В заключительном разделе статьи, говоря о «круговращении культуры, действующих при этом силах и ритме», Турнвальд особенно ясно высказывал стремление сформулировать «немецкое» понимание функционализма, внося в него историзм. Так, он писал, что механизм общества может действовать только в том случае, когда он настроен на функции каждого его члена, а функции регулируются общепринятыми нормами (*Verhaltungsmuster*), вырабатываемыми в ходе подражания авторитетным индивидам. В первую очередь эти нормы действуют, по словам автора, в отношениях между родственниками, разными полами, возрастными группами и проявляются как различие по отношению к другим группам. Поэтому норму можно всегда объяснить функционально. И далее, как считал исследователь, «нормы поведения являются частью культурной системы, и в статическом отношении поддерживают равновесие между конституирующими факторами. Все методы объединения людей образуют систему, в которой связаны между собой все функциональные действия». И здесь Турнвальд приходит к историзму, говоря: «Культуру нельзя рассматривать

только функционально, так как она имеет историю развития. Все стороны социальной жизни со временем изменяются, особенно быстро в наше время, но это происходило и в первобытные времена». Однако «историзм» автора оказывался на деле весьма ограниченным, так как «изменения» и «развитие» происходят, как это видно из его подхода к этим явлениям, главным образом на основе психологических установок людей. Вместе с тем Турнвальд допускал изменение культурных процессов и в результате воздействия внешних влияний, не связанных с историей данной культуры: как следствие войн, колонизации и т. п. И отмечал, что каждая культура проходит в своем развитии «фазы», как состояние стабильности. Переход от стабильности к лабильности и новой фазе составляет «ритм культуры», в которой время романтики и чувств образуют переходные стабильные эпохи рационализма и интеллектуализма. При этом стремление индивидуумов и народов к господствующему положению составляет процесс «социального просеивания» (Siebungsprozess)⁵⁶⁰.

Уже после кончины Турнвальда, его жена, Хильда Турнвальд, издала в 1957 г. сборник статей своего мужа, написанных в прошлые годы и посвященных центральной проблеме всего его научного творчества — социальным и психологическим основам человеческих ассоциаций⁵⁶¹. В рассматриваемом капитальном исследовании подводился итог многолетним изысканиям Турнвальда, что заставляет остановиться на этой работе более подробно.

Книга открывается уже ранее опубликованным разделом «Культурный фон примитивного мышления»⁵⁶². Основой для исследования и выводов послужили автору его наблюдения в ранее не исследованных областях Новой Гвинеи, Соломоновых островов и Африки. Первый параграф, не вполне вразумительно, впрочем, как это вообще нередко встречается у Турнвальда, озаглавлен «Чуждость заднего плана». В нем отмечается, что хотя культура папуасов разительно отличается от европейской, и дары цивилизации представляются им «волшебством», мы склонны недооце-

нивать туземцев. В действительности, как считал автор книги, непосредственное наблюдение свидетельствует о том, что первобытные люди способны мыслить логически и понимают причинно-следственные связи. Этот вывод Турнвальд подтверждал своими наблюдениями над сложной системой хозяйства папуасов, их техническими навыками и духовной культурой. Это привело его к заключению, что «туземец ищет причинно-следственную связь и находит ее по своему разумению, хотя возможно, и неверно. В основе многих магических действий лежит поиск причинности. Но эта причинность иная, чем у нас. Однако это отнюдь не нелогическое или пралогическое мышление»⁵⁶³. Автор отмечалось «строго логическое изготовление и применение предметов материальной культуры и орудий», причем логически осознается связь между двумя или более непосредственными действиями⁵⁶⁴. В разделе «Преодоление непосредственно не устанавливаемых связей», говоря о проблеме «примитивного мышления», автор высказывал мнение, что «решить ее с позиций нашего мышления невозможно, так как оно основано на многотысячелетнем опыте нашей культуры». Поэтому, исходить надо из своеобразия примитивной культуры, в которой мышление, как функция культуры, исходит из ее совокупности. Это означает, что область, о которой имеет информацию община папуасов невелика, и возможность передачи информации ограничена — «это и есть задний фон существования первобытных культур». Поэтому, продолжал автор, все возможности накопления опыта ограничиваются их жизненным пространством, и не удивительно, что папуасы считают, что луна поднимается, влезая на дерево⁵⁶⁵. В следующих параграфах Турнвальд описывал представления туземцев о «носителях жизни», «предсказаниях», «действиях» и их символике, ритуалах колдунов. Рассмотренные данные Турнвальд обобщал в многочисленных выводах, из которых наиболее интересными представляются следующие. Прежде всего он возражал против определения первобытного человека (*Naturmensch*) как невротика. И определял примитивность первобытных народов как ограничен-

ность опыта, что препятствовало различению единичного и многократного, обращению к бессознательному (например, мифам) и инстинктивному для выяснения причинных связей. В целом Турнвальд предлагал рассматривать проблему примитивного мышления следующим образом. По его словам, примитивность лежит в основе человеческого мышления и душевного состояния первобытного человека, примерно как то, что Юнг называл коллективным бессознательным. Примитивным является, прежде всего, диффузное мышление, и хотя существуют индивидуальные различия, душевное состояние определяется уровнем культурного развития. «Соответственно с этим, каждая культура вырабатывает свои собственные особенности мышления. Поэтому существует столько видов примитивного мышления, сколько существует культурных групп». Но при этом, продолжал исследователь, у всех первобытных народов можно обнаружить некоторые общие черты, отличные от свойственных архаическому, античному и средневековому душевному состоянию⁵⁶⁶.

Следующий раздел книги автор посвятил проблематике исследования человеческих обществ. Однако и эта часть книги в отрывке уже публиковалась⁵⁶⁷. Поэтому здесь достаточно ограничиться лишь кратким перечислением затрагиваемых проблем. Так, рассматривались пути возникновения «магического мышления», в основе которого, как замечал исследователь, «лежат рассуждения о порядке вещей. Выдающиеся умы приходят к выводам, которые становятся общим достоянием. В конечном результате возникают догмы и обычаи, устанавливаются законы, по которым живет общество». Примечательно заключительное замечание Турнвальда о том, что «предположение о схеме *прямолинейного единообразного* развития ведет к заблуждениям. Развитие сложно и имеет многие тупиковые ходы»⁵⁶⁸. Дальнейший раздел книги носит название «Политические образования у первобытных народов». В свое время этот раздел также был опубликован, однако в настоящее время в мало доступном издании⁵⁶⁹. В своем исследовании автор основывался на этнографическом материале о народах стран Южных морей,

предполагая, что на нем можно проследить «систематический опыт исследований начал государства». Однако заключения Турнвальда основывались, как представляется, на мало представительном и не во всем достоверном материале об общинах, явно далеко еще не достигших уровня социальных и экономических отношений, при которых может возникнуть государственность. И, соответственно, не может быть принят заключительный вывод, гласящий, что «союз родов можно определить как государственное объединение». Хотя здесь же автор оговаривался, утверждая, что «политическая организация не выходит за пределы рода»⁵⁷⁰. Трудно согласиться с автором книги и относительно многих его положений в связи с рассмотрением проблем возникновения общественного неравенства в первобытном обществе и классового расслоения. Нельзя разделить мнение Турнвальда о том, что «только столкновение различных людей и культур приводит к политическим и социальным новообразованиям». Вызывает возражение утверждение, что в результате возникновения имущественного неравенства и войн один *род* становится богаче, чем другой, и возникают «первоначальные формы накопления капитала». Думается, что вообще в условиях полупервобытных общественных отношений говорить «о первоначальном накоплении капитала» едва ли можно. Мало убедительны и рассуждения Турнвальда о становлении в меланезийском обществе сложившихся классовых отношений, а также о возникновении «государства поколений» как следствия монополизации вождями источников жизнеобеспечения⁵⁷¹.

Уже не впервые Турнвальд рассматривал в обсуждаемой книге проблему «возникновения и значения институтов»⁵⁷². Не вдаваясь в подробности рассуждений автора по поводу этой проблемы, вызывающие по некоторым вопросам известные сомнения, достаточно привести его вывод о природе возникновения институтов человеческого общества. «Институты возникают как следствие образа поведения, повторения увиденных ранее действий». Вместе с тем, можно считать, что автор прав, отказываясь рассматривать общественные

институты «в духе Макса Вебера». Справедливо и мнение о том, что «институты лучше всего группировать по основным отношениям общественной жизни»⁵⁷³.

Небольшой раздел труда был посвящен проблеме «социальной организации и терминам родства у примитивных», о чем Турнвальд писал еще десятилетия назад⁵⁷⁴. Рассматривая взгляды разных авторов: Бахофена, Моргана, МакЛеннана, Колера, Старке, Шурца, Риверса, Кробера, Лоуи, автор в принципе соглашался с их мнением о важности изучения терминов родства при изучении социальной организации первобытных и полупервобытных народов. Однако с существенной оговоркой. Так, он писал: «Несомненно, что мнение Риверса о значении терминов родства преувеличено, и надо согласиться с А.Л. Кробером, что для реконструкции социальной организации следует привлекать и другие факторы... В описании общества бонаро я высказал мысль, что при реконструкции нельзя не учитывать *исторический* процесс» (выделено мной — Г.М.). Не лишены теоретического интереса и слова о том, что «несомненно, что брачные нормы (экзогамия и эндогамия) не направлены на сохранение расы. Но на деле они имели большой расовый и типобразующий эффект. Его следствие — невероятное множество локальных типов у первобытных народов. Для этнологов, основывающихся только на классификационных принципах, этот эффект остается незамеченным»⁵⁷⁵.

Ничего принципиально нового, по сравнению с прежними публикациями, не содержалось в разделе, посвященном «примитивному праву». Факторы, которые автор приводит как влияющие на характер права, в целом не вызывают возражений, однако при этом не учитываются некоторые существенные обстоятельства и, к тому же, те факторы, о которых говорится, несколько расплывчаты. Это: 1) усложнение технических знаний, изменение взглядов на причинно-следственные связи; 2) вследствие этого увеличиваются размер политического образования, численность населения, ускоряется жизненный ритм; 3) это приводит к оживленным контактам между различными этническими груп-

пами. Появляется специализация видов деятельности, усиление разделения труда, организация хозяйства на основе социального расслоения; 4) в результате происходит усложнение общества в области мирной деятельности. Одновременно происходит упорядочивание правового порядка жизни: «развитие права»; 5) происходит вычленение собственно правовых норм из религиозных и моральных, а также обычаев. Тем не менее, правовая система всегда остается тесно увязанной с общим мировоззрением». Свои рассуждения о праве Турнвальд заключал следующим положением: «Развитие права — огромной важности акт *самогоместикации* (выделено мной — Г.М.) в развитии сообщества, что происходит одновременно с развитием политической организации»⁵⁷⁶.

В связи с проблемами права большой раздел книги посвящен «взаимности и функционированию общностей и их институтов». Рассматривается взаимовлияние людей в биологическом и психологическом аспектах в связи с различиями по полу и возрасту, в системе брачных отношений и т. п. («биопсихическое соединение»). Как и в других работах, Турнвальд определял историю семьи и семейных отношений как развитие «парности» и «соединения» (*Vergesellung*). По мнению автора, первоначально «речь идет просто о паре. Более сложные формы многобрачия возникают частично из необходимости покровительства вдовы, частично из престижа, частично из дружбы с другими семьями и родами. Однако обычно не по сексуальным мотивам, как это прежде предполагалось»⁵⁷⁷. Во многом здесь ученый прав, однако, как это часто встречается в работах Турнвальда, мысли излагаются несколько расплывчато, и постоянно преувеличивается воздействие психологического фактора.

Продолжая тему возникновения и дальнейшей истории права в первобытном обществе, Турнвальд затрагивал такие вопросы, как «взаимность действий (обязательств) равного качества» и справедливо выступал против объяснения проявления взаимности в первобытном обществе как *примитивного коммунизма*, которому противостоят межличностные отношения.

Рассматривались также «взаимность на основе действий разного качества», «символы времени», «модификация взаимности вследствие расслоения» и т. п. Как подчеркивал автор, все «эти процессы происходили по всей Земле в сходной форме, так как *человеческая психика единообразна*» (выделено мной — Г.М.)⁵⁷⁸. В связи с этими выводами Турнвальда можно одобрить его поиски проявлений исторических закономерностей. Однако путь, по которому идет ученый, представляется ошибочным. Во-первых, поиски *единообразия* «по всей Земле» слишком напоминают отвергаемый исследователем метод «теории развития» (эволюционизма), что усугубляется акцентом на действие психологического фактора, что, опять-таки, очень типично для Турнвальда.

Это же можно сказать и о большинстве следующих разделов книги, во многом повторяющих другие публикации рассматриваемого автора: «Социально-психологическая взаимосвязь хозяйства», «Анализ "развития" и "цикла"», «Психология аккультурации» и «Этнологические сопоставления между частями Земли». Хотя почти все разделы рассматриваемой книги в том или ином виде Турнвальдом уже публиковались в далеком и недавнем прошлом, их систематическое изложение в одном труде дает достаточно полное представление о многих позициях ученого. Но, в целом, трудно разделить большинство теоретических установок Турнвальда, прежде всего из-за их гипертрофированного «психологизма», а также следования на практике некоторым установкам «теории развития». Установок, не учитывавших при сопоставлениях глубоких различий в социальных процессах в условиях разных хозяйственно-культурных типов и уровней общественного развития. Вместе с тем, многие выводы автора не только интересны и справедливы, но и могут послужить стимулом для дальнейших исследований.

Остановимся еще на одной интересной фундаментальной работе Турнвальда «Пробуждение человеческого духа, его рост и блуждание. Опыт палеопсихологии первобытных народов, включая архаическую ступень и всеобщие человеческие черты». Основная идея

работы заключается в попытке объединения истории развития человеческого мышления с хозяйственными, общественными и религиозными условиями существования. Исходя из позиций функционализма в разработанном им немецком варианте, автор высказывал мнение, что изменение одного из этих функциональных факторов влечет изменения других. Но — что следует отметить — «изменения» рассматриваются Турнвальдом как следствие *развития*. Автор выделял «палеопсихологическую» и «архаическую» фазы в естественных и сверхъестественных представлениях о событиях и силах: о рождении и росте, болезнях и смерти, душе и предках, тотемах и мана, фетишах, экстазе и шаманизме, духах, богах, культуре, церемониях и др. В свое исследование Турнвальд вводил вместо термина «примитивный» новое понятие *knospenhaft*, которое можно, впрочем довольно условно, перевести как «движение к развитию» (*knospen* — развиваться, распускаться). Термин подразумевает, что накапливаются знания, умения, что идет *развитие*. Автор поясняет также, что он имеет в виду под часто используемыми им понятиями «палео-психологическое» и «архаическое» мышление. Под первым понимается мышление, представляющее собой ряд отдельных представлений, в котором отсутствует различие между реальным и кажущимся. Второе — это, когда мыслительные образы объединяются посредством спекуляций. Абстрактное мышление, как отмечал Турнвальд, присуще только поздним культурам. Отрицательно отзывался Турнвальд о гипотезе Леви-Брюля о «первобытном пралогическом мышлении» и полагал, что мышление у первобытных и цивилизованных народов принципиально не различается⁵⁷⁹.

Также как в отношении большинства прочих работ Турнвальда, это исследование не вызвало у этнологического сообщества сколько-нибудь широкого интереса и одобрения, за исключением узкого кружка последователей ученого. Сторонники традиционных подходов к проблемам этнологии в значительной мере игнорировали направление, которое предлагалось в исследовании. Его прямое или косвенное, через аме-

риканскую культурную антропологию, воздействие проявилось уже значительно позднее, только в наши дни. Удалось найти лишь одну положительную рецензию (а иных в немецкой историографии практически и не бывает) на книгу Турнвальда, принадлежащую перу известного этнолога Германа Тримборна. Последний констатировал, избегая собственных оценок, что автор рецензируемого труда, посвященного развитию человеческого сознания, исследует мышление в связи с хозяйственными, общественными и религиозными условиями существования. А также отмечает тесную взаимосвязь между социальной и природной средой, что приводит ученого к мысли, что изменение одного из этих функциональных факторов влечет изменения и в других факторах. Перечисляя без особых комментариев разделы работы, Тримборн отмечал лишь, что Турнвальд предлагает использовать вместо термина «примитивный» понятие *knospenhaft*, которое должно подразумевать фактор развития. В целом же, автор рецензии, избегая положительных или отрицательных оценок, завершал свой обзор словами, что «книга полна мыслей, но многие дискуссионны»⁵⁸⁰.

Заключая обзор доступных автору настоящей книги послевоенных исследований Рихарда Турнвальда, можно сказать, что для его теоретических взглядов было характерно соединение исторических перспектив с психологическими, хозяйственными и социальными проблемами с целью исследования происхождения и изменения форм человеческой социальной организации. Наименее удачным в творчестве Турнвальда представляется гипертрофированная «психологизация» исторических и этнических процессов, вследствие чего в ходе анализа общественных явлений зачастую упускались иные, более существенные факторы. Можно высказать также мнение, что постоянное стремление Р. Турнвальда объединить этнологию и социологию, причем последней отдавалось предпочтение, нашло прямое или опосредствованное отражение в современной потере этнологией многих своих прежних позиций, вытесненных социологией. Впрочем, весьма холодно отнеслись к пропаганде социологии большинство наиболее извест-

ных немецких этнологов того времени. Поэтому взгляды Турнвальда, знаменовавшиеся «психологизмом» и «социологизмом», были восприняты лишь немногими этнологами, причем далеко не в полном виде, и лишь некоторые его подходы, которые в настоящее время, в связи с нарастающим вторжением в Европу американской культурной антропологии, получают новое звучание. Вместе с тем многое в трудах Турнвальда привлекает. Это и обращение к «историзму», и признание фактора исторического *прогресса*, который, как представляется, справедливо ограничивается областью накопления знаний (впрочем, и эта проблема еще нуждается в значительном уточнении) и совершенствования техники, оставляя в стороне такое сомнительное явление, как социальный прогресс. Турнвальд много путешествовал и собрал значительный полевой материал по ряду народов стран Южных морей. К сожалению, за отдельными, довольно редкими исключениями, в публикациях Турнвальда отсутствует непосредственное изложение его полевых материалов. Поэтому судить, как он его интерпретировал, читатель фактически не имеет возможности.

Любопытна оценка теоретического наследия Турнвальда его женой, Хильдой Турнвальд. В упомянутой выше статье, посвященной его 80-летию, она пишет, что для него было характерным соединение «исторической перспективы с психологическими, хозяйственными и социальными проблемами для исследования происхождения и изменения форм человеческой социальной организации. Он считал, что «если попытаться схематически представить путь человеческих общностей, то они окажутся культурно-индивидуальными и сообщающимися. Они следуют друг за другом не хронологически, а каждая из них ведет собственную жизнь в разных странах, расцветая и приходя в ничтожество».

В отношении методических вопросов Турнвальд, по словам Хильды Турнвальд, занимался реконструкциями абстракций из фактического материала. При этом он предупреждал, что реконструкции на основе хозяйственных и связанных с ними социальных факторов требуют большой осторожности⁵⁸¹.

Существенна роль Турнвальда как организатора науки. С его именем связано возникновение в Западном Берлине Института этнологии, а также имеющего интернациональную известность журнала «Социологус». Крупными учеными стали некоторые ученики Турнвальда.

Отношение к Турнвальду его современников-этнологов довольно характерно отразилось в появившихся после его смерти некрологах. Сдержанно вежливых — немецких и почти восторженных — американских. В качестве характерного примера первых можно назвать некролог, написанный Германом Тримборном и опубликованный в следующем, после рассмотренной выше рецензии, номере «Этнологического журнала». Большая часть некролога посвящена сухому перечислению биографических данных Турнвальда. Что же касается оценки его вклада в теоретическую этнологию, и вообще его места в науке, то лишь кратко отмечается, что он отрицал теорию Леви-Брюля, что ему были чужды представления о прямолинейных и одностипных рядах развития, и что он полагал, что существуют «вариационные тенденции». И при этом был «крайне враждебен культурно-исторической постановке вопроса, и, не ограничиваясь констатацией «заимствования» культурных явлений, полагал наличие сопроводительных социально-психологических явлений при параллельных процессах»⁵⁸².

В совершенно ином ключе написан хвалебный некролог одним из классиков американской культурной антропологии Робертом Лоуи. Он писал: «Через смерть Турнвальда этнология потеряла одного из наиболее продуктивных и многосторонних ученых». Особенно автор подчеркивал значительные связи Турнвальда с «англо-саксонским культурным кругом» и его широкую известность в Англии и США. Неповторимым в жизненном пути Турнвальда, отмечал Лоуи, является то, что он был одновременно этнологом и обществоведом. И, с одной стороны, он собирал великолепный полевой материал, а с другой — занимался общими социологическими-психологическими и национально-экономическими исследованиями, в ходе которых он пришел к важным

выводам. В числе теоретических заслуг автор некролога называет отрицание Турнвальдом «пралогической» гипотезы Леви-Брюля, и подчеркивание наличия индивидуальных особенностей в первобытных обществах, а также особое значение вождей. Отстаивал Лоуи также приоритет Турнвальда в выработке понятия «социальное процеживание» (Siebung), сходного, как он полагает, с идеями Рут Бенедикт. Отмечается, что «важный принцип Малиновского о «взаимности» разрабатывался до него еще Турнвальдом», а также то, что в отличие от Малиновского, Турнвальд не был противником культурно-исторической постановки вопроса (здесь Лоуи явно заблуждался). Подходя к анализу явлений зачастую с исторических позиций, по отношению к культурно-историческому учению он был явно враждебен. Лоуи отмечал и другие достижения Турнвальда в области теории, и особенно то, что его деятельность «как социального антрополога велась в духе британских коллег». По всей видимости, последнее и объясняет, в конечном счете, столь положительное отношение к Турнвальду со стороны британской социальной антропологии, как, впрочем, и американской культурной антропологии»⁵⁸³.

Личность и творчество Турнвальда продолжали привлекать исследователей и в позднейшее время, примером чему можно назвать капитальное исследование *Марион Мельк-Кох*, опубликованное в конце восьмидесятых годов⁵⁸⁴. В книге подробно рассматривался жизненный путь ученого, его этнографические поездки в страны Южных морей и основные направления исследований. Но главным образом эта публикация имеет биографический характер, хотя некоторые проблемы, например, его социологические исследования, освещены относительно подробно. При этом автор в некоторых случаях вступает с Турнвальдом в дискуссию и высказывает собственное мнение. Что касается биографических данных, то они во многом повторяют то, что писала в свое время Хильда Турнвальд о своем муже.

При том, что у Турнвальда было много учеников, они не составили какой-то единой школы с общей методологией и методикой исследования. Пожалуй,

единственное, что было характерно для большей их части, однако не для всех, это социологический подход к этнологии и повышенный интерес к функциональному учению в его немецком варианте, а также американской культурной антропологии. В качестве примера можно привести исследование Эно Беухельта о воспитании молодежи в Восточном Судане⁵⁸⁵. Были изданы справочники по социологии, в которых затрагивались проблемы этносоциологии и этнологии⁵⁸⁶. Рене Кениг опубликовал работу по социологии «отсталых областей», им же был издан сборник по социологии, в котором также затрагивались некоторые проблемы этносоциологии⁵⁸⁷. Проблемы этносоциологии интересовали Х. Фрейера⁵⁸⁸ и Вальтера Достая⁵⁸⁹. Помимо Германии и Австрии, интерес к этносоциологическим исследованиям проявлялся и в Швейцарии⁵⁹⁰.

К числу учеников и, в известной мере, последователей Турнвальда, принадлежала профессор *Zigrid Vestfаль-Хельбуш* (1915 – 1984). Окончив школу в Берлине, она не без затруднений получила высшее образование, так как была с точки зрения властей «неблагонадежной», и ее не принимали в университет. И только в зимнем семестре 1935/36 г. она стала студенткой Берлинского Фридрих-Вильгельм университета. Там она изучала этнологию, антропологию, психологию и географию у Рихарда Турнвальда, Дидриха Вестермана, Евгения Фишера и Норберта Кребса. После завершения университетского образования Вестфаль-Хельбуш защитила диссертацию «Влияние охоты на жизненные формы австралийцев», и ей была присуждена ученая степень доктора философии. В том же году она стала сотрудником Берлинского этнологического музея в отделе Южных морей. С началом Второй мировой войны, когда начались воздушные налеты на Берлин, Вестфаль-Хельбуш направили в музейное хранилище в Далеме (западный район Берлина), где с помощью студентов и военнопленных она работала с этнографическими коллекциями. Когда задание было выполнено, она уехала в марте 1945 г. из Берлина к своим родителям, в Ольденбург. Только в апреле 1946 г. ей удалось

нелегально, без пропуска, вернуться в Берлин. Однако разрушенный Этнологический музей бездействовал, и Вестфаль-Хельбуш была принята в качестве преподавателя в университет, переименованный в Университет им. Гумбольдта, где в том же году защитила диссертацию на степень доктора наук по теме «Тотемизм у бушменов». В 1947 г. она стала доцентом университета по этнологии, и после переезда Турнвальда в Западный Берлин, приняла на себя руководство отделом этнологии. В 1951 г. Вестфаль-Хельбуш получила звание профессора, и в 1952 г. была назначена исполняющей обязанности директора Института этнологии. После основания в 1952 г. при Немецкой Академии Наук в Восточном Берлине секции этнологии, она была избрана в число ее членов. Однако, как вследствие антикоммунистических убеждений, так и того, что Турнвальд покинул Восточный Берлин, она переехала в Западный Берлин. Там она была назначена научным ассистентом в только что основанный Турнвальдом, при поддержке его бывших американских учеников, Институт социальной психологии и этнологии. Одновременно она стала работать на общественных началах в Свободном университете по специальности «этнология» на философском факультете. После смерти Турнвальда его институт, уже как Институт этнологии, был переведен в Далем, в Свободный университет, где Вестфаль-Хельбуш была сначала приват-доцентом и внеплановым профессором, а с 1964 г. ординариусом, и возглавила вновь основанную при университете кафедру этнологии⁵⁹¹.

Начиная со второй половины 1950-х гг., Вестфаль-Хельбуш совершила несколько экспедиционных поездок. Первая годовичная поездка в 1955/56 гг. состоялась в область дельты Тигра и Евфрата к скотоводам, содержащим буйволов. Следующие экспедиции были проведены на юге Ирака, а также среди скотоводов Индии и Пакистана. В результате были опубликованы многочисленные статьи и пять фундаментальных монографий⁵⁹². Позднее были совершены краткосрочные поездки в Турцию, Марокко и Иран. Научные интересы Вестфаль-Хельбуш отразились на всей учебной и

научной работе студентов и аспирантов Института этнологии, которых ориентировали вплоть до конца 1970-х гг., главным образом, на изучение кочевых скотоводческих народов Западной и Центральной Азии.

Вследствие определенных сложностей, возникших в университете во время студенческих волнений конца 1960-х гг., Вестфаль-Хельбуш, как «реакционному профессору», пришлось покинуть университет, и она вновь вернулась в Музей этнологии (Далем), где и работала до выхода на пенсию.

Разнообразие интересов исследователя отразилось в сотне публикаций, причем регионально ее интересовали страны и народы от Австралии и Океании до Северной Африки и Западной Азии. Областями ее исследований были «формы жизни» изучаемого населения, а также многие проблемы, которые ставили Турнвальд и американские культурные антропологи, большинство положений которых она разделяла. Значительное внимание она уделяла вопросам акультурации, как предмета этнологических исследований. Так, в одной из своих статей Вестфаль-Хельбуш писала, что теоретическое значение исследований по акультурации является познавательным средством для всех исторических процессов культурного заимствования, изменения культуры и культурных контактов. Поэтому исследования акультурации не являются неисторическими, и не могут поэтому быть непосредственно связанными со строго функционалистскими исследованиями и прикладной этнологией. В этой же работе автор обращалась к проблеме целей этнографических исследований. Она писала: «Акультурационные процессы в узком смысле — столкновение западных и не западных культур. Задача этнологии изучать как действительно первобытные культуры, так и подвергшиеся акультурации... цели прикладной этнологии не научные, а практические»⁵⁹³. Следуя во многом установкам американской культурной антропологии, Вестфаль-Хельбуш зачастую выступала против теоретических исследований, ратуя за ведение главным образом полевых работ. Она резко отрицательно высказывалась относительно принципа «развития», а отчасти и против историчес-

кого подхода. Однако на деле она не была, впрочем как и ее учитель Турнвальд, чужда историзма. Что же касается проблем теории, то, как это следовало из ее слов во время наших бесед в 1976 и 1979 гг. в Западном Берлине, то, если исключить отвергаемую Вестфаль-Хельбуш проблему «развития» (только «изменения»!), собеседница явно интересовалась многими теоретическими проблемами, особенно в области социальных отношений в обществах номадов.

В одной из своих поздних работ Зигрид Вестфаль-Хельбуш затронула проблемы методики полевых исследований. Автор подчеркивала необходимость и систематичность их проведения, рассказывая попутно о своих поездках вместе с мужем в Пакистан, Гуджерат, Раджастхан. Как и в других публикациях, она ставила в научной работе на первое место полевые исследования, считая их важными, в отличие от теоретических рассуждений. В заключении статьи излагался примерный план-схема организации полевых исследований⁵⁹⁴. По поводу предложений Вестфаль-Хельбуш приходится отметить, что ее план-схема интересна, однако для этнографических исследований недостаточна.

Если говорить о научной и учебной деятельности Вестфаль-Хельбуш в целом, то, несмотря на спорность ее взглядов по ряду кардинальных проблем этнологии, можно считать, что они оказались весьма полезными для немецкой этнологии, и многочисленные ее ученики стали вести исследовательскую работу во многих этнологических центрах Германии.

Помимо Вестфаль-Хельбуш проблемами этносоциологии интересовались и некоторые другие ученые. В качестве примера можно назвать А. Ломмеля⁵⁹⁵, Х. Фрейера⁵⁹⁶, В. Мюллера⁵⁹⁷, И. Штрекера⁵⁹⁸, а также некоторых молодых, в то время еще мало известных этнологов.

Среди наиболее известных сторонников Турнвальда следует назвать уже упоминавшегося в прошлой главе Вильгельма Мюльмана (1904 – 1988), принадлежавшего к предвоенному поколению ученых. В полном смысле этого слова учеником Турнвальда он не был, но был близок к нему по многим взглядам и постоянно

пользовался его поддержкой. Впрочем, и сходства в их теоретических позициях было не так уж много, тем более что для Мюльмана, имевшего биологическое образование, был свойственен во многих случаях биологический подход, отсутствовавший у Турнвальда. Различна была в 1930-х гг. и их политическая ориентация. Если в работах Турнвальда и можно было обнаружить отдельные положения, приемлемые для нацизма — например, о выдающейся роли вождей в социальном процессе, то в целом никаких симпатий к «новому порядку» он не проявлял. Мюльман же, как об этом говорилось в прошлой главе, стал даже членом нацистской партии.

Непосредственно перед концом Второй мировой войны Мюльман бежал в Висбаден, где недолго преподавал в университете. Без больших потерь Мюльман пережил денацификацию, хотя ему было предъявлено немало обвинений в приверженности к нацизму, к учению о «расовой гигиене», а также расизму.

В 1950 г. он перебрался в Майнц и поступил там во вновь образованный университет, где работал до 1960 г. В 1957 г., после смерти профессора А. Фридриха, он был избран ординариусом и возглавил в университете Институт этнологии. Одновременно он был избран руководителем секции этносоциологии в Немецком обществе социологии, в котором собралась молодежь. Многие из членов общества, учеников и последователей Мюльмана, стали впоследствии известными учеными: Ханс Фишер, Лоренц Г. Лоффлер, Эрнст В. Мюллер, Вольфганг Рудольф, Эдгар Шлезьер, Рюдигер Шотт, Карл А. Шмитц. Основной идеей, воодушевлявшей членов секции, была мысль Мюльмана об объединении этнологического и социологического мышления⁵⁹⁹. В 1960 г. Мюльман был приглашен в Гейдельбергский университет, где на месте упраздненного Института газетоведения был организован учебный и исследовательский Институт этнологии, который он практически создал и возглавлял вплоть до выхода на пенсию. В 1963 г. вновь начались нападки на Мюльмана за его деятельность в годы нацизма. Они открылись публикацией в газете «Die Zeit», в которой он обвинял-

ся в том, что в период национал-социализма проповедовал расистские идеи. Развернулась дискуссия, в которой, как думается, справедливо критиковались работы Мюльмана «Расоведение и этнология» (1936) и «Война и мир» (1940). Впоследствии Е.В. Мюллер в некрологе на смерть Мюльмана пытался его оправдать, что звучало, впрочем, не особенно убедительно⁶⁰⁰. Эти события тяжело отразились на положении и здоровье исследователя. К тому же во время студенческих волнений он был назван «реакционным профессором», в результате чего в 1970 г. преждевременно вышел на пенсию. Скончался Мюльман скоропостижно в Висбаденской больнице, оставив в пишущей машинке неоконченную рукопись⁶⁰¹.

Научное наследие Мюльмана в послевоенное время весьма значительно и многообразно. Вместе с тем оно внутренне противоречиво и во многом основывалось на его прежних взглядах. Хотя после 1945 г., он резко изменил многие свои позиции и отказался от наиболее одиозных установок⁶⁰². Как и Турнвальд, он искал контактов с представителями американской культурной антропологии и все чаще обращался к проблемам этносоциологии и акультурации народов развивающихся стран.

Попутно следует отметить, что многое из того, что публиковал Мюльман в послевоенное время в виде капитальных статей и отдельных монографий, в том или ином виде уже издавалось в предвоенное и военное время. Однако и тогда, не говоря о наших днях, эти работы оставались мало известными, и не оказали большого воздействия на развитие немецкой этнологии. Новые издания подверглись некоторой переработке и стали популярными среди части молодых ученых, ориентировавшихся на «новые веяния», которые шли из Америки.

Весьма характерен в смысле пропаганды американской культурной антропологии был уже упоминавшийся выше сборник «Культурная антропология», вышедший под редакцией В. Мюльмана и Е.В. Мюллера. Следует подчеркнуть, что в нем приняли участие только четыре немецких ученых, все прочие авторы

были англоязычными, преимущественно американцами, что достаточно убедительно свидетельствует о малом в то время интересе в немецкоязычных странах к этому научному направлению.

Во введении к сборнику издатели (очевидно, все же главным образом Мюльман) попытались дать общее представление о существе и задачах социологии и культурной антропологии. В связи с этим отмечалось, что современная социология выводит социальные процессы из социальных действий отдельных людей и, при этом, в своих действиях человек подчинен определенному смыслу, а этот смысл, соответственно и его действия, определяются нормами и образцами предшествовавшего и современного ему мира. Эти нормы и создают культуру человеческой группы. Поэтому культура в значительной мере определяет социальные действия отдельного человека. Из сказанного делался вывод, что социология необходима для культурной антропологии. При этом утверждалось, что данные, которые лежат в основе культурной антропологии, принадлежат ко всей области наук о культуре: этнологии, археологии, языкознанию, политической истории, религиоведению, правоведению, истории искусства⁶⁰³. Далее разъяснялось различие в понимании термина «антропология» в континентальной Европе и англосаксонских странах, где культурная антропология понимается, как дисциплина, которая стремится найти в эмпирическом плюрализме и многообразии культур типичные шансы возможного человеческого поведения, имея основной целью дать представление о существе человека. Отмечалось также, что культурная антропология тесно связана с культурным релятивизмом, теория которого утверждает, что все человеческие выводы и опыт определяются культурным окружением, и что, таким образом, якобы, является вариантом историзма. Однако последнее утверждение вызывает большие сомнения.

Авторы поясняли также, что они понимают под «этнографией», которая, как они считают, «соответствует в немецком языковом пространстве понятию *Völkerkunde*». По их словам, она исследует маргиналь-

ные общества носителей бесписьменной культуры, «которых обозначают обычно» как «Naturvölker». Отмечалась также важность для этнографии данных европейского народоведения. При этом высказывалось мнение, что «ориентация этнографии несколько уплощена, однако она тяготеет к историческому углублению и поэтому имеется тесная связь между этнографией и археологией. Этнография занимается как теорией, так и эмпирикой». *Этнологию* авторы понимали как социологическую дисциплину, которая занимается межэтническими связями и системами, пытаясь абстрагировать типичные ситуации и процессы. Этнологию предлагалось определить как «социологическую теорию межэтнических систем, образующую ветвь исторической и культурной социологии»⁶⁰⁴. Едва ли есть нужда в подробных комментариях к приведенным умозаключениям. С одной стороны, авторы без какой либо необходимости, совершенно иначе, чем это принято в немецкой науке о народах, трактовали соотношение и существо этнологии и этнографии. А с другой, практически низводили этнологию до какой-то составной, и к тому же второстепенной части социологии. И отказывали ей в праве быть самостоятельной, и в теоретическом плане более значительной, чем социология, наукой. К сожалению, подобного рода чисто спекулятивные идеи имели главным образом цель получить одобрение и поддержку со стороны американской культурной антропологии. Постепенно, в течение десятилетий, такого рода установки стали постепенно овладевать умами многих этнологов, обращавших ищущие взгляды на Америку. А результат — потеря этнологией своего лица, отказ от фундаментальных теоретических проблем науки и потеря профессионализма, заменяющегося дилетантизмом. Увеличивалось в социологии число людей, не получивших специального ни социологического, ни этнологического образования. Начиналась погоня за «актуальностью», в надежде найти тех, кто даст деньги для деятельности, которая едва ли оставит полезный след в истории науки. Вместо серьезных методических полевых исследований, распространение получало предвзятое и не дающее

объективного результата анкетирование. Между тем, поветрие «социологизации» этнологии продвинулось в последние десятилетия уже далеко на восток от Америки и Германии.

Перу Мюльмана принадлежит большой раздел рассматриваемого сборника: «Границы и проблемы культурной антропологии», открывающийся «Предварительными замечаниями». Знаменательно, что и Мюльман предупреждал против опасности распространения в науке верхоглядства. Отмечая, что встал вопрос о необходимости включения в систему гуманитарных наук культурной антропологии, он писал вместе с тем: «И встал вопрос о культурной антропологии. Но опасен дилетантизм, когда возникает проблема «новой науки», которая становится модой. Сегодня эта опасность больше, так как «новая наука» становится «гешефтом», которым можно лучше кормиться, чем мышлением и исследованием. Поэтому следует всячески бороться против дилетантизма»⁶⁰⁵. Интересны рассуждения Мюльмана о путях возникновения направления культурной антропологии. Так, он возражал, что «культурная антропология продукт Америки» и импортирована после Второй мировой войны в страны немецкого языка. «Мы не хотим преуменьшать заслуги американцев. Но то, что публикуется у нас в переводе, отнюдь не открытие для немецких ученых. Все элементы культурной антропологии можно найти уже у Эрнста Кассирера, хотя материал, на который он опирается, по большей части устарел, а выводы сделаны в «неокантианском» духе. Но принципы присутствуют»⁶⁰⁶.

Далее Мюльман переходит к большому разделу «Программа культурной антропологии». По этому поводу он писал следующее: «Культурная антропология не просто идентична народоведению, этнологии и т. п., или сумме того, что дают гуманитарные науки. Она сохраняет антропологический подход и не идентична этнологии, которая занимается связями между этническими общностями и их взаимным влиянием. Культурная антропология в действительности антропологическая дисциплина, имеющая целью познание «человека». Ее отправная точка — эмпирический плюрализм

культур. Причем как существующих... так и вымерших. Важно, что существует определенное число типических форм приспособления человека. Это дает ответ на вопрос, какие человеческие культуры реализованы в той или иной культуре? Какие шансы использованы, а какие нет. Таким образом, культуры понимаются как *типические шансы возможного человеческого поведения* (*typische Chancen menschenmöglichen Verhaltens*)»⁶⁰⁷. Едва ли предлагаемая Мюльманом формулировка дает ясное представление о том, что такое «культурная антропология». Не говоря уже о том, что его определение существа этнологии не только обедняет ее действительное содержание, но и дает о ней искаженное представление.

Не вызывает особых возражений перечисление исследователем «универсальных констант — природа и культура». При этом особенно следует подчеркнуть важность и справедливость замечания Мюльмана о том, что «многое человеческое коренится в животном». Константами называются «примерно следующие»: 1) потребность в питании, укрытии и защите от внешних воздействий, наличие какой-то, пусть самой примитивной техники; 2) институализация ролей мужчин и женщин, запрет инцеста, разделение труда между полами; 3) потребность во взаимной реципрокности; 4) повсеместное существование символического мышления; стремление к «художественному выражению» в танце, изобразительности, сказаниях, поэзии, способность к эстетическому суждению; 5) представление о порядке, различие добра и зла — их содержание окрашено культурной спецификой⁶⁰⁸.

В отдельном разделе автор рассматривал культурные варианты и культурный релятивизм и приходил к выводу о том, что «культурно-антропологическая оценка невозможна с абсолютной точки зрения. Она начинается с отказа от «само собой разумеющейся» оценки собственной культуры. Обязателен отказ от всякой предвзятости в том, что «хорошо» и «плохо». Таким образом, все оценки культурно относительны»⁶⁰⁹. Помимо названных проблем, Мюльман затрагивал также вопросы человеческого поведения в окружающей сре-

де, общественное поведение и ряд других вопросов, практически не связанных с этнологией.

Отношение немецких этнологов к рассматриваемому сборнику и отдельным, помещенным в нем статьям, оказалось весьма сдержанным. Было высказано много замечаний. Так, в рецензии ученика Мюльмана, Вольфганга Рудольфа говорилось, что «разочаровывает введение, в котором ставятся проблемы терминологии и дефиниций, но не сообщается ничего нового по сравнению с прежними публикациями». Рецензент совершенно справедливо выражал несогласие с Мюльманом, когда тот говорил, что «культурная антропология» соответствует «Völkerkunde». Можно разделить и мнение Рудольфа о том, что «многие работы американцев мало что дают немецкому специалисту»⁶¹⁰.

Ряд критических замечаний высказывал по поводу этого сборника и взглядов Мюльмана, другой рецензент, Ханс Фишер. Как и Рудольфа, его не удовлетворял подбор статей, и то, что многие из них ранее уже публиковались. Не вызвало у рецензента энтузиазма и утверждение, в соответствии с которым этнологию предлагалось понимать как «социологическую теорию субэтнических систем»⁶¹¹.

Еще более критически отнесся к сборнику Рейнхард Голль. В рецензии он отмечал, что не совсем удачен подбор статей, а во введении излишне произвольно толкуются термины «культурная антропология», «этнография», «этнология». Субъективным и не учитывающим мнения других авторов назывался подход Мюльмана к проблемам, рассматриваемым в главе «Очертания и проблемы культурной антропологии». Не согласен был рецензент с утверждением Мюльмана о том, что «человек — не рациональное животное, а животное символическое». По мнению Голля, человек — и то и другое. В рецензии высказывалось несогласие и со многими другими положениями Мюльмана. В целом же отмечалось, что «Мюльман изрекает истины в последней инстанции». Не вдаваясь в анализ всех замечаний Голля, достаточно отметить, что последнее представляется совершенно справедливым⁶¹².

Социологию Мюльман рассматривал совместно с «антропобиологией» как часть антропологии. По его определению, социология — это наука об общественной деятельности и ее результатах, с которыми связано образование групп людей и общественных институтов⁶¹³. Этой проблеме он посвятил капитальный труд «Человек — творец» («Homo Creator»), в котором рассматривал взаимоотношения индивида и общества, культуры и религии, пути возникновения народов и современного мира. Остановимся на содержании этого труда более подробно в частях, близких к проблемам этнологии. Книга содержит четыре крупных раздела: «Индивид и общество», «Культура и религия», «Развитие истории» и «Возникновение современного мира»⁶¹⁴.

Во введении автор писал, что в книге собраны статьи за последние 20 лет, которые систематизированы и подобраны по тематике и представляют общий интерес. При этом, по словам Мюльмана, основное внимание уделялось историко-социологическим, культурно-антропологическим и социально-психологическим проблемам и методам.

Оставляя в стороне первые три раздела, посвященные преимущественно чисто социологическим сюжетам, остановимся на четвертом разделе «Племена и народы. *Colluvius gentium*». Прежде всего, автор затрагивает часто обсуждаемую в литературе этническую терминологию. По этому поводу он писал: «Понятие «народ» принадлежит ко многим другим остаткам романтической эпохи, существо которого так никогда и не было выяснено, и которое использовалось как само собой разумеющееся». Причем, по словам Мюльмана, это касается не только его популярного применения, но и научного в специальных дисциплинах: народоведении, этнологии и др. При этом историки, как он полагал, исходят из того, что человечество подразделяется на «народы» или «нации», как бы подразумевая, что существует общепринятое мнение, что такое «народы» и «нации». По мнению автора, понятие «народ» проблематично и основывается на романтических взглядах. И далее Мюльман предпринял попытку выяснить, как возникли «народы». Исходя из мнения, что

собственные представления народа относительно своего происхождения «не соответствует действительности, так как «этногонии» не объясняют «этногенезы». А «сегодня наукой установлено, что между мифологическими представлениями о прародине, о древнейшем происхождении народов и исторической действительностью лежит пропасть». И поставив, таким образом, вопрос, исследователь ищет ответ в том, что он называет *colluvies gentium*, то есть, сложение народов из разнородных по происхождению и этнической принадлежности групп *изгнанников*. Как он полагает, «коллювиес» — это не простое и естественное механическое следствие определенных процессов. Определенное воздействие на них оказывали вожди, принимавшие в свои племенные группы беглецов, преступников разного происхождения, что укрепляло их мощь и авторитет. Таким образом, складывались группы из «изгнанников», «возникали новые племена, о которых до этого ничего не было известно. Этот процесс не похож на медленное, постепенное возникновение этнических общностей... Зачастую изгнанные или бежавшие группы после того, как их принимали другие группы, называли себя их именами, что препятствует устанавливать по этнонимам историю народностей и создает для исследователей, обращающихся к этнонимам, ловушки». Приведу еще отрывок из рассматриваемого раздела, представляющий особенно важным. Мюльман писал: «*Colluvius gentium* — один из процессов, в результате которых возникают новые этнические общности. Во множестве случаев в одном месте соединялись самые различные этнические группы. В одних случаях на время, в других — устойчивые общности. Неосновательно предположение, что этногенез является следствием происхождения из одного «ствола». Идея прямого этногенеза от «прародителя» потерпела крушение. Поэтому мало перспектив имеют исторические исследования народов, основываясь на преданиях»⁶¹⁵. Приведенные рассуждения Мюльмана представляются не только интересными с научной точки зрения, но в известной мере и справедливыми, учитывая особенно, что описываемый исследователем путь формиро-

вания этнических общностей называется им только одним из видов этнических процессов. В качестве подтверждения справедливости выводов Мюльмана можно назвать данные о том, как эти процессы разворачивались в среде кочевников-скотоводов на протяжении столетий и тысячелетий. В ходе бурных этнополитических событий, во время войн и миграций, племена номадов распадались и сегментировались, но затем вновь возникали путем присоединения мелких осколков племен к более крупным этническим образованиям, которые давали свое имя новому племени или его подразделению⁶¹⁶.

Некоторые важные стороны внутри межэтнических процессов Мюльман описывал в следующем разделе главы «Племена и народы», озаглавленном в свойственном Мюльману несколько претенциозном духе — «Этническое отчуждение и псевдология». Причем, как в данном случае, так и в большинстве прочих разделов книги, автор во многом следует (а может быть и кое в чем предшествует) взглядам *С.М. Широкогорова*, на которого он ссылался в ряде работ. Прежде всего автор рассматривал проблему «этноцентризма», понимаемого как «дистанцирование от других человеческих групп, образ жизни которых считается варварским и бесчеловечным». И «бывают случаи, когда люди стыдятся своей этнической принадлежности и приписывают себе принадлежность к большому народу». Это автор называл «псевдологией»⁶¹⁷.

Большой раздел книги посвящен *этнической ассимиляции*, которую автор рассматривал на примерах изменения национальной принадлежности, перехода целых национальных меньшинств в состав господствующего государственного этноса (*Umfolkung*) и ассимиляции крупными племенами небольших племен. «Вследствие этого множество мелких племен было поглощено крупными племенами, при этом терялись этнонимы. Часто говорят о «вымирании» первобытного населения. Конечно, часть биологически вымирает, но часть вливается в состав более крупных народов. Поэтому следует различать «биологическое вымирание» и «социологическое исчезновение» вследствие

растворения в большом этносе»⁶¹⁸. Среди этнических процессов автором рассматривались также *адаптация, интегративное значение экзогамии*, по поводу которой говорилось, что «особенно большое значение при расширении этнической общности посредством ассимиляции имеют брачные обычаи». Это подтверждает, по словам Мюльмана, и длительное сохранение экзогамных кланов и родов как институтов, что отмечалось Широкогоровым по отношению к тунгусам, а также *военная ассимиляция и клиентелла*.

Известную модернизацию понятий и процессов обнаруживают рассуждения Мюльмана в разделе «Докапиталистические классовые общества». Не лишено интереса замечание автора о том, что «начиная с Ф. Энгельса, Л.Г. Моргана, Г. Кунова... на основе этнографических данных создано значительное число теоретических построений по истории хозяйства. При этом, однако, была упущена проблема *возникновения зависимых классов* в ходе новейших контактов между первобытными и цивилизованными народами... Ассимиляция маленьких, незащищенных первобытных групп сильными соседями зачастую сопровождается *пролетаризацией*»⁶¹⁹. Автор прав, отмечая наличие такого рода процессов, однако и «возникновение классов», и «пролетаризация» возникают не сами по себе, а являются следствием общих социально-экономических процессов, сопровождающих вхождение первобытных племенных групп в орбиту товарно-денежных, административных и тому подобных отношений.

Возвращаясь в очередной раз к целям и задачам этнологии, Мюльман, как и в других работах, высказывал мнение, что «по отношению к этнографии и колониальной истории этнология должна быть специально-социологической дисциплиной, рассматривающей *межэтнические системы*. При этом особое внимание она должна уделять контактам и противоречиям между первобытными и цивилизованными народами». Одновременно автор выделял 7 «*цивилизационных кругов*», в которых разворачиваются эти процессы. Это *евро-американский* (западная цивилизация), *латино-американский, русский, китайский, индуистский,*

буддистский и исламский цивилизационные круги⁶²⁰. Одновременно назывались факторы, воздействующие на социальные процессы — государственная власть, духовная власть, тенденция к самостоятельности⁶²¹.

Заключая свой объемный труд, Мюльман высказывал некоторые любопытные предположения о будущем народов Востока. Так, он писал: «Трудно сказать, какова судьба идеи прогресса на современном Востоке. Но нельзя отрицать, что в последние годы коммунизм сделал шаги вперед. Эти достижения можно понять, если рассматривать коммунизм как вид религии. Это касается Востока, но не коммунизма в Центральной и Западной Европе, где он является анахронизмом, как и идеи Маркса в начале рабочего движения, о земном рае»⁶²². Сегодня можно уже сказать, что предсказание Мюльмана, в общем, не сбылось.

В целом основное направление рассматриваемого исследования Мюльмана ориентировало этнологию, с одной стороны, преимущественно только на изучение определенных *этнических* процессов, оставляя при этом в стороне весь комплекс хозяйства, материальной и духовной культуры. А с другой, предлагая подчинить и включить ее в социологию, лишала ее традиционного статуса самостоятельной науки. При подобной постановке вопроса этнология превращается в «служанку социологии».

Что же касается общей оценки научной деятельности Мюльмана, то дать по этому поводу однозначный ответ довольно трудно. С одной стороны он, как и Широкогоров, акцентировал внимание науки на исследование теории этноса и этнических процессов. Однако в довоенное время его идеи не получили ни признания, ни распространения. В известной мере это можно сказать и о годах после завершения Второй мировой войны. Только немногие его ученики и сторонники предприняли некоторые, впрочем, ограниченные шаги по исследованию этнических процессов. Зато его призыв к «социологизации» этнологии был услышан и воспринят некоторыми учеными, о которых речь пойдет ниже. Но в первое послевоенное десятилетие ни это направление, ни пропагандируемая Турнвальдом

и Мюльманом американская культурная антропология еще не получили большого распространения. В наши дни некоторые их идеи стали, правда без ссылки на авторов, чуть ли не господствующими. Сами же ученые, пропагандировавшие идеи американской культурной антропологии в немецкой интерпретации, основательно забыты даже в странах немецкого языка, а тем более за их пределами.

То, что взгляды Мюльмана не имели большой популярности среди немецких этнологов, видно по многочисленным, весьма бурным дискуссиям, получившим отражение на страницах журналов и других этнологических изданий. В качестве характерного примера можно привести резкие возражения со стороны одного из наиболее известных учеников Мюльмана, Вольфганга Рудольфа против концепции его учителя о характере этнических взаимоотношений на примере народов Сибири. Концепция, мало вразумительно названная Мюльманом «*Interethnische Gefälle*» (межэтнический перепад, или склон), заключалась в идее об иерархичности этносов в соответствии с их численностью и занимаемым ареалом, политическим и экономическим развитием. Предполагая, что этнос «высшего» порядка обязательно и закономерно давит на «низший» (русские на якутов, а якуты на юкагиров), Мюльман пришел к мысли об обязательных в этих случаях процессах ассимиляции и разрушения одного этноса другим⁶²³. Рудольф, опираясь на широкий круг советских авторов, показал ошибочность подхода Мюльмана с теоретической и практической точек зрения. И высказал в связи с рассматриваемой проблемой мысль о том, что если случаи межэтнического «давления» одного этноса на другой имеют место, то это вызвано не какими-то имманентными законами, а конкретными политическими и экономическими причинами. Полемизируя с Мюльманом, Рудольф убедительно опроверг его утверждение об имеющей якобы место русификации малых народов Сибири⁶²⁴.

К числу сторонников условно называемого «социологического» направления в немецкой этнологии и немецкого варианта культурной антропологии следу-

ет отнести одного из наиболее известных этнологов-полевиков и теоретиков, ученика Мюльмана, профессора Свободного университета Западного Берлина, *Вольфганга Рудольфа* (род. в 1921).

Рудольф изучал в 1948 – 49 гг. в Майнце, и в 1955 – 58 гг. в Берлине социологию, географию и антропологию. В 1958 г. он защитил диссертацию на степень доктора философии на тему «Проблема культурных ценностей в работах новейших американских этнологов». В 1967 г. защитил диссертацию на степень доктора наук по теме «Культурный релятивизм. Критический анализ одной фундаментальной дискуссии в американской этнологии». Автор ряда статей и монографий. После смерти Хильды Турнвальд долгие годы был редактором журнала «Социологиус». До выхода на пенсию в 1983 г. состоял профессором Института этнологии Свободного университета. После этого времени продолжал редактировать «Социологиус».

Основные научные интересы Рудольфа были связаны с Северной Америкой, Средним Востоком, Северной Азией, проблемами этничности, этносоциологии, социальной роли полов, культурной антропологии и теории культуры. Рудольф совершил ряд экспедиционных поездок. В 1959 г. в Турцию, в 1964 – 65 гг. в Восточную Анатолию. Провел в течение одного года и четырех месяцев полевые этнологические исследования в Западном Иране. На основе собранных полевых этнографических материалов Рудольф опубликовал ряд статей, посвященных отдельным народам Западной Азии⁶²⁵.

Наряду с публикацией эмпирического материала, уже в начале научной деятельности Рудольф начал разрабатывать ряд теоретических проблем. Главным образом, исследователя интересовали вопросы места этнологии в системе наук, ее цели и задачи, соотношение с культурологией. В теоретических исследованиях и во время полевой работы особое внимание ученого привлекали проблемы аккультурации, культурного контакта и культурного релятивизма⁶²⁶. Рудольф подчеркивал, что процессы аккультурации имеют особое значение для развивающихся стран и обладают общи-

ми закономерностями, свойственными всем народам. В ранних публикациях Рудольф, следуя за своим учителем Мюльманом, пропагандировал американскую культурную антропологию как универсальную науку о человеке и обществе. Однако позднее он обратился к собственно этнологии, в ее более или менее традиционном понимании. При этом, относя себя к числу учеников и последователей Мюльмана, Рудольф далеко не во всем следовал своему учителю о чем, в частности, свидетельствует отмеченная выше полемика по поводу юкагиров.

Наиболее крупные теоретические исследования Рудольфа появились уже позднее, в 70-х годах, и будут рассмотрены в заключительной, пятой части книги.

■ Функциональное направление

Любопытны, хотя и весьма эклектичны теоретические взгляды на животрепещущие проблемы этнологии Кунца Диттмера, изложенные им в книге «Всеобщая этнология. Формы и развитие культуры». В какой-то мере Диттмер находился под влиянием Венской школы, но, вместе с тем, разделял многие положения функционализма, культурной морфологии, социологического направления, а также некоторые идеи С.М. Широкогорова об этносе.

В своем капитальном труде ученый предпринял попытку обобщить значительный фактический материал и теоретические взгляды, отражая довольно распространенную тенденцию считать этнологию универсальной наукой о человеке.

Содержание рассматриваемого труда очень многообразно. В нем рассматривались история, задачи и методы этнологии; «созидающие силы этнической жизни» (окружающая среда, проблемы расы, языка); общественная организация (народ — племя, государство, нация, этническая общность); культура. Далее автор переходил к исследованию форм культуры: хозяйству (хозяйствование), технике, разделению труда, распределению продукта, формам хозяйства. рассмат-

ривались объединения в области общественной организации (родственные объединения, социальные слои, отношения между народами), проблемы права, а также верования и искусство. Наконец, последний раздел книги был посвящен «культурному развитию». При этом затрагивался вопрос о первобытных культурах, культуре охотников, собирателей растений, скотоводческих культурах⁶²⁷.

Книга открывалась разделами, в которых обсуждались проблемы истории и методики этнологии. Основной задачей этнологии автор видел исследование развития культуры от времени ее возникновения и до самой высокой степени. Столь же важным он считал выяснение места этнологии в гуманитарных и естественных науках, причем человек, по словам Диттмера, «находится внутри окружающей среды, и сам творит свою социальную и природную среду». При этом «в ходе исследования отношений между человеком и средой устанавливается их взаимодействие, то есть функциональная зависимость в функциональной взаимосвязи». А культура представляет функциональную связь действия и результата (*funktionaler Wirkungs- und Leistungszusammenhang*). Автор книги считал, что с позиций культурной морфологии при исследовании культуры в ее «динамическом функционировании» следует исходить из характера этнической общности и ее культуры. По его словам: «Die Kulturmorphologie befaßt sich mit den aus objektiv entgegen treffenden Formen, welche die Kulturgüter, Einrichtungen und die Ganzheit einer Kultur aufweisen... Muster (pattern) jeder kulturellen Einheit». В отличие от многих ученых того времени, Диттмер справедливо полагал, что каждая культура — историческое создание человека, зависящее от случайных обстоятельств, места и времени. И поэтому среда, созданная человеком, исторична⁶²⁸.

Рассматривая значение функционального подхода, автор полагал, что он дает представление о деталях, но не о больших исторических явлениях. Следовательно, нужны исторические исследования процессов, этнических и культурных общностей и институтов. Без этого, как верно замечал автор книги, нельзя понять об-

лик и функции культуры. Справедливо, в общем, его мнение о том, что исторические судьбы всех народов неразрывны. И в связи с этим Диттмер ставил задачу создания универсальной истории культуры. Но положение о том, что «история европейской культуры может быть понята только из сопоставления с первобытной и древневосточной культурой», уже сильно напоминает взгляды и методы эволюционизма, многократно подвергнутые в литературе справедливой критике. Не совсем понятен призыв к «колониальной этнологии», которая, как пишет исследователь, «создает лучшее взаимопонимание между народами»⁶²⁹.

Третий крупный раздел книги посвящен «методике» этнологических исследований», где особенно ясно проступает эклектичность взглядов Диттмера. Не говоря уже о том, что предложение сочетать функциональное и Венское культурно-историческое учения выглядит довольно странно, отрицание случайности и механицизма культурных кругов в интерпретации Шмидта противоречит взглядам, давно установившимся в этнологии, и, как представляется, вполне справедливым. Ко всему прочему, Диттмер высказывал частичное одобрение метода Мюльмана, отмечая, одновременно, его ограниченность, ничем, впрочем, это не аргументируя. Но автору книги показалось недостаточным сочетание культурно-исторического и функционального методов, и он предлагал «в дополнение к названным выше методам использовать учение Широкогорова об образовании, существовании и распаде этнических и культурных общностей». Кстати, автор не оговорился о том, что не он первый предлагал обратить внимание на взгляды и выводы Широкогорова. До него это уже было сделано Мюльманом. И, завершая раздел, Диттмер перечислял дисциплины, которые, по его мнению, являются ветвями этнологии. Это этнография, палеоэтнология, этносоциология, этнология хозяйства, религии, права, искусства, музыки⁶³⁰.

Немалое место в книге было уделено «образующим силам этнической жизни». Раздел начинался с рассмотрения роли окружающей среды, относительно которой говорилось, что «чем ниже культура, тем

значительнее воздействие окружающей среды». То же самое было сказано и относительно социального окружения. Развивая свою мысль далее, Диттмер писал, «что на низком уровне культуры особенно сильно приспособление к окружающей среде. Это приспособление столь специализировано, что становится невозможным изменение культуры или переход в другую среду»⁶³¹.

Затрагивал Диттмер и расовую проблему, справедливо замечая, что «часто значение расовой принадлежности преувеличивается. В течение всей истории расы изменялись и смешивались. С расой связан не интеллект, а чувства, мир ощущений, черты характера». И вновь повторял, что человеческие свойства развиваются и формируются главным образом под воздействием природной и социальной среды и истории.

В какой-то мере в русле взглядов Турнвальда на социальные проблемы, Диттмер говорил об «общественном сплочении, общности» (*Gesellung*). В качестве форм общественной организации он называл, вслед за Широкогоровым, «народ, племя, государство, нацию». И далее он писал, что «раса, язык, культурный круг не совпадают с границами народа. Каждый народ состоит из разных расовых типов, а одна и та же раса, как и язык, представлена в разных народах». Подробно останавливался в этом разделе автор на том, что следует понимать под термином «народ» (*Volk*). По его словам: «Народ — это население в ограниченной области расселения, характеризуется общностью языка, культуры, исторических судеб, сознанием своей общности в противовес соседним народам. Народ — позднее историческое явление, не свойственное первобытности». Таким образом, по Диттмеру, народ соответствует *этносу*. Что же касается первобытных народов, то они обозначаются как «осознанная общность» — племя. Эту форму общественной организации характеризуют, по Диттмеру, общий язык, образ жизни, область обитания. Племя хозяйственно независимо. Как считал автор: «Духовно-идеологическое оформление племенного единства происходит посредством культа общего божества и представления об

общности происхождения. При этом на ранних этапах такого рода связь состоит в родстве и месте обитания. Что же касается племен, то как политические общности они получают выражение только на высшей стадии развития, во время войн и т. п.» На самом же раннем этапе исторического развития людей представление о племенной общности, как полагал ученый, еще отсутствовало. Говоря о государстве, автор называл его признаки: многочисленность общности, объединение единым руководством, наличие общей территории, аппарата власти, вооруженной силы, направленной против внутренних и внешних врагов. При этом государство, по словам Диттмера, не зависит от расы населения, его культуры и языка. Возникает же государство или вследствие того, что один из социальных классов становится господствующим, либо вследствие установления иноземного господства. Останавливается исследователь и на постоянно дискутируемом понятии «нация». Она состоит, по его словам, из одной или нескольких народностей, связана с прочной государственностью, силой для самоутверждения и наличием сознания исторической общности. Наконец, как таковая, признается соседями. При этом дополняет Диттмер, племя, народ, государство — явления чисто исторические и постоянно изменяющиеся⁶³². В связи с теоретическими установками Диттмера относительно исторического характера общественной организации и ее динамики нельзя не заметить, что они во многом близки марксистским установкам советских историков. Однако ни о них, не о марксизме вообще, рассматриваемый автор ни одним словом не упоминает.

Говоря об этнических общностях, Диттмер почти целиком опирается на С.М. Широкогорова. Автор отмечал, что «этнические общности эндогамны и исторически развиваются». Как считал исследователь, внутриэтническое равновесие зависит от функционального соотношения между числом населения и культурным приспособлением. Изменение одного элемента, составляющего этнос, влечет за собой изменение и других элементов. Этническая общность может быть на подъеме и распространяться или находиться в упадке». Если

в этих выводах Диттмера ощущается определенное воздействие идей функционализма, то явно от Мюльмана идет постановка проблемы «межэтнических отношений и межэтнического давления». Это определенно следует из слов о том, что: «Биологически и культурно лучше приспособленные этнические общности образуют в определенные исторические эпохи *ведущие этнические общности*, которые становятся образцом для других»⁶³³.

Интересны соображения Диттмера относительно понятия «культура». Так, он писал, что: «Культура — это органически выросший комплекс достижений интеллектуальной деятельности человечества (в хозяйстве, образовании, верованиях, искусстве), который позволяет вести борьбу за существование и сохранение внутриэтнического равновесия. Культуру можно назвать и «цивилизацией». Культура — это этническая форма цивилизации». И далее: «Культура связана с определенной этнической общностью. Но черты цивилизации могут быть общими для разных народов и этнических общностей». Справедливы, в общем, слова автора о том, что культура объединяет всех людей и тем отличает их от животных. Правда, требует некоторого разъяснения и уточнения содержания терминов мысль о том, что «уровень цивилизации и культуры не находятся в прямой зависимости». Это касается и слов Диттмера о том, что «сильный технологический рост может сопровождаться обеднением культуры». В данном случае *культура* понимается, очевидно, в несколько узком смысле, как часть духовного достояния, хотя и материальный мир человека также входит в понятие *культура*. Также требует уточнения и понятие *цивилизация*, когда автор говорит о том, что «при низком развитии цивилизации может существовать высокая степень духовной деятельности». Функциональный подход чувствуется в словах Диттмера и тогда, когда он вновь возвращается к дефиниции, что такое культура. Так, он пишет: «Культура — не сумма изолированных явлений, а в известном смысле — организм, члены которого находятся между собой в функциональной зависимости. Изменение одного элемента влечет

изменение других. Поэтому чужие элементы культуры заимствуются только в тех случаях, если они могут быть после известной переработки включены в свою культуру. Из элементов культуры складывается «модель культуры» (Kulturmuster)⁶³⁴.

От культурно-морфологических, функциональных, даже в какой-то степени марксистских, в советской интерпретации, теоретических подходов, Диттмер обращался в конце теоретической части своего труда к трактовке культурных явлений с позиций Венской культурно-исторической школы⁶³⁵. Рассматривая такое понятие, как *культурная область* (Kulturgebiet, culture area), использовавшееся, кстати, еще Ф. Ратцелем и Л. Фробениусом, он писал: «Органический комплекс культурных явлений составляет *культурный круг*. При этом круги простираются на большие пространства, и каждый из них характерен для многих этнических общностей и, прежде всего, для *ведущей этнической общности*». Культурные круги Диттмер называл вслед за своими предшественниками, но, не ссылаясь на них, *культурными слоями*. И далее он справедливо отмечал, что культуры постоянно изменяются. Причину этого процесса он усматривал в действии как внутренних, так и внешних факторов, причем большой размер этнической общности гарантирует устойчивость и сохранение ее культуры.

Хочется отметить подход Диттмера, кстати, далеко не часто встречающийся в работах по истории первобытного общества и археологии, трактующий изменения культуры, возникновение и *применение* новых открытий не «из пустой игры, а вследствие борьбы за существование». Затрагивал автор книги и до сих пор еще обсуждаемый вопрос о явлении «вторичной дикости», поднятый в свое время сторонниками Венской школы. При этом справедлив вывод автора о том, что это явление возникало «как следствие вытеснения в неблагоприятные условия обитания».

Говоря о взглядах Диттмера в целом, следует подчеркнуть, что важнейшим фактором этнической дифференциации было, по его мнению, распространение «культурных кругов» и «культурных элементов».

С этим, однако, трудно согласиться, так как исторически все возрастающее взаимовлияние скорее ведет порой к исчезновению, иногда сглаживанию дифференциации в формах культуры. Вместе с тем представляются верными многие замечания рассматриваемого автора по проблемам социального развития. Справедливо, хотя далеко и не ново, высказанное мнение о том, что древнейшей формой брака была «моногамия». Конечно, автор имел в виду не моногамию в ее современном понимании, а *парный брак*. Но это уже вопрос терминологии, так как в немецком языке отсутствует специальный термин, соответствующий понятию «парный брак». Не согласен Диттмер с постановкой Шмидтом вопроса о так называемом «первобытном монотеизме».

Некоторыми учеными выход в свет труда Диттмера был встречен вполне благожелательно, о чем свидетельствует, к примеру, рецензия Ю.А. Глюка. Несколько преувеличивая заслуги автора обсуждаемой книги, он писал: «Эта книга — сюрприз последних лет, и является выражением стремления к обобщению и упорядочению используемого в этнологии материала». Едва ли можно согласиться и с утверждением Глюка, что «это второй опыт после «Истории культуры» К. Биркет-Смита создания всеобщей этнологии... и отражает претензии этнологии стать универсальной наукой о человеке»⁶³⁶.

В целом же теоретические установки Диттмера довольно эклектичны, во многом основываются на функционалистских и диффузионистских представлениях и частично сходны с позициями американской культурной антропологии. Что наиболее положительно в книге — это то, что в ней подвергаются ревизии многие привычные точки зрения, что дает основу для плодотворной дискуссии, а также делаются некоторые шаги в сторону исторического подхода, что видно на примере заглавия книги, в котором говорится о «развитии» культуры.

С позиций функционализма подходил к ряду проблем теории этнологии и истории первобытного общества профессор Геттингенского университета Эрхард

Шлезьер (род. в 1926), специалист по народам Меланезии и Микронезии. В качестве примера можно привести его фундаментальное исследование «Основы образования кланов»⁶³⁷.

Уже в самом начале своего труда автор заявлял о своих теоретических установках, говоря, что он рассматривает обсуждаемые проблемы «на основе новой функционально-исторической техники этнологической реконструкции».

Книга состоит из двух частей: «Основы и ход эндогенного перехода от матри- к патриклану», и «Клановая дислокация и образование кланов».

В начале первой части Шлезьер затрагивал некоторые вопросы истории развития теоретических взглядов в этнологии, уделяя при этом основное внимание функциональному направлению. Здесь же он останавливался на собственном методе работы, который, по его словам, основывается на том, что если в той или иной культуре наблюдаются отклонения от норм поведения, то можно делать вывод о том, что этот институт находится в состоянии развития. При этом в «единообразном культурном пространстве» наиболее ранний по развитию институт может быть принят как исходный пункт локального пути развития. В качестве частного примера перехода от матри- к патриклану, предлагается область Тробрианд, Добу, Лесу и Сиуаи (Бугенвиль), принимаемая в качестве единообразного культурного пространства. Для всех четырех локальных культур автор предполагал эндогенный переход от материнского к отцовскому праву, что являлось следствием того, что «сильные и ведущие личности» единолично изменили матрилокальное правило поселения на патрилокальное.

Во второй части Шлезьер рассматривал «расщепление» клана. В связи с этим он предлагал термины «локальный клан», «расщепленный клан», «субклан», исходя из следующих признаков: наличие унилатерального принципа, осуществляемого посредством материнской или отцовской филиации; наличие мифологического обоснования родства членов клана; наличие клановой экзогамии; свойство клана быть частью большой общности.

Клан, по мнению ученого, произошел из семьи и локальной группы, причем различными, независимыми друг от друга путями.

Во второй части книги также трактовалась проблема «эндогенного» развития клана. Едва ли взгляды Шлезьера по данному предмету представляют сегодня какой либо интерес. Однако они достаточно характерны для рассматриваемого периода, времени разброда в теоретических установках и попыток найти какие-то новые пути в решении теоретических вопросов.

■ Культурная антропология

Наряду с Турнвальдом, Мюльманом, Рудольфом, Вестфаль-Хелльбуш, и другими известными представителями немецкой этнологии, интерес к американской культурной антропологии стали проявлять и более молодые этнологи.

Это видно, в частности, из рецензии Рейнхарда Голя на сборник «Культурная антропология», изданный В. Мюльманом и Е.В. Мюллером⁶³⁸.

К числу ученых, проявлявших интерес к культурной антропологии, был *Карл Селлер*. В статье «Предыстория и этнология и их значение для современной антропологии» он отмечал: «В наше время произошло значительное расширение понятия *антропология*, которая рассматривается как синтез между естественными и гуманитарными науками». Поэтому, как он считал, антропология как наука о человеке призвана освещать «натуру» человека, должна быть одновременно и естественной и гуманитарной наукой⁶³⁹. Что касается собственно этнологии, то Селлер считал, что она «примыкает к учению о расах, происхождении человека и предыстории».

Интерес к американской культурной антропологии проявлял доктор *Юлиус Глюк* (род. в 1911), сотрудничавший первоначально в Берлинском, а позднее в Штуттгартском музеях этнологии. В большой работе «Путь человека. Метод этнологии и культурной антропологии» он затронул ряд крупных проблем, напри-

мер, «Изменяющаяся земля», «Биологическое развитие человека», «Культурное развитие». Завершалась работа главой «Методологические выводы». Большая часть исследования была посвящена вопросам происхождения человека и истории его древнейшей культуры. Подробно рассматривать высказанные им по этому поводу взгляды нет смысла, так как фактические данные, на которых он основывал свои рассуждения, уже сильно устарели. К тому же, говоря о своем понимании сути развития современного человечества и его культуры, автор, излагал свои взгляды несколько сумбурно. Тем не менее, некоторые из них представляют в теоретическом отношении некоторый интерес. Так, определяя «универсально-исторические признаки примитивности», он называл следующие: 1) ограниченное время существования групп; 2) ограниченное пространство, занимаемое группой, и, как следствие, ограниченность связей с соседями; 3) ограниченное число индивидов, считающих себя принадлежащими к одной группе⁶⁴⁰. Далее автор высказывал мнение, что то, что в первобытности было мельчайшим социальным союзом, в условиях «высоких культур» станет «семьей». А из этого делался вывод, что «на пути к высоким культурам человек сохранил признак примитивности». Сама же суть развития, по Глюку, состояла в том, что «из множества примитивных, первично-гомологических групп — образовались большие объединения, то есть, на новом уровне образовывалось новое гомологическое объединение. Как пояснял автор, гомология — сходство органов, выполняющих различные функции. Соприкосновение групп или культурных ценностей основывается, по словам Глюка, на хомотопии, то есть пространственном соседстве. Продолжая свою мысль, рассматриваемый автор говорил: «В начале возникновения человека решающее значение имела «анхомохрония», то есть единовременность процессов, особенно среди групп, имевших мало контактов». Завершал свои теоретические рассуждения автор призывом преодолеть «односторонность Шпенглера и Тойнби, ориентирующихся только на высокие культуры, а исследовать универ-

сальную историю, включающую и «доисторическую». Также он считал, что надо преодолеть наивное представление Шпенглера о предопределенности человеческой истории, но не затрагивать при этом моральные категории Тойнби. При таком подходе, считал Глюк, «устраняется контроверза между культурно-историческим и функционалистским подходами, причем конфликт между культурно-историческим учением и функционализмом только кажущийся — это две стороны одного учения»⁶⁴¹. Таким вот нехитрым образом автор «устранял» препятствия в виде различных теоретических установок, что, как он считал, осуществляется культурной антропологией, а также введением и использованием (труднопроизносимых — Г.М.) терминов. Впрочем, последнее и сегодня болезнь не только западной, но и российской этнологии.

Не более вразумительны попытки Глюка определить место собственно этнологии, высказываемые им в статье «Положение гуманитарных наук с точки зрения этнологии». Работа состояла из множества общих, не основывающихся на конкретных данных рассуждений о развитии общества. При этом высказывалась весьма спорная для середины 1950-х гг. мысль об уменьшении для общества значения гуманитарных наук, что, по его словам — «с точки зрения социолога — потеря функции». Далее в статье шли спекулятивные рассуждения о путях перехода от мифологического мироощущения к рациональному и путях развития духовной культуры. По этому поводу утверждалось: «В современном обществе духовная сфера не полностью потеряла значение, вытесняясь естественными науками, но становится делом отдельных людей, а не общества в целом»⁶⁴².

В какой-то мере схожей по звучанию со статьями Глюка была книга Жана Гибсера «Происхождение и современность», наполненная абстрактными философски-социологическими рассуждениями при отсутствии конкретных данных и удобопонятных выводов. В первом томе труда, озаглавленном «Фундамент аперспективного мира» говорилось об «аперспективных событиях в последние 50 лет, которые привели к разруше-

нию привычных, и кажущихся вечными представлений в связи с искусством, наукой и социальной жизнью». В качестве примера приводились только теория относительности и абстрактное искусство. Во втором томе «Манифестации» рассматривалась проблема развития духовности в современном обществе с социологических позиций⁶⁴³. И в этой работе чувствовалось определенное влияние американской культурной антропологии, особенно в постановке проблемы, не свойственной любым направлениям традиционной немецкой этнологии.

В середине 1950-х гг. вышла в свет объемистая книга Фритца Хеннзеля, посвященная проблеме «пре-народных исследований». Сразу же следует оговориться, что большинство выводов автора довольно легковесны, если не фантастичны. Тем не менее, имеет смысл остановиться на ее содержании, так как в какой-то мере она характерна для времени вторжения в традиционную немецкую этнологию новых течений, особенно близких к культурной антропологии, и дает возможность понять основы некоторых позднейших теоретических подходов.

Работа написана в известной мере с этносоциологических и этнопсихологических позиций и охватывает весьма широкий круг проблем, начиная с этнологических подходов к изучению первобытности, и до рассмотрения ряда историографических вопросов, а также некоторых общих теоретических проблем.

Во вводной части книги автор останавливался на оценке состояния науки о народах, а также говорил о принципах и методах этнологического исследования первобытности. Переходя к основной части своей работы, Хеннзель анализировал результаты этнологического исследования первобытности, затрагивая довольно пестрый перечень вопросов. Это «возникновение народных племен», «внутреннее течение образования племен», «возникновение народно-племенного хозяйства» и «этнологические предпосылки реконструкции первобытного хозяйства». А также «возникновение племенных языков», «расовая гетерогенность древних этнических элементов», «этнос и раса в раннеперво-

бытном состоянии», а также ряд других, столь же разнородных вопросов.

Говоря подробнее о взглядах Хеннзеля, интересно остановиться на его оценках состояния «науки о народах». Исследователь отмечал значительное отставание исторических наук в сравнении с естественными, и стоящую задачу — исправить положение. В общем и целом, автор подходил к проблеме с исторических позиций, что видно из его слов о том, что «наука о народах рассматривает этнические явления в человеческой жизни, по возможности, в развитии». Особенно в плохом состоянии находилось, по утверждению ученого, исследование развития духовной жизни «так называемых примитивных», а также их социальных институтов. По словам автора, существовал «хаос различных взглядов» о мышлении «примитивных» и его отражении в жизни. Перечислялись Тейлор, Фрезер, Хартланг и Ланг, которые «признавали наличие индивидуальной психологии», и противоположные им взгляды Дюркгейма, Леви-Брюля и ряда других о коллективной психологии. А также то, что обе эти концепции отрицались Ратцелем, Фробениусом, учением о культурных кругах — Гребнером, Шмидтом, Анкерманом. И далее, как писал Хеннзель, позиции всех этих ученых отвергались сторонниками учения о конвергенции — Тилениусом, Эренрейхом, Ф. Лушаном, Вейле, а также Фридрихом Крейзе, сторонником учения о конвергенции⁶⁴⁴. Рассматривая позиции разных ученых в отношении изучения культуры, автор отмечал: «В современной сравнительной этнологии видно стремление воссоздать развитие всех элементов культуры и культуры в целом». Особое внимание при этом уделялось Турнвальду, о котором автор писал: «С этнологией тесно связана этносоциология Турнвальда, которая изучает социально-психологические основы цивилизационных и культурных явлений и имеет задачей преодолеть хаос взглядов в этнологии». При этом делалась ссылка на книгу Турнвальда «Человеческое общество в его этносоциологических основах» (т. 1. Берлин, Лейпциг, 1931). В отличие от весьма положительной оценки теоретических положений Турнвальда, о взгля-

дах большей части прочих этнологов Хеннзель высказывался довольно критически. О культурно-историческом направлении он говорил, что оно не применяет критический этнологический анализ используемых материалов и сравнивает целые «культурные общности», тогда как их надо анализировать по отдельным элементам. Различные замечания автор делал и по отношению других школ и направлений.

Согласно взглядам рассматриваемого автора: «Население, при его изучении, должно быть подразделено по этническим компонентам древнейших этнических элементов (*ethnische Urelemente*), с тем, чтобы установить участие каждого этнического элемента в культурном явлении или области жизни». Далее высказывалась мысль, что «культурная структура племени или народа зависит от его этнической структуры, а ее можно выяснить только посредством изучения истории развития племени и становления народа». Это Хеннзель называл «главной задачей этнологии», так как «сплав этнических элементов образует народную жизнь»⁶⁴⁵.

По отношению принципов и методов исследования Хеннзель призывал пользоваться статистическим методом профессора Дерптского университета Рихарда Мюке о массовых исследованиях⁶⁴⁶, который, как утверждал автор рассматриваемого труда, основал новое научное направление «этнологическое исследование первобытности, или, практически, учение об этногенезе»⁶⁴⁷, что являлось явным преувеличением.

Основываясь на взглядах Мюке, Хеннзель трактовал проблему «Возникновение народных племен». Он писал: «Согласно распространенной точке зрения народ (племя) возникает вследствие ответвления от пра-народа (пра-племени). В отличие от этого взгляда, историческая этнология считает, что племена предшествуют народностям. Теория Мюке отрицает ответвление от пра-народа. Он считает, что каждый народ необходимо изучать в отношении его первоначальных составных элементов (*ethnische Urelemente*)». И опираясь далее на положения Мюке, Хеннхзель рассматривал вопрос о том, что можно считать «первоначаль-

ным этническим пра-элементом». Полагать таковым племя и его подразделения: тотемические локальные группы и род, он считал неверным, так как они сами являются сложными явлениями. Поэтому, как писал этот автор: «Мюке считает, что первичную этническую ячейку составляет *opga* (*Urzelle des Volksleben*) — этнический пра-элемент, этнологически не делимый». Всю начальную этническую историю человечества Хеннзель рассматривал сквозь призму «столкновений и взаимовлияния разных орд... Так происходило и в дальнейшем»⁶⁴⁸. Столь же далека от известных фактических данных попытка выделения автором книги типов орд. Предлагаются два типа: «равнинные» и «горные». В дальнейшем, по словам Хеннзеля, равнинные и горные орды смешивались, и возникали «народные племена» (*Volksstamm*). Как утверждал автор, все эти предположения «подтверждаются мифами»⁶⁴⁹.

Столь же своеобразны выводы автора рассматриваемого труда и в отношении анализа «внутреннего процесса образования племен». Так, он считал: «Первоначальная форма семьи — моногамная — брак братьев с сестрами (*Geschwisterehe*). Потом, после начала этнических переселений равнинных и горных» орд, началось взаимное похищение людей. В результате старый порядок стал разрушаться, появилось господство человека над человеком. При этом «по происхождению семья была первоначально основана на домашних отношениях служения (*häusliche Dienstverhältnis*)». Высказывал автор свое мнение и относительно соотношения мужской и женской локальности и линейности. Как и в других случаях, не ссылаясь на фактические данные, он выдвигал предположение: «Гинекократия и патриархат возникли одновременно и как взаимодополняющие. Но гинекократические семьи постепенно исчезали. Из этого некоторые исследователи (кто, автор не указывает — Г.М.) делали неверный вывод о том, что отцовское право следовало за материнским, а патриархат после матриархата. В действительности обе формы исходили из братско-сестринского брака (*Geschwisterehe*)»⁶⁵⁰. Любопытна, хотя столь же недо-

казательна, гипотеза Хеннзеля, гласящая, что «экзогамия — следствие распада порядков орды и возникновения семей из похитителей-господ и похищенных слуг». Можно привести и ряд других совершенно бездоказательных выводов об авункулате и т. п., однако уже сказанного, полагаю, достаточно для характеристики распространявшихся после окончания войны среди некоторой части этнологов сумбурных и эклектических взглядов.

Одно из первых социально-психологических исследований в послевоенное время о национальных предрассудках опубликовали в 1953 г. последователи Турнвальда Соди Синг и Рудольф Бергиус⁶⁵¹. Впрочем, особого интереса у широкого круга этнологов оно не вызвало.

Многие ученые занимались проблемой соотношения истории первобытного общества и этнологии. В качестве примера можно привести названного выше *Карла Селлера*, разделявшего многие позиции так называемой «народной психологии» и интересовавшегося психоанализом⁶⁵².

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

■ Религия

По издавна сложившимся традициям многие немецкоязычные этнологи уделяли большое внимание проблемам первобытных верований. Посвященная им литература настолько обширна, что ее анализ требует специального исследования. Поэтому здесь возможно лишь перечислить наиболее известных авторов и некоторые их публикации, отсылая к ним читателя.

Проблемы происхождения первобытных религиозных верований продолжали занимать многих представителей Венской культурно-исторической школы и, прежде всего ее основателя Вильгельма Шмидта, продолжавшего работать над «идеей Бога в человеческой истории». Впрочем, ничего нового, по сравнению со своими прежними теоретическими положениями, он не высказал⁶⁵³. О происхождении первобытных верований писали и другие сторонники Венской школы, в частности Пауль Шебеста, не опиравшийся при этом на «теорию первобытного монотеизма» Шмидта⁶⁵⁴.

Многим частным и общим вопросам первобытных верований посвящены работы известного специалиста по истории религии Адольфа Ензена, в том числе о соотношения мифа и культа⁶⁵⁵. Шаманизм, как одна из форм религиозных верований, рассматривался Хансом Финдайзеном на основе данных по североазиатским народам⁶⁵⁶.

Большая часть авторов публиковали, главным образом, описания полевых исследований верований тех или иных первобытных народов. В качестве примера, можно назвать К. Нарра, П. Арндта⁶⁵⁷.

Особенно следует подчеркнуть значение серьезных публикаций по разным вопросам религии Карла Эттмара, в которых он рассматривал, главным образом, верования народов разных областей Азии⁶⁵⁸.

Можно назвать также довольно известного этнолога Ханса Финдейзена, опубликовавшего ряд работ о шаманизме⁶⁵⁹. А также и ряд других авторов: Петера Фукса, Фридриха Хейлера, О. Келера, Ханса Невермана, Эрнста Вормса, Хельмута Петри, Карла Шлоссера, Эрнста Даммана и многих других⁶⁶⁰.

■ Проблемы хозяйства

Одним из известных теоретиков в области истории первобытного общества был мюнстерский профессор *Рюдигер Шотт*, ученик Генриха Тримборна. Интересна его книга, озаглавленная «Начала частного и планового хозяйства», в которой он продолжил исследования хозяйственных и правовых проблем, начатые И. Адамом и Г. Тримборном. Одним из первых в этнологии Шотт поставил вопрос о распределительных отношениях: порядке распределения пищи у пигмеев Африки и огнеземельцев Южной Америки.

Работа ограничивалась рассмотрением обществ охотников и собирателей Старого и Нового Света. При этом автор отмечал принципиальные различия между ними. В то время как, по его словам, у пигмеев существует «центрально-управляемое собственное хозяйство», при котором место выбора лагеря, время пребывания в нем и распределение мяса определяет старейшина, у огнеземельцев (селькнам) существует «сообщающийся хозяйственный порядок», при котором отец малой семьи является главой хозяйственного объединения. Как считал автор, при таком порядке условия выживания у селькнам были более благоприятными, чем у пигмеев. Относительно североамери-

канских индейцев Шотт высказывал мнение, что у них уже происходило выделение семейной собственности на отдельные участки в границах племенной территории. Поэтому каждая охотничье-собираТЕЛЬСКАЯ группа имела собственную территорию, которая находилась в пользовании всех ее членов. При этом собственность на «недвижимость» в виде фруктовых деревьев, термитников принадлежала первопоселенцам. Автор подчеркивает наличие у рассматриваемых групп населения частной собственности, что, как он полагал, подтверждается обычаями обмена, дарения, ссуды, отдачи в наем, «в основе чего складывались капиталистические отношения». Особое внимание в своем исследовании автор уделил анализу порядка распределения охотничьей добычи в «орде», а также между несколькими «ордами», распределению пищи в семье. В отдельных главах детально рассматривалось «Общинное и частное распределение пищи», и, кроме того, «Религиозные и церемониальные формы распределения».

По ходу анализа материала, Шотт вступал в дискуссию с представителями исторического направления и, в частности, Тримборном по поводу выделения ими ступеней «высших» и «низших» охотников. Как полагал автор, для такого подразделения отсутствуют твердые критерии.

Довольно большое внимание в немецкой этнологии рассматриваемого времени, а также и в последующие годы, о чем будет сказано в следующем разделе, обращалось на проблемы номадизма. Причем как в историческом аспекте, так и в связи с изучением развивающихся стран. При этом в первую очередь следует назвать уже упомянутого выше крупного ученого Карла Еттмара, известного исследователя кочевых народов Западной Азии, а также проблемы происхождения коневодства⁶⁶¹.

В статье «Происхождение верхового номадизма» он писал, что формированию активных кочевых скотоводов способствовали успехи в domestикации лошади, совершенствование вооружения, возникновение рынка для сбыта скотоводческих продуктов. Он справед-

ливо отмечал, что номадизм в Центральной Азии сравнительно позднее явление и не базировался, как полагают некоторые исследователи, на длительной традиции пастухов мелкого рогатого скота или оседлого населения со смешанным хозяйством. Менее убедительны слова Еттмара о продвижении «индогерманской группы с запада на восток», где мигранты в 3 тыс. до н. э. перешли в новых местах к номадизму.

Автор попытался дать свое, впрочем, далеко не исчерпывающее объяснение существу номадизма. Как он писал: «Номадизм — это когда целая народность не имеет прочной оседлости и циклически движется с отдельными остановками. При номадизме нет нужды в заготовке кормов, и имеется возможность избегать экстремальных климатических ситуаций, защищать от эрозии и перевыпаса участки пастбищ. Номадизм дает военные преимущества». Значительно менее убедителен вывод Еттмара о том, что «подвижность имела и религиозные причины — возимые и носимые святыни». Вместе с тем интересно, хотя и спорно в своей фактической основе замечание о том, что «возрастная организация давала возможность противостоять консервативным традициям глав общин. Молодежь уходила со стадами из общин, и возникал постоянный номадизм». Однако когда и где происходил этот процесс, автор не говорит и, насколько известно, пути возникновения номадизма были иными⁶⁶². Романтично, но малодостоверно звучит и утверждение автора о том, что «группы воинов (возрастной класс — Г.М.) совершали походы. Наличие возрастных классов усиливало тенденцию равенства у номадов. Все имели равные права и обязанности». Но полностью можно согласиться с мнением о том, что «социальный престиж давали военные заслуги, и что не было дворянства»⁶⁶³.

Довольно критическими были отзывы о прошедшем в 1961 году в Киле симпозиуме на тему о происхождении и ранней истории одомашнения животных. Материалы симпозиума были опубликованы в 5-ти выпусках, из которых 4 касались теоретических проблем: понятия, основы и предпосылки доместикации, ход доместикации различных животных, последствия до-

местикации и др. Как писал в рецензии на собственно этнологические публикации симпозиума Еттмар, многие ошибки и сомнительные датировки содержались в статье М. Урбана «Свидетельства полинезийских мифов в связи с доевропейским содержанием животных в областях Южных морей». Не согласен был рецензент и с постановкой вопросов Ю. Хуппертом относительно раннего разведения лошадей в Восточной Азии. Относительно раздела К. Нарра Еттмар писал, что «культурно-исторические соображения автора по поводу раннего содержания животных» также содержат ошибки. Нарр «утверждает, что привлек доисторические и этнологические параллели. Но детальная характеристика отсутствует». Столь же мало удовлетворительными находил рецензент и большую часть других статей, связанных с этнологией⁶⁶⁴.

Проблемами номадизма занимались и другие исследователи, например, *Матиас Германнс*⁶⁶⁵, *Фридрих Куссмауль*⁶⁶⁶, *Вилли Краус*⁶⁶⁷, *Рольф Герцог*⁶⁶⁸, *Ласло Вайга*⁶⁶⁹, *Хенн Польшаузен*⁶⁷⁰, В. Досталь⁶⁷¹ и ряд других ученых.

Относительно работ Хенна Польшаузена следует отметить, что многие из них имели по отношению к народам Сибири резко антирусскую направленность, что приводило к значительным искажениям исторической и этнологической действительности.

В качестве примера можно привести одну из работ Польшаузена «Кочевое пастушество и предшествующие ему ступени. Этнографически-географическое исследование развития хозяйства местного населения»⁶⁷². Некоторые вопросы вызывает определение Польшаузенем существа пастушества. Его свойствами он называл подвижность, не уточняя, правда, характера этой подвижности, наличие скота — капитала, что верно, и склонность к единобожию, что для отдаленных времен довольно сомнительно. Не лишено смысла мнение автора о том, что пастухи выступают в виде этнического катализатора, ведущего к глубоким изменениям в составе населения, с которым они вступают в контакт. Однако и здесь следует заметить, что то, о чем говорит автор, касается не столько пастушеских,

сколько кочевых народов (номадов), между которыми Польшаузен, видимо, не усматривает принципиальной разницы. Следуя взглядам Венской культурно-исторической школы, он высказывал уже опровергнутое к его времени мнение, что «пастушество возникло из «сопровождения» стад диких оленей в мезолите в области современного Восточного моря (Балтийского), и что это событие произошло 10 тысяч лет назад». Это утверждение ошибочно, так как известно, что олень был одомашнен только в первом тысячелетии до нашей эры в областях Саян и Восточной Сибири. По словам Польшаузена, он выработал новый метод, названный им «этнобиологическим», или «культурно-биологическим», который, по своей сути, состоял в попытке объяснения факторов культуры посредством биологии. Не выдерживает критики утверждение автора о том, что пастушеский комплекс связан с «нордической расой»⁶⁷³.

Не проявил особого энтузиазма в своей рецензии на работы Польшаузена этнолог Ю. Глюк⁶⁷⁴.

Вопросам возникновения имущественного неравенства, насильственной власти и подчинения в связи с историей подвижных скотоводческих народов посвящена статья Александра Рустова «Место современности. Универсально-историческая критика культуры»⁶⁷⁵. Свое исследование автор начинал с попытки установить «закономерности» в изменении культуры. Он верно отмечал, что при полном приспособлении к жизненным условиям существует оптимальное равновесие в жизнедеятельности общества, и отсутствуют тенденции к изменениям. И только при отсутствии оптимального приспособления возникает неравновесие и необходимость в изменениях. Рустов называл это статической закономерностью, законом «культурной пирамиды»⁶⁷⁶. Как и Польшаузен, Рустов рассматривал возникновение номадизма, основываясь на ряде положений Венской культурно-исторической школы. Так, он полагал, что эта форма хозяйства возникла в Сибири, причем крупное скотоводство возникло из охоты, когда начали ухаживать за пойманными животными. При этом первым одомашнен-

ным животным предполагается олень, что, как уже отмечалось, противоречит известным данным. Также не соответствует фактам утверждение о том, что «в конце ледникового периода земледельцы заимствовали у северных народов животноводство и занялись разведением крупного рогатого скота». Нет смысла рассматривать далее взгляды Рустова относительно изменения культур земледельцев и скотоводов вследствие их полной несостоятельности и противоречия современным общепринятым воззрениям на этот предмет. Этапы изменения рассматривались как чисто механицистический процесс, опять-таки в традициях Венской школы.

В 1967 г. в Бохуме был проведен семинар с широким привлечением специалистов, посвященный номадизму как проблеме развивающихся народов⁶⁷⁷. Однако выводы, сделанные этнологами об интеграции кочевников в капиталистическое общество, основанные на модной тогда «теории конвергенции», оказались весьма спорными, и при дальнейшем обсуждении проблемы их авторы на них уже не настаивали.

Проблему оседания номадов с позиций процессов аккультурации и «изменения культуры» (*Kulturwandel*) рассматривал в ряде статей известный этнолог, профессор Фрейбургского (Бр.) университета *Рольф Герцог*. С сожалением, и вполне справедливо, он отмечал, что в то время как о «карго-проблеме» существует огромная литература по различным проблемам хозяйства, почти нет хороших работ в связи с номадизмом, в том числе и об оседании кочевников. Герцог подробно рассматривал географическую среду, в которой обитают кочевники, происходящие среди них этнические процессы, демографию, хозяйство номадов. Как важный вывод исследователя следует считать его утверждение о том, что неизбежно хозяйственное и социальное разложение традиционного номадизма, причем этот процесс уже принял значительные размеры. На основании опыта последних десятилетий верным представляется вывод Герцога о «безнадежности» попыток перевести кочевников к примитивному земледелию. Но при этом нельзя со-

гласиться с его мнением, что выход для номадов состоит в вовлечении их в «механизированное культурное земледелие»⁶⁷⁸.

Профессору Фридриху Куссмаулю принадлежит перевод на немецкий язык монгольской хроники «Тайная история монголов»⁶⁷⁹. Однако, как представляется, он во многом уступает русскому переводу этой хроники и содержит, к тому же, некоторые ошибки.

В рассматриваемое время был опубликован ряд статей и книг, содержащих описание тех или иных кочевых народов. Однако теоретические проблемы их авторы не затрагивали.

■ Проблемы «развивающихся стран»

Уже в первые годы после окончания войны стали появляться исследования, посвященные народам так называемых «развивающихся стран», причем их число стало быстро увеличиваться. Причин этому было несколько. По мере получения разными странами Африки и Азии независимости, перед их правительствами вставала проблема выбора путей дальнейшего развития. А так как своих квалифицированных кадров катастрофически не хватало, приглашались зарубежные ученые. Определенную роль играли также политические и военно-стратегические мотивы. И, наконец, развертывалась конкуренция за рынки сбыта, оказавшаяся благоприятной для развертывания полевых этнографических исследований западными, в том числе и немецкими этнологами. Особенно это было благоприятно для студенчества, не имевшего хороших перспектив для получения работы. Фирмы как, к примеру, «Фольксваген», финансировали социологические поездки студентов для выяснения возможностей создания рынков сбыта. Попутно это давало возможности этнологической специализации, в частности, по народам Афганистана, а также и других стран.

Что касается теоретических проблем, то они, в принципе, в связи с изучением этнологии развивающихся стран не ставились. Как исключение были по-

пытки изучения кочевых скотоводческих народов Азии и Африки с позиций «теории конвергенции».

Рассматривать отдельные публикации, посвященные «развивающимся странам» нет необходимости, так как они содержали, главным образом, эмпирический материал, а выводы авторов давно устарели, да и в свое время не имели существенного теоретического значения. Поэтому назову лишь несколько работ наиболее известных авторов. К ним можно отнести Рольфа Герцога, Пауля Траппе, Рюдигера Шотта, Вольфганга Хиршберга, швейцарского этнолога Р.Ф. Берендт, Вольфганга Рудольфа и некоторых других⁶⁸⁰.

В качестве характерного примера можно назвать большую работу ученика В. Мюльмана в области этносоциологии, базельского профессора *Пауля Траппе* (род. в 1931 г.) «Этнологическая проблематика развивающихся стран»⁶⁸¹. Работа основана на исследованиях Института этнологии в Майнце, проводившихся под руководством Вильгельма Мюльмана.

По словам Траппе, он и специалист по народному хозяйству В. Гиезер, поставили перед собой задачу «разработать методы свободного от идеологии изучения современных процессов у первобытных народов». При этом они исходили из задач, поставленных в свое время Альфредом Фиркандтом, а позднее Р. Турнвальдом, В. Мюльманом и Хильдой Турнвальд в связи с развивающимися странами. Одновременно Траппе отмечал, что в Германии «к настоящему времени» интерес к ним угас, тогда как в Англии и Америке продолжается изучение процессов, происходящих в развивающихся странах. Работы же Рене Кёнига, Эрхарда Шлезьера, Зигрида Вестфаль-Хельбуш и некоторые другие «не получили отклика». Вместе с тем автор отмечал, что, наряду с исследователями старшего поколения, можно назвать работы современных молодых исследователей, которые в ходе полевых исследований сталкивались с проблемами, «которые вели их по пути функционализма. Это А. Ломмель, Л. Шлоссер, Е. Шлезьер, Р. Герцог, Е.В. Мюллер. Все они в разной степени затрагивали социологические проблемы в традиционной этнологии»⁶⁸².

Говоря о своих взглядах на обсуждаемый предмет, автор высказывал мнение, что понятие «развитие» означает в данном случае преодоление «натурального» (естественного, т. е. первобытного) состояния и повышение социального статуса. Статус зависит от «множества факторов», из которых наиболее важные, — хозяйственные и внешнеполитические». Критически Траппе относился к мнению, что развивающимся странам достаточно просто заимствовать достигнутое Западом, так как это ведет к «большим претензиям, сохранению отсталости, непредсказуемым последствиям и конфликтам». Поэтому, призывал исследователь, необходимо различать объективный, возможный прогресс и стремление лишь к внешним сторонам прогресса. По словам Траппе: «Этносоциологическое исследование показывает, что следование лишь внешним признакам западной цивилизации имеет отрицательный результат. Развивающиеся страны могут достигнуть действительного прогресса, только восприняв западную социальную структуру»⁶⁸³.

Общие работы

В рассматриваемое время было издано несколько крупных работ, содержащих этнографическое описание народов мира. В качестве примера можно назвать «Новую большую этнологию», вышедшую в свет под редакцией Хуго Бернатцика, а также опубликованный Кунцем Диттмером капитальный труд, содержащий этнографические описания народов мира «Всеобщая этнология»⁶⁸⁴.

В 1962 г. в Австрии вышел в свет первый том капитального коллективного исследования, посвященного этнографическому описанию народов мира⁶⁸⁵.

Отдельные ученые-этологи

Вальтер Ниппольд (1892 — 1970). Известный исследователь пигмейских народов. Получил образование в Лейпциге. Затем начал работать в Геттингенском уни-

верситете, откуда был направлен профессором Х. Плишке в экспедицию в Юго-Восточную Азию к пигмейским народам. Цель поездки состояла в сборе материала для подтверждения мнения Плишке, вступившего в дискуссию с В. Шмидтом о том, что пигмеи внутренних областей Меланезии не являются самостоятельным расовым и культурным слоем. После возвращения из экспедиции и обработки собранных данных, Ниппольд защитил диссертацию на степень доктора философии по теме «Расовая и культурная история негрито-народов Юго-Восточной Азии»⁶⁸⁶. Продолжая работу в Геттингенском университете, Ниппольд заинтересовался некоторыми теоретическими проблемами этнологии и вел дискуссию со сторонниками эволюционизма и «первобытного коммунизма», а также выступал против сторонников теории «культурных кругов» и их утверждения о том, что низшие охотники и собиратели и в настоящее время являются, якобы, носителями самых первобытных культур. По его мнению, эти народы обладали своей, достаточно сложной историей⁶⁸⁷.

Немалое внимание привлекали немецких авторов проблемы африканистики. Широкою известность получил труд Д. Вестермана по этнологии Африки⁶⁸⁸. Вопросы общественной жизни и религии народа нуэр в Восточной Африке рассматривались в труде Ё.П. Праццоляра⁶⁸⁹. Народам галла (оромо) Южной Эфиопии было посвящено капитальное исследование известного этнолога Эйке Хаберланда⁶⁹⁰.

О судьбах культуры островитян Полинезии неоднократно писал Г. Кох⁶⁹¹.

Интересную, хотя по некоторым проблемам и спорную книгу опубликовал Матиас Германнс о номадах Тибета, довольно критически воспринятую рецензентами. Семейным отношением у кочевников Тибета была посвящена и другая публикация этого автора⁶⁹².

Свою точку зрения о методике этнографических наблюдений высказали в 1953 г. два автора — Соди Синг и Рудольф Бергиус⁶⁹³.

Методическим проблемам изучения культуры посвятили книгу «Проблема изучения культуры. Предложения к методике этнографии» Эберхард Фишер и Ноа Цанолли⁶⁹⁴.

Эмпирические исследования. Коллективные публикации

Исследователей, главным образом собиравших и публиковавших эмпирический этнографический материал, и особенно не вдававшихся в дебри теории, в численном отношении было значительно больше тех, кто сочетал в той или иной мере эмпирику и теоретические изыскания. Так как настоящая книга посвящается главным образом проблемам теории в немецкой этнологии, рассматривать публикации, основанные на изложении полевых исследований здесь нет нужды, да и невозможно. Для этого нужна самостоятельная толстая книга. Однако назвать частично и охарактеризовать наиболее известных ученых этой категории все же необходимо.

Одним из весьма известных и уважаемых этнологов был профессор *Гюнтер Шпаннаус* (1901 — 1984). Первоначально он не занимался этнологией, а окончил в Лейпциге Высшую торговую школу. Но уже в 1923 г. его привлекли описания заморских народов, и он начал изучать этнологию в Лейпцигском университете у профессора Карла Вейле. Одновременно он изучал африканские языки, антропогеографию и народную психологию. В 1928 г. он промовировал (защитил диссертацию на степень доктора философии) работой «Очерки политической организации африканских народов и государств». До 1938 г. он работал в Институте этнологии Лейпцигского университета ассистентом у профессора Отто Рейхе, который был наследником Карла Вейле. В 1931 — 1932 гг. Шпаннаус руководил этнографической мозамбикской экспедицией, во время которой был собран значительный этнографический материал, который многократно публиковался. Было привезено много этнографических объектов, поступивших в Лейпцигский музей этнологии.

Для политической ситуации того времени было характерно усиление идеологического давления со стороны нацистского руководства. Институт был переименован в Институт расоведения и этнологии. Соответственно была политизирована тематика научных

исследований. В результате этих перемен Шпаннаус покинул институт и поступил в качестве государственного советника в Главный штаб Верховного командования в качестве референта по Африке и колониальным вопросам. Затем ему было присвоено воинское звание «майор», и он возглавил отдел связей с индийским и арабским освободительным движением. С началом войны он был направлен на фронт, но вскоре попал под суд по политическому доносу. Однако по суду был оправдан и в 1942 г. принят на службу в разведывательную службу Канариса. Но и там имел неприятности по политической линии, и пошел добровольцем на фронт в Индийский Легион. Попал в плен. В 1945 г. был освобожден и с 1947 по 1949 г. работал на кафедре этнологии в Геттингене. После этого, до 1959 г. работал референтом по этнологии в Институте научного кино в Геттингене. Им была разработана получившая признание методика научного этнографического кино. В 1959 г. он возглавил после Ханса Плишке кафедру этнологии в Геттингене. Основной сферой его научных интересов была, как и в прошлые годы, этнология Африки. Интересовали его также некоторые проблемы методов и систематики этнологии, однако никаких новых идей в связи с этим им высказано не было. Шпаннаус оставил после себя значительное научное наследие в виде публикаций по этнографии Африки и этнографическому кино. Был известен как популярный педагог⁶⁹⁵.

Интересную попытку предпринял С.Н. Бек, издавший сборник работ авторов, принадлежавших к самым различным теоретическим и региональным направлениям.

Вступительная статья о методах и целях этнологии принадлежала уже упоминавшемуся выше Адольфу Ензену, и отражала в целом его взгляды, которые лишь условно были связаны с теоретическими основами культурной морфологии, предложенными в свое время Лео Фробениусом. По мнению Ензена, предмет этнологии составляет изучение «естественных народов» (Naturvölker), то есть групп населения, стоявших на первобытном уровне развития. Далее он остановился

на проблеме культурных кругов Гребнера, отметив, что со временем его концепция вызвала сомнения и, в конечном счете, от нее отказались. Существенен был акцент, сделанный Ензеном на том, что этнология принадлежит к историческим наукам и, вследствие этого, ей принадлежит большой вклад в изучение общечеловеческой культуры. Две статьи в сборнике, затрагивавшие некоторые частные теоретические проблемы, принадлежали Мейнхарду Шустеру: «Формы жизни в древности» и «Шаманы и их ритуалы». Хельмут Штраубе рассмотрел раннее сельское хозяйство. Статья Эйке Хаберланда была в большей мере описательной «Каменные надгробья», и только косвенно была связана с этнологической проблематикой. Х. Штраубе попытался исследовать в статье «Пастухи и номады» соотношение этих видов хозяйственной деятельности, однако каких-либо новых мыслей в связи с этим не высказал. В духе идей Турнвальда были написаны две статьи Гизеллы Олдерман: «Ранние формы человеческих сообществ» и «Первобытные народы и Запад». Соотношение этнологии и первобытной истории рассматривал в своей статье Гюнтер Смолла.

Размышлениям о некоторых новых явлениях в истории развивающихся стран была посвящена работа Германа Ниггемейстера «Этнология и наше время». Автор формулировал современные задачи этнологии в связи с изучением процессов освобождения колониальных народов от зависимости, а также пути установления взаимопонимания с чужими культурами, обычаями, религиями. В связи с этим он останавливался на том, как изучался путь, пройденный человечеством в своем культурном развитии.

В научном отношении сборник представлял немалый интерес, как по теоретическому уровню, так и новизне и полноте привлекаемого фактического материала⁶⁹⁶.

Значительный эмпирический этнографический материал содержал сборник, изданный *Гербертом Тишнером*⁶⁹⁷. В число авторов входили *В. Биерхенке* (эскимосы), *В. Хаберланд* (американские индейцы), *К. Диттмер* (народы Африки), *Х. Хартман* (американ-

ские индейцы), У. Ёханзен (народы Средней и Северной Азии, Южной Сибири), Л. Лоффлер (Индокитай, Передняя Индия), Х. Неверман (Индонезия), Х. Петри (Австралия, Тасмания), Х. Неверман (Южная Америка), Г. Тишнер (народы стран Южных морей).

Не лишена известного интереса книга Карла Коленберга «Этнология. Ключ к познанию человека». Автор поставил в ней ответственную задачу определить основные цели науки о народах. Однако, не будучи этнологом по образованию и профессии, выполнить ее в полном объеме он не смог. Коленберг не придерживался в своем исследовании какой-либо определенной идеологии, религии или догмы. Вместе с тем его работа обнаруживает определенное внимание, если даже не пристрастие, к идеям Мюльмана и Ензена. Коленберг рассматривал историческое развитие этнологической науки и ее отдельных ветвей. Однако ему определенно не хватило профессионализма, и многие ветви науки, такие, к примеру, как формы хозяйства и социальные связи, вообще не были названы⁶⁹⁸.

Учебники, справочники

В рассматриваемое время было издано несколько учебников по этнологии, однако, главным образом, это были переиздания прежних публикаций, хотя и с некоторыми дополнениями и изменениями. Так, в 1958 г. появилось в свет третье издание «Учебника этнологии», Леонарда Адама и Германа Тримборна, сохранившего прежнее историческое направление⁶⁹⁹. В 1963 г. в «Государственном лексиконе» была опубликована статья Тримборна «Этнология». Ф. Кейтер в справочнике по социологии попытался дать развернутую характеристику первобытных народов⁷⁰⁰.

Журналы

Помимо ряда уже названных выше этнологических журналов, издававшихся в Германии, периодические издания выходили в свет также в Австрии — «Антропос», «Венские этноисторические страницы», «Вен-

ские этнологические сообщения», «Африканский бюллетень», «Этнологический журнал», «Сообщения венского антропологического общества» и некоторые другие⁷⁰¹.

Что касается Швейцарии, то наука о народах была представлена там, главным образом, народоведением, изучением культуры и быта собственно Швейцарии, и только отдельные периодические издания помещали статьи по этнологии зарубежных стран⁷⁰².

* * *

Рассматривая первый послевоенный этап в истории развития немецкоязычной этнологии, можно заметить, что, несмотря на все потрясения военного времени уже вскоре после катастрофы 1945 г., с конца сороковых годов начали публиковаться отдельные этнологические работы. Основывались они, правда, на старых материалах и фактически продолжали прежние исследования. Но уже вскоре, примерно с конца 1950-х гг., и особенно в 1960-е гг., диапазон и направление исследований стали существенно расширяться. Происходило это вследствие прихода в науку нового, молодого поколения ученых, и усиления интереса к теоретическим проблемам этнологии. Продолжалась разработка прежних научных направлений, но чем дальше, тем больше проявлялся интерес к новым течениям в этнологии. Определенное воздействие на этот процесс имели все укреплявшиеся связи с американской культурной и английской социальной антропологией. Но, думается, что определенное воздействие на работы некоторых, в том числе известных этнологов, заметно и со стороны советской этнографии.

В конечном же счете уже в 1960-х гг. немецкая этнология вновь заняла достойное место в науке о народах и в теоретическом, и эмпирическом направлениях. Особенно это было заметно в отношении развертывания экспедиционной работы и появления многочисленных публикаций собранного этнографического материала.

ЧАСТЬ V
КОНЕЦ СТОЛЕТИЯ И ТЫСЯЧЕЛЕТНЯ

В заключительной части книги следует еще раз подчеркнуть условность выделения этапов истории немецкой этнологии, особенно от первых лет после окончания Второй мировой войны и до конца века. Два этапа, граница между которыми может быть проведена по середине 1960-х гг., имеют, с одной стороны, определенные различия. Но, с другой, практически все новшества, характерные для второго этапа, в той или иной мере коренятся в предшествующем времени. Поэтому говорить о каких-то значительных принципиальных различиях можно не во всех случаях. Существенно то, что ряд крупнейших немецкоязычных этнологов либо уже ушли к концу первого периода из жизни, либо вышли на пенсию. И их место стало занимать новое, послевоенное поколение этнологов. И хотя существенные позиции продолжали сохранять некоторые теоретические течения, сложившиеся еще на рубежах XX в., все большее внимание ученых, особенно молодых, стали привлекать новые подходы к этнологическим исследованиям, тесно связанные с социологией и пришедшие в Европу из США. Впрочем, как отмечалось выше, многое из того, что часто считается в теоретических построениях американским или английским по происхождению, в действительности принадлежит более ранним немецким авторам: к примеру, основы функционального учения, проблема акультурации и многое другое. Разница между первым и вторым

этапами в послевоенной этнологии Германии и Австрии заключалась также и в том, что в начале немецкая этнология возрождалась при значительной финансовой и другой поддержке стран союзниц-победителей. А во второй половине столетия, по мере возрождения Германии и Австрии, как стран Запада, она, не порывая связей со своими иностранными коллегами, стала полностью самостоятельной. Благоприятные условия сложились для экспедиционной деятельности, публикаций, участия немецких ученых в международных научных мероприятиях. Возникли и многие другие новые черты в истории науки, о которых речь пойдет ниже.

Но картина немецкой этнологии оказалась бы неполной, если не сказать о ситуации в «этнографии» (этнологии) ГДР. Что касается ее развития в рассматриваемые десятилетия XX века, то выделить в нем какие-либо этапы не представляется возможным. После окончания войны этнология ГДР, вслед за родственной дисциплиной в Советском Союзе, стала называться *этнографией*. Была декларирована приверженность марксизму. Но, на деле, если не считать нескольких историков первобытного общества и общих установок, никакого марксизма в этнографии ГДР не было. Этнологи Лейпцигского и Дрезденского музеев, кафедры этнографии Лейпцигского университета, не вдаваясь в дебри теоретических споров, публиковали фундаментальные труды на основе музейных коллекций и немногих зарубежных экспедиционных поездок. Что касается Берлинского университета им. Гумбольдта, то основной сферой деятельности большей части сотрудников кафедры этнографии было народоведение. Но были опубликованы и некоторые интересные этнологические работы, особенно в связи с историографией этнологической науки.

Существенное воздействие не столько на этнологию (и народоведение) в целом, сколько на судьбу отдельных ученых, оказал процесс воссоединения Германии. Ряд известных ученых-этнологов бывшей Германской Демократической Республики, после вхожде-

ния ГДР в ФРГ, были уволены по политическим мотивам. Освобождавшиеся места стали заполнять молодые этнологи из западных областей Германии, приносившие с собой новые взгляды на этнологию в духе американской культурной антропологии. Особенно заметно протекал этот процесс в высших учебных заведениях и, в меньшей мере, в музеях.

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ЭТНОЛОГИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

Пожалуй, одним из существенных признаков истории немецкой науки о народах во второй половине XX в., было большее, чем в прошлом, внимание к проблемам историографии. С конца 1970-х и до середины 1990-х гг. в свет вышли более пятидесяти публикаций, посвященных разным проблемам истории науки в прошлом и в настоящем. Обсуждались такие вопросы, как необходимость, цели и задачи историографических исследований, выдвигались предложения по классификации направлений в теоретической этнологии, рассматривалась деятельность отдельных ученых и перспективы этнологии как науки. Кроме того, если серьезная критика народоведения началась уже в первые послевоенные годы⁷⁰³, то оценка судеб этнологии с 1933 по 1945 годы, долгое время находившаяся как бы под негласным табу, начала, наконец, привлекать все большее внимание.

Но если в количественном отношении историографическая проблематика начала занимать достойное место среди этнологических исследований, то существенно хуже обстояло дело в качественном отношении. Среди публикаций преобладают работы, либо посвященные ранним этапам науки, либо немногим отдельным, наиболее известным ученым. Как и ранее не появилось фундаментальных работ, освещающих весь путь, пройденный наукой, детальную историю теоретических взглядов и учений. Практически отсутствуют исследования отдельных трудов.

В качестве вступления к данной главе может послужить статья Ханса Фишера «Начала, границы, применение», в которой перечисляются наиболее известные во второй половине XX в. немецкие этнологи, и их научная ориентация, а также дается краткий обзор истории науки⁷⁰⁴. Называя сферой своих научных интересов проблемы классификации науки и полевые исследования, Фишер относит специализацию ряда ученых к следующим областям этнологии: Вольфганга Рудольфа, по теории этносов и культур; Юргена Ензена, по этнологии хозяйства; Е.В. Мюллера, по социальной этнологии; Рюдигера Шотта, по этнологии права; Юстина Штагля, по политической этнологии; Маттиаса Лаубшера, по этнологии религии; Бригитту Бенцинг, по этнологии искусства.

Фишером называются также области, в которых ведут исследования немецкие этнологи: Иоханнес Раум, по проблемам эволюционизма; Улла Ёхансен, по этнологии ГДР; Эйке Хаберланд, по исторической этнологии; Эно Беухельт и Аннегрет Думаси, по теории и методам этнологии; Вальтрауд Кокот, по познавательной этнологии; Томас Бергатцик, по этнологии культуры; Хартмут Ланг, по исследованию культур как систем; Томас Швейцер, по межкультурному сравнению.

Фишер называет не всех ученых, не упоминает значительной части немецкоязычных этнологов. Можно поспорить со столь лапидарным определением сфер деятельности тех или иных этнологов. Однако приведенные данные все же интересны.

Далее, рассматриваемый автор совершает экскурс в область истории становления этнологии в Европе и Америке, справедливо отмечая, что «инициатором и основателем этнологии в Германии может считаться Адольф Бастиан». Последнему Фишер уделил немалое внимание, излагая свое видение его научных позиций. Очевидно он прав, когда пишет, что, впрочем, отмечалось и в прошлом, что Бастиан так никогда систематически и не изложил свои теоретические взгляды. А к этнологии относился как естествоиспытатель, и «исходил при обработке этнографического материала из индуктивного метода». Фишер отмечает, что централь-

ное место в теоретических представлениях Бастиана занимала идея о психическом единообразии всего человечества, исходя из чего он полагал, что в основе всех культур лежали одинаковые элементарные идеи, «которые получали выражение только через распространяющиеся в географических провинциях «народные идеи». В известной мере можно согласиться с Фишером, когда он пишет, что «в общем, *до известной степени* (выделено мной — Г.М.) теоретические позиции Бастиана причисляются к эволюционизму»⁷⁰⁵. В небольшом разделе, озаглавленном «Двадцатый век», Фишер, не вдаваясь в подробности, дал самый общий обзор теоретических взглядов рассматриваемого времени, не сообщая, в общем, ничего нового. Далее автор переходит к изложению своих взглядов на предмет и задачи этнологии, о чем речь пойдет ниже, в соответствующем разделе.

Краткий, но содержательный обзор истории немецкой этнологии содержится в статье *Вальтера Хиршберга* «*Völkerkunde*», в Новом словаре этнологии⁷⁰⁶. Этнология определяется автором, как «одна из наук о человеке, с основным упором на бесписьменные народы, этносы с ограниченным господством над природой, а также неиндустриальные народы». При этом он отмечает, что «в Германии, наряду с термином *Völkerkunde*, употребляется понятие этнология». Уточняя сказанное, Хиршберг пишет, что «довольно сложно отграничить *Völkerkunde*, которая находится между гуманитарными и естественными науками, от соседних дисциплин. Она имеет значительные связи с археологией, ботаникой, психологией, историей, религиоведением, языкознанием, медициной и социологией. Из нее отпочковались некоторые другие научные направления: «этноархеология», «этноботаника», «человеческая этнология», «этнология права», «этнолингвистика», «этнология религии», «этнология хозяйства». Отмечается также значение прикладной этнологии. Подход Хиршберга к истории этнологии и ее проблематике довольно типичен для представителей австрийской «этноистории» и вообще всего исторического направления в немецкой этнологии. Прежде всего это

видно по перечислению направлений в *Völkerkunde* второй половины XX в., среди которых отсутствуют все более модные в немецкой этнологии, ответвления американской культурной антропологии.

Появился ряд интересных историографических работ, посвященных отдельным известным немецким этнологам. Так, обстоятельные статьи о Бастиане были опубликованы *Аннемарие Фриедермюц-Лау* и *Каролиной Ноак*, в которых авторы довольно подробно рассмотрели его научные позиции⁷⁰⁷.

Известные этнологи *Бертрам Турнер* и *Ханс-Иоахим Папрот* опубликовали в 1989 г. обзорную статью, посвященную основным этапам истории немецкой этнологии⁷⁰⁸. Впрочем, предлагаемая схема развития науки и отнесения этнологов к тем или иным теоретическим направлениям представляется во многом спорной.

Начинают авторы с эпохи эволюционизма, называя его основоположников в Германии — Адольфа Бастиана, Теодора Вайца и Оскара Пешеля. Отмечается также влияние на немецкую этнологию психологического направления Вильгельма Вундта. Однако далее, что уже спорно, авторы связывают с Фридрихом Ратцелем «начало культурно-исторических исследований», «которые продолжил Лео Фробениус». Что касается последнего, то справедливо отмечается, что он был первым создателем учения о культурных кругах. Однако ничего не говорится о том, что он был основателем крупного теоретического направления «культурной морфологии». Называются имена «учеников и продолжателей» Лео Фробениуса: А.Э. Энзен и С.А. Шмитц. Однако не поясняется, каково было их отношение к принципам культурной морфологии. Незаслуженно кратко упомянута Венская школа.

Более подробно авторы останавливаются на культурно-историческом направлении и его сторонниках Г. Баумане, В. Крикеберге, Г. Тримборне, Х. Невермане, Х. Плишке. Не указывая, однако, каковы были различия в их позициях.

Совершенно справедливо, хотя и не ново, мнение авторов о том, что Р. Турнвальд и В. Мюльман были

основателями немецкого функционализма. По этому поводу следует, однако, заметить, что, особенно для Турнвальда, функционализм не был, в общем, проблемой первостепенной важности в сравнении с этносоциологией и теорией аккультурации.

Рассматривая немецкую этнологию в годы нацизма, авторы статьи ограничиваются именами изгнанных из страны ученых: Леонарда Адама, Пауля Лезера, Юлиуса Липса. Не сообщая, каковы были теоретические и политические позиции этих этнологов.

Отмечается выступление В. Шмидта против расистских взглядов Х.В. Гюнтера и В. Крикеберга. И перечисляются сторонники национально-социалистической колониальной идеологии: Р. Турнвальд, Г. Бауман, Х. Бернатцик и В.Е. Мюльман⁷⁰⁹.

Пожалуй, наиболее интересен, хотя и далеко не бесспорен, заключительный вывод авторов рассматриваемой работы. По их словам: «После распада Венской школы в 1954 г. в Германии больше не было теоретических направлений. Господствует многообразие методов и частных направлений». И далее: «Сегодня историческое направление второстепенно, очень сильно влияние французского структурализма и англо-саксонской антропологии»⁷¹⁰. В связи с этим утверждением можно заметить, что позиции антропологии действительно укрепляются в немецкой этнологии, что нельзя однако сказать о структурализме.

В небольшой статье восточноберлинский этнолог *Ингебург Винкельман* рассмотрела ранний период становления этнологии в Германии, от второй половины XIX века до 1918 года⁷¹¹. При этом особое внимание автор уделила Адольфу Бастиану и Рудольфу Вирхову, положившим в Германии начало этнологическим исследованиям и образованию. Заключительные страницы своей публикации автор посвятила проблемам преподавания в Берлинском университете.

Большая статья профессора *Урсулы Шленгер* (Университет им. Гумбольдта, Восточный Берлин) была посвящена этнологии в ФРГ, которую автор называет по традиции, существовавшей в ГДР, этнографией, и ее связям с историей и социологией⁷¹². В работе приво-

дится большой историографический материал, однако анализ работ западногерманских коллег и их оценки во многом тенденциозны и декларативны, особенно в отношении критики «буржуазной науки». Впрочем, кое в чем и справедливы.

Самые общие сведения об истории немецкой этнологии приводятся в работе К. Мюллера «История этнологии», опубликованной в сборнике, изданном известным гамбургским этнологом Хансом Фишером⁷¹³.

В 1971 году Ханс Фишер издал статью, посвященную задачам историографии в связи с преподаванием в высшей школе⁷¹⁴. Как отмечает автор, обычно при преподавании рассматриваются в историческом плане крупнейшие представители теоретической и эмпирической этнологии, «...поэтому все знают о Бастиане и Тейлоре, промискуитете и куваде...». Но, при этом не ставится вопрос о необходимости знакомить студентов с историей развития теоретических взглядов в этнологической науке, а сущность взглядов старых и новейших авторов вообще не рассматривается. А если те или иные отвергаются, то без всякой аргументации. Вопрос ставится Фишером даже так, что поскольку не разработаны современные методы исследования, и не решено, каков должен быть подход: исторический или систематический, то не следует и анализировать историю развития теоретических взглядов в этнологии. В связи с этим рассматриваемый автор пытается объяснить причины такого положения в историографии этнологии. Как он считает, первой причиной пренебрежения историографией является «отвращение ко всему «историческому» — к «культурно-историческим» методам. А также стремление обязательно создать что-то «новое», в противовес «старому». Полагая, что прогрессивное противопоставляется консервативному, и «вместо «истории», интерес вызывают только «процессы», даже если это только слова». «При этом гуманитарному противопоставляется «естественно-научное», что «произошло довольно поздно, по мере вытеснения этнологии социологией и антропологией»⁷¹⁵. Фишер настаивает на обязательности изучения теоретического наследия «основоположников нашей науки»: А. Ба-

стиана, В. Шмидта, Леви-Брюля, Ф. Боаса, Б. Малиновского, «создавших и развивавших науку, и оказавших существенное влияние на взгляды позднейших этнологов». Едва ли здесь можно целиком согласиться с некоторыми положениями автора. И, в частности, с перечислением имен «основоположников теоретической этнологии». Так, к примеру, В. Шмидт большую часть своих теоретических взглядов заимствовал у неназванных Фишером Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса, Ф. Гребнера. Те же предшественники были и у Ф. Боаса. Едва ли Леви-Брюль внес нечто кардинальное и основополагающее в теорию этнологии. Ранее Малиновского высказал идеи функционализма Р. Турнвальд.

Фишер призывает к обращению к старым авторам и, в частности, к сторонникам эволюционного направления. Так, он пишет, что «...эволюционизм, долгое время подвергавшийся ожесточенной критике и насмешкам целых поколений этнологов, сегодня, благодаря не только «чистым марксистам», но и, к примеру, Лесли Уайту, Мервину Харрису, снова привлекает внимание».

К сожалению, Фишер не указывает, что, по его мнению, важно для современной этнологии в эволюционизме, и все ли его положения выдержали испытание временем. Говоря о позиции британских антропологов, он говорит, что они ограничиваются в связи с изучением прошлого этнологии замечанием, что «это давно прошлое». В связи с этим Фишер справедливо замечает, что «не все новое — абсолютная истина», и что и новые взгляды также нуждаются в критике⁷¹⁶.

Небезынтересны предложения рассматриваемого автора по поводу методики исследования источников и необходимости унификации терминологии, как то: «патрилокальность», «клан», «линия» и т. п.⁷¹⁷

И, наконец, вопреки все более распространявшимся взглядам о необходимости «европейской этнологии», Фишер в весьма категорической форме высказался по этому поводу. Он писал: «Требование к этнологии заниматься европейскими народами с применением социологических методов представляется бессмысленным. Это соединение не эффективно, и кто хочет рабо-

тать в этом направлении, должен обратиться к социологии»⁷¹⁸.

Проблеме соотношения этноистории и исторической науки посвятил статью венский этнолог *Альфред Кёлер*⁷¹⁹. Для многих австрийских этнологов, придерживающихся «исторического» направления, этот вопрос постоянно вызывал повышенное внимание и время от времени служил предметом научных споров.

Кёлер пишет о дискуссиях, проходивших в немецкой этнологии в 1950—1960-х годах, в ходе которых шли споры о крупных направлениях в науке: культурной антропологии и истории культуры. В результате, по его словам, в немецкую этнологию стали проникать взгляды различных американских и французских направлений — социальной антропологии и структурализма. В конечном же счете, как полагает Кёлер, у немецких ученых стал наблюдаться «дефицит теории». Что, по его мнению, было вызвано преобладанием в этнологии полевых исследований, не требовавших особых теорий, но позволявших собирать исчезающий этнографический материал. По довольно спорному мнению автора рассматриваемой статьи, большая часть учений в этнологии, имевших распространение в странах немецкого языка, была в той или иной мере ориентирована на историзм. При этом Кёллер называет учение о культурных кругах Гребнера и ряд других направлений и исследователей. Несколько странно звучит противопоставление Кёлером исторической и «традиционной» этнологии. Последнюю, ссылаясь на Вернхарта, автор рассматривает, как основанную на полевой работе, без попыток исторической интерпретации фактов, концентрируясь на анализе этноса⁷²⁰.

Проблему исторической этнологии затрагивает и другой венский этнолог, *Иосиф Салат* в статье «Из неизвестного — к истории немецкоязычной исторической этнологии»⁷²¹. Автор отмечает, что этноистория выросла на основе Венской культурно-исторической школы. Но, при этом, автор оставляет в стороне проблему существенных теоретических и методических различий между школой Вильгельма Шмидта и направлением, получившим название «этноистория». Салат

кратко затрагивает позиции отдельных немецкоязычных этнологов. По его словам: «В. Хиршберг никогда не был абсолютным приверженцем Венской школы, но она все же сформировала его научное мировоззрение». Что же касается М. Хаберланда, Ф. Краузе, В. Мюльмана, Р. Турнвальда, то «они неоднократно критиковали культурно-историческое направление». Вместе с тем, говоря о «поздних представителях Венской школы» Салат относит к ним Вальтера Хиршберга, так же как и А. Кросса, К. Еттмара, В. Достала. Сообщается также о мало известном факте трений, возникших после эмиграции Института Антропос перед войной в Швейцарию «с позднейшей Венской школой». Переходя к некоторым общим вопросам историографии, И. Салат высказал мнение, что «неверно определять Бастиана как эволюциониста, а Ратцеля как историка. Дело обстоит наоборот: Ратцель оперировал дарвинистскими понятиями»⁷²². Впрочем, оба утверждения автора несколько поверхностны и нуждаются в существенном уточнении.

С призывом к коллегам обратиться к проблемам историографии этнологии выступил научный сотрудник университета в Майнце Ханс Юрген Хильдебрандт в статьях «Реконструкции теории и истории этнологии» и «Тезисы к истории этнологии»⁷²³. В них он отметил, что в 70—90-х годах XX века появилось много публикаций, посвященных проблемам историографии. В связи с чем «можно полагать, что «немецкая этнология находится в состоянии переориентации от преобладающего ныне эмпирического направления, к критическому осознанию собственных основ». Но тут же Хильдебрандт оговаривался, добавляя, что «однако больших оснований для оптимизма пока нет».

Об общем положении в этнологической науке этот автор отозвался с большой долей критики. Хильдебрандт отметил, что «постоянно говорят как о кризисе этнологии, как и о том, что это нормальное состояние научного процесса. Однако такие утверждения ставят под сомнение привычные ценностные и методологические положения». И далее: «Растущее число теоретических и исторических работ является

показателем этого кризиса. Возникнет ли из этого новая ориентация, произойдет ли реставрация прежних взглядов — в настоящее время еще не ясно»⁷²⁴. Продолжая свою мысль, автор высказывает мнение, что видны тенденции «придерживаться прежнего», что «вообще типично для кризисных времен». В качестве доказательства приводится пример о практике присвоения профессорского звания, когда основное внимание обращается на полевую работу и региональную специализацию. «Что же касается теоретической квалификации, то она принимается во внимание только во вторую очередь». Как отмечает Хильдебрандт, все попытки развернуть в ФРГ дискуссии по фундаментальным проблемам не приводили к успеху, так как «...этнографическая элита придерживалась принципа: игнорировать и высидеть! И это удавалось»⁷²⁵.

Выражая сожаление относительно слабой разработанности немецкой историографии этнологии, автор статьи пишет, что «к середине 1990-х годов единственная обобщающая работа в этой области, это «История антропологии» В. Мюльмана (последнее дополненное переиздание книги в 1968 г.— Г. М.), которая, к тому же, постоянно подвергалась критике из-за его «социально-научной» ориентации. А также из-за того, что «для составляющих большинство представителей дисциплины, считающих себя по ориентации «историческими», история науки не представляет интереса. Господствует «наивный эмпиризм» и неприязнь к теории, вплоть до вражды к ней»⁷²⁶.

Далее Хильдебрандт переходит к некоторым позитивным предложениям. Полностью можно согласиться с его словами о том, что «хотят этого этнологи или нет, но они связаны со своей историей. Социальные структуры, внутри которых они находятся, также как и их теории выросли исторически, и поэтому их действительность — это историческая действительность... Прошлое науки не исчерпывается антикварным интересом, а имеет непосредственное значение для настоящего»⁷²⁷. Для плодотворного развития науки, как считает исследователь, необходимы: а) единая теория общественного развития, б) единство теоретических и

эмпирических исследований, в) устранение расщепления предметов исследования.

В качестве вывода к своим размышлениям Хильдебрандт предлагает, не бросая полевой работы и работы в архивах, что было бы заменой одной догмы другой, — развертывать серьезное профессиональное образование⁷²⁸.

В рассматриваемое время в немецкой литературе были предприняты очередные попытки систематизировать существовавшие в прошлом и новейшие направления в этнологии. Этому была посвящена статья сотрудников мюнхенского Института этнологии и африканистики *Бертрама Турнера* и *Ханса-Иоахима Папрота* «Сто лет этнологии в немецкоязычном пространстве»⁷²⁹.

По словам авторов статьи, наиболее известных немецких этнологов можно отнести к числу сторонников следующих направлений и школ.

- 1) Эволюционизм: Бастиан, Бахофен, Т. Вайц, Оскар Пешель.
- 2) Влияние на этнологию психологических исследований — В. Вундт.
- 3) Ратцель и начало культурно-исторических исследований. Продолжатели — Л. Фробениус, ранний Г. Шурц. Ученик Ратцеля Карл Веуле остался верен эволюционизму.
- 4) Лео Фробениус и учение о культурных кругах. Ученики и продолжатели — Адольф Элегард Ензен и К. А. Шмитц.
- 5) Венская школа. Культурно-историческое направление: Бауман, В. Крикеберг, Х. Тримборн, Х. Неверман, Х. Плишке.
- 6) Немецкий функционализм: Турнвальд, Мюльман.

Кратко авторы останавливаются также на этнологии в нацистское время. О В. Шмидте говорится, что он выступал против расизма и соответствующих взглядов Х.Ф. Гюнтера. К числу сторонников национал-социалистических устремлений к колониализму причисляются В. Крикеберг, Р. Турнвальд, Г. Бауман, Х. Бернатцик, В.Е. Мюльман «и вообще, все функционалисты». С этим мнением, в принципе, хотя и с оговорками, можно согласиться.

Едва ли есть необходимость подробно останавливаться на разборе отдельных утверждений авторов, которые во многих отношениях спорны. Это можно сказать о месте в этнологии, отводимом Ратцелю, Фробениусу, о «культурно-историческом» направлении. Верно, пожалуй, утверждение о влиянии на немецкую этнологию структурализма и англо-саксонской социальной и культурной антропологии. Сказанное найдет подтверждение ниже, в разделах, посвященных теоретическим исследованиям и направлениям в немецкой этнологии.

Известный интерес у немецких этнологов продолжала вызывать ранняя история науки о народах, связанная с эволюционизмом. Специально этой проблеме были посвящены статьи Ханса Иоахима Колосса⁷³⁰ и Фридриха Вальячека⁷³¹. Их содержание свидетельствует о возрождении интереса к основам эволюционного учения и его значению для современной этнологии. Колосс начинает свою статью с анализа истоков эволюционизма, идеалистической философии в XVII – XVIII вв., и «времени классического этнологического эволюционизма» XIX в. Думается, что автор несколько преувеличивает значение в этом процессе идей Дарвина, когда он пишет, что «...и немцы внесли свой вклад в развитие эволюционной теории (Г. Клемм, Т. Вайц, А. Бастиан)». Как уже отмечалось выше, Бастиан лишь на год позже Дарвина высказал свои эволюционные идеи и едва ли имел возможность воспользоваться трудом Дарвина. И скорее основывался на идеях философов прошлых веков. Критикуя эволюционизм, автор высказывает мнение, что с его позиций нельзя изучать культуру, и «высказанные в прошлом гипотезы и теории о законах развития, имеют сегодня лишь историографическое значение». Вместе с тем Колосс полагает, что «эволюция снова стала актуальной темой в этнологии»⁷³².

Значительно более категорически ставит вопрос об эволюционизме Вальячек. Он прямо утверждает, что «привидение бродит вокруг в этнологии. Эволюционизм, некогда разгромленный, ныне обрядился в новые одежды. Его теория обогащена фактическими данными». Рассматривая историю эволюционного учения,

автор статьи приходит в ее заключении к выводу, что «следует оживить этнологический эволюционизм, однако нельзя его слишком тесно привязывать к стандартным установкам дарвинизма — приспособлению через селекцию»⁷³³.

В недавнее время в «Этнографическом обозрении» появились несколько работ немецкоязычных авторов, посвященных истории и современному состоянию этнологии в Германии, Австрии и Швейцарии. О статьях, трактующих проблемы этнологии с позиций культурной антропологии, будет сказано ниже. Здесь же можно назвать статью *Х.Ф. Фермойлена* о происхождении и институционализации понятия *Volkerkunde*, и другие его работы⁷³⁴. Надо сказать, что ничего принципиально нового по поводу рассматриваемых понятий для стран немецкого языка эта статья, в сравнении с уже опубликованным в прошлом Улли Куттером, не содержит. Поэтому нет необходимости детально разбирать ее содержание.

В недавнем прошлом эту проблему рассматривал также известный гамбургский этнолог *Ханс Фишер*⁷³⁵.

В последние десятилетия XX века было заметно некоторое возрождение интереса к одному из виднейших представителей этнологической науки Германии, Рихарду Турнвальду. В качестве примера можно назвать обстоятельное исследование берлинского этнолога *Марион Мельк-Кох*, в котором сообщаются биографические данные ученого и рассматривается научная деятельность этого исследователя⁷³⁶.

Особое внимание Мельк-Кох уделяет становлению Турнвальда как социолога и этнопсихолога. По ее словам, будущий ученый еще во время обучения в Берлинском университете проявлял живейший интерес к этим научным направлениям, а также к проблемам расовой гигиены. К социологическим работам Турнвальда обратился вслед за исследованиями в области расовой гигиены в 1903 — 1904 годах. Известное влияние на него оказал «пионер американской социологии» Франк Лестер, чью статью «Современная социология», напечатанную в «Американском журнале социологии», он перевел и опубликовал в Инсбруке в 1902 г. По

мнению Мельк-Кох, «скорее можно сказать, что на Турнвальда оказали воздействие только отдельные мысли (других исследователей — Г. М.), о чем говорил он сам в работе «Проблемы этнопсихологических исследований», опубликованной в 1912 г. Как считал Турнвальд, известно, что люди могут в разных случаях иметь и собственные соображения, а заимствованное переработать и изобразить в новом виде»⁷³⁷. Мельк-Кох пишет, что Турнвальд изучал старые восточные источники в поисках социальных фактов. «Он считал, что величайший резервуар социальных фактов, наряду с этнологией, историей и статистикой, дает собственное окружение социолога. Специальное дело социологии — конструировать из многочисленных источников социальную систему. При этом все результаты социологии являются следствиями исследования конкретных фактов и их взаимосвязей». Еще в 1904 году Турнвальд опубликовал в «Архиве расовой и общественной биологии» исследование из трех частей «Город и страна в жизненном процессе расы», посвященное проблемам расовой гигиены. «Перед собой автор ставил задачу: установить воздействие города на жизненный процесс расы, что требовало конструировать «социальную систему»⁷³⁸. Как это видно из слов Мельк-Кох, в целом она положительно оценивает взгляды Турнвальда, однако попутно высказывает и некоторые замечания. Так, в частности, она отмечает, что «к сожалению, автор нигде не поясняет, что он понимает под «расой», так что может возникнуть предположение, что он рассматривает население городов и сельских местностей как разные расы». Странно, говорит Мельк-Кох, выглядит и утверждение, что «смешанные браки приводят к сокращению рождаемости. По всей видимости, Турнвальд называет расами разные группы одного народа, а не антропологические расы». Мельк-Кох справедливо подметила, что в работе о городах Турнвальд впервые предложил новое понятие «процеживание» (Siebungsprozess), как социальное явление. По его словам: «Городской пролетариат является в среднем результатом процеживания, происходящим с выходцами

из села». Или: «Города производят процеживание тех, кто оказывается в руководстве культурной деятельностью». Процеживание происходит путем отбора и вырождения (выбраковки).

Переходя к позднейшей научной деятельности Турнвальда, Мельк-Кох рассматривает его публикации 20-х годов. При этом она отмечает, что в них он стремился объединить этнологию и археологию, что видно из изданного с 1931 по 1935 г. труда в 5 томах «Человеческое общество в его этносоциологических основах», и дополняющего 6 тома, вышедшего в Берлине в 1951 г. «Пробуждение, рост и заблуждения человеческого духа». К сожалению, Мельк-Кох ограничилась ссылками на эти работы, не рассматривая их теоретических основ. Категорически возражает автор книги против мнения о том, что Турнвальд был расистом⁷³⁹.

При том, что в рассматриваемой книге подробно говорится о научной карьере Турнвальда, результатах двух его путешествий, меньшее внимание автор уделила анализу его теоретических позиций. По их поводу Мельк-Кох отмечает, что «в опубликованной в 1924 г. статье «К критике социальной биологии» Турнвальд «...окончательно формулирует свою теорию о «социальном процеживании», противопоставляя его биологическому «отбору». И, согласно его взглядам, «выцеженными» оказываются не самые способные, а те, которых таковыми считает общество и предоставляет им ведущее положение (Führungspositionen). Нередко наибольший успех имеют те, которые в наименьшей мере считаются с порядочностью. Это не случайность, что сегодня мы так бедны способными к руководству личностями».

Изложение мыслей Турнвальда автор книги сопровождает замечанием, что он «узнал» это на основании своего собственного 20-летнего опыта⁷⁴⁰. Лишь бегло упоминает Мельк-Кох, о том, что выдвигая задачи «Народной психологии». Турнвальд особое внимание уделял принципу «вождества» (Führertum, Führerprinzip). Он умалчивает о том, что этот принцип был одним из ведущих в нацистской идеологии. Впро-

чем, ничего в книге не говорится и о других взглядах Турнвальда, созвучных нацистской пропаганде. Вообще, все, что касается пребывания Турнвальда в Германии в годы нацизма, укладывается всего лишь в несколько фраз, в которых он выступает скорее как жертва нацистского произвола. О его идеях, созвучных гитлеровской идеологии, в частности, в связи с колониализмом, практически умалчивается, что, кстати, как отмечалось выше, вообще характерно для послевоенной немецкой историографии.

В качестве примера можно привести небольшую по объему статью *Освина Кёлера*, посвященную Турнвальду в связи со столетием со дня его рождения⁷⁴¹. Как и многие историографические заметки этого времени, эта статья лишь поверхностно сообщает об основных событиях жизни Турнвальда и его теоретических взглядах. Подчеркивается, что основным направлением его исследований было изучение человеческого общества, причем особое внимание уделялось «примитивным» народам, контактам между народами. По словам автора статьи, Турнвальд наметил собственные пути исследования этнически-культурных различий в поведении людей. И как главную задачу ставил «исследование социально-психологических основ цивилизационных и культурных процессов, идя от эмпирических данных к теории». Положительно оценивает Кёлер определение Турнвальдом «прогресса», как необратимой аккумуляции умений и знаний, воздействующей на политические формы развития. А также то, что Турнвальд подчеркивал значение функциональной связи общества и культуры с формами добывания пищи и хозяйства. Но при этом отрицал влияние личности на ход прогресса и полагал, что основой права является взаимность. А также то, что в ходе контактов между людьми происходит культурный отбор, а также процеживание (*Siebung*). Справедливым считал Кёлер мнение Турнвальда о том, что нельзя навязывать «развивающемуся миру» западные культурные формы, и нельзя недооценивать устойчивость существующих в развивающихся странах культурных традиций. Помимо констатации отмеченных взглядов Турнвальда, в

статье отсутствует не только критический подход, но и вообще попытка разобраться в существе отношения Турнвальда к тем или иным проблемам.

Теоретические взгляды Турнвальда рассматривают и другие авторы. Интересна небольшая работа *Леоноры Шольце-Иррлитц* (Восточный Берлин), рассмотревшей деятельность этого исследователя главным образом в связи с его работой в Берлинском университете⁷⁴². Автор, в общем справедливо, отмечает, что главным направлением исследований Турнвальда было история и современное состояние «основ человеческого сожителства». При этом он основывался на своих обширных этнографических полевых данных, которые рассматривал с социологических и психологических позиций. Эти данные послужили для него базисом для нового научного направления — «функциональной социологии». В статье подробно рассматривается жизненный путь Турнвальда и результаты его этнографических экспедиций. Отмечается его установка — рассматривать каждое данное общество как социокультурное единство. А также его в целом исторический подход к рассматриваемым явлениям. Этот подход Турнвальда Шольце-Иррлитц противопоставляет внеисторическому функционализму Б. Малиновского. Весьма положительно оценивает автор статьи педагогическую деятельность Турнвальда⁷⁴³.

В рассматриваемые десятилетия ряд статей был посвящен биографии и научной деятельности Лео Фробениуса. К примеру можно привести статьи африканиста *Эйке Хаберланда* (1924 — 1992)⁷⁴⁴, *Петера Хейне*⁷⁴⁵, *Сильвиан Рене*⁷⁴⁶, *Ласло Вайды*⁷⁴⁷, *Теа Бюттнер*⁷⁴⁸.

В какой-то мере, хотя и довольно условно, к числу историографических работ, посвященных Фробениусу, можно отнести книгу *Ханса Юргена Хейнрихса*. Он описывает жизненный путь Лео Фробениуса, и характеризует его как «как этнолога, исследователя-путешественника, авантюриста». Написанная в очерковом-романтическом духе, эта книга едва ли может претендовать на научное исследование, давая лишь несколько

расплывчатое представление о теоретических взглядах Лео Фробениуса⁷⁴⁹.

Публиковались небольшие статьи и некрологи о ряде других известных этнологов⁷⁵⁰.

■ Немецкие авторы об этнологии и нацизме

Как уже отмечалось выше, во второй половине XX века, особенно начиная с 80-х годов, появился ряд исследований, посвященных истории немецкой этнологии в годы нацизма.

В 1987 г., в сборнике «Народоведение и национал-социализм», изданном *Хельгой Герндт*, была опубликована большая и не лишенная интереса, хотя и кое в чем спорная статья *Томаса Хаушильда*, посвященная этнологии в Третьей Империи⁷⁵¹.

Однако некоторое сомнение вызывают уже вступительные слова работы, когда автор безоговорочно утверждает: «Этнология не принимала активного участия в формировании нацистской идеологии и построении национал-социалистического государства». Правда, автор сразу же оговаривается о том, что «вместе с тем, этнология способствовала возникновению псевдо-науки — нацистской антропологии». Оговорка весьма существенная, однако сути дела не меняет. Можно было бы согласиться, что этнология в значительно меньшей мере, чем народоведение, была предтечей и, тем более, основой, на которой выросла нацистская идеология. Однако анализ деятельности некоторых немецких этнологов свидетельствует, что и этот раздел науки о народах был не без греха. Достаточно вспомнить ряд положений Турнвальда, Мюльмана и некоторых других исследователей, чтобы придти к этому выводу.

Далее автор называет теоретические школы и направления, сложившиеся и имевшие большее или меньшее распространение от начала XX в. до 1930-х годов. Справедливо отмечается важное значение предложенного Лео Фробениусом учения о культурных кругах для возникновения теоретических основ Венской школы Вильгельма Шмидта.

Думается, что Хаушильд прав, говоря, что «резко от них отличавшаяся, выработанная школой Турнвальда, социологически ориентированная культурная интерпретация, была направлена на создание культурной антропологии американского типа».

В какой-то мере, противореча сказанному в начале статьи, автор называет ряд высказывавшихся еще до времени сложения нацистской идеологии взглядов, оказавших на нее определенное воздействие. В частности, географа, близкого к этнологии, Хаусхофера о «жизненном пространстве», расистские и националистические фразы у Фробениуса. Что же касается учения последнего о душе (пайдеума), то о нем говорится довольно уклончиво, что «представление о том, что каждая культура обладает собственной душой, беспрепятственно не связывалось с представлением о превосходстве арийской расы».

Значительно определеннее говорит автор о связях этнологии и нацизма в разделе «Приспособление и контакт с партией (НСДАП — Г.М.). Так, отмечается, что возникшее в 1929 г. «Общество этнологии» не выразило протест против преследовавшихся еврейских коллег, а также преследований по политическим мотивам. Как то, в процессе Gleichschaltung, «добровольного присоединения» к национал-социализму». Так, Юлиус Липс, отказавшийся «воссоединиться», был вынужден выразить протест директору Кельнского музея этнологии и отказаться от профессуры в Кельнском университете.

Автором приводятся интересные данные о том, что в 1936 г. годовое заседание Немецкого общества этнологии завершилось тем, что его председатель Фритц Краузе обратился от имени собравшихся с приветствием к главе государства — Адольфу Гитлеру. Отмечаются также высказывания в нацистском духе В. Мюльмана, которые он впоследствии, во время денацификации, пытался объяснить как стремление протащить нужные высказывания «мимо глупого Н.С. цензора»⁷⁵². Отмечается также связь австрийского этнолога-американиста В. Крикеберга с нацизмом. Последний обвинял Турнвальда в функционалистских взглядах, в сотрудничестве с неарийцем Л. Адамом. В ответ в том же Турнвальд

обвинил Крикеберга. А также в том, что он назвал Б. Малиновского евреем. Говоря о неблагоприятных чертах в деятельности Турнвальда, Хаушильда приводит данные о том, что тот «в обличительных речах против культурных историков обвинил Генриха Баумана, руководившего «Этнологическим журналом» в том, что он сотрудничал «с неким еврейским господином»⁷⁵³.

Рассматриваемая работа Хаушильда не лишена интереса, однако многие из приведенных им фактических данных уже давно известны. А общая ориентация не лишена известной противоречивости, вообще свойственной большинству критиков немецкой этнологии в годы нацизма.

О «сдержанности» в литературе по отношению к этнологам, в той или иной мере сотрудничавшим с нацизмом, свидетельствует справочное издание «Коричневый университет. Немецкие преподаватели высшей школы вчера и сегодня. Документация, собранная и изданная Рольфом Зеелигером»⁷⁵⁴. Из всего, не столь уж малого числа немецких этнологов, сотрудничавших с нацизмом, назван лишь один профессор Гейдельбергского университета, «доктор философии Вильгельм Мюльман, специалист по социологии и этнологии, ординариус и директор Института социологии и этнологии Гейдельбергского университета им. Рупрехта Карла». При этом, в качестве компрометирующего обстоятельства называется только его книга «Война и мир», о которой говорилось выше.

В 1990 г. было опубликовано капитальное исследование Ханса Фишера, многолетнего директора Гамбургского музея этнологии, профессора Гамбургского университета. Книга посвящена, главным образом, истории этнологии в годы нацизма. Впрочем, по ходу дела, автор останавливается в ней и на некоторых других вопросах немецкой историографии⁷⁵⁵. Но, говоря о немецкой этнологии в целом, основное внимание Фишер уделил ситуации в Гамбурге, что несколько сузило масштабы рисуемой картины.

Содержание этого фундаментального, и в какой-то степени уникального труда заслуживает того, чтобы рассмотреть его подробнее.

В самом кратком виде Фишер останавливается на теоретической ориентации немецких этнологов в прошлом. При этом он справедливо говорит об ошибочности часто встречающегося в литературе утверждения о том, что 20-е и 30-е годы XX века были временем исключительного господства учения о культурных кругах. Причем, по словам Фишера, такого рода мнение создавалось активной научной и организационной деятельностью Вильгельма Шмидта. Интересные данные приводятся автором о конференции участников вновь в 1929 г. созданного под председательством Фрица Краузе «Общества этнологии». На совещании был предложен ряд исследовательских тем: Штейнметцем «Этнология как самостоятельная наука»; Штейнметцем, Данцелем и Турнвальдом «Общая и психическая этнология»; Тилениусом и Хамбрухом «Этно-биологическое направление»; А. Хаберландом и Краузе «Культурно-научное направление»; Р. Карутцем «Антропологическое направление»; В. Шмидт и В. Копперс предложили продолжать работать в области теории культурных кругов. Все эти направления отражали, по словам Фишера, взгляды Ф. Краузе, стремившегося сделать этнологию независимой от антропологии и выступавшего в этом отношении против взглядов Тилениуса. Дальнейшее развитие науки, как полагает рассматриваемый автор, привело к возникновению нескольких новых направлений. Так, «социально-научное» и «функционалистское» направление представлял Турнвальд; «структуралистское» было сформулировано Фрицем Краузе. Он же был сторонником «психологического» направления, которое поддерживал Теодор Вильгельм Данцель, испытывавший известное влияние со стороны Леви-Брюля. Антропологическая этнология была представлена главным образом Рихардом Карутцем, и была в какой-то мере не чужда Штейнеру, Данцелю, Хамбруху и даже Лео Фробениусу. Наконец, распространение имела «Культурная морфология» Фробениуса. «Функционалистское» и «структуралистское» направления смыкались, но в отличие от Англии, стояли на исторических позициях. При этом, по словам Фишера: «Наиболее сформулированным

было только культурно-историческое направление, получившее отражение в образовании». ⁷⁵⁶

Во «Введении» автор отмечает, что «настоящая работа ограничивается целью рассмотреть связи этнологии (Фелькеркунде) как научной дисциплины и национал-социализмом как идеологией и политической системой. «Точнее, — определенными аспектами этих связей, которые вытекают из двояких процессов: влияния нацизма на этнологию, и обратный процесс». Одним из стимулов исследования судеб этнологии в 1933 — 1945 гг., как отмечает Фишер, был исследовательский проект об истории этой науки в Третьей Империи, над которым работали в некоторых университетах еще с 60-х годов. В Гамбурге приступили к его разработке в 1983 г.

Фишер перечисляет источники, использованные при создании книги. Это студенческие работы по теме «Этнология и национал-социализм», «Этнология и расизм». А также магистерские, в которых рассматривалась деятельность отдельных ученых, понятие «раса» в публикациях между 1900 и 1933 г. Кроме того, привлекались материалы семинаров и отдельных статей, посвященных проблеме этнологии и нацизма. Были изучены материалы архивов и другие источники. В связи с их обзором автор пришел к мало утешительному выводу о том, «что рассмотрение проблемы связи этнологии с нацизмом произошло почти 40 лет спустя после крушения нацизма».

После подробного обзора идейных корней идеологии нацизма, автор переходит к рассмотрению этнологии в 1933 — 1945 гг., затрагивая при этом и более раннее время в связи с историей этнологии в Гамбурге.

Сообщается, что начиная с 1850 г. в Гамбурге начали преподавать этнологию в Академической гимназии. По мере накопления предметов материальной культуры разных народов мира, в 1879 г. был создан Этнографический музей. Но, как отмечает Фишер, «настоящий взлет этнологии» произошел только в 1904 г., когда из Бреслау был приглашен *Георг Тиле-ниус*. В 1908 — 1913 гг. он организовал «Экспедицию

Южных морей», принесшую большой научный успех. По материалам экспедиции было опубликовано 30 томов материалов и ряд статей. В 1919 г. в Гамбурге был организован университет, и Тилениус стал первым профессором этнологии, ординариусом и одним из первых профессоров по колониальной истории. Создалась тесная связь между музеем и университетом, которая продолжалась много лет. В 1935 г. Тилениуса сменил *Франц Термер*, много сделавший для совершенствования эмпирических исследований по этнологии. Главным признавалось тщательное собирание предметов и их обработка. Но что касается теоретических проблем, то они не были в Гамбурге популярными. По словам Фишера: «Один из авторитетных ученых писал, что нам нужны только объективные, без гипотез, выводы».

Автор книги приводит перечень этнологических учреждений, существовавших в Германии к 1933 г. Так, самый старый ординариат возник еще в 1909 г. в Берлине, но в 1923 г. он изменил научную ориентацию, отказавшись от этнологии и сохранив лишь специализацию по физической антропологии. Поэтому в рассматриваемое время действовали только два ординариата со специализацией по этнологии (ординариат — кафедра или институт): в Лейпциге (возник в 1920 г.) и в Гамбурге (основан в 1923 г.). Некоторое время направление по этнологии Юго-Восточной Азии существовало в Мюнхене, но вскоре было закрыто.

В последующие годы возникло еще несколько ординариатов со специализацией по этнологии: в 1934 г. в Геттингене под руководством Плишке, в 1940 г. в Кёльне под руководством Гейдриха. После «аншлюса» в Австрии, в Вене, под руководством Копперса и Баумана. В 1936 г. в Йене (Штрук), в 1934 г. в Бреслау (фон Эйкштедт). Кроме того, в 1936 г. был основан ординариат в Праге (руководитель-антрополог Паудлер).

Х. Фишер приводит в своей книге интересную таблицу «Институтов и личностей в этнологии Германии в 1933 — 1945 гг.».

Б е р л и н

Музей этнологии. Основан в 1873 г. Среди сотрудников Бауман, Диттмер, Корнер, Лессинг, Неверман, Шахтцабель, Снетлаге.

Университет. До 1945 г. не было этнологических подразделений. С 1923 г. отдельные занятия вели Р. Турнвальд, К.Т. Преусс, В. Леман, А. Адам, Г. Кунов, А. Фиркандт, В. Мюльман.

Л е й п ц и г

Музей этнологии. Основан в 1874 г. Директор Фритц Краузе. Сотрудники: Х. Дамм, Эберхардт, Эркес, В. Леман.

Университет. Кафедра этнологии основана в 1927 г. Руководитель Отто Рехе. При университете действовал также «Этнологическо-антропологический институт», переименованный в 1927 г. в «Институт расоведения и этнологии». Руководитель экстраординарный профессор Ф. Краузе. Сотрудники — ассистенты П. Герман, Г. Шпаннаус.

Г а м б у р г

Музей этнологии. Основан в 1879 г. Директор с 1904 по 1935 г. профессор Георг Тилениус. С 1935 г. — Франц Тернер. Сотрудники: Антце, Бихан, Хамбрух, Шротер, В. Мюльман, Тишер, Вист.

Университет. Кафедра этнологии основана в 1923 г. и тесно связана с Директоратом Музея этнологии. Возглавляли Тилениус, Термер. Сотрудники: профессора Данцель и Хамбрух, музейные сотрудники.

В е н а

Музей этнологии. Основан в 1928 г. Директор Фритц Рацх. Сотрудники: Бекер-Доннер, Блейхштейнер, Бауман, Геккель, В. Хиршберг, Хохенварт-Герлахштейн, Швеегер-Хефель, Новотный, Вольфель.

Университет. Кафедра этнологии основана в 1928 г. профессором В. Копперсом. С 1940 г. директор Г. Бауман. С 1929 г. кафедра переименована в Институт этнологии. Профессоры, доценты, ассистенты: Хейне-

Гельдерн, Фюрер-Хаймендорф, Хеккель, Ф. Флор, Швеегер-Хефель, В. Шмидт.

Франкфурт-на-Майне

Музей этнологии. Основан в 1904 г. С 1904 г. директор Лео Фробениус. Сотрудники: Ад. Ензен, Г. Нигермейер, ассистенты.

Исследовательский институт культурной антропологии. Основан в 1922 г. в Мюнхене, в 1925 г. переведен во Франкфурт-на-Майне. Директор — Лео Фробениус. Сотрудники — Ад. Ензен, Хиссинг, Лезер, Ломмель, Ротерт, Фольхардт, Церриес, Вишхофф, Петри, фон дейн Штайнен, Клейн.

Университет. С 1932 г. возглавил этнологическое образование гонорарпрофессор Лео Фробениус. Сотрудники: экстраординарный профессор Фаттер, ассистенты.

Мюнхен

Музей этнологии. Основан в 1868 г. С 1907 по 1933 г. директор — Л. Шерман. С 1934 г. Уббелоуди-Доринг. Сотрудники — Фейхтнер, Лор.

Университет. С 1916 г. курс по этнологии Азии читал Л. Шерман. Сотрудничал экстраординарный профессор Уббелоуди-Доринг.

Кёльн

Музей этнологии возник в 1906 г. С 1929 по 1933 г. директор — Юлиус Липс. Сотрудники — Шеллер, Фролих, с 1940 г. Гейдрих.

Университет. Лекции по этнологии читал Ю. Липс (данные не точные), с 1940 г. Гейдрих.

Геттинген

Университет. В 1775 г. при Университете образовано «Этнографическое собрание». В 1928 г. основан семинар по этнологии, в 1934 г. кафедра, в 1935 г. преобразована в Институт этнологии. Сотрудники: ассистенты Ниппольд, Бломе.

Бремен

Городской музей природы, народов, торговли. Основан в 1876 г. В 1935 г. переименован в «Немецкий

колониальный и заморский музей». Сотрудники по этнологии: Х. Петри, Вейссенборн.

Д р е з д е н

Музей этнологии. Основан в 1875 г. Сотрудники: Б. Штрук, Гейдрих.

Й е н а

В 1936 г. Штрук стал профессором, и под его руководством был основан **Институт антропологии и этнологии.**

Б р е с л а у

Антропологический институт, Этнологический институт и музей. Руководитель экстраординарный профессор Э. фон Эйкштедт.

Ш т у т т г а р т

Музей этнологии (Линден-музей). Создан в 1884 г. Директор Августин Кремер, сотрудники Р. Пфафф-Гизберг, Ф. Егер.

П р а г а

Немецкий пражский университет. Руководил этнологией Паудлер.

Т ю б и н г е н

Университет. Возглавлял отделение этнологии до 1935 г. гонорар-профессор Августин Кремер, с 1942 г. экстраординарный профессор Коль-Ларсен. Сотрудничал доцент Г. Вагнер, в качестве почасовика Гердм-Рупп.

Б о н н

Университет. С 1935 г. этнографическое отделение возглавлял Г. Тримборн.

М а н н г е й м

Музей природы и этнологии создан в 1925 г. С 1936 г. руководитель этнографического собрания Р. Пфафф-Гизберг.

Г р а ц

Университет. Занятия по этнологии вел экстраординарный профессор Г. Бернатцик.

В связи с этой таблицей Х. Фишер отмечает, что отсутствуют данные, или они неполны, относительно многих молодых или мало известных этнологов⁷⁵⁷. Нет также возможности выяснить общее число этнологов, работавших в Германии и в Австрии в рассматриваемое время. Известно только, что с 1933 по 1945 г. в «Этнологическом журнале» сотрудничало более сотни авторов.

Оставляя в стороне довольно пространные рассуждения Х. Фишера о существовании и идеологии нацизма, не лишено интереса мнение этого автора о взглядах тех или иных крупных нацистов на актуальность для Рейха этнологии. По его мнению, этнологией интересовались главным образом три идеолога национал-социализма. А. Розенберг, Р. Вальтер Дарре и «в некотором отношении» Генрих Гиммлер. В «Мифе XX столетия» Розенберг неоднократно ссылался на этнографические источники и выражал свое отношение к различным этнологическим гипотезам. Так, он отрицательно оценивал взгляды И. Бахофена, предполагавшего эпоху господства женщины как всеобщую стадию развития. Также он относился к концепциям культурных кругов и к позициям культурной морфологии. Хотя в целом, его отношение к Фробениусу было довольно благожелательным. Дарре, позднейший министр сельского хозяйства, неоднократно обращался к этнологии. Что касается Гиммлера, то о нем Фишер пишет, что он имел непосредственное отношение к этнологии, считая, что существует прямая связь между этой наукой и «не признаваемым официальной наукой Наследием предков» (Ahnenerbe)». Как полагает рассматриваемый автор: «Существовал контакт между организацией «Ahnenerbe» и этнологией или этнологами... Однако, предполагавшиеся совместные мероприятия, в частности, экспедиция в Тибет, по разным причинам не состоялись»⁷⁵⁸. Фишер усматривает наличие сходства между этнологией и национал-социализмом в том, что идеологи последнего считали, что каждый «народ, на-

родность» (Volkstum — русский эквивалент отсутствует) своеобразны. Существо этого утверждения, по словам Фишера, заключалось в том, что понятие Volkstum в Н.С. интерпретации отождествлялось с расой, и было одним из коренных в гитлеровской фразеологии. В качестве примера Фишер приводит ряд высказываний этнологов — Тилениуса, Гюнтера Вагнера, Вильгельма Мюльмана. Так, последний писал в работе «Расы и этнология», что: «Национал-социализм более родственен любому народному освободительному движению, чем империализму (понимая под этим главным образом Англию и США — Г.М.), и что народная мысль противопоставляет себя империализму». И далее: «Мы хотим вести национал-социалистическую колониальную политику (Volkstumspolitik) на основе признания ценностей каждой развитой культуры». Другой известный этнолог и функционер Фритц Краузе говорил, как отмечает Фишер, что: «Наш немецкий вождь Адольф Гитлер всегда подчеркивал признание своеобразия народов. Их форм их жизни, что является основой этнологической работы»⁷⁵⁹. Говоря о месте этнологии в национал-социалистическом государстве, Фишер пишет: «В послевоенное время было распространено мнение о том, что этнология находилась на задворках, и за счет этнологии предпочтение отдавалось расоведению, доистории, народоведению и геополитике». И приводит слова Юлиуса Липса, сказанные им в ректорской речи в Лейпцигском университете в 1949 году: «...наверное, ни одна наука не претерпела в политических бурях прошлых лет столько унижений и плохого обращения, как моя наука о человеке и его деяниях». Однако с этим утверждением Липса Фишер не согласен. В связи с чем позволю себе привести пространную выдержку из его книги. «Однако на самом деле этнологию никто не унижал и не обращался с ней плохо, так как она не представляла собой для властей какого-либо интереса. С ней не обращались плохо потому, что несмотря на большие усилия использовать ее, она оказалась практически и идеологически непригодной. Один могущественный нацист сказал об этнологии, что «это — экзотическая ерунда». В Гамбурге это

отразилось в стремлении антрополога Шейдта превратить этнологию в этнобиологию. Вместе с тем, имели место и некоторые попытки приспособить этнологию к господствующей идеологии. Это выражалось в стремлении меньше заниматься внешними и больше внутренними проблемами (т. е. Германии — Г. М.). Об этом писали Вальтер Леман, Экарт фон Сидов, Мюльман и некоторые другие авторы»⁷⁶⁰. Рассматривает Фишер также деятельность этнологических обществ и других этнологических учреждений в годы нацизма и отдельных ведущих этнологов, в той или иной мере сотрудничавших с нацизмом. Говорится также об этнологах, преследовавшихся национал-социалистическим режимом, в частности Юлиусе Липсе. Впрочем, по ряду причин Фишер отзывался о нем далеко не положительно⁷⁶¹.

Наконец, Фишер ставит существенный вопрос о том, почему в послевоенные годы столь мало писали и говорили о немецкой этнологии в годы нацизма. Почему все ученые, в той или иной мере скомпрометированные связями с нацистским режимом, смогли вскоре занять свои прежние места и должности. В качестве примера приводятся Рихард Турнвальд, Франц Термер, Вильгельм Мюльман, Ханс Дамм и ряд других известных и малоизвестных этнологов. Прямого ответа на поставленный вопрос Фишер, в общем, так и не находит, ограничиваясь указанием на отсутствие интереса к теории, господство аполитичности и все большее влияние, оказывавшееся на немецкую этнологию США.

Говоря о рассматриваемой книге в целом, следует отметить обилие и новизну привлекаемого фактического материала и ряд интересных выводов. К тому же эта публикация была по существу первой, в которой рассматривался широкий спектр проблем, связанных с судьбой немецкой этнологии в годы нацизма. В основном автора занимали процессы, происходившие в Гамбурге. Однако автор затрагивает события и в других университетских центрах и этнологических музеях Германии. Не со всеми мнениями Фишера можно целиком согласиться. Но основной недостаток, который можно усмотреть в труде Фишера, заключается

в концентрации внимания на политические, а не на научные аспекты. Подробно говоря о сомнительной, или прямо нацистской ориентации тех или иных ученых, он довольно мало сообщает об общем состоянии научных исследований. Поэтому у читателя может составиться весьма неприглядное впечатление о немецкой этнологии в период между 1933 и 1945 гг. Между тем, если подходить с позиций истории теоретических и эмпирических этнологических исследований, то эта картина может выглядеть несколько иначе. Отнюдь не сложилась, как в народоведении, «коричневая этнология». Не возникло каких-либо новых, ориентированных на нацизм теоретических направлений. Одним словом, в большинстве случаев усилия отдельных ученых найти одобрение со стороны режима, не отражались на деле, на их профессиональных исследованиях. То же, что в их публикациях можно расценить как непосредственное отражение идеологии нацизма, было лишь публицистикой, не связанной с этнологией (как, например, в книге В. Мюльмана «Война и мир»). Или содержало взгляды, возникшие задолго до утверждения гитлеровской идеологии, и заимствованные ею: биологизм и «расовая гигиена» Мюльмана или «немецкий колониализм» Турнвальда⁷⁶².

Некоторым проблемам этнологической науки в годы национал-социализма и ее состояния к середине 90-х годов XX века посвящен раздел, написанный *Лотаром Пютцштюком* в сборнике «Систематическая этнология»⁷⁶³. В основном автор рассматривает три проблемы: 1) эпоху «замалчивания», от времени крушения Третьей империи до 1980 г., когда считалось ненужным обсуждение прошлого; 2) восьмидесятые годы, как время начала критического рассмотрения нацистской этнологии отдельными молодыми этнологами; 3) colloquium в ноябре 1990 г. на тему «Этнология и национал-социализм», и состояние исследования проблемы к концу 1993 г.

В связи с проблемой «Табуация национал-социализма» автор приводит данные о первом в послевоенное время заседании в сентябре 1946 г. Немецкого

общества этнологии (Deutsche Gesellschaft für Völkerkunde). На этом заседании «было принято общее решение о том, что не только не следует заниматься проблемой этнологии и нацизма, но и высказывать по этому поводу критические замечания». Одновременно было заявлено, что «немецкие этнологи обратятся к свободным от предрассудков исследованиям, которые были невозможны в Германии в прошлые 12 лет». С некоторым удивлением Пютцштюк отмечает, что «любопытно, что о нацизме молчат и люди, находившиеся в эмиграции, и только в некоторых работах «прорывалась» эта тема». Противоречивыми называет автор работы В. Мюльмана (напр., *Dreizehn Jahre. Hamburg, 1947*), Юлиуса и Евы Липс⁷⁶⁴.

В следующем разделе своей работы автор говорит о том, что «роль дисциплины (этнологии — Г.М.) в нацистское время» стала обсуждаться только в 1980-х годах. При этом первым, поставившим эту проблему, был Берлинский университет, организовавший на эту тему семинар. Примерно в то же время в Гамбурге Хансом Фишером был организован семинар «Этнология и национал-социализм». Называются в книге также имена других авторов, что-либо говоривших или писавших о немецкой этнологии в годы нацизма. Так, французского этнолога Эдуарда Контэ, прочитавшего в 1948 г. во Франкфурте доклад на тему «Этнология и национал-социализм», Сабину Ель-Бальзен, опубликовавшую в Америке в журнале «Диалектальная антропология» статью «Этнология и фашизм». Упоминались также некоторые доклады и статьи, Ханса Фишера, Томаса Хаушильда и некоторых других⁷⁶⁵.

В заключительной, третьей части работы Пютцштюк описывает ситуацию, сложившуюся в немецкой этнологии в связи с критикой ее деятельности в годы нацизма. Называются посвященные этой проблеме публикации, вышедшие в свет после 1980-х годов. Однако автор отмечает, что «изучение рассматриваемой проблемы идет еще медленно и недостаточно глубоко, кроме того, в умах этнологов еще существует мнение, что занятие собственной историей — маргинальное поле деятельности»⁷⁶⁶.

Работа Пютцштюка, содержит немало интересной информации и заслуживающие внимания выводы. Однако страдает теми же недостатками, что и подавляющее большинство немецких и других зарубежных работ об этнологии в годы нацизма. А именно, довольно тщательно исследуется общественно-политическая деятельность отдельных этнологов и опускается наиболее существенное — история собственно науки, ее теоретических подходов и направления эмпирических исследований, что собственно, и должно составлять предмет историографии.

Направлениям исследований немецких этнологов в период между двумя мировыми войнами посвящена небольшая работа *Бернхарга Штрека* «Этнология о войне и в войне»⁷⁶⁷. Основной целью, по словам Штрека, было показать в ней, какие следы оставила война в этнологии. И, ссылаясь на слова Фробениуса, он высказывает весьма спорное мнение, что «аффективное возбуждение», вызванное войной, «ведет к творческому действию». В качестве подтверждения сказанного, автор ссылается на то, что во время Первой мировой войны Фробениус и Леонард Адам вели исследования в румынских лагерях военнопленных. А во время Второй мировой войны В. Крикеберг отправился в Мексику для исследования наскальных рисунков. Ханс Неврман «еще во время организованного массового истребления людей, в 1942 г. получил возможность организовать экспедицию в завоеванные области Восточной Европы для собирания предметов для Европейского отдела музея»⁷⁶⁸. Но в какой мере эти работы были связаны с наукой, и чем они обогащали этнологию, автор не говорит. Далее он приводит данные об этнологических исследованиях, проводившихся в военные годы учеными Англии, однако и из них не видно особого значения военного времени для науки⁷⁶⁹. Ни о каких собственно этнологических достижениях нельзя сделать вывод из нескольких приведенных примеров из работ В. Мюльмана⁷⁷⁰. Таким образом, рассматриваемая статья, сама по себе, мало что дает для историографии, однако интересна постановкой далеко еще не решенной проблемы.

Помимо рассмотренных выше работ, было опубликовано еще некоторое число статей по истории немецкой этнологии между 1933 и 1945 гг. Однако посвящены они в значительной мере политическим аспектам, либо частным вопросам, и поэтому рассматривать их подробно нет необходимости⁷⁷¹.

Как бы примыкает по смыслу к рассмотренным проблемам большая статья *Манфреда Готша* «Немецкая этнология и ее отношение к колониализму». Как отмечает ее автор, работа имеет целью показать возможности прикладной этнологии.

Все сказанное выше позволяет заключить, что начиная с 1960 – 70-х гг. прошлого века исследования в области историографии стали более интенсивными в сравнении с прошлым временем. Тем не менее, как это отмечают и многие немецкоязычные авторы, они еще далеко недостаточны. К тому же работ, в которых бы рассматривалась собственно история науки, а не политические взгляды и поступки отдельных ученых, почти не появилось. Почти нет капитальных исследований о научной деятельности крупнейших, не говоря уже о менее известных этнологах. Очень многие статьи, посвященные тем или иным историографическим проблемам, более или менее полно повторяют то, что уже было опубликовано прежде. Работы, достаточно объективно, и к тому же критически, рассматривающие общий ход развития теоретических взглядов во второй половине XX века, вообще отсутствуют. Очевидно, нужны еще дальнейшие исследования уже не политических взглядов и поведения тех или иных этнологов в нацистское время, а детальный анализ их исследований, научных взглядов и теоретической ориентации. Попутно нельзя не заметить, что среди работ немецкоязычных авторов практически полностью отсутствуют исследования источниковедческого характера.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

■ Проблемы и дискуссии

До настоящего времени среди немецкоязычных этнологов нет определенного и устоявшегося мнения о предмете и целях этнологической науки. Как и о существовании тех или иных научных направлений и концепций. Так, к примеру, одни ученые считают, что наиболее прочные позиции сохраняет «историческое» направление, впрочем, далеко не единое. Другие считают, что его время уже закончилось, и на смену ему пришло новое, «антропологическое» направление, практически заимствованное у «культурной антропологии» США. Едва ли эта дилемма может быть сегодня безоговорочно разрешена. Мода приходит и уходит. Но науке приходится приспосабливаться и к политической, и к экономической ситуациям. А также к тому, что влияет на ее востребованность, если и не со стороны общества в целом, то со стороны тех, кто, исходя из своих соображений и понимания целей науки, вершит ее судьбы.

Как и в прошлые десятилетия, во второй половине XX в. не утихали дискуссии о предмете и объектах этнологических исследований, и многими авторитетными учеными объявлялось об очередном кризисе науки о народах. Представления немецкоязычных этнологов о предмете своей науки разнообразны и порой полярны, что является следствием различий в теоретической ориентации того или иного автора. Дискуссии по поводу предмета и задач этнологии далеко не завер-

шены и, как можно полагать, и не получают окончательного разрешения, пока будет существовать сама наука этнология. Можно лишь сказать, что время второй половины XX в. было временем обостренного интереса к путям развития этнологической науки, начавшимся вытеснением прежних теоретических направлений новыми, связанными с влиянием Турнвальда, Мюльмана и американской культурной антропологии, что и приводило к столкновениям точек зрения.

Весьма интересен в отношении определения позиций разных исследователей сборник работ, изданный Хансом Фишером⁷⁷². Сборник включает три отдела: «Основные понятия», «Области работы» и «Направления исследования». Не вдаваясь в содержание статей, о некоторых из которых говорится в других разделах книги, назову лишь авторов и темы их публикаций. Это даст неплохой обзор проблем, исследуемых во второй половине века немецкими этнологами. В первом разделе сборника статьи Фишера посвящены задачам и предмету этнологии и полевым исследованиям. *Вольфганг Рудольф* рассматривает соотношение этноса и культуры. Авторы второй части сборника *Юрген Ензен* (хозяйственная этнология), *Рюдигер Шотт* (этнология права), *Юстин Стагль* (политическая этнология), *Маттиас Лаубшер* (этнология религии), *Бригитта Бенцинг* (этнология искусства). И, наконец, третий раздел сборника посвящен историографии этнологии: *Иоханнес В. Раум* (эволюционизм), *Улла Ёханзен* (этнология в ГДР). В нем помещены статьи *Эно Беухельта* (психологическая этнология), *Германа Амборна* (структурализм, теория и метод), *Вальтрауд Кокот* (познавательная этнология), *Томаса Бергатски* (этнология культуры), *Хартмута Ланга* (исследование культуры как системы), *Томаса Швейцера* (межкультурные сравнительные исследования).

Неоднократно обращался к проблемам определения существа этнологии один из известных этнологов, профессор Свободного университета Западного Берлина, *Вольфганг Рудольф*. По своей научной ориентации Рудольф может быть, хотя и несколько условно, отнесен к сторонникам культурной антропологии. Од-

нако многие его работы имеют историческую ориентацию, и исследователь далеко не чужд теоретических построений.

В опубликованном в 1973 г. фундаментальном труде «Этнология. К определению места одной науки» Рудольф рассматривает взгляды по этому вопросу некоторых других исследователей и высказывает свою точку зрения⁷⁷³. Книга состоит из пяти ранее уже изданных работ, вновь написанных введения и заключения. Уже на первой странице своей книги автор ставит вопрос: «Что понимается в настоящее время в Германии под этнологией?», который подразумевает неоднозначность в понимании этой важной проблемы. Из взглядов на предмет этнологии, автор называет ряд более или менее распространенных. Так, по его словам, Рюдигер Шотт, Герман Тримборн и некоторые другие авторы полагали, что «этнология идентична *Völkerkunde* и занимается всеми народами Земли»; что «этнология должна делать всеобщие выводы о культуре и ее отдельных аспектах на основе эмпирических исследований»; что «задача этнологии устанавливать как повторяющиеся, так и общечеловеческие возможности»; что «при большом числе психологических и социологических направлений, главной проблемой является связь между обществом и культурой, и поэтому этнология не может быть исключительно причислена ни к числу наук о культуре, ни о человеческих общностях». И, наконец, что «у этнологии отсутствует исключительно ей присущий, принципиально отличный от историков и ориенталистов метод исследования».

Рудольф называет и практически противоположные взгляды, высказанные в свое время Вильгельмом Мюльманом и Эрнстом Вильгельмом Мюллером, разделявших многие положения американской культурной антропологии. Так, их точка зрения состояла в том, что этнология — «социологическая теория межэтнических систем и является ветвью исторической и культурной социологии». При этом исследуются отношения между «этниями», являющимися преднародными обществами (племена и др.), которые этнология изучает как институциональный тип с помощью социологического

подхода. С этнологией идентична этнография, которая занимается маргинальными обществами». Продолжая изложение взглядов сторонников культурной антропологии, Фишер отмечает, что, по их мнению, «вместе с археологией, языкознанием, политической историей, религиоведением и историей, этнология принадлежит к наукам о культуре, составляющим материальную основу культурной антропологии».

Критически оценивая рассмотренные взгляды, Рудольф пишет: «Помимо того, что этнология является наукой, признано, что она связана с антропологией. Этнология связана с человеком и его деятельностью, поэтому она характеризуется как антропологическая наука»⁷⁷⁴. Сказанное автор дополняет рассуждениями о связи этнологии с философией. В связи с этим он делает довольно оригинальный, впрочем, не лишенный определенного смысла вывод о том, что «...если этнология наука, то она подчинена условиям, которые являются универсальными, и должна эмпирически следовать объективной ориентации, из чего следует, что обращение к философии не нужно. Для специальных случаев она может использоваться, но может быть и вредна». Любопытны рассуждения автора о «значении социальных наук для определения места этнологии». Отмечая «запутанность вопроса», он все же высказывает убеждение, что «относительно этнологии можно утверждать, что она не относится к социальным наукам. И что ее можно рассматривать как науку, входящую в состав антропологических наук. Ее предмет содержится в области определенных аспектов человеческих группировок, причем решающую роль играет культура. Различия между этнологией, этнографией и эмпирической культурной антропологией не принципиальны, а имеют прагматическое значение, соответственно с целями исследования»⁷⁷⁵.

Специальная глава книги посвящается соотношению и взаимоотношению этнологии, истории и социологии. Если приведенные выше рассуждения Фишера довольно туманны и мало что дают для понимания предмета, то здесь автор прямо определяет свои позиции. Он утверждает: «Этнология не может быть подчи-

нена ни истории, ни социологии, так как она находится в неразрывной связи с культурой и ее человеческими носителями. И обладает точно определенным и ясным предметом исследования, который, в соответствии со своими особенностями не может быть изучен исторически или социологически».

Весьма критически оценивает Рудольф подход В. Мюльмана к определению существа этнологии, «который не рассматривает, в отличие от Эванса Притчарда, этнологию как историческую науку, а интерпретирует ее как составную часть социологии». И, как бы подводя итог дискуссии, замечает: «В целом можно сказать, что взгляды Мюльмана неверны, а Эванса Притчарда верны»⁷⁷⁶.

Наиболее полно высказывает Рудольф свое мнение о соотношении названных выше трех наук, когда он переходит к «сущности проблем» и дает определения истории, социологии и этнологии. Справедливо его утверждение, что «Самое главное — ясность относительно предмета исследования, и необходимость строгой дефиниции наук». История (*Geschichte, geschehen*), по его словам: «Говорит о событиях во времени и принадлежит к гуманитарной сфере. Следовательно, история занимается феноменами надындивидуального значения, даже если речь идет о деяниях великих людей». Давая определение понятию «социология», автор пишет: «В социологии речь идет о социальном, что означает главную роль в пространстве исследования межчеловеческих и, соответственно, межиндивидуальных отношений. Это пространство гуманитарно, но не в такой степени, как в случае с историей. Особенное значение для социологии имеют различные группировки, их порядок, постоянство, изменение. Наиболее общее определение предмета исследования социологии гласит: исследование социальных отношений и группировок, преимущественно в области рассмотрения постоянства и изменения, порядок и конфликты». Это определение не представляется достаточно ясным и полным, и не учитывает многих аспектов социологических исследований. Возможно, автор и сам это понимает, цитируя шутку

В. Мюльмана: «Социология — это то, чем занимаются ученые, называющие себя социологами». Из сказанного выше Рудольф делает вывод, что «таким образом, предмет исследования истории и социологии в какой-то мере перекрещивается, однако он не идентичен и не единообразен. История не ограничивается социальным, социология не связана с временным определением своих объектов»⁷⁷⁷.

Далее автор переходит к дефинициям, связанным с понятием «этнос». Как справедливо отмечает Рудольф, первоначально термин «этнос», означавший «племя», «народ», «народность», «использовался греками по отношению обществ с иным, чем у них образом жизни и жизненными установками, и имел этноцентрический акцент. То есть, как общность, обладающая собственной культурой». Далее делается вывод, вытекающий из взглядов исследователя, что «...таким образом, предмет исследования этнологии состоит в человеке и его группах, в связях в человеческих группах, обладающих своей культурой. Близка к этому понятию американская культурная антропология». Говоря о соотношении этнологии с историей и социологией, автор книги несколько уточняет сказанное им выше. Так, он говорит, что этнология не может быть частью истории или быть идентичной ей, так как предмет исследования этнологии обусловлен не только временным признаком. Вместе с тем, высказывается справедливое мнение о том, что история является важной составляющей этнологии. Однако последняя обладает и независимыми от истории «константами». Биологическими, психическими, социальными, связью с окружающей средой и техническими условиями. Относительно соотношения этнологии и социологии автор высказывает мнение, что «их предметы исследования не идентичны и не могут перекрещиваться. При ином подходе многие ученые, социологи и этнологи, приходили к ошибочному заключению о том, что культура обусловлена исключительно через социальное, обществом». И далее: «Это неверно, так как решающим моментом в культуре является то, что каждое институциональное установление, каждая религиозная идея, каж-

дое культурное представление, первично индивидуально. Только один может создать концепцию, даже в том случае, если к одной и той же мысли придут сразу несколько человек». Надо сказать, что эти мысли напоминают давние взгляды о единичности и уникальности возникновения каждого культурного явления, положения Фрейбургской школы и идеи Генриха Риккерта, заимствованные в известной мере Фрицем Гребнером и его последователями. На конкретном примере Рудольф пытается пояснить, что он понимает под этнической общностью. Это «совпадающая с определенной культурой человеческая группа составляет этническую общность. Население СССР составляет изолированное общество, включающее группы с разными культурами. И, наоборот, курды имеют общую культуру, но не составляют единое общество»⁷⁷⁸.

И, наконец, автор книги рассматривает «место этнологии в общей антропологии». Предварительно автор формулирует свое понимание понятия «культура»: «Культура, — это самодостаточная часть человеческого существования».

Значительное внимание Рудольф уделяет проблеме связи биологии и антропологии. Так, он пишет: «Эмпирическим базисом антропологии является биология. Но ее существо значительно шире этого базиса. Тем не менее, основными категориями являются биологические... При этом действуют два фактора: «Bios» и «Okos». По поводу биоса автор пишет, что он связан с природными явлениями. Но: «Помимо индивидуальных организмов туда входят их симбиозы и социальные системы как вторичные критерии. Это открытые живые системы. Они постоянно изменяются, так как подвержены окружающей среде, и сами на нее влияют». Окосом Рудольф называет окружающую среду, связанную с биосом. Наконец, выделяется и третья категория биологического существования — приспособление. Этим термином исследователь обозначает приспособление и самоприспособление живой системы к ее окозису. При этом приспособление происходит посредством образа действия, но для приспособления необходима социальная система. Человеческое небиоло-

гическое существование Рудольф называет культурой, что и составляет предмет изучения этнологии⁷⁷⁹.

Весьма вероятно, что для приверженцев теоретических подходов и фразеологии культурной антропологии такого рода аргументация включения этнологии в антропологию приемлема. Что нельзя, однако, сказать о представителях других теоретических направлений в этнологии. Предлагаемые ими теоретические положения лишают нашу науку своей специфики, и делают ее какой-то вспомогательной частью других научных направлений. Как утверждает В. Мюльман, социологии.

Едва ли можно согласиться и с Рудольфом относительно культуры и существа человеческого. Так, автор пишет, что и при наличии культуры, основы человеческого приспособления остаются теми же, что у всего живого. Культура же «составляет расширение потенциала приспособления, возникшего в ходе становления человечества». Основными факторами очеловечения исследователь предлагает считать систематическое использование орудий, символизацию и использование речи для коммуникации «и ряд других явлений, возникших в ходе эволюции». Поэтому, заключает автор, отсутствует какой-то единый критерий культуры, и «с ней не связан единый критерий для человека, отсутствует эволюционный рубикон между человеком и зверем»⁷⁸⁰. Согласиться с этими умозаключениями трудно. Тем более, что в качестве признаков «человеческого» приводятся важные, но лишь производные факторы. Производные от главного и основного. От того, что очеловечение означало возникновение и развитие принципиально нового, социального пути приспособления. Через накопление и социальную передачу от поколения к поколению трудового (в широком смысле, т. е. любого, не основанного на наследственности) опыта. Завершение этого процесса и означало очеловечение.

Завершает свою книгу автор определением — что такое этнология. По его словам: «Этнология, это систематическая антропологическая наука. Она исследует

часть действительности в верхнем секторе «человеческого существования. Предмет исследования этнологии образует сектор внеорганического существования — культуру. Культура — интегрированная составная часть человеческого, в значительной мере обусловленная социальными системами приспособления. Культура обладает двумя основными, аналитически различаемыми, но в реальности неразрывными проявлениями: функциональностью и развитием. Оба проявления характерны не только для человеческого приспособления, но вообще всего живого»⁷⁸¹.

В свете сказанного выше едва ли есть необходимость вступать с автором в дискуссию по поводу его понимания существа этнологии, особенно, в связи с 3-м пунктом. Можно только добавить, что предлагаемые Рудольфом теоретические подходы лишают эту науку не только самостоятельного значения, но и вообще своего существа, предмета и задач.

Кстати, эта работа Рудольфа не встретила одобрения и со стороны многих других этнологов. В качестве примера можно привести выдержки из рецензии на рассматриваемую книгу Юргена Энзена. Основные его замечания сводятся к нескольким возражениям. Так он, как представляется, справедливо считая этнологию самостоятельной наукой, возражает против ее интеграции в другие науки. К тому же он отмечает, что Рудольф пытается определить существо этнологий на основе ряда частных признаков, упуская из вида главное: предмет исследования, «от которого зависят цели и метод исследования». Не согласен Энзен (как практически и почти все ученые после эпохи господства эволюционизма) и с утверждением о том, что основным предметом исследования в этнологии является культура. А сама этнология — часть антропологии. Энзен обвиняет Рудольфа, может быть, и не совсем справедливо в том, что он выступает против выявления закономерностей в протекающих общественных процессах и «предлагает вместо общих схем детальные частные исследования»⁷⁸².

Проблему предмета этнологии Рудольф затрагивает и в другой работе, в целом посвященной соотноше-

нию этноса и культуры, что будет рассматриваться ниже. Что касается этнологии, то он причисляет ее к «эмпирическим или познавательным наукам... что означает, что она исследует отрезок времени, возможный для познания действительности»⁷⁸³. При этом автор прямо не формулирует, каков предмет этнологии, однако, судя по контексту можно понять, что это этнос и культура.

Обзор взглядов на предмет и задачи этнографии и их оценка содержатся в статье известного немецкого этнолога, *Карла Еттмара*⁷⁸⁴.

Прежде всего, Еттмар категорически выступает против довольно распространенных в свое время утверждений, что «этнология — дитя западного империализма». Вместе с тем, как он пишет, столкновение европейцев «в позднем XV в. с новыми мирами» привело к возникновению дисциплины, «для которой не существовало различий между естественными и гуманитарными науками. Ставилась задача изучать и классифицировать существа, которые только с сомнением можно было отнести к виду людей»⁷⁸⁵. Автор перечисляет наиболее распространенные традиционные представления о задачах этнологии. Это использование этнологии в целях колониального управления. Или устранить сомнения в равенстве всех людей, сопоставить разные культуры. Разработка миграционной теории и теории «культурного релятивизма», борьба с этноцентризмом. В конечном счете, как считает Еттмар, это привело к размыванию колониальной системы, а этнология потеряла свой строго определенный предмет в виде «отсталых» народов. Поэтому, по его словам, в дальнейшем этнология может заниматься «осколочными группами на границах ойкумены, технически слабо развитыми обществами». Называет автор и другие попытки сформулировать цели этнологии. Это то, что она изучает нехристианские народы или народы «ограниченного владения природой». И при этом в качестве критерия берется степень технического развития. По этому поводу Еттмар замечает, что «вставал вопрос, как быть с малоразвитыми слоями населения в своем или соседнем народе. В немецкоязычных стра-

нах в связи с этим появилось народоведение». Малопопулярным, «но еще бытующим» взглядом на задачи этнологии он называет мнение, что она частная дисциплина, занимающаяся еще мало изученными группами и этносами, что привело к выделению американистики, африканистики и т. д. Критически оценивает автор статьи взгляды на этнологию В. Мюльмана, Венской школы, в том числе и поздние взгляды ее сторонников, полагающих, что задачи истории лежат только в современности (В. Хиршберг — «этноистория»). Ошибочным считает Еттмар взгляд представителей исторической этнологии, «рассматривающих целые континенты в качестве музеев, в которых сохраняются пережиточные группы. При этом человечество подразделяется на прогрессивную и отсталую части»⁷⁸⁶. Рассматривает автор соотношение этнологии и истории и высказывает мнение, что причисление к истории этнологии возможно лишь в том случае, когда история рассматривается как метадисциплина, включающая помимо этнологии, археологию, историю искусства и культуры, а также все экономические и социальные аспекты. С такой постановкой вопроса в целом вполне можно согласиться, хотя несколько парадоксально звучит утверждение о том, что «история сама находится в кризисе, что видно из паразитического распространения социологии и политологии»⁷⁸⁷. Завершается статья довольно пессимистическим утверждением, впрочем, возможно и верным о том, что «предсказания социальных процессов невозможны. В этом трагедия всех, кто предлагает и пробует осуществить утопии»⁷⁸⁸.

Серьезная работа о целях этнологии была опубликована сторонником «исторического» направления *Рюдигером Шоттом* в статье «Задачи немецкой этнологии сегодня»⁷⁸⁹. Автор рассматривает широкий круг проблем, связанных с этнологией: «внутренние задачи этнологии» (общие и исторические задачи, задачи, связанные с современностью, и предстоящие задачи этнологии); задачи этнологии по отношению к другим наукам; задачи этнологии относительно собственного общества; задачи этнологии по отношению к другим обществам.

Во вводной части статьи автор отмечает, что задачи этнологии распространяются на четыре проблемы: 1) задачи этнологии как самостоятельной науки (научно-имманентные задачи); 2) задачи, которые ставят перед этнологией другие науки; 3) задачи, которые ставит перед этнологией собственное общество; 4) задачи, которые ставят перед этнологией другие общества, особенно те, которые изучались и изучаются этнологией.

Автор полагает, что существуют два подхода к определению главных задач этнологии. Один исходит из того, что этнология — самостоятельная наука, и руководствуется собственными законами. Согласно другому подходу, этнология получает задачи извне, из ненаучных источников, определяющих «общественную значимость». По мнению Шотта, обе точки зрения не противоречат, а дополняют друг друга. Говоря о задачах, которые актуальны для немецкой этнологии, ученый оговаривается, замечая, что также как нет «немецкой физики», так нет и «немецкой этнологии». И общие для всех задачи этнологии состоят в том, что «этнология — наука о народах и культурах всей земли»⁷⁹⁰.

Грустно звучит утверждение автора о том, что «сегодня масштабы немецкой науки ограничены», и что начиная с 1930-х гг. «она не внесла существенного вклада в теоретические дискуссии и уже не соответствовала интернациональному масштабу». После столь прискорбного умозаключения автор несколько реабилитирует немецкую науку о народах. И пишет: «Не следует и самобичеваться, так как не все сделанное за рубежом соответствует «масштабу», многое бесполезно». К этому, как представляется, во многом справедливому утверждению автор добавляет: «Чаще, чем дамские моды, сменяются в этнологии научные направления. И в меньшей мере это связано с серьезными исследованиями». Говоря о прошлом и о будущем, Шотт пишет: «Большие отцы немецкой этнологии патер Вильгельм Шмидт, Лео Фробениус, Рихард Турнвальд, бывшие интернационально признанными, хотя и критикуемыми учеными, умерли. Но задачи, которые они ста-

вили перед наукой, в какой-то мере актуальны и сейчас. 10 лет назад юные адепты нашей науки объявили, что «этнология отцов мертва». Однако мы и сейчас все еще ждем от их работ нужные ответы».

Относительно фундаментальных задач этнологии Шотт пишет, что они состоят в исследовании «многообразия традиций», которые В. Мюльман называл «своеобразнейшим признаком» человека современного вида. По словам автора статьи, он, как и прежде, «убежден в том, что к числу важнейших задач этнологических исследований принадлежит изучение чужих народов и их культур, процессов взаимовлияния»⁷⁹¹. Ученый призывает вести интенсивные этнографические и этнологические исследования, так как «если не сегодня, так завтра то, что не выяснили теперь, исчезнет». В связи с этим призывом нельзя не отметить, что не только немецкая, но и вся интернациональная, особенно американская культурная антропология, увлеченная мнимой актуальностью изучения современных этнополитических (но не этнологических) процессов, упускает порой то последнее, что еще можно наблюдать в обществах, где сохраняется традиционная культура или ее следы. И что невосполнимо, тогда как бесконечные публикации о конфликтах, действительных или мнимых этнических процессах, политических структурах едва ли принесут большую пользу и будут востребованы следующими поколениями этнологов.

Продолжая развивать свою мысль, Шотт пишет, и с этим вполне можно согласиться, что «просто пугает, как поверхностны, с какими пробелами, неточностями наши знания о народах, изучавшихся корифеями этнологии. Что же тогда говорить о большинстве этносов, о которых мы имеем лишь несколько беглых заметок». Весьма критически автор отзывается об американской культурной антропологии, ушедшей, фактически от постановки и решения фундаментальных проблем.

В качестве самостоятельной проблемы Шотт рассматривает «исторические задачи этнологии». В частности, он пишет: «Вместе с историей первобытного общества этнология должна исследовать универсально-исторические взаимосвязи у исследуемых народов».

Отмечается также значение культурной диффузии: «Преувеличения учения о культурных кругах не должны привести к забвению то, что культуры бесписьменных народов, помимо прочего, подвержены исторической диффузии, которая таким же образом свойственна и народам, обладающим письменностью». Говоря о значении для этнологии понятия «культурные провинции», Шотт явно ошибочно приписал его введение Г. Бауману. Хотя в действительности, о культурных провинциях первым писал Фридрих Ратцель, а после него эту проблему разрабатывал Лео Фробениус. По словам автора: «Задача этноистории состоит в преодолении неисторического понимания бесписьменных культур. Важный постулат состоит в историзации кажущегося безвременным этнографического материала»⁷⁹². Но ратуя за исторический подход к изучаемым этнологическим явлениям, Шотт совсем не чужд проблем современности. Так он пишет, что «антикварные интересы и задачи этнологии не противоречат задачам изучения современности». О последних он пишет: «К задачам этнологии относится изучение под самыми различными аспектами современной ситуации этнических групп. В отличие от многих специальных дисциплин, изучающих один аспект человеческой жизни, на долю этнологии приходится задача изучать взаимодействие различных аспектов «комплексного целого», определенное Эдуардом Тейлором как культура... Сила этнолога состоит в том, что феномены он рассматривает в социокультурной взаимосвязи». Справедливо мнение этого автора о том, что «нельзя рассматривать этнические группы как нечто изолированное, вне хозяйственных, социальных, политических религиозных взаимосвязей, существующих у группы». К задачам этнологических исследований Шотт относит также учет существующих в литературе мнений и дискуссий по поводу понятия «культура». Также необходим, по его мнению, учет новых, современных методических подходов. А именно, теории социального и культурного изменения, межэтнических отношений и конфликтов, этнической идентичности меньшинств и пограничных групп. Однако это верное утверждение Шотт завершает весьма пес-

симистическим, хотя и справедливым выводом. Так, он пишет, что во всех областях теории в Германии чувствуются пробелы в теоретических исследованиях, что сопровождается призывом возмещать пробелы «...эkleктическим заимствованием иностранных теорий». В частности, автор имеет в виду американские теории ценности и культурный релятивизм. Вместе с тем Шотт считает, что необходимо «...включить в немецкие исследования новейшие достижения французского и английского религиоведения». Впрочем, здесь же Шотт добавляет: «Однако непонятно, почему эта проблема оставлена на откуп иностранцам, хотя существует давняя отечественная традиция». Но в целом картина состояния немецкой этнологии не видится Шоттом только в черном свете, в связи с чем он пишет: «Постоянно раздаются жалобы на кризис нашей этнологии. Однако не надо забывать отечественные традиции и труды прошлого. Немецкая этнология не исчезла с крушением учения о культурных кругах»⁷⁹³.

Автор подробно останавливается на исторических задачах этнологии и отмечает, что «всеобщее историческое рассмотрение этносов и их культур не потеряло значения после отказа от эволюционизма и учения о культурных кругах, и что этнология должна вместе с историей первобытного общества «исследовать универсально-исторические взаимосвязи у исследуемых народов». Выступает автор также за использование при этнологических исследованиях картографии и этностатистических методов, «что позволяет рассматривать отдельные этносы не как племенные изоляты, а в их культурных и исторических взаимосвязях, а также не упускать из вида факторов исторической диффузии».

Перечисляя задачи этнологии по отношению к своему обществу, Шотт называет задачу преодоления этнических, националистических, расистских и религиозных предрассудков. В отношении других обществ задачи этнологии состоят, по словам автора, в «исследовании культурной идентичности и ценностных представлений других народов, что необходимо для решения как исторических, так и современных актуальных проблем. Когда этнолог показывает культурные дости-

жения этнической группы в прошлом, он помогает тем самым ей самоидентифицироваться в современном мире, в котором нередко разрушаются и забываются прежние ценности. В этом отношении «этноистория» не является антикварной наукой. Этнолог становится адвокатом народа, который не может сам выступить на свою защиту».

И, завершая уже на оптимистической ноте свое исследование, Шотт пишет, что «...этнология выполняет задачи, которые чужды другим наукам. Ее работа нужна как изучаемым народам, так и своей стране»⁷⁹⁴.

Крик отчаяния, впрочем, не совсем необоснованного, звучит со страниц статьи *Карла Новотного* «Кризис этнологии»⁷⁹⁵. Как полагает ее автор, такое состояние этнологии продолжается примерно уже 50 лет. И начался кризис с разделения антропологии на отдельные частные науки. А также спора об окончании названия науки: «логия» или «графия». Как отмечает Новотный, происходила дискуссия о месте теоретических исследований в этнологии, в частности, об исторической диффузии. По мнению Новотного, эти дискуссии не шли на пользу науке «и изжили себя без внешнего влияния»⁷⁹⁶. Пороки теоретических изысканий заключались в том, что, как считает автор статьи: «Для всех этих теорий общим является то, что они не следуют из доказательных источников. Такой путь ведет к созданию универсально-исторических конструкций. Утопические теории хотят предсказывать будущее, и строят законы, модели, структуры». В качестве примера приводятся социологическая и психологическая теории, теория аккультурации. Автор говорит об ошибочности диалектического метода — «диалектики Леви-Стросса». И о том, что «структурализм не может преодолеть кризис», а что «теории имеют сильное родство с мифами». Кризис в этнологии, как считает автор, проистекает также из того, что «для вынесения суждений берется как критерий европейская история и человеческое поведение в европейском обществе»⁷⁹⁷. Выход из создавшегося в науке положения автор статьи определяет следующими словами: «Прогресс в этнологии зависит только от тщательной работы с ма-

териалом. Это наука о действительном и не имеет ничего общего с созданием «идеальных типов». Теории, которые еще продолжают существовать, или которые создаются вновь, ожидает та же судьба... Преодоление кризиса в этнологии возможно лишь в свободной от теории, основанной на материале работе». Едва ли можно разделить взгляды рассматриваемого автора. И хотя кое в чем он прав, его критика в целом субъективна и недоказательна. То, что кризис существует, это бесспорно. Однако он не препятствует многим ученым вести плодотворные теоретические исследования. Предлагаемое ограничение задач этнологии сбором фактического материала, без его теоретического обобщения, низводит этнологию в положение некоей вспомогательной дисциплины. Тем не менее, статья интересна тем, что является свидетельством определенных нигилистических взглядов в немецкой этнологии.

Категорически высказалась о структурализме поклонница Леви-Стросса Аннегрет Думаси, отметившая в начале 70-х годов довольно медленное распространение идей структурализма в Германии. Так, она писала, что «до настоящего времени» учение Леви-Стросса еще не получило в Германии достаточного распространения и адекватного отражения. При этом те исследователи, которые занимались структурализмом, «тенденциозно отделили структуралистский метод от теории и интересовались только последней». В целом же, как заключала автор: «...немецкая этнология полностью игнорировала учение этого ученого»⁷⁹⁸.

Обстоятельная статья гейдельбергского этнолога Юргена Энзена посвящена задачам этнологии в связи с изучением комплексных обществ⁷⁹⁹. Во вступительном разделе автор высказывает мнение об ограниченности для этнологии значения изучения «малых автономных обществ» (первобытных и полупервобытных) вследствие их исчезновения. Весьма скептически оцениваются возможности «этноисторического» направления. Так как «...к этому времени развитие этнологии ушло далеко вперед, она отказалась от этого направления и стала интегрироваться в интернациональную

науку». В качестве основных задач этнографического изучения Ензен называет «существующие сегодня высоко индустриализированные (комплексные) общества», а также страны третьего мира. Их совместное изучение «позволит устранить понятие "высокие культуры"»⁸⁰⁰. При этом изучать комплексные общества автор статьи предлагает по частям, концентрируясь на отдельных группах (Teilgruppe). Благодаря этому «этнологи находят для себя поле деятельности во всех современных обществах». Попутно Ензен рекомендует «не забывать об историческом направлении изучения многих этнических и регионально-культурных процессов в издавна существующих комплексных обществах... Я за изучение недавнего прошлого давно существующих комплексных обществ»⁸⁰¹. В своих рассуждениях автор в значительной мере делает акцент на эмпирических этнографических исследованиях, считая, очевидно, теоретические построения вообще излишними. При этом в качестве аргументации приводятся малоубедительные примеры того, как Бастиан, Шурц, Вестерман интересовались народами, стоявшими на высоком уровне развития. Наиболее привлекательными представляются Ензену исследования по аккультурации, «инициированные Турнвальдом», а также исследования, проводившиеся Малиновским, Херцковицем по прикладной колониальной этнологии, о вхождении малых автономных обществ в большие этносы, а также о современном положении в колониях. Высоко оцениваются Ензенем исследования Маргарет Мид и других американских культурных антропологов. Что касается теоретических исследований, то автор предлагает связывать их исключительно с современностью.

Заключая статью, Ензен предлагает свою формулировку объекта этнологии. В связи с этим он пишет: «Этнология занимается систематическим и сравнительным изучением с позиций всеобщих культурных и этноисторических подходов, феноменов всех культур. Рассматривая, при этом во всем объеме их сходство, различие, многообразие культурных феноменов. При исследовании отдельных культур следует в первую очередь исходить из «холистской» (целостной) точки

зрения. Это означает, что надо выяснять связи между различными аспектами и проявлениями культуры, обращая внимание на отдельные аспекты. Эмпирические исследования концентрируются на выяснении культурных и этнических феноменов в небольших, доступных обозрению социальных образованиях, особенно в локальном смысле. Новые данные получают посредством полевых исследований и используются при изучении социокультурных и этнических отношений и процессов. Изучение должно вестись путем «включенного наблюдения», в обычных жизненных условиях»⁸⁰².

Едва ли Юрген Ензен особенно обогатил этнологию своими рассуждениями и предложениями. То, с чем можно согласиться, далеко уже не ново и может быть обнаружено у классиков нашей науки. Остальное же, и, особенно, отрицание значения исследования народов, стоящих на невысоком уровне культурного и технологического развития, и полный переход на позиции американской культурной антропологии, лишь осложняет задачи изучения современных процессов. Понять их можно, только выяснив их истоки и эволюцию, без чего строение оказывается без фундамента.

В упоминавшейся уже выше книге Ханса Фишера «Начала, границы, применение» автор кратко останавливается на задачах этнологии, связывая ее с практикой. При этом его концепция существенно отличается от взглядов Юргена Ензена. Он пишет, что обращение к повседневной жизни и практике имеет две стороны. С одной стороны, этнология, также как и другие науки, является выражением факторов, лежащих вне ее потребностей и целей. Но, с другой, она — часть общества и исторического поля, и поэтому влияние этнологии целенаправленно. При этом, как верно отмечается, существуют разные точки зрения по поводу использования этнологической науки, и мнение, что «наука имеет сама по себе ценность», доказать которую нельзя, сегодня мало распространено. Преобладает взгляд, что научная деятельность должна приносить хотя какую-нибудь пользу. И среди молодых ученых преобладает мнение, что научные результаты следует оценивать по их практической

применимости. Практическое ставится, по словам Фишера, выше научного. Автор задается вопросом: в чем же состоит возможность использовать данные этнологических исследований? И, пытаясь найти на него ответ, пишет: «Следует иметь в виду, что в областях культуры и социальных наук их основы не могут быть столь же материальными, как в естественных науках и медицине. Этнология, которая занимается чужими культурами, «имеет задачей сделать их понятными... Это предпосылка для разумных, бесконфликтных отношений между народами. Знание дает возможность для взаимообщения»⁸⁰³. Далее, автор подчеркивает, что этнология «дает возможность объяснения своих проблем другим. Этнолог может быть «переводчиком», адвокатом, посредником, учителем. Особенно это важно в области помощи развивающимся странам, но и в дипломатической деятельности, туризме, средствах массовой информации, решении проблем отношения к меньшинствам в нашем собственном обществе».

Автор заключает свою статью словами о том, что «знание чужих культур помогает понять собственную культуру и находит поле деятельности дома»⁸⁰⁴. Таким образом, подходы Фишера ни в коей мере не исключают значения теоретических исследований. Однако, учитывая запросы времени и материальные интересы науки и ученых, он предлагает вполне конкретные и возможные пути изучения современных процессов и значение этого для общества.

О задачах этнологической науки Фишер пишет также в небольшой статье «Что такое этнология?», опубликованной в изданном им сборнике «Введение и обзор»⁸⁰⁵. Работа открывается небольшим разделом о разграничении понятий «Ethnologie» и «Völkerkunde». Едва ли автор прав, когда называет первую «целиком наукой», тогда как вторую, «лишь частично наукой». В качестве доказательства он приводит довольно сомнительный аргумент о том, что «зачастую искусствоведческие, журналистские или политические действия и публикации обозначаются как Völkerkunde». Этнологию Фишер называет дисциплиной: «это означает, что

она является отрезком действительности, которым и занимается... Этнология начинается тогда, когда принимаются во внимание различия в образе жизни человеческих групп. Различия, свойственные каждой из таких групп, мы называем культурой. История этнологии, — это история попыток ответить на вопрос об этих различиях. Их причина в окружающей среде или является следствием исторических судеб»⁸⁰⁶. Другой проблемой этнологии является, как считает Фишер, поиски ответа, почему пространственно и исторически различные культуры имеют, тем не менее, в некоторых своих частях сходство. Едва ли есть смысл вступать с Фишером в детальную дискуссию по поводу высказанных им взглядов. И не только потому, что они противоречат существующей в немецкоязычной литературе традиции, а прежде всего вследствие ограничения задач, приписываемых им этнологии.

После всех своих рассуждений, автор завершает раздел парадоксальным выводом о том, что «окончательной формулировки, что такое этнология, нет, и каждый исследователь должен решать этот вопрос сам. Поэтому этнологи не могут договориться о содержании своей науки»⁸⁰⁷.

Ничего нового не сообщает Фишер в следующем разделе статьи, озаглавленном «Обозначения разделов науки», в котором дается в сжатом виде краткая история становления науки о народах в странах немецкого языка и англо-саксонских странах. Забыв, по всей вероятности о том, что он утверждал выше, Фишер завершает свои рассуждения словами, что «сегодня «Ethnologie» адекватна «Völkerkunde»⁸⁰⁸. Ничего особенно нового не удастся обнаружить и в последующих двух разделах рассматриваемой работы «Предмет исследования» и «Применения». В первом говорится, что этнология на практике занимается не всеми народами, а главным образом отсталыми. Во втором — о возможности применении данных этнологии для практики.

Кратко отдельных вопросов задач этнологической науки Ханс Фишер касается в небольшой статье, посвященной главным образом проблеме этнологического образования в Гамбургском университете⁸⁰⁹. Оста-

новлюсь лишь на отдельных ее положениях. Исходная позиция Фишера гласит, что этнология — наука обо всем мире. При этом автор прав, говоря далее о том, что «в этнологии недостаточно выработан свой язык». Очень критически оценивает автор статьи подготовку абитуриентов, поступающих в Институт этнологии Гамбургского университета, совершенно незнакомых с предстоящей специальностью, а также выпускников: «Окончившие курс этнологии и приступившие к работе в разных отраслях жизни, не могут вспомнить, чем им помогают этнологические знания, полученные во время обучения». Основную причину этого Фишер усматривает в том, что «этнология «универсальная наука», что означает «антинаука», потому что в нее входит все. Зависит это от слабой отграниченности от не-науки, тенденции к популяризации. Вместо точного языка науки, — беспредельное расширение границ науки. Необходимо: ограничение науки и концентрация институтов этнологии на определенных проблемах.

Замечания Фишера во многом справедливы. Однако нельзя согласиться с призывом ограничиться при обучении лишь узкой проблематикой. А также свести специализацию каждого института к одному комплексу проблем.

Узкая специализация многих немецких этнологов, за исключением некоторых, наиболее выдающихся ученых, всегда была слабой стороной профессиональной подготовки. Что касается ограничения научной ориентации институтов одной проблемой, к примеру номадизмом, то такие опыты уже были, но не принесли положительных результатов.

Интересные мысли о задачах этнологической науки, а также соотношения своей и чужих культур, были высказаны профессором *Карлом-Хайнцем Колем* в книге, явившейся развитием лекционного курса, который автор читал в Майнцском университете⁸¹⁰.

В предисловии автор сообщает читателям, что его труд «исходит из герменевтических основ, знаменующих современное развитие этнологии». Публикация состоит из разделов-глав: «Этнология и ее предмет», «Открытия в этнологии», «Этнографическая полевая

работа», «Проблема изображения чужих форм жизни», «Этнологические теории».

Свои взгляды о задачах этнологии автор излагает в основном в первом разделе книги. В отличие от Х. Фишера, Коль полагает, что этнология «обладает сложной терминологией с развитым методическим инструментом и очень широкой предметной областью». Также, в отличие от мнения Фишера о различиях в трактовке термина *Völkerkunde*, Коль отмечает, что в немецкоязычных странах эту науку обозначают то как *Völkerkunde*, то как этнология, то есть не усматривают в этих терминах каких-либо существенных различий. При этом, при возникновении в Германии этнологических институтов, «первоначально предпочтение отдавалось термину *Völkerkunde*, и только начиная с 20-х годов XX века и, особенно, после Второй мировой войны, все большее распространение стал получать термин «этнология». Полагает Коль также, что во всех странах, независимо от того, как именуют науку о народах, — этнология, этнография, социальная или культурная антропология, «практически все исходят из одного и того же предмета». В связи с этим автор пишет: «Этнология претендует быть «наукой о народах», однако, главным образом, внеевропейских. В целом же, это наука о «культурно чужом»»⁸¹¹. В историческом плане Коль, конечно, прав. Однако даже для того времени, когда писалась и издавалась рассматриваемая книга, этнология, по словам многих ученых, в значительной мере уже утратила «антикварный» характер. И, вслед за американской культурной антропологией, наряду с изучением заморских народов стала исследовать также разного рода этносоциальные и этнополитические процессы в собственных странах.

Попутно Коль сообщает интересные данные о том, что в 1984 г. во всех этнологических институтах ФРГ окончило из числа поступивших на 1 семестр лишь 4,6% студентов. При этом невелики возможности для получения работы по специальности. Существуют 20 этнологических музеев, этнологические отделы культурно-исторических музеев. В университетах только ограниченные по времени должности «академических

сотрудников» и ассистентов. Для профессуры и пожизненного контракта (ныне уже почти не практикующегося — Г.М.) надо хабилизироваться (получение по конкурсу доцентуры). Совершить научные исследования, для чего нужны долгие годы. «Но места в музеях и университетах редки, в год не больше дюжины, тогда как в 1988 г. было 6000 студентов-этнологов, и 6000, слушающих этнологию как побочный предмет».

Проблему «своей и чужих культур» рассматривал также известный мюнхенский профессор *Ласло Вайга*⁸¹². На основании значительного этнографического материала автор рассматривает различные варианты отношений, складывающихся между различными группами племенного населения и проблему этноцентризма. При этом он отмечает резкое противопоставление своего «правильного» и чужого «ошибочного». Рассматривается также проблема этнонимов и поведение человека как социального существа.

В числе сборников, изданных в Германии в связи с проходившими дискуссиями по поводу предмета и задач этнологической науки, можно отметить публикацию *Вольфгунтриха Шмигт-Коварчика* и *Юстина Штагля* «Основные вопросы этнологии. Статьи к проходящей теоретической дискуссии»⁸¹³. По поводу первого издания сборника вышла в свет развернутая рецензия *Рольфа Эйкельпаша*⁸¹⁴. В ней говорится, что рецензируемый сборник, включает 18 статей, из которых 7 — переработанные доклады теоретического симпозиума на заседании Немецкого общества этнологии в октябре 1979 г. в Хомбурге. Автор подчеркивает значение этого и других подобных изданий, так как ранее немецкая этнология мало занималась теоретическими проблемами, концентрируясь, главным образом, на конкретных этнографических и этноисторических проблемах. Отсутствовал, по словам Эйкельпаша, также интерес к французской этнологии, английской социальной и американской культурной антропологии. Возникшая ситуация, обозначаемая часто как «кризис этнологии», требует, как считает Эйкельпаш, «радикального обновления основных теоретических положений науки». Одобряя в целом работы, включенные в сбор-

ник, рецензент сетует, что в нем отсутствуют работы по «философской и социологической антропологии», а также этносоциологии». Вместе с тем, констатируется, что сборник свидетельствует о возобновлении в немецкой этнологии интереса к теоретическим проблемам.

Несколько иначе выглядит состав статей, включенных во второе издание рассматриваемого сборника. Часть статей заменена новыми работами, несколько изменилось общее теоретическое направление. Отражение получили некоторые новейшие течения в этнологии. Больше внимание уделено вопросам историографии науки, а также эмпирическим этнографическим исследованиям. Издание включает семь разделов: постановка проблемы; полевые исследования; общество; история; теория культуры; чужое и самопознание; вопросы к этнологии. В некоторых статьях, особенно *Вольфгунтра Шмигт-Коварчика*, ощущается определенный налет марксистской идеологии в ее европейском варианте.

В связи с проблемой предмета и задач этнологии, остановлюсь на несколько своеобразной по взглядам на этнологию и по содержанию статье *Юстина Штагля* «Сциентические, герменевтические и феноменологические основы этнологии»⁸¹⁵. Довольно необычно излагает автор исторический путь, пройденный немецкой этнологией. Он пишет: «Этнология стала признанной наукой, предметом преподавания в университетах и профессией на рубеже XIX и XX вв. В то время она сконцентрировалась на типическом предмете — маленьких экзотических культурах с ограниченным господством над природой. И пользовалась типичным методом — «полевыми исследованиями», а также типическим взглядом ориентации на индивидуальные этнические образования (племенные объединения, народы)». И далее: «Комбинация из предмета, метода и подхода в настоящее время исчезает, хотя самопознание предмета сохраняется. На этом основывается кризис этнологии. С использованием этой комбинации этнология достигла своего классического периода между 20 и 60 гг. XX в.». Автор отмечает далее, что этнология смогла зафиксировать примитивные культуры до

их ассимиляции «мировой цивилизацией». Основу этого успеха Штагль связывает с именем Б. Малиновского и его «парадигмой полевой работы — интенсивным наблюдением исследователя в племенных обществах»⁸¹⁶. Однако едва ли можно согласиться как с беглым обзором истории науки, так и с тем, что своими «успехами» немецкая этнология обязана Малиновскому. Многие были сделаны в науке немецкоязычными этнологами уже в конце XIX в. Работы немецких ученых, основанные на их полевых исследованиях, были, в отличие от многих зарубежных исследований, весьма обстоятельными и давали полную картину культуры изучавшихся обществ. Влияние же функциональных идей, кстати, не Малиновского, а Р. Турнвальда, было в среде немецкоязычных этнологов весьма ограниченным и никогда не стало господствующим. Да и упомянутый «кризис» имел иные причины, о чем будет говориться ниже.

Далее Штагль излагает свое понимание предмета и задач этнографии. В разделе «Герменевтика и феноменология: понимание, объяснение и жизненная сфера» он пишет следующее: «Задача этнографа состоит в том, чтобы «понять» действительность чужой культуры и «объяснить» ее с научных позиций. «Понимание» и «объяснение» — ключевые понятия герменевтики. Таким образом, полевое исследование несомненно является методом герменевтики. Но отличается от герменевтики тем, что не пользуется текстами. Этнография связана с традициями, ее предмет — культуры племенных обществ. Мир человеческого поведения и проступков может понять только тот, кто становится на точку зрения других. Этот принцип познания может быть назван «субъективной интерпретацией». Сегодня традиционная этнография уже невозможна, так как в прошлом первобытные народы стали исторически»⁸¹⁷. В связи с этими выводами следует, однако, заметить, что едва ли понимание методов полевой работы этнографии нуждается в столь сложных объяснениях. Все, о чем говорит автор, можно изложить простыми словами на основе существующего опыта полевой работы, весьма достаточного у немецких этнологов.

Далее автор поясняет свое понимание задач этнологии и ее положения «между естественными и гуманитарными науками». Штагль считает, что «с тех пор, как произошло разграничение между естественными и гуманитарными науками, этнология оказалась между ними. Это видно хотя бы из делящейся войны между обозначениями науки: антропология и этнология». И далее: «Традиционным объектом этнологии были дикари (естественные народы, неполитические нации). Они образовывали совместно с нижними (не политизированными) слоями культурных народов человеческие группы, которые первоначально определяли как неисторические, почему их исследование отходило к естественной истории... В результате этнология была помещена в науку о человеке». Но «человек рассматривался не как личность, а как носитель определенных признаков». Штагль высказывает мнение: «На исторические факторы обратили внимание только к концу XIX в., когда примитивные культуры оказались в сфере влияния западной цивилизации и начали разлагаться».

Многое в этих выводах Штагля видится довольно спорным. Недостаточно обоснованным представляется и мнение Штагля о том, что путь преодоления сложностей, возникших в трактовке этнологии, лежит во «всеобъемлющей антропологии». Понятия, смысл которого автор статьи толком не объясняет⁸¹⁸.

В заключительном разделе своей работы Штагль специально останавливается на проблеме «кризиса этнологии». В связи с этим исследователь утверждает, что «...классическая эпоха этнологии позади, и тщетны стремления решить человеческие проблемы научными средствами. Весьма сомнительны претензии этнологии в лице американской культурной антропологии стать пионером всеобщего и индивидуального воспитания для достижения нового гуманизма».

Преодоление кризиса в науке предлагается рассматриваемым автором осуществить, в частности, путем изменения подхода к исследованию. Как Штагль полагает, если в прошлом, в «классическую эпоху», изучались только локальные группы внутри племенной общности, то теперь следует распространить работу на

все общество в целом, на «локальную общину», насчитывающую сотни членов. В качестве панацеи предлагается культурная антропология (очевидно, не в ее американском варианте — Г. М.), которая «должна включить все эмпирические науки о человеке, но сама не стать при этом эмпирической наукой. Она должна исследовать всеобщие принципы структур человеческого созидания, что означает обращение к человеку. Таким образом, культурная антропология волеется во всеобщую антропологию. Однако возможно, что это и не выполнимо»⁸¹⁹.

К сожалению, за многими словами автора остается плохо понятным смысл его идей. Скорее всего, справедливы заключительные слова Штагля о невыполнимости его предложений.

Задачам выявить трудности и недостатки немецкой этнологии в областях исследования и образования посвящена статья гамбургского этнолога *Рюдигера Фоссена* «Этнология — как долго наука отдельных ученых?». В том же номере журнала «Социологус» помещен ряд критических отзывов на статью и ответ оппонентам Фоссена⁸²⁰.

Автор приводит слова Леви-Стросса, критически отзывавшегося об этнологии в связи с тем, что «внимание ученых рассеялось на слишком большое число культур, была сделана попытка собрать многочисленные и поверхностные информации и, в конечном счете заметили, что многие из них не годятся для использования». Проецируя это положение на немецкую этнологию, Фоссен считает, что ее беды вызваны тем, что отсутствует кооперация в исследованиях, «то есть подчинение личных целей выработанной совместными усилиями концепции, а также отсутствие концентрации для основательного анализа отдельных этнических общностей и проблем»⁸²¹. «Корни разобщенности исследовательских сил», считает исследователь, лежат в недостатках образования и подготовки специалистов. Ссылаясь на опыт трех университетов: Геттингенского, Берлинского и Гамбургского, он высказывает мнение, что за столетие эта подготовка мало изменилась, и, как и раньше, исходят из принципа «учись на соб-

ственных ошибках» и «естественного отбора научного пополнения». Ошибочным считает также автор статьи произвольное избрание диссертантами своих исследовательских тем и их изолированность от коллег. Поэтому «зачастую диссертация состоит из бессмысленного собрания материала». В связи с этим Фоссен настаивает на кооперации научных усилий и необходимости разработки программы актуальных исследований⁸²².

Весьма критически восприняли участники дискуссии взгляды и предложения Фоссена. Так, Ханс Фишер (Университет Гамбург) отметил, что утверждение Фоссена о ситуации в немецкой этнологии — еще не причина для введения изменений в систему научных исследований и подготовки специалистов. Ошибочным он считает также сведение всех недостатков к одной причине — отсутствию кооперации. Тем более, что еще надо доказать преимущества всеобщей кооперации. Вольфганг Рудольф (Свободный университет Берлин) в столь же критическом ключе заметил, что «Фоссен довольно поверхностно рассматривает проблемы. Неудачно цитирование Леви-Стросса: никто в Германии, да и сам Фоссен, не хочет сжать этнологию до структурализма Леви-Стросса». Рудольф также считает неверными рассуждения об «актуальности», так как многие «актуальные» проблемы оказывались впоследствии ненужными. Что же касается «кооперации», то вполне справедливо Рудольф считает, что «кооперативная работа может оказаться ненужной и неверной по проблематике»⁸²³. Примерно такие же позиции заняли и прочие участники дискуссии в журнале.

Думается, что критика взглядов и предложений Фоссена со стороны других исследователей в целом справедлива. Но кое-что верное есть и в осуждении Фоссеном некоей анархии в избрании исследовательских тем. К этому следовало бы еще добавить, что существенный недостаток в подготовке немецких этнологов заключается в отсутствии систематического плана в учебном процессе. Курсы, читающиеся по объявленным самими преподавателями темам, не отражают в достаточной мере основную проблематику

этнологии. В результате, студенты и аспиранты не получают достаточно широкого образования и становятся, по большей части, узкими специалистами.

Некоторые дискуссионные вопросы обсуждаемых проблем задач и предмета этнологии ставятся в статьях сборника «Систематическая этнология», изданного *Матиасом Лаубшером и Бертрамом Турнером* на основе прошедшего в 1991 г. симпозиума по *Völkerkunde*. Число опубликованных в сборнике работ довольно велико, и довольно условно они объединены в несколько разделов: «Этнология развития», «Этнология работы», «Этика», «Исследование женщин в этнологии» и «История этнология».

Некоторые из этих статей были или будут рассмотрены в настоящей книге, останавлиюсь здесь лишь коротко на постановке вопроса во вступительной статье *Гернгда Шпиттлера*, посвященной проблеме развития в этнологии. Автор высказывает в ней малообоснованное мнение о том, что этнологи, «которые имеют дело с малоразвитыми народами, не особенно интересуются проблемами развития. С XVIII в. ученые интересовались сущностью культуры, а не ее развитием». Как известно, эволюционистов постоянно занимали вопросы развития культуры, и большая часть их построений по истории культуры основана на принципах развития. Кроме того, автор «всегда готов одобрить стремление этнологии по изучению неиндустриальных культур, а не заниматься изучением их развития»⁸²⁴. Чем вызвано столь отрицательное отношение Шпиттлера к проблеме развития, так и остается непонятным. Впрочем как эта, так и большая часть других статей сборника не отличаются глубиной анализа рассматриваемых проблем и принадлежат малоизвестным авторам.

Не особенно порадовало читателя новое издание учебника под редакцией *Германа Тримборна*. Учебник включает ряд статей по разным направлениям этнологических исследований. Многие из них принадлежат весьма известным ученым, в том числе самому Тримборну, а также Иозефу Геккелю и другим. Немалая

часть сведений в учебнике значительно устарела. Встречается много этнографических ошибок. Пожалуй, единственный раздел учебника «Культура, психэ и картина мира», написанный Вольфгангом Рудольфом, несмотря на некоторую сложность стиля изложения, дает что-то новое⁸²⁵.

В значительно более резком тоне содержание учебника оценил *Вольфганг Маршалль*⁸²⁶.

Отрицательные отзывы получила опубликованная диссертация *Юргена Контага* «К методике немецкоязычной этнологии». По утверждению Контага, «цель познания этнологии — естественнонародный вклад в человеческую культуру». При этом, по его словам, культура состоит из разделов, связанных с орудиями, социальными отношениями и символами. Автор «не советует» этнологам «вторгаться в соседние дисциплины», оставляя, практически для нее только сферы технологии и религии⁸²⁷. В подробной рецензии на книгу на эту книгу Лоренц Г. Лоффлер пришел к заключению, что она «годится только для корзины для бумаг»⁸²⁸.

Из сказанного выше можно сделать заключение, что ни в дискуссиях, ни в публикациях немецким этнологам не удалось добиться ни общего подхода, ни вообще ясности в понимании предмета и задач этнологии. Высказывались самые разнообразные взгляды в соответствии с теоретической ориентацией авторов. Для более полного представления о состоянии теоретической мысли в немецкой этнологии второй половины XX в. необходимо рассмотреть различные научные направления, существовавшие в ней в эти десятилетия.

■ «Историческое» направление

С полным правом можно сказать, что в настоящее время историческое направление, или, вернее, разные теоретические течения, составляющие лишь формально это направление, имеет в немецкой науке о народах наиболее старые традиции. Об этом уже достаточно

говорилось в предыдущих разделах книги. Стоит лишь повторить, что его основы начали складываться еще в 60-е годы XIX в., когда господствовали представления теории развития (эволюционизма), которые продолжали в той или иной мере сказываться во взглядах даже тех этнологов, которые, казалось бы, были далеки от историзма.

Хотя и лишь декларативно, историческое направление возникло в трудах рассмотренной выше Культурно-исторической школы Вильгельма Шмидта. Однако, как это было отмечено выше, только немногие его последователи придерживались по существу не исторического, а «механицистического» понимания исторических процессов. Эти процессы, как предполагалось, протекали в виде изменений и «исторической» смены культурных кругов в результате культурной диффузии. Постепенно большая часть исследователей стали либо полностью отказываться от теории культурных кругов, либо полагали, что они должны быть радикально переработаны. А также, что их следует рассматривать как следствие исторических процессов. Прежде всего в Австрии, где в прошлом возникло «культурно-историческое» учение, стали складываться различные по взглядам «исторические» направления. В Германии, где учение Венской культурно-исторической школы не имело большой популярности, исторический подход к теоретическим проблемам имел давние традиции. При этом он противостоял, постепенно сдавая свои позиции, социологизации этнологии и влиянию американской культурной антропологии.

Первые десятилетия второй половины XX в. были ознаменованы рядом дискуссий среди сторонников «исторических» направлений, не приведших впрочем, как это обычно и бывает, к какой либо ясности в методологии и методе.

В 1970-х гг. в работах ряда австрийских авторов обсуждалась проблема концепции «культурной истории» и «этноистории». Затрагивались вопросы междисциплинарной работы этнологов и специалистов по первобытной истории и археологов, возможность теоретического осмысления культурных процессов в виде

«культурной истории», перспективы соответствующих исследований⁸²⁹.

Проблемами историзма в этнологии занимался еще в 1960-х гг. *Иозеф Геккель*, ставший главой Культурно-исторической школы. В своих теоретических взглядах он уже отошел от учения В. Шмидта о культурных кругах. Особенно его занимали проблемы связи этнологии с «предысторией», и каким образом, *этноисторик* может сопоставить в генетическую последовательность современные ему этносы с первобытными культурами⁸³⁰. Хотя Геккель не был, собственно, сторонником «этноисторического» направления, сами этноистики считали, что он в известной мере способствовал сложению этого направления. Впрочем, исторической проблематикой и соотношением этнологии с «предысторией» интересовался еще сподвижник Вильгельма Шмидта, Вильгельм Копперс в 1950-х гг.⁸³¹.

Как принято считать в немецкоязычной литературе, одним из наиболее активных сторонников «исторической этнологии» и основателей нового научного направления, «этноистории» был неоднократно уже упоминавшийся австрийский этнолог, *Вальтер Хиршберг*. В своих многочисленных публикациях он обосновывал теорию этноисторического подхода к этнологическим исследованиям. И критически оценивал прочие направления в немецкой этнологии. В статье, опубликованной в 1983 г., он кратко остановился на путях возникновения этноисторического направления⁸³². Его зарождение он относит ко времени, когда «наибольшего размаха достигло сотрудничество Венской этнологической школы с первобытной историей... В это время небольшая группа молодых исследователей объединилась, поставив задачу исследовать миграции и традиции африканских народов и племен и критически их обработать... Это рабочее объединение... включало Гастона ван Булька, Вальтера Хиршберга, Роберта Роутила, Марианну Шмидль и Доминика Иосифа Вельфеля». Как отмечает автор статьи, рабочая программа объединения была подвергнута Вильгельмом Шмидтом критике, и он внес в нее ряд исправлений. И далее, в

несколько восторженном тоне: «Можно считать, что с этого времени началась собственно этнология — культурно-историческая школа»⁸³³. Но в дальнейшем, в связи с критикой учения В. Шмидта о культурных кругах, сторонники «рабочего совещания» несколько изменили свои позиции. Так как, по словам Хиршберга: «Было бы ошибочно рассматривать культурные слои как нечто статическое... и не изменяющееся. Также ошибочно представлять культурную историю как последовательность статических культурных слоев. Культуру следует рассматривать всегда динамически»⁸³⁴. В отличие от сторонников культурно-исторических исследований, Хиршберг считал, что «вместо принятых в культурно-исторических исследованиях критериев связи, этноисторик должен опираться на непосредственно следующие друг за другом и связанные между собой источники». Впрочем, свою статью Хиршберг заканчивал довольно пессимистической констатацией того, что «...предпринимавшиеся пока попытки не дали определенного результата»⁸³⁵.

В 1986 г. была опубликована статья того же автора об этноисторической работе в Вене, в которой более подробно рассматривается история возникновения этого направления в этнологии⁸³⁶. Повторяя многое из сказанного им ранее, он пишет: «Первые зародышевые начала *этноистории* в Вене восходят к 1930 — 1931 гг.». Это было время, когда «группа молодых ученых поставила задачу рассмотреть новейшие миграционные движения африканских этносов и одновременно подвергнуть историческому исследованию события, происходившие с культурой. Предполагалось в дополнение к господствующей в Вене *культурной истории* поставить задачу изучения *племенных историй*. Сложилось «Венское рабочее сообщество (WAFAK)». Как отмечает далее Хиршберг, в результате недоразумений, возникших с представителями школы культурных кругов, В. Шмидтом и В. Копперсом, Рабочее сообщество постепенно прекратило свое существование. Но еще перед его окончательным распадом, 25 мая 1932 г. на заседании Антропологического общества выступил директор этнологического музея в Вене Фритц Рок.

Доклад был на тему «Опыт антропологического синтеза гуманитарных ветвей науки: расоведения, исследования культуры (первобытная история, этнология, народоведение, история, языкознание). По ходу доклада он выступил в защиту Рабочего сообщества, а также обещал предоставить ему помещение в музее. Ф. Рок первым обозначил направление деятельности Сообщества, как «*этноистория*». По словам автора рассматриваемой статьи: «Предпочтение в ВАФАК получили, прежде всего, дискуссионные темы *древние народы и хамитская проблема*. А также методологические проблемы... более сложные, чем это видно из учения о культурных кругах». Также были поставлены вопросы о том, как воздействуют «высокие культуры» на более древние культуры, и отношение этнологии к первобытной истории». Также, по словам Хиршберга, было решено заниматься прежде всего позднейшими культурными слоями, для которых существуют письменные источники⁸³⁷. Хотя автор статьи прямо об этом не говорит, но из его слов можно понять, что после рассматриваемых событий длительное время *этноисторическая* работа практически не велась, что предположительно можно связать с политической ситуацией в Австрии. Возрождение этноисторической работы в Вене Хиршберг относит к 1963 г. Как он отмечает, ее особенность состояла в том, что усилия направлялись не столько на изучение и сравнительный анализ обычаев, предметов или культурных элементов, сколько «в попытке доказать на основе исторических источников... путь развития исследуемого объекта. При этом был противопоставлен статическому принципу динамический. Это означало, что вместо признания статичности культурных элементов, шел поиск на основе исторических источников культурных изменений». Постепенно, как отмечает Хиршберг, росла популярность *этноистории*. Хиршбергом и Вернхартом было выработано более развернутое определение *этноистории*, гласившее: «Этноистория... является частью региональной этнологии с особым акцентом на использование письменных источников, рисунков, устной традиции. Предпосылкой использования источ-

ников является их критика. Таким образом, этноисторик пытается установить изменения культуры»⁸³⁸. Далее автор статьи говорит о том, что «существенное дополнение» к венской этноистории было сделано В. Мюльманом, который выработал два понятия: «историческое» и «эволюционное» понимание времени. И что Мюльман считал, что «исторически проследить прошлое возможно только в редчайшем случае». А также, что «большинство сегодняшних первобытных народов очень молоды», и «их древность является лишь эволюционным образованием». Хиршберг категорически возражал против понимания культуры как статичного явления. В связи с этим он писал, что «... культурная жизнь не является рядом статических культурных слоев или культурных кругов (как предполагали основатели Культурно-исторической школы — Г. М.). Культурная жизнь — это постоянно динамически изменяющееся развитие... В ходе исследования мы вынуждены первоначально иметь дело со статическими абстракциями. Но на этом не надо останавливаться, и не рассматривать культурные слои, культурные группы и культурные круги как окостеневшие абстракции, а лишь как поперечные разрезы через культурную жизнь... Чем больше мы изучим культурные напластования и культурные элементы, тем больше возможность выявления их распространения в истории и изменения в ее ходе»⁸³⁹.

В 1967 г. директор Института Фробениуса во Франкфурте *С.А. Шмитц* издал большой сборник работ, посвященных дискуссии вокруг проблем исторической этнологии⁸⁴⁰. Ему принадлежало предисловие. В сборник были включены старые работы классиков немецкой и англо-саксонской этнологии, а также статьи современных авторов: Ф. Ратцеля об антропогеографической ценности этнографических данных; Ф. Гребнера о значении этнологии для человеческой истории; Г. Баумана о культурах и культурных кругах как опыте теоретической этнологии; Р. Турнвальда о «развитии» и «циклах» и т.д.

Большая часть статей сборника имела лишь косвенное отношение к собственно «исторической эт-

нологии», и проблемы истории затрагивались в них попутно.

Наиболее полно об этом научном направлении писал Шмитц во введении к сборнику. По его мнению, задача исторической этнологии состоит в создании на основе этнографических наблюдений истории народов, не имеющих письменности. Вместе с тем автор предостерегает от поспешных выводов, так как этнографически наблюдаемая современность отделена от археологической древности тысячами лет. Это справедливо, однако мнение Шмитца о том, что все источники позволяют выяснить историю народов «не более, как за 300 — 400 лет», едва ли верно, если речь идет об этнографических данных. Впрочем, далее автор оговаривается, что этот срок следует исчислять со времени постоянных контактов с европейцами. Дальнейшие рассуждения автора сводятся к тому, что из-за неполноты материала нет возможности установить у отсталых народов последовательность событий: «Можно только установить последовательность идей». При этом он ссылается на Ратцеля и Гребнера, «которые высказывали мысль, что имеются «Grundgedanken», или «идеи», которые обладают творческой силой на протяжении длительного времени. Поэтому, считает Шмитц, *Völkerkunde* вынуждена исследовать явления, которые остаются неизменными длительное время, или меняются медленно. Исторический процесс состоит, по его словам, из взаимодействия традиций и новаций. Поэтому историческая *Völkerkunde* стоит перед задачей выявления среди современных культурных явлений в пространстве исторических напластований. Однако, как пишет Шмитц, хорошая идея о культурно-исторических исследованиях получила ложное толкование у Вильгельма Шмидта и Вильгельма Копперса, построивших «гипотетически универсальное строение культурных кругов»⁸⁴¹.

В числе наиболее последовательных и активных сторонников исторического направления можно назвать австрийского этнолога *Карла Вернхарта*, опубликовавшего ряд работ по обоснованию концепции «культурной истории». В 1978 г. вышла в свет его ста-

тя «Размышления о концепции культурной истории»⁸⁴². В ее начале автор следующим образом формулирует существо этого научного направления: «Культурная история имеет задачу... представить смену культур, связанных с конкретными этносами, начиная от самых ранних времен, до настоящего времени. Условием является сотрудничество древней и ранней истории с археологией, этноисторией, этноархеологией». Временная непрерывность, считает автор, должна быть связана с пространством. Необходимо сотрудничество первобытной истории с этнологией и народоведением, имея при этом в виду, что при определении этнической принадлежности изучаемой группы, обычно этнос, язык и материальная культура не совпадают. Вернхарт призывает также коррелировать археологические и письменные материалы, использовать устную традицию там, где недостает письменных источников. Считая, что устная традиция восходит иногда глубже во времени, чем письменная, и может составить мостик между археологическими и письменными данными⁸⁴³. Однако утверждение автора о древности устной традиции представляется довольно сомнительным с позиций практики полевой этнографии. И, вообще, возможность коррелировать устную традицию с археологическими данными встречается крайне редко. Любопытны рассуждения Вернхарта относительно значения для «этноистории» структурного и функционального методов. В связи с этим он приходит к выводу, что подход функционалистов к функции и культуре (имеются в виду Б. Малиновский и А.Р. Рэдклифф-Браун) историчен, тогда как Леви-Стросса антиисторичен. И что следует различать понятия «структурализм» и «социологический структурализм». Первый автор статьи называет «антиисторическим». Второй «пригоден для историков». Как он считает, результаты исследования «культурной истории» могут быть применены в физической антропологии, социальной психологии, лингвистике и, особенно, в области социальных наук. Значение «культурной истории» Вернхарт усматривает также в том, что ее данные «являются предпосылкой для выяснения

роли и степени влияния на высокие культуры маргинальных и первобытных культур»⁸⁴⁴.

В другой статье Карл Вернхарт рассматривает «культурную историю» и «этноисторию» в качестве «структурной истории»⁸⁴⁵. При этом он останавливается на проблемах и концепциях этноистории и культурной истории, на научно-теоретических позициях этноистории и культурной истории, их структуре, а также на проблемах культурной истории и этноистории как структурной истории. Вернхарт пишет, что многообразие современных направлений в этнологических исследованиях соответствует плюрализму методов. При этом исторически ориентированная этнология, как часть этнологического исследования, включает две рабочие программы. Либо изучение человеческой, или, соответственно, культурной истории на протяжении ее больших периодов (универсальная история). Либо эмпирически точно — исторически ориентированное научное направление. Первый путь — эволюционный. Второй идет по точно определенному понятию времени. И далее: «Иначе говоря, мы стоим перед вопросом: история в широком или в более узком смысле... Современные ученые занимают и те, и другие позиции». Автор статьи, как «этнолог и историк», избирает второй путь в виде «культурной истории» и «этноистории», как «двух направлений исследования исторической этнологии». При этом он считает, что следует пользоваться методами профессиональной истории и смежных дисциплин и применять их в этнологии. Однако при собственно исторических и этнологических интерпретациях появляются различия, «так как проработанный историко-этнографический материал интерпретируется средствами и концепциями этнологии. Под этими средствами и концепциями этнологии мы понимаем выработанные этнологическими исследованиями понятия и термины»⁸⁴⁶. Как и многие другие авторы, причисляющие себя к «историческому» направлению, Вернхарт, в конечном счете, после общих рассуждений о методе «исторической этнологии» так и не сообщает конкретно, что он под ним понимает. Отсутствует, впрочем, и достаточно ясная

дефиниция этого направления в этнологии. Впрочем, далее автор предпринимает некоторые попытки по уточнению своих позиций говоря: «Этнологические понятия относятся к культурной сфере, тогда как исторические имеют политическую ориентацию. Мы стремимся показать во времени и пространстве в диахроническом виде проявления в хозяйственных, общественных, религиозных и других сферах... Без исторических компонентов понимание современных культурных событий во внеевропейских странах бессмысленно». Автор статьи резко выступает против позиций Ф. Гребнера и предложенного им изучения критерия формы и количества. А также и против созданных Культурно-исторической школой культурных кругов. «Все это было очень далеко от исторической реальности, и только предлагаемая нами «этноистория», являющаяся частью истории культуры, представляет собой современную социальную науку, занимающуюся структурной историей»⁸⁴⁷. Специальный раздел рассматриваемой статьи посвящен «Концепции этноистории». Начало исследования последней в Вене, как отмечает Вернхарт: «Было в известной мере оппозицией господствовавшей там культурной истории (имеется в виду школа В. Шмидта — Г. М.). И началось в 1930-х гг. деятельностью «Венского рабочего сообщества по изучению культуры Африки». Инициатор — Вальтер Хиршберг. Рабочая программа гласила: «Рабочее сообщество ставит перед собой задачу собирания легенд о переселениях и традициях африканских народов». В 1932 г. профессор Фритц Рок назвал новое направление «этноисторией». Не совсем понятно, почему Вернхарт считает, что это направление находилось в противоречии с «эволюционистски ориентированной культурной историей». В качестве примера приводится проблема с пигмеями: «Различие между культурной историей и этноисторией видно на примере интерпретации пигмеев. Для первой речь шла, прежде всего, о том, что пигмеи представители древнейшего человечества. Этноистория поставила задачу исследовать пигмеев и их культуру на основе исторических документов, которые имеются, хотя и с больши-

ми пробелами, от времени Древнего Египта до Пауля Шебесты... Концепция этноистории неоднократно перерабатывалась. И сегодня она формулируется как часть региональной этнологии, с особым акцентом на письменные источники, изображения и устную традицию. С этих позиций этноистики пытаются выяснить изменения культуры»⁸⁴⁸. И далее, уточняя сказанное, автор говорит: «С точки зрения методов, этноистория предполагает использование исторических методов работы, особенное внимание уделяя времени. Обязательна критика источников. При этом различаются «аутентично-современные» и «производные» источники в виде письменных данных, изображений, картографических данных и устной традиции... При критике источников обращается внимание также на фактор «этноцентризма», то есть односторонность взглядов аборигена и европейца». Отметив, что этноистория не является частью истории, автор высказывает далее мнение о том, что «этноистория ставит задачу создать диахронную картину этноисторической картины. Поднимается проблема синхронии и диахронии, сочетание которых мы называем *этноисторической динамической картиной культуры*, которую мы устанавливаем»⁸⁴⁹. Попутно Вернхарт не упустил возможности сделать выпад в сторону советской этнографии, объявив, что «в основе советских этноисторических исследований лежит эволюционистская схема».

В 1986 г. Карл Вернхарт вновь вернулся к теоретическим проблемам этноистории во введении к изданному им в 1986 г. сборнику «Этноистория и история культуры»⁸⁵⁰. Давая определение этому научному направлению, он пишет: «...Задача книги состоит в рассмотрении этноистории и истории культуры в рамках этнологии, понимаемой сегодня как социальная и гуманитарная наука, и культурная антропология». Отмечая заслуги представителей Венской школы в создании исторического направления, Вернхарт говорит также о недостатках учения о культурных кругах, от которого был вынужден отказаться, принявший после В. Шмидта руководство Культурно-исторической школой, Иозеф Геккель. В дальнейшем «за новый подход в историческом направлении взялся Вальтер Хиршберг,

который в 1930-х гг. возглавил сопротивление против культурной истории. И положил начало *этноистории* в Вене»⁸⁵¹.

Далее Вернхарт отмечает: «Наряду с этноисторическим и культурно-историческим направлениями, в Вене, под руководством Вальтера Досталя, исследуется культурно-историческая проблематика с позиций материализма и марксизма. Основные проблемы при этом составляют культурная экология и связанное с ней развитие социально-экономических структур и формаций в докапиталистических обществах. Прежде всего в Западной Азии... Исследование базируется на недогматически понятом диалектически-материалистическом мышлении»⁸⁵².

Уточняя далее свое представление о значении этноистории, автор пишет следующее: «Дальнейший аспект состоит в том, что посредством *этноистории* и *культурной истории* можно получить более адекватное и глубокое представление об исторических процессах, но с акцентом не на политически ориентированные явления, а в области культурных проявлений. То есть мы пытаемся показать зафиксированные во времени и пространстве культурные процессы, социальные, хозяйственные, религиозные проявления»⁸⁵³. Таким образом, полагает автор, могут быть поставлены вопросы специфического культурного развития, или культурных и социальных изменений, имеющих большое значение для современного понимания внеевропейских этносов. Завершая введение, Вернхарт сообщает, что, начиная с 1970 г. этноистория имеет в Вене свой орган в виде «*Wiener Ethnohistorische Blätter*», вышедший уже почти в 30 тетрадях, наряду с серией монографий.

В связи с продолжавшейся в 1980-х гг. дискуссией об «этноистории», этому предмету посвятил обзорную статью венский этнолог *Альфред Кёлер*⁸⁵⁴. Впрочем, ничего особенно нового он не сообщает. По его словам, в 1950–60-е гг. в немецкой этнологии шли интенсивные дискуссии о крупных направлениях, — культурной антропологии и истории культуры. Особенности этих дискуссий, а также споров в «ранние 1970-е»

состояли, по его словам в том, что этнологию связывали с известными теоретическими направлениями, культурной антропологией и культурной историей, а также с известными именами А. Энзена, Г. Баумана, Э. Геккеля, В. Хиршберга, В. Мюльмана. «Затем началось проникновение английских, американских и французских учений (социальной антропологии и структурализма). При этом происходил переход дискуссии из сферы этнологии в социальные, языковые, и философские науки». Все это, по заключению Кёлера, вело к тому, что «у всех немецких ученых стал наблюдаться дефицит теории». Что, по его мнению: «Объясняется особенностями этнографических исследований, не требовавших особых теорий. В связи с исчезновением первобытных народов требовалось, прежде всего, собирать сохранившийся материал, а для теории не было времени». Далее, после войны, как пишет автор статьи: «В Германии и Австрии начались споры относительно историзма. Этой проблемой занимался Клаус Е. Мюллер⁸⁵⁵. При этом развитие этнологического историзма он ставил в зависимость от преодоления эволюционизма». Далее, автор отмечает проникновение в немецкую этнологию идей структурализма. Однако, говоря о Вернхарте, автор высказывает мнение, что тот «дистанцировался от структурализма Леви-Стросса и Фернанда Броделя⁸⁵⁶.

В связи с этой работой можно заметить, что история развития теоретических взглядов в немецкой этнологии происходила не совсем так, как это описывает Кёллер. Однако едва ли есть необходимость вступать по этому поводу в полемику.

Рассматривая «историческое направление» в основном приходилось говорить об австрийских ученых. Для них оно было наиболее актуальным вследствие дискуссий со сторонниками школы В. Шмидта и возникновения *этноисторического направления*. Однако исторической ориентации придерживались и многие германские этнологи. В связи с чем нельзя не упомянуть видного немецкого этнолога, африканиста, директора Фробениус-института во Франкфурте-на-Майне,

Эйке Хаберланда (1924 – 1992), опубликовавшего в 1988 г. статью «Историческая этнология»⁸⁵⁷.

В этой работе он рассматривал проблемы изучения истории в связи с этнологией, проблемы изучения истории у бесписьменных народов, позиции Культурно-исторической школы и некоторые частные вопросы, «новые методы» этнологического изучения истории, и т. д. Рассматривая различия в подходах изучения внеевропейских народов, автор противопоставляет позиции ученых Англии, Америки, отчасти и Франции, не считающих их областью изучения этнологии, позициям немецких этнологов, рассматривающих их объектом этнологического изучения. Причем последний подход он считает более правильным, так как «...историческое изучение внеевропейских народов с привлечением всеобщих культурных явлений и социологической постановкой вопроса, позволяет лучше понять другие культуры и их развитие». Соглашаясь с такой постановкой вопроса, хочется также подчеркнуть, что Хаберланд прямо говорит о проблеме *развития* культуры. Констатируя, что предметом этнологии в Германии являются *бесписьменные* народы, он называет это европоцентризмом и анахронизмом. И противопоставляет такого рода подходу позиции американской культурной антропологии, распространяющиеся на области, которые раньше были предметом других дисциплин. Хаберланд настаивает, вступая в дискуссию с рядом прежних авторов, что у всех, в том числе и культурно отсталых групп населения, существовала своя *история*: «Можно утверждать, что везде, где живут люди и существуют человеческие культуры, происходит историческое и культурное развитие»⁸⁵⁸. Положительно отзывается автор статьи о Культурно-исторической школе, «поставившей вопрос о развитии исторического метода». А также, отмечает, что «... исследования Гребнера, Анкермана, Фробениуса и В. Шмидта... позволили проникнуть в глубины времени и проследить историческую последовательность, внести порядок в путаницу в этнографических данных, существующую в литературе и музейных шкафах». Едва ли, однако, сказанное мож-

но распространить на Вильгельма Шмидта, внесшего изрядную путаницу в ряд этнологических проблем, особенно связанных с первобытными верованиями. Едва ли можно также согласиться с Хаберландом, когда он утверждает, что по сравнению с эволюционными построениями «представители Культурно-исторической школы сделали шаг дальше. Не отрицая всеобщую эволюцию человеческой культуры, они исследовали творение человека во времени, попытались реконструировать распространение человеческого достояния по всей Земле, и найти место каждому культурному элементу в его культурном комплексе. Эти культуры выстраивались в хронологическом порядке. Таким образом возникли культурные круги, перешагивающие не только границы континентов, но и всего земного шара». Однако дальше автор пишет, с чем вполне можно согласиться: «Но при этом одно заблуждение приходило на смену другому. И от основного принципа историзма, — необходимости хронологических рамок, — все осталось так же далеко, как у теоретиков эволюционизма»⁸⁵⁹.

Об *исторической этнологии* в Германии писал также один из молодых этнологов Фробениус-института, *Ульрих Браукемпфер*⁸⁶⁰. В довольно большой по объему статье он остановился на целом ряде проблем германской этнологии: основы немецкой этнологии, ее историческая ориентация, области исследования исторической этнологии, дискуссии по методике и теории, и на ряде других актуальных вопросов.

Положение в этнологии в Германии автор рассматривает примерно с 1970 г., лишь по мере необходимости затрагивая более раннее время. Важными вехами на пути развития исторической этнологии автор называет конгресс в Вене в 1965 г. и монографию С.А. Шмитца. Начало возникновения историзма в этнологии Германии Браукемпфер называет отрицанием эволюционизма, и неокантианских взглядов, введенным в историческую науку Генрихом Риккертом (1863 — 1936)⁸⁶¹. Дальнейший импульс распространения историзма в этнологии был, по Браукампферу, дан в книге Эрнста Бернхейма «Учебник исторического ме-

тода и философии истории» (1908) и в известном труде Ф. Гребнера «Метод этнологии» (1911). Что же касается труда Вильгельма Шмидта «Метод Культурно-исторической школы» (1937), то, как справедливо полагает автор: «Стало ясно, что у учения о культурных кругах нет перспектив». Вместе с тем ученый пишет, что благодаря учению о культурных кругах в первой половине XX столетия господствовала историческая ориентация. Попутно автор рассматриваемой статьи отмечает исторический приоритет во введении понятия «культурный круг» Лео Фробениуса⁸⁶². Далее Браукемпфер высказывает мнение, что если ранее «социально-научно ориентированная этнология» имела значительно меньшее распространение, чем культурно-исторические исследования, то со временем она начинает играть все бóльшую роль в современной исторической этнологии, «что связано с именами Рихарда Турнвальда и Вильгельма Мюльмана». Однако недостаток этнологии, по словам автора статьи, состоит в том, что она «не определена как историческая дисциплина»⁸⁶³. Заслуживает внимания замечание Браукемпфера о том, что в связи с тем, что «учение о культурных кругах потерпело крах, это вызвало среди немецких ученых шок. И современная немецкая этнология не создала новой методики, в связи с чем многие обратились к англо-саксонским учениям». Вместе с тем отмечается сохранение определенного интереса к исследованиям с позиций исторического направления⁸⁶⁴. В заключительной части статьи автор пишет: «Особая трудность в немецкой исторической этнологии состоит в том, что хотя за последние 8 лет дважды ставился вопрос — существует ли историческая этнология — давался положительный ответ. Однако теоретически это так никто и не обосновал». Что касается разработки теории, то «исследователи, пережившие крушение учения о культурных кругах, относятся к теоретическим проблемам скептически. Получила распространение вражда к теории. «Новотный решительно обратился в 1980 г. против пустых игр с теорией и создания новых, так как они все равно пригодны только на выброс и лишь затягивают кризис в этнологии». Статью Брау-

кемпфер заканчивает словами: «В ФРГ велико число этнологов, которые устно или письменно заявляют о кризисе в этнологии. Но я присоединяюсь к оптимистам. Историческая этнология имеет хорошие перспективы, особенно если будет сотрудничать со смежными дисциплинами (археология, лингвистика), будет отражать исторически-социально-научный подход»⁸⁶⁵.

Завершить раздел об исторической этнографии в странах немецкого языка можно одной из посвященных этой проблеме статей, принадлежащих Гюнтеру Шлее «Историческая этнология», опубликованной в новейшем справочнике по этнологии, изданном Томасом и Маргарет Швейцер и Вальтрауд Кокот⁸⁶⁶.

Чтобы правильно понять позицию автора, следует привести отрывок из его статьи. Он пишет: «Даже классические работы британской социальной антропологии, школы, в наибольшей мере ориентированной на синхронный, системный и отрицающей исторический подход, сегодня уже выглядят как исторические... Роль истории — картина прошлого в исследуемых обществах. Как бы этнолог ни стремился фокусироваться на синхронных событиях, он все равно будет наталкиваться на диахронную картину... Эти картины прошлого чужих культур пересекаются с объектом нашей историографии, социологии, занимающимися также прошлым. Причем под углом зрения связей с современными отношениями между группами. Этнология всегда исторична, пользуется теми же объектами и перспективами, что и история»⁸⁶⁷. Далее автор высказывает мнение, что «культурная история», в том числе созданная В. Шмидтом и В. Копперсом, восходит к методике Ф. Гребнера и предложенным им критериям «формы» и «качества». И то, что Венская школа Шмидта допустила многие ошибки, не означает, по мнению Шлее, что метод Гребнера ошибочен⁸⁶⁸.

Приведенные рассуждения автора, тем более помещенные в справочное издание, весьма типичны для всех работ, в которых обсуждается *историческое* направление. А именно, отличаются отсутствием четких формулировок и объяснения, что понимается под этим

направлением в этнологии, каковы его методы и методология. В результате, перед читателем встает расплывчатая и неопределенная картина того, что хотели бы видеть авторы публикаций. На деле авторы так и не смогли изложить свои мысли в виде стройной и ясной теории. И, тем не менее, из всех существующих в настоящее время в немецкоязычной этнологии теоретических направлений наиболее привлекательным представляется, при всех его недостатках, исторический подход. Во всяком случае, он направлен на изучение рассматриваемых явлений с позиций исторического развития от возможно отдаленного до настоящего времени. И не чужд поискам закономерностей там, где они могут быть. Судя по литературе, «историческое» направление начинает постепенно испытывать все большее влияние со стороны новомодных подходов, о которых речь пойдет ниже. Ничего положительного для этнологии такой симбиоз, как представляется, пока еще не дал.

■ Наступление на традицию

Как уже отмечалось, одной из характерных черт немецкой этнологии, начиная с послевоенного времени, было первоначально, хотя и медленное, но неуклонное распространение идей Турнвальда и Мюльмана, а также американской культурной антропологии и, в какой то-мере, британской социальной антропологии. Но уже в начале второй половины XX столетия развернулся все более интенсивный процесс «социологизации» и «американизации» этнологии, что нашло отражение в ряде публикаций.

В свое время среди учеников и последователей Рихарда Турнвальда немалый интерес вызвало предложенное им новое направление в этнологии — *этносоциология*. Однако, со временем, интерес к нему в странах немецкого языка несколько уменьшился⁸⁶⁹. Во второй половине XX в. лишь отдельные авторы затрагивали проблемы этносоциологии, главным образом в связи с обсуждением соотношения социологии с этнологией⁸⁷⁰.

В качестве примера можно привести книгу Д. Гёеце и Ц. Мюльфельда «Этносоциология»⁸⁷¹. В своем труде авторы рассматривают значительное число проблем. Среди них определение места и значения этносоциологии, исследовательские методы, этносоциология хозяйства и политики, проблема этнических меньшинств, этносоциология и религия.

Основываясь на взглядах Турнвальда, авторы пишут, что *этносоциология* исследует этнические структуры и процессы в обществах и между обществами. При этом в статье исследуются «две различные формы общественного проявления. Во-первых, общества, социально-организационно характеризующиеся догосударственной, ориентированной на родство докапиталистической экономикой. Во-вторых, социокультурные этнические группы («этноты», «этнии»), включенные в государственные образования, выходящие за границы социальных, культурных, политических и экономических условий этих групп»⁸⁷². Далее, автором высказывается мнение, что проблема границ между науками чужда этносоциологии как междисциплинарной науке. И что существуют различия между этнологией и этносоциологией. Так что «при социологическом рассмотрении межэтнических отношений не работает обычная терминология культуры. И при решении таких проблем нужна этносоциология, а не этнология». Примерно в том же духе рассматриваются и прочие заявленные авторами проблемы. В результате, как это вообще характерно для попыток сформулировать роль и задачи этносоциологии, существо вопроса остается весьма туманным.

Одним из наиболее известных представителей новых веяний в немецкой этнологии был известный немецкий этнолог, профессор Свободного университета Западного Берлина, уже упоминавшийся *Вольфганг Рудольф*.

Широкий круг научных интересов Рудольфа включает проблемы новейших теоретических тенденций в мировой этнологии. Его ранние работы были посвящены исследованию культуры и социальных отношений

у народов Западной Азии, в частности, курдов. Но уже вскоре в своих публикациях Рудольф обратился к теоретическим проблемам, связанным с американской культурной антропологии.

Многие работы Вольфганга Рудольфа были главным образом связаны с идеями культурной антропологии, и развертывавшейся в Германии дискуссии о «критической этнологии». В связи с этим Рудольф обратился к проблеме культурного релятивизма, которой он посвятил статью, вышедшую в свет в 1969 г.⁸⁷³. Однако кроме довольно краткого обзора историографии проблемы в Америке и некоторых посвященных этому вопросу публикаций, автор высказал лишь мнение о необходимости дальнейшего развития теории культурного релятивизма⁸⁷⁴. Отзывы на статью Рудольфа были от умеренных, до отрицательных, что было тогда еще характерно для отношения к «антропологической науке»⁸⁷⁵.

Следуя во многом идеям Р. Турнвальда, Рудольф обращался к проблемам культурного контакта и акультурации⁸⁷⁶. По его словам, эти понятия «относятся к этнологии — науке о явлениях и событиях, связанных с людьми и касающихся их группировки в этнические, то есть исторически сложившиеся общности. Эти явления и процессы составляют в своей совокупности человеческую культуру»⁸⁷⁷. Вследствие этого, считает автор, понятие *культура* является для этнологии «научно-универсальным». При этом «каждая этническая общность обладает культурой и, таким образом, культурой вообще». Культуры Рудольф справедливо считает исторически сложившимися и подверженными изменениям, которые у разных культур и в разное время могут быть очень различными». Причины изменения культуры, по мнению автора статьи, могут быть как внешними, так и внутренними и зависеть от воздействия как естественных, так и человеческих факторов. «Возникновение и ситуация человеческого воздействия на культуру называется *культурный контакт* и может быть и прямым следствием столкновения разных групп населения и культур, и непрямым. Что касается *аккультурации*, то она связана

только с культурными изменениями, происходящими вследствие культурного контакта». И далее Рудольф приходит к заключению, что особенность акультурации состоит в том, что связанные с ней процессы имеют большую динамичность, во многих случаях комплексны и весьма сложны по характеру. При этом, по его мнению, такие понятия, как «заимствование культуры», «перенос культуры», «диффузия», менее удачны, так как в них не подчеркивается «динамичность процессуального аспекта»⁸⁷⁸. Рудольф отмечает, что первым понятие «акультурации» использовал Р. Турнвальд, однако только в смысле воздействия *прямого* культурного контакта. Одновременно он считал, что при *обучении* (инновации) существует своего рода «селекция», — особенности индивидов, адаптирующих чужую культуру. А также изменение функций заимствованных элементов материальной культуры и др. Продолжая развивать свою концепцию, Рудольф высказывает мнение, что «при всеобщности процессов акультурации, существуют и частные процессы, связанные с определенными случаями и явлениями, и, прежде всего, с развивающимися странами. При этом выступают частные проблемы: урбанизация, школьное образование, правопорядок, расслоение в обществе и т. п.»⁸⁷⁹. Далее автор подробно рассматривает проблемы культурного контакта и акультурации в развивающихся странах в связи с деколонизацией, образованием государств, политической ориентацией, противостоянием запад — восток и другими явлениями и событиями⁸⁸⁰.

Проблему акультурации Рудольф затрагивает также в небольшой статье, опубликованной в «Историческом справочнике». И приводит данные о том, что первым употребил термин «акультурации» Дж. В. Поуэлл в 1880 г., понимая под этим межкультурные, «имитирующие» культурные контакты. Но только в 1932 г. это понятие было введено в этнологию Р. Турнвальдом. В заключение статьи Рудольф следующим образом формулирует понятие акультурации: «Под ней понимаются процессы и феномены при прямом или косвенном (через письменность и т. п.) культурном контакте вызывающие изменение культуры»⁸⁸¹.

Как и многие другие немецкоязычные этнологи второй половины XX в., Рудольф многократно задавался вопросом о том, что есть этнология, и каково ее соотношение с другими науками. В 1973 г. им была опубликована статья «Этнология, история, социология»⁸⁸², включенная позднее в несколько переработанном виде в другое исследование, о котором будет сказано ниже.

Во введении к рассматриваемой публикации автор отмечает, что задача статьи выяснить соотношение трех обозначенных в заглавии наук. Основой для дискуссии Рудольф рассматривает тезисы В. Мюльмана и Е.Е. Эванс-Притчарда касательно отношения «этнологии, соответственно и социальной антропологии к истории». По словам Рудольфа: «Мюльман рассматривал эту проблему в связи с традициями немецкой этнологии по поводу так называемых социально-исторических и культурных наук. Эванс-Притчард передвигается в англо-саксонской дихотомии между естественными и гуманитарными науками, причем «натуральные науки» основывает на антиисторическом функционализме, главным образом в таком виде, как он разработан Рэдклифф-Брауном»⁸⁸³. Подробно рассматривая научные позиции перечисленных авторов, Рудольф довольно критически оценивает взгляд Мюльмана на предмет этнологии, как «исследование межэтнических отношений и связей, и выявление связанных с ними закономерностей, вследствие чего этнология является ветвью исторической и культурной социологии»⁸⁸⁴. Несколько ближе взгляды Рудольфа к позициям Рэдклифф-Брауна. Но, во всяком случае, он возражает против включения этнологии в социологию, что предлагал Мюльман. Выступая против «социологизации» этнологии и считая недостаточно ясным существо самой социологии, Рудольф, повторяя Мюльмана, предложил прекрасное выражение «for effect» для определения существа социологии. «Социология — это то, чем занимаются ученые, называющие себя социологами».

Для выяснения проблемы, связанной с предметом этнологии, автор рассматриваемой работы считал

необходимым определить с вопросом об «этносе», который он обозначил как «человеческая группа, характеризующаяся через ее образ жизни и культуру». И, далее, он писал, что этнологи занимаются человеческими группами, характеризующимися общей культурой, и человеком, характеризующимся через культуру. «Предмет исследования этнологии, — человек и культура в своих взаимосвязях. С «этнологией» совпадает североамериканское понятие «культурная антропология»⁸⁸⁵. Говоря о соотношении этнологии со смежными науками Рудольф полагает, что «технология не принадлежит непосредственно к истории и социологии (как у Эванс-Притчарда). Тем более, что предмет последних не совпадает. Этнология не является разделом истории, так как предмет ее исследования не определяется только через установление времени. Наряду с историческими измерениями, в этнологии существуют независимые константы: биотические, психические, социальные, природная окружающая среда, создающая определенные ограничения для технического развития. Эти факторы этнология не только включает, но часто должна особенно специфически принимать во внимание, особенно в теоретических работах. Таково же соотношение этнологии и социологии»⁸⁸⁶. Рудольф отмечает различия в предметах исследования в этнологии и социологии.

Любопытна позиция В. Рудольфа относительно «так называемых социальных наук» и их соотношения с этнологией⁸⁸⁷. Следует заметить, что содержание того, что Рудольф называет «социальными науками», примерно то же самое, что обозначало одно из привилегированных направлений в советской исторической науке. Как отмечает Рудольф: «В последнее время усилились тенденции включать этнологию в число социальных наук. При этом крайняя точка зрения принадлежит В. Мюльману, который назвал этнологию социологической теорией. Многие разделяли эту точку зрения». Однако другие ученые, и, как можно понять и Рудольф, занимали иные позиции. А именно, что «этнология — всеобщая сравнительная наука о культурах, которая рассматривает не только общественную

жизнь, но и техническое оснащение, способ хозяйствования, воспитание, духовную жизнь, политические организации и социальные институты. Хотя этнология и создает основу для социально-научных исследований, но она не идентична с ними. Кроме политологии, социологии и т. п. у нее существуют связи с историей, антропологией, географией, первобытной историей». Думается, что, в общем и целом, за отдельными исключениями, автор прав, как справедливы и его заключительные слова в статье, в которых он резко отклоняет причисление этнологии к «социальным наукам»⁸⁸⁸.

Многие животрепещущие проблемы теоретической этнологии затронул В. Рудольф в работе «Этнология. Место одной науки»⁸⁸⁹. В этой книге соединены пять прежних работ автора с новыми вводной и заключительной главами. Как можно полагать, автор не преследовал цель лишь сделать для читателей доступными свои прежние работы, а предпринял попытку путем последовательного расположения разделов, показать ход своей мысли. При этом главной задачей автора было изложить ясную концепцию основ науки этнологии. При этом автор исходит из мысли, что американская культурная антропология, британская социальная антропология и советская этнография могут рассматриваться по отношению к другим дисциплинам как сходные ветви одной самостоятельной науки этнологии. Во введении к книге Рудольф критикует «попытки поместить этнологию в сомнительные категории гуманитарных наук, естественных наук, социальных наук. Или даже включить ее в другие науки, т. е. в социологию или историю». Попытки эти, по словам автора книги, основаны на том, что «слишком часто обращается внимание на второстепенные аспекты, в роде целей исследования и методов. Не учитывая при этом, что и цели, и методы зависят от предмета исследования». И далее отмечается, что «если избавиться от этого неверного подхода, то становится ясным предмет исследования — культура, что находится в рамках всеобщей антропологии». И этот подход, как считает исследователь: «Позволяет избавиться от путаницы по отношению идентификации этнологии, которая в пос-

леднее время наблюдается во многих работах немецких авторов».

Работа Рудольфа, и высказанные им взгляды, встретила довольно положительное отношение со стороны этнолога Юргена Энзена, отметившего в своей рецензии, что книга Рудольфа во многом дает повод для размышлений и дальнейших исследований⁸⁹⁰. Иначе звучала довольно критическая рецензия Лоренца Лоффлера. Уже в ее первых строках рецензент заявил: «Определение Рудольфом этнологии неисторично, не социологично, а этнологию он определяет как культурологию». Возмутила Лоффлера критика Рудольфом В. Мюльмана, «хотя толком он его не понял»⁸⁹¹. Столь же резко рецензент отозвался и о других научных позициях Рудольфа. Едва ли столь суровое суждение о его взглядах справедливо. Хотя многое действительно весьма спорно: начиная с определения этнологии как науки о культуре, восходящего к идеям эволюционизма, и заканчивая биологизацией этнологии.

Впрочем, в другой большой работе, о которой сейчас пойдет речь, биологическим факторам уделено еще большее место.

Не лишен интереса, хотя во многом и спорный, капитальный труд В. Рудольфа «Систематическая антропология», изданный им совместно с Петером Тшолем. Книга очень сложна по структуре и включает, в принципе, две основные проблемы: биологию человека, и культурную антропологию человеческого общества. Первой посвящены разделы, написанные П. Тшолем, они не будут здесь рассматриваться как сугубо специальные. Второй круг проблем обсуждается В. Рудольфом. Во вводной части автор обсуждает широкий круг проблем: границы исследования в антропологии, ситуация в антропологии, цель и направление антропологических исследований, ряд других вопросов. В третьей части труда, посвященной собственно проблемам этнологии и культурологии, Рудольф исследует факторы человеческого существования и приспособления к окружающей среде, а также факторы «социального» и «культурного» приспособления, условия развития культур. Предлагаемое им научное направ-

ление Рудольф не называет культурной антропологией, а *антропологией*. Это, впрочем, мало что меняет.

Сопоставляя вид *Sapiens* и предшествовавших гоминоид, автор рассматривает различия в способах добывания ими пищи. Особенности разделения труда у человека, которое он называет постоянным вследствие «особенности морфологии людей, длительности роста потомства и общности потребления»⁸⁹². Признаками человека называются также агрессивность, семейность, наличие речи и коллективизм. Однако Рудольф не предлагает какого-либо объяснения того, каковы причины возникновения речи. И, что самое главное, во взглядах исследователя отсутствует указание на первостепенное значение социальной природы приспособления человека. Встречаются небрежности в терминологии, как, например, «речь у птиц»⁸⁹³. Не лишено смысла утверждение Рудольфа, что «культура — средство человеческого приспособления в социальном пространстве. Так же как и то, что условия окружающей среды делают, с одной стороны, культуры сходными в глобальном масштабе, а с другой, специфическими, что зависит от физических и социальных причин»⁸⁹⁴. Впрочем, может быть, все же скорее следовало сказать, что именно социальное приспособление порождает культуру. В качестве выводов к своим рассуждениям, Рудольф предлагает следующее умозаключение: «Непосредственным выражением принципа жизни является приспособление организмов. Приспособление происходит во взаимодействии с окружающей средой. Основным экопринцип — культура. Приспособление стало культурным приспособлением хомо инноватора. Подкласс экогенеза — история. Ее подкласс — культурное развитие. Приспособление не является в дальнейшем автоматическим и не может быть предсказуемым»⁸⁹⁵. В целом же центральное место в исследовании Рудольфа занимает проблема *существования*. Оно дефинируется как «множество свойств и связей общностей». Последние, по словам Рудольфа, сводятся в «классы экзистенции». Это является осно-

вой теории «человеческого существования», или «человечески-культурного приспособления». Из сказанного автор делает справедливый вывод о том, что «только люди приспосабливаются через культуру».

Нельзя не признать, что в книге в целом ставится большая проблема, заключающаяся в попытке рассмотреть систематические основы антропологии. Что, по мнению авторов книги, необходимо для воссоединения далеко разошедшихся ветвей науки. К сожалению, чтение книги несколько затрудняется сложным стилем изложения и излишним количеством новых 59 понятий и терминов. Между прочим, в одной из своих ранних работ Рудольф сам выступал против ненужного «терминотворчества», говоря о книге С.А. Шмитца «Основные формы родства», изданной в 1954 г. Однако словотворчество встречается и в других работах Рудольфа. Так одну свою статью он озаглавил «Zur Terminologie der postnuptialen Residenz», что должно всего-навсего обозначать «Терминология послебрачного поселения»⁸⁹⁶.

Очень различными были оценки книги Рудольфа и Тшоля. Отрицательно отозвался о ней известный этнолог Вольфдитрих Шмидт-Коварчик, который заключил свою рецензию словами: «Я захопываю книгу и говорю, что так не должно быть»⁸⁹⁷. И вполне положительно оценила труд Рудольфа и Тшоля в своей рецензии группа молодых этнологов⁸⁹⁸.

О широте научных интересов В. Рудольфа свидетельствует его статья, посвященная проблемам культуры, психики и мировоззрения, опубликованная в учебнике этнологии, изданном Германом Тримборном⁸⁹⁹. Как и в других исследованиях, автор исходит, прежде всего, из понятия *культура*, к которому он и сводит практически содержание этнологии. Исходя из этого, он рассматривает выражение психики и мировоззрения через культуру, и выражение и границы различных культурных вариантов для человеческого мышления и поведения. Свои размышления автор начинает с дефиниции существа «человеческого»: «Человек по своему существу обязательно общественно живущее создание. Человек сам формирует свое об-

щественное бытие. Выражением этого является культура. Культура, — это общность, прямо или косвенно, осознанно или неосознанно, общественно связанных феноменов человеческого существования». Говоря о множественности культур, исследователь отмечает, что каждая этническая общность имеет свой язык, общий общественный порядок и общее историческое прошлое. А культура — это «совокупность общественно определенных и принятых феноменов человеческого существования, характерных для определенной этнической общности»⁹⁰⁰. Автор не возражает против выделения по критериям понятий в виде «материальная» и «духовная» культуры. Но считает неверным, когда выделяются «категориальные субстанции в виде «материальной и «духовной» культур, частично «социальной культуры». По словам Рудольфа, это неверно потому, что «все перечисленные виды «культуры», включая «материальную», связываются членами этнической общности с определенными взглядами, понятиями, представлениями... Культура — термин обобщенной абстракции»⁹⁰¹. Говоря далее о существовании культуры, автор отмечает, что она должна рассматриваться как компонент психики человеческих индивидуумов и мировоззрения. А индивидуальная психика должна обладать определенными культурными компонентами, которые являются одновременно составными частями господствующего в этнической общности мировоззрения⁹⁰². Дальнейшие рассуждения автора посвящаются развитию психики от детского до взрослого состояния, существу и причинам этноцентризма. Рудольф верно отмечает, что, родившись, ребенок не обладает культурой, и только в обществе он получает культурные навыки (Enkulturation). Многие утверждения Рудольфа довольно спорны, особенно, когда речь заходит о психике и культуре.

Интересна статья В. Рудольфа о «культурном эволюционизме». Ссылаясь на Рюдигера Шотта, он пишет: «Культурный эволюционизм отличается от общепринятого понимания развития культуры тем, что идея развития оказывается односторонней и возводится до уровня принципа единственного объяснения культур-

ных изменений»⁹⁰³. В своем историографическом обзоре автор особое внимание уделил взглядам разных исследователей на причины и факторы культурных изменений, критике понимания *прогресса* и представления об *однолинейности* развития. Говоря о позициях разных ученых, он, прежде всего, останавливается на взглядах А. Фергюссона, Е.Б. Тейлора, Л.Г. Моргана, схему периодизации первобытной истории которого он назвал материалистичной и отметил, что она была воспринята советской наукой.

Интересна для российского читателя, впрочем, как и иностранного, статья В. Рудольфа о юкагирах, в которой он выступил с достаточно резкой критикой взглядов своего учителя, В. Мюльмана⁹⁰⁴. Пользуясь своим хорошим знанием русского языка, Рудольф имел возможность ознакомиться с работами русскоязычных ученых, в том числе сибиреведов. И выступил против политически ориентированной гипотезы Мюльмана, названной им, как и во многих других случаях, мало понятным термином «межэтнический скат, или склон» (*Interethnisches Gefälle*, не дословно — «давление» — Г.М.). В нормальной речи это обозначало, что более крупные этнические общности «давят» на меньшие, вытесняя, таким образом, культуру и язык последних. В качестве основного примера Мюльман использовал влияние русских на якутов, а тех, в свою очередь, на малые народы Севера. При этом было выдвинуто обвинение в целенаправленной русификации этих народов. Обсуждая эту проблему, Рудольф, отнюдь не сторонник советских порядков, убедительно показал, что Мюльман не располагал достаточным фактическим материалом, и поэтому его выводы ошибочны.

По словам Рудольфа, понятие «межэтнический склон» является частью представлений В. Мюльмана относительно комплекса теоретических основ этнологии, главной задачей которой является, по его мнению, исследование «этнией». Существо *этнией* Мюльман понимал как «наибольшие из устанавливаемых общностей, осознаваемых самими людьми и ими признаваемых». Рудольф приводит слова Мюльмана о том, что «ярусы межэтнического склона (или градиента) явля-

ются одновременно ярусами ассимиляционного давления. Средние и высшие этнии строят свою демографическую субстанцию из людей, которых они выцеживают (sieben) из нижних этний» И далее: «Последнее обстоятельство имеет причиной духовное превосходство высшей культуры, что ведет к крушению традиционного мировоззрения и отчуждения от собственной группы»⁹⁰⁵.

Уточняя сначала этническую картину Северо-Восточной Азии и привлекая значительный материал из работ советских авторов, Рудольф показывает ошибочность взглядов Мюльмана о том, что причиной вымирания юкагиров было «межэтническое давление» и русификация. Объясняется, по словам Рудольфа, «почти полное исчезновение юкагиров не тем, о чем говорит Мюльман, а их первоначальной малочисленностью. Рассеянием на обширных территориях, вследствие экспансии перешедших к оленеводству чукчей и коряков... С русской экспансией это не имеет ничего общего». И, в заключение статьи: «Мюльман не прав, обвиняя русских в ассимиляции. В советское время происходила, наоборот, консолидация этнических групп»⁹⁰⁶.

Если предпринять попытку оценки роли и значения В. Рудольфа в немецкой этнологии, то следует назвать его выдающуюся педагогическую, а также научную деятельность. Хотя, по моему мнению, пропаганда *антропологии*, в какой-то мере в американском духе, не принесла большой пользы немецкой этнологии, а скорее вред. В целом же его деятельность оставила заметный положительный след, в том числе и в воспитанном им молодом поколении этнологов.

Интерес к американской антропологии проявляли и другие ученые, чьи статьи вошли в сборник, «Новая антропология. Культурная антропология», изданный Хансом-Георгом Гагамером и Паулем Фоглером⁹⁰⁷. В числе авторов там значились многие, в том числе и известные этнологи. Не перечисляя всех, можно назвать К. Нарра («Сообщение о древнейшем знании человеческой природы»); К. Еттмара («Антропологическое содержание этнологии»); Ф. Ю. Бундейника («Человеческая игра»); А. Нитшке («Образ и восприя-

тие»); А. Хеусса («К проблеме исторической антропологии») и ряд других. Надо сказать, что отзывы на сборник были далеко не хвалебные. Как относительно его проблематики, так и качества статей. Так, в частности, один из рецензентов писал, что польза книги состоит только в том, что специалист узнает, что в его области науки делается что-то совсем иное. Но при этом ни один из авторов не исчерпывает затронутые проблемы⁹⁰⁸.

Дань новому направлению отдал также *Юстин Штагль*, опубликовавший книгу под названием «Культурная антропология и общество». Работа содержит три главы: 1) «Определение культурной антропологии»; 2) «Социология науки»; 3) «Научная организация этнологии». В основном автор пересказывает признаки американской культурной антропологии и лишь бегло останавливается на задачах немецкой этнологии⁹⁰⁹.

Рассмотрению соотношения и идентификации культурной антропологии и социологии посвятил статью *Роланд Гиртлер*⁹¹⁰. Как утверждает автор: «Социологию нельзя отделить от культурной антропологии, этнологии, социальной антропологии. Но ошибочными будут попытки сузить культурную антропологию до примитивной (первобытной) социологии, так как наиболее существенные социологические теории создали культурные антропологи». Далее Гиртлер выступает против «генерализирующей социологии» и, одновременно, рассматривая исследования культурных антропологов, высказывает мнение о том, что социология и культурная антропология имеют общий предмет⁹¹¹.

Не считая нужным останавливаться на довольно хвалебных оценках Гиртлера по поводу социологии и культурной антропологии, считаю необходимым отметить, что не могу согласиться с ним, когда он предлагает идентифицировать культурную антропологию и этнологию. Особенно, в ее традиционном для немецких стран виде.

Также в духе американской культурной антропологии выдержано содержание статьи *Рольфа Эйкельпаша* «Плюрализм ценностей как философская и этнологическая проблема»⁹¹². «Выдающимся достижением этнологических исследований» он называет

предложенные Рут Бенедикт «модели культуры», как «признание невероятной вариабельности культурных институтов, культурных ценностей и фундаментальных явлений». Столь же высокую оценку дает Эйкельпаш работе Маргарет Мид «Секс и темперамент», в которой, по его мнению, показано иное, чем обычно считается, распределение ролей между полами. Автор статьи утверждает: «Как и в философии, в этнологии существуют попытки преодоления крайнего плюрализма ценностей и поиски объективных критериев. Стоит вопрос о том, существуют ли ценности определяемые не культурой, а природой человека?»⁹¹³. Далее автор рассматривает проблему *ценностей* в трактовке различных американских культурных антропологов. Как полагает сам Эйкельпаш, культурные ценности характеризуются не только различным содержанием ценностей, но и их соотношением относительно друг друга. Из этого, по его словам, следует, что «по наличию одной определенной ценности в обществе можно с известной уверенностью судить о других типичных ценностных ориентациях». И далее: «В отличие от философии, этнология понимает под *системой ценностей* реально существующий порядок взаимосвязанных, господствующих в культуре представлений о том, что хорошо и что плохо. Что можно и что нельзя». В данном случае Эйкельпаш выступает против взглядов Рут Бенедикт, «которая на основании эстетических критериев подразделяет культуры на *аполонистические* и *дионистические*. В действительности образ системы ценностей значительно гетерогенней... всегда существовал *мировой плюрализм*»⁹¹⁴. Свои размышления по поводу *ценностей* автор завершает следующим выводом: «Одно можно утверждать: из самой человеческой природы нельзя вывести никаких абсолютных и всеобщих ценностей, что пытались делать столетия философы. Человек — порождение культуры»⁹¹⁵.

Некоторые немецкоязычные этнологи обратились еще к одному новому направлению, пришедшему из Англии и США. А именно, к «эко-культурной антропологии».

Эмигрировавший в Америку германский этнолог *Карл Е. Шлезьер* опубликовал статью «Картина мира новой культурной антропологии. Познание и практи-

ка: роль акции антропологии. Четыре примера»⁹¹⁶. Практически речь в ней идет об экологической антропологии, причем с некоторым «розовым» оттенком в духе евромарксизма. Основная идея автора сводится к мысли о том, что цивилизация, капитализм и марксизм привели мир к глобальной экологической катастрофе. Чтобы найти выход из этой ситуации, автор предлагает преодолеть антропоцентрические доктрины. «Должен возникнуть новый социализм, который будет ориентирован не на европейское мышление... а на маленькие культуры». Шлезьер пишет: «Новая антропология знает, что наука о человеке с самого начала была порождена колониализмом и империализмом и основывалась на этно- и евроцентристских идеях. Представители этой науки были шпионами в пользу колониального и национального угнетения. Новая антропология работает в интересах правды. Новая антропология самая важная из наук, так как занимается человеком всех времен. Она преодолела национальные и классовые интересы... Новая антропология борется против атомной энергии. (Она) защитник малых первобытных групп...»⁹¹⁷. Едва ли есть смысл приводить далее рассуждения Шлезьера. Тем более, что, основываясь на примере четырех народов, ничего конкретного и существенного он предложить оказался не в состоянии.

Проблемы «культурной экологии» рассматривал в своей статье бывший руководитель Венского Института этнологии, профессор *Вальтер Досталь*. По его словам, в XIX в. культурная антропология не имела распространения в континентальной Европе и получила широкую известность в связи с публикациями *Е.Е. Эванс-Притчард* и *Дж. Стеварда*.

На основе анализа фактических данных о хозяйственной структуре обитателей Лива в эмирате Абу Дхаби Досталь приходит к ряду выводов. А именно, что культурная антропология должна рассматривать явления, как: 1) взаимоотношения между окружающей средой и культурой следуют принципу реципрокции (взаимности); 2) взаимодействия

между окружающей средой и культурой не создают господствующего положения одной из культур; 3) «апостолические» интеракции показывают лишь часть процесса в истории культуры⁹¹⁸.

Примерно те же проблемы нашли отражение в статье *В. Досталь* и *Лео Рейзингера* «Модель эко-культурной интеракционной системы». Авторы отмечают, что «пока еще отсутствуют модели, объясняющие соотношение «окружающая среда — культура». При этом, по словам авторов статьи, «экологически-культурные процессы являются лишь частичными процессами в развитии культуры, а экологическая среда «играет роль социального элемента».

Вальтер Досталь и Лео Рейзингер предлагают модель «эко-культурного» взаимодействия⁹¹⁹. В качестве предпосылки создания такого рода модели предлагается рассматривать окружающую среду как «этнологическую среду», которую Досталь и Рейзингер дефинируют как «...социо-культурную структуру (политическая территория общества и объединение носителей культуры), образующую определенную величину через «спатальное» движение естественной среды со всеми ее физическими и биологическими составными частями». Этнокультурную «интеракцию» предлагается представить на основе кибернетической системы для выявления «детерминирующих и управляющих факторов, создающих равновесие и оптимизацию»⁹²⁰. Едва ли, однако, авторам удалось сформулировать удобопонятную модель.

Внимание немецких этнологов привлекло еще одно научное направление, пришедшее из США, — «человеческая этнология», о которой писала Маргарет Мид. *Хельмут Шиндлером* была опубликована в связи с этим статья «Человеческая этнология и этнология»⁹²¹. По словам автора, термин «человеческая этнология» (*Humanethnologie*) был введен в научный оборот в 1966 г. Предполагалось исследовать культурное развитие человечества, человеческое поведение, и создать его реконструкцию. Кроме того, обнаружить связанные с ним закономерности и выявить причины возникновения конвергентных осо-

бенностей. По словам Шиндлера: «Человеческая этнология — это биология человеческого поведения, основывающаяся на теории отбора»⁹²². Автор статьи поясняет далее, что методы человеческой этнологии пересекаются с биосоциальной антропологией, «что вызвало в последние годы значительный интерес исследователей к этой дисциплине».

Вместе с тем, Шиндлер не скрывает, что по поводу рассматриваемого научного направления высказывались и весьма критические замечания. В том смысле, что «люди рассматриваются как животные». Однако, как справедливо, впрочем, замечает автор статьи: «Человека многое объединяет с животными, особенно с точки зрения зоологии. И если говорят, что человек занимает особое место в животном мире, то каждый животный вид также имеет свое особое место». И далее, по словам автора: «Центральное положение человеческой этнологии — коммуникация. В том числе невербальная коммуникация: мимика и тому подобное. При этом мимика у всех людей одинакова, так как биологически детерминирована, что отрицают культурные антропологи. Человеческие антропологи разрабатывают детальные описания отдельных мимических ситуаций: веселье, боль, грусть, отвращение, страх, гнев, неожиданность. Производится экологическое изучение детей. Особенно в таком возрасте, когда поведение обусловлено не столько социальной средой, сколько генетической наследственностью. Изучается также социальная организация и ее социальная иерархия. Как отмечает Шиндлер, Карл Еттмар назвал человеческую биологию «собеседником человека». Шиндлер перечисляет также имена этнологов, принимавших участие в дискуссии по поводу «человеческой этнологии». Однако какова была позиция участников дискуссии, автор не указывает⁹²³.

Впрочем, дальнейшие исследования на эту тему в немецкоязычной этнологии мне не встречались.

Известный интерес вызвали в рассматриваемое время проблемы системной теории, что нашло отражение, в частности, в статье преподавателя Кельнского

университета, доктора *Хартмута Ланга*⁹²⁴. Как полагает ее автор, этнология должна заниматься системным анализом и системной теорией вследствие сложности изучаемого отрезка действительности и вытекающих из этого сложностей. В связи с этим, как он пишет, невозможно с помощью обычных моделей и средств или теорий выработать удовлетворяющие модели и теории. А без этого не ясно, какие и с какой точностью этнографические данные следует собирать в поле. Автор развертывает свое понимание системного анализа. И отмечает при этом, что в этнологии уже предпринимались попытки заимствовать системный анализ из других наук, что дает не всегда удовлетворительный результат. Собственного же этнологического системного анализа пока еще нет. Ланг рассматривает виды применения системного анализа и называет один — при изучении хозяйства (исследование предпринимательства), и другой — в прикладной информатике. Обращается автор и к этнографическому материалу, рассматривая земледелие на Новой Гвинее. При этом он отмечает, что интенсивный способ дает хороший результат, но требует значительных усилий. Менее интенсивный способ требует меньше усилий, но дает меньший результат. При этом наилучший результат получается путем комбинации обоих способов, хотя ни один из них не используется максимально. И только системный анализ, как говорит автор статьи, дает возможность установить соотношение этих способов, дающих вместе наибольший эффект. Но, как считает Ланг, и этот вид системного анализа и анализ в информатике мало применяются в этнологии. Поэтому стоит вопрос, какой вид системного анализа пригоден для этнологии. Вывод автора таков, что оба вида — пригодны. Оба отвечают требованию комплексности и системного характера. Оба вида анализа исходят из взаимосвязанных элементов. Продолжая развивать свои мысли, Ланг отмечает, что для этнологии пригодна «компьютерная симуляция», при которой происходящие процессы изображаются в модели. Но должны соблюдаться следующие условия: 1) свойства модели соответствуют свойствам времени и 2) поведение модели может

изменяться и изучаться. И, далее, автор пишет, что такого рода подход важен в том случае, когда не работает математическая модель. Основная же идея симуляции состоит в «игре», в изображении действительности. Для иллюстрации сказанного, автор статьи приводит пример в связи с общиной майя цинакантан в Мексике. Исследовались должностные лица — мужчины, исполнявшие административную должность в течение года. За это время каждое должностное лицо должно устраивать за свой счет празднества, обходящиеся весьма дорого. Исследователь ставит вопрос: как будет изменяться этот обычай. Существуют две точки зрения: а) разрушение системы, б) возникновение нескольких независимых систем. Оказалось, что возможны многие вариации, что исключает математическую модель. Поэтому, пишет Ланг, возможным остается только системный анализ и создание симуляционной модели⁹²⁵. В конечном счете ученый приходит к выводу, что «если задача этнологии видится в открытии закономерностей функционирования, возникновения и изменения культурных феноменов, то она может, если речь идет о комплексных и системных феноменах, выяснять лишь внутренний состав культурных феноменов. Прочие задачи могут быть решены только после выработки инструментария системного анализа и системной теории. Это очень трудные задачи». Заключается статья несколько неутешительно. По словам Ланга, системный подход и системный анализ «... облегчают этнологу выработку теорий, но сами не являются заменителем теории»⁹²⁶.

Продолжает привлекать внимание этнологов и концепция функции, чему посвящена статья швейцарского этнолога из Базеля, изучавшего этнологию в Кёльне, *Андреаса Брука*.

В своей, по правде сказать, несколько легковесной статье, автор утверждает: «Понятие функция — одно из основных средств понимания действительности, однако используют его этнологи обычно ошибочно». Весьма критически оценивает автор определение «функции» различными известными исследователями. Так, как он считает, разноречиво существовал в определениях

функции, предлагавшихся Б. Малиновским и Рэдклифф-Брауном. Не согласен он также с взглядами И. Шмидт-Коварчика и Фишера, которые, как он пишет: «Определяют функцию как связи и зависимости»⁹²⁷. Высказывает автор и свою позицию по отношению к определению понятия «функция». Это, по его словам: «Отношения, причем такие, которые ведут к изменениям в смысле проявления или сохранения (вместо недостижения и потери) определенного свойства». Далее: «Функциями называют действия или эффекты, которые выполняют для человеческой общности функциональные требования». По мнению Брука, концепция функции пригодна для эмпирического этнологического исследования. Заключает свою работу автор утверждением: «Отношения функции имеют важнейшее значение для этнологии»⁹²⁸.

Проблемы психологизма в этнологии, привлекавшие внимание многих ученых в странах немецкого языка еще со времен господства эволюционистских представлений, затрагиваются и в рассматриваемое время. Хотя, судя по публикациям, не вызывали после Турнвальда особых дискуссий. Некоторым исключением была статья восточногерманского историка первобытного общества Ирмгарт Зельнов, представлявшей в бытность ГДР крайнее левое крыло марксистского догматизма. В статье, посвященной роли и значению психологизма в этнологии, Зельнов развернула резкую критику «некоторых психологических теорий буржуазной этнологии»⁹²⁹. Впрочем, против психологических методов как таковых, Зельнов не выступала, осуждая главным образом метафизические методы, хотя говорила главным образом не о немецких, а зарубежных ученых.

Определенное, хотя и довольно ограниченное представление о новейших веяниях в странах немецкого языка дают три статьи об «антропологии» в Германии, Австрии и Швейцарии, опубликованные несколько лет назад в «EASA Newsletter», и перепечатанные в переводе в журнале «Этнографическое обозрение».

В небольшой статье «Антропология в ФРГ: возможность выбора» профессор Георг Пфедфер, глава Ин-

ститута этнологии Свободного университета Берлина, в общих чертах описывает ситуацию, сложившуюся в этнологии Германии в конце века⁹³⁰. Открывается статья констатацией того, что несмотря на воссоединение Германии, «сохранились и сосуществуют две культуры. Четыре десятилетия отчуждения привели к созданию различных общественных ценностей», что, как отмечает автор, привлекает внимание социальных антропологов. Автор, очевидно, прав, говоря, что правительство Восточной Германии не придавало большого значения *антропологии* (выделено мной — Г.М.). В отношении антропологии это мнение справедливо. Однако, в связи с *этнографией* (этнологией) спорно. Хотя и не всегда, и не во всех случаях, но правительство ГДР поощряло и финансировало проведение научных мероприятий в виде этнографических (этнологических) конференций и т. п. На них приглашались ученые из социалистических и капиталистических стран. Финансировались некоторые экспедиционные поездки. Наконец, студенты специализировались именно по этнологии не только на кафедре этнографии Лейпцигского университета (но не факультета, как пишет Г. Пфедфер), но и на кафедре этнографии Берлинского университета им. Гумбольдта, на котором велась подготовка студентов по народоведению (*Volkskunde*) и этнологии (*Völkerkunde*).

Пфедфер не указывает также, что в ходе воссоединения Германии ряд высококвалифицированных этнологов и народоведов был уволен по политическим мотивам. Что, несомненно, неблагоприятно сказалось на ситуации в преподавании и музейном деле этнологии. Умолчав об этом, автор статьи пишет: «Сейчас перед страной стоит дилемма: либо западногерманским специалистам придется переехать на Восток (что и делается — Г.М.) и там заняться организацией научной работы. Либо оставить восточным немцам их этнографические центры и идеи»⁹³¹. Таким образом, довольно прямолинейно предлагается альтернатива: либо бросьте традиционную этнологию и переходите к социальной или культурной антропологии. Либо вас всех выбросят. А путь предлагается один: следовать за англосаксонской социальной и культурной антропологией.

Весьма своеобразно Пфедфер описывает путь, который проделала западногерманская этнология, и происшедшую с ней «трансформацию» в 1960 — 1970-х гг. Причем объясняет эти события сменой поколений. Он пишет: «Переходный период в одних местах уже окончился, в других же — в стадии завершения. Этнологи, занимавшиеся исследованиями в области культуры, заимствовали английские и французские теории, ставя перед собой задачу изучения истории как таковой». И далее: «Происшедшие перемены не носили систематического и планомерного характера. Так как немецкие образовательные и культурные учреждения имеют статус федеральных, то в музеях и университетах представлен широкий спектр политических и академических взглядов»⁹³².

Так как же обстоит дело в действительности? Отброшено великое германское этнологическое наследие и заменено далеко еще не доказанными «антропологическими» ценностями? Или еще жив «широкий спектр политических и академических взглядов»? Думаю, что последнее пока еще подтверждается многими направлениями деятельности немецких этнологов.

К числу перемен Пфедфер относит повышенные требования к проведению полевых исследований. Требования хорошие и справедливые. Однако следует иметь в виду, что традиционная немецкая этнология всегда, за редкими исключениями в виде теоретических разработок Фрица Гребнера, была основана на этнографических полевых исследованиях. Едва ли можно целиком согласиться с выпадом автора статьи против прошлого «Этнологического журнала» (*Zeitschrift für Völkerkunde*), о котором он говорит, что «...после 115 лет консервативной (и достаточно инертной) редакционной политики, он становится форумом широких дискуссий...». О консервативности «Этнологического журнала» выше говорилось, однако, насколько это можно видеть из анализа дискуссионных статей в главе «Историография», пока еще далеко до того, чтобы журнал «...становился форумом широких дискуссий...»⁹³³. Можно согласиться с тем, что в рассматриваемое время несколько расширился круг

преподаваемых в университетах региональных дисциплин. Однако до полного знакомства студентов и аспирантов с фундаментальными основами этнографии и этнологии еще далеко, о чем свидетельствуют помещенные в приложение к книге, в качестве примера, учебные планы некоторых университетов. Интересные сведения, впрочем, в какой-то мере известные и ранее⁹³⁴, сообщаются о научной и региональной специализации различных этнологических учреждений — институтов и музеев. При этом справедливо отмечают финансовые и прочие трудности, сопровождающие специализацию по этнологии. Что, к сожалению, еще более характерно для российских высших учебных заведений. Жаль, что автор ничего не сообщает о соотношении в преподавании традиционной *Völkerkunde* и новейшей социальной и культурной антропологии.

В целом можно сказать, что статья Г. Пфедфера не лишена, как информационная заметка, известного интереса. Однако можно выразить сожаление, что редакция журнала «Этнографическое обозрение» не сочла необходимым проконсультироваться со специалистами в области немецкой историографии с тем, чтобы дать более верную ориентацию российскому читателю.

Краткая статья о современной социальной антропологии в Австрии принадлежит сотруднику Этнологического института Венского университета доктору Андре Гингриху⁹³⁵. Уже начальные строки статьи свидетельствуют об определенной, не только научной, но и политической ориентации автора. Так, он пишет, что «До начала 1950-х гг. (и даже чуть позже) австрийская социальная антропология для всего остального мира ассоциировалась с печально знаменитой Венской школой или, как ее еще называют, Культурно-исторической школой патера Шмидта. Конечно, в науке существовали и иные взгляды... однако этим ученым пришлось эмигрировать. Либо из-за неприятия «теории культурных кругов», либо спасаясь от нацистского режима после 1938 г. Приверженцы Культурно-исторической школы, за небольшим исключением, придерживались расистских и антисемитских взглядов, а при поддержке нацистов еще более утвердились в них».

Трудно подобрать слова, чтобы охарактеризовать содержание этого отрывка. Едва ли есть смысл вдаваться здесь в детальную дискуссию с господином Гингрихом. Однако следует все же указать на некоторые несообразности. Прежде всего, неверно говорить о том, что до определенного времени «австрийская социальная антропология» ассоциировалась с «печально известной» Культурно-исторической школой Вильгельма Шмидта. Никакой австрийской социальной антропологии в указанное время в природе не существовало. А господствовала старая добрая этнология, или *Völkerkunde*. Да и так ли «печально известна» школа Шмидта? Кроме самого главы школы и одного или двух его ближайших сторонников, все другие, весьма многочисленные миссионеры и ученые, причислявшие себя, или считавшиеся сторонником этой школы, во многом или даже целиком, не разделяли взгляды Шмидта, ни на существо культурных кругов, ни на «первобытный прамотеизм». А после Первой мировой войны Культурно-историческая школа практически полностью отказалась от учения Шмидта. Ее сторонники собрали огромный и очень ценный фактический материал по многим народам мира, вошедший в золотой фонд этнологии. Автор статьи забыл сказать, что между сторонниками Культурно-исторической школы и нацистскими властями сложились самые неприязненные отношения, вследствие которых большая часть сторонников этого направления была вынуждена эмигрировать в Швейцарию. Можно утверждать, что никаких контактов с нацистскими властями, в результате которых неугодные Шмидту ученые эмигрировали, в природе не существовало. И, наконец, о «расистских и антисемитских взглядах». Сторонники Культурно-исторической школы не проявляли, и никоим образом не могли утвердиться в них «при поддержке нацистов». Как раз отрицание расизма и было одной из основных причин вражды нацистов к католической Культурно-исторической школе. Кстати, обвинения ее в расизме звучали и в некоторых работах советских авторов, что объясняется существовавшей в то время

в СССР политической ситуацией. Но даже в те непростые для науки времена никому не приходило в голову утверждать об объединении усилий Культурно-исторической школы и нацистов. Столь же сомнительно и утверждение Гингриха о том, что после войны (надо полагать, Второй мировой — Г.М.) «...последние представители Культурно-исторической школы отказались от своих собственных догматических схем... но только в 1960-х гг. начался новый и открытый период в истории австрийской социальной антропологии». Совершенно очевидно, что автор рассматриваемой статьи смешивает два достаточно различных направления. А именно, культурно-исторические взгляды Шмидта и его самых ближайших сторонников, и «историческое направление», которому посвящен раздел в настоящей части книги. А это направление благополучно здравствует в австрийской *этнологии* и поныне и достаточно распространено также в Германии и Швейцарии.

Считаю также необходимым отметить одно, на мой взгляд, весьма неудачное место перевода в данной статье, касающееся терминологии. Речь идет о переводе на русский язык термина «Völkerkunde» как «народоведение». Первый раз эта ошибка была допущена в издании на русском языке книги Ф. Ратцеля «Народоведение». Затем она повторялась С.А. Токаревым в книге «История зарубежной этнографии». Так же был озаглавлен как «народоведение» учебник по этнологии для школ, изданный в Москве в 2002 г. Между тем, в немецком языке эквивалентом термина Völkerkunde является «этнология». Термин же «народоведение» по смыслу и содержанию может соответствовать только немецкому «Volkskunde». Перевод же Völkerkunde как «народоведение», противопоставляет два фактических синонима: «Völkerkunde» и «этнология».

В журнале «Этнографическое обозрение» был опубликован перевод небольшой статьи И. Хельблинга об антропологии в Швейцарии. Автор отмечает, что антропология в Швейцарии, в отличие от прочих немецкоязычных стран, не имеет старой академической

школы. «Факультеты антропологии» в большинстве были основаны в 1960–1970-х гг. на базе этнографических музеев или коллекций. Однако отсутствие традиций, по словам Хельблинга, «не всегда минус». Швейцарская антропология смогла избежать заметного влияния немецкого *narodovedenia* (*Völkerkunde*) или австрийской Культурно-исторической школы (*Kulturkreislehre*)⁹³⁶. Как уже отмечалось, ошибочен перевод *Völkerkunde* как «народоведение». Не уточняет, к сожалению, автор, чем же ему не угодила немецкая *Völkerkunde*, и почему такое благо избежать ее *заметного влияния*. Кстати, перечисляя далее этнологические учреждения, автор, противореча сказанному выше, признает, что «самый старый факультет *Völkerkunde*», был основан в 1940 г. основателем Культурно-исторической школы, В. Шмидтом. При этом, с некоторым осуждением говоря о последнем декане факультета священнике патере Хубере, автор утверждает, что «его интересы фокусировались на религии «и прочих аспектах культурной антропологии (выделено мной — Г. М.)». Полагаю, что за такое определение патер Хубер отправил бы Хельблинга пересдавать экзамен.

В рассматриваемой статье сообщается, что в настоящее время в Швейцарии существуют шесть университетов: в Базеле, Берне, Цюрихе, Лозанне и Фрибурге. Автор называет и некоторые *антропологические* темы, разрабатываемые в университетах. Однако на деле их можно скорее назвать политологическими. А, говоря об изучении «народной культуры» в ряде заморских стран, как и во всех остальных местах своей публикации, избегает термина «этнология». Отмечается также социологическая и этносоциологическая направленность лекционной деятельности ряда профессоров. Как то, к примеру, лекции декана факультета антропологии университета Цюрих Л.Г. Лоффлера, который «...четко отмежевавшись от немецкой *Völkerkunde*, придал факультету ярко выраженную этносоциологическую направленность»⁹³⁷.

Заключает свою статью Хельблинг словами о том, что наряду с ростом в последние годы числа студентов

«это вместе с социальными проблемами последних лет привело к отходу от традиционной антропологии с полевыми исследованиями в странах третьего мира. В настоящее время все большее внимание уделяется таким темам, как экология и национальные движения. А также насущным проблемам, связанным с иммиграцией и положением меньшинств в Швейцарии и Европе»⁹³⁸. После этого заявления становится окончательно непонятно, в чем же заключается отход от германской *Völkerkunde*, и чем эта деятельность отличается от *этнологии*. В общем, статья представляется мало компетентной.

В заключение настоящего раздела главы можно заметить, что новые научные направления, пришедшие из англо-саксонских стран, настолько проникли в немецкую этнологию, что проблемы культурной антропологии и эко-антропологии начали обсуждаться даже на страницах некогда довольно консервативного германского «Этнологического журнала», что свидетельствует об упрочении новых веяний в немецкой этнологии.

■ Этнос, религия, номадизм и другие проблемы

Этнос

Под влиянием идей, высказанных в свое время С.М. Широкогоровым и Вильгельмом Мюльманом, некоторые немецкоязычные этнологи также проявили интерес к проблеме этноса. К их числу принадлежал, в частности, этнолог Карл Р. Вернхарт, полагавший, что «этнос» является центральным понятием антропологических дисциплин⁹³⁹. Возражая против нередких призывов ограничиваться частными исследованиями, Вернхарт высказал мнение, что необходимо рассматривать также «центральные проблемы», одной из которых, по его словам, является *этнос*. Как он полагал, этнос имеет самое большое значение для этнологии и народоведения (европейской этнологии), человеческой биологии (физической антропологии), первобытной и ранней истории. Далее автор справедливо отмечает, что впервые понятие «этническая общность» было введе-

но Широкогоровым. Позднее оно было обозначено Мюльманом как «этнос». А разработкой этой проблемы в России занимался Ю.В. Бромлей⁹⁴⁰. Подробно рассматривая взгляды названных ученых, Вернхарт справедливо отмечает, что точки зрения Мюльмана имели выраженный социологический характер. Сам Вернхарт полагает, что «этнос является *отграничителем*, вариации которого простираются от самой маленькой локальной группы, до племени и народности. Этнос неотделим от людей, так как ему присущи культурные особенности и выражение, которые ведут к ясному отграничению в духе Мюльмана «мы» и «они»... Этнос образует со специфическими для него социо-культурными проявлениями, общность... Поэтому этнос представляет общность, которая не разделяет культуру и человека, так как они находятся в единой функциональной структуре». А это означает, по мнению автора статьи, что каждая личность, соответственно и культурное проявление, имеют одну или несколько связей с другими, чем выражают свою функцию⁹⁴¹. Заключает свои размышления об этносе Вернхарт несколько неожиданно, утверждая без связи со сказанным им ранее, что этнология и народоведение относятся к культурной антропологии.

Большая работа, посвященная проблемам этноса и культуры, была опубликована Вольфгангом Рудольфом⁹⁴². Выше уже отмечалось, что в ее начале автор кратко останавливался на предмете этнологической науки, однако в целом статья посвящена проблемам этноса и соотношению этноса и культуры.

Статья начинается с определения понятия *этнос*, начиная с древнегреческой эпохи, когда этот термин употреблялся только по отношению к негреческому населению, к «другим», имевшим иной язык, образ жизни, религию. И в таком понимании заключалось отношение не только к чужому, но и *неполноценному* населению. Не лишено основания дальнейшее замечание автора о том, что «...такое отношение к другим народам свойственно не только древним грекам. Такого рода дискриминация существовала в прошлом, существует и сейчас. При этом дискриминация зачастую взаимна».

Говоря о научном употреблении термина *этнос*, Рудольф отмечает, что *этнология* не связывает с ним оценочных категорий и субъективной точки зрения. И далее: «Дефиниция предмета этнологии может предварительно гласить, что этносы — это человеческие группы в аспекте специфических различий их форм существования»⁹⁴³. При этом этнология, по словам ученого, не отрицает, что группы с различными формами существования воспринимают друг друга чужеродными. Но с этим не должна связываться профессиональная оценка качества. И далее уточняется, что «более верное определение «форм существования» — это принятое этнологическое название этого понятия — *культура*». Кроме того, по словам автора статьи, для характеристики понятия *культура* решающе, что оно не связано с физиологией, с такими явлениями как сон, прием пищи, социальное сожительство, так как «все это принадлежит к индивидуально-*организменному*, то есть связанному с основами жизнедеятельности. И поэтому принадлежит всему человечеству. Поэтому на основе этих признаков нельзя подразделять человечество на группы. Но то, что не относится к органическому, например, выбор пищи, обычаи при ее употреблении, устройства для сна, социальные институты, составляет культурные различия. И из этого следует, что культура введена людьми, социально распространена, передается во времени и, возможно, изменчива. Соответственно, культура состоит из следствий человеческой деятельности, имеющей направление на нечто новое, на то, чего прежде не было. Такое действие можно назвать *инновацией*»⁹⁴⁴. Рудольф подробно рассматривает составные части культуры и пути ее распространения и приходит к выводу: «Из сказанного следует, что этнологическое понимание культуры не идентично ее бытовому пониманию, связанному с некоторыми сторонами религии, науки и искусства»⁹⁴⁵. Значительное место в своих рассуждениях Рудольф уделяет «антропологическому месту» (систематике) культуры. Прав Рудольф, когда он пишет: «Можно исходить из того, что «культура» не ограничена человеком. Инновации

могут быть обнаружены и у высших обезьян. Однако существуют при этом принципиальные различия, которые заключаются, прежде всего, в характере *приспособления в жизнедеятельности*. Если, как говорит далее автор рассматриваемой работы, *новации* и имеют для высших животных определенные преимущества в ходе приспособления, они не жизненно необходимы, тогда как для человека это обязательное условия⁹⁴⁶. Соглашаясь с этими выводами, следует все же отметить, что сами по себе новации — дело хорошее. Однако для того, чтобы они стали решающими в приспособлении, они должны иметь *социальный* характер и передаваться не генетически, а *социальным*, ненаследственным путем. Только таков путь выделения человека из прочего мира животных. Некоторое сомнение вызывает утверждение Рудольфа, ссылающегося на Ницше, о том, что «по сравнению с другими жизненными формами, человек — не узко приспособленное животное». Это, ставшее уже расхожим, утверждение едва ли верно. Так же как и животные, узко приспособленные к определенным видам деятельности, так и человек узко приспособлен к *социальному приспособлению*. Кстати, далее об этом говорит и сам автор статьи, указывая, что «человеческое социально опосредовано»⁹⁴⁷.

О соотношении культуры и психического Рудольф пишет: «Несмотря на то, что культура возникает в относительно единообразных групповых связях, ее психическое происхождение *индивидуально*. Все представления и устремления являются первоначально составными частями психики отдельных людей, в том числе и тогда, когда одинаковая мысль приходит сразу нескольким людям. Принадлежность к группе может стимулировать определенные мысли, но группа не может мыслить, так как эта способность существует только у биологических организмов. Поэтому понятия «душа группы», «групповое сознание» являются лишь метафорами»⁹⁴⁸.

Говоря, с одной стороны, об этносе как реальном явлении, Рудольф, тем не менее, отмечает и его релятивность: «Понятие этнос относительно. Его однозначность только кажущаяся. Его современное содержание

значительно отличается от древнегреческого». И, возвращаясь опять к предмету нашей науки, Рудольф пишет: «В кратких выводах: предмет этнологии — это человеческие группы и культура в их специфических взаимосвязях».

Рассматриваемая статья Рудольфа, несомненно, имеет немалое научное значение. К сожалению, она оказалась вне поля зрения советских этнографов в те годы, когда вслед за С.М. Широкогоровым Ю.В. Бромлей и некоторые его последователи разрабатывали так называемую «теорию этноса». Рудольф и советские авторы сходились, по крайней мере, в одном. А именно в утверждении *этноса* (и этнических процессов) как основного поля деятельности этнологии (и советской этнографии).

Родство

В конце 1980-х гг. внимание некоторых немецких этнологов привлекла проблема родства. Одной из первых, посвященных ей работ, была статья Хартмута Ланга «Что является предметом этнологии родства?»⁹⁴⁹. Статью открывает категорическое утверждение, возможно несколько поспешное, о том, что изучение родства принадлежит к коренным проблемам этнологии: «И, в отличие от других направлений, вроде изучения религии или хозяйства, не входит в другие науки». Воодушевленный, очевидно, трудами Льюиса Генри Моргана, автор подробно разбирает понятие «родство» и его содержание, альтернативу кровного и социального родства. Не вдаваясь в предмет поднятой Лангом дискуссии, достаточно отметить, что, по его мнению (возможно и справедливому), окончательного ответа на вопрос, что такое этнология родства, нет. Но, как считает исследователь: «Ответ могла бы дать когнитивно-эмпирическая процедура, но у многих изучаемых народов необходимый предмет культуры уже исчез»⁹⁵⁰.

Помимо ряда других заслуживает особого внимания статья уже упоминавшегося выше берлинского этнолога Георга Пфедфера «Этнология родства». Ав-

тор настаивает в ней на том, что проблема этнологии родства является самостоятельным направлением исследований в этнологии. При этом он ссылается на рассмотренную выше работу Хартмута Ланга и вступает в дискуссию с теми авторами, которые отрицают самостоятельность этого предмета. На конкретных примерах исследователь сопоставляет системы родства и рассматривает само понятие «родство»⁹⁵¹.

Довольно отрицательно отозвался о взглядах Пфедффера на проблему изучения родства Хартмут Ланг⁹⁵². Как он пишет, многое, что говорит в своей статье Пфедффер, противоречит его взглядам. В частности, по поводу понятий, посредством которых этнология пытается определить свойства и признаки культур, а также относительно дефиниции «открытых» и «закрытых» культур и по ряду других вопросов. Кроме того, Ланг считает, что доказательств, которые использует Пфедффер, не хватает для того, чтобы определять, какова система родства. Обвиняет Пфедффера Ланг также в безапелляционности утверждений. Трудно сказать, кто из двух этнологов прав (или оба не правы). Такой спор должны решать специалисты в обсуждаемой области науки.

Хозяйство

Давние традиции сложились в немецкой этнологии в связи с изучением хозяйственной деятельности «примитивного» земледельческого и кочевого скотоводческого населения. Однако многие исследования в области хозяйственной деятельности велись и за пределами этнологии⁹⁵³.

В конце 1960-х гг. Ёхан Ропке опубликовал статью «О Национальной экономике и этнологии» в связи с дискуссией об экономической теории хозяйствования в примитивных обществах⁹⁵⁴. Автор предлагает выработать в поисках экономической перспективы подход с позиций «неоклассической этнологии хозяйства». А также исследовать социологию обмена и эволюцию образов поведения в связи с хозяйственной деятельностью.

О дискуссионных проблемах, методах и перспективах «этнологии хозяйства» опубликовал работу

Герндт Краузе⁹⁵⁵. Первую часть статьи он посвятил истории выделения «хозяйственной этнологии» в англо-американской антропологии в самостоятельную ветвь науки. Однако, судя по тому, что пишет автор, и отсутствие соответствующих публикаций, «хозяйственная этнология» не получила в немецкоязычных странах сколько-нибудь значительного распространения.

На проблеме социо-культурных изменений и хозяйственного развития земледельческих и скотоводческих народов остановился в одной из своих работ Карл Эттмар⁹⁵⁶. Одновременно он затронул и большую проблему экономической помощи развивающимся странам третьего мира. Отмечая, что государства, которым оказывается помощь, как правило, полиэтничны, он высказывает мнение, что поскольку эта помощь направляется государству, его господствующая этническая верхушка забирает себе большую часть этой помощи, что создает трения между этносами и вражду. Таким образом, помощь обостряет межэтнические трения, или даже их вызывает. Эттмар предостерегает также о том, что развивающиеся страны, получая экономическую помощь, одновременно заимствует и идеологию. Она безопасна для индустриальных стран, но в других условиях может вызывать тяжелые конфликты. В частности, приводится пример, когда объявляется, что государство — это один народ. В действительности, оно полиэтнично⁹⁵⁷.

Из отдельных проблем, затрагивавшихся в рассматриваемое время немецкими этнологами, можно отметить также исследование о соотношении материального и духовного в культуре профессора Кельнского университета Уллы Ёханзен. Автор предлагает использовать вместо термина «материальная», понятие «материализованная» культура. Причем последняя, как справедливо полагает автор статьи, «столь же не статична, как нематериализованная (духовная) культура»⁹⁵⁸.

Номадизм

Как и в предшествующие годы, внимание ряда исследователей привлекали проблемы номадизма, интерес к которому возник еще в XIX в.

К концу 1950-х гг. Относятся статьи, посвященные В. Рудольфом западно-иранским курдам⁹⁵⁹. Значение этих публикаций состоит в том, что они основываются на значительном полевом этнографическом материале, собранном в экспедициях автором исследования. А также в постановке редко в западной литературе затрагиваемых проблем социально-экономических отношений номадов. Автор отмечает в статье, посвященной культуре курдов, что она мало изменялась во времени, что по его, впрочем, довольно спорному мнению, связано с психологическими установками курдов. Отмечается также отсутствие у курдов глубокой приверженности к религии, в связи с чем автор приводит турецкую поговорку о том, что «в сравнении с лошастью курд — мусульманин». Подробные данные, не встречающиеся в других источниках, приводятся о курдском хозяйстве. Рудольф размышляет о соотношении оседлого и кочевого населения и приходит к выводу о глубоких различиях у них в социальных отношениях. Говоря о «своего рода *феодальных господах* у оседлых курдов», он тут же оговаривается об условности такого определения. «Тем более, что такие отношения характерны скорее между кочевой верхушкой и иноэтническим оседлым населением. Никаких следов феодальных отношений у кочевых курдов исследователь не обнаружил⁹⁶⁰. В другой, упоминавшейся выше работе, Рудольф критически отозвался об увлечении Т.Ф. Аристовой и О.Л. Вильчевским *феодализмом* у кочевников. И здесь же вновь подчеркивает отсутствие феодализма у кочевого населения, а также и условность обозначения верхушки курдского общества как «аристократии». По словам Рудольфа, в принципе и беднейший кочевник является по отношению к оседлым земледельцам «аристократом»⁹⁶¹.

Один из крупнейших в Германии по численности студентов институтов этнологии Свободного университета Западного Берлина в 1970-х гг. был почти целиком ориентирован на изучение кочевнической тематики. По проблемам номадизма проводились симпозиумы и конференции. Кстати, вопросы изучения кочевых народов

Азии вызывали интерес и в ГДР, прежде всего, среди ученых Лейпцигского музея этнологии.

В ФРГ проблема номадизма изучалась в значительной мере с целью выработки политики по отношению к развивающимся странам Азии и Африки. Причем с позиций так называемой «теории конвергенции». Однако, как показал ход истории, ни предлагаемая политика, основанная на этой «теории», ни практические мероприятия не привели к положительному результату, и положение большинства кочевых народов остается крайне тяжелым.

Некоторую, впрочем, не совсем удачную попытку подвести итоги семинара 1967 г. в Бохуме, посвященного проблеме помощи кочевым народам, и последующих обсуждений, предпринял в 1971 г. известный профессор Фрейбургского университета Рольф Герцог⁹⁶². Оставляя в стороне полемику Герцога с его оппонентами, вкратце его выводы можно свести к утверждению о невозможности сохранения номадизма в традиционных формах, так как это противоречит установкам местных правительств. Единственный выход из положения этот исследователь видит в оседании кочевых скотоводов и переходе их к земледелию. Впрочем, как свидетельствует ход современной истории, этот выход не всегда приводит к положительным результатам, что видно хотя бы на примере ряда скотоводческих народов в странах Восточной Африки.

Интересен с точки зрения этнологии номадизма капитальный труд Ласло Вайды об истории пастушеских народов⁹⁶³. Одно из больших достоинств книги то, что в ней критически использовано очень большое число источников. Список литературы занимает 60 страниц текста. Помимо чисто этнологических, автор широко использует археологические, лингвистические, географические, социологические, мифологические и многие другие источники. На их основе он приходит к ряду заслуживающих внимания теоретических выводов и к составлению «мысленных моделей». Во всех случаях Вайда подходит ко всем обсуждаемым проблемам с исторических позиций и связывает исследуемое с современной проблематикой. К важным выводам

автор приходит при определении понятий «пастушество» и «номадизм». Так, в частности, Вайда предлагает рассматривать номадизм как крайнюю форму пастушества. Совершенно верно он возражает авторам, рассматривавшим пастушество как дегенерировавший номадизм. Заслуживают внимания предлагаемые исследователем критерии выделения различных форм подвижного скотоводческого хозяйства. Интересны выводы о роли земледелия у кочевников, о соотношении оседлости и подвижности и т. д. С сожалением можно только отметить, что автор далеко не полностью использовал данные русскоязычных авторов. Едва ли можно согласиться также с малообоснованным выводом о том, что номадизм возник вследствие стремления скотоводов преумножить богатство. Кстати, это было также отмечено в рецензии одного из видных немецких этнологов, профессором Фридрихом Кусмаулем⁹⁶⁴.

В значительной мере теоретическим проблемам социально-экономических отношений номадов посвящена книга Клауса Хессе⁹⁶⁵. С исторических позиций автор рассматривает в ней семейную, общинную и общественную организацию монголов, положение непосредственных производителей и предводителей, а также политическую и социально-экономическую ситуацию в Монголии в XVI—XVII вв. В целом автор приходит к справедливым выводам, хотя в отдельных вопросах его взгляды и спорны.

Значительный фактический материал, сопровождаемый рядом интересных выводов, представлен в труде Бернта Глатцера о хозяйстве, социальной и политической организации кочевых пуштунов северо-западного Афганистана⁹⁶⁶. Можно перечислить и многие другие публикации, по кочевым скотоводческим народам, посвященные, однако, по большей части, эмпирическим описаниям.

Традиционный интерес немецких ученых вызывали проблемы этнографии и этнологии народов Сибири. В качестве примера можно привести капитальный труд известного ученого, профессора Мюнхенского университета, Ханса-Йоахима Папрота о верованиях

народов Сибири⁹⁶⁷, работу Карин Кустерер о роли охоты в жизни народов Западной Сибири⁹⁶⁸, ряд работ Ивана Кортта о енисейских народах⁹⁶⁹.

Религия

Традиционно в немецкой этнологической литературе рассматривались проблемы первобытных религиозных верований и религий Востока. Число посвященных им публикаций довольно велико, к тому же большая их часть посвящена эмпирическим описаниям. Поэтому остановлюсь на наиболее, с моей точки зрения, интересных работах, в той или иной мере связанных с проблемами теории.

Прежде всего, очевидно, следует отметить капитальный труд *Карла Еттмара* о доисламских верованиях народов Гиндукуша⁹⁷⁰. Помимо несомненных достоинств книги, заключающихся в обширности собранного и систематически изложенного автором фактического материала, особенно следует подчеркнуть, что он не ограничился простой констатацией тех или иных верований и обрядов, а попытался связать их происхождение с образом жизни изучаемого населения и их хозяйственно-культурным типом. Это позволило Еттмару прийти к ряду очень интересных, и во многом, как представляется, вполне достоверных выводов теоретического характера.

Особенность области Гиндукуша состоит в сложном этническом составе населения и особенности верований у каждого из этносов. В книге рассматриваются доисламские верования народов северного и южного Кафиристана: шинов и буришков, калашей, кхо (хитраль). Не имея возможности подробно рассматривать здесь этот огромный труд, хочу лишь отметить, что автор удачно показал религиозные системы населения Гиндукуша и место в них доисламских верований. Еттмар предложил интереснейшие аналогии с индийскими верованиями и древними верованиями народов Западной Азии. Особенно интересны выводы автора в связи с его поисками связи различных верований с видами жизнедеятельности.

Европейская этнология

Некоторое внимание в рассматриваемое время было уделено так называемой европейской этнологии, предлагаемой взамен скомпрометированного в годы нацизма *народоведения*, ограничивавшегося главным образом изучением немецкоязычного населения. В качестве примера, можно привести сборник, изданный Хейде Никсдорфф и Томасом Хаушильдом. Сборник включает три части: 1) История дисциплин и их разграничение; 2) Полевые исследования европейской этнологии; 3) Исторические методы⁹⁷¹. Так как в сборнике рассматривается преимущественно народоведческая, а не этнологическая тематика, более подробно говорить о нем нет смысла.

Проблемы на грани собственно истории и народоведения рассматривал также Ласло Вайда⁹⁷².

Учебники

В рассматриваемое время было издано несколько учебников по этнологии. Однако все они имели общий недостаток, который заключался в том, что в них отсутствовало систематическое изложение материала, и ни один из них не охватывал основную проблематику этнологии. Причина этого состояла далеко не только в широте этой задачи, а, прежде всего, в подходе к содержанию учебников. Как правило, предлагаемые в качестве учебников издания были на деле лишь сборниками статей отдельных авторов, практически не подчиненных какому-либо единому плану, что не отвечает задачам, которые обычно ставятся перед учебными пособиями.

Характерный пример, учебник, изданный *Генрихом Тримборном* в 1971 г.⁹⁷³ В создании учебника участвовало пятнадцать авторов, что, по всей вероятности, не способствовало единообразию и последовательности изложения материала. Перечислю его разделы: *Р. Шотт* — «Задачи этнологии, и что сде-

лано»; Ф.Ю. Мих — «Естественно-научные методы и подсобные технические средства»; В. Рудольф — «Культура, психе и картина мира»; И. Геккель — «Религия»; Ф. Герман — «Устная литература»; М. Шнейгер — «Музыка первобытных народов»; Л. Агам — «Изобразительное искусство»; Г. Деелерс (переработано Г. Гуппером) — «Язык»; Ф.В. Сиксель — «Родственные и политические структуры»; Д. Эртеле — «Этнологическое изучение права»; К. Диттмер — «Хозяйство первобытных народов»; Г. Неверман — «Эргология и технология». Р. Герцог, К. Еттмар, Ф.Ю. Мих — «Общественные и культурные изменения современности»; В. Фройлих — «Этнологические журналы и публикации»; В. Фройлих — «Этнологические музеи»; Ё. Ропке — «Новые направления и теоретические проблемы этнологии хозяйства».

Помимо отмеченного основного недостатка, заключающегося в отсутствии систематичности и полноты изложения учебного материала, обращает внимание отсутствие в учебнике научно-теоретической главы. Нет указания на общественное значение этнологии. Много погрешностей в отдельных статьях.

Довольно критически учебник был оценен в опубликованных рецензиях. Так, к примеру, Лоренц Лоффлер пишет, что хотя данный учебник является единственным, который может быть противопоставлен многочисленным изданиям по-английски, он все же не совсем отвечает поставленным задачам, что Лоффлер объясняет «возможно, недостаточной кооперацией немецких этнологов, а частично и недостатком компетенции»⁹⁷⁴.

Недостаточно систематическим и полным представляется изложение материала авторами «Культурной антропологии» и «Введения в этнологию. Культурная и социальная антропология» Томаса Бергатцика⁹⁷⁵.

■ Учебные программы

Значительные различия существуют в принципах подготовки молодых специалистов этнологов в странах

немецкого языка и России. В России установилась давняя и прочная и, как думается, верная традиция считать этнологию / этнографию частью исторической науки. Из этого следует необходимость в течение восьми семестров давать одновременно с этнологической специализацией фундаментальную подготовку этнологов по истории, начиная с первобытной и кончая новейшей. Студенты, а, следовательно, и аспиранты, получают при этом широкий научный и общеобразовательный кругозор. Это позволяет им более глубоко вникать в суть проблем, и быть подготовленными не только к собиранию фактического этнографического материала, но и к постановке и решению теоретических и этногенетических проблем. Соответственно, с этими задачами, строится и учебная программа. Она относительно стабильна, и лишь по мере развития науки может включать новые лекционные курсы. Цель такой учебной программы — знакомить учащихся первых семестров с общими проблемами этнологии с тем, чтобы затем уже переходить к конкретной специализации по проблеме или народу. Соответственно, и преподаватели подчиняются в своей педагогической работе требованиям учебного плана.

Иначе строится подготовка студентов в странах немецкого языка. Учебный план ориентируется главным образом на подготовку к самостоятельной полевой работе, а специализация строится в соответствии с предлагаемой преподавателями тематикой. Таким образом, стабильный план с постоянными предметами практически отсутствует, и учащиеся получают лишь одностороннюю в принципе этнологическую подготовку, ориентированную на состав преподавателей.

Детальный анализ планов учебной подготовки этнологов в системе высшего образования не входит в задачи данной книги. При многочисленности центров специализации по этнологии, их разнообразии, это требует отдельного, самостоятельного исследования.

Справочные издания

В первой половине XX в. число справочных изданий в странах немецкого языка было невелико. Лучше обстояло дело во второй половине этого столетия. Среди них можно назвать публикации *О. Кёнига* «Исследование культуры и поведения. Введение в культурную антропологию»; *А. Гелена* «Антропологические исследования»; «Словарь социологии», изданный под редакцией *Гюнтера Хартфиеля*; капитальный справочник по немецкоязычным этнологам, изданный *Рольфом Хусманом* и *Годенхардом Бэком*⁹⁷⁶, а также некоторые другие справочные издания.

Этнология (Völkerkunde) в восточной части Германии, точнее, в Саксонии, имеет давние традиции. К 1869 г. относится призыв, опубликованный в «Лейпцигской газете» о сборе средств для приобретения «большой культурно-исторической коллекции» придворного советника доктора Клемма с целью основания «антропологического музея». Эта дата, 24 ноября 1869 г. и считается временем основания Лейпцигского этнологического музея. Постепенно музей обогащался все большим числом этнографических коллекций, и к началу XX столетия стал одним из крупнейших этнологических центров не только Германии, но и Европы.

Со временем стало очевидным, что для развития музейного дела и этнологии в целом, не хватает квалифицированных кадров этнологов. После больших усилий, наконец, в 1901 г. стало возможным основать при Лейпцигском университете первый в Германии учебный центр (экстраординариат) «Этнология и первобытное общество», который возглавил профессор *Карл Веуле*⁹⁷⁷. Но только в 1901 г. этнология была окончательно конституирована в самостоятельный и равноправный Институт этнологии⁹⁷⁸.

Дрезденский музей этнологии был создан в 1875 г.⁹⁷⁹. Однако с момента своего основания он испытывал значительные трудности, так как в отношении управления он был связан с Зоологическим музеем. Как известно, незадолго до окончания войны Дрезден подвергся сокрушительному налету американской авиации, в ходе которого были разрушены помимо

жилых кварталов, практически почти все исторические памятники, в том числе и Музей этнологии (Der Japanische Palast). Были уничтожены музейные залы, витрины, мастерские. Однако большая часть музейных предметов, каталогов, библиотека и архивы сохранились, так как были своевременно укрыты в окрестностях Дрездена⁹⁸⁰. Руководство музеем и его восстановление было поручено Розе Хемпель. И уже в 1949 г. в Цвингере была устроена первая выставка Музея этнологии. Его филиалом среди малых музеев Саксонии стал музей, основанный в 1878 г. и открытый в 1901 г. Братской общиной в Херрнхуте⁹⁸¹.

Заметное оживление этнологических исследований и преподавания этнологии в Восточной Германии наблюдалось после провозглашения в 1949 г. Германской Демократической Республики. И, прежде всего, в Лейпцигском и Дрезденском музеях этнологии, а также на кафедрах *этнографии* (этнологии) в Лейпцигском и Берлинском им. Гумбольдта университетов. Начали выходить в свет ежегодники Лейпцигского и Дрезденского музеев, монографии сотрудников, а также отдельные, посвященные музейной тематике, брошюры. Из первых крупных работ того времени следует назвать труд директора Лейпцигского музея этнологии, Ханса Дамма, посвященный обитателям стран Южных морей⁹⁸². Была издана также интересная книга о народах Калимантана (Суматры) Фридриха Функе⁹⁸³. Несколько позднее в свет вышло значительное число публикаций дрезденских и лейпцигских этнологов. Издавались музейные каталоги, буклеты и другие работы.

С 1957 по 1972 г. Дрезденский музей возглавлял известный ученый в области африканистики и этнологии народных промыслов Зигфрид Вольф⁹⁸⁴. Его наследником стал американец Петер Неуман. После его преждевременной кончины пост директора музея занял известный специалист по народам Севера Хейнц Израэль. В музее сложился коллектив талантливых ученых. В их числе специалист по народам Южной и Юго-Восточной Азии Лидия Ике-Швальбе, Клаус-Петер Кестнер⁹⁸⁵ и многие другие.

Возрождение Лейпцигского музея этнологии связано с именем известного специалиста по народам Океании Ханса Дамма. После его ухода на пенсию музей возглавил исследователь номадизма *Вольфганг Кениг*⁹⁸⁶. После его смерти директором музея стал специалист по этнологии арабских стран *Лотар Штейн*.

Лейпцигский музей этнологии всегда сочетал богатейшую музейную часть с исследовательским центром, сотрудниками которого были многие выдающиеся ученые. Это уже названные *Вольфганг Кениг*, *Лотар Штейн*. А также исследователи Океании *Эрнст Гермер*, *Барбара Трейде*, африканисты *Дитрих Дрост*, *Петер Гебель*, *Вальтер Руш*, американист *Лотар Дрегер*, специалисты по народам Азии *Вальтер Бётгер*, *Вернер* и *Вера Хартвиг*, исследователь Южной Сибири *Эрика Таубе* и ряд других ученых.

Интересна в историографическом плане статья *Лотара Штейна* о музейном деле в Лейпциге и истории этнологии в Восточной Германии⁹⁸⁷.

В своей работе автор приводит данные по истории этнологии в Саксонии. В частности, о том, что директором Лейпцигского музея *Карлом Вейле* была основана в 1904 г. первая в Германии кафедра этнологии. Далее он пишет о том, что первым председателем основанного в Лейпциге Немецкого общества этнологии (*Deutscher Verein für Völkerkunde*) был избран директор Лейпцигского музея *Фриц Краузе* (1881 – 1963). Говоря о времени воссоединения Германии, *Штейн* сообщает, что с 1991 г. оба музея в Саксонии, Лейпцигский и Дрезденский, вышли из подчинения Министерства высшего образования и перешли в подчинение Государственного министерства науки и искусств ФРГ. Причем, по его словам, это сопровождалось значительными финансовыми затруднениями, вынудившими существенно сократить штат музейев, что сказалось весьма неблагоприятно на исследовательской работе. Еще в 1990 г. в Дрездене была основана Лига саксонских музейев, кооперирующаяся в своей работе с Союзом германских музейев. Из благоприятных факторов последнего времени *Штейн* отмечает значительное

расширение интернациональных связей и экспедиционной деятельности. Были предприняты поездки в Канаду, Бразилию, Танзанию, Японию и ряд других стран. Что касается исследовательских проектов, то стали изучаться проблемы враждебности по отношению к иностранцам, имущественные права и обязанности, возникшие вследствие воссоединения Германии. Вместе с тем продолжались традиционные исследования и публикации музейных материалов.

Штейн перечисляет выводы, к которым пришли лейпцигские этнологи в связи с работой над исследовательскими проектами, а также проблемы, вставшие перед музеем в новых условиях.

1. «Мы оказались перед лицом растущей враждебности по отношению к иностранцам, живущим и работающим в Германии, и к тем, кто получил политическое убежище. Чтобы противостоять этой ситуации мы организовали лекции и дискуссии, чтобы повлиять на общественное сознание. К сожалению, мы еще далеки от достижения успеха.
2. После воссоединения Германии возникли проблемы в правах собственности. С падением ГДР существовавшие законы стали недействительными, и на Восточную Германию распространились законы ФРГ. В связи с этим прежние владельцы коллекций возбудили судебные процессы по возвращению им музейных предметов. Настаивали на возвращении своих коллекций и западногерманские музеи... В результате «Ленинградская коллекция» была возвращена в музей Далем... Очередные сложности возникли со знаменитой Бенинской коллекцией Ханса Майера, возвращения которой требовали его наследники. Однако судом эти претензии были отвергнуты».

Как отмечает Штейн, начало деятельности кафедры (первоначально Института) этнографии Лейпцигского университета связано в послевоенное время с именами Юлиуса Липса и его жены Евы Липс. В дальнейшем кафедрой этнографии Лейпцигского университета руководил Дитрих Трейге. Известную помощь в организации деятельности кафедры оказывали совет-

ские этнологи. Сотрудники кафедры проводили экспедиционные исследования и подготовку учебных материалов. Лекции и семинары велись по утвержденной программе. Сотрудниками кафедры были осуществлены два издания популярной книги «Этнология для всех» со вступительной статьей Дитриха Трейде⁹⁸⁸.

Что касается кафедры этнографии Берлинского университета им. Гумбольдта, то основное направление ее деятельности было связано главным образом с немецким, в социалистическом варианте, народоведением (*Вольфганг Якобайт, Уте Морман* и другие). Собственно этнологией занимались возглавлявшая кафедру *Урсула Шленгер* и *Ингебург Винкельман*.

Что касается направлений исследования и теоретических взглядов этнографов (этнологов ГДР) то, как правило, они имели историческую ориентацию, и по большей части эмпирический характер. Говоря об этнологии в Германской Демократической Республике, следует отметить, что если не иметь в виду историю первобытного общества, то интерес к теоретическим изысканиям, за редкими исключениями, у этнологов ГДР почти отсутствовал. В публикациях рассматривались либо музейные сюжеты, либо эмпирические данные, собранные в немногих экспедиционных поездках. Едва ли можно дать однозначное объяснение такого рода явлению. И это при том, что большинство этнологов ГДР были высокообразованными профессиональными исследователями. Скорее всего можно предположить, что, с одной стороны, пример сильно идеологизированной советской этнографии был мало приемлем для большей части этнологов. А с другой, — следовать в условиях существовавшего режима каким-либо западным течениям тоже было невозможно. Очевидно, в значительной мере это и объясняло обращение большей части этнологов ГДР к преимущественно эмпирической тематике.

И только в немногих работах затрагивались теоретические проблемы, особенно в связи с вопросами социальных отношений. Наиболее показательны в этом отношении исследования по кочевничеству. Прежде всего об этом свидетельствует проведенный в Лейп-

цигском музее этнологии в декабре 1975 г. симпозиум «Номады в истории и современности», состоявшийся по инициативе директора музея В. Кёнига. В симпозиуме приняли участие ученые из ГДР, СССР, ФРГ и некоторых других западных стран⁹⁸⁹.

Этим проблемам были посвящены также монографии и статьи. Среди них в первую очередь следует назвать труд Вольфганга Кёнига «Ахал-Теке», посвященный хозяйству и социальной организации одного из крупнейших туркменских племен — теке. Книга написана на большом этнографическом полевом материале, собранном автором в экспедициях в Туркмению, и литературном материале. В исследовании много оригинальных и свежих мыслей, обогативших представления о номадизме⁹⁹⁰.

На основе полевых этнографических материалов был опубликован ряд монографий *Лотарем Штейном*, исследовавшим бедуинские племена Аравии⁹⁹¹.

Интересные работы по кочевничеству были опубликованы *Вольфом-Дитером Зайвертом* и *Хансом-Гергом Шинкелем*⁹⁹².

Несколько иначе обстояло дело в отношении исследований в области истории первобытного общества, где полностью царила марксистская идеология, и бесспорными истинами считались только мысли и установки Ф. Энгельса. Кстати, из моих личных наблюдений было замечено, что единственными наследниками марксистской методологии в истории первобытного общества считали себя только историки ГДР. К суждениям же советских коллег они относились с некоторым недоверием, считая их недостаточно ортодоксальными и излишне вольнодумными. Наиболее последовательной представительницей догматического марксизма можно считать берлинского историка, профессора *Ирмгарт Зельнов*. Нет смысла рассматривать здесь все ее труды и взгляды, имеющие лишь касательное отношение к этнологии. Поэтому назову лишь ее капитальный труд «Основные принципы периодизации первобытного общества», достаточно полно характеризующий позиции его автора⁹⁹³.

В сборнике, посвященном этнографии в странах социализма, опубликованном в СССР, помещена статья советских авторов (народоведов и историков первобытного общества) об этнографии в ГДР. Однако в основном она посвящена народоведению, и только в небольшом заключительном разделе, в самых общих словах, мало, что говорящих о предмете, упоминается об этнологии⁹⁹⁴.

Завершая раздел об этнографии (этнологии) в ГДР, вынужденно краткий, так как настоящая книга посвящена в основном проблемам этнологической теории, не получившей развития в ГДР, интересно привести суждение об ее послевоенной истории профессора Кельнского института этнологии Уллы Ёханзен⁹⁹⁵. Работа интересная, хотя и не во всем можно согласиться с ее автором.

Прежде всего, Ёханзен отмечает, что в ГДР этнология, как и в Советском Союзе, стала называться этнографией, хотя музеи традиционно продолжали именоваться как *Völkerkunde*. Этнографией стало называться и народоведение, хотя в некоторых случаях оно называлось по традиции — *Volkskunde*. Этнография стала официально относиться к числу исторических наук. Но, в последние десятилетия, как замечает Ёханзен, начала отмечаться ее связь с социальными науками: «Так что в этом отношении видно определенное сходство с этнологией ФРГ, в которой преобладает историческое исследование»⁹⁹⁶. Едва ли можно полностью согласиться с этим мнением. Что касается связи с «социальными науками», то, возможно, это можно сказать о некоторых работах по истории первобытного общества. Собственно этнологические работы в тех случаях, когда в них можно проследить теоретические тенденции, имели историческую направленность. Но это едва ли свидетельствует о связях в области теории с этнологией ФРГ. Так как в то время, о котором говорит рассматриваемый автор, в последней все более широкие позиции занимала социология и американская культурная антропология.

Справедливо, в общем, замечание Ёханзен о том, что до начала 1950-х гг. можно было «даже говорить»

о некотором единстве этнологической науки в обеих частях Германии. Это верно, так как в это время немецкая этнология ни на западе ни на востоке, еще не испытала заметного влияния в этнологи со стороны стран-победительниц.

Однако несколько излишне категорически звучат, однако, слова автора статьи о том, что: «И тут и там (то есть на востоке и на западе Германии — Г.М.) науку возрождало поколение, получившее образование между двумя мировыми войнами, когда происходило падение научного уровня и злоупотребление нашей науки нацизмом». То, что говорится о времени нацизма, вполне справедливо. Однако наиболее известные немецкие ученые получили образование не в годы нацизма, а значительно раньше. В то время, когда этнология находилась на значительном взлете, продолжая ряд традиций более раннего времени.

Ёханзен справедливо, в общем, отмечает, что в ГДР возрождение этнографии (этнологии) было заслугой супругов Евы и Юлиуса Липс, а также Фридриха Кало, Ханса Дамма и Зигфрида Вольфа, возродивших музеи из руин. Отмечается автором статьи также роль советских ученых в становлении этнографии в ГДР, которая стала основываться «на политической линии, то есть историческом материализме»⁹⁹⁷. Едва ли, однако, это утверждение полностью соответствует истине. Как уже отмечалось выше, воздействие марксизма и исторического материализма на этнографию в ГДР было в значительной мере поверхностным. И проявлялось главным образом в области истории первобытного общества.

Далее Ёханзен подробно останавливается на теоретических основах этнографии, принятых официально в ГДР. И при этом опять называет исторический материализм. «Вследствие чего, принятые на Западе *объективные истины* (подчеркнуто мной — Г.М.), в принципе не были действительны в ГДР. Здесь истина связывалась с классовыми интересами»⁹⁹⁸. По поводу того, что автор пишет о принятых теоретических основах в науке ГДР, особенно возразить нечего. Однако, утверждение о «принятых на Западе объективных истинах» весьма сомнительно. Прежде всего, вследствие постоянных разногласий между этнологами разных научных направлений.

Лишь формально утверждение Ёханзен о том, что к 1950-м гг. этнография ГДР восприняла исторический материализм, причем «из канонических сочинений первое место в этнографии занял Энгельс». Если бы автор добавила, что речь идет об историках первобытного общества, то не было бы никаких возражений. Однако что касается собственно этнологических публикаций (а не каких-либо устных выступлений на официальных собраниях), то анализ этнографической печатной продукции свидетельствует о том, что ни диалектический, ни исторический материализм, ни работа Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», не нашли даже скромного отражения в работах этнографов ГДР.

Вместе с тем рассматриваемый ученый права, когда она говорит о том, что многие марксистские положения этнографы ГДР (при этом речь может идти только об историках первобытного общества — Г.М.) понимали несколько иначе, в более догматическом плане, чем их советские коллеги.

Подробно рассматривает Ёханзен и, как думается, справедливо критикует «...капитальный труд Ирмгарт Зельнов об историческом материализме «Grundprinzipien einer Periodisierung der Urgeschichte». Причем Зельнов попыталась поправить советских коллег⁹⁹⁹. Нет нужды более подробно рассматривать критику работ Зельнов, в которых мало что говорится о собственно этнологических проблемах. Можно только добавить, что, как отмечает Ёханзен: «Начиная с 1960-х гг., не без влияния евромарксизма, этнография ГДР отказалась от односторонней связи с книгой Энгельса, и стала критически относиться к соответствующим положениям Маркса»¹⁰⁰⁰.

Завершает автор обсуждаемой статьи оценку теоретических основ этнографии ГДР (то есть практически, истории первобытного общества — Г.М.) весьма недружелюбно, и, к тому же мало вытекающим из сказанного ею выше утверждением, что «у этнографов ГДР очень часто отсутствует логика в теоретических работах...»¹⁰⁰¹. Это можно, наверное, сказать относительно обсуждаемых проблем первобытного общества, но едва

ли стоит распространять на этнографию (этнологию). Тем более что в большей части посвященных ей работ вообще не ставились теоретические задачи, а цели были преимущественно эмпирическими. Кстати, сама Ёханзен отмечает их достаточно высокий уровень, и практически отсутствие на них влияния исторического материализма. В качестве положительного примера она приводит «неоднократно используемый» труд Вольфганга Кёнига, в котором «вопрос о формации занимает не более половины страницы¹⁰⁰². Этот вывод Ёханзен, по моему мнению, совершенно справедлив.

Критически оценивает этот автор немногочисленные полевые исследования, проводившиеся этнографами ГДР. Констатируются недостатки в методике полевой работы, «по поводу которой, в отличие от англичан и американцев, а также в ФРГ Ханса Фишера, не проводятся дискуссии. Далее следует пессимистическое заключение о том, что проводимые в ГДР полевые исследования «не соответствуют западным требованиям». Однако каковы эти «требования», и существуют ли они вообще, остается не ясным. А то, что говорят и пишут отдельные ученые далеко не бесспорно.

В целом, заканчивая краткий экскурс в историю этнографии (этнологии) в ГДР, можно отметить, что при ограниченных финансовых и других возможностях, ее ученые сделали немало для этнологической науки. Многочисленные публикации служат этому доказательством.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: КРИЗИС В ЭТНОЛОГИИ ИЛИ ЕЕ ПРОЦВЕТАНИЕ?

Рассмотренные работы западногерманских, австрийских и швейцарских авторов, прошедшие дискуссии свидетельствуют в целом о том, что, как и в первую половину XX в., в странах немецкого языка отсутствовали теоретические направления, объединявшие не только всех, но и значительную часть этнологов. Общая, довольно пестрая картина показывает, с одной стороны, сохранение некоторых традиционных направлений. А с другой — постепенное, все большее преобладание социологических направлений и влияние американской культурной антропологии.

Немецкоязычными авторами было опубликовано большое число книг и статей, в которых излагается материал, полученный во время полевых экспедиционных работ в самых разных областях мира.

Что касается теоретических направлений в немецкоязычной этнологии, то до конца XX столетия некоторые позиции, особенно у авторов старшего и среднего поколения, продолжал сохраняться исторический подход, понимаемый разными исследователями далеко не одинаково. Этой проблеме уделялось, особенно в Австрии, особенно большое внимание. Вопрос об исторической этнологии дискутировался на многих конференциях и симпозиумах, а также в многочисленных публикациях. Впрочем, проблема исторического подхода в этнологических исследованиях интересовала и многих германских и швейцарских ученых. Но, постепенно, особенно среди послевоенного поколения этнологов, все больше возрастал интерес к социологическим подходам. А также к английской социальной и американской культурной антропо-

логии. Привлекала и этнопсихология, пропагандировавшаяся в свое время в трудах Рихарда Турнвальда, Вильгельма Мюльмана и близких им по духу этнологов и социологов. Существенно отметить, что по мере распространения новых теоретических подходов в немецкоязычной этнологии и вслед за возрастанием популярности американской культурной антропологии стал угасать интерес к проблемам этнологической теории и теоретическим исследованиям в целом. Практически единственным требованием к этнологу становилась полевая этнографическая работа, в значительной мере в социологическом ракурсе, и, к тому же, без необходимого теоретического осмысления. Можно полагать, что эта тенденция, имеющая, как думается, следствием вытеснение традиционной этнологической науки социологическими подходами, и отказ от историзма, продолжится и в дальнейшем. Одновременно будет продолжаться накопление эмпирического материала.

Можно ли предсказать будущее нашей науки в странах немецкого языка? Едва ли это возможно. Насколько справедливы заявления о «кризисе в этнологии»? Они раздавались со времени ее возникновения, и, обычно, были вызваны появлением в науке новой ориентации. Думается, что так же обстоит дело и сегодня. Новые жизненные и политические условия ставят новые задачи. То, что называют иногда «колониальной этнологией», уже пришло к концу. Усиливается «социологизация» этнологии. Но, возможно, это не ведет к кризису науки, а тем более к ее исчезновению. Просто этнология становится другой. Можно вздыхать по «старым добрым временам». Но объективный ход истории требует новых подходов к новым проблемам. Так что «кризис» — это лишь переходное время, когда еще существуют старые теоретические подходы и окончательно не сформировались новые. А каким будет будущее *новой* этнологии — покажет время.

■ Этнологические центры. Институты и семинары

Германия

- Институт этнологии Свободного университета Берлина.
Институт этнологии. Берлин. Университет им. Гумбольдта.
Институт этнологии и африканистики при университете им. Людвига Максимилиана. Мюнхен.
Институт этнологии. Тюбинген.
Институт этнологии. Гейдельберг.
Этнология. Университет. Байрейт.
Семинар по этнологии. Бонн.
Институт исторической этнологии при Университете им. И.В. Гете. Франкфурт-на-Майне.
Институт им. Фробениуса при университете им. И.В. Гете. Франкфурт-на-Майне.
Институт этнологии. Фрейбург.
Институт и собрание по этнологии. Геттинген.
Институт этнологии при Гамбургском университете.
Институт этнологии при Кёльнском университете. Институт этнологии и африканистики при университете им. Гутенберга. Майнц.
Семинар по этнологии. Марбург.
Семинар по этнологии Вестфальского университета им. Вильгельма. Мюнстер.

Австрия

Институт этнологии при Венском университете.

Швейцария

Этнологический семинар при Базельском университете.
Институт этнологии при Бернском университете.

Этнологический семинар. Фрейбург.
Институт этнологии Женевского университета.
Институт этнологии Университета Неушатля.
Этнологический семинар Цюрихского университета.

Музеи этнологии (Völkerkunde)

Приводятся названия только крупных специализированных этнологических музеев.

Германия

Музей этнологии. Государственные музеи Прусского культурного наследия. Берлин.
Археолого-этнографический учебный музей семинара по этнологии при Боннском университете.
Городской музей. Отделение Völkerkunde. Брауншвейг.
Музей этнологии. Франкфурт на Майне.
Музей этнологии. Фрейбург.
Собрание по этнологии Университета Геттинген.
Музей этнологии. Гамбург.
Отделение этнологии Нижнесаксонского музея страноведения.
Музей этнологии при Зоологическом музее университета Кия.
Музей этнологии им. Раутенштраух-Ёста. Кёльн.
Собрание по этнологии (музей) Ганзейского города Любек.
Собрания по этнологии города Маннгейм.
Государственный музей этнологии. Мюнхен.
Линден-музей. Штуттгарт. Государственный музей этнологии.
Государственный музей этнологии и Исследовательский центр. Дрезден.
Государственный музей этнологии и Исследовательский центр. Лейпциг.

Австрия

Миссионерский музей. Замок Ридегг. Гальнеукирхен.
Этнографический музей. Замок Киттзее. Киттзее.
Миссионерский этнографический музей Св. Габриэль. Медлинг.
Музей этнологии. Вена.

Швейцария

Выставка Базельской миссии. Базель.
 Собрание Базельской миссии. Базель.
 Музей этнологии и Швейцарский музей этнологии. Базель.
 Музей этнологии. Бургдорф.
 Этнографический музей города Женевы.
 Этнографическая коллекция Университета Фрейбург. Фрейбург.
 Этнографический музей. Женева.
 Этнографический музей. Нейшатель.
 Исторический музей Санкт Gallen. Собрание этнологии.
 Санкт Gallen.
 Музей этнологии Университета. Цюрих.

Этнологические общества

Anthropologische Gesellschaft in Wien
 Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und
 Urgeschichte. Berlin.
 Deutsche Gesellschaft für Völkerkunde e. V. München.
 Frobenius Gesellschaft. Frankfurt a. M.
 Geographisch-Ethnographische Gesellschaft. Zürich.
 Geographisch-Ethnologische Gesellschaft. Basel.
 Gesellschaft für Erd- und Völkerkunde zu Bonn.
 Gesellschaft für Erd- und Völkerkunde zu Stuttgart.
 Gesellschaft für Völkerkunde Köln, Verein zur Förderung des
 Rautenstrauch. Jost-Museums für Völkerkunde. Köln.
 Institut für Ökologie und angewandte Ethnologie.
 Mönchengladbach.
 Institut für Ökologie und angewandte Ethnologie, Schweiz.
 Zürich.
 Österreichische Ethnologische Gesellschaft. Wien.
 Schweizerische Ethnologische Gesellschaft. Bern.
 Verein «Freunde der Völkerkunde». Wien.

Журналы и периодические издания

Anthropos
 Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für
 Völkerkunde Dresden.
 Kleine Beiträge. Aus dem Staatlichen Museum für Völkerkunde
 Dresden.

Archiv für Völkerkunde. Herausgegeben vom Verein «Freunde der Völkerkunde». Wien.

Baessler Archiv. Beiträge zur Völkerkunde. Berlin.

Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. Berlin.

Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig.

Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde zu Leipzig.

Münchener Beiträge zur Völkerkunde. München.

Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.

Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde Hamburg.

Sociologus. Zeitschrift für empirische Soziologie, Sozialpsychologie, und ethnologische Forschung.

Tribus. Veröffentlichungen des Linden-Museum. Stuttgart.

Zeitschrift für Völkerkunde. Berlin.

Zeitschrift für Völkerkunde. Wien.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адам Л. 114, 200, 340, 353, 364, 378, 391, 479
Айхель 116
Амборн Г. 394
Амон О. 92
Анкерман Б. 73, 75, 81, 82, 108, 139, 140, 144, 146, 166, 277, 335, 436
Аристова Т.Ф. 474
Ардт П. 253, 340
Ахелис Т. 36
- Бакхауз В. 101
Бартель Т. 233
Бастиан А. 22-32, 38, 39, 45, 50, 53, 54, 63, 70, 80, 89, 154, 208, 222, 240, 241, 244, 252, 361, 362, 363, 364, 365, 368, 370, 371, 410
Бауман Г. 110, 113, 135, 138-139, 200, 201, 221, 257, 258-260, 261, 363, 364, 370, 379, 382, 406, 428, 435
Бауэр К.Х. 219
Бах И.С. 13
Бахофен И.Я. 33, 70, 111, 182, 296, 370, 386
Бек С.Н. 351
Бенидикт Р. 303, 454
Бенцинг Б. 361, 394
Бергатски Т. 394
Бергиус Р. 338, 349
Берендт Р.Ф. 347
Бергатцик Т. 361, 479
Бернатцик Х. 224, 240-243, 348, 364, 370
Бернхейм Э. 39, 79, 437
Беухельт Э. 361, 394
Бётгер В. 484
- Биерхенке В. 352
Биркет-Смит К. 329
Бломе Г. 221
Боас Ф. 39, 82, 173, 366
Борнеман Ф. 255
Браукемпфер У. 437-439
Брехт Б. 101
Бромлей Ю.В. 468, 471
Брудель Ф. 435
Брук А. 459, 450
Брюннинг Г. 100
Бульк ван К. 145, 425
Бундейдник Ф.Ю. 452
Бурмайстер 62
Бушан Г. 37
Бэк Г. 481
Бюттнер Т. 376
- Вагнер Г. 387
Вайда Л. 164, 343, 376, 475, 478
Вайц Т. 19-20, 363, 370, 371
Вальтер Р. 111
Вальячек Ф. 371
Ван ден Брук 102
Вебер М. 183, 218, 254, 296
Вейле К. 241, 256, 335, 350, 484
Вельфель Д.И. 425
Вернхарт К. 427, 429-434, 435, 467
Вестерман Д. 220, 224, 304, 349, 410
Вестерман Е. 129, 143
Вестфаль-Хелльбуш 179, 236-237, 254, 304-307, 331, 347
Веуле К. 40, 370, 482
Вильгельм II 72
Вильчевский О.Л. 474
Винкельман И. 486
Вирхов Р. 24, 26, 364

- Воленберг Х. 167-172
 Вольтман Л. 93
 Вольф З. 483, 489
 Вольфель Д. 114
 Вормс Э. 340
 Вундт В. 90, 92, 174, 218, 256, 363, 370

 Гадамер Х.-Г. 452
 Гебель П. 484
 Гебсер Ж. 333
 Гегель Г.В.Ф. 13, 16
 Геккель И. 110, 145, 254-255, 257, 263, 423, 425, 433, 435, 479
 Геккель Э. 14
 Гелен А. 481
 Гельдерн Х. 243
 Гендель 13
 Гердер И.Г. 15, 70
 Герман Ф. 479
 Герндт Х. 377
 Герланд Г. 50
 Гермер Э. 484
 Гернес М. 37
 Геррман В.К. 112
 Геррманс М. 343, 349
 Герцог Р. 343, 345, 347, 475, 479
 Гете И.В. 13, 260
 Гёеце Д. 441
 Гиезер В. 347
 Гизекинг Б. 101
 Гимлер Г. 111, 386
 Гингрих А. 463, 464, 465
 Гинденбург фон 99, 100
 Гиртлер Р. 453
 Гитлер А. 99, 100, 103, 105, 112, 116, 189, 207, 216, 378, 387
 Глатцер Б. 476
 Глюк 13
 Глюк Ю.А. 278, 329, 331-333, 344
 Гобино Ж.А. 92, 102
 Голь Р. 237-240, 314, 331
 Гольденвейзер А.А. 261
 Голомб Л. 255
 Готш М.А. 17, 392
 Гребнер Ф. 64, 73, 75, 78-82, 86, 87, 94, 139, 145, 146, 166, 180, 192, 208, 260, 261, 263, 277, 335, 352, 366, 367, 399, 428, 429, 432, 436, 438, 439, 462
 Гримм Г. 102

 Гузинде М. 123, 133, 135, 255
 Гумилев Л.Н. 59
 Гумплович 91
 Гюнтер Х. 38, 364, 370

 Дамм Х. 110, 113, 388, 483, 485, 489
 Дамман Э. 340
 Данцель Т.В. 108, 114, 380
 Дарвин Ч. 14, 19, 24, 161, 244, 371
 Даре В. 386
 Деелерс Г. 479
 Диссельхоф Х.Д. 110
 Диттмер К. 257, 322-329, 348, 352, 479
 Доре 111
 Досталь В. 132, 304, 343, 368, 434, 455, 456
 Дрегер Л. 484
 Дрост Д. 484
 Думаси А. 361, 409
 Дюринг Е. 92, 102
 Дюркгейм 335

 Ель-Бальзен С. 390
 Ензен А. 74, 110, 114, 165-167, 243, 252, 257, 260, 261, 269-278, 339, 351, 352, 353, 363, 370, 435
 Ензен Ю. 361, 394, 401, 409-411, 447
 Ениш Д. 17, 18
 Еттмар К. 243, 246, 254, 263, 265-266, 340, 341, 342, 343, 368, 402-403, 452, 457, 473, 477, 479

 Ёханзен У. 353, 361, 394, 473, 488-491

 Зайверт В.-Д. 487
 Захс Л. 114
 Зеелигер Р. 379
 Зельнов И. 460, 487, 490

 Изелин И. 15
 Ике-Швальбе Л. 483
 Инкварт З. 113, 145
 Кало Ф. 489

 Кант 13, 15-16
 Карус Ф.А. 17
 Карутц Р. 108, 380
 Кассиерер Е. 284

- Кейтер Ф. 220, 353
 Келер О. 340, 367, 375
 Келлерман Б. 101
 Кемпф В. 101
 Кенинг В. 484, 487
 Кестнер К.-П. 483
 Кёлер А. 434-435
 Кёнинг О. 481
 Кёнинг Р. 347
 Киперт И.С. 18
 Клейн Г. 243
 Клемм Г. 17, 371
 Клосс А. 267
 Кокот В. 361, 394, 439
 Коленберг К. 353
 Колер 296
 Колосс Х.И. 371
 Коль К.-Х. 414-415
 Кольб Г.Ф. 20, 37
 Коль-Ларсен Л. 112
 Кольман И. 86
 Конрад В. 243
 Контанг Ю. 423
 Конте Э. 132, 390
 Копперс В. 108, 110, 113, 123,
 129, 130, 133, 134, 143, 144,
 145, 241, 244, 249, 250, 252-
 253, 254, 258, 262, 263, 380,
 382, 425, 426, 429, 439
 Кортт И. 477
 Косвен М.О. 177
 Кох Г. 349
 Краузе Ф. 108, 110, 112, 113, 116,
 218, 368, 378, 380, 387, 473
 Краус В. 343
 Кребс Н. 304
 Крейзе Ф. 335
 Кремер А. 88
 Крикеберг В. 110, 172, 200, 201,
 214, 215, 223, 224, 363, 364,
 370, 378, 379, 391
 Кробрер А.Л. 261, 296
 Кросс А. 368
 Кунов Г. 114, 174-175, 318
 Куссмауль Ф. 343, 346, 476
 Кустерер К. 477
 Куттер У. 372

 Лагард П. 102
 Ламарк Ж.Б. 14
 Ланг Х. 335, 361, 394, 458, 471, 472
 Лаубшер М. 361, 394, 422

 Лауфер К. 135, 256
 Леббок Д. 46
 Леви-Брюль Л. 108, 132, 199,
 245, 246, 296, 335, 366, 380
 Леви-Стросс К. 408, 409, 420,
 421, 430, 435
 Левин М.Г. 140
 Ледебур фон Л. 25
 Лезер П. 114, 364
 Лейбниц 13
 Леман Ф.Р. 110, 114, 218, 221,
 256, 388
 Ленг 86
 Ленц В. 217, 218
 Леруа-Гуран А. 261
 Лестер Ф. 372
 Лиликталь 193
 Линней К. 19
 Липперт Ю. 36
 Липс Е. 390, 485, 489
 Липс Ю. 81, 108, 114, 221-222,
 364, 378, 387, 388, 390, 485,
 489
 Ломмель А. 307, 347
 Ломмель Г. 170
 Лоуи Р. 129, 296, 302, 303
 Лоффлер Л. 308, 353, 423, 447,
 466, 479
 Лушан фон Ф. 38, 91, 158, 178,
 226, 241, 335

 Майстер Р. 253
 Мак-Леннан Д. 46, 182, 296
 Максимов А.Н. 34
 Малер Г. 101
 Малиновский Б. 92, 183, 200,
 201, 215, 303, 366, 376, 379,
 410, 418, 430, 460
 Манн Г. 101
 Манн Т. 101
 Манхен-Хельфен О. 114
 Маркс К. 319
 Марр В. 102
 Марр Н.Я. 49
 Маршалль В. 423
 Меллер А. 102
 Мельк-Кох М. 303, 372-374
 Менгин О. 136, 220
 Мердок Г.П. 261
 Меркур Ф. 220
 Метнер Н.Я. 101
 Мид М. 454, 456

- Мильке В. 108, 218
 Мих Ф.Ю. 479
 Морган Л.Г. 33, 41, 46, 128, 131,
 182, 210, 296, 318, 451, 471
 Морман У. 486
 Моцарт 13
 Мюке Р. 336, 337
 Мюллер Э.В. 289, 307, 308, 309,
 331, 347, 361, 395
 Мюллер К. 365, 435
 Мюллер Ф.Х. 18
 Мюльман В. 8, 110, 112, 113,
 179, 202-218, 220, 223, 224,
 241, 263, 277, 289, 307-320,
 321, 322, 324, 331, 348, 353,
 363, 364, 368, 369, 370, 377,
 378, 379, 387, 388, 389, 390,
 391, 394, 395, 397, 398, 403,
 405, 428, 435, 438, 441, 444,
 445, 451, 452, 467, 468, 493
 Мюльфельд Ц. 441
 Нарр К.Е. 254, 340, 343, 452
 Науман Г. 200
 Науман П. 143, 483
 Неверман Х. 110, 340, 353, 363,
 370, 391, 479
 Ниггемейстер Г. 352
 Никсдорф Х. 478
 Ниппольд В. 348-349
 Нитшке А. 452
 Ницше Ф. 101
 Ноак К. 363
 Новотный К. 240, 408, 438
 Носке 98
 Олдерман Г. 352
 Ольдерогге Д.А. 158
 Папен фон П. 100
 Папрот Х.-И. 363, 370, 477
 Пассарже З. 222
 Паудлер 382
 Петри Х. 267, 340, 353
 Пешель О. 37, 363, 370
 Плишке Х. 110, 113, 222, 349,
 351, 363, 370, 382
 Подах Е.Е. 244, 245
 Польхаузен Х. 343-344
 Поуэлл Дж. 443
 Праццоляр Ё.П. 349
 Преображенский П.Ф. 79
 Преусс К.Т. 22, 28, 37, 110, 112,
 113, 215, 223, 245
 Притчард Э. 397
 Прудон 131
 Пфеффер Г. 460-461, 463, 471,
 472
 Пютцштюк Л. 389-391
 Ратцель Ф. 28, 52-67, 70, 71, 73,
 74, 83, 94, 141, 144, 154, 222,
 240, 241, 261, 328, 335, 363,
 366, 368, 370, 371, 406, 428,
 429, 465
 Раум И. 361, 394
 Ремарк Э.М. 101
 Рейзингер Л. 456
 Рейхе О. 113, 350
 Рене С. 376
 Риверс У. 129, 296
 Риккерт Г. 79, 399, 437
 Риттер Б. 18
 Розенберг А. 103, 111, 160, 206,
 386
 Рок Ф. 427, 432
 Ропке Ё. 472, 479
 Роутил Р. 425
 Рудольф В. 235, 308, 314, 320,
 321-322, 331, 347, 361, 394-
 402, 421, 423, 441-452, 468-
 471, 474, 479
 Руссо Ж.-Ж. 15, 131
 Рустов А. 344-345
 Руш В. 484
 Рэдклиф-Браун А.Р. 430, 444,
 450
 Рюль А. 134
 Рюре Б. 18
 Салат И. 367-368
 Самсон О. 114
 Сапир Е. 261
 Селлер К. 331
 Сидов Э. 388
 Сиксель С.В. 479
 Синг С. 338, 349
 Смола Г. 352
 Содерблом Н. 256
 Спенсер Г. 192
 Стагль Ю. 394
 Старке К. 129, 296
 Стевард Дж. 455
 Стиннес 98

- Таубе Э. 484
 Тейлор Е.Б. 451
 Тейлор Э. 46, 335, 365, 406
 Термер Ф. 109, 110, 382, 388
 Тилениус Г. 108, 109, 110, 113,
 179, 335, 380, 381-382, 387
 Тишнер Г. 352, 353
 Тойнби 333
 Токарев С.А. 52, 79, 465
 Томазий Х. 14
 Торар А. 220
 Траппе П. 347-348
 Трейде Б. 484
 Трейде Д. 485, 486
 Тримборн Г. 110, 113, 123, 135-
 138, 233, 236, 257, 263-264,
 300, 340, 341, 353, 363, 370,
 395, 422, 449, 478
 Турнвальд Р. 8, 90-94, 108, 110,
 176-202, 204, 208, 214, 215,
 218, 220, 223, 224, 234, 235,
 241, 242, 244, 264, 280-304,
 305, 307, 308, 309, 319, 325,
 331, 335, 336, 338, 347, 352,
 363, 364, 366, 368, 370, 372-
 376, 377, 378, 379, 380, 388,
 394, 404, 410, 418, 428, 438,
 440, 441, 442, 443, 460, 493
 Турнвальд Х. 202, 235, 281, 282,
 284, 292, 301, 303, 321, 347
 Турнер Б. 363, 370, 422
 Тшоль П. 447, 449

 Уайт Л. 366
 Унгер Я. 37
 Унру 193
 Урбан М. 343

 Фаренфорт Я. 134
 Фейхтвангер Л. 101
 Фергюссон А. 451
 Фергюссон Д. 46
 Фермойлен Х.Ф. 372
 Финдайзен Х. 339, 340
 Фиркандт А. 37, 91, 174, 178,
 203, 218, 244, 347
 Фихте И.Г. 13, 16, 18
 Фишер Е. 304
 Фишер Х. 110, 112, 113, 114,
 308, 314, 361-362, 365-366,
 379-382, 386-388, 390, 394,
 396, 411-414, 415, 421, 450,
 491
 Фишер Э. 208, 349
 Флор Ф. 113, 123, 144-145
 Фоглер П. 452
 Фой В. 81, 221
 Фолльграф К. 18, 20
 Фоссен Р. 420-421
 Франк Л. 101
 Фрезер Д.Г. 46, 335
 Фрейд З. 132, 199
 Фрейер Х. 304, 307
 Фридрих А. 171, 308
 Фриедермютц-Лау А. 23, 27, 28,
 363
 Фризен Я. 116
 Фробениус Л. 68-76, 78, 82, 83, 94,
 110, 111, 139, 140, 141, 142, 144,
 147-165, 166, 167, 168, 169, 170,
 171, 172, 235, 241, 257, 260, 268,
 269, 270, 272, 273, 275, 277, 328,
 335, 351, 363, 366, 370, 371, 376,
 377, 378, 380, 386, 391, 404, 406,
 436, 438
 Фройлих В. 113, 479
 Фукс П. 340
 Функе Ф. 483

 Хаберланд Э. 108, 268 349, 361,
 376, 380, 436-437
 Хамбрух Х. 108, 109, 380
 Хан Э. 175
 Харрис М. 366
 Хартвиг В. 484
 Хартланг 335
 Хартман Р. 24
 Хартман Х. 352
 Хартфиель Г. 481
 Харузин Н.Н. 46
 Хаусхофер 378
 Хаушильд Т. 171, 378, 379, 390, 478
 Хейдрих М. 110, 113
 Хейлер Ф. 340
 Хейне П. 376
 Хейне-Гельдерн Л. 114, 254, 263
 Хейнрихс Х.Ю. 172, 376
 Хейссиг В. 247
 Хельблинг И. 465-466
 Хельбок Ф. 218
 Хельбруш З. 282
 Хельпак В. 218
 Хемпель Р. 483
 Хензель Ф. 334-338
 Херцковиц М. 261, 410

- Хессе К. 476
 Хеусс А. 453
 Хильдебрандт Х.Ю. 368-370
 Хиршберг В. 110, 113, 135, 139-144, 257, 262-263, 347, 362, 368, 403, 425, 426, 427, 428, 432, 434, 435
 Хонигсхейм П. 146
 Хорнбостель Э.М. 114
 Хупперт Ю. 343
 Хусман Р. 481
- Цаноли Н. 349
 Цвейг А. 101
 Цвейг С. 101
- Чебоксаров Н.Н. 140
 Чемберлен Д. 92
 Чемберлен Ф.Х. 102
- Швейцер М. 439
 Швейцер Т. 361, 394, 439
 Шебеста П. 123, 133, 135, 339, 433
 Шейдт В. 109
 Шеллинг Ф. 13, 16
 Шерман Л. 42, 114
 Шеффель 193
 Шибольд Р. 220
 Шиллер 13
 Шильде В. 50
 Шиндлер Х. 456-457
 Шинкель Х.-Г. 487
 Широкогоров С.М. 212, 213, 314, 319, 322, 324, 326, 467, 468, 471
 Шлее Г. 439
 Шлезиер Г. 244
 Шлезиер К.Е. 455
 Шлезиер Э. 308, 330-331, 347
 Шленгер У. 364, 486
 Шлецер А.Л. 15
 Шлиман Г. 69
 Шлоссер К. 340
 Шмидт-Коварчик В. 416, 417, 449, 460
 Шмидт В. 73, 75, 81, 82, 84-88, 94, 108, 110, 118-133, 134, 135, 136, 142, 143, 144, 145, 180, 201, 215, 238, 241, 244, 248-252, 253, 254, 258, 262, 263, 268, 276, 329, 335, 339, 349, 364, 366, 367, 370, 377, 380, 404, 424, 425, 426, 429, 432, 433, 435, 436, 437, 438, 439, 463, 464, 465, 466
 Шмидт М. 222-223
 Шмидль М. 425
 Шмитц К.А. 257, 258, 260-262, 268, 308, 363, 370, 428-429, 437, 449
 Шнабель А. 101
 Шнейдеман 98
 Шнейдер М. 479
 Шольде-Иррлитц Л. 182, 376
 Шопенгауэр А. 101
 Шотт Р. 246, 308, 340-341, 347, 361, 394, 395, 403-408, 450, 479
 Шпаннаус Г. 285, 286, 350-351
 Шпенглер О. 77, 101, 152, 168, 333
 Шпитглер Г. 422
 Штагль Ю. 416, 417-420, 453
 Штейн Л. 484-485, 487
 Штейнен фон К. 31, 39, 91, 162, 163
 Штейнметц Р. 108, 218
 Штейнмец С. 93, 380
 Штраубе Х. 268, 352
 Штраус Р. 101
 Штреземан Г. 98, 99
 Штрек Б. 391
 Штрекер И. 307
 Штрук Б. 113, 382
 Шурц Г. 34-36, 50, 154, 241, 296, 370, 410
 Шустер М. 352
- Эберт 98, 99
 Эванс-Причард Е.Е. 444, 445, 455
 Эйкельпаш Р. 416, 453
 Эйкштедт Э. 220, 382
 Эккерт Г. 110, 113, 264
 Энгельс Ф. 31, 128, 131, 175, 318, 487, 490
 Эренрейх П. 39, 335
 Эркес Э. 114
 Эртле Д. 479
- Якобайт В. 486

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Марков Г.Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Часть 1. Немецкая этнология. М., 1993; *Его же*. Очерки истории немецкой науки о народах. Часть 2. Народоведение. М., 1993.
- ² Семенов Ю.И. Ценный вклад в историографию этнологической науки // Этнографическое обозрение. 1995. № 4.
- ³ См.: Марков Г. Е. Очерки истории науки о народах. Часть 2. Немецкое народоведение. М., 1993.
- ⁴ См.: Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.
- ⁵ См. напр.: Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978; Марков Г.Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Часть 1. Этнология. М., 1993; Winkelmann I. Anfänge völkerkundlichen Lehre und Forschung // Beiträge zur Geschichte der Humboldt — Universität zu Berlin. Nr. 28. Geschichte der Völkerkunde und Volkskunde an der Berliner Universität. Zur Bearbeitung des Wissenschaftserbes. Berlin, 1991.
- ⁶ Kutter Ulli. Volks-Kunde — ein Beitrag von 1782 // Zeitschrift für Ethnologie. Jahrgang 74. 1978. B. 2. S. 161; см. также Фермолен Х.Ф. Происхождение и институализация понятия «Völkerkunde» (1771 — 1843) // Этнографическое обозрение. 1994, № 5. В это же время возникло наименование другой новой науки «Volkskunde», изучавшей европейское, главным образом немецкоязычное население. Там же.
- ⁷ См. напр.: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 183; Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 28 и след.
- ⁸ Fleischmann M. Christian Thomasius. Leben- und Lebenswerk. Halle (Saale). 1931.
- ⁹ Herder J. G. Sämtliche Werke. B. 146, Berlin, 1784 — 1785.
- ¹⁰ Германская история. М., 1870. Т. 1.
- ¹¹ Число такого рода публикаций, содержавших значительный, правда, не всегда вполне достоверный фактический

- материал, очень велико и здесь не место для их рассмотрения. Поэтому достаточно ограничиться примером весьма удачной работы: *Niebur C. Beschreibung von Arabien aus eigenen Beobachtungen und im Lande selbst gesammelten Nachrichten.* Kopenhagen, 1772; *Kutscher G. Berlin als Zentrum der Altamerika — Forschung. Eine Bibliographische Übersicht // Jahrbuch Stiftung Preußisches Kulturbesitz.* Bd. 4 (1966). С. 88 — 122.
- ¹² *Jenisch D. Universalhistorische Überblick der Entwicklung des Menschengeschlechtes als eines sich fortbildenden Ganzen. Eine Philosophie der Kulturgeschichte.* 2 Bde. Berlin, 1801.
- ¹³ *Gotsch M. A. Geschichte der Kultur des Menschengeschlechtes im Allgemeinen und jedes einzelnen welthistorischen Volkes insbesondere.* 3 B-de. Wien, 1803.
- ¹⁴ *Carus F. A. Ideen zur Geschichte der Menschheit. Nachgelassene Werke.* Leipzig, 1809.
- ¹⁵ *Klemm G. Allgemeine Kultur — Geschichte der Menschheit.* 10 Bde. Leipzig, 1843 — 1852. Bd. 1. Einleitung und Urzustände der Menschheit. Leipzig, 1843.
- ¹⁶ *Schlenter Ursula. Zur Geschichte der Völkerkunde in der Berliner Universität von 1810 bis 1945. // Wissenschaftliche Zeitschrift Humboldt Universität.* B. 9 (1959 — 1960). Beiheft. С. 67, 68.
- ¹⁷ *Jenisch D. Universalhistorische Überblick der Entwicklung des Menschengeschlechtes als eines als sich fortbildenden Ganzen.* Berlin, 1801.
- ¹⁸ *Vollgraf Karl. Erster Versuch einer wissenschaftlicher Begründung der allgemeinen Ethnologie durch die Anthropologie wie auch der Staats- und Rechtspilosophie durch die Ethnologie der Nationalität der Völker. Drei Theile.* Marburg, 1851 — 1855.
- ¹⁹ Ср. напр.: *Токарев С.А. История зарубежной этнографии.* С. 28, 29.
- ²⁰ *Waiz Th. Anthropologie der Naturvölker.* Marburg. 6 Bände. 1858 — 1872. Нельзя согласиться с точкой зрения С.А.Токарева о том, что Вайц выступил в печати «почти одновременно» с Бастианом. Его первая крупная публикация вышла в свет раньше, чем капитальный труд Бастиана. См.: *Токарев С.А. История зарубежной этнографии.* С. 32.
- ²¹ *Kolb G. F. Geschichte der Menschheit und der Kultur.* 2 Bde. Prozheim, 1843. 2-te Auflage. Leipzig, 1869 — 1870; *Кольб Г. Ф. История человечества и культуры.* Киев, 1897 — 1899.

- ²² *Unger J.* Die Ehe in ihrer welthistorischen Entwicklung. Ein Beitrag zur Philosophie der Geschichte. Wien, 1850; *Унгер И.* Брак в его всемирно-историческом развитии. Киев, 1884.
- ²³ *Vollgraf K.* Erster Versuch einer wissenschaftlicher Begründung sowohl der allgemeinen Ethnologie durch die Anthropologie wie auch der Staats- und Rechts-Philosophie durch die Ethnologie oder Nationalität der Völker. Drei Teile. Marburg, 1851 – 1855. Следует иметь в виду, что книга написана довольно архаическим языком и весьма трудна для чтения.
- ²⁴ Ср.: *Westphal-Hellbusch S.* Hundert Jahre Ethnologie in Berlin, unter besonderer Berücksichtigung ihrer Entwicklung an der Universität // Hundert Jahre Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgesellschaft. Berlin, 1969.
- ²⁵ Так, в учебнике *С.А. Токарева* «История зарубежной этнографии», Бастиану уделено три страницы (а всему немецкому эволюционизму 6). В нескольких строках упоминают о Бастиане и другие авторы: напр. *Ю.В. Бромлей* в книге «Этнос и этнография». М. 1973; *Р. Ф. Итс* в учебнике «Введение в этнографию». Л., 1974, в энциклопедических статьях. Немного можно найти и в зарубежной литературе. См. напр.: *Steinen Karl von.* Gedächtnisrede auf Adolf Bastian // Zeitschrift für Ethnologie. Jg. 37. 1905; *Preuss K.Th.* Adolf Bastian und die heutige Völkerkunde. Zum Gedächtnis seines hundertjähriges Geburtstages am 26 Juni 1826 // Baessler Archiv. B. 10. Berlin, 1926; *Ankermann B.* Die Entwicklung der Ethnologie seit Adolf Bastian // Z. F. E. Jg. 58. 1926. Heft 1 – 2; *Mühlmann W.* Methodik der Völkerkunde. Stuttgart. 1938. Некоторое исключение составляет недавно изданная работа *Аннемарие Фиегермутц – Лау: Fiedermutz-Laun A.* Der Kulturhistorische Gedanke bei Adolf Bastian. Systematisierung und Darstellung der Theorie und Methode mit dem Versuch einer Bewertung des Kulturhistorischen Gehaltes auf dieser Grundlage // Studien zur Kulturkunde. B. 27. Wiesbaden. 1970.
- ²⁶ *Preuss K. Th.* Adolf Bastian und die heutige Völkerkunde...
- ²⁷ Это отмечают многие авторы и, в частности, *В. Маршал (Marschall W.)* Besprechung // Tribus. No. 21. 1972).
- ²⁸ *Preuss K.Th.* Adolf Bastian und die heutige Völkerkunde...
- ²⁹ *Ledebur L. von.* Die Geschichte der Königlichen Kunstammer in Berlin. Berlin, 1931; *Volber Th.* Sammlungstendenz des siebzehnten Jahrhunderts // Museumskunde. 1909 (без места издания).

- ³⁰ *Bahnsen K.* Über ethnographische Museen. Wien, 1888; *Scheffer K.* Der Berliner Museumskrieg. Berlin, 1921; *Westphal-Hellbusch S.* Zur Geschichte des Museums // Baesler-Archiv. N. F. B. XXI (1973).
- ³¹ *Bastian A.* Ethnologische Forschungen und Sammlungen von Material. Bd. 1, 2. Berlin, 1871 – 1873; idem. Die deutsche Expedition an die Loangoküste. Bd. 1, 2. 1874 – 1875.
- ³² *Bastian A.* Der Mensch in der Geschichte. B. 1. Leipzig, 1860.
- ³³ *Bastian A.* Allgemeine Grundzüge der Ethnologie. Berlin, 1884; idem. Zur heutigen Sachlage der Ethnologie in nationaler und sozialer Bedeutung. Berlin, 1899.
- ³⁴ *Bastian A.* Beiträge zur vergleichenden Psychologie. Die Seele und ihre Erscheinungsformen in der Ethnographie. Berlin, 1868; Ibid. Allerlei aus Volks- und Menschenkunde. 2 Bde. 1888.
- ³⁵ *Bastian A.* Über Methoden in der Ethnologie // Petermanns Mitteilungen. Jg. 1893.
- ³⁶ *Bastian A.* Zum Seelenbegriff in der Ethnologie (без места издания и года).
- ³⁷ *Fiedermütz-Laun.* Der kulturhistorische Gedanke...
- ³⁸ *Preuss K.Th.* Adolf Bastian und die heutige Völkerkunde.
- ³⁹ *Fiedermütz-Laun.* Der Kulturhistorische Gedanke...
- ⁴⁰ *Eisenstätter W.* Elementargedanke und Übertragungstheorie in der Völkerkunde // Buschans Studien. Bd. XI. 1912.
- ⁴¹ *Bastian A.* Zur Lehre von den geographischen Provinzen. Berlin, 1886; idem. Kontroversen in der Ethnologie. Bd. 1 — Die geographische Provinzen in ihren kulturgeschichtlichen Berührungspunkten. Berlin, 1893; Bd. 2 — Sozialen Unterlagen für rechtliche Institutionen. Berlin, 1894; Bd. 3 — Über Fetische und Zugehöriges. Berlin, 1894.
- ⁴² *Bastian A.* Der Völkergedanke im Aufbau einer Wissenschaft vom Menschen und seiner Begründung auf ethnologische Sammlungen. Berlin, 1881.
- ⁴³ *Bastian A.* Ethnische Elementargedanken in der Lehre vom Menschen. Berlin, 1895.
- ⁴⁴ *Марков Г.Е.* Очерки истории немецкой науки о народах. Часть 1. Немецкая этнология. М., 1993; *Его же.* Очерки истории немецкой науки о народах. Часть 2. Народоведение. М., 1993.
- ⁴⁵ См. напр.: *Preuss K. Th.* Adolf Bastian und die heutige Völkerkunde.
- ⁴⁶ *Achelis Thomas.* Methode und Aufgabe der Ethnologie // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde. Jg. 1894; idem. Moderne Völkerkunde, deren Entwicklung und Aufgaben.

- Stuttgart, 1896; idem. Die Entwicklung der modernen Ethnologie. Berlin, 1889; *Eisenstetter B.* Elementargedanke und Übertragungstheorie in der Völkerkunde // Buschans Studien. XI, 1912.
- ⁴⁷ *Bastian A.* Die Ethnologie ist hingewiesen auf das Ethnos? // Die Völkerkunde und der Völkerverkehr unter seiner Rückwirkung auf die Volksgeschichte. Ein Beitrag zur Volks- und Menschenkunde. Berlin, 1900.
- ⁴⁸ *Bastian A.* Ethnologie und Geschichte in ihren Berührungspunkten — unter Bezugnahme auf Indien. Berlin, 1892.
- ⁴⁹ *Bastian A.* Zur Lehre von geographischen Provinzen. Berlin, 1886.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ *Noak K.* Die Rezeption der «Lehre von Elementar — und Völkergedanken» Adolf Bastians im Werk Karl von den Steinen // Beiträge zur Geschichte der Humboldt — Universität zu Berlin. Nr. 28. Geschichte der Völkerkunde an der Berliner Universität. Zur Aufarbeitung des Wissenschaftserbes. Berlin, 1991. Нельзя не заметить, что идеи Бастиана об «элементарных» и «народных» идеях удивительно совпадают с позднейшими теоретическими построениями основателя французской социологической школы Эмиля Дюркгейма о «коллективных представлениях».
- ⁵² О И. Бахофене см.: *Русанов Н.* Жизнь и сочинения Бахофена // Русская мысль. 1889. № 6; *Kohler J. J. J.* Bachofen // Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. Bd. 8 (1889); *Kelles-Krauz C. J. J.* Bachofen. Aus Studien über die Quelle des Marxismus // Neue Zeit. Jg. 20 (1902). Bd. 1; *Bachofen J. J.* Eine Selbstbiographie, zugleich ein Gedenkblatt zu seinem hundertsten Geburtstag (22 Dezember 1915) // Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. Bd. 34 (1917); *Bachofens Selbstbiographie, mit Anmerkungen von H. Blocher* // Baessler Jahrbuch. 1917; *Bachofen. Autobiographische Rückschau.* München, 1923; *J. J. Bachofen. Selbstbiographie und Antrittsrede über das Naturrecht.* Hrsg. und eingeleitet von A. Baeumler. Halle, 1927.
- ⁵³ *Bachofen J. J.* Über das Weiberrecht // Verhandlungen der sechzehnten deutscher Philologen, Schuhlmänner und Orientalisten in Stuttgart. Stuttgart, 1856; idem. Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über die Gynaikokratie der Alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur.

- Stuttgart, 1861; idem. Das Lykische Volk und seine Bedeutung für die Entwicklung des Altertums; idem. Der Bär in den Religionen des Altertums. Basel, 1863; Antiquarische Briefe, vornehmlich zur Kenntnis der ältesten Verwandtschaftsbegriffe. 2 Bde. Straßburg, 1880—1886.
- ⁵⁴ Основным апологетом гипотезы «матриархата» в советской литературе был М.О. Косвен: *Косвен М.О.* И.Я. Бахофен // Советская этнография. 1933. № 1; *его же.* Матриархат. История проблемы. М.; Л., 1948.
- ⁵⁵ Die bis 1987 J. gestorbene Ethnologen. Heinrich Schurz // Wörterbuch der Ethnologie. Köln, 1987.
- ⁵⁶ *Шурц Г.* История первобытной культуры. 1 изд. СПб., 1907; 2 изд. СПб., 1910; 3 изд. М., 1923.
- ⁵⁷ См.: *Марков Г.Е.* История хозяйства и материальной культуры. М., 1979. С. 63 и след.
- ⁵⁸ *Schurz H.* Urgeschichte der Kultur. Leipzig, 1900.
- ⁵⁹ *Schurz H.* Altersklassen und Männerbünde. Berlin, 1902.
- ⁶⁰ См. предисловие *П.И. Кушнера* к 3 (русскому) изданию «Истории первобытной культуры» Шурца; *Калиновская К.П.* Возрастные группы народов Восточной Африки. М., 1976. С. 4 и след.
- ⁶¹ *Schurz H.* Völkerkunde. Leipzig — Wien, 1903.
- ⁶² *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 47. Однако едва ли можно согласиться с утверждением автора о *малой* известности Липперта.
- ⁶³ *Lippert J.* Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau. 2 Bde. Stuttgart, 1887.
- ⁶⁴ *Липерт Ю.* История культуры. СПб., 1894; *его же.* История культуры в отдельных очерках. СПб., 1902.
- ⁶⁵ *Achelis Th.* Methode und Aufgabe der Ethnologie // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde. Jg. 1894; idem. Moderne Völkerkunde, deren Entwicklung und Aufgaben. Stuttgart, 1896.
- ⁶⁶ *Vierkandt A.* Naturvölker und Kulturvölker. Leipzig, 1896; idem. Die Wirtschaftliche Verhältnisse der Naturvölker // Zeitschrift für Sozialwissenschaften. 1899, Nr. 2; idem. Die politische Verhältnisse der Naturvölker // Zeitschrift für Sozialwissenschaften. 1901; idem. Studien zur Ethnologie und Soziologie. Leipzig, 1917; Die Anfänge der Religion und Zauberei // Globus. B. 92. Leipzig, 1907; Führende Individuen bei den Naturvölkern // Zeitschrift für Sozialwissenschaften. B. 2, 1908; idem. Die Stetigkeit im Kulturwandel. Leipzig, 1908, и многие другие. О Фиркандте см.: *Strengé B.* Alfred

Vierkandt — von der Ethnologie zur Soziologie — sein Frühwerk «Naturvölker und Kulturvölker» // Beiträge zur Geschichte der Humboldt-Universität zu Berlin. Nr. 28. Geschichte der Völkerkunde und Volkskunde an der Berliner Universität. Zur Aufarbeitung des Wissenschaftserbe. Berlin, 1991. В связи с этой работой нельзя не отметить, что написанная ученым ГДР, она не лишена некоторой, впрочем, понятной тенденциозности.

- ⁶⁷ *Peschel O.* Völkerkunde. Mannheim, 1874.
- ⁶⁸ *Buschan G.* Die Sitten der Völker. Stuttgart, Berlin, Leipzig. Bd. 1 – 2 (ohne Jahr).
- ⁶⁹ *Гернес М.* Первобытная история человечества. СПб., 1911.
- ⁷⁰ *Preuss K. Th.* Der Ursprung der Religion und Kunst // Globus. Bd. 86, 1904; *idem.* Die geistige Kultur der Naturvölker. Leipzig, Berlin, 1914.
- ⁷¹ *Kolb G.F.* Geschichte der Menschheit und der Kultur. 2 Bde. Prozheim, 1843. 2-te Auflage. Leipzig, 1869 – 1870; *Кольб Г. Ф.* История человечества и культуры. Киев, 1897 – 1899.
- ⁷² *Unger J.* Die Ehe in ihrer welthistorischen Entwicklung. Ein Beitrag zur Philosophie der Geschichte. Wien, 1850; *Унгер И.* Брак в его всемирно-историческом развитии. Киев, 1884.
- ⁷³ *Günter H.* Ziele, Richtpunkte und Methoden der Völkerkunde. Berlin, 1904.
- ⁷⁴ *Virhov Hans.* Gedächtnisrede auf Felix Luschan in der Sitzung vom 15 März 1924 gehalten // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 56 (1924); *Westphal-Hellbusch S.* Hundert Jahre Ethnologie in Berlin... S. 165.
- ⁷⁵ *Noak K. von.* Die Rezeption der «Lehre von Elementargedanken und Völkergedanken» Adolf Bastians im Werk Karl von den Steinens // Beiträge zur Geschichte der Humboldt — Universität zu Berlin. Nr. 28. Geschichte der Völkerkunde und Volkskunde an der Berliner Universität. Zur Aufarbeitung des Wissenschaftserbes.
- ⁷⁶ *Achelis T.* Methode und Aufgabe der Ethnologie // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde. Jg. 1894; *idem.* Moderne Völkerkunde, deren Entwicklung und Aufgaben. Stuttgart, 1896; *Bernheim E.* Lehrbuch der historischen Methode und Geschichtsphilosophie. 5 Aufl. 1909.
- ⁷⁷ *Stein L.* The Leipzig Museum of Ethnography, its Legacies and Perspectives // Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde. Hamburg, N. F. B. 22, 1992.
- ⁷⁸ См. напр.: *Westermann D.* Die Nutzpflanzen unserer Kolonien und ihre wirtschaftliche Bedeutung für das Mutterland. Wiesbaden, 1909.

- ⁷⁹ Сведения по истории немецких музеев см.: *Fischer H. Völkerkunde im Nationalsozialismus: Aspekte der Anpassung, Affinität und Behauptung*. 3-е Auflage. Berlin, Hamburg. 1990; *Stein L. The Leipzig Museum of Ethnographie, its Legacies and Perspectives // Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde*. Hamburg, N.F. Bd. 22, 1992.
- ⁸⁰ *Fischer H. Völkerkunde im Nationalsozialismus*. С. 20, 21.
- ⁸¹ См. напр.: *Токарев С.А. История зарубежной этнографии*. М., 1978. С. 134.
- ⁸² См. напр. примечания Герланда к изданному им 6-му тому монографии Теодора Вайца «Антропология первобытных народов» (*Waiz Th. Anthropologie der Naturvölker*. Leipzig, 1872).
- ⁸³ «Диффузионизм». Большая советская энциклопедия. 3 изд. Т. 8. М., 1972.
- ⁸⁴ См. напр.: *Золотарев А.М. Кардинал Шмидт и Отмар Шпан (К вопросу о классовых корнях Культурно-исторической школы) // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры*. 1932, № 1–2; *еро же. Расовая теория и этнография // Наука о расах и расизме. Труды НИИ антропологии МГУ. Вып. 4. М.; Л., 1938*.
- ⁸⁵ *Токарев С.А. История зарубежной этнографии*. С. 134.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ *Ratzel F. Völkerkunde*. Leipzig, 1894.
- ⁸⁸ См. напр.: *Steinmetzler J. Die Anthropogeographie Friedrich Ratzel und ihre ideengeschichtlichen Wurzeln*. Bonn, 1956.
- ⁸⁹ *La naissance de la geographie humaine: Fr. Ratzel et Paul Vidal de la Blache*. Budapest, 1974; *Buttmann G. Fr. Ratzel: Leben und Werk eines deutschen Geographen 1844–1904*. Stuttgart, 1977.
- ⁹⁰ См. напр.: *Александренков Э. Г. Диффузионизм в зарубежной этнографии // Концепции зарубежной этнографии. Критические этюды*. М., 1976. С. 35–37; *Токарев С.А. История зарубежной этнографии*. С. 134–137. Немного говорится о Ратцеле в учебниках и современных немецких публикациях. См. напр.: *Westphal-Hellbusch S. Hundert Jahre Ethnologie in Berlin, unter besonderer Berücksichtigung ihrer Entwicklung an der Universität // Hundert Jahre Berliner Gesellschaft für Anthropologie und Urgesellschaft 1869–1869*. Berlin, 1970.
- ⁹¹ См. напр.: *Деборин А.М. К характеристике идеологии германского империализма до прихода Гитлера к власти //*

- Славяно-германские исследования. М., 1963. С. 67 – 68; Германская история. Т. 1. М., 1970; *Проктор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989.
- ⁹² *Ratzel Friedrich.* Anthropogeographie. I Teil. Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart, 1882; II Teil. Die geographische Verteilung der Menschen. Stuttgart, 1891.
- ⁹³ *Ratzel Fr.* Anthropogeographie. B. 1. С. 35, 36, 39.
- ⁹⁴ *Ibid.* B. 1. С. 41.
- ⁹⁵ *Ibid.* С. 49.
- ⁹⁶ *Ibid.* С. 64.
- ⁹⁷ *Ibid.* С. 78.
- ⁹⁸ *Ibid.* С. 81.
- ⁹⁹ *Ibid.* B. II. С. 380.
- ¹⁰⁰ *Ibid.* B. II. С. 167 и след.
- ¹⁰¹ См.: *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. С. 135.
- ¹⁰² *Anthropogeographie.* B. II. С. 388, 389.
- ¹⁰³ *Ibid.* С. 459.
- ¹⁰⁴ *Ibid.* С. 465. С этим положением нельзя не согласиться, рассматривая археологические данные по ранним этапам каменного века. Так, к примеру, очень трудно, а порой и невозможно определить, к какой эпохе, к примеру, позднему палеолиту или неолиту следует отнести единичную находку концевой скребка или некоторых других орудий. Между тем, эти этапы каменного века разделяют многие тысячелетия, если не их десятки. К тому же принципиально различны хозяйственно-культурные типы людей тех эпох. В одном случае это «чистое» присваивающее, а в другом уже производящее (земледелие и разведение животных) хозяйство.
- ¹⁰⁵ *Fiedermutz-Laun A.* Der Kulturhistorische Gedanke bei Adolf Bastian. Systematisierung und Darstellung der Theorie und Methode mit dem Versuch einer Bewertung des kulturhistorischen Gehaltes auf dieser Grundlage // *Studien zur Kulturkunde.* B. 27. Wiesbaden, 1970.
- ¹⁰⁶ *Ratzel Fr.* Anthropogeographie. B. 2. С. 396.
- ¹⁰⁷ *Ibid.* С. 471, 472.
- ¹⁰⁸ *Ibid.* С. 394.
- ¹⁰⁹ *Ibid.* С. 393, 412.
- ¹¹⁰ *Ratzel Fr.* Die afrikanische Bogen // *Abhandlungen der Phil.* — hist. Klasse der Königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft. B. XIII. Heft 3. 1891.

- ¹¹¹ *Ratzel Fr.* Человек, как жизненное явление на Земле. М., 1901. С. 92.
- ¹¹² *Ratzel Fr.* Völkerkunde. 3 Bde. Leipzig, 1887 – 1888. Bd. 1. Die Naturvölker Afrikas, 1887. Bd. 2. Die Naturvölker Ozeaniens, Amerikas und Asiens, 1888. Bd. 3. Die Kulturvölker der Alten und Neuen Welt, 1888.
- ¹¹³ *Ratzel Fr.* Völkerkunde. Bd. 1. S. 3.
- ¹¹⁴ Ibid. С. 17.
- ¹¹⁵ Ibid. С. 13, 14.
- ¹¹⁶ Ibid. С. 47.
- ¹¹⁷ См. напр.: *Ольгерогге Д.А.* Хамитская проблема в африканистике // Советская этнография. 1949. № 3.
- ¹¹⁸ См. напр.: Народы Африки. М., 1954. С. 277.
- ¹¹⁹ *Heinrichs Hans-Jurgen.* Die fremde Welt, das bin ich. Leo Frobenius: Ethnologe, Forschungsreisender, Abenteurer. Wuppertal, 1998.
- ¹²⁰ *Frobenius L.* Die Geheimbünde Afrikas. Ethnologische Studie. Hamburg, 1894; idem. Die Masken und Geheimbünden Afrikas. Leipzig, 1898; idem. Der Ursprung der afrikanischen Kulturen. Berlin, 1898; idem. Die Weltanschauung der Naturvölker. Weimar, 1898; idem. Aus den Flegeljahren der Menschheit. Bilder des Lebens, Treibens und Denkens der Wilden. Hannover, 1901; idem. Weltgeschichte des Krieges. Hannover, 1903; idem. Das Zeitalter des Sonnengottes. Bd. 1. Berlin, 1904; idem. Auf dem Wege nach Atlantis. Berlin, 1911, а также ряд других книг и значительное число статей.
- ¹²¹ *Vaida Laszlo.* Leo Frobenius heute // Zeitschrift für Ethnologie. В. 98. Heft 1 – 2. 1973
- ¹²² *Frobenius L.* Kulturgeschichte Afrikas. Zürich, 1933.
- ¹²³ *Mühlmann W.* Zum Gedächtnis von Leo Frobenius // Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel. Neue Folge. Band XXV. 1939; Büttner K., Rachel Chr. Zehn Lügen über Afrika. Berlin, 1974.
- ¹²⁴ *Хаберланд Э.* Лео Фробениус, постигший дух Африки // Курьер ЮНЕСКО, окт. 1973; *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. С. 137 и сл. На с. 137 этой работы ошибочно указан год смерти Фробениуса. Он умер не в 1928, а в 1938 году; *Поплинский Ю. К.* Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. М., 1973; *Бюттнер Т.* Лео Фробениус — исследователь Африки: достижения и заблуждения // Изучение истории Африки. Проблемы и достижения. М., 1985; *Марков Г.Е.* Очерки истории немецкой науки о народах. Часть 1. С. 72 и сл.; его же. Взлет и крушение теории — немецкая этнология на

- рубеже веков. Лео Фробениус // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. *Jensen Ad.* Leo Frobenius. Leben und Werk // *Paideuma*. B. 1. 1938; *Mühlmann W.* Zum Gedächtnis von Leo Frobenius // *Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Wandel*. N.F. B. XXV, 1939; *Heine-Geldern R.* One Hundred Years of ethnological Theory in the German-speaking Countries // *Current Anthropology*. V. 5, No 5, 1964; *Heinrichs Hans-Jürgen.* Die fremde Welt, das bin ich. Leo Frobenius: Ethnologe, Forschungsreisender, Abenteurer. Wuppertal, 1998.
- ¹²⁵ *Heine P.* Leo Frobenius als politischer Agent. Ein Beitrag zu seiner Biographie // *Paideuma*. B. 26. 1980.
- ¹²⁶ *Frobenius L.* Der Ursprung der afrikanischen Kulturen.
- ¹²⁷ *Frobenius L.* Das Zeitalter des Sonnengottes.
- ¹²⁸ *Frobenius L.* Der Ursprung der afrikanischen Kulturen.
- ¹²⁹ *Jensen Ad.* Kulturkreislehre als Grundlage der Kulturgeschichte // Leo Frobenius. Ein Lebenswerk aus der Zeit der Kulturwende. Dargestellt von seinen Freunden und Schülern. Leipzig, 1933. С. 73.
- ¹³⁰ *Ibid.* С. 77. См. также: *Z.f.E.* Band XXXVII, 1905. С. 88 и след.
- ¹³¹ Ср.: *Hirschberg W.* Wörterbuch der Völkerkunde. Stuttgart, 1965. С. 137.
- ¹³² *Frobenius L.* Das unbekannte Afrika. Ср.: *Vaida L.* Leo Frobenius heute // *Z. f. E.* B. 98.
- ¹³³ *Frobenius L.* Ursprung der afrikanischen Kulturen...; *idem.* Kulturtypen aus Westsudan // *Petermanns Mitteilungen*. Gotha, 1910. Ergänzungsheft No 166; *idem.* Und Afrika sprach. Berlin, 1912.
- ¹³⁴ *Frobenius L.* Ursprung der afrikanischen Kulturen...; *Токарев С. А.* Указ. раб. С. 138, 139.
- ¹³⁵ *Vaida L.* Leo Frobenius Heute... С. 27.
- ¹³⁶ *Преображенский П.Ф.* Курс этнологии. М.; Л., 1929; *Золотарев А.М.* Кардинал Шмидт и Отмар Шпан (к вопросу о классовых корнях культурно-исторической школы) // *Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры*. 1932. № 1 — 2; *его же.* Фритц Гребнер. Советская этнография (далее — СЭ). 1936. № 1; *его же.* Расовая теория и этнография. 33. Труды Научно-исследовательского института антропологии Московского государственного университета. Выпуск 4. М.; Л., 1938; *Токарев С.А.* Венская школа этнографии // *Вестник истории мировой культуры*. 1958. № 2; *его же.* История зарубежной этнографии. М., 1978; *Leser P.* Fritz Gräebner. 4 März 1877 bis 13 Juli

- 1934 // *Ethnologischer Anzeiger*. Bd. 3. No 6; *Heine-Geldern K.* One Hundred Years of Ethnological Theorie in the German-speaking Countries // *Current Anthropology*. 1964. No 5; *Mühlmann W.* Geschichte der Anthropologie. Frankfurt a/M.; Bonn, 1968.
- ¹³⁷ *Преображенский П.Ф.* Курс этнологии; *Бакрадзе К.С.* Очерки по истории новейшей и современной философии. Тбилиси, 1960; *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. С. 142 – 144.
- ¹³⁸ *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. С. 144.
- ¹³⁹ Напр.: *Толстов С.П.* Расизм и теория культурных кругов // Наука о расах и расизм. М.; Л., 1938 (Труды Научно-исследовательского института антропологии МГУ. Вып. 4).
- ¹⁴⁰ *Gräbner Fr.* Die Methode der Ethnologie. Heidelberg, 1909; *Leser P.* Op. cit.
- ¹⁴¹ *Преображенский П.Ф.* Указ раб. С. 24 – 25.
- ¹⁴² *Gräbner Fr.* Kulturkreise und Kulturkontakte in Ozeanien // *Z.f.E.*, 1905. Band 37; *idem.* Wandlung und Entwicklung sozialer Systeme in Australien // *Globus*. 1906. Bd. 90; *idem.* Die Melanesische Bogenkultur und ihre Verwandten // *Anthropos*. Bd. 4. 1909.
- ¹⁴³ *Марков Г.Е.* От истоков немецкой этнологии к ее расцвету. Вопросы теории // *Этнографическое обозрение* (далее ЭО). 1996. № 4.
- ¹⁴⁴ *Leser P.* Op. cit.
- ¹⁴⁵ *Gräbner Fr.* Op. cit.
- ¹⁴⁶ *Gräbner Fr.* Das Weltbild der Primitiven. Berlin, 1924.
- ¹⁴⁷ См. напр.: *Ankermann B.* Kulturkreise und Kulturschichten in Afrika // *Z.f.E.* 1915.
- ¹⁴⁸ См. напр.: *Günter H.* Richtpunkte und Kulturschichten der Völkerkunde. Berlin, 1904; *Bernheim E.* Lehrbuch der historischen Methode und Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1909 и многие другие.
- ¹⁴⁹ *Eisenstätter R.* Elementargedanke und Übertragungstheorie in der Völkerkunde // *Buschans Studien*. Bd. 11. 1912.
- ¹⁵⁰ *Золотарев А.М.* Кардинал Шмидт и Отмар Шпан...; *его же.* Расовая теория и этнография; *Толстов С.П.* Расизм и теория культурных кругов; *Левин М.Г.* Проблема пигмеев в антропологии и этнографии // *СЭ*. 1946. № 2; *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии; *Марков Г.Е.* Развитие современной буржуазной этнологии // *Этнография за рубежом*. М., 1979; *его же.* Очерки истории немецкой науки о народах. Часть 1. Этнология. М., 1993; *Schlesier T.* Die Wiener Schule der Völkerkunde // *Zeitschrift für Ethnologie*. Bd. 82. 1957.

- ¹⁵¹ *Schmidt W.* Die Kulturhistorische Methode in der Ethnologie // *Anthropos*. Bd. 6. 1910 – 1911; idem. *Völker und Kulturen*. Regensburg, 1924.
- ¹⁵² *Henninger J. P.* Einleitung // Schmidt Wilhelm. *Wege der Kulturen*. Gesammelte Aufsätze. Mödling bei Wien, 1964.
- ¹⁵³ *Henninger J.* Einleitung. С. XIII.
- ¹⁵⁴ *Schmidt W.* Die soziologische und religiösethnische Gruppierung der australischen Stämme // *Z.f.E.* Bd. 41. 1909; idem. *Die Stellung der Pygmäenvölker in der Entwicklungsgeschichte der Menschheit*. Stuttgart, 1910; idem. *Die Kulturhistorische Methode in der Ethnologie*.
- ¹⁵⁵ Один из вариантов схемы культурных кругов В.Шмидта см.: *Токарев С. А.* История зарубежной этнографии. С. 154.
- ¹⁵⁶ *Henninger J.P.* Professor Wilhelm Koppers S. V. D. // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. Bd. 91. 1961.
- ¹⁵⁷ *Günter Hans.* Ziele, Richtung und Methoden der Völkerkunde. Berlin, 1904; *Winternitz Moriz.* Völkerkunde, Volkskunde und Philologie // *Globus*. Bd. 79 (1900).
- ¹⁵⁸ *Kremer Augustin.* Bemerkungen // *Globus*. Bd. 86. N 2. 1904.
- ¹⁵⁹ Об этом писал еще в 1912 г. Эйзенштеттер: *Eisenstetter H.* Elementargedanke und Übertragungstheorie in der Völkerkunde // *Buschans Studien*. Bd. XII. 1912.
- ¹⁶⁰ *Wundt W.* Völkerpsychologie und Entwicklungspsychologie // *Psychologische Studien*. Bd. 10. 1916.
- ¹⁶¹ *Thurnwald R.* Forschungen auf den Salomoninseln und dem Bismarkarchipel. Mit Unterstützung der Baessler Stiftung herausgegeben im Auftrage der Generalverwaltung der Königlichen Museen in Berlin. Bd. I, II, III. Vol. 8. 1916.
- ¹⁶² *Thurnwald R.* Staat und Wirtschaft in alten Ägypten // *Zeitschrift für Sozialwissenschaft*. Bd. 4. 1901.
- ¹⁶³ *Thurnwald R.* Angewandte Ethnologie in der Kolonialpolitik // *Verhandlungen I Internationalen Verein für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaft in Heidelberg*. Berlin, 1911; idem. *Die eingeborene Arbeitskräfte im Südseegebiet* // *Koloniale Rundschau*. Jg. 1910. Heft 10. С. 607 – 632; idem. *Probleme der ethnopsychologischen Forschung* // *Zeitschrift für angewandte Psychologie*. Beiheft 5. 1912.
- ¹⁶⁴ *Ammon O.* Die natürliche Auslese beim Menschen. Jena, 1893; *Fischer E.* Otto Ammon zum 100 Geburtstag // *Der Erbartzt*. Bd. 10. Heft 12. Leipzig, 1942.
- ¹⁶⁵ *Вольшман Л.* Политическая антропология. СПб., 1905.

- ¹⁶⁶ *Stenmetz S.R.* Der erbliche rassen-und Volkscharakter // Vierteljahrhäfte für wissenschaftliche Philosophie und Soziologie. 1902; Сравните: *idem.* Ethnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe. Leipzig, 1894; *idem.* Gesammelte kleine Schriften zur Ethnologie und Soziologie. 2 Bde. Gröningen, 1929.
- ¹⁶⁷ См. напр.: *Sollschan Ignaz.* Das Rassenproblem. Unter besonderer Berücksichtigung der theoretischen Grundlagen der Jüdischen Rassenfrage. Zweite verbesserte Auflage. Wien und Leipzig, 1911.
- ¹⁶⁸ *Марков Г.Е.* Очерки истории немецкой науки о народах. Часть 2. Немецкое народоведение. М., 1993.
- ¹⁶⁹ См. напр.: *Stein J. P.* Hitler. Der Führer und das Volk. München, 1940.
- ¹⁷⁰ *Hitler A.* Mein Kampf. München, 1938. С. 397 и след.
- ¹⁷¹ См. напр.: *Rosenberg A.* Der Mythos des 20 Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkampf unserer Zeit. München, 1934; *idem.* Blut und Ehre. 1. Ein Kampf für deutsche Wiedergeburt. Reden und Aufsätze 1919 — 1933. München, 1938. Попутно можно заметить, что о различиях в свойствах рас писал и Ф. Энгельс, противопоставляя «арийцев и семитов» некоторым другим народам (см. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 21. С. 32). Сказанное вовсе не означает, что Энгельс высказывал расистские взгляды. Он лишь пользовался терминологией своего времени, что делали и другие авторы, порой несправедливо причислявшиеся в советской литературе к числу «расистов».
- ¹⁷² *Абуш А.* Ложный путь одной нации. М., 1962. С. 15.
- ¹⁷³ См. напр.: *Günter H.* Der nordische Gedanke unter den deutschen. München, 1926 (В статье пропагандировалось превосходство «длинноголовой» белокурой «нордической расы»); *Familie, Rasse, Volk im nationalsozialistischen Staat.* Leipzig. Heft 1 — 1933, Heft 2 — 1934, Heft 3 — 1936; *Grabert H.* Die völkische Aufgabe der Religionswissenschaft // *Forschungen zur deutschen Weltanschauungskunde und Glaubensgeschichte.* Stuttgart — Berlin. 1938. Heft 1; *Stern J. P.* Hitler. Der Führer und das Volk. München, 1940 и многие другие.
- ¹⁷⁴ *Бланк А.С.* Из истории раннего фашизма в Германии. М., 1978. С. 114; *Проектор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989.
- ¹⁷⁵ *Kogon E.* SS Staat. Stockholm, 1947.

- ¹⁷⁶ См. напр.: *Boas F.* Moderne Ethnologie // Z.f.E. 1924, Heft 24; *Ankermann B.* Die Entwicklung der Ethnologie seit Adolf Bastian // Z.f.E. Jg. 58. 1926. Heft 1 – 2; *Haberland A.* Volkskunde und Völkerkunde // Die Deutsche Volkskunde. Hg. A. Spamer. Bd. 1. Leipzig und Berlin, 1934; *Gusinde M.* Titel der veröffentlichten Arbeiten // Anthropos. Wien — Mödling (1939); *Fischer H.* Völkerkunde im Nationalsozialismus. Aspekte der Anpassung, Affinität und Behauptung einer Wissenschaftlichen Disziplin. Hamburg, 1990. С. 3, 4.
- ¹⁷⁷ *Hauschild D.* Völkerkunde im «Dritten. Reich» // H. Gerndt (Hg.). Volkskunde und Nationalsozialismus. München, 1986; *Conte E.* Völkerkunde und Faschismus — Fragen an ein vernachlässigtes Kapitel deutsch-österreichischer Wissenschaftsgeschichte // F. Stadler (Hg.). Kontinuität und Bruch 1938 – 1945 – 1955. Wien, 1988; *Fischer H.* Ethnologie und Nationalsozialismus. Probleme bei der Untersuchung eines gemiedenen Themas // Kölner Museumsbulletin. 1988. Bd. 2; idem. Völkerkunde in Hamburg 1933 – 1845 // E. Klause, L. Huber, H. Fischer (Hg.). Hochschulalltag im Dritten Reich. Die Hamburger Universität 1933 bis 1945 // Hamburger Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte. Bd. 3. Berlin, Hamburg, 1990.
- ¹⁷⁸ *Fischer H.* Völkerkunde im Nationalsozialismus. Aspekte der Anpassung, Affinität und Behauptung einer wissenschaftlichen Disziplin. Hamburg, 1990. С. 17.
- ¹⁷⁹ *Krause F.* Die völkerkundliche Strukturlehre und ihre Anwendung auf unser modernes Kulturleben // Petrmanns Mitteilungen. 1923.
- ¹⁸⁰ *Milke W.* Über einige Kategorien der funktionellen Ethnologie // Z.f.E. Jg. 70. 1938. Berlin, 1939.
- ¹⁸¹ Т.В. Данцель — автор весьма значительного числа исследований. Поэтому привожу лишь несколько из них: *Danzel T.W.* Prinzipien und Methoden der Entwicklungspsychologie // Handbuch der biologischen Arbeitsmethoden. Berlin, 1921; idem. Kultur und Religion des primitiven Menschen. Stuttgart, 1924; idem. Der magische Mensch (Homo Divinans). Potsdam und Zürich, 1928; idem. Kulturtradition und Kulturstufe als völkerpsychologische Probleme // Zeitschrift für Rassenkunde. 1936. Heft 4.
- ¹⁸² В наше время это, кстати, характерно для американской культурной антропологии и российской этнологии, в ко-

торой произошло без ссылки на первоисточник «новоизобретение» этносоциологии.

¹⁸³ Против исследований в области теории выступал, в частности, Франц Термер, ставший преемником Г. Тилениуса на посту директора Гамбургского музея этнологии.

¹⁸⁴ *Wegner R.* Frankfurts Anteil an der Rassen- und Völkerkunde. Ein geschichtlicher Rückblick // *Abhandlungen zur Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte.* Frankfurt, 1925; *Scheidt W.* Allgemeine Rassenkunde. München, 1925; *Leser P.* Wie erkennt man psychische Rassenmerkmale? // *Nachrichten der Deutschen Anthropologischen Gesellschaft.* Bd. 3. München, 1928; *Passarge S.* Das Judentum als landschaftskundlich-ethnologisches Problem. München, 1929; *Hambruch P.* Probleme einer Bio-Ethnologie // *Mitteilungen an dem Museum für Völkerkunde in Hamburg.* Bd. 13. 1928; *Kirchner W.* Ursprünge und Konsequenzen rassistischer Biologie // *J. Tröger* (Hg.). Hochschule und Wissenschaft im Dritten Reich. Frankfurt, New York, 1984.

¹⁸⁵ *Fischer H.* Völkerkunde im Nationalsozialismus.

¹⁸⁶ Там же. С. 25, 26.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ *Herrmann W.-K.* Ein Ritt für Deutschland. Berlin — Leipzig, 1941.

¹⁸⁹ Там же. С. 149, 150.

¹⁹⁰ Там же. С. 153 — 156.

¹⁹¹ *Mühlmann W.* Die Hitler — Bewegung. Zur Krise der bürgerlichen Kultur // *Sociologus* Jg. 9. 1933. Heft 2; *idem.* Krieg und Frieden. Ein Leitfaden der politischen Ethnologie mit Berücksichtigung Völkerkundlichen geschichtlichen Stoffes. Heidelberg, 1940. И некоторые другие.

¹⁹² *Fischer H.* Völkerkunde in Nationalsozialismus. С. 161, 162.

¹⁹³ См. краткий некролог: *W. M.* *Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel.* Bd. 28. Braunschweig, 1939. С. 149.

¹⁹⁴ *Fischer H.* Völkerkunde im Nationalsozialismus. С. 175, 197 и след.

¹⁹⁵ Там же. С. 171 и след.

¹⁹⁶ *Schmidt W.* Ursprung und Werden der Religion. Münster; 1930; *idem.* Handbuch der vergleichenden Religionsgeschichte: Ursprung und Entwicklung der Religion. Theorien und Tatsachen. Münster, 1930; *idem.* Die Entfaltung der Gottesidee in der Geschichte der Menschheit // *Vorwort zu Franz König* (edit), *Christus und die Religionen der Erde.* Handbuch der Religionsgeschichte. Wien, 1951. Bd. 1. С. VII — XIII.

- ¹⁹⁷ *Schmidt W.* Die psychologische Ausdeutung des Gottesbildes der Urzeit // Menschheitswege zum Gotterkennen: rationale, irrationale, superrationale. München, 1923. С. 51 – 56.
- ¹⁹⁸ *Schmidt W.* Familie // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Jena, 1925. С. 921 – 940.
- ¹⁹⁹ *Schmidt W.* Menschenweihe an das Höchste Wesen bei den Samojuden // Donum Natalicum Schrijnen. Nijmegen, 1929. С. 785 – 787.
- ²⁰⁰ *Schmidt W.* und *Köppers W.* Völker und Kulturen. 1 Teil. Gesellschaft und Wirtschaft (Der Mensch aller Zeiten). Bd. 3. Regensburg, 1924.
- ²⁰¹ См. напр.: *Schmidt W.* Die Religionen der späten Primitivvölker // The Religion of Later Primitive Peoples. London, 1934; *idem.* Rasse und Weltanschauung // E. Kleineidam und O. Kuss (edit.). Die Kirche in der Zeitwende. Paderborn, 1935; *idem.* Das Tauchmotiv in Erdschöpfungsmythen Nordamerikas, Asiens und Europas // Mélanges de Linguistique et de Philologie offerts a Jaques van Ginneken a l'occasion du soixantieme de sa naissance. Paris, 1937; *idem.* Ursprung und Entwicklung des Eigentums. Scientia. Milano. Ser. IV, 33, 1939 и многие другие.
- ²⁰² Wege der Kulturen. См. примечание к с. 3.
- ²⁰³ *Schmidt W.* Das System der Kulturkreise. Wege der Kulturen. С. 4 – 11. Признаки культурных кругов приводятся со значительными сокращениями.
- ²⁰⁴ *Koppers W.* Professor Wilhelm Schmidt. Eine Würdigung seines wissenschaftlichen Lebenswerkes // Z.f.E. Jg. 79, 1954. С. 247. В позднейшей, англоязычной по преимуществу литературе, называется тип «больших номадов», что, как можно полагать, может восходить к «большим пастухам-скотоводам» Шмидта. Это вполне вероятно, имея в виду различия в терминологии в разных языках. См. напр.: *Lewis J. V. A.* Pastoral Democracy. A study of Pastoralism and Politics among the Northern Somali in the Horn of Africa. Oxford, 1961.
- ²⁰⁵ *Trimborn H.* Zur Lehre von den Kulturkreisen. Z.f.E. Jg. 65, 1933. Berlin, 1934.
- ²⁰⁶ *Schmidt Wilhelm.* Der Ursprung der Gottesidee. B. I – XII. 1912 – 1955.
- ²⁰⁷ *Schmidt P. W.* Vorlesungen über den Entwicklungsgedanke in der ältesten Religion. Posieux (Freiburg / Schweiz). 1954; *idem.* Wege der Kulturen. С. 287 и след.

- ²⁰⁸ *Schmidt W.* Der Gang der Entwicklung in Religion und Kultur. Рукопись 1933 г. Издана: Festschrift zum 50-jährigen Bestandsjubiläum des Missionshauses St. Gabriel. Wien, Mödling, 1939. Цит. по: Wege der Kulturen. С. 287, 288 и след.
- ²⁰⁹ Там же. С. 292, 293.
- ²¹⁰ Там же. С. 297.
- ²¹¹ *Schmidt W., Koppers W.* Völker und Kulturen. Erster Teil: Gesellschaft und Wirtschaft der Völker. Regensburg, 1924.
- ²¹² *Schmidt W.* Familie. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Jena, 1925. С. 921 – 940.
- ²¹³ *Schmidt W., Koppers W.* Völker und Kulturen. Teil I. С. 358 – 366.
- ²¹⁴ *Schmidt W.* Wege der Kulturen. С. 20 и след. Сравните: *Wundt W.* Völkerpsychologie. Bd. VII. Leipzig, 1917. С. 192, 203, 208.
- ²¹⁵ *Koppers W.* Professor Wilhelm Schmidt. С. 248, 249.
- ²¹⁶ *Schmidt W.* Älteste Menschheit. Aufsätze und Vorträge (1935 – 1937) // Micro Bibliotheca Anthropos. Vol. 17. Posieux (Freiburg-Schweiz), 1954. С. 201 и след.
- ²¹⁷ Там же.
- ²¹⁸ Ср.: *Schmidt W.* Älteste Menschheit. Aufsätze und Vorträge. Micro-Bibliotheca Anthropos. Posieux, 1954. С. 201 – 271.
- ²¹⁹ *Schmidt W.* Das Eigentum auf den ältesten Stufen der Menschheit. Münster. Bd. 1. 1937; Bd. II. 1940; Bd III. 1942; idem. Ursprung und Entwicklung des Eigentums // Scientis. Milano. Ser. IV. Bd. 33. 1939; idem. Das Eigentum im Primärkulturkreis der Herdenviehzüchter Asiens und Afrikas // Scientia. Milano. Ser. IV. Bd. 37. 1943; idem. Das Eigentum auf den ältesten Stufen der Menschheit // Kirche — Weltanschauung — soziale Fragen. Die Vorlesungen, Arbeitsgemeinschaften und Vorträge der Salzburger Hochschulwochen 1946. Salzburg, 1948; idem. Das Eigentum in der mutterrechtlichen Pflanzenkultur und in vaterrechtlichen höheren Jägerkulturen. Wege der Kulturen. С. 201 и след.
- ²²⁰ *Schmidt W.* Ursprung und Entwicklung des Eigentums // Scientia. Milano. Ser. IV. Bd. 33. 1939. С. 47 и след.
- ²²¹ *Schmidt W.* Wege der Kulturen. С. 89, 90; *Koppers W.* Das Schicksal der Ethnologie unter den Sowjet-Regims // Anthropos. Bd. 27. 1932. С. 501 и след.
- ²²² *Schmidt W.* Das Eigentum im Primärkulturkreis der Herdenviehzüchter Asiens und Afrikas. Scientia (Milano). Ser. IV. 37. 1943. С. 93 – 106; Wege der Kulturen. С. 206 – 209.
- ²²³ *Schmidt W.* Rasse und Volk. München, 1927.
- ²²⁴ *Schmidt W.* Rasse und Weltanschauung. Wege der Kulturen. С. 269 и след.

- 225 *Досталь В.* Молчание в темноте (Немецкая этнология в период национал-социализма) // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С. 98 и сноски 15 и 16.
- 226 *Schmidt W.* Die Herkunft der Indogermanen und ihr erster Auftreten in Europa // Kosmos. Bd. 45. Stuttgart, 1949.
- 227 *Koppers W.* Die ethnologische Wirtschaftsforschung // Anthropos. Bd. X – XI. 1915 – 1816; idem. Die Anfänge des menschlichen Gemeinschaftsleben. München, Gladbach. 1921; idem. Die Indogermanen- und Germanenfrage. Salzburg, 1937; idem. Urtürkentum- und Indogermanenfrage // Bellen Türk Tarich Kurumu. Ankara, 1941.
- 228 *Fahrenfort J. J.* Tendenziöse Ethnographie // Mensch en Maatschapij. Bd. 2, 1926. С. 291 – 299.
- 229 См. напр.: *Gusinde M.* Der Medizinmann bei den südamerikanischen Indianern // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft. Bd. 62. Wien, 1932; idem. Das Wirtschaftsleben bei Ituri-Pigmäen // Koloniale Rundschau. Jg. 32. Heft 1. Leipzig, 1941.
- 230 См. напр.: *Schebesta P.* Vollblutneger und Halbzwerge. Forschungen unter Waldneger am Ituri in Belgischen Kongo. Salzburg — Leipzig, 1934; idem. Die Bambuti-Pigmäen von Ituri. Bd. 1. Bruxelles. 1938.
- 231 *Trimborn R.* Die Methode der ethnologischen Rechtsforschung // Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. Bd. 43, 1928; idem. Die Stellung des Caucatalis in der Rechtswissenschaft des Alten Amerika // Z.f.E. Bd. 70. Jg. 1938.
- 232 *Trimborn H.* Zur Lehre von den Kulturkreisen // Z.f.E. 65 Jg. 1933. Berlin, 1934.
- 233 *Mengin O.* Weltgeschichte der Steinzeit. Wien, 1931.
- 234 Число публикаций Г. Баумана очень велико. Поэтому укажу лишь некоторые, наиболее интересные в историографическом плане работы: *Baumann H.* Vaterrecht und Mutterrecht in Afrika // Z.f.E. Jg. 58. 1926; idem. Lunda. Bei Bauern und Jägern in Innen Angola. Berlin. 1935. idem. Schöpfung- und Urzeit des Menschen in Mythos der afrikanischen Völker. Berlin. 1936; idem. Zur Morphologie des afrikanischen Ackergeräts // Koloniale Völkerkunde Bd. 1. Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Bd. 6. 1944.
- 235 *Baumann H.* Schöpfung und Urzeit des Menschen in Mythos der afrikanischen Völker. Berlin. 1936. Neudruck, 1965.
- 236 *Haberland Eike.* Baumann Hermann. Schöpfung und Urzeit des Menschen in Mythos der afrikanischen Völker // Z.f.E. Bd. 91. 1966.

- ²³⁷ *Baumann H.* Die afrikanische Kulturkreise // *Africa*. Bd. 7. Heft 2 (1934); *Baumann H., Thurnwald R., Westermann D.* Völkerkunde von Afrika. Essen, 1940. (Бауману принадлежит раздел о культурных кругах в Африке).
- ²³⁸ *Baumann H.* Völkerkunde von Afrika mit besonderer Berücksichtigung der kolonialen Frage // *Baumann H., Thurnwald R., Westermann D.* Völkerkunde von Afrika; *idem.* Koloniale Völkerkunde. Wien, 1944.
- ²³⁹ *Hirschberg W.* Völkerkunde. Wien, Leipzig, 1936.
- ²⁴⁰ См.: *Марков Г.Е.* Очерки истории немецкой науки о народах. Часть 2. Немецкое народоведение. С.282 и след.
- ²⁴¹ *Hirschberg W.* Völkerkunde...
- ²⁴² *Hirschberg W.* Die arabisch — persische — indische Kultur an der Ostküste Afrikas. Ihre Beziehungen nach dem Inneren des Kontinents // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. Bd. 1. Wien, 1931.
- ²⁴³ *Hirschberg W.* Gibt es eine Buschmann Kultur? // *Z.f.E.* Jg. 65. 1933. Berlin, 1934.
- ²⁴⁴ *Hirschberg W.* Das Werk Ankermann *Z.f.E.* Jg. 70. 1938.
- ²⁴⁵ *Flor F.* Haustierte- und Hirtenkulturen // *Beiträge zur Kolonialgeschichte und Linguistik*. Bd. 1. Wien, 1930.
- ²⁴⁶ *Flor F.* Die Indogermanenfrage in der Ethnologie // *Hirt — Festschrift*. Bd. 1. Heidelberg, 1936.
- ²⁴⁷ *Flor F.* Die Indogermanenfrage in der Ethnologie. Salzburg, 1937.
- ²⁴⁸ *Haeckel J.* Totemismus und Zweiklassensystem bei den Sioux-Indianern // *Anthropos*. Bd. 32. 1937; *idem.* Pseudo-Totemismus // *Mitteilungen der Gesellschaft für Völkerkunde in Wien*. 1938. No 8; *idem.* Zweiklassensystem. Männerhaus und Totemismus in Südamerika // *Z.f.E.* Jg. 70. 1938. Berlin, 1939; *idem.* Das Männerhaus im nördlichen Kalifornien // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. Bd. 70. Heft 2. 1940.
- ²⁴⁹ *Bulk van Gaston.* Beiträge zur Methodik der Völkerkunde // *Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik*. Veröffentlichungen des Institutes für Völkerkunde der Universität Wien. Jg. 2. Wien, 1931.
- ²⁵⁰ *Ankermann B.* Kulturkreise und Kulturschichten in Afrika // *Z.f.E.* Bd. 37, 1905; *idem.* Die Lehre von den Kulturkreisen. Braunschweig, 1911. 2-e Auflage 1924; *idem.* Die Lehre der Konvergenz und die Kulturgeschichte in der Ethnologie // *Petermanns Mitteilungen*. Bd. 66, 1920; *idem.* Die Entwicklung der Ethnologie seit Adolf Bastian // *Z.f.E.* Jg. 58, 1926. Heft 1 — 2.

- ²⁵¹ *Honigsheim P.* Kulturkreistheorie und Evoluzionismus. 1931. Отдельный оттиск. Место издания не указано.
- ²⁵² *Frobenius L.* Atlas Africanus. Belege zur Morphologie der afrikanischen Kulturen. Heft 1. München, 1921; Heft 2. München, 1922; Heft 3. München, 1822; Heft 4–7. Berlin, 1929; Heft 8. Berlin, 1931.
- ²⁵³ *Frobenius L.* Paideuma. Umrise einer Kultur- und Seelenlehre. München, 1921 (2 Aufl.— Frankfurt a/M., 1928; 3 Aufl. 2 Darmstadt, 1953); *idem.* Das unbekannte Afrika. Jena, 1923 (2 Aufl.— Frankfurt a/m., 1928); *idem.* Das sterbende Afrika. München, 1923 (2 Aufl. Frankfurt a/M, 1928); *idem.* Atlantis B. I–XII. Jena, 1921–1928; *idem.* Erlebte Erdteile. Frankfurt a /M., 1925–1929; *idem.* Kulturgeschichte Afrikas. Zurich, 1935; Schicksalskunde. Leipzig, 1932 (2 Aufl.— Weimar, 1938); *idem.* Schriften zur Kulturkunde. Weimar, 1938; Frobenius L. und Ritter von Wilm. Atlas Africanus. München, 1921.
- ²⁵⁴ *Frobenius L.* Paideuma. Umrise einer Kultur- und Seelenlehre...
- ²⁵⁵ Ср.: *Mühlmann W.* Zum Gedächtnis von Leo Frobenius // Archiv für Anthropologie, Völkerkunde und kolonialen Kulturwandel. N.F. B. XXV. 1939. С. 49, 50.
- ²⁵⁶ *Vaida L.* Указ. выше раб.
- ²⁵⁷ См.: *Mühlmann W.* Zum Gedächtnis von Leo Frobenius... С. 50.
- ²⁵⁸ *Frobenius L.* Schicksalskunde. Weimar, 1938 (Далее даются ссылки на издание 1938 г.).
- ²⁵⁹ *Ibid.* С. 9.
- ²⁶⁰ Нельзя исключить того, что эта, и некоторые другие мысли Фробениуса послужили отправной точкой для гипотезы Л.Н. Гумилева о «пассионарности». Впрочем, последний не ссылается на Фробениуса. «Метод», нередко встречающийся в многочисленных сочинениях этого автора.
- ²⁶¹ *Frobenius L.* Schicksalskunde. С. 11–13, 15, 17.
- ²⁶² *Ibid.* С. 23, 26.
- ²⁶³ *Ibid.* С. 28, 29.
- ²⁶⁴ *Ibid.* С. 30–326, 34–35.
- ²⁶⁵ *Ibid.* С. 58–59, 65, 67.
- ²⁶⁶ *Ibid.* С. 69–77.
- ²⁶⁷ Ср.: *Калиновская К.П.* Возрастные группы народов Восточной Африки. М., 1976.
- ²⁶⁸ *Ibid.* С. 83–85. С. А. Токарев едва ли был прав, когда писал, что как эфиопская «теллурическая», так и хамитская

- «хтоническая» культуры связаны, прежде всего, с растительным миром. В действительности, с последним Фробениус связывал лишь эфиопский «стиль», хамитский же определял как подвижный, скотоводческий (см. Токарев С.А. Указ. раб. С. 89).
- ²⁶⁹ *Frobenius L. Schicksalskunde. С. 103, 105, 106.* Хотя термины «хтонический» и «теллурический» — синонимы (греческое *Chthon* и латинское *Tellus* означают «землю»), у Фробениуса они имеют диаметрально противоположное значение и содержание: «хтоническое» растёт у него «сверху вниз», «теллурическое» — «из земли вверх».
- ²⁷⁰ См.: *Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки в XIX — XX вв. М., 1989.*
- ²⁷¹ *Meihof C. Die Entstehung flektierenden Sprachen. Berlin, 1936.*
- ²⁷² *Ольгерotte Д. А. Хамитская проблема в африканистике // Советская этнография. 1949, № 3.*
- ²⁷³ См. напр.: *Oliver R. and Mathew G. History of East Africa. Vol. 1. Oxford, 1966.*
- ²⁷⁴ *Frobenius L. Schicksalskunde. С. 96, 103, 105, 106, 107, 108, 110.*
- ²⁷⁵ Там же. С. 110, 112.
- ²⁷⁶ Там же. С. 143, 147, 148.
- ²⁷⁷ *Rosenberg A. Der Mythos des 20 Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch — geistigen Gestaltenkampfes unserer Zeit. München, 1934; Bach A. Deutsche Volkskunde. Ihre Wege, Ergebnisse und Aufgaben. Eine Einführung. Leipzig, 1937.*
- ²⁷⁸ *Frobenius L. Schicksalskunde. С. 154.*
- ²⁷⁹ Там же. С. 165.
- ²⁸⁰ *Steinen von den. Leo Frobenius als geistiger Führer im deutschen Durchbruch // Leo Frobenius. Ein Lebenswerk aus der Zeit der Kulturwende. Dargestellt von seinen Freunden und Schülern. Leipzig, 1933.*
- ²⁸¹ *Ibid. С. 26.*
- ²⁸² *Ibid. С. 28.*
- ²⁸³ *Ibid. С. 30.*
- ²⁸⁴ *Ibid. С. 27.*
- ²⁸⁵ *Vaida L. Op. cit. С. 22 — 23, 29.*
- ²⁸⁶ *Jensen A. Neuere Notizen über das Gada-System // Paideuma. Mitteilungen der Kulturkunde. Bd. 2. Heft S. 1941; idem. Das Weltbild einer frühen Kultur // Paideuma. Bd. 3. 1944/49.*
- ²⁸⁷ *Jensen Ad. Kulturkreislehre als Grundlage der Kulturgeschichte // Leo Frobenius. Ein Lebenswerk aus der*

- Zeit der Kulturwende. Dargestellt von seinen Freunden und Schülern. Leipzig, 1933. С. 73.
- 288 Ibid. С. 80.
- 289 Ibid. С. 82, 83, 85.
- 290 Ibid. С. 86, 90.
- 291 Ibid. С. 94.
- 292 *Wohlenberg Hellmut*. Die Paideumalehre als Kulturphilosophie. Der neue Kulturbegriff // Leo Frobenius. Ein Lebenswerk aus der Zeit der Kulturwende. Dargestellt von seinen Freunden und Schülern. Leipzig, 1933.
- 293 Ibid. С. 32.
- 294 Ibid. С. 35, 36.
- 295 Ibid. С. 38.
- 296 Ibid. С. 40.
- 297 Ibid. С. 42 – 56.
- 298 *Lömmel H.* «Seelen» Vorstellungen der Teleuten // Paideuma. B. 2. Heft 4/5. 1942.
- 299 *Lommel H.* Mythologie in Bildern // Leo Frobenius. Ein Lebenswerk aus der Zeit der Kulturwende. Dargestellt von seinen Freunden und Schülern. Leipzig, 1933. С. 57 и след.
- 300 *Hauschild Th.* Völkerkunde im «Dritten Reich» // Helge Gerndt (Hrsg.) Volkskunde und Nationalsozialismus. Referate und Diskussionen einer Tagung. München, 1987. Münchener Beiträge zur Volkskunde. Bd. 7. München, 1987.
- 301 *Friedrich A.* Die Forschung über das frühzeitliche Jägertum // Paideuma. Bd. 2. Heft S. 1941.
- 302 *Krickeberg W.* Das mittelamerikanische Ballspiel und seine religiöse Symbolik // Paideuma. B. 3. 1944.
- 303 *Heinrichs Hans-Jürgen*. Die fremde Welt, das bin ich. Leo Frobenius: Ethnologe, Forschungsreisender, Abenteurer. Wuppertal, 1998.
- 304 *Schlenter Ursula*. Zur Geschichte der Völkerkunde an der Berliner Universität von 1810 bis 1945 // Wissenschaftliche Zeitschrift. Humboldt Universität. Bd. 9. (1959 – 60). Beiheft. С. 74; *Westphal Hellbusch Sigrid*. Hundert Jahre der Ethnologie an der Universität // Hundert Jahre Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgesellschaft 1869 – 1969. Berlin, 1970. С. 175.
- 305 *Кунов Г.* О происхождении брака и семьи. М., 1928; его же. Всеобщая история хозяйства. М.-Л., 1929; его же. Возникновение религии и веры в бога. Государственное издательство, без года издания; *Cunov Heinrich*. Geschichte und Kultur des Inkareiches. Ein Beitrag zur Geschichte Altamerikas. Amsterdam (1937).

- ³⁰⁶ *Schlenter Ursula*. Die Ethnologie in der BRD und ihr Verhältnis zur Gesellschaftswissenschaft, zur Kulturgeschichte und Soziologie // Kultur und Ethnos. Berlin, 1960. С. 89.
- ³⁰⁷ См. также: *Melk-Koch M.* Auf der Suche nach der menschlichen Gesellschaft: Richard Thurnwald. Berlin, 1989.
- ³⁰⁸ См. напр.: *Mühlmann W., Thurnwald R.* // Archiv für Anthropologie und Völkerforschung. Neue Folge. Bd. XXV. 1939; *Schlenter U.* Zur Geschichte der Völkerkunde an der Berliner Universität von 1810 bis 1945 // Wissenschaftliche Zeitschrift. Humboldt Universität. Bd. 9. (1959 – 60). Beiheft. С. 75; *Trimborn H.* Richard Thurnwald // Z.f.E. Jg. 79. 1954; *Scholze-Irlitz Leonore.* Richard Thurnwald (1869 – 1954): einige Aspekte seiner Forschungs- und Lehrkonzeption // Beiträge zur Geschichte der Humboldt-Universität zu Berlin. No 28. Geschichte der Völkerkunde und Volkskunde an der Berliner Universität Zur Aufbearbeitung des Wissenschaftserbes. Berlin, 1991. С. 37. Исследование Шольце-Ирлиц основано на архивных данных и, возможно, содержит более точные даты различных событий в жизни Турнвальда, чем те, которые содержатся в работах других авторов.
- ³⁰⁹ *Косвен М.О.* Рихард Турнвальд и его этнографические труды // Советская этнография. 1933. № 3 – 4. С. 193 и след.
- ³¹⁰ *Thurnwald R.* Die menschliche Gesellschaft in ihren ethnosozologischen Grundlagen. Berlin. 5 Bände. 1931 – 1935.
- ³¹¹ *Mühlmann W.E.* Thurnwald. С. 66.
- ³¹² *Westphal-Hellbusch S.* Hundert Jahre... С. 176, 177.
- ³¹³ *Thurnwald R.* Die Krisis in der Ethnologie. Zur Entwicklungs- und Kulturkreislehre // Kölnnische Vierteljahrschriften für Sozialwissenschaft. Bd. 3, 1923; idem. Die Kulturkreislehre // Die Senne. Monatsschrift für nordische Weltanschauung und Lebensgestaltung. Bd. 5, 1928; idem. Die menschliche Gesellschaft...
- ³¹⁴ *Thurnwald R.* Die menschliche Gesellschaft... Bd. 1 — Repräsentative Lebensbilder von Naturvölkern. Berlin, 1931; Bd. 2 — Werden, Wandel und Gestaltung von Familie, Verwandtschaft und Bündnen im Licht der Völkerforschung. Berlin, 1932; Bd. 3 — Werden, Wandel und Gestaltung der Wirtschaft im Lichte der Völkerforschung. Berlin — Leipzig, 1932.
- ³¹⁵ *Scholze-Irlitz L.* Richard Thurnwald (1869 – 1954). Einige Aspekte seiner Forschungs- und Lehrkonzeption // Beiträge

- zur Geschichte der Humboldt-Universität zu Berlin. Nr. 28. Geschichte der Völkerkunde und Volkskunde an der Berliner Universität. Zur Aufarbeitung des Wissenschaftlerbes. Berlin, 1991. С. 39.
- ³¹⁶ Иначе понимает эту проблему Турнвальд: *Thurnwald R.* Die menschliche Gesellschaft... Bd. 3.
- ³¹⁷ Напр.: *Thurnwald R.* Mutterrecht // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Jg. 4. Heft 1. 1928.
- ³¹⁸ См. напр.: *Thurnwald R.* Die Gestaltung der Wirtschaftsentwicklung aus ihren Anfängen heraus // Hauptprobleme der Soziologie. Erinnerungen für Max Weber. Bd. 1. München, 1923; idem. Economics in primitive communities. Oxford, 1932.
- ³¹⁹ *Thurnwald R.* Zur Entstehung des Geldes // Jahrbuch für Nationalökonomik und Statistik. Herbstheft. 1940. К сожалению, в своей очень ценной работе по экономической этнологии Ю.И. Семенов ограничился ссылками только на англоязычных авторов (*Семенов Ю.И.* Экономическая этнология. Кн. 1, часть 1. М., 1993), хотя Турнвальд был все же одним из первых, поставивших в этнологии проблемы первобытного хозяйства и экономики.
- ³²⁰ *Thurnwald R.* Ein vorkapitalistisches Wirtschaftssystem in Buin // Archiv für Rechts- und Sozialpsychologie. Bd. XXXI. Heft 1. 1937.
- ³²¹ *Thurnwald R.* Funktionelle Soziologie (Die Gesellung als Vorgang und Ablauf) // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie). Bd. 7. 1931. Heft 4. Используемая Турнвальдом терминология настолько своеобразна и необычна, что часть ее приходится приводить в немецком оригинале, так как она труднопереводима.
- ³²² *Thurnwald R.* Funktionelle Soziologie... С. 387. Думается, что нельзя не признать справедливость такого рода утверждения, если обратиться к истории России, а затем СССР с 1917, а Германии — с 1933 года.
- ³²³ Может быть, такое сопоставление маловероятно, но идеи о «вождизме» могли возникнуть у Турнвальда, долгое время изучавшего аборигенов стран Южных морей не без влияния их верования в «мана».
- ³²⁴ *Thurnwald R.* Führerschaft und Siebung // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Jg. 2. Heft 1. 1926.
- ³²⁵ *Thurnwald R.* Funktion und Entwicklung. Verselbständigung von Funktion und die Frage der Entwicklung (Bemerkungen zu Tausch, Pfand, Wert, Exogamie, Brautpreis, Überschichtung) // Archiv für Anthropologie,

- Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel. N.F. Bd. XXVI. 1941.
- ³²⁶ *Thurnwald R.* Funktion und Entwicklung. Verselbständigung von Funktionen und die Frage der Entwicklung. Bemerkungen zu Tausch, Pfand, Wert, Exogamie, Brautpreis, Überschichtung // Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel. N.F. Bd. XXVI. 1941.
- ³²⁷ *Thurnwald R.* Die Probleme einer empirischen Soziologie // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 3 Jg. Heft 3. 1927.
- ³²⁸ К примеру: *Thurnwald R.* Soziale Organisation und Verwandtschaftsnamen bei Primitiven // Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. Bd. 36 (1920); *idem.* Die Gemeinde der Banaro. Stuttgart, 1921; *idem.* Social System of Africa // Africa, 1929; *idem.* Soziologische Forschungen über Veränderungen im Leben des Afrikaners unter den Entwicklungen der europäischen Zivilisation // Forschungen und Fortschritte. 1931; *Ibid.* Soziale Wandlungen in Ostafrika // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Jg. 7. Heft 2. 1931; *Ibid.* Social Transformation in East Africa // American Journal of Social. Vol. 32. No 2; *Ibid.* Black and White in East-Africa. London, 1935; *idem.* Die fremden Eingriffe in das Leben der Afrikaner und ihre Folgen // Baumann H., Thurnwald R., Westermann R. Völkerkunde von Afrika. Essen, 1940.
- ³²⁹ См. напр.: *Thurnwald R.* Koloniale Eingeborenpolitik // Archiv für Rassen- und Gesellschaftsbiologie. Bd. 2. 1905; *idem.* Koloniale Gestaltung. Methoden und Probleme Überseeischer Ausdeutung. Hamburg, 1939.
- ³³⁰ *Thurnwald R.* Soziale Wandlungen in Ostafrika... С. 152.
- ³³¹ *Thurnwald R.* Koloniale Gestaltung... С.335.
- ³³² *Thurnwald R.* Probleme der Völkerpsychologie und Soziologie // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Jg. 1. Heft 1. 1925. С. 8 и след.
- ³³³ Там же. С. 9.
- ³³⁴ См. напр.: *Thurnwald R.* Psychologische Grundphänomene der menschlichen Gesellung (Sammelbericht) // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Bd. 3. 1927; *idem.* The Psychology of Acculturation // American Anthropologist. Bd. 34 (1932); *idem.* Anpassung im Gesellungsleben // Forschungen und Fortschritte. Jg. 10. No 7. 1934; *idem.* Völkerforschung und Anpassungsvorgang // Forschungen und Fortschritte. Jg. 10. No 15. 1934.

- 335 *Thurnwald R.* Die Persönlichkeit als Schlüssel zur Geschichtsforschung // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Jg. 9. Heft 3. 1933.
- 336 Там же. С. 271.
- 337 *Thurnwald R.* Ethno-Psychologische Studien an Eingeborenen im Bismarkarchipel // Zeitschrift für angewandte Psychologie. Beiheft, 1913; idem. Psychologie des Totemismus // Anthropos. Bd. XII—XIII, 1917—1918. XIV—XV, 1919—1920; idem. Psychologie des primitiven Menschen // Handbuch der vergleichenden Psychologie. Bd. 1. Abteilung 2. München, 1922.
- 338 Psychologie des primitiven Menschen. С. 147—149.
- 339 Там же. С. 154 и след.
- 340 Там же. С. 164, 167, 168, 300 и др.
- 341 *Thurnwald R.* Ethnologie und Psychoanalyse // Krisis der Psychoanalyse. Bd. 1. 1938.
- 342 *Thurnwald R.* «Rasse» — «Rassenfrage» — «Rassenhygiene» — «Rassenkampf» // Politische Handwörterbuch. Leipzig, 1923; idem. Rassenwandel im Lichte der Völkerforschung // Zeitschrift für Rassenkunde. Bd. 7. 1938.
- 343 *Thurnwald R.* Zur persönlichen Abwer (zu der Diskussion mit K.Th. Preuss) // Archiv für Anthropologie und Völkerforschung. N.F. Bd. XXIV. 1938.
- 344 *Thurnwald R.* Politische Gebiete bei Naturvölkern. Ein systematischer Versuch über die Anfänge des Staates // Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. Bd. 37 (1920); idem. Entstehung von Staat und Familie. Mannheim — Berlin — Leipzig, 1921; idem. Probleme des primitiven Rechte // Tagesberichte 49. Versammlung Deutscher Anthropologischen Gesellschaft. Bd. 5. 1927. Leipzig, 1928; idem. Werden, Wandel und Gestaltung von Staat und Kultur im Lichte der Völkerforschung // Die menschliche Gesellschaft. Bd. IV. Berlin — Leipzig, 1935; idem. Progreß viewed as a Component in the configuration of Culture // Amerikan sociological Review. Vol. I. 1936.
- 345 *Thurnwald R.* Methoden der Völkerkunde // Kultur und Rasse. Festschrift für O. Reche. 1939.
- 346 *Scholze-Irritz.* Richard Thurnwald... С. 43.
- 347 *Turnwald Hilde.* Die schwarze Frau in Afrika. Stuttgart, 1935 и другие.
- 348 *Schlenter U.* Zur Geschichte der Völkerkunde an der Berliner Universität von 1810 bis 1945 // Wissenschaftliche Zeitschrift Humboldt Universität. Bd. 9 (1959—1960). Beiheft. С. 75, 76.

- ³⁴⁹ См. напр.: Mühlmann W. Rassenpsychologie // Volksaufwartung, Erbkunde, Eheberatung. Bd. 3. 1928. С. 97 – 102; idem. Rassenfragen in Schrifttum der Gegenwart // Sociologus. Bd. 9, Heft 3. 1933; idem. Rassenkunde. Leipzig, 1934.
- ³⁵⁰ Mühlmann W. Die geheime Gesellschaft der Ariori; Eine Studie über polynesische Geheimbünde mit besonderer Berücksichtigung des Siebungs- und Auslesevorgänge in Alt-Thaiti // Internationales Archiv für Ethnographie. Bd. 32. 1932.
- ³⁵¹ Becher Jurgen. Wilhelm Emil Mühlmann (1904 – 1988): Die Integration eines Völkerkundler in den Wissenschaftsbetrieb der Berliner Universität während der N.S. Zeit // Beiträge zur Geschichte der Humboldt Universität zu Berlin. No 28. Geschichte der Völkerkunde und Volkskunde an der Berliner Universität. Zur Aufbearbeitung des Wissenschaftserbes. Berlin, 1991. С. 46. Работы У. Шленгер и Ю. Бехера написаны главным образом на основе архивных материалов университета им. Гумбольдта. Следует, однако, отметить, что в последовательности деятельности и датах в жизни Мюльмана, называемых этими авторами, имеются некоторые расхождения. Нельзя также исключать и определенной тенденциозности в выводах Шленгер и Бехера.
- ³⁵² Mühlmann W. Staatsbildung und Amphiktionien in Polynesien. Stuttgart, 1938.
- ³⁵³ Becher J. Wilhelm Emil Mühlmann...С. 46, 48.
- ³⁵⁴ Там же. С. 48.
- ³⁵⁵ Mühlmann W. Die Herkunft der Germanen // O. Brehmer (Hrsg.) Blätter zur Pflege des Heimatgedankens. Sondernummer. 4 Jg. August, 1928; idem. Rassenpsychologie // Volksaufwartung. Bd. 3, 1928. С. 97 – 102; idem. Zur Kritik des genealogischen Denkens // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Jg. 7. Heft 3. 1931; idem. Ausleseprozesse in der menschlichen Gesellschaft // Bremer Beiträge zur Naturwissenschaft. Bremen, 1933; idem. Rassenfragen im Schrifttum der Gegenwart // Sociologus. Vol. 9. Heft 3. 1933; idem. Rassenkunde. Leipzig, 1934; idem. Rasse und Geist (Besprechung) // Archiv für Rassen- und Gesellschafts Biologie. Einschließlich Rassen- und Gesellschaft Hygiene. Bd. 29. Heft 1. 1935; idem. Rassen- und Völkerkunde. Eine Einführung in die Lebensprobleme von Rasse, Gesellschaft und Volk. Braunschweig, 1936; idem. Das Problem der rassischen Begabung bei Naturvölkern // Tagungsbericht der Gesellschaft für Völkerkunde. 2-e

- Tagung. Leipzig, 1936; idem. Politisch — Katholische Rassenforschung (Besprechung) — Volk und Rasse. München 1937. Heft 1. С. 35 — 38; Gedanken zur Frage der Rassenentstehung beim Menschen // Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel. N.F. Bd. XXV. Heft 2 — 3. 1939.
- 356 *Mühlmann W.* Krieg und Frieden. Ein Leitfaden der politischen Ethnologie mit Berücksichtigung völkerkundlichen und geschichtlichen Stoffes. Heidelberg, 1940; idem. Rassen-seelische Polarität in Europa? // Zeitschrift für Rassenkunde. Bd. 13. Heft 1. 1942.
- 357 *Mühlmann W.* Krieg und Frieden. С. 2.
- 358 *Becher J.* Wilhelm Emil Mühlmann... С. 50.
- 359 *Mühlmann W.* Krieg und Frieden. С. 195.
- 360 Там же. С. 161.
- 361 *Mühlmann W.* Die Völker der Erde. Berlin, 1944.
- 362 Там же. С. 395.
- 363 Там же. С. 143.
- 364 *Becher J.* Wilhelm Emil Mühlmann. С. 49.
- 365 *Mühlmann W.* Die Hitler-Bewegung. Zur Krise der bürgerlichen Kultur // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Jg. 9. Heft 2. 1933.
- 366 *Becher J.* Wilhelm Emil Mühlmann. С. 47.
- 367 *Mühlmann W.* Methodik der Völkerkunde. Stuttgart, 1938.
- 368 *Mühlmann W.* Methodik der Völkerkunde. С. 2, 3.
- 369 Там же.
- 370 *Mühlmann W.* Ethnographie und Ethnologie // Archiv für Anthropologie und Völkerforschung. Bd. XXIV. Heft 1. 1937. На страницах 1 — 7 Мюльман приводит перевод с английского языка введения к работе С.М. Широкого-рова в связи с теорией этноса (Psychomental Complex of the Tungus).
- 371 *Mühlmann W.* Methodik der Völkerkunde. С. 5.
- 372 Там же.
- 373 Там же. С. 91, 94.
- 374 Там же. С. 95.
- 375 Там же. С. 227, 228.
- 376 *Mühlmann W.* Sirokogorov S.M. Nachruf // Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel. N. F. Bd. XXVI. 1941. С. 55 — 64. Попутно следует заметить, что по проблеме исследования «этноса» в советской этнографии заметных достижений в теоретическом плане в сравнении с работами Широкогорова достигнуто не было, и новшества сводились порой лишь к предложе-

- ниям новых, но далеко не всегда удачных и необходимых терминов и понятий. Основные же положения изысканий в области теории этноса практически мало отличались от того, что было предложено Широкогоровым.
- ³⁷⁷ *Mühlmann W.* Methodik der Völkerkunde. С. 229.
- ³⁷⁸ Там же.
- ³⁷⁹ Там же. С. 235, 236.
- ³⁸⁰ Там же. С. 235.
- ³⁸¹ *Mühlmann W.* Rassen- und Völkerkunde. Braunschweig, 1936. С. 213.
- ³⁸² *Mühlmann W.* Krieg und Frieden. С. 236.
- ³⁸³ *Mühlmann W.* Zur Kritik des genealogischen Denkens // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Jg. 7. Heft 3. 1931; idem. Rassen- und Völkerkunde.
- ³⁸⁴ См.: *Марков Г.Е.* Очерки истории немецкой науки о народах. Часть 2. Немецкое народоведение. М., 1993.
- ³⁸⁵ *Mühlmann W.* Biologie und Geisteswissenschaften // Archiv für Anthropologie und Völkerforschung. Bd. XXIV. 1938.
- ³⁸⁶ *Preuss K.Th.* Lehrbuch der Völkerkunde. Stuttgart. 1937.
- ³⁸⁷ *Mühlmann W.* Entgegnung auf die Besprechung des «Jahrbuchs der Völkerkunde». Hrsg. von K.Th. Preuss // Zeitschrift für Ethnologie. 1937. Heft 6. С. 298 и след.
- ³⁸⁸ *Mühlmann W.* Rassen- und Völkerkunde.
- ³⁸⁹ *Mühlmann W.* Schmidt Wilhelm // Handbuch der Methode der kulturhistorischen Ethnologie. Archiv für Anthropologie und Völkerforschung. Bd. XXIV. 1938.
- ³⁹⁰ *Mühlmann W.* Die Hitler — Bewegung. Zur Kritik der bürgerlichen Kultur // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Bd. IX. Heft 2. 1933.
- ³⁹¹ Там же. С. 129 — 139.
- ³⁹² *Krause F.* Die völkerkundliche Strukturlehre und ihre Anwendung auf unser modernes Kulturleben // Petermanns Mitteilungen. 1923; *Milke W.* Über einige Kategorien der funktionellen Ethnologie // Z. f. E. Jg. 70. 1938. Berlin, 1939.
- ³⁹³ *Hellbok A.* Was ist Volksgeschichte? Berlin, Leipzig, 1935.
- ³⁹⁴ *Hellpak W.* Einführung in die Völkerpsychologie Stuttgart, 1938.
- ³⁹⁵ *Steinmetz R.* Gesammelte kleine Schriften zur Ethnologie und Soziologie. Grönningen, 1929.
- ³⁹⁶ *Lehmann F. R.* Die Herausbildung des Führertums auf niedrigen Stufen der Kultur im Zusammenhang mit der gesellschaftlicher Entwicklung // Baeßler Archiv. XIX. 1936. С. 63 — 77.

- ³⁹⁷ *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. 1 Auflage Tübingen, 1922, 2 Aufl. Tübingen, 1924. Letzte Aufl. Tübingen, 1988; Methodologische Schriften. Frankfurt a/M, 1968.
- ³⁹⁸ *Wundt W.* Völkerpsychologie und Entwicklungspsychologie // Psychologische Studien. Bd. 10, 1916; idem. Probleme der Fölkerpsychologie. Stuttgart, 1921.
- ³⁹⁹ *Walter A.* Zur Verwirklichung einer vollständigen Soziologie // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Jg. 5. 1929. Heft 2; *Kraft J.* Soziologie oder Soziologismus? // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Jg. 5. 1929. Heft 4; *Freyer H.* Soziologie als Wirklichkeit Wissenschaft // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. Jg. 5. 1929. Heft 3.
- ⁴⁰⁰ См. напр.: *Danzel Th.W.* Gefüge und Fundamente der Kultur vom Standpunkt der Ethnologie. Hamburg, 1930.
- ⁴⁰¹ См. напр.: *Schmidt R. R.* Der Geist der Vorzeit. Berlin, 1934 и рецензию на эту работу: *Preuß K. T.* Z.f.E. Jg. 67. 1935. Heft 1/3. Berlin, 1936.
- ⁴⁰² *Bauer K.H.* Rassenhygiene. Ihre biologischen Grundlagen. Leipzig, 1926.
- ⁴⁰³ *Eickstedt Egon von.* Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit. Stuttgart, 1933; idem. Die rassische Grundlagen des deutschen Volkstum. Köln, 1934; idem. Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit. Stuttgart, 1942 (отклик на работы Эйкштедта см.: *Mühlmann W.* in.: Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel. Neue Folge. Bd. XXVI. 1941. С. 70, 71; *Marker Fr.* Charakterbilder der Rasse. Berlin, 1934; *Mengin Oswald.* Geist und Blut. Grundsätzliches um Rasse, Sprache, Kultur und Volkstum. Wien, 1934; *Schiebold R.* Rassen und Unterrassen, Stämme und Völker. Altenburg, 1934; idem. Rasse ist Schicksal und Aufgabe. Leipzig, 1937; Rassenpolitik. Berlin, 1940, 1941, 1942. См. также: *Saller K.* Die Rassenlehre des Nationalsozialismus in Wissenschaft und Propaganda. Darmstadt, 1961.
- ⁴⁰⁴ *Keiter F.* Rasse und Kultur. Eine Kulturbilanz der Menschenrassen als Weg zur Rassenseelenkunde. 2 Bde. Stuttgart, 1938. (Bd. 1 — Allgemeine Kulturbilanz. Bd. 2 — Vorzeitrassen und Naturvölker).
- ⁴⁰⁵ См.: Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel. Neue Folge. Bd. XXVI. 1941. S. 67 — 70.
- ⁴⁰⁶ *Günter Wolf (Hrsg).* Beiträge zur kolonialen Fassung. Bd. 1, 2. (Без места издания). 1942; Ziwilisierung als kulturbiologisches Experiment (сборник). Berlin, 1936.

- ⁴⁰⁷ *Rusch W.* Wissenschaftliche Kolloquien zum Schaffen von Diedrich Westermann aus Anlaß seines Geburtstages // E.A.Z. Bd. 1976. С. 392 и след.
- ⁴⁰⁸ *Westermann D.* (Hg.). Die heutigen Naturvölker im Ausgleich mit der Neuen Zeit. Stuttgart, 1940.
- ⁴⁰⁹ *Westermann D.* Afrika als europäische Aufgabe // Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und Kulturwandel. Neue Folge. Bd. XXVII. 1941. С. 78.
- ⁴¹⁰ *Baumann H.* Völkerkunde von Afrika mit besonderer Berücksichtigung der kolonialen Aufgabe // *Baumann H., Thurnwald R., Westermann D.* Völkerkunde von Afrika. Essen, 1940; Koloniale Völkerkunde. Wien, 1944; *Blöme H.* Koloniale Ausrichtung der deutschen Völkerkunde. Berichte über eine kolonialwissenschaftliche Zusammenkunft deutscher Völkerkundler in Göttingen // Koloniale Rundschau. Heft 32. 1941; *Sapper K.* Der Wirtschaftsgeist und die Arbeitsleistung tropischer Kolonialvölker. Stuttgart, 1941; *Wolf G.* (Hg). Beiträge zur kolonialen Forschung. Bd. 1, 2. Без места издания. 1942.
- ⁴¹¹ *Ankermann B.* Die Lehre der Konvergenz und die Kulturgeschichte in der Ethnologie // Petermanns Mitteilungen. Bd. 66. 1920; *Eberhardt W.* Zum Problem der Kulturübertragung // Der Weltkreis. Jg. 3. Heft 1, 2. Berlin, 1932.
- ⁴¹² См. напр.: *Schmidt M.* Die Methode der Ethnologie. Grundriß der ethnologischen Volkswirtschaftslehre. Bd. 1. Stuttgart, 1920; idem. Völkerkunde. Berlin, 1924; *Friedrich A.* Die Forschung über das frühzeitliche Jägertum // Paideuma. Bd. 2. Heft 5. 1941; *Günter H.* Formen und Geschichte der Ehe. München, Berlin (без года издания).
- ⁴¹³ *Fischer H.* Völkerkunde und Nationalsozialismus. С. 181 и след.
- ⁴¹⁴ См. напр.: *Lips J.* Die Anfänge des Rechts an Grund und Boden bei den Naturvölkern und der Begriff der Erntevölker // Festschrift Publication D'ommage offerte au P.W.Schmidt. 76 sprachwissenschaftliche, religionswissenschaftliche und andere Studien. Hg. W. Koppers. Wien, 1928; idem. Vom Ursprung der Dinge. Leipzig, 1928; *Липс Ю.* Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М., 1954.
- ⁴¹⁵ *Hauschild T.* Völkerkunde im «Dritten Reich» // Volkskunde und Nationalsozialismus. Referate und Diskussionen einer Tagung. Hg. von Helge Gerndt. München, 1987. Münchener Beiträge zur Volkskunde. München, 1987.

- ⁴¹⁶ *Plischke H.* Von den Barbaren zu den Primitiven. Leipzig, 1926. См. также его работы: Das Institut für Völkerkunde an der Universität Göttingen // Mitteilungen Univ. Bund Göttingen. Jg 18. 1937; idem. Kulturgeschichtliche Betrachtungen als Zielstellung der Völkerkunde. Göttingen, 1938; idem. Die rassistischen und kulturgeschichtlichen Voraussetzungen der europäischen Kolonisation in Afrika // Göttingen Universitätsvorträge. Göttingen. 1939 / 40.
- ⁴¹⁷ См. некролог: *Schlesier E. und Urban M.* Hans Plischke. 12 Februar 1890 — 28 April 1972 // Z.f.E. Bd. 97. 1972.
- ⁴¹⁸ *Passarge S.* Geographische Völkerkunde. Bd. 1. Einführung in die geographische Völkerkunde. Frankfurt a/M., 1934; Bd. 2. Frankfurt a/M., 1933; Bd. 3. Australien und Südsee. Frankfurt a/M., 1934; Bd. 4. Amerika. Frankfurt a/M., 1936; Bd. 5. Asien. Frankfurt a/M., 1938.
- ⁴¹⁹ *Schmidt Max.* Völkerkunde. Berlin, 1924.
- ⁴²⁰ См. напр.: *Preuß K. Th.* Die geistige Kultur der Naturvölker. Leipzig, Berlin, 1814; idem. Religion und Mythologie Uitito. Göttingen und Leipzig, 1921; idem. Adolf Bastian und die heutige Völkerkunde. Baessler Archiv. Bd. 10. Berlin, 1926; idem. Das Irrationale in der Magie. Z.f.E. Jg. 70. 1938. С. 272 и многие другие.
- ⁴²¹ *Snetlage E. H.* Konrad Theodor Preuss zum Gedächtnis // Archiv für Anthropologie und Ethnologie. Bd. XXIV. 1938.
- ⁴²² См. *Krickeberg W.* in: Z.f.E.. Jg. 1937. Heft-6; *Mühlmann W., Thurnwald R.* in: Archiv für Anthropologie und Völkerforschung. Neue Folge. Bd. XXIV. 1938. С. 298 — 300. Следующее издание учебника вышло в свет в 1938 г. под редакцией Р. Турнвальда.
- ⁴²³ *Bernatzik H.* (Hg.). Die Große Völkerkunde. Sitten, Gebräuche und Wesen fremder Völker. 3 Bände: 1 — Europa; 2 — Asien; 3 — Amerika. Leipzig, 1939.
- ⁴²⁴ В рецензии Мюльман отмечал также, что в книге «содержатся отдельные неплохие статьи, но отсутствует общий план, в результате чего получился не капитальный труд по этнологии, а сборник отдельных статей» (*Mühlmann W.* Die Große Völkerkunde // Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und Kulturkunde. Neue Folge. Bd. XXVI. 1941. С. 71, 72).
- ⁴²⁵ Число такого рода работ очень велико, и они требуют специального источниковедческого анализа. Частично их можно найти в библиографии к цитированной выше работе Г. Фишера: *Fischer H.* Völkerkunde in Nationalsozialismus. С. 246 — 302.

- ⁴²⁶ *Bernatzig H.* (Hg.) Die große Völkerkunde. Bd. 1 — Europa, Afrika; Bd. 2 — Asien; Bd. 3 — Australien, Amerika. Leipzig, 1939 (См. рецензию: *Mühlmann W.* in: Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel. N.F. Bd. XXVI, 1941; *Baumann H., Thurnwald R., Westermann D.* (Hg.) Völkerkunde von Afrika. Essener Verlagsanstalt. Essen, 1940.
- ⁴²⁷ См.: *Марков Г.Е.* Очерки немецкой науки о народах. Ч. 2. Немецкое народоведение. М., 1993; *его же.* От упадка к возрождению (немецкое народоведение после Второй мировой войны: проблемы теории) // Этнографическое обозрение — далее Э.О.). 1995. № 3.
- ⁴²⁸ В рассматриваемое время публикаций о состоянии этнологии в годы нацизма почти не было. В качестве редких исключений можно назвать работы, посвященные анализу документальных данных: *Hofer W.* Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933–1945. Zeittafel des Nationalsozialismus. Frankfurt a/M, 1957; *Seeliger R.* Braune Universität. Deutsche Hochschullehrer gestern und heute. Eine Dokumentation. Dokumentreihe. Heft 1. München, 1964.
- ⁴²⁹ *Westphal-Hellbusch S.* The present Situation of ethnological Research in Germany // Amer. Anthropologist. 1959. Vol. 616, No 5; *Markov G.* L'evolution de L'ethnologie ouest-allemande // Ethnologie occidentale: Essais critique sur l'idéologie. М., 1985.
- ⁴³⁰ В отличие от политической ситуации расчленения Западной Германии и Западного Берлина, для науки такого рода раздел не существовал, и возрождение науки в Западном Берлине опиралось на материальную помощь Западной Германии и западных союзных стран, прежде всего, Америки. Поэтому проблемы этнологии в этих двух частях послевоенной Германии будут рассматриваться совместно.
- ⁴³¹ *Schlesier E.* Möglichkeiten und Grenzen einer angewandten Völkerkunde in Deutschland — ein Beitrag zur Klärung der gegenwärtigen Lage der deutschen Völkerkunde // Göttinger Völkerkundliche Studien. Bd. 11, 1957.
- ⁴³² *Bartel T.* Kritische Gedanken zur Behandlung der Völkerkunde in den «Empfehlungen des Wissenschaftsrates» // Z.f.E. Bd. 85, 1960.
- ⁴³³ *Beck C. H.* (Hg.). Völkerkunde. «Zwölf Vorträge zur Einleitung in ihre Probleme». München, 1960; *Schmied-*

- Kowarzik W. D.* Philosophische Besinnung auf die Grundlagen der Völkerkunde als einer eigenständigen Wissenschaft // *Mitteilungen zur Kulturkunde*. Bd 1, 1966.
- ⁴³⁴ *Trimborn H.* Von den Aufgaben und Verfahren der Völkerkunde // *Lehrbuch der Völkerkunde*. 3 umgearbeitete Auflage. Stuttgart, 1958. С. 1 – 25; *idem.* «Völkerkunde» in: *Staatslexikon*. Hg. von der Görres-Gesellschaft. Freiburg, 1963.
- ⁴³⁵ *Cloß A.* Abgrenzung und Aufriß einer Speziellen Ethnologie // *Z.f.E.* Bd. 81, 1956.
- ⁴³⁶ *Eibl-Eibesfeld J.* Grundriß der vergleichenden Verhaltensforschung. München, 1969.
- ⁴³⁷ *Glück J.F.* Der Weg des Menschen. Ein Beitrag zur Methode der Ethnologie und der Kulturmorphologie // *Jahrbuch des Linden-Museums*. N.F. Bd 2 – 3, 1952/1953. Stuttgart, 1953; *Fischer E., Zanolli N.* Das Problem der Kulturdarstellung. Vorschläge zur Methode der Ethnographie *Sociologus*. N.F. Jg. 18, 1968. Heft 2.
- ⁴³⁸ *Gebser J.* Ursprung und Gegenwart. Die Manifestation deraperspektivischen Welt. Versuch einer Konkretion des geistigen. 2 Bde. Stuttgart, 1953.
- ⁴³⁹ *Pittioni R.* Prähistorie oder Urgeschichte? Die Stellung der Urgeschichte in Rahmen der Menschheitsforschung // *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wiss. Phil.* — *Hist. Klasse*. Wien, 1951; *idem.* Urgeschichte und Völkerkunde // *Archaeologia Austriaca*. Heft 14. Wien, 1954; *idem.* Über Zusammenarbeit anthropologischen Disziplinen vom Standpunkt der Vorgeschichte // 2-ter Österreichische Symposium auf Burg Wartenstein 1959. Horn, 1961; *idem.* Bemerkungen zu einer «Theorie der schriftlosen Geschichte» // *Anthropos*, Bd. 63, 1968.
- ⁴⁴⁰ *Röpke J.* Nationalökonomie und Ethnologie. Die ökonomische Theorie primitiver Gesellschaften in kritischer Sicht // *Sociologus*. Jg. 19, 1969. Heft 1.
- ⁴⁴¹ *Westphal-Hellbusch.* Указ. паб. С. 854.
- ⁴⁴² *Thurnwald R.* Einführung. *Sociologus*. Zeitschrift für empirische Soziologie, Sozialpsychologie und Ethnologische Forschungen. Jg. 1. Heft 1. 1951.
- ⁴⁴³ Эта проблема была поставлена Г. Тримборном еще в 1920-х гг. (*Trimborn H.* Die Methode der ethnologischen Rechtsforschung // *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*. 1928. Bd. 43) и продолжена в первые послевоенные годы (*Trimborn H.* Zur ethnologischen Rechtsforschung // *Zeitschrift für Ethnologie (Z.f.E.)*. Jg. 76.

- ⁴⁴⁴ Koch G. Das Eigentum auf Neukaledonien // Baessler Archiv. N.F. 1957 No 5; Nippold W. Die Anfänge des Eigentums bei den Naturvölkern und Entstehung des Privateigentums. S. Gravenhagen, 1956; Schott R. Anfänge der Privat- und Planwirtschaft. Braunschweig, 1956.
- ⁴⁴⁵ Westphal-Hellbusch S. The present Situation of Ethnological Research in Germany // American Anthropologist. Vol. 61. No 5, Part 1, October 1959.
- ⁴⁴⁶ Westphal-Hellbusch S. Hundert Jahre Ethnologie in Berlin, unter besonderer Berücksichtigung ihrer Entwicklung an der Universität // Hundert Jahre Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgesellschaft 1869 – 1969. Berlin, 1970.
- ⁴⁴⁷ Westphal-Hellbusch S. Die deutsche und ausländische Nah- und Mittelostforschung auf dem Gebiet der Ethnologie // Sociologus. Jg. 13. Heft 1, 1963; idem. Ethnologie // Handbuch der Wissenschaft und Bildung. Darmstadt, 1960.
- ⁴⁴⁸ Goll R. «Neuzeitliche» Wissenschaft und der Evolutionismus. Ein Beitrag zur Grundforschung der Ethnologie // Sociologus. N. F. Heft 2, 1961. С. 99.
- ⁴⁴⁹ Там же. С. 100, 101.
- ⁴⁵⁰ Там же. С. 102 – 103.
- ⁴⁵¹ Там же. С. 108 – 110.
- ⁴⁵² Там же. С. 110 – 113.
- ⁴⁵³ Nowotny K.A. Klassische archäologische und ethnologische Theorien. Entwicklung und Fortschritt. Soziologische und ethnologische Aspekte des soziokulturellen Wandels // W. E. Mühlmann zum 65 Geburtstag. Tübingen, 1969.
- ⁴⁵⁴ Bernatzik H.A. Die historische Entwicklung und die Aufgaben der Ethnologie // Hugo A. Bernatzik (Hg.). Die neue große Völkerkunde. Bd. 1 – 3. Frankfurt a/M., 1955. С. 1 – 6.
- ⁴⁵⁵ Там же. С. 6.
- ⁴⁵⁶ Там же. С. 6.
- ⁴⁵⁷ Там же. С. 8, 9.
- ⁴⁵⁸ См.: Марков Г. Е. История немецкой этнологии. С. 204 и след.
- ⁴⁵⁹ Bernatzik H. A. Die historische Entwicklung... С. 13.
- ⁴⁶⁰ Bernatzik H. A. Völker und Kulturen der Erde in Wort und Bild. Frankfurt a/M., 1954. idem. Handbuch der angewandten Völkerkunde. Innsbruck, 1947.

- 461 *Heine Geldern R.* One years of ethnological theory in the German-speaking countries // *Current Anthropology*. Vol. 5. Nr. 5. Dec. 1964.
- 462 *Jensen Ad. und Klein H.* Deutschland, eine ethnologische Revue // *Yearbook of Anthropology* 1955. New-York, Wenner-Gren Foundation, 1955.
- 463 *Konrad W.* Völkerkunde. Vom Werden und Wesen Einer Wissenschaft. Berlin, Darmstadt. 1969.
- 464 *Ettmar K.* Fruchtbare Ansätze im ethnologischen Denken // Festschrift für A. E. Jensen. München. Teil I, 1964.
- 465 *Konrad W.* Völkerkunde. Vom Werden und Wesen einer Wissenschaft. Berlin, Darmstadt, 1969.
- 466 *Koppers W.* Professor Wilhelm Schmidt. Eine Würdigung seines Wissenschaftlichen Lebenswerkes // *Z. f. E.* Bd. 79, 1954.
- 467 *Spannaus G.* Aufbau und Sinn der Völkerwissenschaft // *Z. f. E.* Bd. 75, 1950.
- 468 *Schlesier E.* Die Wiener Schule der Völkerkunde. *Z. f. E.* Bd. 82, 1957.
- 469 *Podach E. E.* Das Aktualitätprinzip in der Völkerkunde // *Jahrbuch des Linden-Museums*. N. F. Bd. 1. Heidelberg, 1951.
- 470 Там же. С. 9 – 11.
- 471 Там же. С. 16, 17.
- 472 Там же. С. 18.
- 473 *Podach E. E.* Zum Abschluß von Levi-Bruhls Theorie über die Mentalität der Primitiven // *Z. f. E.* Jg. 76. 1951.
- 474 *Schott R.* Das Geschichtsbild der sowjetischen Ethnographie // *Saeculum*. No. 11, 1960.
- 475 *Ettmar K.* Angewandte Sowjetethnologie // *Österreichische Osthefte*. Jg. 4. Heft 5. 1962.
- 476 *Breidenbach J., Zukrige I.* Ethnologische Perspektiven auf die Beziehungen zwischen globaler und lokaler Ebene // *Z. f. E.* Bd. 120. Heft 1, 1955.
- 477 *Heissig W.* Die Monholfenforchung in den deutschen Universitäten. Wiesbaden, 1969.
- 478 *Schmidt W.* Geleitwort // *Z.f.E.* Band 75. Braunschweig, 1950.
- 479 *Schmidt W.* Das Eigentum in den mutterrechtlichen Pflanzenkultur und in der vaterrechtlichen höheren Jägerkultur // *Kirche — Weltanschauung — Soziale Fragen*. Die Viertelsjahreslesungen, Arbeitsgemeinschaften und Vorträge der Salzburger Hochschulwochen 1946. Eingeleitet und herausgegeben von Alois Mager. Salzburg, 1948. С. 206 – 211.
- 480 *Schmidt W.* Rassen und Völker in Vorgeschichte und Geschichte des Abendlandes. 3 Bde. Luzern, 1946 – 1949.

- ⁴⁸¹ См.: *Koppers W.* Die Indogermanen — und Germanenfrage / Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Bd. 4. Wien, 1936.
- ⁴⁸² *Schmidt W.* Die Herkunft der Indogermanen und ihre erste Ankunft in Europa // Kosmos. Stuttgart. Bd. 45, 1949.
- ⁴⁸³ *Schmidt W.* Das Höchste Wesen im Kulturkreis der patriarchalen Herdenviehzüchter. Manuale di Storia comparata delle Religioni. Brescia, 1949.
- ⁴⁸⁴ *Schmidt W.* Primärkulturen und spätere Kulturkreise // Aufsätze und Vorträge. Micro-Bibliotheca Anthropos. Vol. 17. Posieux (Freiburg — Schweiz), 1954.
- ⁴⁸⁵ См. напр.: *Schmidt W.* Die Entfaltung der Gottesidee in der Geschichte der Menschheit // Christus und die Religionen der Erde. Handbuch der Religionsgeschichte. Bd. 1. Wien, 1951; idem. Das Mutterrecht. Studia Instituti Anthropos. Vol. 10. Freiburg, 1955 и др.
- ⁴⁸⁶ *Schmidt W.* Geleitwort // Z. f. E. Jg. 75. 1950. C. 1, 2.
- ⁴⁸⁷ *Koppers W.* Der Urmensch und sein Weltbild. Wien, 1949.
- ⁴⁸⁸ См. напр.: *Feder A.* Lehrbuch der geschichtlichen Methode. Regensburg, 1924; *Heine-Geldern R.* Urheimat und früheste Wanderungen der Austronesier // Anthropos. XVII, 1932.
- ⁴⁸⁹ *Meister R.* Die Stellung der Wissenschaft innerhalb der Kultur // Abhandlungen der Österreichischen Akademie der Wissenschaft. Jg. 100, 1950; idem. Die Zonengliederung der Kultur // Wiener Zeitschrift für Philosophie, Psychologie, Pädagogik. Bd. 3, 1951.
- ⁴⁹⁰ *Koppers W.* Zusammenarbeit von Ethnologie und Prähistorie. Ein Beitrag zur Methode beider Wissenschaften // Z.f.E. Bd. 78, 1953. См. также: *Haekel J.* Über die Zusammenarbeit der «anthropologischen Disziplinen» vom Standpunkt der Völkerkunde // Breitinger E., Haekel J., Pittioni R. (Hrsg). Theorie und Praxis der Zusammenarbeit zwischen den anthropologischen Disziplinen. Horn, 1961; *Dittmer K.* Allgemeine Völkerkunde. Braunschweig, 1954.
- ⁴⁹¹ См. напр.: *Koppers W.* Der historische Grundcharakter der Völkerkunde // Studie Generale. Jg. 7. Heft 3. 1954. C. 135–143; idem. Der Urmensch und sein Weltbild. Wien, 1949.
- ⁴⁹² *Koppers W.* Professor Wilhelm Schmidt. Eine Würdigung seines wissenschaftlichen Lebenswerkes // Z. f. E. Bd. 79. 1954. C. 243, 247, 248.
- ⁴⁹³ *Arndt P.* Religion auf Ostflores, Adonare und Solor. Wien-Mödling, 1951; idem. Gesellschaftliche Verhältnisse der Ngadha. Wien-Mödling, 1954.

- ⁴⁹⁴ *Haeckel J.* Zum heutigen Forschungsstand der historischen Ethnologie // Die Wiener Schule der Völkerkunde. Wien, 1956; idem. Zur gegenwärtigen Forschungssituation der Wiener Schule der Ethnologie // Beiträge Österreichs zur Erforschung der Vergangenheit und Kulturgeschichte der Menschheit. Horn, 1959; idem. Zum Problem der Entstehung einer Hochkultur // Tribus. Bd. 9, Stuttgart, 1960.
- ⁴⁹⁵ *Narr K. J.* Urgeschichte der Kultur. Stuttgart, 1961.
- ⁴⁹⁶ *Ettmar K. Karl E.* Narr K. J. Urgeschichte der Kultur. Stuttgart, 1961 // Tribus. Veröffentlichungen des Linden — Museums. Nr. 11. November, 1962.
- ⁴⁹⁷ *Westphal-Hellbusch S.* Die Wiener Schule der Völkerkunde. Festschrift anlässlich des 25jährigen Bestandes des Instituts für Völkerkunde der Universität Wien (1929 — 1954). Hrsg. J. Haekel, A. Hohenwart-Gerlachstein und A. Slawik. Horn — Wien, 1956 // Sociologus. N. F. Jg. 7, 1957. Heft 1. C. 88, 89, 90.
- ⁴⁹⁸ Там же. С. 23, 25, 30.
- ⁴⁹⁹ О Мартине Гузинде см.: некролог в Z. f. E. Band 95. 1970, а также одну из его последних публикаций: *Gusinde M.* Die Kongo-Pygmäen in Geschichte und Gegenwart // Nova Leopoldina. N. F. Bd. 11. Nr. 76. Halle (Saale), 1942.
- ⁵⁰⁰ *Golomb L. S.V.D.* Die Bodenkultur in Ost-Turkestan. Oasenwirtschaft und Nomadentum. Studia Instituti Anthropos. Vol. 14. Posieux, Freiburg, Schweiz, 1959.
- ⁵⁰¹ *Bornemann Fr.* Die Urkultur in der kulturhistorischen Ethnologie. Eine grundlegende Studie. Sankt Gabriel Studien VI. St. Gabriel, Mödling, Wien. 1938.
- ⁵⁰² См. напр.: *Giet F.* Zur Tonität nordchinesischer Mundarten. Wien-Mödling, 1950; *Arndt P.* Religion auf Ostflores, Adonare und Solor. Wien-Mödling, 1951; *Schebesta P.* Die Negrito Asiens. Bd. 1 — Geschichte, Geographie, Demographie und Anthropologie. Wien-Mödling, 1952; Bd. 2 /1 — Wirtschaft und Soziologie der Negrito. Wien-Mödling, 1955; Bd. 2/2 — Religion und Mythologie. Wien-Mödling, 1957; *Herrmans M.* Die Nomaden von Tibet. Wien, 1949, и многие другие.
- ⁵⁰³ См. некролог: Carl Laufer M. S. C. // Z. f. E. Bd. 95. 1970.
- ⁵⁰⁴ См.: *Raum O. F. F.* Rudolf Lehman 1887 — 1969 // Z. f. E. Bd. 95, 1970.
- ⁵⁰⁵ *Schmitz C. A.* Vorwort // Historische Völkerkunde (Hg. C. A. Schmitz). Frankfurt a/M, 1967. С. 5; idem. Historische Probleme in Nordost — Neuguinea // Studien zur Kulturkunde. Bd. 16. Wiesbaden, 1960.

- ⁵⁰⁶ См. напр.: *Baumann H.* Die Mannbarkeitsfeier bei den Tsowe (N. O. Angola, Westafrika) und ihren Nachbarn. Berlin, 1932; idem. Die afrikanische Kulturkreise // *Africa*. Bd. VII. Heft April, 1934.
- ⁵⁰⁷ *Haberland Eike.* Hermann Baumann 1902 bis 1972. Schriftleiter der Zeitschrift für Völkerkunde von 1928 bis 1941 // *Z. f. E.* Bd. 99. Heft 1 und 2. 1974.
- ⁵⁰⁸ *Baumann H.* Das Doppelte Geschlecht. Ethnologische Studien zur bisexualität in Ritus und Mythos. Berlin, 1955; *Baumann H.* und *Westermann D.* Les peuples et les civilisations de l'Afrique suivi de les langues et l' education. Paris 1957.
- ⁵⁰⁹ *Baumann H.* Grundeinsichten in die neue afrikanische Entwicklung // *Z.f.E.* Jg. 87, 1962
- ⁵¹⁰ *Schmitz K. A.* (Hg.). Historische Völkerkunde. Frankfurt a/M, 1967. C. 1 – 5.
- ⁵¹¹ *Schmitz R. A.* Kultur. Frankfurt a/M, 1963; idem. Erweiterte Familie, Großfamilie und Klan // *Köllner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Bd. 11, 1959; idem. Linie und Sippe // *Verhandlungen des 14 Deutschen Soziologentages*. Stuttgart, 1959; idem Die Monogamie in der Sicht des Ethnologen // *Zeitschrift für Evangelische Ethik*. Bd. 10, 1966; idem. Heiratsklassen. Eine analytische Studie. *Z. f. E.* Bd. 92, 1967; idem. Grundformen der Verwandtschaft / Baessler Beiträge zur Geographie und Ethnologie. Ethnologische Reihe. Heft 1, 1964.
- ⁵¹² *Schmitz K. A.* Gesellschaftsordnung und Wandel in einer Bergbauernkultur in Nordwest — Neuguinea // *Köllner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 1957.; idem. Historische Probleme in Nordost-Neuguinea // *Studien zur Kulturkunde*. Bd. XVI. Wiesbaden, 1960; idem. Das Problem der abhängigen Konvergenzen // *Mitteilungen zur Kulturkunde*. Bd. 1, 1966.
- ⁵¹³ *Hirschberg W.* Kulturhistorie und Ethnohistorie. Eine Gegenüberstellung // *Paideuma*. Mitteilungen zur Kulturkunde. Band 12. Frankfurt — Wiesbaden, 1966. Reprint // *Ethnohistorie und Kulturgeschichte*. Karl W. Wernhart (Hg.). Wien, Köln, Graz, Böhlau, 1986. C. 31. (Сноски даются по изданию 1986 г.)
- ⁵¹⁴ Там же. C. 32, 33.
- ⁵¹⁵ *Hirschberg W.* Die Völker Afrikas // *Große neue Völkerkunde*. Hrsg. A. H. Bernatzik. 2 Auflage. 1954. См. его же. Zur Frage Der sogenannten Primitivität der afrikanischen Wildbeutekulturen // *Berichte über die 6*

- Tagung der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie. Göttingen, 1959.
- 516 *Trimborn H.* Der Kollektivismus bei Inkas in Peru // *Anthropos*. Bd. XVIII, XIX, XX. 1923, 1924, 1925. Из экономики места дальнейшие работы Тримборна будут указаны только со времени после окончания Второй мировой войны.
- 517 См. напр.: *Trimborn H.* Die Methode der ethnologischen Rechtsforschung // *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaften*. Bd. XLIII. С. 416—464.
- 518 *Trimborn H.* Vergessene Königreiche. Studien zur Völkerkunde und Altertumskunde Nordwestkolumbiens. Braunschweig, 1948; idem. Das Menschliche ist gleich im Urgrund aller Kulturen. Braunschweig, 1948; idem. Das Alte Amerika. Stuttgart, 1959; idem. Die hohe indianische Kulturen Altamerika. Stuttgart, 1963.
- 519 *Trimborn H.* Mehrfaltige Götter in den Mythen von Huarochiri // *Ethnologica*, N. F. Bd. II. Köln, 1960.
- 520 *Trimborn H.* Indianer gestern, heute und morgen // *Kulturgeschichtliche Forschungen*. Bd. 12. Braunschweig, 1968.
- 521 *Trimborn H.* Thurnwald Richard: Des Menschengeistes Erwachen. *Z. f. E.* Bd. 78. 1953.
- 522 *Ettmar K.* Fruchtbare Ansätze im ethnologischen Denken der Vergangenheit // *Festschrift für Ad. E. Ensen*. München, 1964. С. 267, 268.
- 523 Там же. С. 268, 269.
- 524 Там же. С. 270—273.
- 525 *Closs A.* Kulturhistorie und Evolution. Wien, 1956.
- 526 *Helmut P.* Gibt es eine «historische Ethnologie?» // *Köllner Ethnographische Mitteilungen*. Bd. 4, 1965.
- 527 Об учении «пайдеума» (душа, воспитание) — см. о Лео Фробениусе в предыдущем разделе.
- 528 *Rother H.* Adolf Ellegard Jensen + 20 Mai 1965 // *Tribus. Veröffentlichungen des Linden-Museums*. Nr. 14, August 1965. Stuttgart, 1965.
- 529 *Jensen A. and H. Klein.* Deutschland, eine ethnologische Revue 1952—1954 // *Yearbook of Anthropology*. New-York, 1955; *Jensen Ad. E.* Methoden und Ziele der Ethnologie // *Freudenfeld Burghard (Hg.) Ethnologie. Zwölf Vorträge zur Einführung in ihre Probleme*. München, 1959. С.1—12.
- 530 Там же. С. 13.
- 531 *Jensen Ad.* Bemerkungen zur kulturmorphologischen Betrachtungsweise // *Studium Generale*. Bd. 7. Heft 3 (1954).

- ⁵³² *Jensen Ad.* Mythos und Kult bei Naturvölkern. Religionswissenschaftliche Betrachtungen. Studien und Kulturkunde. Bd. 10. Wiesbaden, 1951. 2-е издание — Wiesbaden, 1960.
- ⁵³³ Там же.
- ⁵³⁴ *Jensen Ad.* Mythos und Erkenntnis. Eine Entgegnung auf W. E. Mühlmann // Paideuma.
- ⁵³⁵ *Jensen Ad.* Das religiöse Weltbild einer frühen Kultur. Studien für Kulturkunde. Bd. 9. Stuttgart, 1949.
- ⁵³⁶ *Jensen Ad.* Die getötete Gottheit. Weltbild einer frühen Kultur. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1966.
- ⁵³⁷ См. напр.: *Jensen Ad.* Über das töten als kulturgeschichtliche Erscheinung // Jahrbuch des Linden-Museums. N.F. Bd. 1, 1951.
- ⁵³⁸ *Jensen Ad.* Der Ursprung des Bodenbaus in mythologischer Sicht // Paideuma. Bd. VI, 1956.
- ⁵³⁹ *Glück J. F.* Der Weg des Menschen. Ein Beitrag zur Methode der Ethnologie und der Kulturmorphologie // Jahrbuch des Linden-Museums. N. F. Bd. 2–3, 1852/1953. Stuttgart, 1953.
- ⁵⁴⁰ См. *Марков Г.Е.* Коричневая тень над немецкой этнологией // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 125.
- ⁵⁴¹ *Thurnwald R.* Gegenwartsprobleme Berliner Familien. Berlin, 1948. См. также: *Melk-Koch M.* Auf der Suche nach der menschlichen Gesellschaft: Richard Thurnwald. Berlin, 1989. С. 280–281.
- ⁵⁴² Там же. С. 281, 282.
- ⁵⁴³ *Thurnwald Hilde.* Richard Thurnwald — Lebensweg und Werk // Beiträge zur Gesellugs- und Völkerwissenschaft. Dr. Richard Thurnwald zu seinem achtzigsten Geburtstag gewidmet. Berlin, 1950; *Trimborn H.* Richard Thurnwald // Z.f.E. 1954. Bd. 79.
- ⁵⁴⁴ *Thurnwald R.* Des Menschengeistes Erwachen, Wachsen und Irren. Versuch einer Paläopsychologie von Naturvölkern mit Einschluß der archaischen Stufe und der allgemein Menschlichen Züge. Berlin, München, 1951.
- ⁵⁴⁵ См. напр.: *Lowie R.* Richard Thurnwald. 1869–1954 // Sociologus. N. F. 1954. Jg. 4. Heft 1.
- ⁵⁴⁶ *Melk-Koch.* Указ. раб. С. 284, 285.
- ⁵⁴⁷ *Cassierer E.* Philosophie der symbolischen Formen. 3 Bände. Darmstadt, 1953 / 54.
- ⁵⁴⁸ *Thurnwald R.* Aufbau und Sinn der Völkerwissenschaft // Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Jg. 1947. Phil.-Hist. Klasse. No 3. Berlin, 1948. С. 115–116.

- ⁵⁴⁹ Там же. С. 8 — 13.
- ⁵⁵⁰ *Spannhaus G.* In: *Z.f.E.* Jg. 75. 1950. С. 115, 116.
- ⁵⁵¹ Ср.: *Thurnwald R.* Lehrbuch der Völkerkunde. Stuttgart, 1938. С. 45 — 57, и его же. *Aufbau und Sinn der Völkerwissenschaft.* С. 29 и след.
- ⁵⁵² *Thurnwald H.* Richard Thurnwald — Lebensweg und Werk. С. 14 — 17.
- ⁵⁵³ *Thurnwald R.* Der Wandel der Erscheinungen und Gedanken des Zusammenlebens // *Sociologus. Zeitschrift für empirische Soziologie, Sozialpsychologie und ethnologische Forschungen* N.F. Jg. 1. Heft 1, 1951. С. 8, 9.
- ⁵⁵⁴ Там же. С. 10, 11.
- ⁵⁵⁵ Там же. С. 12 — 28.
- ⁵⁵⁶ Там же. С. 30.
- ⁵⁵⁷ *Mühlmann W. und Müller W. (Hg.).* Kulturanthropologie. Köln-Berlin, 1966.
- ⁵⁵⁸ Там же. С. 312 — 317.
- ⁵⁵⁹ Там же. С. 356 — 363.
- ⁵⁶⁰ Там же. С. 373 — 387.
- ⁵⁶¹ *Thurnwald R.* Grundfragen menschlicher Gesellung. Ausgewählte Schriften. Forschungen zur Ethnologie und Sozialpsychologie. Berlin, 1957.
- ⁵⁶² Этот раздел был опубликован в первоначальном виде еще в годы 2-й мировой войны в журнале *Zeitschrift für Psychologie.* Bd. 147 (1940).
- ⁵⁶³ *Thurnwald R.* Grundfragen der menschlicher Gesellung. С. 11 — 13.
- ⁵⁶⁴ Там же. С. 13, 14.
- ⁵⁶⁵ Там же. С. 15, 17.
- ⁵⁶⁶ Там же. С. 32, 33.
- ⁵⁶⁷ Взято из работы: *Thurnwald R.* Die menschliche Gesellschaft. Bd. IV. Werden und Gestaltung von Staat und Kultur im Lichte der Völkerforschung. Berlin, 1935. Einleitung. С. 1 — 3.
- ⁵⁶⁸ *Thurnwald R.* Grundfragen menschlicher Gesellung. С. 38.
- ⁵⁶⁹ *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft.* Bd. 37. 1919.
- ⁵⁷⁰ *Thurnwald R.* Grundfragen der menschlichen Gesellung. С. 48.
- ⁵⁷¹ Там же. С. 49, 52, 53, 57.
- ⁵⁷² См.: *Thurnwald R.* Die menschliche Gesellschaft. Bd. II. Werden, Wandel und Gestaltung der Familie, Verwandtschaft und Bündnisse im Lichte der Völkerforschung. Berlin, 1932. С. 1 — 6.
- ⁵⁷³ *Thurnwald R.* Grundfragen menschlicher Gesellung. С. 64, 65, 67.

- ⁵⁷⁴ См.: Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. Bd. 36, 1918.
- ⁵⁷⁵ Thurnwald R. Grundfragen menschlicher Gesellschaft. С. 71, 74.
- ⁵⁷⁶ Там же. С. 77, 78, 80. Ср.: Thurnwald R. Die menschliche Gesellschaft. Bd. V. Werden, Wandel und Gestaltung des Rechtes im Lichte der Völkerforschung. Berlin, 1934. С. 12–16.
- ⁵⁷⁷ Там же. С. 83.
- ⁵⁷⁸ Там же. С. 87 и след.
- ⁵⁷⁹ Thurnwald R. Des Menschegeistes Erwachen, Wachsen und Irren. Versuch eine Paleopsychologie von Naturvölkern mit Einschluß der archaischen Stufe und der allgemein menschlichen Züge. Berlin; München, 1951. Эта работа является как бы шестым томом 5-го труда Турнвальда «Человеческое общество в его этно-социальных основах» (1931–1935).
- ⁵⁸⁰ Trimborn H. Thurnwald, Richard. Des Menschegeistes Erwachen // Z.f.E. Jg. 78. 1953. С. 147.
- ⁵⁸¹ Thurnwald H. Lebenswerk und Werk. С. 14–17.
- ⁵⁸² Trimborn H. Richard Thurnwald. Z.f.E. Jg. 79. 1954. С. 254, 255.
- ⁵⁸³ Lowie R. Richard Thurnwald 18.9.1869–19.1.1954. Sociologus. N.F. Jg. 4. 1954. H. 1. С. 2, 3.
- ⁵⁸⁴ Melk-Koch M. Auf der Suche nach der menschlichen Gesellschaft: Richard Thurnwald. Berlin, 1989.
- ⁵⁸⁵ Beuchelt E. Traditionelle und moderne Jugenderziehung im West-Sudan // Sociologus. N.F. Jg. 11. 1961. Heft 2.
- ⁵⁸⁶ Wiese L. Soziologie. Handwörterbuch der Sozialwissenschaften. Stuttgart — Tübingen — Göttingen, 1956; Handbuch der Soziologie. Zwei Hefte. Stuttgart, 1956. С. 613–1242. См. рецензию на справочник: Westphal-Hellbusch S. Sociologus. N.F. Jg. 7. 1957. Heft 2.
- ⁵⁸⁷ König R. Einleitung zu einer Soziologie der sogenannten rückständigen Gebiete // Köllner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Jg. 7. Köln und Opladen, 1955; idem. (Hg.). Beobachtung und Experiment in der Sozialforschung. Köln, 1956; idem. Das Interview. Praktische Sozialforschung. Köln, 1957.
- ⁵⁸⁸ Freyer Das soziale Ganze und die Freiheit der einzelnen unter den Bedingungen des industriellen Zeitalter. Göttingen, 1957.
- ⁵⁸⁹ Dostal W. Zum Problem der Stadt-und Hochkultur im Vorderen Orient: ethnologische Marginalien // Anthropos. Bd. 63/64, 1968/69.

- 590 *Behrendt R. F.* Die wirtschaftliche und soziale Revolution in den unentwickelten Ländern. Bern, 1959; idem. Der Mensch im Licht der Soziologie. Berlin, 1966. См. также: *Zvi R.* Ethnosoziologie sowjetischer Völker. Bonn und München, 1962.
- 591 *Dombrovski G.* Sigrid Westphal-Hellbusch. 1916–1984 / *Z.f.E.* Jg. 1986. Bd. 111. Heft 1, 2. С. 1–4.
- 592 См. напр.: *Westphal-Hellbusch S., Westphal-Hellbusch H.* Die Madam. Berlin, 1962.
- 593 *Westphal-Hellbusch S.* Akkulturationsvorgänge als Gegenstand ethnologischer Forschung // *Sociologus.* N.F. Jg. 8. 1958. Heft 2.
- 594 *Westphal-Hellbusch S.* Methoden und praktische Probleme der heutigen Feldforschung. Aufgezeigt am Beispiel aus Indien // *Sociologus.* Bd. 20. Heft 1, 1970.
- 595 *Lommel A.* Kulturkontakt in Australien // *Saekulum.* Bd. XI, 1954.
- 596 *Freyer A.* Das soziale Ganze und die Freiheit der Einzelnen unter den Bedingungen des industriellen Zeitalter. Göttingen, 1957.
- 597 *Müller W.* Ethnologie und Soziologie // *Anthropos.* Bd. 59, 1964.
- 598 *Strecker I. A.* Methodische Probleme der ethno-soziologischen Beobachtung und Beschreibung (Versuch einer Vorbereitung zur Feldforschung. Göttingen, 1969. См. также: *Löffler L.G.* Besprechung // *Tribus.* No 20, 1971.
- 599 *Müller E. W.* Wilhelm Emil Mühlmann 1.1.1904 Düsseldorf — 11.57 1988. // *Z.f.E.* Bd. 114. 1989. С. 2 и след.
- 600 Там же. С. 8, 10.
- 601 Там же. С. 2.
- 602 Ср. напр.: *Mühlmann W.* Ethnische Aufsteigassimilation und Rassenwandel // *Homo.* 1949. Bd.1.
- 603 *Mühlmann W. und Müller W. (Hg.)* Kulturanthropologie. С. 10.
- 604 Там же. С. 11, 12.
- 605 Там же. С. 15.
- 606 Там же. С. 15, 16.
- 607 Там же. С. 16, 17.
- 608 Там же. С. 19.
- 609 Там же. С. 22, 23.
- 610 *Rudolph W.* Mühlmann Wilhelm und Müller Ernst (Hg.). Kulturanthropologie // *Z.f.E.* Bd. 92, 1967. С. 123, 124, 125.

- ⁶¹¹ *Fischer H.* Wilhelm Emil Mühlmann und Ernst W. Müller (Hg.). Kultur-anthropologie // Tribus. Nr. 17. August, 1968.
- ⁶¹² *Goll R. Mühlmann W. und Müller E.W.* (Hg.). Kultur-anthropologie // Sociologus. N.F. Jg. 17. 1967. Heft 1. С. 189–191.
- ⁶¹³ *Mühlmann W.* Geschichte der Anthropologie. Frankfurt; Bonn, 1968.
- ⁶¹⁴ *Mühlmann W.* Homo Kreator. Abhandlungen zur Soziologie, Anthropologie und Ethnologie. Wiesbaden, 1962.
- ⁶¹⁵ Там же. С. 303–308.
- ⁶¹⁶ См.: *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. М., 1976. С. 310–313.
- ⁶¹⁷ *Mühlmann W.* Homo Kreator. С. 311, 312.
- ⁶¹⁸ Там же. С. 323, 324.
- ⁶¹⁹ Там же. С. 361 и след.
- ⁶²⁰ Там же. С. 380.
- ⁶²¹ Там же. С. 387, 390–394.
- ⁶²² Там же. С. 445, 446.
- ⁶²³ *Mühlmann W.* Vorkapitalistische Klassengesellschaften. Köln, 1956.
- ⁶²⁴ *Rudolph W.* Der Untergang der Jukagiren. Eine Fallstudie zur Hypothese des «Interethnischen Gefälles» // Sociologus. N.F. 1972. Bd. 22.
- ⁶²⁵ *Rudolph W.* Einige hypothetische Ausführungen zur Kultur der Kurden // Sociologus. Bd. 9, Heft 2, 1959; idem. Kurdistan — «Terra incognita» in der Völkerkunde // Umschau. Heft 20, 1959; idem. Die westiranische Kurden «Bustan» // Österreichische Zeitschrift für Kultur, Politik und Wirtschaft der Islamischen Länder. Heft 4, 1967.
- ⁶²⁶ *Rudolph W.* Das Problem der kulturellen Werte in der neueren amerikanischen Ethnologie. Berlin, 1958; idem. «Akkulturation» und Akkulturationsforschung // Sociologus. 1964. Bd. 14. Heft 2; idem. Kulturkontakt und Akkulturation // Entwicklungspolitik. Handbuch und Lexikon. Mainz, 1966; idem. Der kulturelle Relativismus. Kritische Analyse einer Grundsatzfragendiskussion in der amerikanischen Ethnologie // Forschungen zur Ethnologie und Sozialpsychologie. Bd. 6. Berlin, 1969. И ряд других.
- ⁶²⁷ *Dittmer K.* Allgemeine Völkerkunde. Formen und Entwicklung der Kultur. Braunschweig, 1954.
- ⁶²⁸ Там же. С. 3, 11, 12, 13.
- ⁶²⁹ Там же. С. 13, 14.
- ⁶³⁰ Там же. С. 15–18.
- ⁶³¹ Там же. С. 20.

- 632 Там же. С. 20, 25, 26.
- 633 *Dittmer K.* Ibid. С. 26 – 29. Ср. у В. Мюльмана положение об *Interethnische Gefälle*.
- 634 Там же. С. 29 – 30.
- 635 Там же. С. 31 – 35.
- 636 См. также: *Glück J.F.* Dittmer Kunz. Allgemeine Völkerkunde. Formen und Entwicklung der Kultur. Braunschweig, 1954. Рецензия на книгу.
- 637 *Schlesier E.* Die Grundlagen der Klanbildung. Göttingen, 1956.
- 638 *Goll R.* Mühlmann W. und Müller E.W. Kulturanthropologie // Sociologus. Jg. 17. Heft 1, 1967.
- 639 *Saller K.* Vorgeschichte und Ethnologie in ihrer Bedeutung für die moderne Anthropologie // Tribus. Jahrbuch des Linden — Museums Stuttgart. N.F. Bd. 1. Heidelberg, 1951.
- 640 *Glück J. F.* Der Weg des Menschen. Ein Beitrag zur Methode der Ethnologie und der Kulturmorphologie // Tribus. Jahrbuch des Linden-Museums. N. F. Bd. 2 und 3 (1952 – 1953). Stuttgart, 1953. С. 59.
- 641 Там же. С. 60 – 65.
- 642 *Glück J.F.* Die Stellung der Geisteswissenschaft in ethnologischer Sicht // Tribus. Zeitschrift für Ethnologie und ihre Nachbarwissenschaften. N. F. Bd. 4/5. 1954 und 1955. Stuttgart, 1956. С. 9 – 11.
- 643 *Gebser J.* Ursprung und Gegenwart. Die Manifestation der aperspektivischen Welt. Versuch einer konkretion des Geistigen. Stuttgart, 1953.
- 644 *Hänsell F.* Probleme der vor-völker-Forschung. Grundzüge einer ethnologischen Urgeschichte. Frankfurt a/M.— Wien, 1955. С. 9 – 13.
- 645 Там же. С. 15 – 19.
- 646 См.: *Mücke R.* Horde und Familie in ihrer urgeschichtlichen Entwicklung. Stuttgart, 1895; idem. Urgeschichte des Ackerbaus und der Viehzucht. Greiswald, 1898; idem. Das Problem der Völkerverwandtschaft. Greiswald, 1905.
- 647 *Hänsel F.* Probleme der vor-völker Forschung. С. 9 – 28.
- 648 Там же. С. 37 – 43.
- 649 Там же. С. 43 – 48.
- 650 Там же. С. 50 – 55.
- 651 *Sodhi Sing und Bergius Rudolf.* Nationale Vorurteile. Eine sozialpsychologische Untersuchung an 881 Personen // Forschungen zur Ethnologie und Sozialpsychologie. Hg. von Hilde Thurnwald. Berlin — München, 1953.
- 652 *Seller K.* Vorgeschichte und Ethnologie... С. 20 – 25.

- ⁶⁵³ *Schmidt W.* Die Entfaltung der Gottesidee in der Geschichte der Menschen (1951). Wege der Kulturen. Gesammelte Aufsätze. Studia Instituti Anthropos. Vol. 20. St. Augustin bei Bonn, 1964. С. 301.
- ⁶⁵⁴ См. замечания по этому поводу Адольфа Ензена: *Jensen A. Schebesta Paul.* Ursprung der Religion // Z.f.E. Bd. 87, 1962.
- ⁶⁵⁵ *Jensen Ad. E.* Mythos und Kult bei Naturvölkern. Religionswissenschaftliche Betrachtungen. Studien zur Kulturkunde. Wiesbaden, 1951. 2-te Auflage. Wiesbaden, 1960; *idem.* Das religiöse Weltbild einer frühen Kultur // Studien zur Kulturkunde. Bd. 9. Stuttgart, 1949; *idem.* Über das töten als kulturgeschichtliche Erscheinung // Paideuma. Bd. 4, 1950.
- ⁶⁵⁶ *Findeisen H.* Schamanentum, dargestellt am Beispiel der Besessenheitspriester nordeurasiatischen Völker // Besprechung: Ivar Paulson // Z.f.E. Bd. 85, 1960.
- ⁶⁵⁷ *Narr K. J.* Die Religionen in vorgeschichtlicher Zeit. Stuttgart, Berlin, Köln, 1953; *Arndt P.* Religionen auf Ostflores, Odonare und Solor. Wien, Mödling, 1951.
- ⁶⁵⁸ *Jettmar K.* Über das töten als kulturgeschichtliche Erscheinung // Paideuma. Bd. 4, 1950; *idem.* Die Religionen Nordeurasien und der amerikanischen Arktis. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1962, и многие другие.
- ⁶⁵⁹ См. напр.: *Findeisen H.* Schamanentum, dargestellt am Beispiel der Besessenheitspriester nordeurasiatischer Völker. О работе см.: *Paulson I.* // Z.f.E. Bd. 85, 1960.
- ⁶⁶⁰ *Fuchs P.* (Wien). Entwicklungen und Veränderungen der Institution des Priester-Häuptlings in Süd-Wadai, Sudan // Sociologus. N.F. Jg. 11, 1961. Heft 2; *Heiler F.* Erscheinungsformen und Wesen der Religion. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1951; *Koehler O.* Soziale Vorgänge in Afrika und ihr Einfluß auf religiöse Stammesvorstellungen // Sociologus. 1953; *Narr K.J.* Die Religionen in vorgeschichtlicher Zeit. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1963; *Newermann H., Worms E., Petri H.* Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1968; *Schlesier E.* Die melanesische Geheimkulte. Göttingen, 1958; *Schlosser K.* Propheten in Afrika. Braunschweig, 1949; *idem.* Eingeborenkirchen in Süd- und Südwestafrika. Kiel, 1958; *Dammann E.* Die Religionen Afrikas. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1963; *Stör W., Zoetmulder P.* Die Religionen Indonesiens: Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1965;
- ⁶⁶¹ Общее число публикаций, посвященных К. Еттмаром номуадизму, довольно велико. Поэтому назову лишь наибо-

- лее, на мой взгляд, важные: *Jettmar K.* Organisation des Nomadismus und Möglichkeiten der politischen Integration // Nomadismus als Entwicklungsproblem. Heidelberg, 1969; idem. Ethnologie und Domestikationsproblem // Studium Generale. Jg. 20. Heft 3. Berlin, Heidelberg, New York, 1967; idem. Jägertum als Problem der Mitteleuropäischen Ethnologie // Paideuma. Mitteilungen zur Kulturkunde. Frankfurt a/M. Bd. VIII. Heft 2. Dezember 1962. Более поздние работы Еттмара по номадизму см. в следующем разделе книги.
- ⁶⁶² Ср.: *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. М., 1976.
- ⁶⁶³ *Jettmar K.* Die Entstehung der Reiternomaden // Saeculum. Bd. XVII. Heft 1 – 2, 1966.
- ⁶⁶⁴ *Jettmar K.* Kieler Symposium zur Domestication und Frühgeschichte der Haustiere 1961. Zeitschrift für Tierzucht und Züchtungsbiologie. Bd. 76. Heft 1, 2. (1961). Bd. 77. Heft 1,2 (1977). Hamburg und Berlin // Tribus. No 12. Dez. 1963.
- ⁶⁶⁵ *Herrmanns M.* Die Nomaden von Tibet. Wien, 1949.
- ⁶⁶⁶ *Kussmaul F.* Frühe Nomadenkultur in Innerasien. Einige Bemerkungen zu M. Herrmanns: Die Nomaden von Tibet // Tribus, 1952, 1953; idem. Das Reiternomadismus als historisches Problem // Nomadismus als Entwicklungsproblem. Bertelsmann Universitätsverlag. Heidelberg (1969).
- ⁶⁶⁷ *Kraus W.* Nomadismus als Entwicklungsproblem // Nomadismus als Entwicklungsproblem. Bertelsmann Universitätsverlag. Heidelberg (1969).
- ⁶⁶⁸ *Herzog R.* Seßhaftwerden von Nomaden. Geschichte, gegenwärtige Stand eines wirtschaftliches wie sozialen Prozesses und Möglichkeiten der sinnvollen technischen Unterstützung. Köln und Opladen, 1963.
- ⁶⁶⁹ *Vaida Laslo.* Untersuchungen zur Geschichte der Hirtenkulturen // Veröffentlichungen des Osteuropa Institut München. Bd. 31. Wiesbaden, 1968.
- ⁶⁷⁰ *Polhausen H.* Das Wanderhirtentum und seine Vorstufen. Eine ethnographisch — geographische Studie zur Entwicklung der Eingeborenwirtschaft // Kulturgeschichtliche Forschungen. 4 Bde. Braunschweig, 1954.
- ⁶⁷¹ *Dostal W.* Die Beduinen in Südarabien. Eine ethnologische Studie zur Entwicklung der Kamelenkultur in Arabien // Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Bd. 16, 1967.

- ⁶⁷² *Polhausen H.* Das Wanderhirtentum und seine Vorstufen. Eine Ethnographisch — Geographische — Studie zur Entwicklung der Eingeborenwirtschaft // Kulturgeschichtliche Forschungen. Bd. 4. Braunschweig, 1954.
- ⁶⁷³ Там же. С. 152, 153.
- ⁶⁷⁴ *Glück J. F.* Polhausen Henn. Das Wanderhirtentum und seine Vorstufen. Eine ethnographisch-geographische Studie zur Entwicklung der Eingeborenwirtschaft // Kulturgeschichtliche Forschungen // Tribus. N. F. Bd. 6, 1956. Stuttgart 1957.
- ⁶⁷⁵ *Rustow A.* Ortsbestimmung der Gegenwart. Eine universalgeschichtliche Kulturkritik. Bd. 1. «Ursprung der Herrschaft». Erlenbach — Zürich, 1950.
- ⁶⁷⁶ Там же. С. 39 — 41.
- ⁶⁷⁷ Nomadismus als Entwicklungsproblem. Bochumer Symposium 14/15 Juli 1967 mit einem Vorworte von Prof. Dr. Willi Kraus. Göttingen, 1969.
- ⁶⁷⁸ *Herzog R.* Seßhaftwerden von Nomaden. Geschichte, gegenwärtiger Stand eines wirtschaftliches wie soziales Prozesses und Möglichkeiten der sinnvollen technischen Unterstützung. Köln und Opladen, 1963. С. 133, 134, 187.
- ⁶⁷⁹ *Kussmaul F.* Einige Bemerkungen zur Geheimen Geschichte der Mongolen // Göttinger Völkerkundliche Studien. Hg. von H. Plischke. Bd. 2. Düsseldorf, 1957.
- ⁶⁸⁰ *Behrendt R. F.* Das Problem der «Unentwickelten» Länder // Verhaltens- und Wirtschaftsakademie. Heft 2. Essen, 1956; *Hirschberg W.* Gedanken zu einer ethnologischen Marktforschung. Wiener Völkerkundliche Mitteilungen. N.F. Bd. 1. Wien, 1958; *Koch G.* Das gegenwärtige Ergebnis des Kulturwandels bei den Tonganern // Z.f.E. Bd. 79, 1954; *Manndorf H.* Angewandte Völkerkunde im Dienste der Bevölkerung unterentwickelten Gebiete // Wiener Schule der Völkerkunde. Festschrift. Hg. J. Haeckel. Horn-Wien, 1956; *Röpke W.* Unentwickelte Länder // Verwaltungs- und Wirtschaftsakademie. Heft 2. Essen, 1956; *Salin E.* Unentwickelte Länder: Begriff und Wirklichkeit // Kyklos. Internationale Zeitschrift für Sozialwissenschaften. Bd. 12. Heft 3. Basel, 1959; *Trappe P.* Zur ethnologischen Problematik der Entwicklungsländer // Tribus. N.F. Bd. 9. Stuttgart, 1960; *Schott R.* Die Folgen der europäischen Ausbreitung für die überseeische Völker // Historia Mundi. Bd. 8. Bern, 1959; *Rudolph W.* Entwicklungshilfe und Sozialwissenschaften // Sociologus. Bd. 11, Heft 1, 1961.

- 681 *Trappe P.* Zur ethnologischen Problematik der Entwicklungsländer.
- 682 Там же. С. 16 – 18.
- 683 Там же. С. 19 – 23.
- 684 *Bernatzik H.* (Hg.). Die neue große Völkerkunde. Bd. 1 – 3. Frankfurt a/M., 1955; *Dittmer K.* Allgemeine Völkerkunde. Braunschweig, 1954.
- 685 Monumenta Ethnologica. Graz, 1962.
- 686 *Nippold W.* Rassen- und Kulturschichten der Negrito Völker Südost-Asiens. Leipzig, 1936.
- 687 *Plischke H.* Walter Nippold 26. 01. 1892 – 14. 08. 1970 // Z. f. E. Bd. 96. 1971.
- 688 *Westermann D.* Geschichte Afrikas. Köln, 1952.
- 689 *Grazzolari J. G.* Zur Gesellschaft und Religion der Nuer // Wien-Mödling, 1953.
- 690 *Haberland E.* Galla Süd-Äthiopiens. Stuttgart, 1963
- 691 *Koch G.* Das gegenwärtige Ergebnis des Kulturwandels bei den Tonganern // Z.f.E. Bd. 79, 1954; idem. Südsee — gestern und heute. Der Kulturwandel bei den Tonganern und der Versuch einer Deutung dieser Entwicklung. Braunschweig, 1955.
- 692 *Hermanns M.* Die Nomaden von Tibet. Wien, 1949 (рецензию см.: *Hummel S.* in: Z.f.E. Bd. 85, 1960); idem. Die Familie der Amdo-Tibeter. Wien, 1959.
- 694 *Fischer E, Zanolli Noa.* Das Problem der Kulturdarstellung. Vorschläge zur Methode der Ethnographie // Sociologus. N.F. Jg. 1968. No. 18, Heft 2.
- 695 О Шпаннаусе см.: *Fuchs P.* Prof. Dr. Günter Spannaus (1901 – 1984) // Z. f. E. Bd. 111. Heft 1 und 2. Jg. 1986.
- 696 *Beck C. H.* Völkerkunde. Zwölf Vorträge zur Einleitung in ihre Probleme. München, 1960.
- 697 *Tischner H.* (Hg.). Völkerkunde. Frankfurt a/M., 1959.
- 698 *Kohlenberg Karl F.* Völkerkunde. Schlüssel zum Verständnis des Menschen. Düsseldorf, 1968.
- 699 *Adam L., Trimborn H.* Lehrbuch der Völkerkunde. 3 Auflage. Stuttgart, 1958.
- 700 *Keiter F.* Die Naturvölker // Handbuch der Soziologie. Stuttgart, 1956.
- 701 *Anthropos.* Zeitschrift für Völker- und Sprachkunde. Fundator: W.Schmidt. Hrsg. vom Anthropos Institut. Wien, Freiburg, Schweiz; Wiener Völkerkundliche Mitteilungen. Bd. 1. Wien, 1953; *Ethnos.* Schriften der Forschungsstelle für Nationalitäten- und Sprachenfragen. Wien — Stuttgart; Wiener ethnohistorische Blätter.

- Herausgeber und Eigentümer Dr. Karl R. Wernhart. Redaktion — Dietrich Schüller, Dr. Karl R. Wernhart (В год выходило два номера журнала); *Afrika Bulletin*. Wien; Archiv für Völkerkunde. Museum für Völkerkunde Wien; Innsbrucker Jahrbuch für Völkerkunde. Afrika Institut. Innsbruck; Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.
- ⁷⁰² Basler Beiträge zur Geographie und Ethnologie. Ethnologische Reihe; Bulletin der Schweizerischen Gesellschaft für Anthropologie Bern (первый выпуск в 1925 г.); Asiatische Studien. Zeitschrift der Schweizerischen Gesellschaft für Asienkunde. Bern. И некоторые другие.
- ⁷⁰³ *Bausinger H.* Volksideologie und Volksforschung. Zur nationalsozialistischen Volkskunde // Zeitschrift für Volkskunde. Bd. 61, 1965. С. 177 – 204; *Марков Г. Е.* Очерки истории немецкой науки о народах. Часть 2. Немецкое народоведение. М., 1993.
- ⁷⁰⁴ *Fischer H.* Anfänge, Abgrenzungen, Anwendungen // Hans Fischer (Hg.). Ethnologie. Einführung und Überblick. Zweite überarbeitete und erweiterte Auflage. Berlin, 1988 (1 Aufl. 1983. 3 Aufl. 1992).
- ⁷⁰⁵ Там же. С. 16.
- ⁷⁰⁶ *Hirschberg W.* Völkerkunde // Walter Hirschberg (Hg.). Neues Wörterbuch der Völkerkunde. Berlin, 1988.
- ⁷⁰⁷ *Friedermutz-Laun A.* Der Kulturhistorische Gedanke bei Adolf Bastian. Systematisierung und Darstellung der Theorie und Methode mit dem Versuch einer Bewertung des Kulturhistorischen Gehaltes auf dieser Grundlage // Studien zur Kulturkunde. Bd. 27. Wiesbaden, 1970; *Noak K.* Die Rezeption der «Lehre von den Elementar- und Volksgedanken» Adolf Bastians im Werk Karl von den Steinens // Beiträge. Zur Geschichte der Humboldt-Universität zu Berlin. Nr. 28. Geschichte der Völkerkunde und Volkskunde an der Berliner Universität. Zur Ausarbeitung des Wissenschaftserbes. Berlin, 1991.
- ⁷⁰⁸ *Turner B., Paproth H.-J.* Hundert Jahre Völkerkunde im deutschsprachigen Raum // Der geraubte Schatten. Photographie als ethnologisches Dokument. München, 1989.
- ⁷⁰⁹ О Г. Баумане и В. Мюльмане см. также: *Marschall W.* Hermann Baumann 9.2.1902 – 30.6.1972 // Tribus. Veröffentlichungen des Linden – Museums. Nr. 21. Stuttgart, 1972; *Heinze B.* Hermann Baumann // Baessler Archiv. N.F Bd. 20, 1972; *Haberland E.* Herman Baumann 1902 bis 1972. Schriftleiter der Zeitschrift für Ethnologie von 1928 bis 1941 //

- Z.f.V. Bd. 99. 1974. Heft 1 und 2; *Reimann H.* In Memoriam Wilhelm Emil Mühlmann // Köllner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Bd. 40. Köln, 1988; *Becher J.* Wilhelm Emil Mühlmann (1904 – 1988) — Die Integration eines Völkerkundlers in den faschistischen Wissenschaftsbetrieb der Berliner Universität wehrend des Nationalsozialismus // Beiträge zur Geschichte der Humboldt-Universität zu Berlin. Nr. 28. Geschichte der Völkerkunde und Volkskunde an der Berliner Universität — Zur Aufarbeitung des Wissenschaftserbes. Berlin, 1991; *Hauck G.* Konzepte einer aristokratischen Gesellschaft — Wilhelm Mühlmann als Sozialwissenschaftler // Z.f.E. Bd. 117. Jg. 1992.
- ⁷¹⁰ *Turner B., Paproth J.* Hundert Jahre... C. 129, 130 и след.
- ⁷¹¹ *Winkelmann I.* Zur Etablierung der Ethnographie als Wissenschaft // Beiträge zur Geschichte der Humboldt-Universität zu Berlin. Nr. 28. Geschichte der Völkerkunde und Volkskunde an der Berliner Universität — Zur Aufarbeitung des Wissenschaftserbes. Berlin, 1991.
- ⁷¹² *Schlenter U.* Die Ethnographie in der BRD und ihr Verhältnis zur Geschichtswissenschaft und Soziologie // Weissel B. (Hg.). Kultur und Ethnos. Zur Kritik der bürgerlichen Auffassungen über die Rolle der Kultur in Geschichte und Gesellschaft. Berlin, 1980.
- ⁷¹³ *Müller K.* Geschichte der Ethnologie // Fischer H. Ethnologie. Einführung und Überblick. Berlin, 1992.
- ⁷¹⁴ *Fischer H.* Argumente zur Wissenschaftsgeschichte // Z.f.E. Bd. 96, 1971. C. 3 – 13.
- ⁷¹⁵ Ibid. C. 3.
- ⁷¹⁶ Ibid. C. 7.
- ⁷¹⁷ Ibid. C. 8, 9.
- ⁷¹⁸ Ibid. C. 13.
- ⁷¹⁹ *Köhler A.* Ethnohistorie und Geschichtswissenschaft — zur neuen Theoriediskussion in der Ethnologie. Ein Review-Artikel // Wiener ethnohistorische Blätter. Heft 24, 1982.
- ⁷²⁰ Idem. C. 4, 9, 10, 11.
- ⁷²¹ *Salat J.* Nachlese zur Geschichte der deutschsprachigen historischen Völkerkunde // Wiener kulturhistorische Blätter. Heft 18, 1979.
- ⁷²² Там же. C. 7, 12, 13, 18.
- ⁷²³ *Hildebrandt H. J.* Rekonstruktionen zur Theorie und Geschichte der Ethnologie. Göttingen, 1990; ero же. Thesen zur Geschichte der Ethnologie // Laubscher Matthias und Turner Bertram. Systematische Völkerkunde. München, 1994.

- 724 Ibid. С. 347.
- 725 Ibid. С. 348.
- 726 Ibid. С. 349.
- 727 Ibid. С. 350.
- 728 Ibid. С. 352, 353, 354.
- 729 *Turner B., Paproth H.-J.* Hundert Jahre Völkerkunde im deutschsprachigen Raum // Der geraubte Schatten. Photographie als ethnologisches Dokument. München, 1989. С. 120–141.
- 730 *Koloß H.-J.* Der ethnologische Evolutionismus im 19 Jahrhundert. Darstellung und Kritik seiner theoretischen Grundlagen // Z.f.E. Bd. 111. Jg. 1986. Heft 1 und 2.
- 731 *Valjavec F.* Abschied vom Evolutionismus oder Neubeginn? Versuch einer Zwischenbilanz // Z.f.E. Bd. 111. Jg. 1895. Heft 1 und 2.
- 732 *Koloß H.-J.* Der ethnologische Evolutionismus... С. 18, 36, 41.
- 733 *Valjavec F.* Abschied.... С. 43, 60.
- 734 *Фермойлен Х. Ф.* Происхождение и институционализация понятия Völkerkunde (1771 — 1843). (Возникновение и развитие понятий «Völkerkunde», «Ethnographie», «Vokskunde» и «Ethnologie» в конце XVIII и начале XIX веков в Европе и США) // Этнографическое обозрение. 1994, № 4.
- 735 Ср.: *Kutter U.* Volks — Kunde — ein Beleg von 1782 // Zeitschrift für Volkskunde. Bd. 75, 1978; *Narr D. und Bausinger H.* «Volkskunde» 1788 // Z.f.E. Bd. 60 (2), 1964; *Fischer H.* «Völkerkunde», «Ethnographie», «Ethnologie». Z.f.E. Bd. 95, Heft 2, 1879; *Lutz G.* Johann Ernst Fabri und die Anfänge der Volksforschung im ausgehenden 18 Jahrhundert // Zeitschrift für Volkskunde. Bd. 69, 1973; *Vermeulen H. F.* Frühe Geschichte der Völkerkunde und der Ethnographie in Deutschland 1771 — 1791 // Völkerkunde Tagung. München, 1991. *Марков Г. Е.* Очерки истории немецкой науки о народах. Часть 1. Немецкая Этнология. Часть 2. Немецкое народоведение. М., 1993.
- 736 *Melk-Koch M.* Auf der Suche der menschlichen Gesellschaft: Richard Thurnwald. Berlin, 1989.
- 737 Ibid. С. 37–40.
- 738 Ibid. С. 40–42.
- 739 Ibid. С. 261.
- 740 Ibid. С. 261 и след.
- 741 *Köhler O.* Völkerwissenschaft und Völkerverständigung. Zur 100 Wiederkehr des Geburtstages von Richard Thurnwald // Sociologus. N.F. Jg. 19, 1969, No 1.

- ⁷⁴² *Scholze-Irrlitz L.* Richard Thurnwald (1869 – 1954) — Einige Aspekte seiner Forschungs- und Lehrkonzeption // Beiträge. Zur Geschichte der Humboldt-Universität zu Berlin. Nr. 28. Geschichte der Völkerkunde an der Berliner Universität — zu Aufbearbeitung des Wissenschaftserbes. Berlin, 1991.
- ⁷⁴³ Там же. С.30 – 36.
- ⁷⁴⁴ *Haberland E.* (Hg.). Leo Frobenius. Anthologie. Studien zur Kulturkunde. Bd. 32. Wiesbaden, 1973.
- ⁷⁴⁵ *Heine P.* Leo Frobenius als politischer Agent. Ein Beitrag zu seiner Biographie // Paideuma. Bd. 26, 1980. С. 1 – 5.
- ⁷⁴⁶ *Sylvain R.* Leo Frobenius. From Kulturkreis to Kulturmorphologie // Antropos. Bd. 91, 1996. Heft 4/6.
- ⁷⁴⁷ *Vajda L.* Leo Frobenius heute // Z.f.E. Bd. 98. 1973. Heft 1, 2.
- ⁷⁴⁸ *Бюттнер Т.* Лео Фробениус — исследователь Африки: достижения и заблуждения // Изучение истории Африки. Проблемы и достижения. М., 1985.
- ⁷⁴⁹ *Heinrichs H.-J.* Die fremde Welt, das bin ich. Leo Frobenius: Ethnologe, Forschungsreisender, Abenteurer. Wuppertal, 1988.
- ⁷⁵⁰ См. напр.: *Heinze B.* Hermann Baumann 9.2.1902 – 30.6.1972 // Baessler Archiv. N.F. Bd. 20, 1972; *Marschall W.* Hermann Baumann 9.2.1902 – 30.6.1972 // Tribus. Veröffentlichungen des Linden-Museums. Nr. 21, 1972; *Göbel P.* Nachtrag zum Verzeichnis der Schriften von Hans Damm // Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Bd. 29, 1973; *König W.* Hans Damm // Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Bd. 29, 1973; *Haberland E.* Hermann Baumann 1902 bis 1972. Schriftleiter der Zeitschrift für Völkerkunde von 1928 bis 1941 // Z.f.E. Bd. 99, 1974; *Josef Haekel 1907 – 1973* // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft. Bd. 194. Wien. 1974; *Leser P.* Fritz Graebner — Eine Würdigung. Zum 100 Geburtstag am 4 März 1977 // Antropos. Bd. 58. Freiburg CH, 1977; *Henninger J.* Fritz Graebner und die kulturhistorische Methode. Zum Geburtstag von Fritz Graebner (4 März 1977) // Ethnologica. N.F. Bd. 9, Köln, 1979; *Herzog R.* Lips Julius // Neue Deutsche Biographie. Bd. 14, 1985. С. 672 – 673; *Haberland Eike.* Schriftenverzeichnis; *Vögler G.* Eike Haberland 18.5.1924 – 6.6.1992 // Z.f.E. Bd. 116, Jg. 1992.
- ⁷⁵¹ *Hauschild T.* Die Ethnologie im Dritten Reich // Gerndt H. (Hg.). Volkskunde und Nationalsozialismus. Referate und Diskussionen einer Tagung. München, 1987.
- ⁷⁵² Там же. С. 250.
- ⁷⁵³ Там же. С.251, 252, 253.

- ⁷⁵⁴ *Seeliger R.* Braune Universität. Deutsche Hochschullehrer gestern und heute. Eine Dokumentation zusammengestellt und eingeleitet von Rolf Seeliger // Dokumentenreihe. Heft 1. München, 1964.
- ⁷⁵⁵ *Fischer H.* Völkerkunde im Nationalsozialismus. Aspekte der Anpassung, Affinität und Behauptung einer Wissenschaftlichen Disziplin. Hamburg, 1990.
- ⁷⁵⁶ Там же. С. 3 – 18.
- ⁷⁵⁷ Там же. С. 20 – 26.
- ⁷⁵⁸ Там же. С. 142.
- ⁷⁵⁹ Там же. С. 146.
- ⁷⁶⁰ Там же. С. 148.
- ⁷⁶¹ Там же. С. 181 – 190.
- ⁷⁶² См.: *Tim K. Richard Thurnwald*: «Koloniale Gestaltung» — ein «Apartheids — Projekt für die koloniale Expansion des deutschen Faschismus in Afrika» // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. Bd. 18, 1977.
- ⁷⁶³ *Pützstück L.* Ethnologie und Nationalsozialismus: zum gegenwärtigen Forschungszustand // Laubscher Matthias und Turner Bertram (Hg.). Systematische Völkerkunde. München, 1994.
- ⁷⁶⁴ Там же. С. 399.
- ⁷⁶⁵ Там же. С. 400, 401.
- ⁷⁶⁶ Там же. С. 401, 402.
- ⁷⁶⁷ *Streck B.* Ethnologie vom Krieg im Krieg // Laubscher Matthias und Turner Bertram (Hg.). Systematische Völkerkunde. München, 1994.
- ⁷⁶⁸ Там же. С. 389.
- ⁷⁶⁹ Там же. С. 391.
- ⁷⁷⁰ Там же. С. 392, 393.
- ⁷⁷¹ См. например: *Fischer H.* An den Rändern der Wissenschaft. Über Hellmut Draws-Tychsen // Bruno Illius, Matthias Laubscher (Hg.). Circumpacifica. Festschrift für Thomas S. Bartel. Frankfurt a/M; idem. Völkerkunde in Hamburg 1833 bis 1945 // Eckart Krause, Ludwig Huber, Holger Fischer (Hg.). Hochschulalltag im «Dritten Reich». Die Hamburger Universität 1933 – 1945. Hamburger Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte. Hamburg, 1991; *Markus Mosen.* Der Koloniale Traum. Angewandte Ethnologie im Nationalsozialismus // Vundus Reihe Ethnologie. B. 44. Bonn, 1991; *Peter Linimayr.* Wiener Völkerkunde im Nationalsozialismus — Ansätze zu einer NS Wissenschaft // Europäische Hochschulschriften. Frankfurt a/M., Bern, New York, Paris; *Michel Ute.* Wilhelm Emil Mühlmann (1904 – 1988) — ein

- deutscher Professor. Amnesie und Amnestie: Zum Verhältnis von Ethnologie und Politik im Nationalsozialismus // Jahrbuch für Soziologiegeschichte. B. 2. Opladen, 1992; Conte E. Völkerkunde und Faschismus. Fragen an ein vernachlässigtes Kapitel deutsch — österreichischer Wissenschaftsgeschichte // F. Stadler (Hg.). Kontinuität und Bruch. Wissenschaftsgeschichte. Wien, München, 1988; Golczewski F. Köllner Universität und der Nationalsozialismus. Personengeschichte Ansätze // Studien zur Geschichte der Universität Köln. B. 8. Köln, Wien, 1988.
- 772 Fischer H. (Hg.). Ethnologie. Einführung und Überblick. Berlin, 1988.
- 773 Rudolph W. Ethnologie. Zur Standortbestimmung einer Wissenschaft. Tübingen, 1973.
- 774 Там же. С. 1 — 4.
- 775 Там же. С. 19 — 22.
- 776 Там же. С. 23 — 25, 35.
- 777 Там же. С. 39.
- 778 Там же. С. 40 — 45.
- 779 Там же. С. 168 — 174.
- 780 Там же. С. 174 — 181.
- 781 Там же. С. 189.
- 782 Jensen J. Rudolph W. Ethnologie. Zur Standortbestimmung einer Wissenschaft // Sociologus. Bd. 24, 1972. Heft 2.
- 783 Rudolph W. Ethnos und Kultur // Hans Fischer (Hg.). Ethnologie. Einführung und Überblick. Berlin, 1988. С. 40.
- 784 Jettmar K. Die Anthropologische Aussage der Ethnologie // Neue Anthropologie. Hg. von Hans Georg Gadamer, Paul Vogler. Bd. 4. Kulturanthropologie. Stuttgart, 1973.
- 785 Там же. С. 63.
- 786 Там же. С. 64 — 69.
- 787 Там же. С. 69 — 71.
- 788 Там же. С. 85.
- 789 Schott R. Aufgaben der deutschen Ethnologie heute // Schmied-Rowarzig K. und Stagl J. (Hg.). Grundfragen der Ethnologie. Berlin, 1981.
- 790 Там же. С. 39, 40.
- 791 Там же. С. 41.
- 792 Там же. С. 46 — 48.
- 793 Там же. С. 49 — 51.
- 794 Там же. С. 62.
- 795 Nowotny K. Die Krise der Völkerkunde // Z.f.E. Jg. 1980. Bd. 105.
- 796 Там же. С. 113, 114.

- ⁷⁹⁷ Там же. С. 115–120.
- ⁷⁹⁸ Dumacy A. Restloses Erkennen 2 Die Diskussion über den Strukturalismus des Claude Levi-Strauss in Frankreich. Berlin — München, 1972.
- ⁷⁹⁹ Jensen J. Der Gegenstand der Ethnologie und die Befassung mit komplexen Gesellschaften. Eine notwendige Klärung und ihre wissenschaftlichen Aufgaben // Z.f.E. Bd. 120, 1995.
- ⁸⁰⁰ Там же. С. 2,3, 4.
- ⁸⁰¹ Там же. С. 5.
- ⁸⁰² Там же. С. 11.
- ⁸⁰³ Fischer H. Anfänge, Abgrenzungen, Anwendungen. С. 33, 34.
- ⁸⁰⁴ Там же. С. 35.
- ⁸⁰⁵ Fischer H. Was ist Ethnologie? // Hans Fischer (Hg.). Einführung und Überblick. Dritte veränderte und erweiterte Auflage. Berlin, Hamburg, 1992.
- ⁸⁰⁶ Там же. С. 3, 4.
- ⁸⁰⁷ Там же. С. 5.
- ⁸⁰⁸ Там же. С. 7.
- ⁸⁰⁹ Fischer H. Ethnologie als Allerweltwissenschaft // Z.f.E. Bd. 114. Jg. 1989.
- ⁸¹⁰ Kohl K.-H. Die Wissenschaft vom kulturell fremden // München, 1993.
- ⁸¹¹ Там же. С. 12–16. См. также: Kohl K.-H. Abwehr und Verlangen. Zur Geschichte der Ethnologie. Frankfurt v/a M., 1987.
- ⁸¹² Vajda L. WiR-Gruppen und Fremdgruppen // Ausstellung — Begleitbuch des Freilichtmuseums Glantleiten. 1999.
- ⁸¹³ Schmied-Kowarzik W. / Stagl J. (Hg.). Grundfragen der Ethnologie. Beiträge zur gegenwärtigen Theorie — Diskussion. 1 Auflage — Berlin, 1981; 2 Auflage — Berlin, 1993.
- ⁸¹⁴ Eikelpasch R. Z.f.E. Bd. 106, Jg. 1981. С. 283 и след.
- ⁸¹⁵ Stagl J. Szientistische, hermeneutische und phänomenologische Grundlagen der Ethnologie // Grundlagen der Ethnologie...
- ⁸¹⁶ Там же. С. 16, 17.
- ⁸¹⁷ Там же. С. 18–22.
- ⁸¹⁸ Там же. С. 29–32.
- ⁸¹⁹ Там же. С. 48.
- ⁸²⁰ Vossen R. Ethnologie — wie lange noch eine Wissenschaft von Privatgelehrten? // Sociologus. Jg. 19. 1969. Heft 1.
- ⁸²¹ Там же. С. 1.
- ⁸²² Там же. С. 2–5.

- ⁸²³ Там же. С. 13.
- ⁸²⁴ *Spittler G.* Gibt es eine Entwicklungsethnologie? // Laubscher Mathias, Turner Bertram (Hg.). Systematische Völkerkunde. Völkerkundetagung 1991. München, 1994.
- ⁸²⁵ *Trimborn H.* (Hg.). Lehrbuch der Völkerkunde. 4 neu bearbeitete Auflage. Stuttgart, 1971.
- ⁸²⁶ *Marschall W.* // Tribus. Veröffentlichungen des Linden Museums. No 22. Stuttgart, 1973.
- ⁸²⁷ *Contag J.* Zur Methodik der deutschsprachigen Völkerkunde. Marburg, 1971. С. 40.
- ⁸²⁸ *Löffler L. G.* Tribus. No 24, 1975.
- ⁸²⁹ См. напр.: *Friedermütz-Laun A.* Der kulturhistorische Gedanke bei Adolf Bastian. Systematisierung und Darstellung der Theorie und Methode mit dem Versuch einer Bewertung des kulturhistorischen Gehaltes auf dieser Grundlage // Studien zur Kulturkunde. Bd. 27 V. Wiesbaden, 1970; *Wernhart K. R.* Einige Gedanken zum Kulturmodel in ethnohistorischer Sicht // Ethnologische Zeitschrift. Zürich. Jg. 1971, Heft 1. Zürich, 1971; *ero же.* Die Ethnohistorie und ihre Quellengattungen // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. 101. Wien, 1971; *ero же.* «Ethnosnotiz». Bemerkungen und Überlegungen zu einem Zentralbegriff der anthropologischen Disziplin in Wien // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. CIX, 1979; *Deltgen F.* Gibt es eine historische Ethnologie? // Festschrift zum 65 Geburtstag von Helmut Petri. Köln, Wien, 1973; *Jensen J.* Probleme historischer Rekonstruktion aufgrund oraler Tradition // Tribus. Bd. 22. Stuttgart, 1973; *Sterly J.* Völkerkunde als Geschichtswissenschaft // Festschrift zum 65 Geburtstag von Helmut Petri. Köln, Wien, 1973; *Hirschberg W.* Zur Frage «Kontinuität» und Quellensequenz in der Historischen Völkerkunde // Ethnologische Zeitschrift. Zürich. Jg. 1975, No 1; *ero же.* Das Dynamische Kulturbild in der Ethnohistorie // Wiener ethnohistorische Blätter. Heft 14. Wien, 1977.
- ⁸³⁰ *Haekel J.* Zum Problem der Korrelation prähistorischer und rezenten Kulturen // Wiener völkerkundliche Mitteilungen. Bd. 1, 1953. Heft 2; *ero же.* Über Zusammenarbeit der «anthropologischen Disziplinen» vom Standpunkt der Völkerkunde // Theorie und Praxis der Zusammenarbeit zwischen anthropologischen Disziplinen. Horn, 1961; *ero же.* Geleitwort zur Festschrift Walter Hirschberg // Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien.

- Bd. 99, 1969.
- ⁸³¹ *Koppers W.* Zusammenarbeit von Ethnologie und Prähistorie. Ein Beitrag zur Methode beider Wissenschaften // Z.f.E. Bd. 78. Jg. 1953. Heft 1; *еро же.* Grundsätzliches und geschichtliches zur ethnologischer Kulturkreislehre // Beiträge Österreichs zur Erforschung der Vergangenheit und Kulturgeschichte der Menschheit. Horn, 1959.
- ⁸³² *Hirschberg W.* Die Wiener Ethnohistorische Arbeitsrichtung in Rahmen der historischen Völkerkunde // Z.f.E. Bd. 108, Jg. 1983.
- ⁸³³ Там же. С. 7.
- ⁸³⁴ Там же. С. 8.
- ⁸³⁵ Там же. С. 12. См. также: *Hirschberg W.* Zur Frage «Kontinuität und Quellensequenz» in der historischen Völkerkunde // Ethnologische Zeitschrift Zürich. 19756 Bd. 1; *еро же.* Die Wiener Arbeitsgemeinschaft für afrikanische Kulturgeschichte (WAFAG) in den Jahren 1930-1932 // Wiener ethnologische Blätter. 1977, Heft 13; *еро же.* Das dynamische Kulturbild in der Ethnohistorie // Wiener ethnohistorische Blätter. 1977, Heft 14.
- ⁸³⁶ *Hirschberg W.* Ethnohistorische Arbeitsweise in Wien. Ein Beitrag zu ihrer Geschichte // Karl R. Wernhart (Hg.). Ethnohistorie und Kulturgeschichte. Aus Symposium «Historische Ethnologie heute» vom 25 – 27 März 1982 in Wien. Wien, Köln, Graz, Bolau, 1986.
- ⁸³⁷ Там же. С. 17.
- ⁸³⁸ Там же. С. 22 – 24.
- ⁸³⁹ Там же. С. 26, 27.
- ⁸⁴⁰ *Schmitz C.A.* Historische Völkerkunde. Frankfurt a/M., 1967.
- ⁸⁴¹ Там же. С. 1 – 5. См. также: *Kohler A.* Ethnohistorie und Geschichtswissenschaft — zur neueren Theoriediskussion in der Ethnologie. Ein Review-Artikel // Wiener Ethnohistorische Blätter. Heft 24, 1982.
- ⁸⁴² *Wernhart K. R.* Überlegungen zum Konzept einer Kulturgeschichte // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. CVIII. 1978. См. также *еро работы:* Zum Problem der Stadt- und Hochkultur in Vorderasien: ethnologische Marginalien // Anthropos. Bd. 63/64, 1968/69; *еро же.* The Shihuh of Northern Oman. A Contribution to Cultural Ecology // The Geographical Journal. Vol. 138. London, 1972; *еро же.* Theorie des öko-kulturellen Interaktionssystem // Anthropos. Bd. 69. Freiburg, 1974.
- ⁸⁴³ Там же. С. 169, 170.
- ⁸⁴⁴ Там же. С. 173 и след.

- ⁸⁴⁵ *Wernhart K. R.* Kulturgeschichte und Ethnohistorie als Strukturgeschichte // Grundfragen der Ethnologie. Beiträge zur gegenwärtigen Theorie — Diskussion. Berlin, 1980.
- ⁸⁴⁶ Там же. С. 233.
- ⁸⁴⁷ Там же. С. 234.
- ⁸⁴⁸ Там же. С. 235.
- ⁸⁴⁹ Там же. С. 238, 239.
- ⁸⁵⁰ *Wernhart K.* Ethnohistorie und Kulturgeschichte (Hg.). Wien, Köln, Graz, Bolau, 1986.
- ⁸⁵¹ Там же. С. 11, 12.
- ⁸⁵² Там же. С. 12.
- ⁸⁵³ Там же. С. 13.
- ⁸⁵⁴ *Köhler A.* Ethnohistorie und Geschichtswissenschaft — zur neuen Diskussion in der Ethnologie. Ein Review — Artikel // Wiener ethnohistorische Blätter. Heft 24, 1982.
- ⁸⁵⁵ *Müller K.* Grundzüge des ethnologischen Historismus // Schmied-Kowarzik, Stagl J. (Hg.). Grundfragen der Ethnologie. Beiträge zur gegenwärtigen Theorie Diskussion. Berlin, 1981. 2-е Auflage — Berlin, 1993.
- ⁸⁵⁶ Там же. С. 3, 4, 11.
- ⁸⁵⁷ *Haberland E.* Historische Ethnologie // Hans Fischer (Hg.). Ethnologie. Einführung und Überblick. Berlin, 1988. Второе издание: Berlin, 1992. См. также: Schriftenverzeichnis 1950 — 1988 // Paideuma. Bd. 35. 1989.
- ⁸⁵⁸ Там же. С. 287 — 291.
- ⁸⁵⁹ Там же. С. 292.
- ⁸⁶⁰ *Braukämpfer U.* Ethnology in West Germany Today // Royal Anthropological Institute News. Vol. 33. London, 1979; *ero же.* Gegenwärtige Situation der historischen Ethnologie in der Bundesrepublik Deutschland // Wernhart K. (Hg.). Historische Ethnologie heute. Horn — Wien, 1985.
- ⁸⁶¹ Та же точка зрения была несколько ранее высказана Клаусом Мюллером: *Müller K.* Grundzüge des ethnologischen Historismus // Schmied-Kowarzik W. und Stagl J. (Hg.). Grundfragen der Ethnologie. Berlin, 1981. С. 193 — 231.
- ⁸⁶² *Braukämpfer U.* Gegenwärtige Situation... С. 84 — 85.
- ⁸⁶³ Там же. С. 86 — 87, 90.
- ⁸⁶⁴ Там же. С. 93.
- ⁸⁶⁵ Там же. С. 107 — 109.
- ⁸⁶⁶ *Schlee G.* Historische Ethnologie // Thomas Schweizer, Margaret Schweizer und Waltraud Kokot (Hg.). Handbuch der Ethnologie. Berlin, 1993.
- ⁸⁶⁷ Там же. С. 441 — 444.
- ⁸⁶⁸ Там же. С. 454.

- ⁸⁶⁹ Значительный интерес к этносоциологии возник, начиная примерно с 70-х годов XX в. среди ряда советских этнологов, и сохраняется в наше время.
- ⁸⁷⁰ В связи с обсуждением соотношения этнологии и социологии в издании Университета им. Гумбольдта была опубликована работа Барбары Штрэнге об Альфреде Фиркандте: *Strenge B. Alfred Vierkandt (1867 – 1953) — von der Ethnologie zur Soziologie — sein Frühwerk «Naturvölker und Kulturvölker»* // Beiträge zur Geschichte der Humboldt — Universität zu Berlin. Nr. 28. Geschichte der Völkerkunde und Volkskunde an der Berliner Universität. Zur Aufbearbeitung des Wissenschaftserbes. Berlin, 1991. Можно назвать и еще некоторые работы: *Strecker I. A. Methodische Probleme der ethno — soziologischen Beobachtung und Beschreibung (Versuch einer Vorbereitung zur Feldforschung)*. Göttingen, 1969; *Rudolph W. Ethnologie, Geschichte, Soziologie* // Tauchmann K. (Hg.). Festschrift zum 65 Geburtstag von Helmut Petri. Köln, Wien, 1973; *ero же. Eine soziologische Nabelschau*. Sociologus. N.F. Volum 23, Heft 2, 1973; *Mühlmann W. E. Soziologie und Ethnologie: Zu ihrer wechselseitigen Korrektur* // Internationales Jahrbuch für interdisziplinäre Forschung. Bd. 2. Wissenschaft als interdisziplinäres Problem. Teil 2. Berlin, 1975; *ero же. Zwischen Trapani und Tahiti* // Soziologie und Ethnologie: Zur Interaktion zwischen zwei Disziplinen: Beiträge zu einem Symposium aus Anlaß des 80 Geburtstags von W. E. Mühlmann. Opladen, 1986; *Koenig R. Soziologie in Deutschland: Begründer, Verfechter, Verächter*. München, 1987; *ero же. Soziologie und Ethnologie* // Ethnologie als Sozialwissenschaft Opladen, 1984; *Goetze D. Ethnosozioologie (Studienskripten zur Soziologie. Nr. 123)*. Stuttgart, 1984; *Schweizer T. Die Sozialstruktur als Problem der ethnologischen Forschung* // Z.f.E. Bd. 117, Jg. 1992; *Dachendorf R. Der moderne soziale Konflikt*. Stuttgart, 1992.
- ⁸⁷¹ *Goetze D., Mühlfeld C. Ethnosozioologie*. Stuttgart, 1984.
- ⁸⁷² Там же. С. 7, 8.
- ⁸⁷³ *Rudolph W. Der kulturelle Relativismus. Kritische Analyse einer grundsatzfragen — Diskussion in der amerikanischen Anthropologie* // Forschungen zur Ethnologie und Sozialpsychologie. Bd. 6. Berlin, 1969.
- ⁸⁷⁴ Там же. С. 140, 141.
- ⁸⁷⁵ См. напр. рецензию: *Löffler G. Wolfgang Rudolph. Der kulturelle Relativismus* // Tribus. Nr. 18, August 1969. Stuttgart, 1969.

- 876 *Rudolph W.* Kulturkontakt und Akkulturation // Entwicklungspolitik. Jahrbuch und Lexikon. Stuttgart, Berlin, Mainz, 1966.
- 877 Там же. С. 1326.
- 878 Там же.
- 879 Там же. С. 1327.
- 880 Там же. С. 1328.
- 881 Там же. С. 126.
- 882 *Rudolph W.* Ethnologie, Geschichte, Soziologie // Festschrift zum 65 Geburtstag von Helmut Petri. Köln — Wien, 1973.
- 883 Там же. С. 414.
- 884 Там же. С. 418.
- 885 Там же. С. 426 — 430.
- 886 Там же. С. 432, 433.
- 887 *Rudolph W.* «So called Social Science» // Zeitschrift für Soziologie. Bd. 97. 1972. Heft 1.
- 888 Там же. С. 6, 7, 18.
- 889 *Rudolph W.* Ethnologie. Zur Standortbestimmung einer Wissenschaft (Das wissenschaftliche Abteilbuch. VIII /21). Tübingen, 1973.
- 890 *Jensen J. Rudolph Wolfgang.* Ethnologie. Zur Standortbestimmung einer Wissenschaft // Sociologus. N.F. Jg. 24. Heft 2.
- 891 *Löffler L.* Ethnologie. Zur Standortbestimmung... // Tribus. Veröffentlichungen des Linden — Museums. Nr. 24. Stuttgart. 1975.
- 892 *Rudolph W., Tschol P.* Systematische Anthropologie. München, 1977. С. 153, 154.
- 893 Там же. С. 156 — 161
- 894 Там же. С. 168.
- 895 Там же. С. 317.
- 896 *Rudolph W.* Zur Terminologie der postnumptialen Residenz // Z.f.E. Bd. 91. Heft 1, 1966.
- 897 *Schmied-Kowarzik W. W. Rudolph, P. Tschol.* Systematische Anthropologie // Z.f.E. 1978.
- 898 *Arndt N., Renner E., Weiße F.* Kritische Anmerkungen // Z.f.E. Bd. 105, Jg. 1980.
- 899 *Rudolph W.* Kultur, Psyche und Weltbild // Lehrbuch der Völkerkunde. Hg. von Hermann Trimborn. 4 Auflage. Stuttgart. 1971.
- 900 Там же. С. 54, 55.
- 901 Там же. С. 56.
- 902 Там же. С. 57.

- ⁹⁰³ *Rudolph W.* Evolutionismus kultureller. // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Hg. von Joachim Ritter. Bd. 2. Basel / Stuttgart, 1972.
- ⁹⁰⁴ *Rudolph W.* Der Untergang der Jukagiren. Eine Fallstudie zur Hypothese des «interethnischen Gefälles» // Sociologus. N.F. Jg. 22. 1972. Heft S.
- ⁹⁰⁵ Там же. С. 1, 2.
- ⁹⁰⁶ Там же. С. 19, 21 – 27.
- ⁹⁰⁷ *Gadamer H.-G. und Vogler P.* Neue Anthropologie. Bd. 4. Kulturanthropologie. Deutscher Taschenbuch Verlag. München. 1973.
- ⁹⁰⁸ См.: Tribus. 1974. Nr. 23.
- ⁹⁰⁹ *Stagl J.* Kulturanthropologie und Gesellschaft. München. 1974.
- ⁹¹⁰ *Girtler R.* Kulturanthropologie und Soziologie (Versuch einer Identifizierung) // Z.f.E. Bd. 102. Jg. 1977.
- ⁹¹¹ Там же. С. 1 – 3.
- ⁹¹² *Eickelpasch R.* Der Weltpluralismus als philosophisches und als ethnologisches Problem // Z.f.E. Bd. 97. Jg. 1972.
- ⁹¹³ Там же. С. 196.
- ⁹¹⁴ Там же. С. 201.
- ⁹¹⁵ Там же. С. 210.
- ⁹¹⁶ *Schlesier K. H.* Zum Weltbild einer neuen Kultur-anthropologie. Erkenntnis und Praxis: Die Rolle der Aktion Anthropology. Vier Beispiele // Z. F. E. Bd. 105. Jg. 1980.
- ⁹¹⁷ Там же. С. 32 – 35.
- ⁹¹⁸ *Dostal W.* Theorie des öko — kulturellen Interaktionssystem // Anthropos. Bd. 69. 1974. Heft s. C. 409 – 425.
- ⁹¹⁹ *Dostal W. und Reisinger L.* Ein Modell des öko-kulturellen Interaktionssystem // Z.f.E. Bd. 106. Jg. 1981.
- ⁹²⁰ Там же. С. 43, 44.
- ⁹²¹ *Schindler H.* Humanethnologie und Ethnologie // Z.f.E. Bd. 105. Jg. 1980.
- ⁹²² Там же. С. 67.
- ⁹²³ Там же.
- ⁹²⁴ *Lang H.* Systemanalyse und Systemtheorie in der Ethnologie // Z.f.E. Bd. 106. Jg. 1981.
- ⁹²⁵ Там же. С. 3 – 12.
- ⁹²⁶ Там же. С. 20.
- ⁹²⁷ *Bruck A.* Neue Überlegungen zum Konzept der Funktion // Z.f.E. Bd. 113. Jg. 1988. Heft 1 u. 2. С. 1 и след.
- ⁹²⁸ Там же. С. 6, 7, 17.
- ⁹²⁹ *Sellnow I.* Zur Rolle und Bedeutung psychologischen Theorien in der Ethnographie // Kultur und Ethnos. Zur

- Kritik der bürgerlichen Auffassungen über die Rolle der Kultur in Geschichte und Gesellschaft. Berlin, 1980.
- ⁹³⁰ *Пфедфер Г.* Антропология в ФРГ: возможности выбора // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. (Перепечатка и перевод из EASA. Newsletter. 7 May, 1992).
- ⁹³¹ Там же. С. 126.
- ⁹³² Там же.
- ⁹³³ Там же.
- ⁹³⁴ См. *Марков Г. Е.* Очерки истории немецкой науки о народах. Часть 1. Этнология. М., 1993. Две заключительные главы, а также предыдущие главы.
- ⁹³⁵ *Гингрих А.* Шаг из тени: современное состояние социальной антропологии в Австрии // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. 150 – 151. (Перепечатка и перевод из EASA Newsletter). December, 1991, 6. В Справочнике немецкоязычной этнологии за 1990 г. имя И. Хельблинга отсутствует.
- ⁹³⁶ Там же. С. 147.
- ⁹³⁷ Там же. С. 148.
- ⁹³⁸ Там же. С. 149.
- ⁹³⁹ *Wernhart K. R.* «Etnosnotiz». Bemerkungen und Überlegungen zu einem Zentralbegriff der anthropologischen Disziplin // Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. CXX. 1979.
- ⁹⁴⁰ Там же. С. 173.
- ⁹⁴¹ Там же. С. 177.
- ⁹⁴² *Rudolph W.* Ethnos und Kultur // Hans Fischer (Hg.). Ethnologie. Einführung und Überblick. Berlin, 1988.
- ⁹⁴³ Там же. С. 41.
- ⁹⁴⁴ Там же. С. 42.
- ⁹⁴⁵ Там же. С. 43.
- ⁹⁴⁶ Там же. С. 44.
- ⁹⁴⁷ Там же. С. 48.
- ⁹⁴⁸ Там же. С. 49, 50.
- ⁹⁴⁹ *Lang H.* Was ist der Gegenstand der Verwandtschaftsethnologie? // Z.f.E. Bd. 114. Jg. 1989.
- ⁹⁵⁰ Там же. С. 39, 42, 53.
- ⁹⁵¹ *Pfeffer G.* Zur Verwandtschaftsethnologie // Z.f.E. Bd. 117. Jg. 1992. С. 41 – 53.
- ⁹⁵² *Lang H.* Begriffe und Begründungen: eine Replik auf Pfeffers «Zur Verwandtschaftsethnologie» // Z.f.E. Bd. 117. Jg. 1992.
- ⁹⁵³ См. издания Overseas Development Institute. London.

- ⁹⁵⁴ *Röpke J.* Nationalökonomie und Ethnologie. Die ökonomische Theorie primitiver Gesellschaften in kritischer Sicht // Sociologus. N.F. Jg. 7 19. 1969. Heft 1.
- ⁹⁵⁵ *Krause G.* Methodenstreit und Perspektiven in der Wirtschaftsethnologie // Z.f.E. Bd. 109. Jg. 1984. Heft 1 und 2. С. 151 – 154.
- ⁹⁵⁶ *Ettmar K.* Sozio-kultureller Wandel und wirtschaftliche Entwicklung // Bochumer Schriften für Entwicklungsforschung und Entwicklungspolitik. Bd. 6. Kooperative Entwicklungshilfe. 1968.
- ⁹⁵⁷ Там же. С., 170 – 172.
- ⁹⁵⁸ *Johansen U.* Materielle oder materialisierte Kultur? // Bd. 117. Jg. 1992.
- ⁹⁵⁹ *Rudolph W.* Kurdistan — «Terra incognita» in der Völkerkunde // Umschau. 1959. Heft 20; ero же. Einige Hypothetische Ausführungen zur Kultur der Kurden // Sociologus. Bd. 9. Heft 2. 1959; ero же. Die Westiranische Kurden // Bustan — Österreichische Zeitschrift für Kultur, Politik und Wirtschaft der Islamischen Länder. Nr. 4, Wien, 1967, и другие.
- ⁹⁶⁰ *Rudolph W.* Eine Hypothetische Ausführung zur Kultur der Kurden. С.150 – 161.
- ⁹⁶¹ *Rudolph W.* Eine hypothetische Ausführung... С. 150 – 161.
- ⁹⁶² *Herzog R.* Nomadismus als Entwicklungsproblem. Bochumer Studien zur Entwicklungsforschung und Entwicklungspolitik. Bd. 5. Biefeld, 1969 // Z.f.E. Bd. 96. 1971.
- ⁹⁶³ *Vajda L.* Untersuchungen zur Geschichte der Hirtenkulturen // Veröffentlichungen des Ost-Europa Institutes München. Bd. 31. Wiesbaden, 1968.
- ⁹⁶⁴ *Kußmaul F.* Laszlo Vajda. Untersuchungen zur Geschichte der Hirtenkulturen // Tribus. Nr. 19. November, 1968.
- ⁹⁶⁵ *Hesse K.* Abstammung Weiderecht und Abgabe. Zum Problem der konsanguinal-politischen Organisation der Mongolen bis zum 17 Jahrhundert. Berlin, 1982.
- ⁹⁶⁶ *Glatzer B.* Nomaden von Charjistan. Aspekte der wirtschaftlichen, sozialen und politischen Organisation nomadischer Durrani-Paschtunen in Nordwestafghanistan. Wiesbaden, 1977.
- ⁹⁶⁷ *Paproth H-J.* Studien über das Bärenzeremoniell. Uppsala, 1976.
- ⁹⁶⁸ *Kusterer K.* Die Jagd im Leben der Völker Westsibirien. Frankfurt a/M.; Bern; New York; Paris. 1987.
- ⁹⁶⁹ *Kortt I. R.* Untersuchungen zur Erzähltradition der Enec (Jenissej-Samojeden) Veröffentlichungen des Finnisch-

- Ugrischen Seminars an der Universität München. Serie C. Bd. 6. München, 1977. Часть работ опубликованы И. Корт-том совместно с Ю. Симченко.
- 970 *Jettmar K.* mit Beiträgen von *Jones Schuyler* und *Max Kleimburg*. Die Religionen des Hindukusch. Berlin; Köln; Mainz. 1975.
- 971 *Nixdorf H.* und *Hauschild Th.* (Hg.). Europäische Ethnologie. Theorie und Methoden Diskussion in ethnologischer und volkskundlicher Sicht
- 972 *Vajda L.* Ruchlose und heidnische Dinge // *Explanations Fenno-Ugricae*. München, 1979; *ero же*. «Morbus Gallicus» und «Lignum Sacrum». Festschrift für Otto Zeries. Zur Methodologie des Humanismus // *Ethnologische Zeitschrift*. Zürich. Bd. 1. 1974.
- 973 *Trimborn H.* (Hg.). Lehrbuch der Völkerkunde. Virtue, neu bearbeitete Auflage. 13 Tafeln. 1 Karte. Stuttgart, 1971. (Dritte Auflage: *Adam L.* und *Trimborn H.* (Hg.). Lehrbuch der Völkerkunde. Stuttgart, 1958).
- 974 *Löffler L. G.* Trimborn Hermann (Hg.). Lehrbuch der Völkerkunde // *Z.f.E.* Bd. 98. Jg. 1973.
- 975 *Gadamer H. G.* und *Vogler P.* (Hg.). Neue Anthropologie. Bd. 4. Kulturanthropologie. München, 1973; *Bargatzky Th.* Einführung in die Anthropologie. 2-te Auflage. Hamburg, 1989.
- 976 *Koenig O.* Kultur und Verhaltensforschung // Deutscher Taschenbuch Verlag. München, 1970; *Gehlen A.* Anthropologische Forschung // Rowohlt's deutsche Enzyklopädie. 1 Auflage Hamburg, 1961, 2 Auflage Hamburg, 1970; *Hartfiel G.* (Hg.). Wörterbuch der Soziologie; *Hausmann R.*, *Batck G.* Handbuch der deutschsprachigen Ethnologie. Göttingen, 1990.
- 977 *Germer E.* Die Vorgeschichte der Gründung des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Ein Beitrag zur Geschichte der Ethnographie und des Museumswesen // *Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig*. Bd. XXVI. Berlin, 1969. C. 6, 33.
- 978 *Drost D.* Museum und Universität // *Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde zu Leipzig*. Heft 8. 1961. C. 6.
- 979 *Germer E.* Zur Entstehung des Staatlichen Museums für Völkerkunde in Dresden. Eine historische Episode und ihr Hintergrund // *Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Völkerkunde Dresden*. Bd. 34. 1973. C. 655 и след.
- 980 *Drost D.* Museen und Universität // *Mitteilungen Museum für Völkerkunde*. Leipzig. No 4. 1961. C. 7.

- ⁹⁸¹ *Hickel H.* Sammlung und Sendung. Die Brüdergemeinde gestern und heute. Berlin, 1967; *Germer E.* Völkerkundliche Museen in der Deutschen Demokratischen Republik // Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Völkerkunde. Dresden. Bd. 39. 1982.
- ⁹⁸² *Damm H.* Kanaka. Menschen der Südsee. Leipzig, 1959.
- ⁹⁸³ *Funke F. W.* Im Schatten des Utan. Auf den Spuren einstiger Kopffäger im Urwald Sumatra. Leipzig, 1958.
- ⁹⁸⁴ *Israel H.* Siegfried Wolf zum 65 Geburtstag // Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Völkerkunde. Dresden. Bd. 34. 1975. С. 1 – 5.
- ⁹⁸⁵ См. напр. его капитальный труд: *Kästner K.-P.* Historisch-ethnographische Klassifikation der Stämme des Ucuali-Beckens (Ost-Peru). Frankfurt a/M., 1992.
- ⁹⁸⁶ *König W.* Die Achal-Teke. Berlin, 1962, а также ряд статей по номадизму и другим проблемам этнологии.
- ⁹⁸⁷ *Stein L.* The Leipzig Museum of Ethnographie, its Legacies and Perspectives // Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde. Hamburg. N. F. Bd. 22, 1992.
- ⁹⁸⁸ *Völkerkunde für Jedermann.* Gotha. Leipzig 1967. 2-te Auflage. Намеченное третье издание книги не состоялось в ходе воссоединения Германии.
- ⁹⁸⁹ *Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart.* Beiträge zu einem Internationalen Nomadismus — Symposium am 11 und 12 Dezember 1975 im Museum für Völkerkunde zu Leipzig. Heft 33. Berlin, 1981.
- ⁹⁹⁰ *König W.* Die Achal-Teke. Berlin, 1962.
- ⁹⁹¹ *Stein L.* Die Sammar-Gerba. Beduinen in Übergang von Nomadismus zu Sesshaftigkeit. Berlin, 1967; его же. Wandervolk der Wüste. Leipzig, 1974; *Stein L. und Rusch W.* Die Oase Siwa. Leipzig, 1978; *Rusch W/ Stein L.* Siwa und die Aulad Ali. Berlin, 1988. И ряд других публикаций.
- ⁹⁹² *Seiwert W.-D.* Die Regibat. Zur politischen und sozialen Entwicklung eines nomadischen Ethnos in der Westsachara // Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Bd. XXXIII. 1981; *Schinkel H.-G.* Haltung, Zucht und Pflege des Viehs bei den Nomaden Ost- und Nordostafrikas. Berlin, 1970.
- ⁹⁹³ *Sellnow I.* Grundprinzipien der Urgeschichte. Berlin, 1961.
- ⁹⁹⁴ *Штробах Г., Вейнхольг Р., Вейссель Б., Зельнов И.* Некоторые проблемы этнографической науки в Германской Демократической Республике // Этнография в странах социализма. Очерк развития науки. М., 1975. С. 116 и след.

- ⁹⁹⁵ *Johansen U.* Die Ethnographie in DDR // Hans Fischer (Hg).
Ethnologie. Einführung und Überblick. Berlin, 1988.
- ⁹⁹⁶ Там же. С. 271.
- ⁹⁹⁷ Там же. С. 271.
- ⁹⁹⁸ Там же. С. 273.
- ⁹⁹⁹ Там же. С. 274, 275.
- ¹⁰⁰⁰ Там же. С. 277, 278.
- ¹⁰⁰¹ Там же. С. 279 – 290.
- ¹⁰⁰² Там же. С. 281.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Предисловие	5

ЧАСТЬ I

КАНУН И ПЕРВЫЕ ШАГИ НЕМЕЦКОЙ ЭТНОЛОГИИ 11

Глава 1 ОТ ПРЕДЫСТОРИИ К НАУКЕ	13
Глава 2 ЭПОХА БАСТИАНА И РАСЦВЕТ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ ...	22
Глава 3 ТОРЖЕСТВО ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ	33

ЧАСТЬ II

ПОИСКИ НОВЫХ ПУТЕЙ 43

Глава 4 КРИЗИС «ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ»	45
Глава 5 КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ВЛИЯНИЙ И ДИФФУЗИИ ..	49
Глава 6 КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. ЭПОХА ФРИДРИХА РАТЦЕЛЯ.....	52
Глава 7 КУЛЬТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ	68
Глава 8 КУЛЬТУРНЫЕ КРУГИ. ФРИТЦ ГРЕБНЕР	78
Глава 9 ВЕНСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА В. ШМИДТА	84
Глава 10 ПУТЬ К СОЦИОЛОГИЗМУ. Р. ТУРНВАЛЬД	90

ЧАСТЬ III**«ЗОЛОТЫЕ 20-е» И ГОДЫ ТЬМЫ 95**

Глава 11	
ЭТНОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН ...	97
Глава 12	
РАСЦВЕТ И УПАДОК НЕМЕЦКОЙ ЭТНОЛОГИИ.	
20-е – 30-е ГОДЫ	105
Глава 13	
ЭТНОЛОГИЯ В КОРИЧНЕВОЙ ПАУТИНЕ. НАЦИЗМ ...	111
Глава 14	
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА	118
Вильгельм Шмидт	118
Последователи Вильгельма Шмидта	134
Глава 15	
КУЛЬТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ	147
Лео Фробениус	147
Адольф Ензен	165
Хельмут Воленберг	167
Другие последователи Фробениуса	170
Глава 16	
ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ	
И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЯ	173
Рихард Турнвальд	176
Вильгельм Мюльман	202
Расовые проблемы в работах этнологов эпохи нацизма	218

ЧАСТЬ IV**ВРЕМЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ ЭТНОЛОГИИ.
1950–1960 годы 227**

Глава 17	
ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ И ЭТНОЛОГИЯ	230
Теоретическая мысль и научные направления	232
Проблемы историографии	236
Глава 18	
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ	
НАПРАВЛЕНИЯ	248
Венская католическая культурно-историческая школа	248
Историческое направление	257
Генрих Бауман	258
Глава 19	
КУЛЬТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ..	268
Глава 20	
ПУТЬ В КУЛЬТУРНУЮ АНТРОПОЛОГИЮ	280

Социология, этносоциология, функционализм	280
Функциональное направление	322
Культурная антропология	331
Глава 21	
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.	
ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	339
Религия	339
Проблемы хозяйства	340
Проблемы «развивающихся стран»	346
Общие работы	348
Эмпирические исследования. Коллективные публикации .	350
ЧАСТЬ V	
КОНЕЦ СТОЛЕТИЯ И ТЫСЯЧЕЛЕТЯ	355
Глава 22	
СИТУАЦИЯ В НАУКЕ	357
Глава 23	
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ЭТНОЛОГИИ	
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	360
Немецкие авторы об этнологии и нацизме	377
Глава 24	
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И НАПРАВЛЕНИЯ	
ИССЛЕДОВАНИЙ	393
Проблемы и дискуссии	393
«Историческое» направление	423
Наступление на традицию	440
Этнос, религия, номадизм и другие проблемы	467
Учебники	478
Учебные программы	479
Справочные издания	481
Глава 25	
ЭТНОГРАФИЯ (ЭТНОЛОГИЯ) В ГДР	482
Некоторые замечания:	
Кризис в этнологии, или ее процветание?	492
ПРИЛОЖЕНИЯ	494
Этнологические центры. Институты и семинары	494
Музеи этнологии (Völkerkunde)	495
Этнологические общества	496
Журналы и периодические издания	496
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	498
ПРИМЕЧАНИЯ	504

Учебное издание

Марков Геннадий Евгеньевич

НЕМЕЦКАЯ ЭТНОЛОГИЯ

Компьютерная верстка: Федоров К.

Корректоры: Кондратович Н., Майкова А.

ООО «Академический Проект»

Изд. лиц. № 04050 от 20.02.01.

111399, Москва, ул. Марتنеновская, 3, стр. 4

Санитарно-эпидемиологическое заключение

Департамента государственного

эпидемиологического надзора

№ 77.99.02.953.Д.0086.63.11.03 от 28.11.2003 г.

ООО «Трикта». 111399, Москва, ул. Мартененовская, 3, стр. 4

*По вопросам приобретения книги просим обращаться
в ООО «Трикта»:*

111399, Москва, ул. Мартененовская, 3, стр. 4

Тел.: (095) 305 3702; 305 6092; факс: 305 6088;

E-mail: aproject@ropnet.ru, aproject@ropnet.ru

www.aproject.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-093, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать 05.05.04. Формат 84×108/32.

Гарнитура Балтика. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 30,24.

Тираж 3000 экз. Заказ № 5567.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.